

Анатолий Куликов ТЯЖЁЛЫЕ ЗВЁЗДЫ

Отечество и отчество

Я родился 4 сентября 1946 года. Для кого-то это просто некое число в календаре, имеющее значение разве что для меня самого и моих близких. Но для людей того времени и факт моего появления на свет, и дата, и счастливое лицо моей матери имели особый смысл: это отец вернулся с войны!..

Когда много лет спустя, отчасти в шутку, а отчасти всерьез, я возьмусь за эскиз нашего фамильного герба, который мог бы отразить историю и дух моей большой семьи, первым я нарисую силуэт вздыбленной лошади. Это символ наших крестьянских корней. Символ энергии, которой всегда хватало и на тягловую, изо всех сил работу, и на тягу к свободе, и на движение вперед — постоянное, ровное, сильное. Очертания крепости подчеркивают не только прочность нашего дома, но и потребность всегда в него возвращаться — хоть с победами, хоть с бедой.

Стоило прожить жизнь, чтобы понять, как созидательна детская память. Тот дом, с которым связаны мои первые впечатления: саманный дом с мазаными, из той же глины, полами — казался мне большим и высоким. Но ровно шесть шагов в длину и шесть в ширину было в нем, когда закончилась моя юность.

Конечно, создавался этот герб не из тщеславия. Я далек от желания романтизировать или героизировать историю своего рода или приписывать ему несуществующие титулы и регалии. Знание своих корней всегда идет на пользу человеку. Понимаешь, что в череде сменяющихся друг друга поколений тебе самому отведена лишь мимолетная роль.

Вот уже полтора века мы — ставропольские крестьяне. Можно уверенно говорить о том, что мои предки появились в этих местах после 1861 года, когда было отменено крепостное право, а тысячи крестьян Полтавской, Черниговской и Воронежской губерний после обретения свободы были расселены на пустующих степных землях южной России. Расселены так, чтобы в соответствии с реформой императора Александра Второго обжечь тылы Кавказской линии.

Сама Кавказская линия, состоявшая из казачьих станиц и армейских гарнизонов, была достаточно укреплена и играла важную роль в противостоянии с горцами. Раскинувшиеся позади нее на сотни верст обширные степи — степи калмыков и ногайцев — мало кому могли показаться дружелюбными. Исторические хроники тех лет упоминают набеги степняков, кражу скота, моровые поветрия и скудость прилегавшей к озеру Маныч земли, где стойбища кочевников соседствовали с крестьянскими селами, а урожайный год почти всегда чередовался с голодным.

Село Митрофановское, откуда были родом мои отец и мать, по описанию инспектора народных училищ А. Твалчрелидзе (в книге «Ставропольская губерния») в конце XIX века насчитывало около 3000 жителей, 287 лошадей, 2875 голов крупного рогатого скота, 15 ветряных мельниц, 2 овчиннодельных завода, маслобойню, церковь в честь святого Митрофана и одного волостного фельдшера. Отсутствие каких-либо учебных заведений в селе автор объяснял бедностью и «индифферентным отношением» местных жителей к просвещению.

Мое пристальное внимание к истории этого села объясняется желанием определить место и время действия некоторых персонажей моей книги. К тому же, пока добросовестное исследование упомянутого мной Твалчрелидзе года четыре тому назад ни попало в мои руки, я мог только предполагать, где находятся истоки нашего рода. Понятно, что об Украине вспоминали в песнях и поговорках. Оттуда наш язык — причудливая смесь русского и украинского. Оттуда украинские фамилии моих предков. Из уст в уста передавались рассказы о зловещем «панстве» — о том, как грудным молоком крепостных крестьянок

помещики выкармливали борзых щенят на своих псарнях.

Здесь, на Ставрополье, эти рассказы превращались в предания, а переселенцы сами становились хозяевами, учились ценить самостоятельный и свободный труд.

Но странное чувство забытого родства я ощутил однажды, оказавшись во время военных учений в Черниговской области. На топографической карте, разложенной на штабном столе, я увидел вдруг знакомые мне названия — Митрофановское, Воздвиженское, Вознесенское. Будто двойники нынешних ставропольских сел, располагались эти черниговские села также неподалеку друг от друга и служили мне напоминанием: где-то здесь, совсем неподалеку, чуть больше века тому назад запрягли лошадей в телеги и начали путь на Северный Кавказ родоначальники моей фамилии.

Все мужчины в нашей семье, помимо крестьянских забот, знали и солдатский труд. Мой дед по отцу, Павел Андреевич Куликов, участвовал в русско-японской войне и умер от ран в пятигорском госпитале в 1915 году. Мой дедушка по матери, Гаврила Никитич Супрунов, служил в старой русской армии, в лейб-гвардии Семеновском полку. Был военным музыкантом: играл на кларнете.

Когда его еще только провожали на службу, в соседском дворе только-только училась ходить маленькая девочка. Все шутили: «Гаврила, гляди — твоя будущая жена... Подрастет, пока ты будешь служить в армии». Через 16 лет, когда он вернулся из Санкт-Петербурга, за изгородью шла по двору красивая молодая девушка. «Кто такая?», — спросил он удивленно. «Так это же Секлета, — засмеялись все вокруг, — твоя невеста! Ты что, забыл?..»

На самом деле вышло так, что они поженились. Эта Секлета и стала моей бабушкой. О ней мало кто помнит. Пожила она, к сожалению, недолго, но успела родить трех детей: Дмитрия, Марию — мою маму, и Георгия. Этот Георгий, которого все звали Егором, тоже получился отменным музыкантом. На пару со своим отцом, моим дедом, они играли: один на кларнете, другой на баяне — на всех деревенских праздниках. Солдатская судьба Егора Гавриловича сложилась трагически. 23 июня 1941 года у него родилась дочь Вера, моя двоюродная сестра. Он только и успел взглянуть на нее, а уже на следующий день отправился воевать. Был пехотинцем. Мой отец рассказывал, что в 1942 году случайно встретил Егора на марше, но в 1943 году он пропал без вести. Как раз в тот период, когда на Кавказе шли тяжелые бои под Туапсе.

Мой отец, Сергей Павлович Куликов, всю Великую Отечественную войну прошел рядовым солдатом. Служил водителем автотягача на одной из батарей 47-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригады. На самом переднем крае. Был дважды ранен в бою. Начал войну в 1941 году, а закончил в 1945 году, в Берлине.

* * *

Отцовская судьба — это судьба сильного, терпеливого и доброго человека.

Оставшись без отца десятилетним мальчиком (Павел Андреевич Куликов умер в Пятигорском госпитале военных инвалидов в 1915 году), он с детства был вынужден зарабатывать на жизнь собственными руками. Довольно рано — девятнадцати лет — женился на моей маме. В конце двадцатых или начале тридцатых годов окончил водительские курсы в станице Григорополисской и подался в Калмыкию, в батраки. Уже была семья: один за другим родились четверо сыновей — Тимофей, Федор, Мефодий, Василий. Мефодий умер еще в детстве, но тем не менее это была большая семья, которую нужно было кормить и одевать.

Кулаков в нашей семье не было. Скорее, по классификации тех лет, могли они считаться середняками. Обобранные в гражданскую войну и красными, и белыми, — мой дед Гаврила Никитич недобрим словом поминал какой-то «Жлобин отряд», — родители отца и мамы отдали в колхоз и лошадей, и сельхозинвентарь. Скоро выяснилось, что колхоз не в состоянии прокормить даже работающих в нем людей. Отец не стал ссориться с местными активистами, а рассудил так: в руках есть надежное шоферское ремесло, значит,

будет и заработок. В Калмыкии был спрос на водителей, а наемная, хоть и батрацкая, работа могла обеспечить семье и другим родственникам хоть какое-то существование. Приезжая на побывку, отец привозил продукты, зерно, материю, из которой шили одежду. Можно себе представить, насколько скромными были эти гостинцы, но даже они могли кому-то показаться богатством.

Больше всего раздражала независимость отца. Его вера в собственные силы. Хотя сам он никогда не позволял себе какой-либо конфронтации с властью, обид или открытого неповиновения.

Трудно сказать, что стало причиной доноса — зависть, либо ненависть, но отца вскоре арестовали и в 1936 году судили по политической статье — «за подрыв кооперативного движения». Обвинения были надуманными, но их хватило на очень суровый приговор — восемь лет лагерей с конфискацией имущества.

Из дома вынесли все, что представляло хоть какую-то ценность. Забрали даже тетради и карандаши моего старшего брата Федора, который в тот год только пошел в первый класс. Изъяли пустые конверты для писем. И в этом тоже ощущалась некая предопределенность родительских судеб: долгих восемь лет моя мама, оставшаяся с тремя детьми на руках (два подростка да Василий — грудной младенец), не получит никаких известий о своем муже.

Конечно, бедствовали. Конечно, страдали безмерно.

Сначала отца послали на строительство шоссе, соединяющего Москву с Минском. Следующий лагерь, в который его этапировали, находился уже в Азербайджане — в Нахичеванской АССР, где в то время строилась ветка железной дороги, идущая по советской территории вдоль границ с Турцией и Ираном.

Отец мало рассказывал о тех временах. Возможно, просто зачеркнул для себя эту часть жизни, либо боялся расправы за откровенность. Большинство людей, репрессированных в те годы, при освобождении давали подписку о неразглашении обстоятельств дела и условий содержания под стражей. И десятилетия спустя они крепко держали язык за зубами.

Знаю, что в заключении он работал водителем. Крутил баранку и ждал, когда закончится его лагерный срок.

Он завершился чуть раньше — в 1941 году. Завершился потому, что началась Великая Отечественная война.

От людей со схожими судьбами известно, что какая-то часть заключенных могла попасть на фронт. Пройдя через чистилище штрафного батальона и ранение, считавшееся «искуплением вины», эти солдаты получали прощение и в дальнейшем им никто не поминал прошлого. Такая возможность, действительно, существовала, но лишь немногим удалось дожить до спасительного ранения. Штрафная рота, как правило, посылалась на самый опасный участок. Зачастую — в атаку. Ясно, что через считанные минуты такая рота просто сгорала в огне боя. Выживали буквально единицы.

В какой-то степени можно назвать везением иной поворот отцовской судьбы. Он не попал в штрафную роту. Как шофер, в 1941 году он был срочно амнистирован в связи с нехваткой военных водителей и сразу же, за лагерными воротами, мобилизован в Действующую армию. Его боевой путь известен. Противотанковая артиллерийская батарея, особенно когда она выставлена на прямую наводку для отражения танковой атаки — это место для очень крепких духом людей. Там тоже, как и в пехоте, никто не живет за чужой счет...

Повторяя судьбу миллионов наших соотечественников, которых опалила беда несправедливого ареста, а потом и войны, отец сражался с трудностями и врагами честно. Судимость с него сняли после второго ранения.

В 1943 году отец по своим военным делам ненадолго оказался в Астрахани, в тыловых ремонтных мастерских. Пока чинили, я не знаю, пушки или автомобили его батареи, какой-то сердобольный офицер, зная, что рядовой Сергей Павлович Куликов не был дома восемь лет и ничего не знает о судьбе своих близких (ведь Ставропольский край был только что освобожден от оккупации), разрешил ему отлучиться на несколько суток. Дорога от

Астрахани до дома — триста с небольшим километров по фронтовым меркам, казалась недолгой.

Суток трое отец на перекладных добирался до родного села. Потерял в пути много времени. Сразу пошел к дому своего тестя, откуда забрали его в 36-м и где жила мама с моими старшими братьями.

Постучался в калитку. Мама ответила: «Кто там?»

Отец не узнал ее голос. Подумал, может быть, какие-то чужие люди живут в родном доме: ведь страшная война прокатилась по этим местам. Но идти все равно было некуда. День клонился к вечеру. Поэтому из-за калитки попросил: «Тетка, пусти меня переночевать. Мне негде остановиться».

Мама так же из-за калитки ему отвечает: «Я вас пустить не могу. Нам запрещено. Идите к председателю». Ясно, что время лихое. Мало ли кто ходит по дорогам. Поэтому сельские власти запретили пускать посторонних людей на постой.

Но отец — знает же, где щеколда, — уже калитку открывает, входит во двор. А мама с Васей, братом моим, на крылечке лежат: жаркое было лето. И надо же — не узнала она мужа. Видно, крепко изменили его облик и тюрьма, и война. Говорит: «Вы тут побудьте, пока я вам в пристройке постель приготовлю...»

Только отошла, отец наклонился и говорит: «Вася, сынок!» В последний раз его видел, когда тот был совсем маленький, а тут уже восьмилетний мальчишка.

Мама, когда услышала, закричала: «Ой, Боже мой, Сережа!..»

Отец ее успокаивает: «Тише! Тише!...» А мама моя, она ведь только и знает, что он был арестован и осужден, но не ведает, что случилось дальше: восемь лет не было писем, вдобавок их самих только что освободили из-под оккупации. И вот говорит отец: «Тише!» — а она испугалась. Спрашивает его: «А шо, ты сбиг?» Он засмеялся, сказал: «Да нет, я не сбежал. У меня сутки остались, мне нужно назад в часть возвращаться...»

И вот мать ему тогда рассказала, как они жили все это время без него, как было трудно.

Тот человек, что написал донос на отца в 36-м, и в оккупацию продолжал издеваться над его семьей. Мать с детьми за двадцать с лишним километров приносили с озера Маныч соль. Выпаривали из воды, сгребали, везли на тачке — как-то надо было жить... И вот этот человек их караулил, забирал соль и переворачивал тачку. Даже гитлеровцы так не издевались, как этот гад.

Отец потом этого человека встретил и, так скажем, крепко его потряс. Дал понять, что не простит ему ни доносов, ни издевательств, ни сотрудничества с оккупантами. В то время все это воспринималось куда острее. Наверное, отец за себя не ручался. Боялся, что рано или поздно просто убьет подлеца, если встретит его на улице.

А что потом? Опять тюрьма?..

Поэтому сразу после войны, когда отец окончательно вернулся домой, вся семья Куликовых перебралась в расположенный неподалеку поселок Айгурский. Там я и родился.

* * *

Одной из самых замечательных черт отцовского характера являлось его сострадание к любому бездомному, беспризорному человеку, какой только мог встретиться на его пути. В то время было много солдат, которые, вернувшись на родину после победы, не находили ни дома, ни близких. Бывало, что село разрушено, кто-то из родных погиб, а кого-то разметало по стране... Те, кому не на что и не на кого было надеяться, просто разворачивались на пепелище и брели куда глаза глядят.

Отец, устроившись на работу шофером, колесил на полуторке по всему Северному Кавказу и часто встречал таких вот неприкаянных людей. Одним легко одалживал деньги: «Когда-нибудь завезешь...», других уговаривал ехать с собой, чтобы те могли устроиться, ожить душой на новом месте. Сколько помню, всегда в нашем доме было многолюдно. Иногда по пять-шесть человек одновременно жили у нас месяцами, пока определялись на

работу в совхоз или строили временное жилье. Мама, указывая на отца, иногда даже шутила на украинском языке: «Дэ у чорта не визьмэ, всэ до дому тягнэ...» Но никогда не высказывала недовольства. Наверное, понимала, что в тюрьме или на войне кто-то также помогал ее мужу в трудную минуту.

Наоборот, всегда наши постояльцы были сыты и обстираны. Наверное, в крови у бывших переселенцев были взаимопомощь, гостеприимство, доброжелательность к любому путнику. Без этого на новом месте было просто не выжить. Помню, наезжавшие время от времени чабаны-даргинцы часто оставляли в нашем дворе и повозки, и лошадей. Пока они ходили по рынку, мама щедро рвала в саду целые корзины фруктов. Летом — сливы, абрикосы, вишни. Осенью — виноград. Эти даргинцы варили варенье, а от чистого сердца могли в следующий раз привезти барана. Не было в этом никакой денежной выгоды. Просто добрососедство.

Деревянные полы в доме делали уже на моей памяти, в начале шестидесятых годов. В наших местах лес, доски — дорогое удовольствие. Не каждый себе мог это позволить. И хотя отец работал сутки напролет и неплохо по тем временам зарабатывал, каждый рубль и каждый кусок хлеба доставались ему нелегко. Крестьянский уклад жизни, не терпящий праздности, был привычен и нам, детям. Никогда не помню маму спящей. Я встаю — она уже на ногах, ложусь — она еще работает. Ну ладно, я все же родился после войны. Уже было попроще. Вырос, что называется, при живом отце. А каково было ей, когда осталась она одна с тремя детьми? Работала в колхозе, потом поваром в районной больнице, чтобы кто-то из ребят хотя бы время от времени мог перехватить миску казенной каши...

Старшие мои братья росли, как полагается, настоящими деревенскими мальчишками военной поры. То снаряды откуда-нибудь притащат, то лошадь трофейную домой приведут. В безотцовщине каждый из них ковал свой характер, как того требовала улица и правила того времени. Василий после войны и вовсе убежал из дома с какой-то бродячей группой. Через два месяца его задержали под Харьковом, вернули домой в сопровождении милиционера и сдали отцу под расписку.

Каждому из своих братьев я благодарен, от каждого многому научился.

Родившийся самым последним (в 1946 году отцу был 41 год и 38 — маме), да еще после тех испытаний, которые выпали на долю моей семьи из-за отцовского ареста и войны, я, конечно, не мог не ощущать разницу в возрасте и в мировоззрении, которая была между мной и старшими братьями.

Родившийся в 1927 году, Тимофей даже успел принять участие в войне с Японией в 1945 году. Когда в 1944 году пришла повестка, мама отвела его в военкомат, располагавшийся в селе Дивное. Отступавшие год тому назад немцы взорвали мост через реку Калаус, и шуплому от недоедания Тимофею трудно была преодолеть ее вброд. Тогда мама взяла этого «защитника» Родины под мышку и так перенесла на противоположную сторону реки.

Тимофей отслужил в армии семь лет, а, вернувшись, до пенсии работал в милиции. Что много лет спустя давало основание другому моему брату, Федору, работавшему председателем колхоза, шутливо напоминать мне — офицеру, и Тимофею — старшине милиции, — что мы по сравнению с ним, народным кормильцем, обыкновенные бездельники.

Мы очень его любили и горевали, когда он умер.

Федор оставил о себе добрую славу в наших родных краях. Окончил сельскохозяйственный институт, работал председателем двух колхозов, был председателем райисполкома.

Но не его должности, а глубокая житейская мудрость, которой отличался Федор, делала его в наших глазах чрезвычайно авторитетным человеком. Лично я обязан ему очень многим: это он требовал от меня очень серьезно относиться к учебе и очень радовался моим успехам на этом поприще.

Василий продолжил отцовское дело: стал профессиональным водителем. Причем очень

квалифицированным. Когда бываю в Ставропольском крае, обязательно езжу только с ним.

И по возрасту Василий немножко ближе ко мне: все-таки разница между нами всего лишь в одиннадцать лет. Я рос у него на глазах, и по праву старшего брата именно он на первых порах был моим защитником. Помнит, как за братьями я донашивал старую обувь, как мастерил себе самодельные лыжи из сломанных бочек. Брал пару изогнутых досок. Подтачивал, где надо, ножичком и делал веревочные завязки. В 1957 году уже взрослый Василий с шоферского заработка купил мне настоящие магазинные лыжи.

Я — человек благодарный. У меня рука не поднялась выбросить эти лыжи, даже когда, будучи офицером, все время переезжал с места на место. Недавно я рассказал Василию, что храню его подарок по сей день. На него это произвело впечатление.

В этот круг — в круг самых близких для меня людей — входит и двоюродная сестра Вера. Та самая — дочь пропавшего без вести солдата Егора Супрунова, что родилась 23 июня 1941 года. Внучка достопамятной Секлеты, вышедшей замуж за веселого военного музыканта, моего деда по матери, Гаврилу Никитича.

Для меня она просто сестра. Добрая, внимательная, красивая женщина, сумевшая сохранить присущие нашему роду трудолюбие и настойчивость.

Уже после моей отставки с поста заместителя председателя правительства России и министра внутренних дел в марте 1998 года, когда, по принятым в нашем Отечестве правилам, на меня стали собирать компромат, в Ставропольский край вылетела группа компетентных в таком деле сотрудников. Перед ними стояла задача — отыскать в родных краях Куликова все движимое и недвижимое имущество, денежные счета и прочие финансовые активы, которые я теоретически мог бы укрывать на территории края.

Знаю, что, заглянув во двор к брату Тимофею и к сестре Вере, отправились восвояси. Ничего не нашли они там, кроме саманных хат моих близких родственников, родительских могил да крыльца, на котором стоял в 1943 году, приехав домой на сутки, мой битый следователями и лагерями отец.

Битый, но никем и ничем не сломленный.

* * *

Конечно, мое послевоенное детство не идет ни в какое сравнение с детством моих братьев. Хоть и нечасто, но мне мог перепасть кусок жмыха или макухи (прессованные семена подсолнечника и горчицы, остающиеся после отжима растительного масла), которые привозил из рейса отец. Такой кусок, завернутый в тряпку, обычно лежал у него за спинкой шоферского кресла.

Я не мог не чувствовать, что меня с отцом связывали какие-то особые отношения. Может, потому, что был я в семье самым младшим. А может быть, оттого, что мое появление на свет после того, что было пройдено отцом за последнее десятилетие, казалось ему неожиданной и последней радостью. Это был уже не просто ставропольский крестьянин Куликов, ездивший к калмыкам на заработки. Теперь он понимал, что такое лишения и смерть, он знал цену пайкового хлеба и цену человеческой жизни. Это был человек иного закала, для которого мое рождение означало настоящее — и это можно было потрогать руками — возвращение домой.

Нечто похожее было испытано и мной, когда в один из дней чеченской войны в генеральском вагончике я остался один на один со своими самыми тяжелыми мыслями. Шли кровопролитные бои. На моих глазах горели боевые машины и гибли люди. Совсем недалеко отсюда, в боевых порядках внутренних войск, воевал с бандитами мой сын, капитан Сергей Куликов. Такова человеческая природа: вольно-невольно, но часто думал о нем. Очень сильно переживал, потому что лучше, чем он, представлял опасности, которые могут встретиться нам на этой военной дороге. Не скрою, хотелось одного — собраться всей семьей за столом, открыть бутылку вина и понять: наконец мы снова все вместе! И это казалось несбыточным счастьем.

Подумал: «Будь ты проклята, эта война!..»

Если это и было на самом деле, то отец старался не выдавать своих чувств. Не делал различий между сыновьями. Любил всех. В каждом отличал свои достоинства и твердой рукой, правда, не пережимая, руководил нашей семьей. Лишь однажды, как мне кажется, он здорово испугался, почувствовав, что может оборваться вот эта ниточка, по-особому связывавшая нас.

В Айгурский из Сухуми приехал погостить мамин брат — Дмитрий Гаврилович Супрунов, которого мы все величали дядей Митей.

Много лет тому назад, еще до войны, вместе со своей женой Марфой он перебрался в Абхазию. На фронт он не попал из-за тяжелой болезни. Работал скромным бухгалтером в одной из строительных организаций.

Не имевший собственных детей, дядя Митя очень быстро со мной подружился. Предложил моим родителям: «В этом году Толику идти в первый класс. Важно, чтобы ребенок учился в городской школе. Пусть он останется в Сухуми. Поможет нам с Марфой, а заодно получит хорошее образование. У вас еще есть ребята, а у нас с женой — никого...» Отец отрезал: «Нет!» Насилу дядя Митя его уговорил, чтобы я с мамой, которая приходилась Дмитрию Гавриловичу родной сестрой, поехал в Сухуми на лето. Доводы были убедительными: «Толик будет купаться, а Маша подлечит сердце...»

Это наше путешествие в Абхазию закончилось тем, что дядя Митя все-таки упробил сестру хотя бы на один год оставить меня в Сухуми. Там я пошел в первый класс, а мама вернулась домой.

Вернувшийся из рейса отец сразу спросил: «Где Толик?» «Я его оставила у Дмитрия», — ответила мама. Отец сначала не поверил. Думал, что мама шутит. Но, видимо, предчувствие какой-то опасности подняло его на ноги. Он пошел искать меня. Заглядывал под кровати: «Толик, ты где?..» Выбежал во двор, звал меня: «Сынок, отзовись...» Когда наконец понял, что меня нет дома, вернулся в комнату и сказал маме грозным голосом: «Иди хоть пешком! Бери палку и иди за сыном!»

Насилу его отговорили.

Через год я вернулся домой. В последующем еще два или три раза предпринимались попытки вернуть меня в Абхазию, но отец всякий раз просто становился горой: «Пусть ездит на каникулах. Пусть помогает. Но я не хочу, чтобы сын уезжал из семьи!»

Много лет спустя он очень гордился, что у него, рядового солдата, сын стал офицером. «Мой сын уже капитан... Мой сын уже полковник... Мой сын уже генерал-майор...» — сообщал он друзьям всякий раз, когда меня повышали в звании.

* * *

Я рано сел за руль автомобиля. Еще тогда, когда мои ноги не доставали до педалей. Конечно, отец выжимал сцепление, газовал и переключал скорости, но по ровной степной дороге я вел грузовик самостоятельно. Позднее, лет в одиннадцать-двенадцать, я мог управиться с полуторкой и без его помощи.

Течение мальчишеского времени можно было измерять периодами, когда у отца, совхозного шофера, появлялась новая рабочая машина. Сначала это была полуторка, потом ГАЗ-51, ЗИС-150, УРАЛ-ЗИС. На фронте отец водил разные машины: лендлизовские «студебеккеры», «форды» и советский ЗИС-5. Вот этот — «зисовский» — грузовик он считал лучшей машиной Великой Отечественной войны.

Человек он был работающий и очень известный в округе. Во время уборки урожая вывозил от комбайна на элеватор по 90–100 тонн зерна. Далек не каждому это было по силам. «Теперь так не работают», — сказал мне однажды шофер Иван Соболев, который в те годы работал в комсомольско-молодежной бригаде, которую возглавлял на правах старшего и опытного товарища мой шестидесятилетний отец.

Крестьянский труд — тяжелый, надрывный. Но ни роптания, ни резкого слова не

слышали мы от отца даже тогда, когда, вернувшись из дальнего рейса, он получал новое задание. Приходил человек из конторы и сообщал: «Сергей Павлович, надо ехать!..» Мать собирала котомку с продуктами и отец молча уходил. Помню буранные, студеные зимы пятидесятых годов, когда начали вымерзать совхозные отары. Отец пропадал на работе неделями: возил корма через снежные заносы.

Вот эта отцовская безотказность казалась мне совершенно нормальной. Каждый из нас, мальчишек, очень быстро привыкал к тому, что страда — это время черноземной крестьянской отваги. От того, как ты вел себя во время сева и уборки, зависела репутация не только сельского работяги, но и сельского подростка. Напомню, что бывший генеральный секретарь ЦК КПСС и первый президент СССР Михаил Сергеевич Горбачев, выросший в одном из соседних районов — Красногвардейском, — будучи школьником, заслужил на уборке урожая орден Трудового Красного Знамени.

Освоившись за рулем отцовской машины, в 15–16 лет я уже возил зерно от комбайна на ток. Вся сложность состояла в том, чтобы уравнивать скорости машины и комбайна во время выгрузки зерна на ходу. Позднее мне могли поручить и более сложную работу — например, выгрузку силоса. Тут надо было довольно энергично действовать рычагами и педалями, чтобы тяжелую машину не потащило в силосную яму.

Я понимал, как тяжело приходится отцу. Ведь в страду работают и день, и ночь. Говорил: «Папа, ты вздремни пару часов, а я поработаю...» Отец уступал мне место за рулем, но спал, что называется, вполглаза, и то в кабине. Только позднее, убедившись, что я работаю уверенно, шел отдыхать уже на полевой стан.

Шоферская работа мне очень нравилась. Бывало, вместо отца я развозил грузы по фермам, и даже коробки с кинофильмами — по сельским клубам. Водительский навык и технические знания были настолько прочными, что буквально через год, когда я поступил в военное училище, меня просто-напросто отстранили от занятий по вождению. Преподаватель сказал, что ездить я и так умею и он не хочет тратить на меня золотое учебное время. Дескать, пусть учатся рулить те курсанты, которые вообще не имеют навыков. А водительские права мне выдали уже после первого курса.

Учился я на грузовиках, тогда как легковая машина, особенно личная, казалась мне невероятной роскошью. Да и не только мне: частных машин почти ни у кого не было. Правда, в начале пятидесятых годов один из братьев, Федор, приволок откуда-то пустую раму автомобиля «Победа» с документами. Целый год они с отцом колдовали над ней, собирали запчасти, но сделали машину как новенькую.

Приучая меня к автомобилю, отец искренне верил, что это ремесло обязательно пригодится мне, какими бы ни были мои собственные планы и надежды. Как когда-то в 30-е годы, в пору ухода из голодного колхоза, он, наверное, рассуждал, что эта работа даст мне верный заработок в жизни и сделает меня самостоятельным человеком. Часто брал с собой в дальние рейсы. Ездили мы с ним и на Черные Земли — в Калмыкию, и в горы.

Кажется, в один из таких рейсов он рассказал мне о том, как в Нахичевани, будучи заключенным, нечаянно задавил человека. Он работал на строительстве железной дороги, возил рельсы. В одном из азербайджанских сел какой-то мальчишка, чтобы покататься, из озорства, на ходу зацепился руками за рельсы между тягачом и прицепом. Но сорвался и попал под колеса прицепа. Машина, везущая рельсы, была такой тяжелой, что отец даже не заметил, что заднее колесо переехало упавшее тело. Выяснилось это, когда он прибыл на место разгрузки.

На следующий день вызвали в местную милицию.

Отец понимал, что ему, заключенному, могут только добавить срок. Человек он конченный, сидит «за политику». Кому охота разбираться? И был ошеломлен сообщением, что его не считают виноватым и не станут привлекать к ответственности за гибель азербайджанского мальчика. После этого он уверовал, что справедливость может улыбнуться даже самому бесправному. Что никогда не надо отчаиваться. Ведь вокруг много правдивых, добросовестных людей, которые могут придти на выручку даже в самую смертную минуту.

* * *

Так уж вышло, что осенью 1953 года в школу я пошел в Абхазии. В 1 «В» класс сухумской мужской школы № 2 имени А.С. Пушкина. До сих пор с благодарностью вспоминаю свою первую учительницу Вассу Ивановну Островскую.

Сухуми был городом многонациональным, поэтому среди моих товарищей и одноклассников, не делавших, правда, никаких различий по национальному признаку, были мингрелы, русские, абхазы, грузины, армяне, греки и даже прибалты. Во втором классе учился будущий политический лидер абхазов Владислав Ардзинба. Среди ребят постарше, пятиклассников или шестиклассников нашей мужской школы № 2, ловкими футбольными финтами отличался будущий народный артист СССР, замечательный тенор, солист Большого театра Зураб Соткилава. Позднее он станет мне другом. Таким же, как будущий корреспондент газеты «Комсомольская правда» Александр Кутателадзе, более известный как литератор Александр Потемкин.

В слово «будущий» я вкладываю особый смысл. Будущее делало нас равными, и на улице Бараташвили, в районе знаменитого обезьяньего питомника, все мои товарищи по детским играм, как правило, уступавшие мне должность командира, учились товариществу, отваге и великодушию. Ребята мы были, прямо скажем, подвижные. Многие носили рогатки. Легко дрались и легко мирились. Наши самодельные бомбы, шумные, но, впрочем, почти безопасные — могли рвануть в самый неподходящий момент у стены летнего кинотеатра или в многоголосом сухумском дворе.

Много лет спустя, будучи генералом, чьи войска, осыпаемые камнями и металлическими штырями, растаскивали в разные стороны участников многочисленных межнациональных конфликтов на Кавказе, я не раз вспоминал то время, что было прожито мной в Сухуми. Пытался понять, откуда взялось это ожесточение между людьми? Ведь часто это были мои ровесники. Возможно, даже товарищи по детской игре, которые во взрослых играх выбрали себе, к сожалению, неподходящих командиров...

Надо знать Кавказ, чтобы понять, как помогали здесь друг другу, когда надо было построить дом, сыграть свадьбу или, не дай Бог, проводить в последний путь умершего соседа. Русский — нерусский, какая разница?.. Дядю Митю, например, приобретшего за годы жизни в Абхазии прочный южный загар и кавказские усы, многие принимали за грузина. Обращались на грузинском языке. И он с достоинством отвечал им тоже по-грузински. Я видел, каким уважением светились глаза его невольных собеседников.

На той же улице Бараташвили, через дорогу, жила семья ветерана войны, которого мы называли дядей Мишей. Был он мингрелом по национальности. По-своему примечательный человек: привез с фронта и усыновил русского мальчишку, бывшего беспризорника. Считалось, что он является старшим братом для родных дяди Мишиных детей. Было их трое. За давностью лет не помню имена, но один из них — кажется, Авто, подглядывал через забор в тот день, когда я со своим закадычным другом Рудиком Грибергом (наполовину — эстонец, наполовину — латыш) пытался достать камнями выводок лягушек в старой известковой яме.

Один из брошенных мной камней, отрикошетив от забора, зацепил голову Авто. Пошла кровь. Перепугавшийся Рудик дернул меня за рукав: «Толик, чухаем в горы!..» Чухаем — это значит «уносим ноги». То, что «чухать» надо было не куда-нибудь, а «в горы», свидетельствовало, что за разбитую голову Авто с нас спустят три шкуры.

Поначалу я так и хотел поступить. Но потом вспомнил, как хорошо ко мне относилась мать Авто — тетя Графина, — и остался на месте. Все-таки я не чувствовал себя злоумышленником. Поэтому бросился искать подорожник, который в нашей мальчишеской среде считался самым действенным лекарственным средством при порезах и ссадинах.

Подорожник мы нашли, я лично прилепил его к ране Авто — и пошли признаваться в содеянном.

«Тетя Графина, ведь я не нарочно...» — потупился я, когда пришло время расплаты.

Ругали нас, конечно, очень сильно. Но я почувствовал, что прощен, когда в уголках глаз этой суровой, как мне тогда казалось, грузинки увидел отблески уважения. Как это бывало лишь тогда, когда мой дядя Митя по-грузински отвечал незнакомцам.

Это было важно: меня, мальчишку, уважали за смелость, за умение признать вину, за искренность...

Мое возвращение в Айгурский, где я начал учиться со второго класса, было овеяно дымкой романтики. Ведь я вернулся почти из путешествия. Видел море, встречался с далекими, а поэтому загадочными детьми, которые знали морские термины, ныряли ласточкой с пирса и носили звучные имена — Нодари, Автандил, Тариэл...

Я как мог поддерживал этот интерес к себе. Что было, в общем-то, нетрудно в нашем степном поселке, в самом, наверное, глухом, северо-восточном, углу Ставропольского края.

Помню, всем классом из-за какой-то инфекционной болезни мы попали в районную больницу в селе Дивном. Пространство было ограниченное, а времени было сколько угодно. Я рассказывал, что был капитаном большого корабля, который только что вернулся из Турции. Отчасти это было вольное изложение книг Жюль Верна, отчасти — собственные ощущения, приправленные отчаянным враньем.

Краем глаза я, конечно, наблюдал за реакцией одноклассников и не мог понять, почему они слушают меня с открытыми ртами. Ведь знают, что вру, а все равно верят.

Добрые, хорошие мои товарищи!.. Из одиннадцати нас осталось уже только восемь... Почти все после школы получили высшее образование. Стали учителями, как Валя Глущенко, Неля Козубова, Люда Соболева, врачами, как Саша Герасименко, связистами, как Света Жилина, высококлассными специалистами сельского хозяйства: Вася Антосевич, Саша Игнатов, Валя Дьяконова. Каждый из них пригодился на родной земле. Каждый живет достойно. В судьбе каждого немалое участие приняла наша учительница Вера Васильевна Фисенко, в то время молодая выпускница педагогического училища.

В пятидесятые и шестидесятые годы XX века в наших местах никакого «индифферентного отношения» к образованию уже не было. Все учились на совесть.

К сожалению, уже ушли из жизни Валера Барабаш, Петя и Валя Горновские.

Несколько лет тому назад, на встрече одноклассников, Неля Козубова рассмеялась: «Толик, ты помнишь, как рассказывал нам в больнице, что переплыл Черное море?..»

* * *

Общение с дядей Митей открыло для меня мир строгой религиозной жизни. Он был глубоко верующим человеком — православным христианином и всю свою жизнь посвятил служению Богу. Вместе с женой он уехал из Митрофановского еще в двадцатые годы. Может быть, опасался гонений за веру. Может быть, была какая-то другая веская причина. Так или иначе, но осели они в Абхазии. Сколько помню, был дядя Митя молитвенником и постником, чтил все православные праздники и бережно хранил большую библиотеку религиозных книг.

Мальчишкой я часто приезжал в Сухуми на летние каникулы. Учился у него ремеслам — столярному и слесарному, в которых дядя Митя изрядно преуспел. Помогал ему на горной пасеке, находившейся в пятидесяти километрах от города. А поскольку никакой другой литературы, кроме церковных книг, на пасеке не было, их я и читал в свободное время.

Затворничество в горах мне было не по душе. Хотелось в город — к друзьям, к морю.

Однажды не выдержал, попросил дядю отпустить меня в Сухуми хотя бы на неделю. А он то ли в шутку, то ли серьезно поставил мне условие: «Вот выучишь эту молитву, — показывает мне три листа из книги, — выучишь и поедешь...» Сказал это, не отрываясь от работы, видимо, в полной уверенности, что его задание покажется мне невыполнимым.

Проходит час, может, два. Я подхожу и сообщаю: «Готов!..» Дядя Митя даже головы не поднял, делал бочонок для меда, говорит: «Ну давай, рассказывай». Я без запинки

произношу молитву наизусть, но он этого не видит, думает, читаю с листа. Требуется: «А теперь закрой книжку и перескажи своими словами». А у меня нет никакой книжки. Он поднимает голову, видит это и кричит соседу: «Иван Григорьевич, иди скорее сюда!»

Прибегает встревоженный сосед: «Что случилось?» — «Ты помнишь, я ему сказал, чтобы он выучил молитву?» — «Да, помню», — соглашается Иван Григорьевич. — «Посмотри, а он уже все знает...» — «Не может этого быть! — сомневается сосед — Садись, рассказывай...» И я снова прочитал текст наизусть без единой ошибки. Эта история еще долгие годы приводила дядю Митю в восторг: «Ну и память у Толика!..»

Конечно, я был тут же отпущен к морю.

Память у меня, действительно, неплохая, но библейские сюжеты и колючие, ежевичные заросли церковнославянских букв в религиозных книгах в ту пору никак не занимали меня. Я тактично относился к дядиной вере, ничуть при этом не сомневаясь, что дядя Митя и моя мама искренне заблуждаются, когда молятся и уповают на призрачные небесные силы. Как пионер и комсомолец, я был непреклонен в своем атеизме. «Никакого Бога нет» — однажды сказал я маме довольно бесцеремонно.

Она не стала меня разубеждать. Только произнесла в ответ очень мудрые слова, которые запомнились мне на всю жизнь: «Сынок, никогда и никому не говори, что Бога нет. Ты можешь не молиться, можешь не креститься, можешь не ходить в церковь, но никогда не говори, что Бога нет... В душе ты все равно верь и надейся. Бог помогает тебе во всякую минуту. Придет день, когда ты сможешь это понять...»

Может быть, потому, что это были слова матери или оттого, что во мне, как во всяком человеке, хранится вековая память нашего христианского народа, я ощущаю это присутствие великой, чистой, непознаваемой силы, которую я называю Богом и в которую уже давно искренне верю.

Верю и в то, что и сам я храним этой силой. Как иначе объяснить, что, пройдя через многие испытания, я не опустил, не запил и не упал духом. Видно, мой ангел-хранитель был всегда рядом, не бросал в трудную минуту.

Говорят, что на войне неверующих людей не бывает.

В январе 1995 года, в Чечне, в самые трудные дни противостояния федеральных сил с боевиками незаконных вооруженных формирований, когда шли кровопролитные бои и даже мне, генералу, приходилось прорываться на БТРе сквозь огонь неприятельских гранатометчиков, со мной захотел встретиться священник Русской Православной Церкви. Видимо, невысокого духовного сана, щуплый, пожилой человек с усталым лицом.

Я охотно откликнулся на это пожелание. Думал, чего-нибудь попросит или станет за кого-то ходатайствовать. Оказалось, что нет. Держит в руках маленькую иконку и говорит: «Товарищ генерал, я принес вам икону святого мученика Анатолия. Хочу, чтобы носили ее с собой». Еще протянул он мне молитву на синей ленте с тиснеными золотыми буквами.

С благодарностью я принял из его рук икону, положил молитву во внутренний карман кителя и твердо пообещал: «Да, я буду носить эту молитву!» Вспомнил, что рассказывала и мама об этой молитве — «Живый в помощи», — которую зашивали в пояс, в одежду солдатам, уходящим на войну. Было такое чувство, что этот священник вовремя был послан ко мне. Как раз тогда, когда нужно было задуматься о своем месте на этой войне. Посреди крови и боли легко ожесточиться, опуститься до мщения. А мне было сказано: «Береги душу! Помни о душе!»

* * *

После окончания школы твердо решил поступать в военное училище. Честно говоря, все равно, в какое, лишь бы стать офицером. Тут как знак свыше. Сказали бы: «Будешь летчиком! Будешь танкистом!», немедленно бы согласился. И что удивительно, скорей всего преуспел бы в этих военных профессиях. Во всяком случае выучился бы не хуже других.

Военная служба была написана мне на роду. Однако призывнику, собирающемуся

стать курсантом, как-то несерьезно путаться в таком важном деле, как выбор военного училища.

Отправился в райцентр, в Дивное, чтобы посоветоваться в военкомате со знающими людьми.

Офицер положил передо мной листок бумаги: «На, выбирай!..» Это была разрядка — список военно-учебных заведений, где были готовы принять абитуриентов из Ставрополья. Впервые понял: и тут существует армейский порядок.

Взгляд сразу зацепился за строку «Орджоникидзевское училище МООП РСФСР имени С.М. Кирова».

Что означала загадочная аббревиатура «МООП РСФСР» я не знал, но отнесся к этим буквам с доверием. Если знают такое учебное заведение в военкомате, значит, оно как-то связано с армией, с военной службой. Написано же: «Офицер мотострелковых войск, срок обучения — три года, после окончания присваивается звание «лейтенант». Есть и гражданский диплом «юрист средней квалификации».

Это меня сразило окончательно: еще и юрист... Большого просто нельзя было пожелать. Тем более, что экзамены — сочинение, русский язык и литература, история — не представляли для меня никакого труда.

Майор из военкомата тоже не знал, как расшифровываются буквы «МООП РСФСР», но мы решили, что я разберусь в этом сам, когда поеду поступать.

Я прошел медкомиссию и был признан годным для учебы на офицера. Все необходимые документы были отосланы. Однако шло время, а вызова из училища не было. Многие из моих сверстников уже успели съездить в свои вузы и провалиться на экзаменах, а я каждый день встречал сельского почтальона. Как потом оказалось, экзамены в этом училище принимали по особому расписанию. В августе поступали военнослужащие — солдаты из армии, и только в сентябре — гражданская молодежь.

Но я об этом не знал и очень волновался.

Отец был в рейсе. Посоветовался с мамой: «Наверное, я поеду... Про меня там, наверное забыли...» Мама (она вообще была неграмотная, нигде никогда не училась, в отличие от отца, окончившего четыре класса церковно-приходской школы) только вздохнула: «Сынок, как считаешь нужным, так и поступай. Школу ты закончил. Наши с отцом полномочия закончились — истекли. Если поедешь, вот тебе пятьдесят рублей на дорогу...»

Надо сказать, что эта сумма по тем временам была немалая: на оставшиеся деньги я купил первые в своей жизни часы.

Город Орджоникидзе (Сейчас Владикавказ. — Авт.) — это столица Северной Осетии. Кажется, через двое суток был уже там. Разузнал дорогу и сел на трамвай. Заметил, что вместе со мной подъехали к воротам училища ребята в солдатской форме. Это были те военнослужащие, поступавшие в августе, в то время как я должен был приехать только через месяц.

Но в учебном отделе ко мне отнеслись в общем-то неплохо: «Вызов тебе пошел, — сказали мне. — С формальной точки зрения ты — законный абитуриент. Ну а если приехал раньше, будешь сдавать экзамены вместе с солдатской группой».

Заодно выяснил, что Орджоникидзевское училище готовит офицеров для внутренних войск, а непонятные буквы — «МООП» — означали его ведомственную принадлежность к Министерству охраны общественного порядка РСФСР.

Пошел сдавать. Солдатская группа приняла меня хорошо. Особенно когда выяснилось, что у меня в чемодане лежит внушительная кипа шпаргалок, которыми меня вооружили знакомые ребята в Ставропольском педагогическом институте. Это были сочинения по литературе. Мне они были не нужны: наша учительница Евдокия Иосифовна Палагота сумела дать нам хорошие знания, и я до сих пор помню наизусть огромные цитаты из Толстого, Гоголя и Тургенева, — но для солдат, которые за несколько лет службы не прикасались к школьным учебникам, мои шпаргалки пришлись весьма кстати.

После успешной сдачи экзаменов меня зачислили в училище. Когда начали подъезжать мои сверстники, я уже ходил в курсантской форме. Откуда они могли знать, что я — такой же бывший школьник, как и они? Что мне нет еще и семнадцати лет?

Первые дни побаивались. Особенно когда меня назначили дежурным по батальону на приемных курсах. По ночам эти гражданские ребята готовились к экзаменам и немного шумели. Но когда я заходил в казарму, слышал, как впереди меня бежала волна тревожного шепота: «Тихо, тихо, идет дежурный!...»

Когда экзамены закончились, я попал в курсантский батальон (тогда он назывался дивизионом), которым командовал подполковник Федор Степанович Измайлов. Умный, тактичный, волевой офицер, он пользовался среди нас непререкаемым авторитетом.

Насколько я помню, был он родом с Алтая, свою военную службу начал в 1942 году. В начале 50-х годов окончил наше Орджоникидзево училище, а за год до того, как возглавить наш курсантский батальон, — военный факультет Высшей школы КГБ СССР. И сегодня без всяких скидок могу сказать — это выдающийся воспитатель. В училище и на первых порах в войсках все выпускники Измайлова буквально копировали его педагогические приемы и его строгие командирские интонации. И не стеснялись в этом признаваться.

Много лет спустя мы попробовали подсчитать, сколько же генералов воспитал Федор Степанович, только будучи комбатом. Получилось, что около сорока. Только в нашем батальоне до генеральских звезд дослужились, если я не ошибаюсь, девять человек: генерал армии Анатолий Куликов, генерал-полковник Аркадий Баскаев, генерал-лейтенант Анатолий Пониделко, генерал-лейтенант Владимир Дмитрин, генерал-лейтенант Игорь Рубцов, генерал-лейтенант Хачим Шогенов, генерал-майор Анатолий Бобровник, генерал-майор Сергей Заботин, генерал-майор Владимир Мартыненко. Общий подсчет невозможен, так как полковник Измайлов до 1982 года служил заместителем начальника училища и возглавлял учебный отдел. Многие его воспитанники до генеральских высот еще просто не доросли. Но я уверен, что тысячи офицеров, которые окончили прославленное Владикавказское училище, еще не раз вспомнят Федора Степановича добрым словом. И когда придет пора по старой русской традиции опускать в стакан с водкой новые офицерские звездочки и боевые ордена. И когда нам, в свою очередь, придется передавать знания новым курсантам и офицерам. На таких полковниках, как Измайлов, держатся внутренние войска МВД России.

Курсантский батальон Измайлова отличался дружбой, взаимовыручкой и хорошими оценками по всем предметам. Мы забирали все первые места по училищу на спортивных соревнованиях, на соревнованиях по строевой подготовке и даже в конкурсах художественной самодеятельности. Не могло идти речи о каких-то поблажках и слабостях.

Мне, например, пришлось пропустить первые зимние каникулы, чтобы исправить двойку по физической подготовке. На первых порах мне тяжело давался подъем переворотом на перекладине. Надо было сделать пять-семь раз. У меня хватало сил на один или два.

Двойка по физподготовке — это значит, что в военном училище делать нечего. Поэтому домой я не поехал, а все каникулы провел в спортзале. Начал бегать, записался в секцию штангистов. Уже к концу первого курса у меня не было никаких проблем. Позднее стал кандидатом в мастера спорта по стрельбе, имел спортивные разряды по борьбе, тяжелой атлетике и преодолению полосы препятствий.

Все остальные предметы давались мне довольно легко.

Как-то в последний год учебы ко мне подошел курсовой офицер и предупредил: «Куликов, если все выпускные экзамены ты сдашь на «отлично», у тебя выйдет диплом с отличием». Я удивился, потому что никаких подсчетов не вел и не был зубрилой. Оказалось, что наши офицеры куда более внимательно, чем мы сами, следили за нашими успехами. К словам курсового офицера я отнесся очень серьезно.

Диплом с отличием много значил для молодого офицера. Во-первых, мне предоставлялась возможность по своему желанию выбрать место будущей службы. Во-вторых, он давал известные льготы при поступлении в Военную академию имени М.В.

Фрунзе — я бы поступал туда «по малому кругу». Две первые пятерки по профилирующим дисциплинам — тактике и боевой технике — освобождали меня от сдачи остальных экзаменов, в том числе по физике и математике, которые доставались мне несколько труднее. Я бы справился и с ними, но теперь у меня появилась возможность сконцентрировать направление главного удара на те экзамены, которые считались профилирующими и решали исход моего будущего поступления в академию.

Конечно, можно было махнуть рукой на «красный» диплом. В принципе мне было все равно, куда меня распределят после училища. Я был готов служить хоть в песках, хоть в тундре — лишь бы служить офицером. Одно только это считал настоящим счастьем. Рассчитывать на учебу в Академии имени Фрунзе я мог только в перспективе, и то при условии, что смогу за это время стать командиром отдельного взвода. Когда это произойдет, я не знал. После училища мы становились командирами обычных взводов, и могли пройти годы, прежде чем случится первое повышение по службе.

Тем не менее все выпускные экзамены в училище я сдал на пятерки и получил диплом с отличием.

С Колей Малышевым, моим другом, мы решили так: поедем служить в Ленинградское соединение (Теперь это Северо-Западный округ внутренних войск. — Авт.). Николай был родом из этих мест, из Новгорода, и рассчитывал, что его пошлют в родные края. Ему очень этого хотелось, и даже была, как помнится, какая-то веская причина. Мне было еще проще: будучи отличником, я имел право выбора.

На заседание распределительной мандатной комиссии, как это обычно бывает, вначале приглашаются те, кто окончил училище по первому разряду. Вызвали меня. На вопрос, где бы я хотел служить, ответил, как договаривались с Николаем: «В Ленинграде (Теперь Санкт-Петербург. — Авт.)». Вижу, члены комиссии согласно кивают головами: «Распределяетесь в Ленинград...»

Следом за мной зашел Николай. У него не было «красного» диплома, но он предполагал, что комиссия примет во внимание его просьбу. Оказалось, что нет. Вышел совершенно расстроенный: «Ты знаешь, в Ленинград больше мест нет...»

Конечно, я не мог оставить друга в беде. Стучу в дверь и прошу комиссию выслушать мое решение. Говорю: «Я отказываюсь от Ленинграда! Я хочу в Москву!..» Председатель комиссии смотрит на меня осуждающе: «Молодой человек, вы ведь только что...»

Как мог, объяснил ситуацию. Сказал, что если нет возможности ехать вместе с другом, то хотел бы уступить ему Ленинград. Сам готов служить, где угодно, но если право выбора еще остается за мной, то я называю Москву.

Знаю, что уже готовы мои проездные документы.

Пока дожидался своей участи в коридоре, слышал, как за дверью шумела комиссия. Немного погодя вышел очень строгий Измайлов и погрозил пальцем: «Мы так не договаривались!..» Но тем не менее меня вызвали во второй раз и огласили окончательное решение: «Вы имеете право выбора. Мы согласны: вы едете в Москву...»

К сожалению, так разошлись наши с Колей Малышевым военные пути. Встречались один раз, уже в то время, когда я был слушателем Академии имени Фрунзе, а Николай поступил на инженерно-технический факультет Высшей пожарно-технической школы. Как правило, я стараюсь не терять из виду своих однокашников, особенно тех, кого считаю друзьями, товарищами, соратниками. По Академии имени Фрунзе — это полковник Александр Иванов и умерший несколько лет тому назад полковник Владимир Ладейщиков. По Академии Генерального штаба — генералы и адмиралы Алексей Нефедов, Анатолий Ларин, Владимир Киселев, Николай Чуркин, Дмитрий Герасимов, Владимир Аверкиев, Владислав Щербак, Анатолий Макарычев, Бронислав Кузеньякин, Александр Альшевский, полковники Владимир Кривов и Валерий Бондаренко.

Некоторые мои однокашники по Орджоникидзевскому (Теперь Владикавказскому. — Авт.) училищу внутренних войск станут действующими лицами этой книги. И это не случайно. Нам всем выпало жить в непростое время. У нас схожие судьбы. С полковником

Анатолием Бобровником (позднее ему будет присвоено воинское звание «генерал-майор») мы станем участниками ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной электростанции. С Хачимом Шогеновым встретимся во время драматических событий в Кабардино-Балкарии. Комендантом Белого дома осенью 1993 года мной будет назначен генерал Аркадий Баскаев, а комендантом Чеченской Республики станет в 1996 году генерал Владимир Дмитрин. Заслуженную славу отважного боевого генерала приобретет в Ингушетии, в Северной Осетии и в Чечне генерал Игорь Рубцов. На генерала Анатолия Пониделко, ставшего начальником Главного управления внутренних дел Санкт-Петербурга и Ленинградской области я, будучи министром внутренних дел России, буду опираться во время проведения важнейшей операции против коррупционеров в милиции, которую мы назвали «Чистые руки».

* * *

Перед началом службы мне полагался короткий отпуск. Поехал на родину. 4 сентября отметили в домашнем кругу мое двадцатилетие. Отец не скрывал радости, говорил: «Вот мой сын! Окончил училище с отличием! Едет служить в Москву!»

«Служба в Москве» — так, как понимали ее мы, офицеры внутренних войск, не означала службу в самой столице. Это мог быть любой город, село, рабочий поселок, входивший в зону ответственности Московского соединения. Теперь оно называется более понятно: «Московский Краснознаменный округ внутренних войск МВД России». Говоря современным языком, я ехал служить в Московский округ ВВ и мог в конце концов оказаться где угодно: в Курске, в Рыбинске или в Смоленске.

Руководящий службой кадров Московского соединения подполковник Мальцев, от которого зависело наше распределение по частям (вместе со мной ехали лейтенанты Владимир Лукьянсков и Анатолий Марков), принял во внимание, что все мы были холостяками, а значит, не претендовали на квартиры. Хуже всего с жильем дело обстояло в Смоленске, поэтому мы поехали в Смоленский полк. Здесь история повторилась: нас распределили по подразделениям, которые отстояли друг от друга на десятки, а иногда и сотни километров друг от друга. Володю оставили в Смоленске командиром взвода связи при штабе полка. В Брянске оказался Анатолий. Меня же откомандировали в небольшой городок Рославль Смоленской области — командиром взвода в отдельно дислоцируемую роту.

Взвод — как взвод. Тридцать солдат и несколько сержантов. Армейская форма и отчасти однообразное течение жизни (боевая служба — через сутки) в некотором смысле унифицируют людей, равняют характеры. Но не настолько, чтобы не заметить, как разнятся между собой эти люди: добрые и злые, умные и не очень, ответственные и те, о которых говорят, что они без руля и без ветрил.

Известна банальность: «Армия — школа жизни». С этим согласится любой здравомыслящий человек, которому пришлось носить погоны. Причем не на кратковременных сборах, а серьезно, по-настоящему. Но так же верно и то, что хорошая армия — это прежде всего просто хорошая школа. Школа — в ее первоначальном значении, в которой, по словам поэта, учитель должен воспитать ученика, чтоб было у кого потом учиться.

Так поступал Измайлов. Испытанную методику взял на вооружение и я. Это означало, что учебные занятия с солдатами проводятся точно по расписанию, без оглядки на погоду и прочие обстоятельства и систематизированы так, чтобы, посеяв зерна, я мог рассчитывать на ежедневные всходы.

Позднее, будучи командиром полка и командиром дивизии, я старался как можно чаще присутствовать на взводных занятиях. Разумеется, мое расписание было составлено так, что в один и тот же взвод я мог попасть только через какое-то время. Чаще, когда это был полк. И гораздо реже, когда в моем подчинении находилась целая дивизия. Но старался появляться

неожиданно, чтобы меня не обманывали.

Контроль за учебным процессом во взводном звене являлся моей прямой обязанностью. В то же время это была хорошая возможность составить свое мнение о том или ином офицере. Умелый, знающий командир взвода благодаря тому, что на его занятиях побывал комдив, мог сразу попасть в резерв на выдвижение. Или, наоборот, разом потерять позиции, если занятие было проведено формально. Это жизнь. В ней многое значит воля случая. Но еще больше — постоянная готовность офицера выкладываться каждую минуту.

Свои занятия я готовил так, что мог не бояться внезапного появления любого из своих старших начальников. Как офицер, я готовил своих людей к бою. Я никогда в нем не был, но был уверен, что бой спросит с нас куда строже, чем самый суровый командир полка. Детально и творчески отработывались ситуации, которые могли возникнуть в ходе боевой службы: отражение нападения на караульное помещение и на часового, поиск вооруженных преступников, блокирование, переговоры, захват, освобождение заложников.

Мне нравилось наблюдать, как день ото дня меняются мои солдаты и сержанты. Чувствовалось, что они уверены в своих силах. Что многое у них получается. Что они на хорошем счету в роте и в батальоне.

Однажды вечером, когда служебные дела были закончены, заместитель командира роты старший лейтенант Николай Сидоркин пригласил меня в гости. Намечался какой-то семейный праздник. Я начал было отнекиваться — на восемь часов у меня было назначено свидание с девушкой, — но Николай проявил настойчивость. «Еще успеешь на свое свидание. В крайнем случае немного опоздаешь», — сказал он и решительно увлек меня за собой.

Я не догадывался, что все это произошло не случайно. Неподалеку от того дома, где квартировали Сидоркины, жила красивая, добрая и приветливая девушка Валентина. Время от времени она заходила к жене Николая, Полине, и настолько понравилась Сидоркиным, что у них созрел план познакомить Валю со мной. Все знали, что у лейтенанта Куликова никаких серьезных привязанностей не было, и надеялись, что мы друг другу понравимся.

Сцену случайного знакомства Сидоркины разыграли просто здорово.

Николай должен был пригласить меня, а Валю Полина заблаговременно попросила зайти под благовидным предлогом, что хочет показать ей какую-то «модную кофточку из Риги». В общем, все было сделано так тактично и аккуратно, что даже при самом неблагоприятном развитии событий ни Валя, ни Сидоркины, ни я не теряли лица.

Вот так мы и столкнулись. Я поглядываю на часы, чтобы не опоздать. Валя тоже торопится, кажется, на танцы. За ней должна зайти подруга. Но, видимо, какая-то искра уже успела пробежать между нами, поэтому Валю уговорили сесть за пианино; она окончила музыкальную школу, очень хорошо играет. Я, честно говоря, даже забыл, что куда-то собирался. Вижу в окно, что по улице спешит на встречу со мной та самая девушка, с которой у меня было назначено свидание. Вижу, а двинуться не могу: это как солнечный удар...

Влюбился сразу. И эта любовь прошла через всю нашу жизнь. Вот уже тридцать пять лет мы стараемся не расставаться ни на минуту.

Следующие четыре месяца, едва сменившись с наряда, я бежал на свидание с Валею. Это даже послужило поводом для шутки. На моем рабочем столе в роте, под стеклом, лежала фотография, где я с солдатами своего взвода был снят после каких-то учений. Надо сказать, что полевая офицерская форма, гимнастерки, каски и плащ-накидки почти не изменились с тех пор, как прошла война. Поэтому вид у нас был такой — фронтовой, образца 43-го года. Казалась старой и сама фотография: она была потрепана, вытерта на сгибах, как будто ее долго носили в кармане. То, что это наши, 60-е годы XX века, выдавали, разве что, автоматы Калашникова.

Мой друг, замполит роты старший лейтенант Василий Приваленко, конечно, тайком от меня, написал в углу фотографии: «Лейтенант Куликов в боях за улицу Советскую».

На Советской улице в Рославле жила Валя.

Через четыре месяца мы с ней поженились.

* * *

По-другому просто и быть не могло. Каждый из нас понимал, что, став семьей, мы просто выполнили некое предназначение. Нам было суждено найти друг друга, и стоило удивляться, что в цепи предшествующих событий не произошло никакого сбоя. Что в училище я уступил свое место Коле Малышеву и поэтому поехал в Москву. Что я попал в Смоленский полк. Что меня направили командовать взводом именно в Рославль.

Удивляла и схожесть некоторых деталей из жизни наших с Валей семей. Ее отец — Виктор Ефимович Николаев — тоже был репрессирован в 30-е годы по надуманному обвинению. Работал на железной дороге составителем поездов. Семь долгих лет провел в заключении и был освобожден в начале Великой Отечественной войны. Мама — Варвара Даниловна — трудилась санитаркой на «Скорой помощи» и так же, как моя мама, вместе с детьми бедствовала во время оккупации, терпела нужду и голод.

Старшие Валины брат и сестра погибли. Брат Александр умер еще в детстве, а сестру, Тамару, убило молнией в тот день, когда ей, выпускнице школы, только-только вручили аттестат зрелости.

Эти тяжелые испытания не надломили родителей жены. Сколько их помню, они всегда излучали добрую энергию, были доброжелательны и прямодушны. Многие годы они прожили вместе с нами. Нам с Валей, как говорится, довелось досматривать их в старости. Я был спокоен и за своих родителей: святую обязанность заботы о них в преклонные годы взял на себя мой старший брат Тимофей и его замечательная жена Груня. Я рад, что так, сообща, наш сыновний и дочерний долг мы выполнили перед ними сполна.

Валя выросла трудолюбивым, самостоятельным человеком. Успешно окончив музыкальную школу, она хотела выучиться на преподавателя музыки. К этому лежало сердце, и все, что для этого требовалось — так это только ежедневная, многочасовая игра на фортепиано. Без своего инструмента очень трудно преуспеть в музыке. Но средств на это в доме не было.

Чтобы собрать денег на собственное пианино, Валя вместе с отцом ходили по окрестным дворам: несколько месяцев подряд кололи, пилили и складывали в поленницы дрова.

В конце концов нужная сумма была собрана. Пианино купили, а Валина игра на фортепиано до сих пор вызывает в нашей семье подлинное восхищение.

Вот только из-за постоянных переездов это пианино (оно занимает добрую часть трехтонного контейнера) нам пришлось оставить на Ставрополье. Считалось, что мы передали его на длительное хранение и оно не единожды переходило из рук в руки.

Но все-таки не исчезало из поля нашего зрения. Дороги были уже не деньги, а память о Валиной юности, о том, как на пару с отцом они по несколько часов в день распиливали ручной пилой толстые стволы деревьев и без усталости махали топорами. В глазах наших детей это была легендарная история, и нам не хотелось, чтобы это старенькое пианино выбросили или отдали в чужие руки.

Последние обладатели инструмента считали его уже своей собственностью, и жена случайно узнала, что его собираются продавать. Валин голос дрожал, но я быстро ее успокоил: «Не волнуйся, мы заново купим твое пианино».

Действительно, купили. С оказией привезли в Москву и поручили его настройку хорошему мастеру.

Валя была счастлива. Иногда сядет, поиграет, ответит душу.

Я понимаю, как важно для нее вот это ощущение нашего надежного дома, где не забыт и по своему ценен каждый прожитый день. Ведь он не делится поровну, а дается нам целиком — один на двоих.

* * *

Офицерские семьи от всех остальных отличаются тем, что в них редко обижаются на занятость мужа, кормильца и отца. Это даже не обсуждается. Молодая жена очень скоро привыкает к тому, что интересы военной службы являются доминирующими, а временем, судьбой и даже жизнью ее мужа распоряжается не она, а командир и иное вышестоящее начальство.

Есть суточные наряды и проверки караула, занятия в поле и выезды в лагерь. Каждую минуту ее лейтенанта могут поднять по тревоге. Обязательно будут переезды из одного конца страны в другой (у нас их было девятнадцать), неустроенный быт, вечные временные схемы устройства детей в детские сады и школы.

Тяжелее всего то, что эта кочевая жизнь отнимает у офицерской жены возможность по-настоящему реализоваться в собственной профессии. Приходится довольствоваться временной работой, менять специальности, всякий раз заново обживаться на новом месте. Во время наших переездов с места на место Валя где только не работала: и бухгалтером в строительной организации, и музыкальным руководителем в детском саду, и даже гражданским служащим в Суворовском училище. Уверен: будь у нее такая возможность, она бы стала прекрасным педагогом. И я не могу не ощущать свою вину за то, что военная служба и забота о семье, в которой все без исключения мужчины (муж и двое сыновей) время от времени куда-нибудь убегают по тревоге, отняли у нее эту возможность.

Чтобы офицерская семья выдержала все неминуемые трудности, нужны любовь, терпение и даже самопожертвование. Я заметил, что на службе состоялись только те офицеры, чьи жены хорошо это понимали. И принимали походную жизнь как должное.

С улыбкой вспоминаю тот день, когда Валя, сшив новое платье, решила пройтись в нем по деревенской улице. Это естественное желание молодой и красивой женщины, у которой появился лишний повод для выхода в свет. Тем более, что платье она сделала собственными руками и просто, даже как автор, имела право на то, чтобы ее работа была оценена по достоинству.

Платье на самом деле было замечательное. Только-только родился Виктор, и Валя, гордо толкая перед собой коляску с младшим сыном, пошла вдоль улицы, которая, насколько я помню, была в этом поселке не только центральной, но и единственной.

Через какое-то время, гляжу, возвращается назад и горько-горько плачет: «Толик, ну что же это такое?! Пройшла всю улицу и ни одного — ни одного! — человека не встретила. Одни коровы...» И продолжает реветь, но сквозь слезы, чувствуя, уже смеется.

Через много лет, когда, будучи министром внутренних дел Российской Федерации, мне приходилось участвовать вместе с женой в протокольных мероприятиях, я не переставал удивляться, как естественно, как хорошо и непринужденно держится Валя в присутствии высшего руководства страны и глав зарубежных государств.

После того как я представил Валю президенту России, Б.Н. Ельцин не удержался от комплимента: «Вот, А.С., где-то прячете свою очаровательную супругу... Ни разу даже не показывали...»

* * *

Прилетев в апреле 1995 года из Чечни в короткий солдатский отпуск, я сразу же увидел ее на бетонке подмосковного военного аэродрома «Чкаловский». Позади были несколько месяцев разлуки, быть может, самых тяжелых в нашей жизни. Догадывался, как переживала она за нас с Сергеем. За Сережу — потому что его офицерская судьба обязывала находиться в окопах, а не при штабе. За меня — потому что должность командующего Объединенной группировки федеральных войск в Чеченской Республике, которую в конце января 1995 года я принял от генерала Квашнина, в сложившейся обстановке была опасна вдвойне. Точно так же я находился в боевых порядках передовых батальонов и рот, но теперь на мне еще лежал

груз ответственности за судьбы тысяч солдат и офицеров, принимавших участие в освобождении Чечни от незаконных вооруженных формирований.

Я обнял Валю и, оглядевшись по сторонам, с удивлением заметил, что нет моей служебной машины.

Поначалу не придавал этому значения. Могло быть и так, что водитель просто припарковал машину чуть поодаль — поделикатничал, чтобы не мешать нашей встрече. И теперь дожидается, пока Валя не подскажет мне дорогу.

Послушно иду за женой и только через какое-то время начинаю понимать, что ведет меня Валя к нашим собственным «Жигулям». И не к привычному для меня водительскому месту, а к соседнему, пассажирскому. Широко распахивает дверь: «Прошу!..»

Я все еще думаю, что меня разыгрывают. Ну, мало ли, привезли друзья, сейчас подойдут, и все разъяснится. Ведь сама Валя машину не водит. Когда-то, много лет тому назад, когда мы, назанимав денег, купили первый наш автомобиль — старенький «Москвич», — Валя изъявила желание попробовать себя в качестве шофера. Дорога была степная, ровная, и я без колебаний уступил ей место за рулем, предварительно объяснив, какие педали и в какой последовательности нажимать. Однако ее решительности хватило ненадолго. Первая же встречная машина так напугала Валю, что я был вынужден сказать ей со всей откровенностью: «Садись рядышком. Не обижайся, но за рулем тебе делать нечего...»

В общем, Валя смирилась с тем, что ее место в машине — это место впередсмотрящего, и вождению нигде не училась. Я это хорошо знал. Поэтому недоверчиво смотрю, как Валя заводит машину и собирается тронуться с места.

Пытаясь сохранять самообладание, тихо спрашиваю: «Ты что, шутишь? Собираешься везти командующего Объединенной группировкой, не умея водить машину?.. Не дай Бог, что случится, это же будет грандиозное ЧП! Да нас с тобой сейчас просто задержат на первом же посту милиции!..»

Валя улыбается: «Нет, я серьезно...», и я с удивлением замечаю, что за рулем жена чувствует себя очень уверенно: переключает скорости, ловко выкруливает со стоянки. Даже то, как она, разворачиваясь, краем глаза взглянула на зеркало заднего вида, выдавало в ней опытного водителя.

Оказывается, пока я воевал, она выучилась водить машину и получила водительские права. Вижу, вся так и светится от гордости, что удалось меня провести. Что я наконец дома.

Вижу цветочниц с охапками тюльпанов и роз. Говорю Вале: «Ну-ка, притормози!»

Как есть — в полевой генеральской форме — стараюсь выбрать самый чудесный букет. Цветочницы возле «Чкаловского», мимо которых из месяца в месяц, из года в год, течет бесконечный поток воюющих и отвоевавших мужчин, очень точно чувствуют, что у кого на душе. Понимают: у меня все хорошо. Перешучиваются. «Кому, — спрашивают, — товарищ генерал, собираетесь дарить цветы?» Я тоже смеюсь в ответ: «Да вон, — говорю, — любовница моя сидит в машине. Для нее и цветы. Если можно, то самые лучшие!»

Они мигом собрали замечательный букет. Кто посмелее, даже в машину заглянули как бы ненароком, чтобы рассмотреть сидевшую за рулем Валю и, кажется, остались довольны тем, что «любовница» у меня по всем статьям — подходящая!

Два года спустя — в мае 1997 года — вместе с Валею мы оказались в Иерусалиме. Я уже был министром внутренних дел, а протокол визита обязывал посетить Государство Израиль вместе с супругой.

Кроме переговоров и рабочих встреч, разумеется, было знакомство со страной и экскурсии по Иерусалиму. Программа визита предусматривала посещение Троицкого собора, находящегося на территории миссии Русской Православной Церкви Московского Патриархата.

Сопровождавшие нас священники — отец Феодосий и отец Марк, которым, наверное, пришлось встречать и провожать немало любопытствующих сановников, тем не менее, встретили нас очень сердечно, а наш разговор о представительстве Русской Православной

Церкви в Израиле, об особенностях монашеской жизни на Святой Земле не стал, что называется, дежурной беседой чиновников. Говорили тепло и откровенно. Мне рассказали, что в Троицком соборе венчаются многие россияне. Святым и великим является этот храм для каждого православного христианина.

Мы с Валей, разумеется, никогда не испытывали неловкости от того, что наш брак был когда-то зарегистрирован в простом советском загсе. Тогда, в середине 60-х годов, никто из нас не думал о венчании. В эпоху государственного атеизма воспринималось оно не более чем красивый церковный обряд. К тому же совершенно непозволительный для офицера — коммуниста, командира и воспитателя.

Я помнил мамин наказ и никогда ни прилюдно, ни наедине с собой не отрицал ни Бога, ни веры, хотя, будучи человеком своего времени, даже не задумывался о том, что венчание — этот очень важный обряд, соединяющий людей перед Богом не на время, а на вечные времена.

И тут, в Иерусалиме, я наконец понял, что это должно произойти и с нами. Обязательно здесь. Обязательно сегодня.

Спросил отца Феодосия: «Это возможно?», и увидел в его глазах доброе согласие. Конечно, никакого венчания с выездом за границу мы с Валей не планировали. Получилось все вроде бы по наитию, но меня не оставляет чувство, что это наше решение, как и давнее решение идти по жизни рука об руку, было правильным и освящено свыше.

Лепестки «Пиона»

Впервые же отпуск, который полагался мне по службе, мы с Валей поехали на Ставрополье. Хотелось показать ей наши места, родных и близких мне людей. Обрадованный нашим приездом отец без колебаний протянул мне ключи от своего «Москвича-405». В то время личный автомобиль был редкостью, и отец искренне гордился, что право на его приобретение получил в награду за производственные достижения.

Конечно, сразу же было решено, что я обязательно свожу Валю в Элисту, столицу Калмыкии. Этот большой по нашим меркам город располагается всего в 90 километрах от села Дивное, нашего районного центра. А быть может, сама судьба вела нас туда. Ведь одним из первых людей, встретившихся нам с Валей на улицах Элисты, был мой однокашник по училищу — калмык, старший лейтенант Сергей Мучеряев, выпущенный лейтенантом на год раньше меня. К тому же еще совсем недавно мы встречались с ним в Свердловской области, где он командовал взводом, а я, будучи курсантом, проходил стажировку.

Оказалось, что Сергей не случайно находится в Элисте: он перевелся сюда на службу в отдельный батальон, который только-только был сформирован. Если говорить точнее, кроме нескольких офицеров, батальон существовал пока только на бумаге. Его штаб размещался в здании дирекции кирпичного завода, и Сергей предложил мне встретиться с комбатом.

Офицеров в батальоне не хватало, многие должности оставались вакантными, в то время как пределом моих собственных мечтаний в то время была должность командира отдельного взвода — она давала возможность поступать в Академию имени Фрунзе.

Учиться мне хотелось. К тому же учеба в академии была непременным условием движения по служебной лестнице. Другое дело, как представлял я себе, будучи лейтенантом, эти заоблачные карьерные вершины... Самой высокой, почти недостижимой целью мне казалась должность командира полка где-нибудь в далеком будущем. Или, например, хотя бы должность комбата, которую мог заслужить я после долгих лет честной и беспорочной службы. Подобно подполковнику Николаю Ползикову, командиру того батальона, в который привел меня для знакомства Сергей Мучеряев.

Николай Федорович Ползиков, полагаясь на рекомендацию Сергея, сразу же предложил мне должность командира отдельного взвода и вызвался походатайствовать о моем переводе в Калмыкию. Тем более, что этот перевод не подразумевал для меня никаких

служебных поблажек и житейских удобств. Наоборот, предстояла интересная, но очень тяжелая и ответственная работа по формированию, размещению и слаживанию воинского коллектива. Именно поэтому Ползиков набирал в батальон молодых и энергичных офицеров, которые, по его мнению, могли справиться с этой задачей. И всячески способствовал их переводу в свой батальон.

После возвращения из отпуска я прослужил в Рославле немногим более двух месяцев. Командир Смоленского полка майор Драгунов, когда пришли документы о моем переводе, с некоторым сожалением сказал, что он сам имел на меня виды. Но, конечно, не возражает, если речь идет о назначении на должность, которая давала мне возможность поступать в академию. На прощанье пожелал удачи, и уже в начале июня 1968 года я приступил к выполнению новых для себя служебных обязанностей.

Отдельный взвод, который я принял, состоял из чуть более сорока молодых солдат, размещенных по причине отсутствия казармы в вагончиках и палатках. Это была работа, где нужно было на пустом месте как-то обустраивать солдатский быт и организовывать службу. Поэтому у любого командира отдельного взвода в таких условиях появлялось множество интересных с точки зрения военной профессии задач. Во-первых, это слаживание взвода, в котором волей судьбы оказались только солдаты-первогодки. Во-вторых, по-настоящему трудные условия этой службы, когда в твоей войсковой части еще нет ни казарм, ни учебных городков, ни бани, ни строевого плаца. Это жизнь и служба, начатая с чистого листа. И только от твоих собственных знаний, воли и труда зависит, станет ли весь батальон и твой взвод, в частности, по-настоящему боевым коллективом.

Само название — «отдельный взвод» — предполагает особую самостоятельность и ответственность его командира. Все, включая воспитательную и политическую работу — находится в его руках. Все подчинено его воле, и за все он в ответе. Без всяких скидок отвечает он за выполнение служебной задачи, за оружие, за каждую солдатскую жизнь. Я рад, что именно такая школа досталась мне в самом начале моей службы. Хотя сейчас мне кажутся смешными и наивными мои тогдашние мечты о том, что я обязательно отосплюсь, когда стану командиром роты...

Кажется, при такой жизни Вале, которая вскоре должна была родить нашего первого ребенка, лучше всего было оставаться в Рославле. Но я знал, что она очень переживала за меня, пока я осваивался на новом месте. Мы любим друг друга и очень скучаем, если даже ненадолго расстаемся. Поэтому вскоре она написала мне, чтобы я приехал и забрал ее в Калмыкию. Так мы и поступили в августе 1968 года. Я привез Валу 3 августа, а уже через неделю, 11 августа, в Элисте у нас родился сын Сергей.

Жилье, которое подыскало мне командование, представляло собой комнату в общежитии для так называемых «химиков» — людей, условно освобожденных из заключения. Понятно, что никаких особых удобств там не было. К тому же достался нам самый верхний этаж. Так что все дожди, проливавшиеся на этот дом, обязательно попадали и в нашу комнату. В некоторых местах вода капала, в других — лилась ручьями. Чтобы не промокнуть, поверх одеяла на железной армейской кровати расстилался большой кусок полиэтиленовой пленки, который выдерживал любые потоки воды. Точно такое же укрытие, в котором важную роль играла моя плащ-накидка, устраивали мы и над кроватью родившегося старшего сына. Я не исключаю, что именно это предопределило одну из лучших черт его характера — спокойное отношение ко всем передрыгам пехотной жизни. Палаточный быт офицера у него в крови, и нет таких неудобств, которые могли бы его удивить или вызвать его недовольство.

Конечно, в моих словах есть доля иронии, но следует признать, что все эти житейские проблемы вовсе не казались трудными и никоим образом не могли поколебать нашего с Валею счастья: вместе с Сережей мы становились настоящей, полноценной семьей, у которой было надежное будущее.

11 августа, когда, сдав дежурство по батальону, я приехал домой, Вали уже не было. Но комендантша из общежития была в курсе событий. Сообщила: «Вашу жену увезли в

роддом». Конечно, уже скоро я стоял под окном палаты, в которой находилась Валентина. Она успела бросить мне в форточку короткую записку: «Толик, миленький, я рожаю. К утру жди Сережку».

Но терпения у меня хватило только до девяти вечера.

На всякий случай позвонил в роддом. На другом конце провода сверились с какими-то записями и сказали: «У вас родился сын». Надо ли говорить, какие чувства были испытаны мной в эту минуту и в последующие часы, когда, совершенно счастливый, я бегал вокруг запертого на ночь роддома без всякой надежды попасть туда, где Валя уже, возможно, держала на руках моего сына. Сына! Товарищи мое состояние отлично понимали. Быстро собрали стол, налили вина в стаканы, поздравили. И как поздравили — качали, подбрасывая вверх! Любой мужчина, ставший отцом, помнит высокое чувство гордости, которое приходит в такое мгновение.

Это случилось в воскресенье, 11 августа, пришедшееся по советской традиции на один из многочисленных профессиональных праздников — День строителя. А на следующий день, в понедельник, я, начищенный и торжественный по поводу обретенного отцовства, отправился на службу. В том месте, где обычно останавливался автобус, развозивший офицеров, случайно встретил одного знакомого мне калмыка. Он сразу же заметил это мое новое состояние души: «Наверное, произошло что-то хорошее?» — предположил он. Я скрывать не стал: «Сын родился. На День строителя подгадал. Наверное, — пошутил я, — будет строителем».

Этот калмык, человек пожилой, конечно, поздравил меня, но на прощанье сказал загадочную фразу: «Хорошее имя, хорошее...» Он, наверное, подумал, что своего Серегу я назову Строителем, как это было в традиции некоторых народов СССР, которым пришлось по душе звучные слова новой эпохи — Инженер, Пионер или, например, Госбанк. Возможно, он решил, что я поступлю точно так же.

Второй сын — Виктор — родился 25 февраля 1975 года, когда уже после окончания Академии им. Фрунзе я служил комбатом в поселке Южном под Волгодонском. До районного центра, где был роддом, напрямую было всего двенадцать километров. Однако эта дорога, тянувшаяся вдоль рисовых чеков, зимой раскисала так, что и трактор преодолевал ее с трудом. Если ехать в объезд, то получалось уже километров шестьдесят, и, посоветовавшись с Валею, я принял решение не рисковать понапрасну. Рожать она поехала в Рославль, на родину.

Настроение у Вали было такое: «Хорошо, если бы родилась дочка...» Я, конечно, всячески с ней соглашался, хотя почему-то был уверен, что родится все-таки сын. Поэтому я ничуть не удивился, когда в самую отдаленную роту нашего батальона, где я находился в командировке, пришла кодограмма от начальника штаба с этим известием. Утопая в зимней деревенской грязи, которая едва не заливалась в голенища сапог, отправился на почту. Дал короткую телеграмму, текст которой отчасти напоминал те пророческие слова жены, которые однажды она написала в записке, выброшенной из окна родильного дома в Элисте: «Валюша, милая, спасибо за сына. Не волнуйся — следующей будет дочь».

Все наши слова и желания сбудутся именно так, как мы и загадывали. В 1981 году, уже в Белоруссии, у нас родится Наташа.

Говоря о наших детях — я всегда испытываю чувство гордости. И вовсе не потому, что они являются моим продолжением и носят мою фамилию. Они уже состоялись как личности. Каждый из них идет по жизни самостоятельно. Собственным трудом, упорством, умом добиваясь на службе и в учении прочных позиций и уважение товарищей.

Когда случается так, что все дети собираются дома вместе и мы садимся за стол, я могу вспомнить почти каждый день их жизни.

* * *

Сыновья... Оба офицеры. Сегодня Сергей — полковник, а Виктор — старший

лейтенант. Наша кочевая жизнь и детство, проведенное в гарнизонных военных городках, предопределило их собственную судьбу. Еще в школе на вопрос учительницы: «Как ходят гуси?», Сергей уверенно отвечал: «Строевым шагом!»

Они быстро приобрели солдатские навыки. Вместе с моими солдатами они дневали и ночевали на полигоне, стреляли из всех видов оружия, будучи пятиклассниками, метали боевые гранаты.

Точно так же, как обучал этому солдат, я учил сыновей, как правильно взять гранату, как выдернуть чеку, как произвести бросок, чтобы разорвавшаяся граната не покалечила тех, кто находится рядом. В принципе это обычное обучение солдатскому ремеслу, но я-то знал, что подобное испытание очень много значит для человека.

При всей своей занятости я внимательно следил за тем, как растут и учатся сыновья. Разумеется, без всяких сомнений я присоединялся к ним, когда надо было смастерить ракету или бомбу или разгромить из рогатки армию бумажных солдат. Но за проступки наказывал строго. Особенно не прощал обмана. Учил постоять за себя. Однажды, когда мы с Сергеем, занимаясь физической подготовкой, висели на турнике вниз головами, из его кармана выкатилась мелкая монета. Я знал, что на школьный обед ему были выданы больше денег. Поинтересовался, где они. Выяснилось, что у Сергея их отняла компания ребят постарше — те, кто тряс мелочь у малышей и слыл хулиганами.

«Значит так, — сказал я Сергею, — разбираться я не буду. Все сделаешь сам. Из этой команды ты выбираешь самого здорового, подходишь и бьешь прямо в нос...»

Не знаю, так ли он поступил, но больше у него никто ничего не отнимал.

Не удивительно, что Сергей, подрастая, уже и не мыслил себе иной судьбы, кроме как судьбы офицерской. После восьмого класса поступил в Минское Суворовское училище, потом — в Высшее общевоинское командное училище в Петродворце. Он — человек абсолютно пехотного склада. Боец. Настоящий командир своим солдатам. Мне нравится, что так же решительно, как он это делает на службе, Сергей строит и свою личную жизнь.

Переходя с третьего на четвертый курс высшего военного училища, он высказал мне, тогда служившему в Минске командиром дивизии, свое желание жениться на знакомой девушке. На это я ему честно ответил: «Сережа, сейчас твоя женитьба не ко времени. Я поступаю в Академию Генштаба, предстоит переезд. Еще не знаю, где и как мы будем жить в Москве. Было бы лучше, если бы твоя свадьба состоялась через год, когда ты окончишь учебу».

Тогда он со мной согласился. Но в том, что его намерения были серьезными, я убедился, узнав, что он тайком выпытывал у Вали, не пожелтеет ли за год уже купленное свадебное платье.

Но, видно, любовь и молодость взяли свое. В сентябре, как только я освоился в Москве в качестве слушателя Академии Генерального штаба, от Сергея пришло письмо: «Дорогие родители, умоляю, пожалуйста, разрешите мне жениться!»

Валя, когда я пришел с занятий, с улыбкой мне это письмо протянула. Я прочитал и сказал: «Хорошо, давайте соберем семейный совет. Будем решать, что делать: разрешить или не разрешить. Как решит совет, так и поступим».

Собрались. Виктор высказался однозначно: «Конечно, разрешить». Семилетняя Наташа тоже за Сергея заступает: «Все женятся. И он пусть женится...» Тут мы с Валей наконец рассмеялись, и я прямо на письме красным фломастером размашисто нанес свою отцовскую резолюцию «РАЗРЕШАЮ!» и расписался. В тот же день письмо мы отослали обратно. А вскоре поехали на свадьбу в Ленинград. Итогом этих событий стала крепкая Сережина семья, рождение моей внучки.

После окончания училища Сергей получил назначение в Германию и за очень короткое время сделал там вполне приличную карьеру, дослужившись за четыре года от командира взвода до начальника штаба батальона. Ведомства у нас с ним были разные: у него — Министерство обороны, у меня — Министерство внутренних дел. Так что никто не может упрекнуть меня в том, что я каким-либо образом содействовал успешной службе Сергея в его

армейской мотострелковой части. Всего он добился сам. А его военная судьба в полной мере повторяла судьбу самих Вооруженных Сил СССР и России, включая все мыслимые и немыслимые сложности, которые только могли ожидать офицера в период распада страны.

Вернувшись из Германии, он сам попросился служить во Владикавказ, решив для себя, что он обязательно должен быть там, где труднее всего. Сергей только одного не ожидал, что во Владикавказе его, начальника штаба мотострелкового батальона, будут назначать в наряд дежурным по контрольно-пропускному пункту. Дивизия, где он служил, как и все Вооруженные Силы, в то время переживала не самые лучшие времена.

За этим занятием я и застал Сергея, когда, будучи командующим внутренними войсками, приехал во Владикавказ проверять нашу войсковую оперативную группировку. Ее штаб находился на территории военного городка Министерства обороны, где служил мой сын. Сели, поговорили. Сергей честно высказал все свои обиды: «Папа, ты, конечно, меня извини, но я не для того учился, чтобы открывать ворота. Это работа для рядового солдата, а не для кадрового офицера». То есть он дал мне понять, что собирается переменить судьбу.

Я не стал его переубеждать. Спросил только, чем он намерен заниматься в будущем. «Думаю, бизнесом», — ответил сын. «Ну хорошо, бизнесом... Будь по-твоему», — согласился я и воздержался от каких бы то ни было родительских советов. Взрослый сын принял решение. Нравится оно мне или нет, но я должен отнестись к нему с уважением. В конце концов сама жизнь расставит все по своим местам. Я был спокоен хотя бы потому, что вырастил умного, трудолюбивого, волевого человека, который никогда не станет жить за чужой счет и никому не даст себя в обиду.

Вскоре Сергей уволился из армии и отправился пробовать свои силы на ниве свободного предпринимательства.

Прошло месяца три, прежде чем мы увиделись с ним снова: Сергей приехал в Москву на мой день рождения.

Опять сели друг против друга. Теперь я был вправе потребовать отчета: «Давай, рассказывай, каких успехов добился в бизнесе? Какие планы строишь на будущее?»

Сергей подробно рассказал о том, как складываются у него дела. Не ныл, не жаловался на трудности. Наоборот, говорил с воодушевлением человека, который не жалеет о принятом решении и даже имеет какие-то виды на успех. Но я — человек прямой, и свое мнение по поводу этих занятий скрывать от сына не стал: «Сергея, — сказал я ему, — твое воинское звание — капитан. Но, как мне кажется, в бизнесе ты даже на унтер-офицера не тянешь... Даю тебе месяц сроку, чтобы ты обдумал мое предложение. Я готов взять тебя во внутренние войска, но, извини, только на должность, соответствующую твоей подготовке».

Видимо, мои зерна упали на подготовленную почву. Здесь, в Москве, Сергей увиделся со своими сверстниками: кто-то из них уже поступил в академию, кто-то получил очередное звание или более высокую должность. Товарищи продолжали служить, все их разговоры так или иначе касались военной службы и офицерских забот, к которым сам Сергей, получается, уже не имел никакого отношения.

Вроде как чужой.

Еще и трех месяцев не прошло с тех пор, как Сергей расстался с армией, но его уже заело самолюбие.

Наутро, когда пришло время прощаться — Сергей уезжал в Ростов-на-Дону, — я, памятуя о нашем разговоре, ему напомнил: «Позвоню ровно через месяц...» Сын внимательно на меня посмотрел и ответил так, как если бы все уже хорошенько обдумал и принял бесповоротное решение: «Пап, звонить не надо. Я согласен!»

Меня могут упрекнуть, дескать, нашел командующий войсками место для собственного отпрыска... Да, Сергей пошел служить в войска, которыми командовал его отец. Но не следует сбрасывать со счетов и следующие обстоятельства: пошел служить он в Северо-Кавказский округ внутренних войск. Пошел служить накануне первой чеченской войны.

И, как было обещано — на должность, соответствующую его подготовке.

Именно на Северном Кавказе очень быстрогодились его пехотные навыки и даже его опыт службы в той самой 19-й мотострелковой дивизии Министерства обороны, откуда совсем недавно он ушел на вольные хлеба. Во время ввода войск в Чечню в декабре 1994 года Сергей находился на Назрановском направлении. Будучи офицером связи, он отвечал за взаимодействие внутренних войск и частей этой армейской дивизии. Ведь многих ее офицеров он знал лично, хорошо разобрался в тактике мотострелковых войск.

Это Назрановское направление можно назвать одним из самых сложных — там федеральные войска продвигались с трудом и часто оказывались блокированными.

В то время я находился на другом участке, но отлично представлял, как им достается и, не скрою, очень за Сергея волновался. Впервые в жизни я оказался в положении человека, который должен смириться с тем, что его сын воюет. И воюет по-настоящему — на передовой. Иной раз в своем генеральском вагончике ворочался по ночам.

Вот тогда и сказал: «Будь ты проклята, эта война!..»

* * *

Я понимал, как переживала Валя за нас с Сергеем. Ведь там, в Москве, она и вовсе была отрезана от всякой информации.

При этом я не испытывал никаких сомнений: раз Сергей воюет, то не может идти речи о том, чтобы перевести его в безопасное место. Во-первых, в таком положении оказался не я один: у нескольких знакомых мне генералов сыновья также уходили в бой. У некоторых, к сожалению, погибали. Во-вторых, в российской истории было немало примеров, когда отцы вместе с детьми участвовали в сражении. Вспомнить того же генерала Раевского, который во время Отечественной войны 1812 года, под Могилевом, шел в атаку вместе с двумя сыновьями. Это ответ людям, которые упрекали российских военных в том, что их собственные дети надежно упрятаны по тылам.

Все, что я мог сказать Вале, когда удавалось переговорить с ней по телефону: «Все нормально. Ты не волнуйся. Выкинь из головы все тревоги...»

Но не скрою: была и отцовская гордость за сына, разделившего со мной все невзгоды, поражения и победы этого военного похода. Во всяком случае я мог не прятать глаз от матерей и отцов, чьи сыновья так же, как мой Сергей, выполняли в Чечне тяжелую и опасную солдатскую работу. Участвовали в боевых операциях. Несли службу на блокпостах. Водили машины по военным дорогам, ежесекундно рискуя попасть в бандитскую засаду или подорваться на mine. И как бы ни была тяжела такая ноша — рука об руку идти по войне со своим сыном, — это все-таки лучше, чем краснеть, как некоторые другие генералы, за своих непутевых детей.

Вскоре мне удалось повидаться с Сергеем. Я летел в вертолете в Западную группировку, но по пути на несколько минут приземлился там, где по моим расчетам должен был находиться капитан Куликов. Привез ему свитер, бронежилет, бутылку водки и палку копченой колбасы. Времени было в обрез, поэтому обнялись наскоро. После чего я ему выдал свое отцовское напутствие: «Давай, сынок, воюй!..»

Позже Сергей рассказывал мне, что его сослуживцы поначалу подумали, что я заберу сына с собой. Что, дескать, не выдержал генерал Куликов... Так ему и сказали, когда после моего отлета по-товарищески была разлита по армейским кружкам эта водка и наскоро порезана колбаса. На них мое отцовское благословение произвело сильное впечатление. А сам я на этом скромном фронтовом застолье был ими помянут добрыми словами.

Но свой собственный авторитет он честно зарабатывал сам. И медаль «За отвагу», и орден Мужества. И звездочки на погонах. И продвижение по службе: через некоторое время стал он командиром одного из отрядов специального назначения внутренних войск.

Шло время. И однажды на мой стол (я был уже министром) легло представление на досрочное присвоение майору С.А. Куликову воинского звания «подполковник». В бумаге все было обосновано: храбрец, ходит по неприятельским тылам, уверенно руководит

отрядом! Все законно. Многие воюющие офицеры получают звания досрочно.

Прочитав эту бумагу внимательно, я, тем не менее, тут же, в углу, поставил свою резолюцию «Отказать!» И хотя служил Сергей действительно хорошо, но мой поступок был вполне оправдан: я считал, что ни у кого не должно появиться повода для упрека, что я как-то участвую в продвижении собственного сына. Будь он хоть образцом отваги и мужества. Другое дело, если бы был полностью выслужен срок, после которого присваивается очередное воинское звание.

Появился даже повод для шутки, когда после моей отставки Сергей все-таки досрочно получил звание подполковника. Его присвоил уже новый министр — Сергей Степашин.

Узнав, что это произошло, я сказал сыну: «Тебе не кажется, Сережка, что новый министр лучше старого?» И мы засмеялись, понимая, что наш давнишний разговор о его переходе во внутренние войска был и правильным, и своевременным. Теперь у Сергея опыт командования отрядом специального назначения (Далее — ОСН. — Авт.) «Скиф», отличный боевой опыт. За плечами оконченная с золотой медалью Военная академия имени Фрунзе.

И сегодня он на войне. Приходится опять за него волноваться, особенно когда получаешь вот такие фронтовые сводки: «9 января 2000 года в районе населенного пункта Джалка на территории Чеченской Республики военнослужащими внутренних войск из состава ОСН «Скиф» Северо-Кавказского округа ВВ МВД России были предприняты действия по прикрытию попавшей в засаду тыловой колонны внутренних войск. Несмотря на то, что в ходе боя подбит и полностью сгорел один БТР отряда, военнослужащие ОСН «Скиф» под огнем противника смогли обеспечить прорыв нескольких автомашин колонны. Причем наводчик подбитого БТР вел огонь по бандитам и покинул боевую машину только после четвертого попадания из вражеского гранатомета. Командир отряда подполковник С.А. Куликов умело руководил действиями подчиненных и лично из гранатомета уничтожил огневую точку противника...»

Позже, после отставки, когда никто бы не стал меня упрекать в протекции собственному сыну, я предложил Сергею переехать на службу в Москву. «Давай, — сказал я ему. — Мне не откажут. Будем вместе». Но он наотрез отказался. А в поддержку собственных слов привел очень достойный аргумент: «Я — человек военный. Куда пошлют, туда и поеду. Но сегодня Северо-Кавказский округ для нормального офицера является весьма перспективным местом. В том плане, чтобы воинские звания получать, как и полагается в окопах, а не в тылу». И я с ним легко согласился.

Сейчас Сергей продолжает службу в округе. Недавно стал полковником. Виктор пошел по стопам брата: тоже поступил в Минское Суворовское училище. Причем перед поступлением выяснилось, что он может туда и не попасть, так как возникли некоторые проблемы со зрением. Все, что касается ума и здоровья — я просто не сомневался в успехе. И учился он хорошо, и спортивный разряд имел по плаванию. А тут возникла такая ситуация, что ему запросто могли дать от ворот поворот.

Когда Виктор вернулся после прохождения медкомиссии с этим известием, совершенно случайно дома оказался Сергей, в то время уже офицер, служивший в Германии. Он сопровождал в Союз уволенных в запас солдат и на обратном пути на сутки заскочил домой.

Разумеется, Сергей тут же взялся хлопотать за брата. Повел его в военкомат, быстро отыскал офицера, ответственного за набор абитуриентов. Выяснилось, что и он, подобно Сергею, также бывший минский суворовец. Слово за слово, нашли они общий язык, и военкоматовец подписал необходимое заключение о годности Виктора к учебе в Суворовском училище. Поступление туда прошло успешно, как, впрочем, и дальнейшая учеба сына, к которой он всегда относился с прилежанием и охотой. Когда же пришло время выбирать высшее военное училище, Виктор со мной посоветовался: «Я в пехотное не хочу. Пап, я бы хотел в инженерное...»

Поразмыслив, я согласился с его доводами. Виктор хорошо знает математику, имеет склонность к логическому мышлению и хорошие технические навыки. В то же время было ясно, что ему не по душе административная работа. Но в разговоре с ним я поднял планку

повыше: «А что ты думаешь по поводу поступления в Академию ракетных войск стратегического назначения им. Дзержинского в Москве?» У Виктора загорелись глаза: «Было бы здорово! Но ведь туда и попасть непросто».

Я легко его обезоружил: «Какая разница, куда сдавать экзамены. Представь себе, что есть некий государственный университет в областном или республиканском центре и есть Московский государственный университет имени Ломоносова. Названия у всех одинаковое — «университет». И программы обучения, скорей всего, несильно друг от друга отличаются. Однако есть одно существенное отличие, какой диплом у тебя в кармане. Я имею в виду не престижность университета, а качество тамошнего преподавания». «Конечно, есть!» — согласился сын.

Знаменитая Академия РВСН им. Ф.Э. Дзержинского, ныне Академия Петра Великого, одно из старейших военных учебных заведений России, конечно, была тем местом, где следовало проявить и ум, и настойчивость. Виктору это вполне удалось: экзамены он сдал хорошо и был зачислен на первый курс инженерного факультета.

Поначалу пришлось нелегко, но вскоре он втянулся. Да так, что уже после третьего курса сумел совместить учебу в военной академии с учебой на экономическом факультете в Московском государственном социальном университете. И подросткую сестру Наташу убедил пойти туда же. И я подозреваю, что, добиваясь этого, он там действовал не менее активно, как в свое время Сергей в белорусском военкомате...

Конечно, я имею в виду не протезирование, а силу убеждения. Тем более, что Наташа училась в школе хорошо, и у нас с Валею никогда не возникали сомнения в том, что она продолжит учебу. Другое дело, что с помощью Виктора она выбрала будущую профессию, которая в полной мере отвечает складу ее ума и ее характеру. Сегодня Наташа успешно учится сразу на двух факультетах одновременно — на экономическом и на юридическом.

«Дети — зеркало семьи, — часто повторяю я. — Надеюсь, нам с женой не придется заканчивать жизнь в доме для престарелых».

Единственная проблема, которая возникла у Виктора в конце его учебы в академии, была связана с тем, что сокращающиеся Вооруженные Силы уже не нуждались в таком количестве новоиспеченных офицеров. Иные лейтенанты, едва получив погоны, были вынуждены увольняться.

Виктор был в академии на хорошем счету. Долгое время никто и не догадывался, что он — сын командующего внутренними войсками, а позже министра внутренних дел. Об этом, конечно, знал начальник академии генерал Юрий Плотников. Он не раз высказывал мне благодарность за сына, отмечая, что его учебные дела заслуживают похвалы, а среди товарищей сержант Куликов пользуется авторитетом. Тем не менее проблема дальнейшего выбора пути стояла остро. По моему совету Виктор перешел на службу в МВД. Однако тогда, когда меня самого в МВД уже не было. Сегодня у него там ответственная работа, в которой пригодились его аналитические способности, технические и экономические знания.

Рассказывая о детях, я несколько забежал вперед в своем повествовании. Но лишь оттого, чтобы подчеркнуть, как много значит для меня моя семья. Чтобы высказать, как я горжусь своими сыновьями и дочерью. Как особенно благодарен своей жене Валентине, положившей столько труда и любви, чтобы выросли они настоящими людьми. Служба отнимала у меня почти все время. В иные годы, особенно когда обострялись вооруженные конфликты, я проводил в командировках более двухсот суток, то есть две трети года. Что тоже в нашем семейном кругу становилось поводом для шутки: дескать, мое отцовское воспитание заключается в том, чтобы к 31 декабря вернуться из командировки, пересчитать детей и вывести остаток на 1 января.

* * *

Любовь и доверие — вот то, что лежит в основании моих взаимоотношений с детьми. Я рад, что они платят мне тем же и всегда делят со мной мои радости и огорчения. Несмотря на

то, что у сыновей уже подрастают свои дети, мы продолжаем оставаться очень сплоченной семьей. Точную формулу этой простой человеческой зависимости неожиданно вывел Сергей в те дни, когда я командовал Объединенной группировкой федеральных войск в Чечне, а наши войска выбивали из города Грозного остатки бандформирований.

Это было тяжелое время. В Чечню мы входили порознь и, конечно, видаться не могли, так как фронтовые пути капитана и генерал-полковника по понятным причинам пересекаются нечасто, даже если они и приходится друг другу отцом и сыном. У каждого своя работа на войне, а на картах, которые лежат в наших полевых сумках — разный масштаб.

Тут уж ничего не поделаешь...

Конечно, Сережа очень беспокоился за меня и за наших оставшихся дома родных. Я хотя бы имел генеральскую привилегию время от времени разговаривать с ними по телефону, о чем капитан Куликов в окопах мог только мечтать. Поэтому, зная мой позывной — «Пион» — он, как только представилась возможность, попытался связаться со мной. Дозвонился до штабного коммутатора, представился и попросил, чтобы его соединили со мной.

Оператор, сидевший на коммутаторе, как это обычно бывает, не придавал значения произнесенной фамилии, зато отчетливо услышал воинское звание «капитан».

И оно не произвело на него никакого впечатления.

Переспросил недоверчиво: «С кем, с кем, говоришь, тебя соединить?» «С «Пионом»! — простодушно подтвердил Сергей.

Связист на другом конце провода только удивился: «Да кто ты такой, чтобы разговаривать с самим «Пионом»?!»

Мой Серега не растерялся. «Ну хорошо, — говорит, — тогда доложите, что это звонит «Лепесток «Пиона»!..»

Так мне и отрекомендовали человека, вышедшего на связь, и я, честно говоря, не сразу сообразил, кто это. Только когда услышал Сережин голос, рассмеялся: надо же, какой находчивый!.. Лучше и не скажешь! Ведь каждый из этих лепестков мне одинаково дорог и в каждом — сокрыта большая надежда, что мой род продолжат честные, смелые, талантливые и трудолюбивые потомки.

* * *

Забота о детях, о семейном уюте всегда лежала на плечах Вали. Конечно, дети видели, что наши отношения основаны прежде всего на любви и взаимном уважении. Этому они исподволь учились каждый день, и я надеюсь, что в их собственной семейной жизни наш пример обязательно пригодится. Кажется, не стоит повторять, как много переездов с места на место требует профессия офицера. Но где бы мы ни находились, в каких бы условиях ни жили, на новом месте я первым делом мастерил деревянную полку, а Валя обязательно ставила на нее цветы. И сразу же в комнате или в квартире появлялся уют.

Все наши разнообразные коробки и ящики, в которые при переездах мы упаковывали вещи, до поры до времени Валентиной сохранялись в неприкосновенности. И лишь когда мы переехали в девятнадцатый раз, она без совета со мной выбросила их из дома. Как считает она сама: «Это был знак, что с меня хватит...»

После назначения меня министром она не раз шутила, что я не столько ее собственный муж, сколько «муж государственный». Рабочее напряжение было столь велико, что телефон стал занимать в нашей семье ключевое место. Во-первых, даже в так называемые минуты отдыха он звонил беспрестанно. Во-вторых, общались мы тоже в основном по телефону. В-третьих, телефонный звонок был тем единственным звуком, который мог разбудить меня после многочисленных бессонных ночей. На будильник и уговоры я не реагировал. Тогда Валя, чтобы поднять меня на работу, шла к соседям и набирала наш домашний номер. Вот тогда я моментально вскакивал с постели.

После того, как родилась Наташа, мы решили, что Валя уйдет с работы и полностью посвятит себя семье. Скорее всего, это было мое волевое решение, правильность которого подтвердила жизнь. Подросли дети — умные, талантливые и честные. И очень здорово, что именно благодаря Вале их развитие не было односторонним. То есть элемент полкового воспитания, конечно же, присутствовал, но он умело компенсировался гуманитарными дисциплинами — книгами, музыкой, эстетикой. Вот тут педагогические и музыкальные способности жены сыграли свою роль. Тот же Сергей пишет отличные песни, сочиняя и музыку, и стихи.

* * *

Наша жизнь в Калмыкии шла своим чередом, однако мечты об учебе в Военной академии им. Фрунзе пришлось на время оставить. За год, пока я обживался в должности командира отдельного взвода, кардинально изменились правила приема: теперь ее слушателем мог стать офицер, имеющий опыт командования ротой.

Это означало, что моя учеба в академии откладывалась года на три или четыре как минимум. Командование ротой — это очень серьезный рубеж в офицерской карьере. Далеко не каждому его доверяют. Из нескольких командиров взводов — только лучшему. И то если должность ротного командира окажется вакантной.

В то время движение по службе шло куда медленнее, чем сегодня. Хотя с точки зрения офицеров послевоенной поры, которые «сидели на взводах» по восемь-десять лет, мы «росли» чересчур быстро.

Я очень хотел учиться. И чтобы не потерять несколько лет впустую, решил на довольно рискованное мероприятие — тайное от всех, кроме семьи, поступление в Калмыцкий государственный университет на заочное отделение филологического факультета.

Существовавшие тогда правила запрещали военнослужащим учебу в гражданских вузах, если специальность, которую они там собирались получить, по мнению командования, не способствовала профессиональному росту офицера. То есть военный строитель мог учиться заочно в строительном институте, а политработник, например, в педагогическом. Ну а что я мог сказать командованию в свое оправдание? Как объяснить, зачем филологический факультет университета нужен мне, командиру мотострелкового взвода?

Я не зря остановил свой выбор на этом факультете: люблю литературу и русский язык, историю и философию. Не гадал, сколько лет или месяцев мне придется поучиться в университете, но был уверен — это пойдет на пользу и мне, и моей службе. Не всякий хороший офицер бывает умницей, но образованному офицеру легче преуспеть в своей профессии. Ведь для своих солдат он не только командир, но и учитель, и законодатель, и даже судья.

Отпуск удачно совпал со временем сдачи экзаменов в университет. Так как гражданский диплом после училища был у меня на руках и в нем были только отличные оценки, мне предстояло сдать лишь один экзамен — сочинение. Я легко написал его на пятерку и от дальнейших экзаменов был освобожден.

Однако, как только прошла установочная сессия, дома раздался звонок: меня вызывали в часть. Я уже было подумал, что открылось мое тайное студенчество, но особо переживать не стал. Время, потраченное мной на преодоление этого барьера, было личным — отпускным. К тому же никакой вины я за собой не чувствовал.

Каково же было мое удивление, когда выяснилась причина этого срочного вызова: меня назначили командиром роты.

Следующая шифровка, появившаяся всего через полгода, уведомляла, что в соответствии с дополнительной разрядкой мне, старшему лейтенанту А.С. Куликову, предлагается поступление в Военную академию им. Фрунзе. В текущем 1971 году...

Удивительно было и то, что сам я никак не инициировал эти события. Их можно было

считать удачным поворотом судьбы. Какому-то неизвестному мне кадровику в Ростове-на-Дону просто попала на глаза моя служебная карточка.

Ведь что значит «включить в дополнительную разрядку»? Кто-то вовремя не смог подобрать кандидатуры из офицеров нашей дивизии, которые бы по возрасту, образованию и должности соответствовали критериям. Подобрали, скажем, четырех, а наверху строго спросили: «Почему только четыре? У вас пять мест по разрядке. Ищите недостающего!» Этим недостающим всего лишь через полгода командования ротой почему-то оказался именно я.

* * *

Конечно, была радость: ведь я приблизился к своей заветной мечте. Вот только в том, что я являюсь студентом университета (я продолжал учиться и даже сдал зимнюю сессию) — все же решил до поры до времени никому не признаваться. Рассудил так: поступлю — хорошо, не поступлю — продолжу учебу на филфаке.

Потом, когда я уже был зачислен в академию, пришлось рубить эти непростые узлы. Поначалу написал в университет заявление с просьбой предоставить мне академический отпуск, а чуть позже — заявление с просьбой отчислить в связи с убытием в длительную служебную командировку. Совмещать учебу в академии с учебой в университете, находящемся далеко от Москвы, да еще при этом соблюдать конспирацию — я бы не смог при всем желании.

За право поступить в академию шла серьезная борьба. Никаких скидок тут не было. Считалось, что каждый сам кузнец своей судьбы. Тем более, что желающих попасть в эту прославленную военную школу было хоть отбавляй. В то время перечень высших военных заведений был куда менее разнообразным и поступление в Академию им. Фрунзе означало для счастливец переход в иное качественное состояние. Диплом академии значительно расширял командирские горизонты и открывал возможности для блестящей военной карьеры.

Но если ты проваливался на вступительных экзаменах, запросто можно было на всю жизнь заслужить клеймо неудачника. Уже на следующий год при отборе кандидатов тебя могли отодвинуть в сторону. Все барьеры надо было брать с первой попытки.

Отношения между абитуриентами были, как правило, товарищеские, но все понимали: далеко не все выдержат конкуренцию. Нужны подлинные знания. Нужны крепкие нервы. Нужна, как это всегда бывает на экзаменах, и студенческая удача.

До сих пор с улыбкой вспоминаю историю, приключившуюся с казахом, капитаном из внутренних войск Женызом Маминым, поступающим вместе со мной. Для него эта попытка была второй по счету. И в некотором смысле судьбоносной. В полку его предупредили: «Если не поступишь сейчас, больше у тебя такой возможности не будет». Самым серьезным препятствием для Женыза являлось сочинение по русскому языку. Выйти из положения он предполагал проверенным в таких случаях способом. Зная, что среди тем сочинения обязательно будет и свободная, на экзамен он прихватил вырезку из вышедшей накануне газеты «Красная Звезда», где шла речь о Боевом Знамени полка. Он только одного не смог предугадать, что еще четверо абитуриентов, не сговариваясь, прихватят с собой на экзамен и перепишут слово в слово эту статью.

Когда комиссия, проверявшая сочинения, обнаружила на столе пять совершенно одинаковых текстов, уже ничто не могло спасти эту пятерку от короткого и справедливого возмездия. Четверых отыскали быстро и без лишних проволочек отчислили. Такая же судьба ожидала и Мамина, но его просто не нашел дежурный по штабу: обложившись учебниками на берегу реки Нары, Женыз готовился к следующему экзамену. Когда пришло время собираться на обед, его все-таки обнаружили. Спросили: «Это ты сочинение про знамя писал?» «Я», — признался Мамин. — «Ну все, готовься к отчислению. Четверо уже уехали. А тебя вызывает начальник факультета генерал Петрусь...»

По счастью, кабинет генерала оказался закрытым: начальник факультета сам ушел на обед. Все, что оставалось Женызу, совершенно расстроенному, так это под деревом дожидаться грозного генерала, который должен был решить его судьбу. Но — бывает же такое счастье! — рука вдруг нащупала в кителе скомканный листок бумаги. Это была та самая газетная вырезка!

И еще оставалось тридцать минут до окончания обеда!

Этого времени Мамину хватило, чтобы весь текст статьи выучить наизусть.

Когда же вернувшийся с обеда генерал Петрусь сурово спросил Женыза, не он ли, такой-сякой, является тем капитаном, который написал сочинение «про знамя», Мамин мог открыто посмотреть ему в глаза: «Я, товарищ генерал! Но передовица так понравилась мне, что я выучил ее наизусть и решил использовать при написании сочинения на свободную тему».

Петрусь посмотрел на капитана заинтересованно и не поверил: «Что действительно выучил наизусть?» То есть его больше всего волновало, не передрал ли Женыз, как и все остальные, этот текст по шпаргалке. «Так точно!» — ответил Мамин.

Но и генерал был непрост: перед ним на столе уже лежал злополучный номер «Красной Звезды», и он потребовал, чтобы капитан вслух воспроизвел написанный текст. Мамин к этому был готов и не сделал ни одной ошибки. К тому же, окончив рассказ, он бодро посмотрел на генерала и буквально обезоружил его, предложив точно также, наизусть, расставить все знаки препинания.

Петрусь рассмеялся и сказал: «Ставлю тебе тройку за хорошую память. Иди, сдавай экзамены дальше!»

Его действительно допустили к сдаче остальных экзаменов и впоследствии Женыз Жапарович Мамин достойно окончил Академию им. Фрунзе. Стал полковником. Успешно служил в Приволжском округе внутренних войск, а после распада СССР был откомандирован во внутренние войска Республики Казахстан.

Так как предыдущий диплом с отличием, полученный в Орджоникидзевском училище, давал мне право поступать по малому кругу, два своих вступительных экзамена я сдал без всяких проблем. Первый год наша семья снимала комнату в доме на Волхонке, а на втором курсе мы получили восьмиметровую комнату в общежитии академии на проезде Девичьего поля в районе Зубовской площади. Она была настолько маленькой, что, встав посередине, я легко обеими руками упирался в противоположные стены. Но и там мы сумели втиснуть две раскладушки. Одну — для нас с Валей. Другую — для маленького Сергея. Дополняли картину нашего тогдашнего житья в Москве общие на 28 человек кухня, туалет и умывальник. Валя работала воспитателем в детском саду при нашей академии. Ее зарплата была неплохим подспорьем для нашего семейного бюджета.

В соседней комнате жил с семьей Павел Козловский, в котором тогда еще никак нельзя было угадать будущего министра обороны независимой Республики Беларусь. Еще неподалеку — Владимир Шлег, которого я встретил уже через много лет, во Франции. Он служил там военным атташе при российском посольстве.

Обитатели этого необыкновенного и теперь, к сожалению, уже снесенного дома никогда не жаловались на трудности быта. Все с оптимизмом смотрели в будущее, все трудолюбиво учились, и каждый старался извлечь как можно больше пользы от своего пребывания в Москве. Каким бы жестким ни было расписание, предполагавшее двенадцатичасовой учебный день только в стенах академии, каждый свободный вечер мы с Валей уходили в культпоход. И даже график составили, чтобы не пропустить ни одного музея, галереи или театра. К концу обучения эта программа была в основном выполнена. По вечерам нам больше доставались театры, а вот в выходной день мы обязательно брали с собой сына.

Если мы оставляли Сергея одного, то, уходя, заводили будильник на девять часов вечера. До этого времени он мог играть, но, как только раздавался звонок, сразу же убирал игрушки в шкаф и дисциплинированно ложился спать. Все родительские предписания

выполнялись так четко, что соседи, которых мы, конечно же, просили приглядеть за сыном, со временем к нашим просьбам стали относиться как бы формально. Было ясно, что Сергей нас не подведет.

* * *

Военная академия им. Фрунзе — эта легендарная военная школа, позволяющая каждому неленивому человеку получить прочные знания и серьезно расширить свой кругозор. Многие из нас поняли это очень быстро и старались каждый час посвятить учебе. Были и строгие правила, которые просто обязывали человека заниматься буквально на пределе своих физических возможностей. Самоподготовка, например, оканчивалась не раньше восьми часов вечера. Прогулять ее было сложно: ведь мы работали с документами, имевшими грифы секретности — их нельзя было выносить из стен академии, чтобы в спокойной домашней обстановке, допустим, еще раз пробежать глазами.

Очень скоро я обнаружил, что у меня неважно обстоит дело с иностранным языком. Моей особой вины в том не было: в десятом классе у нас не было учителя немецкого языка. Этот предмет преподавала наша ровесница — девушка, окончившая школу на год раньше нас. Конечно, всерьез ее никто не воспринимал и как следствие — немецкий язык я знал откровенно плохо, хотя и удостоился пятерки в аттестате зрелости. Цену этой отметке я знал: когда сдавал выпускной экзамен в школе, настоящий преподаватель иностранного языка просто не успел подъехать из районного центра, а члены экзаменационной комиссии, включавшей директора, завуча и вот эту девочку-учительницу, купились на то, что я бойко ответил на свой билет. В последующие три года я о немецком языке не вспоминал вообще: в училище его не преподавали. Так что база у меня была откровенно слабенькая и не шла ни в какое сравнение с теми знаниями и навыками, которыми обладали многие другие соискатели академического диплома. Например, бывшие суворовцы, которые, как правило, блестяще владели иностранными языками.

Мне просто повезло, что такой вот бывший суворовец оказался со мной рядом на контрольном собеседовании. Его короткая консультация позволила мне достойно ответить на вопросы преподавателя и сносно перевести текст. Более того, меня даже записали в группу тех слушателей академии, которую на сегодняшнем языке называют «продвинутыми». Преподаватель немецкого языка, которая вела эту группу, очень быстро оценила мои настоящие знания, вкатила подряд две двойки и дала понять, что с такой подготовкой я очень запросто могу попасть на собеседование к начальнику курса или даже к начальнику факультета. Было ясно: или я серьезно сажусь за немецкий язык, или со мной будут разговаривать в другом месте.

Надо отдать должное самой системе лингвистической подготовки в академии, которую внедряли в жизнь под руководством начальника кафедры иностранного языка полковника Вахмистрова. Этот интеллигентный, образованный офицер не только сам владел несколькими языками, но и неустанно внедрял самые современные методики. Чего стоило одно только «ночное обучение», непременным атрибутом которого были динамики, установленные в каждой комнате общежития. В семь утра, в половине одиннадцатого вечера, а также в определенный час ночью по радиосети читался текст на немецком языке, оригинал которого в напечатанном виде должен был лежать перед глазами. Что бы ни произошло, в урочный час ты должен был сидеть перед динамиком и повторять вслух каждое произнесенное слово. Многократное заучивание, по замыслу преподавателей, должно было предельно обострить нашу зрительную и слуховую память.

Эта система оказалась настолько эффективной, что даже наши дети вскоре запоминали эти языковые уроки. Однажды четырехлетний Сергей заявил Вале: «Мама, я хочу жениться!» — «На ком?» — «На Даше». — «А чем же вы будете заниматься?» — «Ну как чем? Она будет обед готовить, а я буду учить немецкий язык...»

В такой обстановке очень скоро мое учение пошло на лад. Уже на втором курсе я сдал

экзамены по немецкому языку на «отлично».

Впоследствии эти знания очень пригодились мне в Академии Генерального штаба при сдаче кандидатского минимума. И сегодня я довольно сносно говорю на немецком языке и чувствую себя уверенно в немецкой военной терминологии.

Что касается других дисциплин, то никаких особых трудностей у меня просто не возникало. Мое среднее училище дало мне хорошую общевоинскую подготовку, отчего я никогда не испытывал дискомфорта, даже общаясь с теми своими однокашниками, которые пришли в академию, имея в запасе дипломы высших военных училищ. На первых порах, конечно, сказывалось отсутствие опыта участия в крупных общевоинских учениях, но такова была специфика самих внутренних войск. Различия, правда, со временем становились незаметными. Хотя бы потому, что мы напряженно учились, а в Академии им. Фрунзе наши офицеры из внутренних войск всегда были на хорошем счету. Объяснялось это тем, что на должность командира отдельной роты в ВВ никогда не ставили человека, который бы не умел принимать самостоятельные решения. Его подразделение часто находилось довольно далеко от штаба батальона. Не станет же ротный каждый день названивать комбату и советоваться, как ему поступить в том или ином случае.

Очень часто наши офицеры совмещали военную службу в своих городах и поселках с общественной работой: были депутатами и членами разнообразных советов, партийных комитетов — такими администраторами и специалистами в области охраны общественного порядка. Так что их социальная зрелость наступала несколько раньше, чем у армейских командиров.

Эта разница чувствовалась и позже. Даже в Академии Генштаба. Сравнить хотя бы командира мотострелковой дивизии, проводившего на полигоне две трети своей службы, и меня, который, будучи командиром 43-й Минской дивизии ВВ МВД СССР, входил в состав коллегии Министерства внутренних дел Белоруссии. Что касается самостоятельности, то мы могли дать фору многим армейским офицерам. А вот когда заходила речь об управлении общевоинским боем, о методике принятия решения, тогда свои войсковые амбиции нужно было спрятать куда подальше. До сих пор искренне благодарен я за науку многим своим преподавателям, из которых особенно хотел бы отметить Героя Советского Союза, полковника Ивана Ивановича Загряцкого, специалиста по тактике Сергея Васильевича Рамжаева и начальника курса Александра Федоровича Ларина. Это те, кто в свою педагогическую работу вкладывал без остатка и силы, и душу.

Не менее важной считалась в академии и строевая выучка офицера. Причем один раз в год, 7 ноября, следовало блеснуть по-настоящему. На параде. На Красной площади, когда, печатая шаг, мимо Мавзолея проходили четкие шеренги курсантов училищ и слушателей академий, сводные полки армейцев и моряков.

Подготовка к параду начиналась задолго — еще в начале сентября. А заканчивалась накануне праздника. Каждый год два этих предпарадных месяца были насыщены упорными тренировками на большой спортивной арене в Лужниках, на аэродроме в Тушино. Завершались они генеральной репетицией на ночной Красной площади.

Именно с подготовкой к военному параду связана одна из историй, которая чуть было не закончилась для меня печально и стала хорошим уроком на всю оставшуюся жизнь.

Этим тренировкам в академии придавалось такое серьезное значение, а подготовка к параду была поставлена на такую строгую, жесткую основу, что даже те, кто заболел и нуждался в лечении, могли быть освобождены только лично начальником курса и только на месте тренировки. У тебя ангина и высокая температура, но, пожалуйста, будь обязан придти и доложить. Было такое правило, которое никому даже в голову не приходило оспаривать. Хотя и знали, что Ларин особо свирепствовать не станет: если болен — непременно отпустит.

Один из таких заболевших — офицер внутренних войск Николай Кузнецов, впоследствии ставший командиром дивизии в Челябинске-70, на одну из таких тренировок пришел только для того, чтобы доложить о болезни. В отличие от нас, собиравшихся

маршировать и по этому поводу явившихся в форме для строя (брюки в сапоги и португее), он пришел в ботинках и брюках навыпуск. И не было в этом ничего необычного, если бы его «нестроевой» вид не напомнил мне совершенно другого персонажа нашей академической жизни — заместителя начальника факультета по политической части. На тренировку он приходил всегда только в ботинках и в «параллельных» брюках, демонстрируя тем самым свое отличное от нас положение «политического» офицера. Это особенно бросалось в глаза, когда все на площадке, включая начальника академии, имели образцовый строевой вид и, конечно, вынуждены были ходить только в сапогах.

Мое место было на левом фланге в последней шеренге. Мы еще только становились в строй, когда я увидел нашего больного Николая и остроумно, как мне тогда казалось, его спросил: «Ты что сегодня вместо замполита?» Николай сделал мне глазами какие-то знаки, но я их не понял и еще громче начал его подначивать: «Ты сегодня в брюках навыпуск как замполит?» И сразу же почувствовал сзади хлопок ладони по плечу: в то время, как я обидно шутил над замполитом, сам он стоял прямо за моей спиной и слышал каждое слово.

«Капитан, тебе еще рано подкалывать полковников...» — сказал он зло и отошел в сторону.

С этого времени его как подменили. На каждой тренировке замполит в сапогах, в португее. Каждый день на трибуне и участвует в контроле за тренировками. Стоит только нашему батальону пройти мимо, как он сразу же объявляет в мегафон: «Левифланговый последней шеренги 1-го батальона плохо поднимает ногу!..» А это как раз я и есть. И так несколько раз. Я уж соседа своего, Леонтия Кузнецова, ставшего впоследствии генералом, командующим войсками Московского военного округа, попросил поменяться местами: «Давай, Леонтий, выручай!» Да только и это не помогло. Опять замполит кричит с трибуны: «Второй на левом фланге первого батальона в последней шеренге плохо поднимает ногу!»

Уже и начальник курса стал со мной рядом ходить да присматриваться, что же со мной случилось. Я рассказал ему, в чем причина, и он как-то в тот раз уладил дело миром.

Но история на этом не закончилась. Через несколько месяцев, в марте, накануне выпуска, грозная тень замполита опять появилась на горизонте. Выясняется, что он настоял на том, чтобы быть проверяющим на зачете по общевоинским уставам именно в той группе, где сдавал я. У меня по всем предметам только «отлично». Но появление этого полковника могло поставить крест на мечте о дипломе с отличием.

Кажется, никакой другой предмет я не учил с таким усердием, как общевоинские уставы. Знал, что самая незначительная ошибка станет поводом для того, чтобы снизить оценку. Пропустив всю группу, полковник основное внимание сосредоточил на мне. Минут сорок я отвечал ему без запинки, чем снискал сочувственный взгляд начальника курса, который вынужден был придти мне на выручку. Свою пятерку я получил, но сделал для себя полезный вывод: уж если припекло тебе сказать что-либо, следует прежде повернуться на 360 градусов и убедиться в отсутствии объекта твоих шуток. Слепая человеческая обида иногда появляется на пустом месте. Но и родившись на пустом месте, живет, как правило, долго. Может, и судьбу поломать. И уж точно — отношения между людьми.

* * *

После окончания академии с отличием я опять получил право выбора дальнейшего места службы. И снова попросился в 54-ю Ростовскую дивизию внутренних войск. Части этой дивизии были разбросаны по всему Северному Кавказу. В ее состав входил и тот отдельный батальон в Калмыкии, где я служил раньше. У меня были самые лучшие воспоминания об этом соединении.

Моя просьба была удовлетворена: я поехал служить комбатом в поселок Южный, находящийся под Волгодонском.

Это была хорошая школа для молодого энергичного офицера, полного честолюбивых надежд. Те знания, которые были получены в академии, хотелось побыстрее применить в

реальной войсковой жизни, и многое из того, что было усвоено мной в Москве, сразу же пригодилось.

Трудно сказать, появилась ли со временем или попросту изначально была во мне одна особая черта характера, которая, как кажется мне сегодня, оказалась самой важной. Я выстраиваю свои служебные и человеческие отношения так, чтобы людям, работающим рядом со мной, было легко трудиться и раскрывать свои способности.

Это не означает, что у них появляется возможность пренебрегать службой. Наоборот, служба, какой бы трудной она ни была, становится настоящим удовольствием для офицера, если нет в ней намека на самодурство начальника или подхалимство подчиненного. От командира ведь очень многое зависит. Его человеческие качества, его методы работы в конце концов выстраивают всю систему взаимоотношений в подразделении, в части, в соединении. Если никто не станет интересоваться мнением младших по званию, со временем они перестанут его высказывать. Если рубить инициативу, то рано или поздно ты, командир, окажешься в кругу безвольных людей, опасаящихся принимать самостоятельные решения. Они будут реагировать только на окрик. А если капризный, заносчивый командир считает, что власть над людьми, которая дана ему государством, имеет божественное происхождение — это и вовсе не имеет ничего общего с армейской службой.

Хоть и редко, но бывало и так, что человек для меня просто переставал существовать. Каждый такой случай я очень тщательно взвешивал внутри себя. Советовался с собственной совестью. Одно дело, если у человека что-то не получается при всем его старании. И другое, если его поступки наносят ущерб авторитету воинского коллектива. В последнем случае я всегда такому офицеру честно и бескомпромиссно говорил: «Извини, но мы должны расстаться...»

Но повторяю, это случалось лишь тогда, когда действия людей шли вразрез с интересами государственной службы. Впоследствии многие из них поняли обоснованность моих решений и признали их справедливость. Настоящие товарищи и друзья переступили через обиду, и мы продолжаем общаться.

Наверное, любая служба или работа не будут в тягость, если отношения между людьми строятся на принципах правды. Если, в свою очередь, что-то не смогу сделать я сам, обязательно предупрежу: «Извини, мне это не по силам...» Но это тогда, когда просьбы выходят за рамки службы или касаются чего-то такого, что я не умею или не знаю. Но и взамен я требую от собеседника, от товарища такой же искренней прямоты. Вовремя не сделал, что-то прошляпил — так и скажи... Это, конечно, не означает, что изо дня в день я буду принимать к сведению доклады о его профессиональной или человеческой несостоятельности, но во всяком случае так честнее. Становится ясно: с этим человеком надо либо прощаться, либо приучать к порядку. В любом случае мое мнение о себе он знать должен. Считаю так: если я не высказался напрямик, это означает, что я обманываю этого человека.

Учиться разумной и обоснованной жесткости пришлось сразу же, как только я начал приобретать командирский опыт. Например, я объявил выговор своему замполиту, лейтенанту Николаю Николаеву за неоднократный срыв запланированных мероприятий. И хотя заместитель командира роты по политической части — лицо подчиненное, многие офицеры знают, что не всякий командир роты отважился бы строго спросить со своего политрука, особенно в то время. У политработников были в руках свои властные рычаги — и обида могла дорого мне обойтись.

В поселке Южном под Волгодонском, где располагался штаб отдельного батальона 54-й Ростовской дивизии внутренних войск МВД СССР, в качестве командира мне пришлось утверждаться без всяких раскаток. По меркам военной службы некоторым своим сослуживцам я мог бы показаться счастливым: ведь я был назначен «на батальон» в неполные 28 лет, к тому же без опыта службы на должности заместителя командира батальона или начальника штаба батальона. Случай, действительно, неординарный, но вполне объяснимый, если учесть мой «красный» диплом и обстоятельства времени, когда на

смену опытным комбатам-фронтовикам уже спешила обученная офицерская молодежь с академическими значками на мундирах. Свою роль в этом назначении сыграло и то, что я вернулся в свою дивизию, где меня хорошо знали. Хотя без труда мог бы вместо отдаленного поселка Южный запроситься на «паркетную» службу в столичные и большие города.

Южный был не самым уютным для жизни и службы местом. Штаб батальона от штаба полка отделяли 230 километров, а это само по себе предопределяет весьма высокую самостоятельность комбата. В его ведении находится абсолютно все, включая заготовку овощей для солдатского котла и взаимоотношения с местной властью. И самое главное — боевая служба своих солдат и офицеров. Подчеркиваю — боевая. Подчеркиваю — каждый день с оружием в руках.

Почти сразу же после того, как я принял батальон, мне пришлось познакомиться с весьма странной жизненной позицией своего заместителя по политической части, в то время заочно учившегося в Военно-политической академии имени В.И. Ленина.

Не стану называть его фамилию. Он и сегодня жив-здоров, хотя уже и не служит.

Так вот он напрямик высказал свое жизненное кредо, заключавшееся в том, что офицер, окончивший академию, может дальше как бы и не работать. Дескать, академический ромбик, словно поплавок, будет все время держать его на поверхности. Я отнесся к такой точке зрения скептически. Спросил замполита: «Получается, что ты становишься вроде как почетным офицером и больше ничего делать не надо?»

Жизнь доказала, что человек с такими настроениями очень быстро перестает реалистично оценивать себя и свое место в строю.

Вскоре мне пришлось выехать на сборы в Ростов-на-Дону. На обратном пути мы с начальником штаба батальона приехали в штаб своего полка, чтобы после решения служебных вопросов отправиться домой на своей батальонной машине. Вроде бы должна она подойти с минуты на минуту. Стоим, мерзнем, а «уазика» нет. В конце концов за нами пришел грузовик. Я спросил: «Что случилось?» Водитель ответил: «Так ведь на командирской машине замполит уехал на охоту».

На следующий день в брезентовом тенте «уазика» я увидел аккуратную дырку — след от случайного выстрела. Замполит и не думал отпираться: «Да, на охоту... Да, случайный выстрел...» Вот только на мой вопрос: «Кто вам разрешил туда ездить?», ответил так, как думал: «Ну я же оставался за комбата. Почему я у кого-то должен спрашивать разрешение?»

Пришлось этого офицера поставить на место. Мгновенно принял решение: «Чтобы вам в будущем было понятно, у кого вы должны спрашивать разрешение — я объявляю вам выговор!» С этим выговором от так и ходил восемь месяцев, пока я не снял его в преддверии своего перевода в Астрахань на должность начальника штаба 615-го полка, который также входил в состав нашей 54-й Ростовской дивизии ВВ МВД СССР.

В астраханском полку, которым в ту пору командовал Саламгерий Касполатович Царахов, будущий генерал-майор и начальник Саратовского высшего военного командного училища внутренних войск им. Дзержинского, мои новые сослуживцы тоже поначалу отнеслись к моему назначению с некоторой долей скептицизма: всего лишь капитан, а уже начальник штаба полка... Тем более, что командовать мне пришлось офицерами, которые были старше меня и по возрасту, и по званию: старший помощник начальника штаба — подполковник, помощники — майоры. Но, как оказалось впоследствии, это был чрезвычайно дружный офицерский коллектив, который после обычной притирки человека к человеку, хорошо принял меня и работал чрезвычайно эффективно.

О профессионализме командования этого полка можно судить хотя бы по тому, что мой тогдашний заместитель Михаил Лабунец впоследствии станет генерал-полковником, командующим войсками Северо-Кавказского округа ВВ МВД России, а заместитель начальника политотдела полка Анатолий Пониделко — генерал-лейтенантом, начальником ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Я был искренне рад, что мои однокашники по училищу за это время возмужали и стали высококлассными специалистами. С ними было легко работать, и мы понимали друг друга с полуслова. Вскоре на моих

погонах появилась майорская звезда. Но далеко не сразу — опыт управления штабом полка, в котором в то время служило чуть более тысячи человек.

Не мне давать оценку собственной работе, однако уже через два года, в начале июня 1977 года, я был назначен на должность командира 626-го Могилевского полка внутренних войск. Думаю, командование внутренними войсками семь раз подумало, прежде чем назначить довольно-таки молодого человека, майора, на эту должность, но лично для меня самым важным достоинством моего нового положения являлось то, что я вновь должен был начинать службу как бы с чистого листа. Полк только формировался на базе батальона Барановичского полка, и теперь предстояло сделать из него полноценную боеспособную часть — с казармами и учебными городками, с работоспособным коллективом управления полка, со своим Боевым Знаменем.

Откуда только ни прибывали офицеры в этот вновь сформированный полк: из Сибири, с Дальнего Востока, с Украины. Конечно, всем недоставало жилья, семьи офицеров приходилось размещать по общежитиям. Однако крышу, хоть временную, находили всем.

Настоящей удачей было то, что начальником штаба в этот полк был направлен и до весны 1978 года в нем служил Павел Голубец, дослужившийся впоследствии до генерал-полковника и должности первого заместителя министра внутренних дел России.

Павла я знал раньше — по Орджоникидзевскому училищу, в которое он поступил на год позже меня. Там мы и познакомились с ним: в санчасти, где я пребывал в качестве больного, а он — дневального. Быстро выяснилось, что мы — земляки, ставропольцы. Он — из Александровского района, я — из Апанасенковского. В последующем курсантская дружба переросла в офицерскую. Переписывались. Он, помню, в письме даже спрашивал у меня совета, как попасть ко мне, в Смоленский полк. Но мои инструкции ему не пригодилось: после окончания училища с отличием он был оставлен там же курсовым офицером, и мы на некоторое время потеряли друг друга из виду.

Каково же было мое удивление, когда после окончания первого курса Академии им. Фрунзе я узнал, что следом за мной туда же поступил и Павел Голубец. Ему, старшему лейтенанту, я передал по наследству ту комнатку на Волхонке, которую до переезда с Валей в академическое общежитие мы снимали в Москве. Тогда он только-только женился на своей Раисе Федоровне, и это наше первое московское жилище здорово ему пригодилось.

Получив полк, я очень обрадовался, что начальником его штаба назначен Павел — сильный, грамотный, чрезвычайно уважаемый мной офицер. Совершенно не случайно уже вскоре, через год, он стал командиром того самого Смоленского полка, в который хотел когда-то попасть после училища. Годы спустя он еще дважды станет моим заместителем: в пору, когда я командовал внутренними войсками МВД России, и тогда, когда я стал министром. Именно он в тревожные дни октября 1993 года в Москве возглавит оборону телецентра в Останкино, а на исходе первой чеченской войны после весьма нелицеприятных отзывов в российской прессе будет вынужден оставить пост первого заместителя министра внутренних дел. Моего заместителя. В полном соответствии с моим жестким решением: «Павел, мы должны расстаться...»

Во время нашего мужского, офицерского разговора не все мои аргументы были поняты им и не все показались справедливыми... Но время все расставило на свои места. Мы крепко дружим и сегодня. Павел прекрасно работает в одной из очень известных фирм, защитил кандидатскую диссертацию.

Но тогда, в 1977 году мы еще и не могли предугадать всех передряг, которые выпадут на долю нашей Родины, и тех испытаний, через которые пройдет наша с Павлом человеческая дружба.

Уже через год наш Могилевский полк по результатам командно-штабных учений был признан лучшим в 43-й Минской дивизии внутренних войск МВД СССР.

* * *

Несмотря на откровенную молодость — все таки было мне 30 лет, — за плечами у меня к тому времени было четырнадцать лет службы, одиннадцать из которых я носил офицерские погоны. С каждым днем прибавлялась уверенность в собственные силы. Опыт. Проверялись жизнью доставшиеся вместе с фамилией принципы. Я уже твердо знал, что открытые и добросердечные отношения между людьми приносят куда больше пользы, чем недомолвки. Понимал, что никогда не потерплю обмана, недобросовестности, подлости, от кого бы они ни исходили. Ни за что не стану лебезить и подхалимничать. Никогда не влезу в интригу. Никогда мой разумный командирский риск не станет авантюрой.

Далеко позади остались лейтенантские годы, когда, будучи взводным командиром, я самонадеянно считал, что достаточно мне стать ротным, как мигом улечатся все сложности и беспокойства службы. Дескать, легко ротному: дал команду командирам взводов и старшине — и гуляй себе, контролируй... Но пришедший с годами опыт только утвердил меня в мысли, что среди всех офицерских должностей, которые только могут выпасть на долю военного человека, именно должности командира роты и командира полка можно считать самыми трудными. Самыми хлопотными. Самыми бессонными.

С годами выработалась привычка: ни при каких обстоятельствах не отменять учебных занятий с солдатами, с сержантами, с офицерами. Никогда не изменял ей — ни будучи командиром взвода, ни будучи министром. Если такие занятия утверждены в плане, ничто не в состоянии их изменить. Ни плохая погода, ни другие обстоятельства.

Человеку, не посвященному в детали военной службы, вот эта моя твердость может показаться непонятной или излишне драматизируемой. Кажется, а чем еще должен заниматься командир, если не подготовкой своих подчиненных? На самом деле выходит, что совсем непросто достается ему это право заниматься нормальной и любимой работой. Никто не снимет с него ответственности за вечно ведущуюся стройку, за своевременную заготовку капусты и картошки на зиму, за выращивание поросят. За пробивание квартир своим офицерам и прапорщикам. Да мало ли еще за что.

Но как бы там ни было, мы все напряженно учились. Без командирской подготовки, без штабной тренировки, без командно-штабных учений как добиться, чтобы все подразделения и органы управления части действовали слаженно и день ото дня совершенствовались свое мастерство? Как без всего этого мы смогли бы встретить через несколько лет выпавший нам на долю Чернобыль?

Не всем нравилось это мое железное правило. И впоследствии, когда я стал министром, встречались люди, упрекавшие меня за излишнюю, как им казалось, принципиальность в вопросе подготовки личного состава. Как правило, это были любители показухи, умельцы зарабатывать удовлетворительные оценки с помощью застолий, вкрадчивых речей и подарков для проверяющего начальника. Мы каждую похвалу добывали, как говорится, собственным горбом. Больше всего меня интересовали не отличные оценки, а то, что солдаты и офицеры славились в дивизии своим мастерством.

Не секрет, что в обществе до сих пор продолжает жить странный миф о том, что на любых военных учениях, если проходят они в поле и приближены к боевой обстановке, прогнозируется процент неминуемых потерь среди личного состава.

Миф этот чрезвычайно живуч и по-настоящему тревожит людей. Каждая солдатская мать и каждый отец переживают: что если мой сын и станет той жертвой, которая будет положена на алтарь условной победы?..

Все это домыслы. Никто таких потерь не планирует. А если они и случаются, то являются прежде всего следствием слабой подготовки личного состава. Достаточно прочитать документы, которые фиксируют обстоятельства гибели солдат и офицеров даже в условиях военного конфликта, чтобы понять: почти в половине случаев смерть никак не связана с боевыми действиями. Случайный выстрел. Неумелое обращение с гранатами. Оружие в пьяных руках. Высокая аварийность. Нарушение правил техники безопасности. Поражает и то, что иные командиры даже в условиях мирного времени с легкостью относятся к проблеме небоевых потерь, считая их чем-то неизбежным в обстановке

дедовщины и недисциплинированности. Конечно, совсем равнодушных я не встречал: всякому горько и тревожно, если в его части кто-то гибнет среди белого дня. Но как бы там ни было, следует признать, что в этом отношении по сравнению с западными и с восточными армиями мы отличаемся только в худшую сторону.

Весьма поучительной стала для меня поездка в ноябре 1994 года в Китай. В ходе этого официального визита я, тогда командующий внутренними войсками, встретился с командиром одной из дивизий Народно-Освободительной армии Китая (НОАК). Надо сказать, что насчитывала она 12–13 тысяч человек, что соответствовало нашей развернутой дивизии, если бы шла речь о военном времени. Огромная махина под командованием опытного генерала, имеющего восьмилетний опыт командования этой дивизией.

Когда я спросил его о том, каковы за год небоевые потери личного состава, китайский комдив даже удивился: «Что это значит?»

Пришлось пояснить: «Ну, суициды, дорожно-транспортные происшествия, небрежное обращение с оружием... Может, кто-то в отпуске погиб или попал под поезд...»

Наконец-то он понял меня: «Дайте вспомнить». Вот что оказалось: за восемь лет, пока он командовал дивизией, произошло только два случая гибели его солдат — один утонул во время отпуска, второй тоже в отпуске попал под машину.

Все это результат настоящей дисциплины, поддерживаемой в войсках. Результат постоянной боевой учебы и бережного отношения к человеческой жизни. Кажется, население самого Китая — миллиард с четвертью, сама дивизия, по нашим меркам, огромная. Однако каждый случай небоевой потери является чрезвычайным происшествием и происходит очень редко.

* * *

Есть еще один принцип, которому я никогда не изменял — мое собственное законопослушание. В нем нет страха перед наказанием, скорее это подчеркнутое солдатское уважение к приказу, в какие бы формы он ни был облечен: будь это конституция государства, либо просто решение старшего начальника.

И словно проверяя человека на прочность, обязательно появятся соблазны. Ведь я был командиром полка, который охранял строительные объекты. Одного моего слова было достаточно, чтобы со строек могли исчезнуть самые дефицитные материалы. Достаточно было повести бровью, чтобы исполнились самые причудливые материальные пожелания.

Но никогда мне даже в голову не пришло перешагнуть эту черту. Так и возили с собой повсюду самодельную полку, солдатскую кровать и еще одну кровать, подаренную мне знакомым прапорщиком со словами, что на ней рождаются только сыновья...

Скажу прямо, на благо своей части я эти ценные контакты и определенные возможности, конечно же, использовал. Моя близость к строительным материалам и руководителям строительных трестов шла на пользу полку: появились спортзал, автопарк, овощехранилище, учебный центр, стрельбище, штаб, клуб, столовая. Совсем недавно снова побывал в полку, командиром которого был четыре года и три месяца. Сразу заметил, что за прошедшие почти четверть века никто ничего не построил. Только деревья, когда-то посаженные нами, выросли и стали большими.

Но вот кое-кого бить по рукам пришлось. Еще Львом Николаевичем Толстым, хорошо знающим порядки и обычаи старой русской армии, было отмечено, что офицеры, и тогда не очень богатые, терпеливо дожидались назначения на должность, позволявшую иметь доступ к денежному ящику батальона или полка. Это являлось пределом мечтаний. Закономерной целью многолетней службы. Ведь за эти несколько лет, предшествующие отставке, можно было, обворовывая солдат, наскрести денег на безбедную старость.

Как дань этим далеким годам и в современной армии осталось это правило: командир полка является основным распорядителем денежных средств. Некогда вожденный денежный ящик и сегодня фигурирует в Уставе, который оговаривает место его хранения —

у Боевого Знамени части. Под охраной часового. Хотя редко где встретишь его именно там. Скорее в финчасти, надежно защищенной сигнализацией. Да и сами деньги чаще всего находятся на банковском счете, а вовсе не в ящике. Но это не значит, что рачительный и честный командир может расслабиться: всегда найдутся умельцы, желающие запустить руку в полковую казну.

Попался в жизни и мне такой военный финансист, который пытался манипулировать средствами, выделенными на материальную помощь офицерам и прапорщикам. Есть такая статья расходов. Невелики деньги, но мало ли, какая жизненная проблема может возникнуть у человека: пожар, авария, а то еще хуже — похороны. Дело житейское... В иных случаях и десять рублей в кармане не окажутся лишними.

В тот раз начальник финансовой службы полка очень толково обосновал, почему прапорщик Т. может рассчитывать на материальную помощь из этого командирского фонда: «По неосторожности порвал плащ на автобусной остановке. Разрешите, я выдам ему 10 рублей?» Я помню, что на такие цели есть в запасе 150 рублей, и без тени сомнения соглашаюсь: «Конечно, надо помочь! Я не возражаю».

В расходно-кассовом ордере так и написано: «Выдать 10». Еще и прописью продублировано: «Десять». Но как, оказалось впоследствии, хитроумный начфин уже на подписанном мной документе сделал аккуратные исправления и получилось, что вместо червонца там была обозначена уже другая цифра — 110 рублей. Оказалось, что он по сговору со своим вышестоящим начальником, уже дивизионного уровня, скрывал от меня, что сумма, выделенная полку на материальную помощь личному составу, была куда большей: не 150, а 450 рублей. Так что 300 рублей они списывали в своих интересах. Была иллюзия, что полковой командир поленится проверить эти копеечные расходы. Была и надежда, что дивизионный финансист, заинтересованный в махинации, аккуратно прикроет эти нарушения.

Так оно поначалу и случилось. Когда вскрылись эти хищения, выгнать его из войск мне не дали. Единственно, что смог — так это предупредить его о неполном служебном соответствии. Однако надежду вывести этих махинаторов на чистую воду все же не оставил.

Со временем они успокоились и осмелели. Крали какие-то шины, хитрили с солдатскими деньгами, пускали корни и обрастали связями. Но, как только я был назначен командиром дивизии, немедленно затребовал из Управления командующего внутренними войсками МВД СССР, из Москвы, комиссию, которая все эти нарушения моментально вскрыла. Было противно смотреть на прежнего дивизионного финансиста, когда он, понимая исход этой проверки, начал прикидываться сумасшедшим, а руки его тряслись от страха.

Надежды, что подлог так и останется нераскрытым — способны изуродовать людей, работающих с деньгами. Соблазн богатства может изменить их жизненные ориентиры, и единственный способ лечения такой болезни — не дать им впасть в эту иллюзию. Жесткий контроль должен отрезвлять людей, через руки которых каждый день проходят наличные деньги. Те, кого чужие банкноты утянули за собой в могилу или в тюрьму, чаще всего начинали красть по-малому. Сначала перехватывали из казенной кассы на несколько дней и уже не успевали заметить, как росли и множились хищения. Как следствие возникали новые хитроумные планы, целью которых всегда становилось одно — взять еще и замести следы.

У меня нет предубеждения к людям, работающим в финансовой сфере. Но я всегда помнил об этих соблазнах и никогда не ленился производить внезапную проверку кассы. А в моем личном плане работы в графе «Когда» напротив этого мероприятия никогда не стояла истинная дата, а чаще всего оставалось пустое место: следовало избегать утечки информации. Так поступал я, будучи и командиром полка, и комдивом, и командующим внутренними войсками по Северному Кавказу и Закавказью. Помню, однажды в Ростове-на-Дону две сотрудницы финансового отдела двое суток искали ошибку, пока наконец все цифры не сошлись копейка в копейку. Ошибка была чисто техническая, но стоила она им, думаю, немало нервов. Однако эта тактика всегда приносила положительный результат: не было в моем хозяйстве воровства и недостач. Знали: приду и проверю. Не было

и сомнений: обязательно досконально разберусь в любом ворохе финансовых бумаг и на слово верить никому не стану.

* * *

В августе 1981 года, по предложению командира дивизии генерал-майора Михаила Алексеевича Лезжова, я был назначен начальником штаба все той же 43-й дивизии. Пришлось расставаться с Могилевом и заново переезжать. На этот раз в Минск, в чистую и уютную столицу Белоруссии. С этой республикой у меня связаны самые добрые чувства: там родилась дочь Наташа, там выросли и учились сыновья, там и по сей день живут друзья.

Новая должность давала возможность расти как профессионалу своего дела. Тем более, что в наследство от предыдущего начальника штаба дивизии полковника, а впоследствии генерал-лейтенанта Бориса Рамазановича Борукаева — мне достался сплоченный коллектив управленцев и отличная школа штабной культуры.

Это был очень умный и порядочный офицер. Не удивительно, что уже генералом Борис Борукаев успешно командовал дивизией, а в 1993–1995 гг. возглавлял штаб внутренних войск МВД РФ. Мы всегда разговаривали с ним на одном языке, всегда понимали друг друга. Я имею в виду наши одинаковые подходы к методике обучения личного состава, к тактике действия подразделений и частей, к совершенствованию системы службы. Все это, конечно, не мешало нам жестко и принципиально разговаривать на болезненные темы. Скажем, когда у меня, командира полка, ведущего большое строительство, начальник штаба дивизии вдруг отбирает кран и передает его в другой полк... Конечно, я отстаиваю свою позицию, но плетью обуха не перешибешь. Когда мои аргументы заканчивались, Борукаев все равно свое решение оставлял в силе. Делать нечего: надо сдерживать свои эмоции, даже когда приказ командира кажется тебе несправедливым. Это тоже жизненная школа для офицера, постепенно привыкающего к тому, что старшему начальнику всегда виднее.

Признаюсь, и мы с Павлом Голубцом, оба командиры (я — Могилевского, он — Смоленского полка 43-й дивизии ВВ МВД СССР), в полной мере впитывали в себя новации Борукаева. Хоть и был Борис Рамазанович старше нас с Павлом по возрасту, но, как и мы, считался еще очень молодым начальником штаба дивизии. Во всяком случае на фоне тертых жизнью и поседевших в конвое офицеров, которых было немало вокруг нас. Их откровенно обиженные взгляды в нашу сторону мы не могли не замечать. Лично я и сегодня отношусь к этим людям с симпатией и не помню обид. Наверное, тогда мало кто мог представить, как уже через десятилетие изменятся наши войска. Что конвойная функция, считавшаяся одной из основных, будет ими со временем утрачена, а лицо современных внутренних войск будут определять части оперативного назначения, наш боевой спецназ и наша собственная разведка.

И я с Голубцом, и генерал Борукаев не прошли мимо этих событий потому, что уже тогда в нас, молодых командирах, зрело это ощущение будущих перемен, способных сделать ВВ настоящими Воюющими Войсками. Именно такими, какими они и были востребованы временем.

«Школе Борукаева» я не дал угаснуть. Напротив, всячески ее совершенствовал, добавляя в нашу штабную работу свой напор, педантичность и практически круглосуточную работоспособность. Это было счастливое время, когда за успехи в боевой и политической подготовке в условиях мирного времени наша дивизия была награждена орденом Красного Знамени и стала именоваться Краснознаменной. В этом, несомненно, была заслуга и штаба дивизии, офицеры которого блестяще справлялись со своими обязанностями и были подготовлены для работы в экстремальных условиях.

На учениях штаб легко справлялся со всеми вводными, а офицеры были готовы к взаимозаменяемости, если этого потребовала обстановка. Работу нашего штаба отметил командующий внутренними войсками МВД СССР, генерал армии Иван Кириллович Яковлев, чрезвычайно уважаемый нами генерал. Хвалил он редко, а потому его

положительное мнение считалось самой высокой наградой. Для нас, имевших общевоинскую подготовку и являвшихся по профессии мотострелками, очень важны были оценки этого военачальника, прошедшего Отечественную войну и выросшего в недрах иной ведомственной структуры — в Вооруженных Силах СССР. Наш профессионализм он мерил по иной шкале, чем те генералы МВД, которые жили вчерашним днем и еще помнили стародавние песни о том, что «лучше нету войск на свете, чем войска НКВД...»

И он, и мы не отмахивались от истории и старались черпать из нее лучшее. Но следует признать, что до прихода Яковлева в войска они сильно отличались от армейских частей. И часто не в лучшую сторону.

Мы это отлично понимали и старались, как могли, стирать эти различия. Нам казалось важным, чтобы уровень управления и условия жизни наших солдат были приближены к эталонам, принятым в Советской Армии. И как бы ни были специфичны условия нашей службы, становилось ясно — общеизвестный «гулаговский» имидж внутренних войск себя исчерпал и нуждался в реставрации.

Все это не значит, что мне задним числом хотелось бы внести свое имя в список особых смельчаков и провидцев, предугадавших изменение общественного строя в стране. Скажу честно: об этом я просто тогда не задумывался. Вперед нас вели совсем другие чувства: желание сделать родные войска боееспособными и сильными. Надежда стать умелыми командирами, профессиональная подготовка которых не только ни уступала бы, а, напротив, превосходила ту, что имели наши армейские коллеги — мотострелки, спецназовцы, разведчики.

* * *

Еще на должности командира полка мне досрочно было присвоено очередное воинское звание подполковника. По прошествии положенных лет выслуги я, конечно же, с нетерпением дожидался уже полковничьих погон, мысленно примеряя каракулеву папаху, которую по правилам тех лет могли носить только полковники и генералы. В армейской среде это долгожданное и торжественное событие, символизирующее, что обладатель полковничьего звания достиг некой вершины и состоялся как офицер полкового и даже дивизионного звена. Некий итог жизни, подведя который можно уверенно сказать, что ты чего-то все-таки достиг в этой жизни.

Не следует делать из этого фетиш: многие достойные и талантливые офицеры по разным причинам сходят с дистанции на предыдущих этапах, но неоднократно воспетое литературой воинское звание «полковник» не только звучит коротко и красиво, но дает его обладателю право утверждать, что военная профессия выбрана им не напрасно.

Эти мои мечты были развеяны решениями нового министра внутренних дел генерала Федорчука, известного своими экстравагантными поступками. В нарушение положения о прохождении службы стало применяться правило, когда очередное воинское звание во внутренних войсках стало присваиваться только через полгода после окончания положенного срока. Но это был только частный случай кадрового произвола в МВД, которое в то время начали покидать тысячи профессиональных сотрудников внутренних дел. Чего стоило решение нового министра о том, что дети сотрудников и военнослужащих МВД лишались права служить в милиции и во внутренних войсках. Косые взгляды подхалимов могли стегнуть по тебе даже тогда, когда твой сын только задумался о поступлении в училище или в школу МВД.

«Реформы Федорчука» пришлись как раз на то время, когда Минское Суворовское училище окончил старший сын — Сережа. Казалось бы, ничто не может помешать его желанию поступить в Орджоникидзевское училище внутренних войск, которое окончил его отец. К тому времени оно стало высшим командным училищем — отличный старт для офицера! Ведь нет ничего плохого в том, что сын идет по стопам отца.

Но, поразмышляв, мы с сыном пришли к выводу, что не стоит рисковать будущей

Сергиной карьерой. Могло оказаться так, что после окончания ему бы не позволили служить в системе МВД, а его хоть и военный, но «эмвэдэшный» диплом не давал ему шансов на успешное продвижение в Советской Армии. Решили так: хорошее пехотное образование еще никому не повредило... И Сергей поехал учиться в Петродворец под Ленинградом — в Высшее командное общевойсковое училище Министерства обороны.

Через много лет, прочитав где-то написанные с обидой слова Федорчука о том, что министр внутренних дел России Куликов однажды его не принял, я снова вспомнил события тех дней. И не пожалел, что знаю Федорчука только заочно.

Сам я, конечно, не умер оттого, что погоны полковника получил на полгода позже. Мой штаб считался лучшим, а дивизия — передовой. К тому же никаких взысканий у меня не было. Поэтому ничто не мешало событиям развиваться своим естественным путем. Но вопрос о целесообразности каких-либо кардинальных изменений в порядке присвоения очередных офицерских званий перестал иметь для меня отвлеченное значение. Своевременное присвоение очередного воинского звания является для офицера сильным стимулом. Особенно когда он служит на совесть. Когда проявляет мужество и отвагу.

После моей отставки с поста министра в печати появились резкие оценки, дескать, при Куликове появилось много генеральских должностей и, следовательно, много новых генералов. Их нужно «резать». Ответ на это прост: ничего плохого в этом я не вижу. Особенно в наших условиях, когда зарплата генерала на несколько долларов в рублевом эквиваленте больше зарплаты полковника. Но если государство по своей бедности не может справедливо отблагодарить офицера за его труд в боевых командировках, под пулями боевиков, то пусть хотя бы генеральская звездочка на погонах станет ему утешением за честную и многолетнюю службу.

Интересна судьба моей полковничьей папахи. Став генералом, я, конечно, получил новую, генеральскую или, как у нас говорят, «папаху с красным верхом». Но и прежнюю, тоже сделанную с душой — не выбросил. А подарил ее, уже будучи командующим внутренними войсками по Северному Кавказу и Закавказью, своему соседу по ростовской квартире — Василию Колеснику. Она новоиспеченному полковнику милиции пришлось впору и благотворно отразилась на его судьбе: Василий стал генерал-майором, начальником Северо-Кавказского управления внутренних дел на транспорте. А до этого ее по очереди носили мои полковники-однокашники по Академии Генерального штаба — будущий начальник Главного штаба Министерства обороны Республики Беларусь генерал-лейтенант Николай Чуркин, будущий преподаватель Академии Генштаба Валерий Бондаренко и будущий облвоенком в Волгограде генерал-майор Владимир Киселев. Так что стала моя папаху вроде как колыбелью для целой плеяды будущих генералов.

* * *

По прошествии четырех с половиной лет на должности начальника штаба дивизии в 1986 году в моей службе наметились кое-какие изменения. Сигналом к этому стал внезапный вызов в Москву и неожиданное предложение перейти на должность заместителя начальника штаба — начальника Оперативного управления Главного управления командующего ВВ МВД СССР. На генеральскую должность, где я должен был сменить генерал-майора Владимира Николаевича Смирнова.

В тот день, когда я приехал в Москву, в главке шло заседание военного совета, но то его заседание, где должна была решаться моя судьба, должно было состояться только на следующий день. Было время подумать и все хорошенько взвесить. Но за эти часы вынужденного ожидания окрепла уверенность, что мне рановато еще с должности начальника штаба дивизии вдруг перебираться в оперативное управление. Если признаться честно, то я не сомневался, что с новыми обязанностями справлюсь: сама по себе оперативная работа, работа с картами мне нравилась и даже отчасти была моим коньком. Но теперь мне, познавшему вкус настоящей командирской работы, меньше всего хотелось

утонуть в бумагах и затеряться в московских коридорах. Генеральские перспективы, конечно, волновали, но не настолько, чтобы сменить живую работу в войсках на кабинетное существование.

Вечером того же дня меня принял командующий — генерал армии Иван Кириллович Яковлев, которому я высказал только часть своих размышлений о том, что мне рановато претендовать на предлагаемую должность. Простодушно его попросил: «Оставьте меня на прежнем месте. Там я принесу больше пользы...» Яковлев ядовито заметил: «По-вашему выходит, что только вы там пользу приносите, а мы здесь валяем дурака?» Я тотчас поправился: «Товарищ командующий, я вовсе так не считаю». «То-то же!» — сменил он гнев на милость, но, хитро на меня посмотрев, спросил с вызовом: «Ты что же думаешь остаться там, в Минске? А что, если я прикажу тебе и ты поедешь в другое место?» «Хоть завтра, — ответил я, — но только на самостоятельную работу!»

Я несколько не кривил душой. Такова судьба военного человека: далеко не всегда ты волен выбирать место службы. Но в тот момент мне действительно было все равно, куда пошлет меня командующий: хоть на Дальний Восток, хоть в автономную Республику Коми. Но только не в Москву! Иван Кириллович мою прямоту оценил. Сказал как отрезал: «Иди! Готовься! Я тебя отправлю!..»

На заседании военного совета на следующий день я сидел среди прочих назначенцев. Командующий поднял меня и сообщил совету: «Куликов был у меня на приеме. Просил не трогать. Думаю, мы прислушаемся к его мнению — пусть работает...» Я был искренне рад такому повороту событий и засобирился домой. Но, видимо, такая уже пошла полоса в жизни, что избежать перемен в судьбе мне было уже не дано. Раздался телефонный звонок. Это был генерал-лейтенант Федор Васильевич Бубенчиков, бывший мой командир по Ростовской дивизии, а теперь начальник штаба внутренних войск МВД СССР. С сожалением вздохнул: «Ну вот, ты отказался...» «Отказался», — виновато признался я, догадываясь, какое мнение имеет сейчас обо мне Бубенчиков, заместителем которого я сегодня так и не стал.

Но Федор Васильевич, оказывается, звонил совсем по другому поводу: «Тебе командующий говорил, что ты поедешь в другое место? Говорил! Так что готовься принимать Куйбышевскую дивизию». Спросил напоследок: «Ты согласен?» «Так точно, согласен!», — ответил я и вскоре отправился утверждаться на эту должность. Вот только в Куйбышев я так и не поехал. Видать, на роду мне было продолжать службу в родной 43-й Минской дивизии, откуда я уезжал в Москву за новым назначением. Пока утрясали формальности по поводу моего перевода в Куйбышев, командующему ВВ МВД СССР позвонил министр внутренних дел Белорусской ССР генерал Виктор Алексеевич Пискарев. Сообщил Яковлеву следующее: «Знаю о назначении Куликова. Но руководство республики просит оставить его на месте, тем более что командир его дивизии генерал-майор Михаил Лезжов подал рапорт об увольнении по возрасту. Если уж решили выдвинуть Куликова на комдива, то пусть командует здесь, в Минске...» После недолгих размышлений Яковлев согласился.

* * *

Принятые в те годы правила гласили, что соискатель на генерал-майорскую должность командира дивизии должен пройти собеседование в Центральном Комитете коммунистической партии СССР (ЦК КПСС) на Старой площади в Москве. Не избежал этой процедуры и я. Никаких сомнений по поводу целесообразности этой торжественной церемонии у меня не было: во-первых, это было обязательное условие, во-вторых, партийная работа для офицера являлась естественным делом. Будучи командиром полка в Могилеве, я был, например, членом горкома партии. К тому же считалось, что ЦК КПСС, вернее, тот его отдел, который контролировал работу правоохранительных органов, служит серьезным фильтром, способным отсеять недостойного человека. И впрямь, иные работники ЦК имели

очень серьезный опыт кадровой работы. Несерьезный, легкомысленный человек, если по какому-либо недосмотру он все-таки достигал мягких ковровых дорожек ЦК, вряд ли мог рассчитывать на их снисхождение.

Я знал, как работала система партийного отбора в наших войсках. Взять хотя бы начальника Управления кадров ГУК ВВ СССР, а впоследствии начальника Управления кадров МВД СССР генерал-лейтенанта Ивана Филипповича Мельника. Фронтовик, бывший политработник, он не по одному разу побывал в каждом из 180 полков, которые насчитывали наши войска. И не пил, не закусывал, а работал. То есть бывал на занятиях, на совещаниях у каждого командира полка. И каждого брал на заметку: вот этот годится, а этот послабее. Вот этот потянет на начальника штаба дивизии, а этот — на заместителя по боевой подготовке. То есть отбор был серьезный, и внимательный взгляд Мельника все замечал и запоминал в деталях. Конечно, без его ведома никто на Старую площадь просто бы не попал.

В таком подходе я не видел ничего плохого. Наоборот, следует признать, что подобный отсев могли пройти только люди по-настоящему способные. Так происходила кристаллизация командного состава. Не знаю, как раньше, но в эти годы там уже мало обращали внимание на рабоче-крестьянское происхождение, а смотрели, как тот или иной командир умеет работать. Не исключаю, что часть приспособленцев просачивалась через сито, но это были все-таки единицы. Стоит вспомнить и о том, сколько умного и толкового было сделано в области воспитательной работы и в области укрепления дисциплины. Та же работа с семьями. Суды офицерской чести. Женсоветы. Жаль, что многое из этого сегодня утрачено, в то время как сама жизнь показала — так и остались главным бичом гарнизонной жизни пьянство да похождения. В то время как суд офицерской чести очень многих привел в чувство. Многих спас от падения. А еще больше заставил задуматься и найти свое место в офицерском коллективе.

Однако многие из нас, те, с кем велись в ЦК собеседования, понимали, что отчасти был в них нафталиновый запах давних партийных ритуалов. Каждый из нас повидал на своем веку разных партийных работников, и этого опыта было достаточно, чтобы составить собственное мнение.

Мне лично был памятен случай, когда я, будучи командиром полка, очень сильно засомневался в праведности иных представителей высоких эшелонов партийной власти. Как-то позвонил комдив и строгим голосом известил: «К нам едет инструктор ЦК КПСС, который вместе с группой офицеров главка будет проверять в твоём полку работу офицеров ротного звена». Естественно, я засучил рукава и каждый день комдиву докладываю, что сделано, а что не сделано. В общем, держу его в курсе, а сам подтягиваю хвосты. Накануне приезда поинтересовался, как следует принимать гостей, надо ли заказывать гостиницу, как кормить... Комдив, разумеется, волнуется: «Я узнаю и сообщу позже. Но ты учти, не вздумай организовывать выпивки и все такое!.. Это же инструктор ЦК!»

Да я и сам понимал — ну какие тут могут быть застоля, если едут государственные люди? К тому же я сам не любил, когда разнообразные комиссии, наезжавшие в часть сверху, иногда начинали путать работу с отдыхом. Молчал, конечно, если это были представители вышестоящих штабов, но и особым хлебосольством, что называется, в дивизии не славился.

На всякий случай обратился за советом к бывалому человеку — к начальнику Управления внутренних дел Могилевской области генерал-майору милиции Николаю Филимоновичу Дубасову: «Так и так, гостиницу я заказал...» Он в свою очередь засомневался: «Может, их на моей служебной даче разместить? Там свободно. Может, пообедают...» Я озабоченно вздохнул: «Комдив меня строго предупредил — никаких застолий. Он, видимо, этого инструктора хорошо знает». Но Дубасов заронил в мою душу зерна сомнения: «Ты знаешь, у меня об этом человеке совершенно другая информация».

Прибыли. Конечно же, мы с начальником УВД приехали в обком партии встретить инструктора. Вышел и первый секретарь обкома Виталий Викторович Прищепчик. Мы, как полагается, представились инструктору ЦК. Вскоре секретарь поехал по своим делам, а мы с

москвичом отправились в гостиницу, которая инструктору сразу же не понравилась. Говорит: «Лето. Жарко. Нет ли чего у вас попримечнее?» Дубасов сразу же предложил свою дачу: «Там Днепр рядом...» Инструктор ЦК кивает головой: согласен!

Все же накрыли ужин. Я только пригубил и попросил разрешения отправиться в полк: там работала группа офицеров из главка — те, что приехали вместе с представителем ЦК. Мой комдив и Дубасов остались, чтобы поддержать протокольное мероприятие. На всякий случай на даче остались дежурить адъютант командира дивизии и начальник продовольственной службы моего полка вместе с поваром.

Проходит день. Я звоню туда комдиву: «Все ли в порядке?» Комдив в ответ: «Все нормально!» Но и в последующие трое суток инструктора в полку нет. Только адъютант приезжает: «Анатолий Сергеевич, надо опять водки...» Мы его под самую завязку загружаем, а он говорит обреченно: «Ты будешь сейчас смеяться, инструктор этот говорит комдиву: «Ты куда меня привез? Того нет, сего нет! Газет нет!..» Его переспрашивают: «Нет газет почитать?» А он в ответ рычит: «Какой хрен, почитать!? Задницу подтереть нечем!»

Генерал-майор Дубасов каким-то чудом вырвался с дачи: «Ты знаешь, Анатолий, чтобы так пили водку — я еще не видел!» Я вижу — Дубасова всего аж передергивает. Он выскочил с днепровского берега под предлогом, что ему милицией области надо управлять. А бедный мой комдив один отдувается. Ему бежать некуда: это в его дивизию нагрязнул с проверкой инструктор.

Через трое суток он до нас все же доехал и я, как полагается, с рапортом шагнул ему навстречу... В свою очередь инструктор посмотрел на меня пустыми, обезвоженными от водки глазами и несказанно меня удивил. «Здравствуйте!», — поприветствовал он меня в ответ. И, чуть помедлив спросил: «А вы, собственно, кем здесь работаете?..»

Глубинных моих убеждений этот человек своим поведением, конечно же, не поколебал. Вот только задуматься заставил, что лично я себя от подобных коммунистов отделяю. Большинство из нас искренне разделяли идеологию своей партии, понимая справедливость многих ее постулатов. И пахотной, тяжелой работой добивались того, чтобы хотя бы на шаг приблизиться к неведомым горизонтам, за которыми нам грезилась иная — чистая и яростная в своей народной правоте жизнь, именуемая коммунизмом. Но найдется ли человек, способный обвинить нас в искреннем человеческом простодушии?

* * *

В том, что наличие партийного билета в кармане кителя или пиджака никак не отражается на личных качествах человека, мне пришлось убедиться еще раз вскоре после своего назначения на должность командира Минской дивизии. Назначен я был в январе, а уже 27 апреля 1986 года пришло известие о том, что на Чернобыльской атомной электростанции произошел взрыв ядерного реактора на одном из энергоблоков. Об этом я узнал от заместителя министра внутренних дел Белоруссии Константина Михайловича Платонова. Предчувствуя масштаб беды, начал готовить дивизию к чрезвычайным событиям. Попросил немедленно подготовить карту этого района и расчет времени на совершение марша в район аварии. Предупредил командиров мотострелкового полка и специального моторизованного батальона о том, что им следует находиться в готовности к выполнению задачи в отрыве от пункта постоянной дислокации.

Какой-то особой информацией я не располагал, и предстояло только догадываться, к каким последствиям может привести эта техногенная авария. На первомайской демонстрации ко мне подошел один из знакомых генералов из республиканского МВД и приватно сообщил: «Ситуация очень хреновая...» А утром следующего дня позвонил Иван Кириллович Яковлев: «Ты в курсе?» Я коротко доложил: «Да». Командующий сказал: «Тогда дай команду, чтобы тебе склеили карту района». Я: «У меня все под руками. Карта готова и лежит на столе». Яковлев: «Ну тогда слушай задачу...»

И он продиктовал мне по ВЧ, по закрытой связи, задачу для частей моего соединения:

выставить заставы в районе, примыкающем к АЭС, и не допустить в аварийную зону тех людей, присутствие которых там ничем не оправдано. При этом быть готовым к тому, чтобы оказать содействие в эвакуации людей с зараженной территории. Яковлев решил, что туда должен отправиться мотострелковый полк. Еще он уточнил у меня: «Когда ты будешь готов?», на что я ему ответил: «Уже готов, товарищ командующий!» «Как готов? Ты же еще не получил задачу», — удивился Иван Кириллович. Но на этот счет я его сразу же успокоил: «Все расчеты провел. Полк держу в часовой готовности. Все офицеры на местах». Яковлев, я почувствовал, был доволен моей расторопностью: «Давай, отправляй!..»

3 мая, в 5.00, мотострелковый полк убыл в район аварии. Сам я оставался в Минске до 10 мая, занимаясь подготовкой своих частей и отдельных подразделений на тот случай, если обстановка потребует их применения. 9 мая заместителем министра внутренних дел Белоруссии генералом Борисом Ивановичем Матусевичем я был извещен, что в ближайшее время на ЧАЭС ожидается ядерный взрыв мощностью до 200 килотонн. Это означало, что в радиусе 100 километров необходимо было в кратчайшие сроки произвести отселение людей и эвакуацию охраняемых объектов.

Неотъемлемой частью гражданского населения являлись и обитатели исправительно-трудовых колоний, эвакуация которых была сопряжена с известными трудностями. Мы не могли подставить под удар заключенных, как, впрочем, не имели и права просто распахнуть ворота лагерей. Поэтому срочно готовились варианты постановления Верховного Совета, которое оговаривало возможность освобождения тех заключенных, которые не представляли особой опасности. В то же время составы из «стольпинских» вагонов, именуемых вагонзаками, уже шли к местам погрузки, чтобы вывезти оказавшихся в опасности убийц, насильников, воров-рецидивистов, которые не могли рассчитывать на снисхождение власти. Их спасение было частным случаем эвакуации, но справедливость этого шага никем не подвергалась сомнению. Подло оставлять в опасности людей, свобода передвижения которых ограничена, а беда, в которую они попали — не имеет ничего общего со справедливым наказанием. Примерно также много лет спустя поступили саратовские милиционеры, когда во время пожара, случившегося в областном Управлении внутренних дел, первым делом спасали из огня подследственных и осужденных, оказавшихся в здании УВД. Погибли сами, но успели открыть все арестантские запоры и решетки.

Слава Богу, что предполагаемый ядерный взрыв, к которому готовились мы, все же не случился. Хотя каждый из нас, кто отправлялся в район катастрофы — я имею в виду прежде всего офицеров, — отлично представлял себе все опасности, которым мы могли подвергнуться в очаге заражения. И чисто теоретически, и по рассказам наших товарищей по службе: без внутренних войск не обходилось ни одно ядерное испытание в нашей стране. Все атомные электростанции, научно-исследовательские реакторы, испытательные полигоны и военно-промышленные предприятия, на которых изготавливается ядерное оружие — находятся под охраной именно внутренних войск. И хотя лично у меня такого опыта не было, но по-офицерски, по-мужски я был готов к тому, что поставленная передо мной задача вполне могла оказаться последней в военной биографии полковника Куликова.

Но это время выбрало нас и, как оказалось впоследствии, тогда на каждом из нас свои отметины расставила по своему расчету... Одним досталась смертельная доза, другим — такая, что покалечила всю оставшуюся жизнь. Есть и такие счастливицы, которых, кажется, пронесло над бездной без особых последствий для здоровья, но, как бы там ни было, чернобыльский след у каждого из нас в душе остался навечно. Как пример беды, порожденной нашими национальными пороками: штурмовщиной, разгильдяйством и наплевательским отношением к человеческой жизни. Но в то же время как пример особого боевого братства людей, позже названных чернобыльскими ликвидаторами.

И в этом братстве у каждого было свое место. И у пожарного караула, который, будучи обреченным, до конца выполнил свой долг во время тушения 4-го энергоблока АЭС, и у караула внутренних войск, который в момент аварии продолжал оставаться на своих постах,

хотя каждый из этих офицеров и прапорщиков по уровню радиации мог совершенно точно рассчитать свой смертный час. И все те тысячи людей, настоящих патриотов Родины, которые добровольно или по долгу службы отправлялись волна за волной в эту мертвую зону, центром которой являлся разрушенный реактор. И никакие провидцы еще не мог

* * *

Оценивая русских и Россию, одна из западных газет дала довольно меткое определение нашим победам и поражениям, свершенным в обозримом прошлом: «Эта цивилизация построена на подвиге...» А чтобы не было никаких сомнений в точности определения, даже слово «подвиг» оставила нетронутым, лишь переименовав его на латиницу. Чтобы, не дай Бог, не спутать этот загадочный русский феномен — podvig — с другими иностранными словами, обозначающими нечто похожее. Подвиг по-русски — это самоотверженный поступок или усилия людей, производимые постоянно с чудовищным напряжением, с отвагой и мужеством, но при этом не считаясь с потерями людских и материальных ресурсов. Как гражданин России, я с уважением отношусь к подвигу нашего народа и в свою очередь всегда старался быть его участником. Как генерал и ученый, я не могу не сожалеть, что проявление подвига стало для нашего народа обыденной необходимостью. Почти барщиной, которую ценой своих жизней вынуждены отрабатывать самые лучшие люди Отечества, чтобы хоть как-то компенсировать отсталость в технике, глупость в экономике и бездарность в политике. Иногда кажется, что герои — это самый качественный продукт, который производится на наших просторах.

Ликвидация чернобыльской катастрофы — в череде таких подвигов, когда в лучших традициях Отечества все бреши были аккуратно завалены телами погибших героев. В переносном смысле, конечно. Тем более что настоящая правда откроется только через много лет, когда десятками и сотнями начнут умирать ликвидаторы этой беды. А подвиг — он состоялся!.. И какими бы нелепыми ни были причины аварии, они не могут затмить мужества людей, которые, не считаясь с опасностью, сделали все возможное, чтобы спасти жизни и здоровье миллионов своих сограждан.

Там я поражаюсь трудолюбию, стойкости, бесстрашию офицеров и солдат своей дивизии. Иных, как начальника автомобильной службы дивизии Сергея Петровича Юрченко и командира 362-го мотострелкового полка Анатолия Петровича Бобровника — приходилось иногда вытаскивать из зоны в приказном порядке: они практически все время находились в районе катастрофы. Очень четко и эффективно работали старшие офицеры — начальник штаба дивизии Юрий Антонович Капля, начальник отделения боевой подготовки дивизии Валерий Михайлович Левитин, начальник оперативного отделения Феликс Иосифович Дзеранов. Это те офицеры, которые возглавляли на месте аварии оперативные группы дивизии и сделали немало, чтобы обеспечить своевременную эвакуацию людей из зараженной местности. Редко, когда бывали случаи, чтобы кто-то из моих подчиненных проявлял себя не с лучшей стороны. Повторяю, это была самоотверженная работа, в которой мне, еще не имевшему реального боевого опыта, вдруг открылась одна удивительная особенность, которую следовало учесть на будущее.

Я увидел, как сильно стали различаться мои офицеры, попав в экстремальную ситуацию. Казалось бы — вот офицер К. С ровным послужным списком, умеющий в повседневной службе, лишенной опасностей, обеспечить в части, в подразделении чистоту и порядок, столь милые сердцу начальства. Он хоть и пыль немного в глаза подпустит, но сумеет все недостатки компенсировать за счет хорошего ужина и бани, особенно если командир к этому склонен. А в условиях настоящей боевой работы теряется... Не может правильно оценить обстановку. Нервничает, а что еще хуже — начинает дергать подчиненных.

В то же время становятся заметны другие люди — точные, собранные, инициативные. Иные из них в обыденной жизни за принципиальность свою, за неумение прогибаться больших должностей не нажили, но в обстановке боевой становятся просто незаменимыми.

Их выдвигает время и обстоятельства. На них следует опираться. Их офицерское предназначение полностью оправдывается.

Я, конечно же, не сделал никакого открытия, отметив про себя, что командиры мирных лет вряд ли подходят для того, чтобы действовать в боевой обстановке. История Великой Отечественной войны, особенно события 1941 года, явственно продемонстрировала эту закономерность: война кристаллизует особую генерацию командиров, способных принимать быстрые, неординарные решения и умеющих брать на себя всю полноту ответственности. Но то, что я мог предположить чисто теоретически, в Чернобыле происходило на моих глазах. И это был урок, который мне пригодился в жизни: кадровые решения надо принимать не в бане, а в поле!

Для того, чтобы точно представлять себе ситуацию, сразу после прибытия в район АЭС вместе с офицерами-дозиметристами я поднялся в воздух на вертолете. Прошли над разрушенным реактором. Досконально исследовали нашу зону ответственности и провели рекогносцировку рубежа ограждения. Мне нужно было «привязаться» к коммуникациям и подумать над тем, как правильно расставить силы и средства.

Штаб дивизии подготовил предварительные расчеты, подкрепленные результатами радиационной разведки: район фактического заражения вовсе не представлял собой четкий круг, центром которого был поврежденный реактор. В соответствии с розой ветров он был больше похож на очертания сапога, большая часть которого находилась на территории Белоруссии. Было принято решение: 10-километровый радиус объявить зоной отчуждения, а 30-километровый — зоной отселения. Целью полетов над Чернобылем, таким образом, становилось то, чтобы творчески увязать требования вышестоящего оперативного штаба по ликвидации последствий аварии с реальной обстановкой в зоне ответственности дивизии.

Одно дело — обозначить 10-километровый радиус и совсем другое — увидеть на местности, что гипотетическая граница зоны проходит по топкому болоту или там, где намертво встанет любая техника. В таком случае можно на километр, на два отступить, чтобы ограждения, построенные для того, чтобы исключить любое несанкционированное проникновение, могли сослужить добрую службу и были возведены в срок. Тем более, что времени у нас было в обрез.

Так что, пользуясь командирскими полномочиями, я решительно двигал границы зоны, основывая свои решения на данных радиационной разведки и на принципах здравого смысла. Оптимальный вариант находился всегда, и наша тяжелая работа стала понемногу давать результат. Солдаты и офицеры в нее втянулись: не было случая, чтобы кто-то пренебрег своими обязанностями, струсил или переложил свою ответственность на другого. Все понимали: в нашей судьбе Чернобыль станет очень важной страницей, мерилом и честью, и достоинства.

Помимо охраны своей зоны ответственности, внутренним войскам приходилось заготавливать и строевой лес для будущих ограждений, которые возводились военнослужащими 25-й Чапаевской дивизии Советской Армии. У меня сложились хорошие рабочие отношения с ее командиром генералом Анатолием Макаровичем Егорычевым (Впоследствии мы учились с ним в Академии Генерального штаба. — Авт.).

Тогда мы с ним немало времени потратили на размышления, как обеспечить высокие темпы строительства, которые нам задавались свыше. С одной стороны, вроде бы можно было сослаться на вечную нехватку вагонов, груженных стройматериалами, которые прибывали из северных районов страны, с другой стороны — кто бы нас понял в этой ситуации...

Поэтому, присмотрев какой-нибудь «чистый» от радиации лесок — случались очаговые заражения — и согласовав свои действия со штабом по ликвидации последствий аварии и республиканскими властями, я давал команду этот лес рубить, протравливать и, не дожидаясь вагонов, пускать его на обустройство охраняемого периметра. К сентябрю мы уже сдали четыре военных городка для новых застав, включая казармы и караульные помещения, получили новую технику, а в 1987 году — в районе аварии сформировали новый полк под

командованием полковника Олега Калюжного, будущего командира 100-й Новочеркасской дивизии, обязанностью которого и стало несение службы именно в районе этой страшной техногенной катастрофы.

Тогда же неприятно поразил следующий факт: городки уже были почти готовы, когда выяснилось, что радиоактивное заражение местности, где они были построены, не отвечает нормам безопасности. То есть превышена предельно допустимая концентрация по радиации — и в них жить нельзя. Связался с Москвой: «Как быть?» «Не волнуйся, — ответили мне, — нормы уже изменены в сторону увеличения, и получается так, что городки для жилья вполне годятся». Возразить было нечего. Если наверху считали, что солдату сгодиться и так, тогда перед Богом и совестью они взяли ответственность на себя. И ушли от ответственности перед теми, кто, не жалея себя, на берегах Припяти спасал престиж великого, но очень больного государства.

* * *

Очень важным для меня событием того времени был неожиданный звонок из Москвы, из Главного управления командующего ВВ МВД СССР, когда коротко со мной переговорил Анатолий Николаевич Ухов, кадровик. Это было в конце 1986 году. Спросил: «Анатолий Сергеевич, как ты смотришь, если в следующем году тебе будет предложено поступление в Академию Генерального штаба? Имей в виду, что это командующий будет тебе предлагать...»

И долгое время я находился под впечатлением этого разговора. Академия Генштаба еще с лейтенантских времен была самой потаенной и самой заветной мечтой. И еще мечтой абсолютно невыполнимой, так как офицеры из внутренних войск, за исключением генерала Бориса Константиновича Смылова, окончившего эту академию в 1970 году, в эту самую высшую военную школу страны не принимались.

Конечно, я дал утвердительный ответ: «Если это так, то я обязательно воспользуюсь предложением...»

Честно говоря, должность командира дивизии для меня, полковника, представлялась венцом военной карьеры. Не то, чтобы высокие генеральские горизонты меня не манили вовсе, но я и так был благодарен судьбе за то, что моя служба шла успешно и приносила профессиональное удовлетворение. Чего же большего желать крестьянскому сыну, особенно когда самые заметные генеральские карьеры делаются в Афганистане, в Вооруженных Силах, где умелый комдив может рассчитывать на продвижение в корпус, в армию, в округ. Во внутренних войсках таких объединений не было. Карьера непосредственно в войсках оканчивалась планкой командира дивизии, а дальше мог идти только штабной взлет в рамках нашего главка МВД.

Так реально я оценивал свои возможности, при этом, правда, осознавая: мог бы потянуть и больший воз, но при условии, если удастся получить хорошую оперативно-стратегическую подготовку, которую могла дать только неприступная для нас Академия Генерального штаба им. К. Е. Ворошилова.

Однако в следующем году поступление мое не состоялось: сама академия, как ожидалось, не переехала в Москве с улицы Шаболовки на проспект Вернадского, и мою кандидатуру автоматически перенесли на 1988 год.

Осенью 1987 года мне в Минск позвонил новый командующий войсками генерал-полковник Юрий Васильевич Шаталин с предложением поехать на службу в Хабаровск, на должность начальника штаба Управления ВВ по Дальнему Востоку и Восточной Сибири. В таких случаях отказывать — только злить командующего. Особенно если он по-человечески к тебе расположен. Только напомнил: «Вы же мне сказали, что я поеду учиться в академию. Я уже, честно говоря, настроился...»

Шаталин мне возразил: «Да зачем она тебе нужна, эта академия? Тебе папа с мамой дали эту академию... Давай, поезжай: мне в Хабаровске начальник штаба нужен!» Вот и весь

сказ. Я только и смог, что попросить у Шаталина сутки на размышление.

Да только какое может быть размышление у военного человека, когда тебя командующий отправляет на новое место службы да еще с повышением в должности. Я расстроился. Черт возьми, так хотелось в академию!.. Я ведь не дальнего Хабаровска страшусь. Мне без разницы, куда ехать: хоть на север, хоть на юг. Но только мне самую высокую мечту подрубают, особенно когда к ее выполнению я приблизился и разве что только руками не мог ее потрогать...

Утром следующего дня звоню Шаталину: будь, что будет!.. На мое счастье, его на месте не оказалось. Поэтому уже смелее выхожу на заместителя командующего по кадрам генерала Крупина. Он уже все знает: «Ну что ты там решил?» Упрямо стою на своем: «Я бы очень вас просил оставить меня кандидатом для поступления в академию. После ее окончания поеду, куда прикажете...» Крупин, с сомнением правда, мне ответил: «Ну что ж, я тебя понимаю и попробую еще раз переговорить с командующим».

Позвонил поздно вечером: «А.С., я переговорил. Командующий с нашими доводами согласился». Когда я это услышал, честно говоря, очень обрадовался. Надо же, удалось!... Очень искренне поблагодарил Крупина. Чувствовалось, что и сам он доволен. Мы оба хорошо понимали, что кто-то в любом случае поедет учиться — есть на внутренние войска разнарядка. Думаю, моя судьба повернулась бы совершенно по-другому, если бы я не решил настоять на своем.

Школьное крыльцо Генштаба

На следующий год, в феврале, еще не успев привыкнуть к новым погонам генерал-майора, которые были получены мной накануне, я был вынужден все свои надежды об академии отодвинуть на второй план: начались события в Азербайджане — в Нагорно-Карабахской автономной области, где вспыхнул жестокий межнациональный конфликт между проживавшими там азербайджанцами и армянами. По распоряжению командования я отправил туда специальный моторизованный батальон.

В Нагорном Карабахе складывалась тяжелая обстановка. Участники конфликта от палок, ножей и охотничьих ружей вскоре перешли на оружие армейского образца, а сельские драки все чаще стали заканчиваться перестрелкой. Правоохранительные органы разделились по национальному признаку и не могли оценивать ситуацию объективно.

Уже были убитые с обеих сторон, и стало понятно, что территориальный спор между армянами и азербайджанцами начинает приобретать форму дикой междуусобной резни, в которой прежде всего пострадают беззащитные люди — старики, женщины и дети. Из запасников истории были вынуты и вновь введены в оборот уже забытые, а потому и непривычно звучащие термины «боевик» и «бандформирование».

Долг военнослужащих ВВ заключался в том, чтобы положить конец насилию. Долг политиков — в том, чтобы выявить исторические причины этого конфликта и найти пути для его мирного разрешения. События, которые развернутся в Нагорном Карабахе и на административной границе Армении и Азербайджана в ближайшие годы, явственно покажут, кто справился со своей задачей, а кто — нет.

Из состава моей дивизии в Карабах отправлялся только 28-й специальный моторизованный батальон, которому предстояло нести службу в городах Агдам и Шуша. Верилось, что межэтнический конфликт удастся локализовать: еще действовала система государственной власти, опиравшаяся на КПСС, и его, как нам представлялось, интернациональное Политбюро.

Выбор командования был сделан, как я полагаю, неспроста: части моей дивизии имели опыт длительных маршей без серьезных дорожно-транспортных происшествий, черныбыльский закал и большую практику по отмотилизованию военнослужащих запаса. При необходимости этот батальон мог стать ядром полка или бригады, которые можно было развернуть уже в самом Карабахе, призвав на военную службу резервистов.

Батальон шел в Нагорный Карабах в качестве передового отряда. Несмотря на мои просьбы, генерал-полковник Шаталин не разрешил мне отправить в район конфликта оперативную группу управления дивизии, разумно посчитав, что для управления батальоном достаточно комбата.

Поэтому сам я в Нагорный Карабах попал только через два года, после окончания Академии Генерального штаба.

Перед отъездом на учебу я должен был отчитаться за свое соединение на строгой инспекторской проверке, которую с группой прибывших из главка офицеров проводил начальник Управления боевой подготовки, генерал-майор Александр Семенович Веревкин. Ее результатом была оценка «хорошо», что по меркам, которые были приняты в то время в ВВ, равнялось твердой пятерке. Во всяком случае ни одна из наших дивизий до этого такой чести не удостаивалась.

Перед инспектированием я, конечно, волновался, хотя у меня были все основания считать, что за свою работу мне краснеть не придется. Еще командиром полка этой дивизии я был награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах» III степени, который, как мне представлялось, являлся подтверждением моего усердия, проявленного на этом посту. В бытность мою начальником штаба дивизии ей был вручен орден Красного Знамени. И это тоже свидетельствовало о том, что наше соединение было на хорошем счету во внутренних войсках.

Строгий генерал Веревкин со всей взыскательностью честного инспектора проверил дивизию, однако серьезных упущений и недоработок не обнаружил. Да и сам я, отправляясь на учебу, хотел оставить о себе добрую память. И сейчас стоят перед глазами сцены прощания с товарищами, с Боевым Знаменем нашей Краснознаменной дивизии, с которой были связаны долгие и очень яркие 11 лет моей жизни: от тридцати до сорока одного — по возрасту, от майора до генерал-майора — по воинскому званию. В моем прощании с Белоруссией была поставлена окончательная точка, когда я, сдав свою квартиру начальнику оркестровой службы дивизии, который был славен многодетной семьей, вместе со своими домочадцами убыл в Москву. В Академию Генерального штаба имени К.Е. Ворошилова.

И очень быстро нашел свое место среди ее слушателей, многие из которых стали мне друзьями на всю оставшуюся жизнь.

* * *

Стоит, видимо, сказать, что к этому времени окончательно определились мои собственные взгляды на роль военного человека в государстве. Допускаю, что в Академию Генштаба можно идти с разными устремлениями. Есть и такие люди, кого в большей степени беспокоят вопросы карьеры, власти. В моем случае все было по-другому — сбылась почти неосуществимая мечта. Будто на оперативные карты минского комдива Куликова кто-то заново положил стопку зачитанных в детстве и в юности книг. С напоминанием: учись у достойных, учись у лучших!

Еще в Сухуми, в доме дяди Мити, мной были обнаружены и досконально исследованы книги об Отечественной войне 1812 года. В них легендарные полководцы прошлого как бы парили над миром. Их характеры писались с помощью таких торжественных красок, что трудно было представить этих героев и полководцев обычными, живыми людьми. Это были, скорее, парадные портреты.

Прошло время, прежде чем я понял, что эти люди немногим отличались от нас самих. Как и нам, им были свойственны сомнения и ошибки. Так же в сердцах разговаривали они с подчиненными «руководящим» языком и точно так же шутили, если для этого был подходящий повод. Кажется, прочтешь книгу Махмуда Гареева — и хочется быть похожим на маршала Георгия Константиновича Жукова. Либо судьба выдающегося полководца времен Великой Отечественной войны генерала Ивана Ефимовича Петрова в изложении писателя Владимира Карпова покажется тебе достойной для того, чтобы спрашивать с себя

по такому же высокому счету.

И сегодня, когда случается свободное время, предпочтение отдаю тем книгам, которые погружают меня в сражения давних лет и в судьбы выдающихся военачальников. Так я учусь. Так проверяю на себе правоту их командирских решений.

Еще в детстве я сделал для себя однозначный вывод: каждый из этих людей добивался военных побед умом, интуицией и трудолюбием, которые исключали праздность в жизни и безответственность в бою.

Стоит обратить внимание, когда читаешь, например, мемуары маршалов Г.К. Жукова, А.М. Василевского, К.К. Рокоссовского, генерала армии С.М. Штеменко, насколько скрупулезно работали эти военачальники во время планирования и проведения стратегических операций. Работали день и ночь!

Чего стоила их организаторская работа, когда речь шла о миллионах солдат, сотнях штабов, о гигантских территориях, на которых разворачивались сражения. Военная работа, как и любая другая, начинается с работы ума. Это в их головах, прежде чем воплотиться в реальной жизни, в тысячах направлений проходили колонны, мчались литерные составы с техникой и боеприпасами, тянулись обозы с продовольствием, рылись окопы и взрывались мосты. Все это не мешало им, так же, как и прочим, посидеть зорьку на рыбалке или опробовать ружье на охоте. И даже пропустить рюмку, если этого требовала душа. Но вот работой своей они не пренебрегали, оттачивая каждую деталь операции и проверяя точность исполнения своих приказов.

* * *

Основная задача высокой военной школы, которой в нашей стране издавна является именно Академия Генерального штаба, состоит в том, чтобы ее выпускники получили фундаментальную оперативно-стратегическую подготовку. Подобно любой науке, военная наука также нуждается в дерзком и талантливом творчестве. Далеко не каждому это по силам. Поэтому нет ничего удивительного, что год за годом в учебных аудиториях Академии Генерального штаба собираются, как правило, только те старшие и высшие офицеры, чьи деловые качества не вызывают сомнений.

Статистические данные свидетельствуют, что лишь один офицер из ста по прошествию многих лет службы становится слушателем этой академии. Но этот жесткий профессиональный отбор совершенно понятен. Выпускники академии — продукт, что называется, штучного изготовления. Многим из них предстоит занять высокие руководящие посты. Командовать дивизиями, корпусами, армиями, военными округами — в мирное время и фронтами — в военное.

Эти люди должны знать, что такое свободный научный поиск. Они должны быть свободны от стереотипов и догм, которые могли бы сковывать полководца в тот час, когда создается модель боя или сражения, либо рождается замысел целой военной кампании.

В моей группе учились представители самых разных военных профессий: из военно-космических сил, из Главного разведывательного управления Генерального штаба, из Военно-Морского Флота и из противовоздушной обороны. Пехотинцы, артиллеристы, военные инженеры. У каждого свой опыт и свое знание жизни, которыми делились мы друг с другом и получали удовольствие от того, что разговариваем на одном языке. Ведь наше общение вовсе не ограничивалось лекциями и семинарами, оперативно-тактическими летучками и штабными картами, а легко переносилось за стены академии.

Да и «допуски в вольнодумстве», которыми мы пользовались в академии, разительно отличались от тех, что мы могли бы разрешить себе в обычных частях, где каждый из нас находился под пристальным вниманием офицера-особиста. А он в свою очередь был практически всевластен и мог без особых хлопот поломать любую офицерскую судьбу.

В стенах Академии Генштаба мы чувствовали себя гораздо свободнее.

Бывало, что преподаватели марксистско-ленинской философии (впоследствии —

политологии), приезжавшие в Академию Генштаба на семинар из других, нижестоящих, академий, первое время с ужасом смотрели на нас, особенно когда возникала полемика по острым политическим вопросам, а наши критические стрелы начинали задевать руководителя государства — генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева.

Сами они, эти полковники-марксисты, в аудиториях своих академий подобной крамолы допустить не могли и только удивлялись, что существуют на свете необычные советские офицеры, которым разрешено размышлять свободно и раскованно.

Но только так и может состояться высший офицер, власть и воля которого могут в особенный час истории распространяться на большие массы людей и на большие территории. Где у него, возможно, не будет подсказчиков в тот миг, когда нужно принять очень ответственное решение оперативно-стратегического характера. В рамках прописных истин он задохнется. Без навыка критического мышления ему не понять чужих замыслов, а значит, и самому не сделать неожиданного и ошеломляющего хода, который в конце концов приведет к победе его войска.

Но, помимо практической пользы подобного полководческого вольнодумства, на нас накладывала отпечаток та особая пора гражданской открытости, которая наступила в конце 80-х годов. Стоит только припомнить завораживающие всю страну съезды с их бескомпромиссными речами, лица новых политиков, хлещущих по щекам прежнюю власть, и наши походы в Лужники — «на Ельцина».

Мы, слушатели академии, прошедшие к тому времени вполне достойную армейскую школу, видели, как у нас на глазах начинает рушиться этот мощнейший инструмент государственной власти — Вооруженные Силы. И не могли перебороть в себе чувство, что военное руководство страны, не раз говорящее о необходимости перемен в армии, вряд ли представляет себе пути ее реформирования. Что все его силы уходят на латание дыр и на борьбу за власть.

В своем кругу мы обсуждали эти вопросы откровенно и часто сходились во мнении, что наши мозги, мозги слушателей-«академиков», порой генерировали куда более свежие идеи, чем те, что претворялись в жизнь «генералами Кремля» и тогдашним руководством Министерства обороны.

Живой иллюстрацией подобных преобразований стало смещение с должности командующего войсками Закавказского военного округа генерала Игоря Родионова и его показательная ссылка на должность начальника Академии Генштаба.

Пришел он к нам, кажется, осенью 1989 года — после апрельских событий в Тбилиси, когда, по версии грузинских националистов, его десантники разметали саперными лопатками очередной несанкционированный митинг. И как бы ни была почетна должность начальника элитной военной школы страны, по всему чувствовалось, что новое назначение Родионова является все-таки ссылкой, а возможно, просто перевалочным пунктом на пути в никуда.

Нам, получавшим свежую и достоверную информацию от офицеров, командированных в Баку, Сумгаит, Тбилиси, это казалось несправедливым. Я, например, очень внимательно следил за тем, как действовали в очагах межнациональных конфликтов внутренние войска. Был доступ к уникальным документам и свидетельствам. Друзья из главка ВВ давали видеосъемку тех или иных событий. Разумеется, во время самоподготовки я рассказывал своим однокашникам по академии об истинном положении вещей.

Появившийся в наших стенах генерал-полковник Игорь Николаевич Родионов (он сменил на этом посту генерала армии Салманова) начал свое знакомство с академией с того, что неспешно обошел все кафедры. На его пути попался и я, в тот день занимавшийся немецким языком. Он вежливо протянул мне руку, поздоровался. Чуть позже были собраны все слушатели: Родионов хотел услышать от нас, что кажется нам в учебе действительно нужным, а что — второстепенным. С пониманием отнесся к некоторым нашим просьбам. Действовавшие тогда правила требовали от нас обязательного ношения кителей в лекционных залах, что казалось нелепым. Особенно в жару. Родионов разрешил нам отныне

заниматься в рубашках, если это позволяла погода.

Чувствовалась в нем настоящая, а не напускная интеллигентность. Слушал внимательно, принимал только продуманные решения, был доброжелателен. Родионов был чрезвычайно авторитетен среди преподавателей и слушателей академии. Настолько, что мы просто не поверили выводам депутатской комиссии, которая была послана в Тбилиси для расследования инцидента на площади. Офицерское собрание Академии Генштаба — я лично на нем выступал — единодушно высказалось в поддержку Игоря Николаевича. Мне кажется, это его несколько ободрило.

* * *

Политика теперь многим показалась живым и перспективным делом, вполне подходящим для того, чтобы заявить о себе во всеуслышание. Но никто и представить себе не мог, что в вице-президенты Российской Федерации отправится наш однокурсник и мой сосед по подъезду — полковник и Герой Советского Союза Александр Владимирович Руцкой.

Звание генерал-майора он получил позднее, уже став политиком.

Как заслуженный боевой летчик, он пользовался в нашем кругу уважением и авторитетом.

Теплой осенью 1988 года мы часто ходили вместе с ним от дома до академии, и я хорошо помню рассказы Александра о войне в Афганистане. О том, как в багажнике автомобиля его вывозили из нашего дипломатического учреждения в Пакистане. Его судьба вызывала восхищение: летал, сбивал неприятельские самолеты, самому приходилось гореть в воздухе и сражаться в окружении на земле.

Его интерес к политике тоже не казался случайным. Был Александр человеком активным и напористым. Почему-то запомнилось, что в жарких дискуссиях на семинарах по политологии шумный Александр Руцкой всегда ругал Ельцина и был резок в суждениях. Но была заметна еще одна присущая ему особенность: иногда он круто менял свое мнение. Мы понимали, что это уже отдает политиканством. Но в принципе без предубеждения относились к таким свойствам его характера, помогали в политических баталиях и за глаза называли Сенатором.

Сейчас и вспомнить смешно, как перед выборами в Верховный Совет СССР весь наш курс прогулял два дня, чтобы обеспечить агитационную работу в пользу Александра. Полковники и генералы, переодевшись в «гражданку» и ощущая себя чуть ли не заговорщиками, возили на личных «Жигулях» и «Москвичах» его листовки, раскладывали их по почтовым ящикам. Я лично вместе с еще двумя товарищами занимался этим в Рублеве — московском пригороде.

В ходе этой кампании все вместе мы обеспечивали его выступление на митинге в районе станции метро «Молодежная», где Руцкой в свойственной ему манере рубил правду-матку, что называется, с топора...

И, конечно, было всеобщее расстройство от того, что наши агитационные усилия пропали даром: в союзный парламент Сашу не выбрали. Но эта жизнь уже так заразила его, что он начал новую кампанию по выдвижению в Верховный Совет РСФСР. Выдвигали его жители Курска, и однажды Руцкой исчез из академии на несколько дней: самовольно уехал к избирателям. За что, по правилам, принятым в армии, получил выговор от начальника академии генерала Родионова. Но его собственный политический старт уже состоялся. В Верховном Совете РСФСР на вопрос Ельцина: «Ну что, Руцкой, против меня голосовал?», Александр ответил честно: «Так точно, против». Ельцин заглянул ему в глаза и многообещающе погрозил: «Ну посмотрим, что нам с тобой делать».

Это со слов Александра... Он еще не раз появится в моей жизни.

* * *

Среди моих однокурсников и соседей по дому на проспекте Вернадского был еще один примечательный человек — Герой Советского Союза, генерал-майор, боевой офицер-десантник Павел Сергеевич Грачев. Каждое утро мы сталкивались с ним во дворе: мы с сыном бегали кроссы, а Павел играл в волейбол.

И хотя по службе у нас сложились ровные и уважительные отношения, было одно обстоятельство, позволявшее нам при встрече подчеркивать особую приязнь друг к другу: мой сын Виктор дружил с детьми Руцкого и Грачева. Дружба детей обязывает к добрососедству и их родителей. Наши сыновья учились в одной московской школе. Бегали к Грачевым смотреть фильмы: у них был редкий по тем временам видеомэгафон, привезенный из Афганистана.

Конечно же — наши контакты этим не исчерпывались. Мы пересекались довольно часто и вместе состояли в военно-научном обществе на кафедре стратегии. Во время командно-штабных учений, когда слушатели выступают в роли должностных лиц управлений армий и фронтов, было принято, чтобы соседние группы объединялись. Нашу 10-ю группу часто объединяли с 11-й группой, в которой Грачев был командиром.

На командно-штабных учениях зимой 1989 года, проводившихся в хорошо известной мне Могилевской области, я играл за начальника штаба той армии, командармом которой также условно являлся Павел Грачев. В нем мне всегда импонировала его десантная собранность, целеустремленность и бойцовские качества.

В последующем мне не раз приходилось работать вместе с Павлом Сергеевичем. Он стал министром обороны. На первом этапе военной операции в Чеченской Республике я находился в его прямом подчинении. То, что мы вместе учились, конечно, сказывалось на наших взаимоотношениях: было больше доверия. Но, как младший по должности, а в ту пору (декабрь 1994 года — январь 1995 года) и младший по званию (Грачев уже был генералом армии. — Авт.) — я не считал возможным подчеркивать, что мы ходили в академию одной и той же дорогой.

Как и Руцкой, Грачев тоже сыграт определенную роль в моей судьбе.

Но как бы там ни было, я по-товарищески сочувствую ему в пережитом. Конечно, роковой ошибкой Грачева является штурм города Грозного в новогоднюю ночь с 31 декабря 1994 года на 1 января 1995 года. Эта неудачная, непродуманная и непростительная с военной точки зрения операция, по сути, поставила точку в конце его карьеры. Но я не могу согласиться с тем, что образ генерала Грачева в общественном сознании был максимально приближен к образу генерала Павлова из 1941 года. С той лишь разницей, что Грачева — его имя, судьбу и репутацию — расстреляли не из нагана и не в подвале, а с помощью газет и телевидения. В то время как судьей должна выступить сама история, которая, надеюсь, будет к нему более снисходительна и обязательно учтет его солдатскую храбрость.

Лично я в ней никогда не сомневался.

* * *

Во всем чувствовалась предопределенность наших судеб. Кровавые события на окраинах СССР не оставляли сомнений в том, что все мы очень скоро будем востребованы по прямому назначению.

Все это, конечно же, подтягивало людей и подстегивало в них желание учиться достойно. В кругу однокашников было стыдно проявить профессиональную некомпетентность, неряшливость, лень, а также прочие человеческие слабости.

Хотя случалось всякое, как и в любом коллективе, где тесно соприкасаются друг с другом разные человеческие характеры. Характеры людей взрослых, властных, по-своему непростых.

Моя стычка с генералом Е. была примером вот таких, не всегда гладко складывающихся отношений внутри нашего небольшого учебного коллектива. Произошла

она по незначительному поводу, но стала всем нам уроком.

Надо сказать, что академия, оставаясь военно-учебным заведением со строгой дисциплиной, довольно либерально относилась к тому, что я называю «большим допуском самостоятельности». Он предполагал, что во время самоподготовки иногда можно было не по-мальчишески, а по-генеральски, с достоинством улизнуть в театр, в гости, а иногда — и в пивную. Особенно когда наши товарищи, оставшиеся в гарнизонах, передавали с оказией, например, свежий балык с Севера или воблу — из Астрахани. Происходило это далеко не часто, но если происходило, то достаточно написать, что во время самоподготовки ты занимаешься в спортзале, и можно было со спокойной совестью идти по своим делам.

В один из дней вместе с моим другом генерал-майором Алексеем Дмитриевичем Нефедовым мы решили прибегнуть к этой маленькой хитрости. К завтрашним занятиям мы были готовы и по дороге домой хотели зайти в один из буфетов гостиницы «Комета». Он славился свежим «Останкинским» пивом и был отлично известен большинству слушателей академии. Там часто обмывались очередные офицерские звания и даже устраивались банкеты по поводу выпуска. Нормальное заведение, куда нестыдно зайти с друзьями.

Я так и написал на доске: «Нефедов, Куликов — спортзал». Однако неожиданной оказалась реакция стоявшего поблизости генерал-майора Е. В нашей 10-й группе было три генерала, включая меня и Нефедова, но именно Е. был назначен ее командиром. Это, видимо, обязывало его смотреть на нас с Алексеем чуть-чуть свысока. Мы простодушно надеялись, что наши намерения будут истолкованы с пониманием. Мы не делали тайны: да, мы идем пить пиво!..

Однако Е. счел нужным вмешаться. С упрямством, достойным унтер-офицерских курсов, но уж никак не Академии Генерального штаба, он заявил: «Нет, в спортзал вы не пойдете!»

Я спросил его ошарашенно: «Почему?» Ответ Е. потряс меня до глубины души: «А потому, что ты и позавчера записывался в спортзал, а тебя там не было. Я проверял...»

Тут уж я рассердился не на шутку: «Ты меня, генерала, ходил проверять?! Да как тебе такое пришло в голову?! На чем основаны твои сомнения? Если я готов к завтрашним занятиям, то пойду туда, куда захочу. В спортзал. В театр. И даже — если посчитаю это возможным — пить пиво. Тебе не надо волноваться: академию я закончу не хуже других!» Окончив монолог оскорбленного недоверием генерала, я развернулся, и мы пошли с Нефедовым туда, куда собирались.

Пока мы пили пиво, Е., видимо, терзался сомнениями. Формально он был прав, однако мелочная опека не красила его самого. Еще через трое суток он созрел и высказал нашему парторгу мнение, что Куликов его оскорбил и требуется вмешательство начальника академии, для того чтобы меня приструнить.

Встревоженный парторг потребовал от меня объяснений. На что ему ответил: «Я согласен извиниться перед Е. Но только в том случае, если вся наша группа скажет, что я был неправ».

Такая постановка вопроса показалась парторгу справедливой.

Когда мы собрались все вместе, я привел свои аргументы. Сказал, что академия не является местом, где в кругу слушателей должны приветствоваться щелканье каблуками и чиновничество. Что мы должны доверять друг другу. Особенно если нет настоящего повода для принципиальных оценок морального поведения.

Вот так и сказал. Довольно резко, тем более что вся группа уже успела оценить особые традиции академии, среди которых одна была весьма примечательной: на случай дня рождения или, допустим, воинского праздника в шкафу учебного класса всегда хранилась посуда и рюмки на всю группу. Если есть серьезный повод, отчего в свободное время не посидеть немного в дружеской офицерской компании? При этом даже начальник факультета не считал нужным кого-то контролировать. Напротив, если надо ему зайти — тактично постучит. А если на стук не ответят, развернется и уйдет — в запертую дверь ломиться не станет.

По неписаным правилам это позволено только в Академии Генерального штаба.

Мои слова легли на подготовленную почву: ребята, которым некоторые методы управления нашей дружной и очень успешной в учебе группой, как и мне, казались солдафонскими — на всю катушку врезали нашему Е. Полковник Дмитрий Герасимов сказал напрямик, по-мужски: «По-моему, вам надо написать рапорт и уйти с должности командира группы».

Из этой давней истории я сделал для себя выводы на будущее. Будучи принципиальным противником офицерских пьянок, которых я сам всячески избегал и не прощал подчиненным, признаю, что вполне допустимы ситуации, когда рюмка водки или коньяку, выпитая по приличествующему поводу, не должна ставиться в вину офицеру. Особенно если это не мешает его службе.

Позорно другое — пьянство во время службы и вместо службы. Пустые бутылки, тайком выносимые из кабинетов, только унижают достоинство офицера. Даже если он и поднял-то одну только рюмку за любимые им танковые войска или за новую звездочку на погонах.

Достаточно вспомнить принятые и чтимые в наших Вооруженных Силах традиции, когда любой офицер не может отвертеться от обмывания нового звания. В Академии им. Фрунзе это означало неременный поход в какое-то полюбившееся кафе. В нашей группе, насчитывавшей 14 человек, все сбрасывались по трояку (виновник торжества — рублей 20–25) и шли в кафе «Крымское», где фирменным блюдом была котлета по-киевски. Где-то на стороне прикупали две-три бутылки водки и дружно сдвигали столики... Если речь шла о присвоении майорского звания, что означало переход его обладателя в когорту старших офицеров, — то скидывались уже по пятерке. В Академии Генштаба, где стипендия слушателя равнялась нашим предыдущим должностным окладам, можно было себе позволить более масштабное мероприятие. Я и полковник Николай Чуркин окончили Академию Генштаба с отличием. Получив по этому поводу дополнительный денежный оклад, мы, как самые состоятельные, закатали банкет в ресторане для всей нашей группы. Но уже после официального выпускного вечера.

Все это нормально. Все в порядке вещей.

Став командующим внутренними войсками, я ввел в Главном управлении командующего правила, которые напоминали те, что я застал в академии. Отныне разрешалось отмечать праздники и дни рождения после окончания службы в офицерской столовой. Открыто, весело, достойно. Без торопливого разливания водки в кустах. Без оглядок на военные и милицейские патрули.

Так и повелось. И я не припомню случая, чтобы эти товарищеские ужины повлекли за собой какие-либо происшествия. Ими как раз не в лучшую сторону отличаются те суетливые попойки, которые начинаются и оканчиваются под забором.

* * *

Поступив в академию, очень скоро я обнаружил, что ее библиотека — одна из старейших в России — содержит редкие и очень важные для военного человека книги. Например, первый печатный экземпляр Устава Русской Армии или «Уроки русско-японской войны» 1907 года издания. Немало было и других книжных раритетов. Однако, если и этих сокровищ оказывалось недостаточно для работы над рефератами, всегда можно было оформить заявку, чтобы нужную книгу доставили из любой военной библиотеки или из библиотеки имени В.И. Ленина.

Но главным достоянием академии являются ее преподаватели, которые с тщательностью и трудолюбием золотоискателей работали с каждым слушателем, пытаясь выявить самые сильные его стороны. Лично для меня очень важным стало знакомство с генерал-майором Германом Кириленко: он сразу же посоветовал мне не замыкаться в рамках академического курса, а искать свое место в военной науке. Особенно там, где она нуждается

в прорывном, нестандартном мышлении. То есть найти свою тему и, не теряя времени, подготовить защиту кандидатской диссертации по той дисциплине, которая окажется мне по душе. «У вас это получится!» — заверил меня Герман Васильевич, имея в виду мой интерес к проблеме подготовки людских ресурсов.

Надо сказать, что я довольно хорошо справлялся с обязательной программой и мне не составило труда прибавить себе рабочую нагрузку: в Московском государственном университете имени Ломоносова в то время работал Центр народонаселения, при котором функционировали курсы мобилизационных работников. На них я иногда подменял Германа Васильевича: принимал участие в защите рефератов и даже в выпуске слушателей. Очень скоро стало ясно, что эта проблема, понятная любому военному человеку — проблема мобилизационных ресурсов, требует фундаментальных знаний экономики, демографии, статистики, географии и этнографии. Это был нетореный путь. Поэтому очень заманчивый.

Взявшись за работу, я открыл залежи интересных документов. Статистические отчеты, сводки, справки, совершенно безобидные, когда они находились порознь, при сложении довольно правдиво свидетельствовали об истинном состоянии советской экономики.

Мои размышления и выводы по этому поводу не только вылились в кандидатскую диссертацию по военной экономике, но впоследствии очень помогли мне во время разрешения межнациональных конфликтов.

Уже после окончания академии, будучи начальником Управления внутренних войск МВД СССР по Северному Кавказу и Закавказью, я подготовил для себя необычную карту Северного Кавказа, на которой тщательно указал соотношение населения национальных республик с населением других краев и областей, находящихся в этом регионе.

В результате моих подсчетов выходило, что из 24 миллионов человек, проживающих на Северном Кавказе, 6 миллионов являлись жителями национальных образований. Учитывалось соотношение коренного и некоренного населения. Даже поверхностный анализ позволял сделать вывод, что если межнациональные конфликты возникнут сразу в нескольких местах, то они неминуемо перерастут в кровопролитную гражданскую войну.

Карта заинтересовала прилетевшего в Ростов-на-Дону заместителя министра обороны генерала Грачева, и он взял ее с собой в Москву.

Трудно сказать, пригодилась ли она кому-нибудь на Арбате, но сам я очень часто пользовался этой картой в период миротворческих операций внутренних войск. Никогда не путался, если заходила речь даже о самых малочисленных народах Северного Кавказа.

Правоту моих академических изысканий подтвердила жизнь. Некоторых конфликтов, к сожалению, избежать не удалось. Но куда большие опасности грозили России, если бы пришли в движение и взялись за оружие все народы и народности, населяющие Северный Кавказ. Если бы вспомнили они все свои взаимные обиды — настоящие и мнимые.

Ведь я никогда не забывал о том, что за сухими цифрами численности народонаселения скрываются судьбы живых людей. Людей чрезвычайно гордых, смелых и памятливых. Чувствительных к любой несправедливости. Не забывших расстрелы и ссылку.

* * *

Общевойсковая подготовка, которая была у меня за плечами еще с Академии им. Фрунзе, здесь, в Академии Генерального штаба, имела решающее значение. Тут доминировала именно оперативно-стратегическая программа, обучавшая нас действовать в масштабе «армия — фронт (военный округ)». Так, от курса к курсу подрастали и мы: на первом курсе командовали на армейском уровне, на втором уже играли в масштабе целого фронта.

Общевойсковым командирам в таких командно-штабных играх обычно доставались должности командующего и начальника штаба. Другие слушатели, в зависимости от своей специальности, отрабатывали узкие профессиональные задачи: если ты офицер ПВО — играешь роль начальника противовоздушной обороны армии или фронта, если артиллерист

— руководишь артиллерией... Десантники, связисты, летчики, разведчики — каждый из них становился на время начальником своей службы, своего рода войск. Ну, а если темой командно-штабной игры становилась, например, «Контрнаступательная армейская операция на Приморском направлении», то в игру включались моряки и морские пехотинцы. И так по два раза в год. Это не считая учений на картах.

Так как я оказался единственным представителем внутренних войск и был пехотинцем по образованию, в ходе командно-штабных учений на первом курсе я играл роль общевойскового командира. То условно командовал армией, то руководил ее штабом, что на деле означало подготовку документов, работу над картами и принятие командирских решений. Это была хорошая и своевременная школа, в которой мне следовало поучиться. Что, впрочем, я делал почти круглосуточно, стараясь личным примером убедить своих товарищей, что во внутренних войсках служат неглупые и неленивые генералы.

Я уже знал, что на следующий год вслед за мной в академию будут направлены и другие наши офицеры. Мне хотелось, чтобы ими оказались люди, достойные Академии Генштаба. То есть умеющие масштабно мыслить и твердо руководить. Это пожелание я высказал в мае 1989 года командующему внутренними войсками генералу Шаталину и услышал в ответ: «Посылаем в академию двоих — Романова и Шкирко. Оба достойны».

Я тогда и предположить не мог, что через несколько лет, вслед за мной, эти два офицера станут командующими внутренними войсками. Причем в том же порядке, как были названы Шаталиным.

Анатолия Афанасьевича Шкирко я знал и раньше: будучи командирами дивизий, мы встречались с ним на сборах, а об Анатолии Александровиче Романове услышал впервые. В этом не было ничего удивительного: части внутренних войск по охране важных государственных объектов и специальных грузов, где он служил до академии, были закрыты не только от общества, но и чуть-чуть для самих внутренних войск. Считали они себя элитой, что отчасти соответствовало истине: их недаром называли спецвойсками.

Я бы так и оставался в неведении, если бы один знакомый офицер из главка ни высказал мне однажды свое мнение о Романове: «Я с ним учился. Это прекрасный офицер. Хороший, интеллигентный, воспитанный человек с военной косточкой».

В сентябре 1989 года новые слушатели — Романов и Шкирко — появились в Академии Генерального штаба и представились мне, как старшему по званию. Я был генерал-майором, полковником — Шкирко, а подполковником — Романов.

Мы побеседовали, а уже весной 1990 года, накануне штабных стратегических учений, я пришел к их разработчикам с просьбой предусмотреть во время их проведения работу оперативной группы внутренних войск. Чтобы она, включившись в работу играющего фронта, могла отработать свои специфические задачи. А заодно подготовила материалы, которые пригодятся для будущих учений и будущих слушателей.

К тому времени уже было принято решение каждый год направлять на учебу в Академию Генерального штаба несколько наших офицеров.

Я порекомендовал разработчикам учений, чтобы в качестве пробного шара была продумана экстремальная ситуация, требующая привлечения внутренних войск вместе с сотрудниками внутренних дел. Это может быть все, что угодно: мятеж и борьба с террористами в тылах, противодействие диверсантам на коммуникациях, охрана объектов с ядерными компонентами. То есть все те военные и отчасти военно-полицейские функции, которые в случае войны будут выполнять внутренние войска.

Как оказалось впоследствии, я смоделировал ситуацию, напоминающую ту, в которой мы оказались через несколько лет на территории Северной Осетии, Ингушетии и Чечни.

Разработчики охотно согласились. Была, если мне не изменяет память, контрнаступательная фронтовая операция, в которой внутренние войска — я сам ставил задачу нашей группе — выполняли свою эпизодическую роль.

Порой и Академия Генштаба напоминает обычную школу: седые генералы и мужественные полковники ведут себя, словно дети. Также норовят списать, увильнуть,

схитрить. И это при том, что некоторые из них участвовали в афганской войне, все были командирами, либо заместителями командиров соединений. В общем, срабатывает психология не бойца, а школяра. Одно дело, если в играющем коллективе тебе отведена роль командующего фронтом, начальника штаба фронта — это самые тяжелые, ответственные должности. Нужно произвести множество расчетов, подготовить предложения. И совершенно другое, если твои должностные обязанности ограничиваются организацией, допустим, радиоэлектронной борьбы. Достаточно подготовить два-три предложения — их хватит на сутки, и ты свободен.

В принципе оперативная группа ВВ могла поступить так же. Тем более, что на первом этапе операции я выполнял обязанности командующего фронтом и вернулся в группу чуть позднее. И вот тогда Романов впервые меня удивил: он блестяще выполнил задачу. Причем те знания, которые были получены им уже в Академии Генштаба, он умело применил к внутренним войскам, что было весьма непросто. Я был искренне рад тому, что в академии появился офицер из внутренних войск, способный продолжить традиции честного и ревностного отношения к учебе.

С тех пор мы подружились и не было ни одного дня, когда бы мне пришлось пожалеть о том, что этот человек появился в моей жизни.

* * *

То, что я был общевойсковым командиром по образованию и по складу характера, делало меня равным в кругу армейцев. В них очень силен корпоративный дух, и можно не сомневаться, что они посмотрели бы на меня свысока, если бы я делал очевидные и непростительные с их точки зрения ошибки.

Если бы у них появился хотя бы малейший повод для сомнения в моем профессионализме, вот тогда бы действительно вспомнили внутренним войскам и краповые околыши фуражек, и конвой, и заградительные отряды НКВД в годы войны... Это сейчас выучка частей ВВ нередко оценивается более высоко, чем выучка многих армейских частей, но в конце 80-х годов XX века ситуация была несколько иная, и можно было только мечтать о хорошо оснащенных частях ВВ оперативного назначения, о спецназе, о своей разведке. Многое из перечисленного существовало пока только в самых смелых мечтах, которыми и поделиться можно было разве что с Шаталиным. Ну, может быть, еще с десятком офицеров, которые считали подобную реформу разумной, оправданной и выполнимой.

Это пока были другие внутренние войска.

Не стану оценивать — лучше или хуже нынешних. Просто другие...

Многочисленные конфликты и войны, через которые пришлось пройти внутренним войскам, наглядно показали, что их командное ядро и большинство офицеров должны иметь в основе именно крепкую общевойсковую подготовку, ничем не отличающуюся от той, что получают армейские офицеры. Эксперименты и новшества, целью которых было подчеркнуть самостоятельность ВВ, их особое место среди видов войск очень сильно ослабили вот эту пехотную составляющую. С этой проблемой я впервые столкнулся во Владикавказе, в период осетино-ингушского конфликта, когда увидел, что офицеры (большинство из которых были выпускниками Академии им. Фрунзе), которым я ставил задачу, неуверенно работают с картами. Сам я отлично помнил, как учили меня самого. Спрос был очень жесткий. Впоследствии искренне гордился тем, что мои карты почти всегда признавались лучшими и даже образцовыми.

Убежден, что оперативное мастерство офицера — умение грамотно работать со штабными картами — является одним из самых важных показателей его пригодности к службе. Поэтому с тревогой посмотрел на переминающихся с ноги на ногу, растерявшихся командиров. Эти свои собственные позиции на карте обозначить не сумеют, не то что правильно навести на цель артиллерию или вертолеты...

Если бы речь шла об одном закоренелом «двоечнике», а тут большинство офицеров

батальонного и полкового звеньев не знают элементарных вещей!

Стал разбираться и вскоре понял, отчего это произошло. Оказывается, в связи с появлением в Академии имени Фрунзе самостоятельной кафедры внутренних войск была изменена программа общевоинской подготовки. Ее упростили и сократили, чтобы высвободить время для других, профильных, дисциплин. Сам я, учившийся в этой академии на общевоинской кафедре, под каток этих новаций не попал и продолжал пребывать в уверенности, что офицеров в стенах моей родной академии учат так же тщательно, как некогда и меня самого.

Пришлось срочно вмешаться, чтобы учебные программы были скорректированы с учетом того, что войска втягиваются в войну. Она потребует надежных знаний. Поэтому стали подтягивать до должного уровня тех офицеров, которые уже служили в войсках. Я неустанно требовал, чтобы тактические диктанты в системе командирской подготовки проводились как можно чаще и день ото дня усложнялись.

Это всего лишь частный случай. Но мне он говорил о многом.

Позднее, когда появились проекты создания Академии внутренних войск, я выступил их противником. Пришлось убеждать министра внутренних дел Российской Федерации Ерина в том, что подобное учебное заведение принесет больше вреда, чем пользы.

Если это настоящая военная академия — убеждал я министра, — значит, в ней должны быть и кафедра ПВО, и кафедра связи, и кафедра инженерных войск. Потребуются огромные денежные затраты и серьезные усилия, чтобы получить в результате всего лишь слабое подобие Академии имени Фрунзе. Не проще ли, заплатив куда меньшие деньги, выучить нашего офицера в прославленной академии Министерства обороны, где десятилетиями оттачивается практика подготовки специалистов высочайшего класса? Ведь методика принятия решений одинакова и у нас, и в армии. Значит, должна быть одинаковой и сама методика обучения. Жизнь показывает: если офицеры из внутренних войск и армейские офицеры учатся вместе, они и в бою будут разговаривать на одном языке.

Ну какой генерал-армеец, спрашивается, там, в Чечне, где мне пришлось командовать Объединенной группировкой федеральных войск, стал бы воспринимать меня всерьез и подчиняться, если бы не было у меня за плечами ни Академии имени Фрунзе, ни Академии Генерального штаба? Да будь у меня самое блестящее юридическое образование, да будь у меня во лбу хоть семь пядей — никто из боевых генералов не стал бы серьезно со мной разговаривать!

Министр очень внимательно выслушал мое встречное предложение, суть которого заключалась в том, чтобы при Академии МВД создать факультет переподготовки или доподготовки офицеров ВВ. Так как зачастую мы действуем рука об руку с руководителями органов внутренних дел, не будет лишним, если такой офицер в течение нескольких месяцев будет изучать специфику работы оперативных работников милиции, следователей и дознавателей, криминалистов, специалистов патрульно-постовой службы. Пусть хотя бы на время он представит себя начальником районного или областного управления внутренних дел. Это только расширит его кругозор. Ему будет проще наладить взаимодействие с сотрудниками внутренних дел, если он будет знать тонкости их профессии и их психологию.

Виктор Федорович Ерин с моими доводами согласился.

* * *

Весной 1990 года подошел срок моего окончания Академии Генерального штаба и стало ясно, что новые знания мне придется проверять на практике уже в Нагорном Карабахе: предполагалось мое назначение на должность начальника Управления ВВ МВД СССР по Северному Кавказу и Закавказью.

К этому следовало прибавить чрезвычайно сложную обстановку во всех без исключения республиках Закавказья, что делало мою военную миссию чрезвычайно опасной.

Это могла быть и пуля из-за угла. Но хуже всего было то, что человек, наделявшийся полномочиями начальника внутренних войск в этом проблемном регионе, оказывался как бы между молотом и наковальней. Если, конечно, молотом считать Центральный Комитет коммунистической партии Советского Союза, который требовал скорейшего наведения порядка, а наковальней — партийных лидеров национальных республик, пытающихся использовать внутренние войска союзного подчинения в интересах собственной власти.

Впрочем, все эти очевидные опасности доставались не мне одному. В регионе действовал представитель ЦК КПСС Виктор Петрович Поляничко, сменивший на этом посту Аркадия Ивановича Вольского. Эти умные, талантливые и порядочные мужики работали в воюющем Нагорном Карабахе не за страх, а на совесть.

Но в мае 1990 года, получив известие о своем будущем назначении, я мог только догадываться, чем станет для меня Нагорный Карабах.

Я там еще не бывал. А конфликт передравшихся в Карабахе виноделов и пастухов представлялся мне своеобразным аналогом чернобыльской катастрофы. Есть взорвавшийся реактор. Есть зона отчуждения. Казалось, достаточно выстроить и там надежный саркофаг, чтобы уберечь от беды всю нашу страну.

В середине мая меня вызвал для беседы министр внутренних дел СССР Вадим Бакагин. Он поинтересовался, готов ли я к подобной работе, и сделал короткое напутствие.

Еще через несколько дней, в заранее условленный час, я подошел к решетчатым воротам ЦК КПСС на Старой площади со стороны Ильинки и протянул постовому свой партийный билет, который, по заведенной традиции, являлся здесь основным документом для идентификации личности. Говорят, строгие прапорщики КГБ, отвечающие за пропускной режим в Центральном Комитете, запросто могли завернуть человека, если в его партийном билете отсутствовала отметка о своевременной уплате членских взносов.

Как и в тот день, когда я проходил собеседование по поводу своего назначения на должность командира дивизии, меня встретил вежливый работник ЦК. Дожидаясь встречи с Оболенским, заведующим отделом ЦК по работе с административными органами, перелистывал свежий номер газеты «Правда».

Собеседование с самим Оболенским (к сожалению, не помню его имя и отчества) означало высокий уровень доверия ко мне и государственную значимость дела, которое мне поручалось. Сам разговор не занял много времени. Я был собран, точен и искренен в своих обещаниях оправдать доверие партии.

В главке генерал Шаталин и вовсе обошелся без предисловий: «Ты два года отдыхал в Академии Генштаба... Теперь — вперед!» 26 июня 1990 года состоялся прием в Кремле в Георгиевском зале в честь выпускников академии, а на следующий день я обедал вместе с Шаталиным уже в Азербайджане, в Нахичевани, в автономной республике, где сходились границы СССР, Турции и Ирана.

Командующий внутренними войсками прагматично рассудил, что отпуск для генерала — дело наживное и мне пора знакомиться со своими частями, начиная с самого ответственного участка. На военном языке Нахичеванская АССР теперь именовалась южным районом применения войск. А на языке газет и военных сводок — одним из фронтов карабахской войны.

Провожавший меня на подмосковном военном аэродроме «Чкаловский» мой однокашник по академии, генерал Алексей Нефедов, помнится, даже смахнул со щеки скупую мужскую слезу. На прощание пожелал мне удачи. Он хорошо понимал, куда я еду.

Уже в Нахичевани, оглянувшись по сторонам, невольно подумал: где-то здесь, в этих краях тянул свою каторжную лямку мой отец. Будучи заключенным, строил железную дорогу до Мегри. Отсюда, из лагеря, ушел на Великую Отечественную войну. Разве мог он подумать, что почти полвека спустя, будто попадая в его набитый арестантскими сапогами след, я тоже отправлюсь отсюда на свою первую войну.

Вот только окажется она совсем рядом.

* * *

Стоит напомнить, что Северный Кавказ и Закавказье, входившие в зону ответственности моего управления внутренних войск, представляли собой весьма обширную территорию. На северо-западе она граничила с украинским Донбассом, а на юго-востоке — уже с прикаспийскими районами Казахстана. Если на севере и северо-востоке ее рубежи огибали черноземные области Центральной России, то на юге — за Главным Кавказским хребтом — она соседствовала уже с Ираном и Турцией. По меркам сегодняшнего дня это 13 субъектов Российской Федерации и три ныне суверенных государства — Азербайджан, Армения и Грузия, до 1991 года входивших в состав СССР на правах союзных республик. Это 35 миллионов человек. Это удивительная земля, где причудливо перемешаны друг с другом десятки народов, их языки, верования и традиции.

Северный Кавказ — моя родина. Я прекрасно понимаю цену произносимых здесь слов. Знание традиций и интуиция помогают мне найти общий язык с любым кавказцем, будь он представителем горских народов или степняком, казаком или выходцем из иных районов нашей большой страны. Это язык здравого смысла. Он обязан учитывать исторические реалии, народные обычаи, взаимные интересы и противоречия. В то же время, будучи человеком нового времени, я воспринимал Кавказ как территорию, населенную дружественными народами, между которыми нет и не может быть поводов для серьезного раздора. Многолетняя Кавказская война, о которой сегодня так часто вспоминают политики, была для меня в детстве просто далекой историей и иллюстрациями из книг Михаила Лермонтова и Льва Толстого.

Понятно, почему некоторые совпадения с прошлой историей пробудили интерес общества к этим войнам и к именам ее участников. Согласен, что погружение в отечественные записки обычно идет на пользу, хотя, когда речь заходила о современных вооруженных конфликтах на Кавказе, я всегда выступал против прямых аналогий с Кавказской войной.

Забегая вперед, скажу, что в 1993 году, когда во время одной из пресс-конференций, посвященной преодолению осетино-ингушского конфликта, кто-то из добрых побуждений начал сравнивать меня с генералом Ермоловым, я от подобных похвал решительно отстранился. При всем уважении к именам генерала от инфантерии Алексея Петровича Ермолова или имама Шамиля, которые снова у всех на слуху, я думаю, переписывать эти страницы в угоду современности не стоит. Не будет никакой «выжженной земли», но и дикостей прежних не будет. И век нынче иной, и ценности в нем должны быть совершенно другими.

Сам я никогда подобной тактики не применял. Мне это даже в голову не приходило.

Я люблю эту землю и никогда не отказывался быть ее защитником. Но надо понимать, что в это слово я вкладываю нормальный общечеловеческий смысл, подтверждающий мою готовность защищать жизнь и интересы всех соотечественников, не разделяя их на «своих» и «чужих».

* * *

То, что мои размышления не были праздными, в 1990 году, когда я получил новое назначение, доказывала сложная оперативная обстановка на Северном Кавказе и в Закавказье. Один из вооруженных конфликтов — за обладание Нагорно-Карабахской автономной областью (НКАО) — к тому времени уже превратился в настоящую войну между Арменией и Азербайджаном на всем протяжении их совместной границы.

В Грузии назревали сразу два конфликта республиканского центра с провинциями, где доминировало негрузинское население. Каждый из этих конфликтов — с Южной Осетией и с Абхазией — позднее обернулся войнами, унесшими множество человеческих жизней.

Тяжело складывалась ситуация в Чечено-Ингушетии, где националистические

настроения некоторых лидеров не оставляли сомнений в том, что Чечня в будущем может стать серьезным фактором нестабильности во всем северокавказском регионе. Уже были посеяны семена раздора в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии, на административной границе Ингушетии и Северной Осетии и в так называемом Лезгистане. Это территория на границе Дагестана и Азербайджана, где компактно проживают лезгины — один из кавказских народов, претендовавших в ту пору на собственную автономию.

Глядя на карту, проще было сказать, где нет межнационального конфликта и нет напряжения, грозящего перерасти в резню.

К этому следовало прибавить особую позицию руководства Министерства обороны СССР, которое после известных событий в Тбилиси, в Баку и в Сумгаите очень неохотно выделяло свои подразделения и части для пресечения гражданских беспорядков. Даже когда речь шла о противоборстве с бандами, имеющими на вооружении тяжелую бронетехнику, ствольную и реактивную артиллерию, аргумент, что «для этого существуют внутренние войска» — казался обществу вполне обоснованным.

В принципе та 41 тысяча солдат и офицеров внутренних войск, которые были дислоцированы в зоне ответственности Управления ВВ МВД СССР по Северному Кавказу и Закавказью, представляла собой внушительную силу. Многие из задействованных в Карабахе подразделений внутренних войск были лучшими в стране, но в их боевой работе было еще много ошибок. Сказывались отсутствие опыта, полноценной общевойсковой подготовки и противоречивое отношение местного населения, которое, как это бывает во время драки в сельском клубе, колотит разнимающего сильнее, чем обидчика.

Этот первый полет в Закавказье вместе с командующим внутренними войсками был не просто исполнением служебной формальности. Думаю, Юрий Васильевич Шаталин хотел преподать мне наглядный урок, что, помимо решения военно-технических проблем, в зоне карабахского конфликта мне предстоит заниматься и вопросами политики.

С одной стороны, действующие руководители закавказских республик в сложившейся обстановке оказались попросту несостоятельны или откровенно двурушничали, пытаясь угодить попеременно и Москве, требующей навести порядок, и населению своих республик, среди которого доминировали шапкозакладательские настроения. С другой стороны, новая политическая элита, претендующая на власть в этих республиках, довольно энергично использовала националистические лозунги и победную риторику, чтобы обернуть симпатии населения в свою пользу и вырастить в окопах Нагорного Карабаха собственные вооруженные отряды на случай силового захвата власти.

Побывав в Степанакерте (Областном центре Нагорно-Карабахской автономной области в составе Азербайджанской ССР. — Авт.) и в Нахичевани, мы с Шаталиным в ту же ночь перелетели в Ереван для встречи с первым секретарем ЦК компартии Армении Мовсесяном. Разговор казался продуктивным, а сам партийный секретарь производил впечатление умного и дельного человека, стремящегося к мирному разрешению конфликта в НКАО.

Еще через сутки мы были уже в Баку.

В конфликте, который произошел между Арменией и Азербайджаном, нам следовало занимать позицию высшей справедливой силы, действующей в интересах союзного государства.

Шаталин был абсолютно прав: с действующими лидерами закавказских республик за то время, пока я оставался начальником Управления внутренних войск, мне приходилось встречаться довольно часто. И это была хорошая школа для генерала. Ведь меняющаяся политическая ситуация каждый раз требовала от меня продуманных и неординарных действий. Сдержанности. Жесткости. Дипломатического такта. А иногда и восточной хитрости, так как каждый из моих высокопоставленных собеседников был не против использовать внутренние войска союзного подчинения в своих собственных политических интересах.

Поначалу это были так называемые партийные руководители, именовавшиеся первыми секретарями центральных комитетов республиканских компартий: Мовсесян — в Армении,

Муталибов — в Азербайджане, Гумбаридзе — в Грузии. Никто из них не удержался у кормила власти. Вскоре их сменили лидеры новой волны — бывшие диссиденты и политзаключенные: Тер-Петросян (в Армении), Эльчибей (в Азербайджане) и Гамсахурдия (в Грузии), которым довелось стать президентами уже суверенных закавказских государств.

Честно говоря, сама по себе смена одного лидера другим мало что меняла в существе задач, которые ставились ими перед внутренними войсками союзного подчинения. Еще вчера называвшие военнотружущих ВВ палачами, детдомовцами, береты которых окрашены кровью их жертв, новые республиканские лидеры требовали от меня того же самого, что и их недавние предшественники: охраны объектов и коммуникаций, разоружения банд, проникающих с сопредельной территории, общественного порядка в городах и селах, безопасности для людей, проживающих в зоне вооруженных конфликтов.

* * *

Каждый из этих людей был по своему интересен, но, так как мои встречи с ними носили эпизодический характер, не считаю возможным давать в своей книге какие-либо характеристики этим политикам или, например, обсуждать перипетии борьбы за власть в государствах Закавказья. Эта страница уже давно перевернута.

Перевернута вместе со всеми персонажами. Включая Звиада Гамсахурдию, грузинского президента-изгнанника, нашедшего приют, а впоследствии и могилу, в мятежной Чечне, куда он был приглашен Джохаром Дудаевым.

Было в них обоих что-то, делавшее их похожими друг на друга. Показные в своей величественности жесты. Предельно категоричные оценки. Вот этот отрешенный, поверх головы взгляд, который оставлял в собеседнике тяжелое чувство, что разговор велся не с ним, а с кем-то стоящим за его спиной.

Это было начало декабря 1991 года, и я просил Гамсахурдию не вводить грузинскую милицию в город Цхинвали (Столицу южноосетинской автономии в составе Грузии. Иногда употребляется другое название — Цхинвал. — Авт.). Я не без оснований опасался, что новый руководитель Грузии пожелает нарушить установившееся равновесие. В тот момент в Южной Осетии находилась войсковая оперативная группа внутренних войск союзного подчинения, которая полностью контролировала ситуацию. Присутствие миротворцев помогало снизить градус противостояния республиканского центра с теми осетинскими лидерами, которые добивались выхода Южной Осетии из состава грузинского государства.

Гамсахурдия, отличавшийся самонадеянностью и неприятием всего русского и советского, начал было выговаривать мне, что не видит необходимости в присутствии внутренних войск в Южной Осетии. «Помощь Москвы, — сказал он, — нам не нужна. Мы справимся с кризисом самостоятельно».

Понимая, чем может обернуться эта бравада, я высказал свою твердую позицию: противостояние с абхазами и южными осетинами нельзя доводить до войны. Есть мирные пути. Появление грузинской милиции в Цхинвали ничего, кроме перестрелки, не даст. Союзный центр понимает обеспокоенность республиканских властей в связи с тем, что они утратили контроль над автономией. Внутренние войска, находящиеся в Южной Осетии, работают там ради мира и не поддерживают сепаратистов. Ситуация непростая. Поэтому могут действовать какие-то временные и нестандартные схемы. Главное сейчас — избежать кровопролития.

Гамсахурдия со мной согласился. «Да, я тоже сторонник мирного решения», — сказал он, и мы без особых проблем договорились, какие меры могут быть предприняты внутренними войсками для поддержания общественного порядка в автономии. Пока без участия сотрудников грузинской милиции. В обстановке мира легче наладить мирный диалог. Особенно на Кавказе, где пролитая человеческая кровь не забывается столетиями, а национальные традиции многих горских народов признают право на кровную месть.

Демонстрируя добрую волю, я направил в Цхинвали одного из моих заместителей —

генерал-майора Генриха Александровича Малюшкина. Он и командир дивизии внутренних войск генерал-майор Николай Васильевич Скрыпник очень убедительно выступили на заседании Верховного Совета Грузии, а наши совместные со Звиадом Гамсахурдией договоренности не вызвали у осетин непонимания или отторжения.

Все шло нормально, пока, если мне не изменяет память, 7 декабря группа из нескольких грузин не открыла стрельбу из автоматов прямо в центре Цхинвали. Ответным огнем они были уничтожены, а этот инцидент был использован Гамсахурдией как повод для ввода вооруженной грузинской милиции в столицу Южной Осетии.

Думаю, это была спланированная провокация.

Грузинские милиционеры появились на контрольно-пропускных пунктах, где несли службу миротворцы. Оттерли их, что называется, плечом и дали понять: вы здесь лишние.

Делать нечего, пришлось подчиниться. Сотрудники МВД Грузии представляли законную власть, были в форменной одежде и выполняли приказ. В других обстоятельствах мы могли бы дать отпор, но не станешь же, в самом деле, стрелять по милиционерам своего государства...

Начали сбываться самые худшие мои предположения. В Южной Осетии начались бои между этой милицией и осетинскими ополченцами. Когда вместе с первым заместителем министра внутренних дел СССР генералом Борисом Всеволодовичем Громовым мы прилетели в Цхинвали, чтобы провести переговоры с представителями власти Южной Осетии, нам сказали прямо: «После того, что учинил Гамсахурдия, разговоры о диалоге с республиканской властью кажутся бессмысленными. Мы — сами по себе. Грузия — сама по себе. Нас никто не защищает. Тогда мы будем защищаться сами».

* * *

Сложность моего положения заключалось в том, что республиканские лидеры не проявляли желания решать миром межэтнические конфликты. Вооруженное противостояние было отчасти им на руку, так как помогало решать куда более важные, с их точки зрения, политические задачи.

Они не могли не понимать, что центральная власть, откровенно слабая и непоследовательная, уже не контролировала обстановку на окраинах метрополии. Возможный распад Советского Союза давал республиканским лидерам шанс утвердиться в качестве полновластных хозяев новых государств. Чтобы не выпустить власть из рук в самый ответственный момент, теперь предстояло предпринять несколько сложных маневров. За дымовой завесой войны это было сделать куда легче, чем в обычных условиях.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что лидеры республиканских компартий, еще вчера демонстрировавшие свою приверженность «принципам пролетарского интернационализма», сегодня по сути шли на поводу у толпы, которая убивала и гнала из республик инородцев и иноверцев. Война за национальные интересы — подлинные и мнимые — всегда цементирует народ и наделяет «отца нации» особыми властными полномочиями.

Кроме того, война, как казалась это республиканским вождям, давала возможность сосредоточить в одних руках огромные ресурсы, поставить под ружье не только правоохранительные органы, но и отряды своих сторонников. Все это почти легально.

Когда желаемое достигалось, тон разговоров с Москвой мгновенно менялся.

И можно представить, какие громы и молнии летели в сторону любого советского генерала, когда он из чувства долга проводил боевую операцию против незаконных вооруженных формирований одной из сторон конфликта. Оставалось только гадать: сдадут тебя в Москве или не сдадут...

В такой ситуации, не дай Бог, генералу впасть в грех национальной, религиозной или человеческой пристрастности. Следовало помнить, что здесь можно заснуть с титулом миротворца, а проснуться с репутацией военного преступника.

А то, что этот генерал или его солдаты жили и служили под пулями боевиков, что в любую минуту они могли оказаться в заложниках — это были уже издержки профессии.

В октябре 1990 года заложниками армянских боевиков, засевших в Мардакерте (Один из районных центров НКАО. — Авт.), стали трое сотрудников оперативной группы МВД СССР. Это происшествие предваряло другое событие: накануне в Карабахе был задержан и разоружен отряд из двух десятков человек (все они были армянами), вышедший из Мардакерта. Посланные туда для производства следственных действий два офицера и сержант-водитель обратно не вернулись. Вскоре выяснилось, что они захвачены в заложники. Их собирались обменять на задержанных нами боевиков.

В тот момент я находился в Баку.

Мне позвонил командующий внутренними войсками МВД СССР генерал Шаталин и сообщил следующее: «Министр (Имеется в виду министр внутренних дел СССР. Тогда — В. Бакатин. — Авт.) потребовал, чтобы ты полетел в Степанакерт и принял меры к освобождению заложников!»

Я немедленно отправился в Степанакерт и первое, что сделал — лично убедился в том, что эти люди были задержаны на законных основаниях. Их взяли с оружием в руках. Изъятые автоматы, пистолеты, гранаты, снаряжение свидетельствовали о том, что эти армянские боевики, скорей всего, должны были совершить нападение на одно из азербайджанских сел или на наших солдат, несших службу в этом районе. Мы просто вовремя их остановили.

Понимая, что разговоры с теми боевиками, которые удерживали заложников, могут оказаться долгими и бесплодными, я решил прибегнуть к посредничеству авторитетного в Армении и в Нагорном Карабахе человека. Мой выбор остановился на Вазгене Саркисяне, которого я неплохо знал как умного и смелого человека.

Позвонил в Ереван: «Вазген, так-то и так-то... Надо нам вместе ехать в Мардакерт. Надо освобождать людей. К вашему мнению там должны прислушаться».

Саркисян согласился и пообещал, что постарается как можно быстрее вылететь в Степанакерт.

Вскоре он действительно объявился в областном центре НКАО и перезвонил мне уже из кабинета Зория Балаяна: «Товарищ генерал, вы даете гарантию, что азербайджанцы не задержат меня по пути в Мардакерт?» Я подтвердил: «Само собой разумеется, что я даю вам такую гарантию!»

Перед тем, как отправиться в путь, я показал Саркисяну изъятый у боевиков арсенал, чтобы исключить любые спекуляции: дескать, мы захватили невинных крестьян или, к примеру, заблудившихся альпинистов.

До Мардакерта доехали без проблем. В районном отделении внутренних дел, куда мы сразу же отправились, я в присутствии Вазгена изложил свои требования: «Ваши люди задержаны обоснованно. Представитель Армении, которого я привез с собой, это подтвердит. Подполковника, майора и сержанта вы должны освободить. Иначе я буду вынужден действовать другими методами...»

Надо добавить, что все это время меня сопровождал полковник — один из наших заслуженных боевых офицеров. В беседах он не участвовал, а молча садился туда, откуда ему было удобнее держать под контролем всю комнату, половчее устраивал автомат на коленях и всем своим видом давал понять, что голыми руками нас не возьмешь...

Был он, этот офицер, немного контужен в Нагорном Карабахе. А последствия контузии выражались в том, что ладонь его правой руки безостановочно, как бы сама по себе — двигала взад-вперед затворную раму автомата Калашникова. Ясно, что не до упора, но звук был такой — характерный, — как будто каждые пять секунд кто-то за твоей спиной досылает патрон в патронник...

К тому же не всем, например, нравилось, что взгляд у моего провожатого по причине все той же контузии надолго застывал на какой-либо детали интерьера или на отдельном человеке. И то, что время от времени по его лицу пробегала мимолетная судорога.

В конце концов армяне не выдержали. Закричали в голос: «Товарищ генерал, вы что, не видите — он же сейчас начнет стрелять?!»

Я улыбнулся и сообщил условия своего ультиматума: «Вы мне голову не морочьте! До завтрашнего утра даю вам возможность подумать и все хорошенько взвесить. Но предупреждаю: завтра заложники должны быть освобождены! Иначе я вас никого отсюда не выпущу!..» (опережая события, скажу, что эти мои требования подействуют на боевиков. На следующий день, ровно в 15.00, заложники будут переданы мне целыми и невредимыми).

Сказал и поднялся, давая понять, что разговор окончен. У армян, я знаю, сегодня какое-то торжество. Они хлебосольно зовут нас в районный Дом культуры.

Устраиваясь на заднем сиденье «уазика», слева, откуда удобнее в случае чего открыть огонь, все тот же невозмутимый полковник дает мудрый совет: «Товарищ генерал-майор, не надо никуда ездить. Могут прихватить и нас с вами, как в свое время Шаталина... Кто знает, что у них на уме?..»

Киваю головой и жду, пока не тронется с места машина с армянами, за которой нам предложено следовать. Лишь только она скрывается за поворотом, наш водитель сворачивает на другую улицу, и мы уезжаем из Мардакерта, который запросто мог стать и нашей тюрьмой.

* * *

Заложники, как я уже говорил, были освобождены. Но мои действия в Мардакерте неожиданно вызвали гневную реакцию руководителя Азербайджана Аяза Муталибова. Он потребовал наказать меня за самоуправство. Дескать, я самочинно пригласил из Армении Вазгена Саркисяна, тайком провез его в своей машине через посты азербайджанской милиции и, вообще, много на себя беру... В контексте противостояния Азербайджана и Армении я вроде как способствовал вмешательству соседнего государства во внутренние дела Азербайджана.

Не то чтобы я объявлен персоной нон-грата, но азербайджанские власти требуют от Москвы «убрать зарвавшегося генерала».

Я — человек военный. Получив приказ своего руководства освободить заложников, прежде всего думал о том, как его лучше выполнить. Речь шла о жизни моих подчиненных, и я действовал так, как подсказывали мне опыт и интуиция. Даже не мог предположить, что это вызовет такую реакцию у Муталибова.

И хотя меня несколько ободрил первый заместитель министра внутренних дел СССР генерал-полковник Иван Федорович Шилов, находившийся в Баку в командировке, естественно, я немного волновался. Как бы там ни было, ведь я, действительно, не спрашивал ничьих санкций и действовал по своему усмотрению. Узвленная гордость — страшная вещь, особенно если задето самолюбие первого секретаря ЦК, являвшегося по рангу, я уж сейчас не помню, членом или кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

Правда, Виктор Петрович Поляничко, представлявший в зоне карабахского конфликта интересы союзного центра, на этот счет сказал мне следующее: «А.С., выкинь это из головы. Не переживай, я постараюсь решить эту проблему».

Был Виктор Петрович мощным мужиком с пронизательным взглядом. Не чиновник, не функционер, а именно партийный работник — неутомимый и энергичный.

Как я уже упоминал, на посту председателя Комитета особого управления НКАО он сменил Аркадия Ивановича Вольского и имел репутацию жесткого руководителя. Опыт работы в Афганистане в качестве советника высшего руководства этого государства (в период пребывания там контингента советских войск) в наших глазах придавал ему особый вес специалиста по «восточным делам». Я имею в виду приобретенный в Афганистане иммунитет против лести, коварства и прочих ингредиентов южной политической кухни.

В противоположность характеристикам, которые выдавали ему то армяне, то азербайджанцы, а то и правозащитники, был Поляничко сторонником мирного решения

карабахского конфликта. При этом не скрывал, что сила может быть применена, если этого требуют обстоятельства. Один из разговоров, который состоялся у меня с Виктором Петровичем, свидетельствовал о том, что он не исключает повторения межэтнического побоища, подобного карабахскому, и в других регионах СССР.

И он не ошибся.

В соответствии с терминологией сегодняшнего дня я бы назвал Поляничко менеджером кризисного управления. Такие люди будто созданы для экстремальных ситуаций. И я ничуть не удивился, когда узнал, что именно Виктор Петрович возглавил в 1993 году Временную администрацию на территориях Северной Осетии и Ингушетии в ранге заместителя председателя правительства Российской Федерации.

В то время я был уже командующим внутренними войсками МВД России и в этом качестве принимал самое деятельное участие в разрешении вооруженного конфликта между ингушами и осетинами, поводом для которого стал территориальный спор за Пригородный район.

Встретились во Владикавказе, как и подобает добрым знакомым.

Пожимая мне руку, Поляничко сказал: «Вот теперь у меня есть полная уверенность, что мы эту проблему решим. Вижу людей твердых, с которыми уже приходилось работать плечом к плечу в схожих ситуациях!»

Дальше, как известно, произошло следующее: 1 августа 1993 года машина Поляничко была расстреляна террористами в районе села Тарское, недалеко от Владикавказа. Виктор Петрович погиб. В новейшей истории России это единственный случай, когда жертвой террористов стал столь высокопоставленный государственный чиновник — вице-премьер правительства РФ! За полтора месяца, пока он исполнял свои обязанности в зоне осетино-ингушского конфликта, Поляничко сделал очень многое для возвращения беженцев. Возможно, именно это обстоятельство и послужило поводом для его убийства.

Получив известие о его гибели, я немедленно вылетел в Северную Осетию. Знаю, что в результате прочесывания местности удалось найти брошенный преступниками магазин от автомата Калашникова. В последующем из того же оружия, из которого был убит Поляничко, застрелили, кажется, еще и осетинского пастуха.

Я не знаю, как сегодня расследуется это политическое убийство. Остается сожалеть, что смерть забрала очень сильного и деятельного человека, который отлично разбирался в природе локальных вооруженных конфликтов. Не сомневаюсь, что Поляничко, будь он жив, мог бы очень серьезно повлиять на разрешение чеченского кризиса. Во всяком случае, когда мы с ним разговаривали о лидере чеченских сепаратистов Джохаре Дудаеве, Виктор Петрович как-то очень спокойно улыбнулся и сказал вещице слова: «Ну а что он, этот Дудаев, русского языка что ли не понимает?..»

Эту фразу Поляничко следовало понимать так: можно договориться и с Дудаевым, если выбрать правильную тональность и не пережимать с ультиматумами.

* * *

Есть хорошее правило, устанавливающее время окончания любой войны: это день погребения последнего солдата, павшего на поле боя.

В жизни, конечно, так бывает далеко не всегда. Но в том и состоит долг государства перед своими защитниками — не должны быть забыты их светлые имена, их мужество, их самопожертвование.

Да, наши солдаты и офицеры гибли в Нагорном Карабахе. Гибли в засадах, устроенных боевиками на узких горных дорогах. Охраняя общественный порядок, гибли на улицах Баку и Еревана. Гибли, защищая до последнего патрона мирных жителей Нагорного Карабаха.

Они не делили людей по национальностям и с одинаковым упорством отстаивали азербайджанские села от армянских боевиков, а армянские села — от боевиков азербайджанских. Именно так приняли свой последний бой капитан Александр Липатов,

лейтенант Олег Бабак и многие-многие другие.

Свой долг — предать земле тела погибших — мы выполнили сполна. С тяжелым сердцем я отправлял самолеты, уносившие на Родину солдатские цинковые гробы. К сожалению, тогда мы не сумели выполнить эту священную обязанность в отношении капитана Сергея Осетрова и бойцов его разведгруппы, бесследно пропавших в районе села Азад. Это случилось еще до того, как я стал начальником Управления внутренних войск по Северному Кавказу и Закавказью. Но, впервые появившись в тех местах, я сразу же отправился к месту боя. То, что он был, и то, что он был неравным — это установлено достоверно. Мы предполагаем, что тела военнослужащих были сожжены азербайджанскими боевиками.

На этой войне погибли два моих заместителя — полковник Владимир Блахотин и генерал-майор Николай Жинкин.

Хоть и был Владимир Павлович Блахотин заместителем начальника управления по тылу — так сказать, тыловым работником по должности, но «тыловиком» его бы никто назвать не решился. В сложнейшей боевой обстановке ему удавалось наладить материально-техническое обеспечение всех частей и соединений внутренних войск, выполняющих задачи на Кавказе.

Сделать это было непросто. Ведь откуда только ни прибывали в регион войска. Мотострелковый полк из Белоруссии, мотострелковый полк из Узбекистана, из Ленинграда, с Украины. По-настоящему Владимира Павловича я оценил в Ереване, в 1990 году, когда в зоне чрезвычайного положения начали садиться наши ИЛы... Тыловая работа была организована Блахотиным просто блестяще!

Полковник Блахотин был расстрелян боевиками армянской организации «Дашнакцутюн», когда выходил из подъезда своего дома в Ростове-на-Дону. В этом доме жили многие офицеры из нашего управления. Для убийства боевики использовали чешское автоматическое оружие. Их удалось задержать, и в дальнейшем стала доминировать версия, что они перепутали Блахотина с генералом Владиславом Сафоновым, который жил в соседнем подъезде этого же дома и якобы был приговорен армянами к смерти за свою деятельность на посту коменданта Нагорного Карабаха.

Но как бы то ни было, убийство Блахотина я расценил как стопроцентный террористический акт, имевший целью запугать командование внутренних войск на Северном Кавказе и в Закавказье.

Это случилось 8 апреля 1991 года.

А несколько месяцев спустя — 20 ноября 1991 года — в Нагорном Карабахе, в сбитом боевиками вертолете, погиб другой мой заместитель — генерал-майор Николай Владимирович Жинкин.

Для меня его смерть тоже стала очень большим потрясением. На год позже меня он окончил Академию Генерального штаба (учился вместе с Анатолием Романовым и Анатолием Шкирко) и только-только начал осваиваться в новой для себя должности. До академии Николай служил в Вооруженных Силах и был одним из первых армейских офицеров-«академиков», которые перешли служить во внутренние войска. Немаловажным было и то обстоятельство, что мы с Николаем были друзьями, ровесниками и земляками. Он родился в селе Гофицкое. Его родители — Владимир Дмитриевич и Нина Филипповна — и сегодня живут в селе Куршава Андроповского района Ставропольского края, которое сейчас, по воле судьбы, входит в избирательный округ депутата Государственной Думы, генерала армии А.С. Куликова. В мой избирательный округ.

После гибели Николая Владимировича у нас установились очень теплые отношения с его родными. Как его боевой товарищ, считаю себя обязанным поддерживать эту семью, давшую России двух замечательных офицеров Николая и его брата — гвардии подполковника Александра Жинкина, погибшего в Афганистане.

Николай в свое время вместе с братом тоже принимал участие в боевых действиях в этой стране. Ему и выпало везти домой погибшего Александра... Когда на маленьком

сельском кладбище в глубине России я вижу рядом их имена, еще раз убеждаюсь, что российский офицерский корпус — это гордость и одна из самых величайших ценностей нашего государства. Пока есть такие люди, никто не отнимет у нас свободу и независимость. Если будет страна внимательной и благодарной к своим защитникам, никто не решится оспаривать наши национальные интересы.

* * *

Заканчивался 1991 год. Развал Советского Союза и тревожная обстановка в Чечне — о событиях в этой северокавказской республике речь пойдет несколько позднее — убеждали меня в необходимости пересмотра российской военной политики в Закавказье.

У нас продолжали убивать и калечить солдат и офицеров, а я, как генерал, не мог объяснить даже самому себе — во имя чего мы несем такие потери?..

Закавказские республики обретали независимость, а это означало, что вооруженные конфликты, происходящие на их территориях, становятся внутренним делом этих государств. Российское миротворчество, если в нем оставалась необходимость, должно осуществляться на строгой юридической основе, а не носить самочинный характер.

У нас, в России, немало было своих проблем, чтобы класть человеческие жизни на алтарь чужой победы. Да и нас самих в республиках Закавказья, как я видел, больше не жаловали. Азербайджанцы были уверены в том, что выгонят армян из Нагорного Карабаха, армяне — в том, что выгонят из НКАО всех азербайджанцев, а грузины намеревались без помощи союзного центра взять под контроль территорию Абхазии и Южной Осетии.

4 декабря вышел номер «Литературной газеты» с интервью президента СССР Михаила Сергеевича Горбачева. Одна из фраз — что на нынешнем поворотном этапе до большой крови еще не дошло — по-настоящему меня рассердила. Как это так? Каждый месяц в Нагорном Карабахе погибают несколько десятков человек. Это только участники конфликта и мирные жители. Но гибнут военнослужащие и сотрудники милиции: за 11 месяцев мы потеряли более 60 человек. Разве этого мало?

В общем, я сел и буквально за два часа написал статью «Кому мы нужны на Кавказе?»

Писал в газету «Красная Звезда». Писал так, как думал. Без оглядки на то, как воспримут мои слова редакторы, собственные начальники, региональные и союзные политики. Писал о том, что я не припомню случая, включая Великую Отечественную войну, когда бы за один год были убиты два заместителя командарма. О том, что местное население относится к нам недружелюбно и при удобном случае берет в заложники военнослужащих и сотрудников милиции. Что средневековый национализм республиканских лидеров не позволяет им пойти друг с другом на мировую. Что внутренние войска лишены самого необходимого: еды, одежды, медикаментов, нормальных бытовых условий. А их пребывание в зоне чужих вооруженных конфликтов лишено всякого смысла. Что декларации и лозунги не могут заменить программу действий по национальному вопросу, которая была бы четко доведена до таких, как я, исполнителей.

Вывод у статьи был такой: весь Кавказ может потонуть в пламени беспощадной гражданской войны. Единственной силой, которая может ей воспрепятствовать — являются внутренние войска МВД России.

Из Закавказья их нужно выводить. И, пока не поздно, перестраивать на современный лад, чтобы нас не застали врасплох те конфликты, которые назревают на Северном Кавказе.

Мои начальники в Москве, прочитавшие статью внимательно, с карандашом в руках — сочли ее дерзкой и несвоевременной. Припомнили и мое обращение к вице-президенту Российской Федерации Александру Руцкому о необходимости вывода войск из Закавказья.

Было принято решение о расформировании Управления ВВ по Северному Кавказу и Закавказью, которое я возглавлял.

Все, что для этого требовалось — это только благовидный предлог и немного времени.

Тревожные чемоданы

Не знаю кому как, но лично мне итоги 1991 года казались безрадостными. Развал Советского Союза и последовавший за этим вывод дивизий ВВ из Баку и Тбилиси в значительной мере упрощали задачи внутренних войск в регионе. Отныне война между Арменией и Азербайджаном за Нагорный Карабах и межнациональные конфликты в Южной Осетии и Абхазии становились внутренним делом новорожденных государств Закавказья, но я не скрываю, что мы уходили из Закавказья с болью в сердце.

Грузия, Азербайджан и Армения были частью нашей великой Родины, и надо было еще привыкнуть к тому, что в будущем каждый из нас пойдет своей дорогой.

Лично я не сомневался, что после нашего ухода кровопролитие в Закавказье не остановится. И только наивный человек мог рассчитывать на то, что перевод этих конфликтов в разряд «чужих», «заграничных» автоматически решит проблемы безопасности самой России. Кавказ — особая территория. Особый мир, где любые границы проницаемы, а национальные, экономические и территориальные проблемы так остры, что для большого пожара достаточно даже маленькой искры.

По всему ощущалось, что Чечня может стать очагом новой войны уже на территории России, а ее неподконтрольные федеральному центру лидеры с энтузиазмом начнут играть на национальных противоречиях, чтобы превратить весь Северный Кавказ в пылающий костер.

Но горячих голов было немало и среди представителей других народов: неформальные национальные лидеры пытались оседлать время, а лучшими среди лозунгов казались те, в которых эксплуатировалась извечная мечта о куске кавказской земли и праве народов на самоопределение. В этой обстановке каждый день следовало ожидать взрыва. Особенно опасным казалось то, что сотрудники органов внутренних дел национальных республик и областей Северного Кавказа, как это показывал опыт Нагорного Карабаха, в условиях межэтнического противостояния зачастую начинали действовать в интересах только своей национальной общины. Далеко не все, но многие... В этой обстановке внутренние войска МВД России как сила, не заинтересованная в результатах спора, являлись порой единственной защитой для тех, кто был бессилен против автомата, ножа или камня.

Вот о чем думал я, подводя черту под этим тяжелым для меня 1991 годом. Годом безвозвратных потерь: и привычного для меня Отечества, и товарищей, отдавших за него свои жизни, и надежд, что самое страшное мы уже пережили. Понимал: надо готовиться к худшему.

Поэтому столь нелогичным и несвоевременным мне показался приказ министра внутренних дел России об упразднении Управления ВВ по Северному Кавказу и Закавказью, начальником которого я был в то время. Настоящая беда таилась даже не в том, что этим приказом (от 23 марта 1992 года) упразднялась моя собственная должность, а сам я выводился за штат. Прекращала свое существование мощная структура — оперативно-стратегическое звено, объединявшее самые боеспособные части и соединения внутренних войск. Надо сказать, что со временем эту глупость удалось исправить: Северо-Кавказский округ ВВ МВД России действует в тех же границах, что и мое, сокращенное в 1992 году, управление. Сама жизнь показала, что эти нововведения были опасны для страны и совершенно не учитывали интересов народов Северного Кавказа.

Но дело было сделано, и следовало подчиниться приказу. Сам по себе он не означал для меня отставку: никто из внутренних войск меня не увольнял. Однако я не мог не замечать признаки приближающейся опалы. Некоторые генералы начали обходить меня стороной, я был отстранен от принятия каких-либо решений, а мои предложения, как мне казалось, вполне разумные, вызывали у командования реакцию отторжения.

Нерешительность, прямо скажу — пассивность, командования внутренних войск в то время можно объяснить и тем, что упомянутые мной события происходили в эпоху смены политической элиты в Кремле, а потому немного было охотников рисковать собственной

карьерой, особенно если речь заходила о межэтнических столкновениях. Во-первых, было неясно, «сколько суверенитета» захотят «субъекты Федерации» и сколько его будет отпущено на самом деле. Во-вторых, участие в кавказских событиях было чревато непредсказуемостью карьерного хода: по шапке там могли дать куда скорее, чем звезду на погоны.

Более привлекательным занятием для некоторых казалось улавливание политических ветров и настроений: ведь золотой дождь должностей и званий мог пролиться лишь на того, кто вовремя примкнет к нужной команде, к нужному человеку.

В этой ситуации я считал невозможным жаловаться на судьбу и накручивать телефонные номера знакомых мне кремлевских обитателей. Тем более что формальное предложение о назначении на должность от нового командующего внутренними войсками генерал-полковника Василия Саввина я все же получил. Это была должность начальника Владикавказского высшего командного училища ВВ МВД РФ. Того самого училища, которое я окончил в 1966 году.

Я отказался и вместо этого попросил Саввина об отпуске, который полагался мне за все прошедшие годы, проведенные без дня передышки. Добросовестные кадровики насчитали мне 150 суток отпуска, а на прощание Саввин посмотрел на меня без особого энтузиазма: в списке тех, кто пользовался его доверием и мог рассчитывать на расположение командующего, генерала А.С. Куликова не было. Мы оба понимали, что разговор об училище носит формальный характер: он предлагает, а я, соответственно, отказываюсь, так как столь явное понижение в должности означало на самом деле вежливый намек, что через 150 суток Василий Нестерович не удивится моему рапорту об отставке и охотно отпустит меня на все четыре стороны...

* * *

Наверное, и мне следовало подумать после всего испытанного и прожитого за последние два года. Определиться. Оглядеться вокруг и ощутить себя в новом качестве никем не востребованного генерала-отставника, отпустившего вольную бороду. К тому же новоиспеченного кандидата наук, защитившего (успел тогда же, в отпуске) диссертацию в Институте социально-политических исследований Российской Академии наук.

Чтобы отпуск не пропал даром, поехал в Белоруссию и принялся достраивать дачу под Минском. Хотел довести ее до ума и продать, перед тем как вернуться в Ростов-на-Дону.

Дальнейшие планы связывал с этим городом. Там меня знали. Там оставались надежные друзья. Существовали даже некие договоренности о том, что после отставки я перейду на преподавательскую работу в Ростовский университет.

Что ж, вполне достойное продолжение судьбы для покинувшего службу человека. Интересная научная работа. Спокойная размеренная жизнь без тревожных чемоданов и командировок. Без штабных палаток и «вертушек», садящихся в облаке пыли. Без пехоты, которая после боя устало сползает с брони. Без того, что являлось сутью моей жизни и самой большой моей любовью.

Очень остро переживал, что там, на Кавказе, под руинами упраздненного управления остались не у дел толковые боевые офицеры, опыт которых был просто бесценен. Поэтому очень обрадовался телефонному звонку генерала Льва Сергеевича Шустко, командующего войсками Северо-Кавказского военного округа, который предупредил меня о том, что в Ростов-на-Дону вскоре должен прилететь вице-президент России Александр Руцкой. Лев знал, что я в свое время отправил Руцкому телеграмму, в которой просил сохранить хотя бы оперативное звено управления. Такой ансамбль штабных операторов не сразу соберешь: каждый из них мастер в этой области военных знаний. Эти люди могли бы здорово пригодиться в случае обострения ситуации. В личной встрече с вице-президентом мне хотелось еще раз подтвердить, что моя позиция осталась такой же прочной и бескомпромиссной: нельзя в обстановке, по сути, предвоенной проводить на Северном

Кавказе столь радикальные перемены.

Поблагодарив Шустко за полезную информацию, я сразу же вылетел в Ростов-на-Дону и встретился с Руцким. Проблема вице-президента заинтересовала. По его просьбе я детально обрисовал обстановку и даже подготовил справку. Что удивило: даже энергичное вмешательство Руцкого не дало никаких результатов. То ли медленно проворачивались маховики государственного механизма, то ли превалировали в Кремле настроения шапкозакидательские. Не казалась страшной Чечня, не анализировалась ситуация в Ингушетии, в Осетии, в Кабардино-Балкарии.

Поэтому уже скоро я возобновил строительство дачи, которое, впрочем, еще один раз было прервано по чрезвычайной причине. Неожиданно появился хороший знакомый — заместитель министра внутренних дел Республики Беларусь генерал Борис Иванович Матусевич с известием: «Тебе хотят здесь, в Белоруссии, предложить должность командующего внутренними войсками. Я приехал, чтобы отвезти тебя на собеседование в управление делами Совмина».

Пришлось наскоро брить бороду и надевать свою генерал-майорскую форму.

Управляющий делами Совета министров Республики Беларусь в завершение нашего с ним разговора сказал: «Я буду докладывать премьеру Кебичу, что вас целесообразно назначить на эту должность. Если, конечно, вы согласны». «Разумеется, согласен! — ответил я. — Ведь в России мне никакой работы не предлагают».

Мое желание продолжить службу было искренним. Я никогда не ощущал себя чужим в Белоруссии. Здесь была крыша над головой, здесь жили родители жены, здесь я командовал когда-то дивизией, а мое внутреннее ощущение собственного Отечества всегда включало и будут включать замечательную землю и замечательных людей Белоруссии. Это вполне уважительная причина для того, чтобы стать их ревностным защитником.

Но мои благие намерения и предварительные договоренности с управляющим делами Совмина вызвали, как оказалось, неудовольствие белорусского министра внутренних дел Владимира Демьяновича Егорова. Он воспрепятствовал моему назначению, мотивируя свое решение тем, что я — лицо неподходящей национальности. Дескать, русский, а не белорус. Никто мне, конечно, об этом прямо не сказал, но дали это понять.

Скажу честно: не самое это веселое чувство, когда тебя отбраковывают по национальным мотивам. Вроде бы ничего в тебе не убавилось, но все твоё существо как бы сопротивляется: разве в национальности дело?

Когда ситуация прояснилась окончательно, отправился в Министерство обороны Белоруссии, которым руководил мой однокашник по Академии им. Фрунзе генерал Павел Козловский, а его Главным штабом — другой мой однокашник по Академии Генштаба генерал Николай Чуркин. Невесело рассмеялся, говорю: «Чуть было не попал к вам, в Белоруссию, на службу. Да вот на беду оказался не той национальности...»

Пал Палыч, обиженный за меня до глубины души, тут же позвонил министру внутренних дел и попытался доказать, что Куликов — не самый худший из русских. Все-таки был ликвидатором аварии на Чернобыльской АЭС и даже награжден почетной грамотой Верховного Совета Белорусской ССР.

Но доводы Козловского ничуть не поколебали мнение Егорова, и моя кандидатура была отклонена. Отчасти я даже благодарен тому, что министр внутренних дел оказался столь разборчив в поисках кандидатуры на должность командующего внутренними войсками Белоруссии. Иначе бы меня ожидала совсем иная судьба.

* * *

К концу отпуска, в августе, моим будущим все-таки заинтересовалось и мое руководство: мне предложили стать начальником Управления оперативных и специальных моторизованных частей в Главном управлении командующего внутренними войсками МВД России.

Я дал согласие, хотя подумал про себя, что вряд ли задержусь в Москве после Нового года. Еще оставались в силе договоренности в Ростовском университете. К тому же я чувствовал, что на новом месте службы мало кому интересны мои знания и опыт. Влиятельные оппоненты пытались изолировать меня от живой, а тем более — от боевой работы. Удивительное дело: даже в командировки я выбирался с трудом. Для иного человека, кажется, нет ничего лучше размеренной кабинетной жизни и ежедневного общения с семьей. Я же стремился в войска. Мне не хотелось превращаться в столичного генерала, тем более что обстановка на Северном Кавказе день ото дня становилась все тревожнее и тревожнее.

В такой ситуации особенно дорога товарищеская поддержка. Первым человеком, который тогда зашел в мой кабинет, чтобы поприветствовать на новом месте, был Анатолий Александрович Романов, «юный» генерал-майор.

За эти два года, что мы с ним не виделись, он окончил Академию Генштаба и успел послужить командиром дивизии на Урале. И на Кавказе я внимательно следил за его судьбой и искренне радовался успехам Анатолия. Деликатность моего нынешнего положения заключалась в том, что генерал Романов, командовавший войсками по охране важных государственных объектов и специальных грузов, теперь по должности оказался старше меня.

Запомнил на всю жизнь и оценил, что этот человек ни разу не обратился ко мне на «ты», даже когда были для этого если не формальные, то чисто ситуативные причины. Сам я позволял себе фамильярничать, делая скидку на некоторую разницу в возрасте. Но ни разу в жизни — никогда! — он не сказал мне: «Ты»...

* * *

После того как я познакомился с офицерами своего управления, пришло время отправиться в районы служебно-боевого применения оперативных и специальных моторизованных частей ВВ. Поэтому я напросился выехать в десятидневную командировку во Владикавказ, где теперь обосновался штаб нашей войсковой оперативной группировки после ее вывода из Карабаха.

Получил на это разрешение и вскоре вылетел с группой офицеров на Кавказ, чтобы объехать места дислокации частей и районы их применения. Сразу же бросилось в глаза: нормальное управление этими силами отсутствует. И это в то время, когда чеченские боевики, с оружием и снаряжением, совершенно спокойно передвигаются по территории Северного Кавказа, циркулируя между своей республикой и Абхазией, которой они помогали в ее противоборстве с грузинами.

Можно было сказать и так: за 150 суток, пока я отсутствовал в регионе, произошли серьезные перемены к худшему. Причиной этому послужила ликвидация управления ВВ на Северном Кавказе. Чтобы никто не расценил, что, будучи лицом заинтересованным, я просто нахваливаю себя в своей предыдущей должности, предлагаю задуматься над сутью этого недальновидного и преступного решения: было упразднено территориальное управление внутренних войск, а по сути — управление военным округом, непосредственно примыкающего к районам боевых действий на территории Грузии (Южная Осетия, Абхазия). К тому же имеющим на своей территории один полноценный мятеж (в Чечне) и несколько очагов нестабильности — в Ингушетии, в Северной Осетии и в Кабардино-Балкарии. Поэтому не было ничего удивительного в том, что три дивизии ВВ оперативного назначения — Ростовская, Краснодарская и Новочеркасская, — лишённые единого центра оперативно-стратегического управления в регионе, становились как бы слепоглухонемыми и действовали исключительно по командам из Москвы.

Формально начальник войсковой оперативной группировки, сидящий во Владикавказе у белого телефона ВЧ-связи, мог принять какие-то меры, чтобы скоординировать действия комдивов, но для этого ему предстояло вначале подготовить свое обоснованное сообщение в

Москву и дожидаться, пока командующий ВВ или начальник штаба, в свою очередь, отдадут распоряжение каждому командиру в отдельности. И это тогда, когда расстояние от штаба Ростовской дивизии до штаба дивизии Новочеркасской составляет от силы километров двадцать...

Иначе как глупостью это не назовешь. Ясно, что при такой организации работы, при таком управлении нельзя было перехватывать мобильные группы чеченских сепаратистов, которые к тому времени совершенно открыто передвигались на машинах по территории Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Ставропольского края, Карачаево-Черкессии, чтобы впоследствии вьючными тропами через Санчарский и Дамхурцский перевалы перейти в воюющую Абхазию.

Наладив взаимодействие частей ВВ в этой части Северного Кавказа, можно было перерезать транспортную артерию: на маршрутах движения боевиков стояли боеспособные части внутренних войск. 48-й полк, временно дислоцированный в Карачаево-Черкессии, перекрывал Лабинское и Домбайское ущелья. Были наши части и в Кисловодске, и они тоже могли быть задействованы на этом направлении.

Я как в воду глядел, попросив накануне своей командировки на Кавказ, перебросить в Лабинское ущелье отряд специального назначения внутренних войск «Витязь», чтобы попробовать перехватить очередную группу чеченцев. Находясь в Северной Осетии, получил известие: действительно, идут чеченцы, человек триста. Все с оружием.

Сразу же вертолетом вылетел в Пятигорск, в районе которого они вскоре должны были появиться, и возле озера Тулукан, на дороге, где было чрезвычайно удобное место, организовал засаду теми силами, которые оказались под рукой. Единственное, чего мы не сумели учесть, так это того, что колонна чеченцев предусмотрительно вклинится в другую колонну — из двух грузовых машин и автобуса, — на которых в Россию из Тбилиси следовали покидающие Закавказье семьи российских офицеров. Увидев, что окружены, бандиты тут же захватили автобус с людьми и предъявили нам ультиматум: «Или нас выпускают из мешка, или мы начинаем расстреливать заложников...»

Начался трудный торг. Москва требовала не допустить прорыва боевиков, но в сложившейся ситуации этот приказ означал кровопролитный штурм, жертвами которого могли стать пассажиры автобуса и водители грузовиков. Переговоры давали нам время на раздумье, а присутствие «Витязя» на Дамхурцском перевале — надежду, что, уступив чеченцам в малом, мы могли бы переиграть их начисто чуть позднее, на перевале, где они будут вынуждены освободиться от живого щита. Другой дороги у боевиков все равно не было.

Посоветовался с начальником УВД на Кавказских Минеральных Водах полковником Фомичевым: «Николай Яковлевич, ты не хуже меня понимаешь ситуацию: требование Москвы нереально. Будет кровь. Нам с тобой здесь виднее. Думаю, что сейчас целесообразно чеченцев пропустить, но сделать это нужно так, чтобы это был контролируемый проход. Кому-то из нас нужно сопровождать эту колонну».

Фомичев — отважный человек — с моими доводами согласился и без тени сомнения предложил: «Давайте, я им предложу себя взамен заложников и буду сопровождать их до границы с Кабардой. А дальше — как сложится...»

Конечно, Николай подвергал себя серьезной опасности, но я надеялся, что вытаску Фомичева живым и здоровым. На перевале у меня были бы совершенно другие аргументы...

С чеченцами Фомичев быстро договорился, а в Москву мы о принятом решении сообщать не стали.

Однако я не чувствовал себя обманщиком. Ведь моей единственной целью было спасение заложников. Формальное требование своего командования — уничтожить бандитов — исполнить мне было куда проще, нежели затевать хитрую и очень опасную для меня самого игру. Повторяю, и это место для засады было идеальное: с одной стороны — обрыв, с другой — вода. Начни мы штурм, любая прокурорская проверка только бы подтвердила законность моих действий: исполнил приказ до последней запятой... Но я понимал, что

большинство заложников погибнет, если мы начнем бой без промедления.

Решение было принято мной в согласии с Фомичевым, и, как только колонна с чеченцами двинулась дальше, я начал готовить им встречу на Дамхурцском перевале. По радио поставил задачу командиру «Витязя» Сергею Лысюку, а утром следующего дня, как только разнесло туман, на вертолете опередил колонну с чеченцами, заложниками и Фомичевым и сел в расположении отряда спецназа.

Что Сергей Лысюк, что его заместитель Александр Никишин (оба будущие Герои России) были настроены решительно. И засада ими уже была устроена очень умело: по замыслу операции, как только хвост колонны пройдет мимо замаскированного войскового наряда, должно было сработать взрывное устройство. Чеченцам отрезался путь для отступления. Навстречу боевикам выдвигался заслон во главе с Лысюком и следовало предложение о сдаче оружия. Деваться там было некуда: отвесная стена да пропасть глубиной в 150 метров.

Не было бедой и то, что чеченцы, вероятно, предупрежденные кем-то из местных жителей, остановились чуть раньше и выслали парламентариев. Лысюк, следуя моим указаниям, поставил им одно-единственное условие: либо боевики кладут оружие на землю, либо будут уничтожены. В принципе мы их загнали в тупик и дальше оставалась лишь психологическое противоборство.

Убедившись в готовности отряда и понимая, что операция может начаться только на следующий день, я вернулся во Владикавказ.

К середине дня я снова был на месте предстоящей операции. Поникший Лысюк докладывает: «Я их пропустил...» «Как пропустил?!» — не мог я поверить. На что этот спецназовец, мужественный боец, мимо которого ни один боевик не прошел бы по своей воле, протягивает мне полученную им телеграмму за подписью нашего командующего генерала Саввина: «Пропустить!» И он, конечно же, был вынужден подчиниться этому приказу, хотя, повторяю, все было сделано для того, чтобы не дать бандитам уйти безнаказанно.

Я потом долго размышлял об этом странном решении Саввина. Объяснение ему находил лишь в том, что причиной столь либерального отношения к вооруженным чеченцам стали итоги одного чрезвычайно секретного совещания у министра внутренних дел Баранникова, в котором приняли участие и представители Министерства обороны РФ. Возможно, на нем обсуждалась деликатная проблема взаимоотношений России и Абхазии, особенно тот аспект, что Россией не оказывается реальная помощь абхазам в их войне с антироссийским режимом Звиада Гамсахурдии.

Не исключено, что в качестве компромисса было решено время от времени закрывать глаза на то, что вооруженные чеченцы будут следовать транзитом по отдаленным горным районам Российской Федерации и помогать Владиславу Ардзинбе, если уж военно-техническая помощь самопровозглашенной и никем не признанной Абхазии не может быть оказана официально.

Думаю, что истинные причины столь щедрого подарка чеченцам кроются именно в этом. Хотя, как мне доводилось замечать, у генерала Василия Нестеровича Саввина в Чеченской Республике были и свои прямые контакты и с Дудаевым, и с его высокопоставленными представителями.

На свой страх и риск я вывозил из мятежной Чечни то оружие внутренних войск, которое находилось в республике на складах неприкосновенного запаса. Разумеется, не каждый свой шаг я согласовывал со своим командованием, так как имел полномочия для самостоятельной работы, а в обстановке скоротечных событий больше полагался на чувство здравого смысла. Еще тогда Арсунукаев, командир дудаевской гвардии, не раз давал мне понять, что моя активность ему не нравится. «Я еще переговорю с Василием Нестеровичем», — говорил он значительно, и я нисколько не сомневался: действительно, переговорит...

С одной стороны, меня это вполне устраивало: верный солдатскому долгу, я никогда не

сомневался в том, что командованию всегда виднее. С другой, конечно, опасался того, что частные договоренности дудаевцев и Саввина, если бы они состоялись, могли очень серьезно ограничить свободу моих действий.

* * *

Главным итогом десятидневной командировки на Северный Кавказ стала подготовленная мной «Схема оперативного управления». Эта понятный каждому старшему офицеру рабочий документ упрощал управление войсками в Северо-Кавказском регионе и способствовал тому, чтобы это управление оставалось твердым, непрерывным и надежным.

В подготовке схемы мне помогли выводы офицеров Управления связи Главного управления командующего ВВ, которые находились вместе со мной, а также собственные наблюдения. Меня поразило, например, что начальник войсковой оперативной группировки (ВОГ. — Авт.), находящийся в здании Министерства внутренних дел во Владикавказе и располагавший телефоном высокочастотной защищенной связи, в то же время не имел простой телефонной линии связи, чтобы управлять офицерами войсковой оперативной группы, находящимися на третьем этаже Владикавказского училища. Поэтому нет ничего удивительного в том, что именно из-за потери управления не смог впоследствии, во время осетино-ингушского конфликта, полноценно руководить войсками начальник группировки генерал Каплиев.

Я детально проработал этот документ, сопроводив его необходимыми справками и обоснованиями. Генерал-полковник Саввин принял меня и, услышав мой доклад о том, что эта схема позволит срочно восстановить систему управления, холодным голосом мне ответил: «Оставьте... Хорошо... Я подумаю над этим...» Но вскоре вернул мне схему без каких-либо комментариев. На языке Василия Нестеровича это означало, что мои предложения его не заинтересовали.

В необходимости этих мер я попытался убедить генерала Виктора Гафарова, своего однокашника по Академии им. Фрунзе в прошлом и прямого начальника — в настоящем. Виктор Сергеевич только пожал плечами: «Ты думаешь, я не понимаю, что это нужно? Да, ты абсолютно прав, но что я могу поделать?..» Но все-таки собрался и пошел убеждать Саввина. Вернувшись, только махнул рукой и нервно закурил. Все было понятно без слов...

Когда через две недели резко обострилась обстановка в Кабардино-Балкарии и Гафаров стал собираться на Кавказ, чтобы руководить войсками непосредственно в зоне конфликта, я еще раз напомнил ему о разговоре: «Виктор, это нужно обязательно сделать». Но мои напоминания уже мало что могли изменить: в Кабардино-Балкарии события развивались молниеносно, и у Гафарова уже не было времени что-либо менять или переделывать на ходу.

Были и такие, кто расценивал мое беспокойство как попытку напроситься на работу в Кабарду. Я, действительно, не скрывал своей озабоченности по поводу происходящего: «Регион мне хорошо известен. Направьте меня. Чем смогу — помогу...» Но и это мое желание не оказалось услышанным, пока тревожные события в сентябре 1992 года — съезд Конфедерации горских народов Кавказа, арест лидера упомянутой Конфедерации Шанибова, а также начатый его сторонниками мятеж — не перевернули мирную жизнь в Кабардино-Балкарии.

Гафарову удалось заблаговременно перебросить в Кабарду отряд спецназа «Витязь» и сводный отряд из мотострелковых полков дивизии имени Ф.Э. Дзержинского. Теперь он просил, чтобы к нему отпустили и Куликова, так как 26 сентября обстановка обострилась: уже прозвучали чрезвычайно резкое выступление председателя конгресса народов Кавказа Калмыкова и призывы к свержению законной власти в республике. Митингующие требуют освободить председателя Конфедерации горских народов Кавказа Шанибова из-под стражи и в трехдневный срок вывести из города внутренние войска МВД России. Уже была попытка штурма Дома правительства и захвачен БТР, а по решению президента Кабардино-Балкарии в Нальчике с 6.00, 26 сентября объявлено чрезвычайное положение. Еще раньше — взяты

под усиленную охрану здания Дома правительства, республиканская прокуратура, МВД и телевидение.

Совершенно ясно, что без подкрепления ситуацию в столице Кабардино-Балкарии нормализовать не удастся. Но только на месте и можно выяснить, какие силы потребуются для решения задачи. Предварительно планируется переброска в зону конфликта сводного полка из северо-западного управления внутренних войск. Называется цифра: нужно еще пять сводных батальонов... Самолет командующего внутренними войсками готов к взлету на аэродроме «Чкаловский»...

Командующий не стал игнорировать настоятельные просьбы Гафарова. В тот же день, 26 сентября, пригласил меня (при этом присутствовало все командование ВВ) и сказал: «Ну что, есть предложение Анатолия Сергеевича туда отправить... У кого-нибудь есть возражения?» Возражений не было, и я, срочно собрав группу офицеров (в моей записной книжке так и записано: «Обязательно взять связиста и тыловика»), начал готовиться к отлету. Именно в эти часы на связь из Владикавказа вышел находившийся там Виктор Гафаров. Подробно рассказал что к чему и напоследок добавил: «Там 21-я (Софринская) и 22-я (Калачевская) бригады. На меня особо не надейся: сил и средств больше нет...»

Взлетали уже в сумерках. Взлетали, еще не зная, что аэропорт в Нальчике уже захвачен мятежниками. Запасной аэродром — «Беслан». Это в Северной Осетии, под Владикавказом. Что ж — вполне годится... До Нальчика вполне можно добраться на машинах. Другое дело, не слишком ли рискованной будет наша попытка попасть туда ночью, к тому же не имея известий, как разворачиваются события в самом Нальчике и его окрестностях.

В аэропорту «Беслан», на взлетной полосе аэродрома, нас уже ждали машины из МВД Северной Осетии и штаба нашей войсковой оперативной группировки, располагавшегося во Владикавказе. Именно его работу я решительно собирался реформировать еще две недели назад. Как жаль было этих потерянных дней, в течение которых, будь мое предложение принято, можно было многое изменить.

Понимая, что на пути в Нальчик нас могут ожидать не самый теплый прием, особенно если нарвемся на засаду, решил с самого начала заручиться поддержкой тех людей в Кабардино-Балкарии, которым доверял абсолютно. Одним из них был мой однокашник по Орджоникидзевскому училищу, министр внутренних дел Кабардино-Балкарии, генерал-майор Хачим Шогенов. Так уж мне всегда везло, что в самые трудные дни где-то рядом были мои товарищи-однокашники по училищу и двум академиям. Конечно, всякими могли быть обстоятельства и любыми — собственные убеждения и намерения этих людей. Однако знал, как бы там ни было, они никогда не заманят в бандитскую засаду, не подставят под пулю, не станут коварно обманывать. Это такое братство, которое дороже любых денег и важнее любых политических альянсов.

Поэтому спросил без обиняков: «Как, Хачим, у тебя дела?» Он мне коротко обрисовал обстановку, и стало ясно, что дела в Нальчике совсем неважные. Многие милиционеры перешли на сторону Конфедерации, но есть еще несколько преданных офицеров, способных следовать долгу... Президент республики находится в заблокированном Доме правительства, и существует реальная опасность штурма здания.

«Вот что, Хачим, — сказал я, — если действительно есть надежные офицеры, то ты обязательно отправь кого-нибудь из них с машинами за нами, во Владикавказ. Будут провожатыми. Я еду к тебе, и хочу доехать именно до тебя...» Хачим очень обрадовался, а его голос излучал уверенность: «Анатолий, уже отправляю к тебе людей!»

И действительно через два часа пришла машина с провожатым — старшим лейтенантом милиции Губайдулиным. Этот офицер оказался толковым проводником: кружным путем, объезжая мятежников, доставил нас в Нальчик к зданию республиканского МВД, но не с парадного входа, а грамотно — с тыльной стороны. И там я сразу же увидел Владимира Ильича Колесникова, генерала милиции и известного специалиста в области уголовного розыска. Волей судьбы и он оказался здесь, приехав курировать расследование по делу Шанибова. Этот политический деятель был арестован с оружием в руках, этапирован

в Ростов-на-Дону, но впоследствии сбежал из-под стражи при весьма загадочных обстоятельствах.

Лично я никогда и не сомневался, что побег Шанибова был обусловлен трусостью некоторых российских политиков, испугавшихся неприятных, опасных для своей карьеры последствий. Вот так — из-за боязни и мелочных политических интересов — и на этот раз были растоптаны принципы законности и права.

С Колесниковым мы до этого никогда не встречались, и, честно говоря, я был искренне удивлен его радости по поводу моего появления. «Уф, — переводил он дух, — я рад, что ты приехал. Все-ж таки ты специалист в этой области. Давай, начинай! Тут очень тяжелая обстановка».

Я в свою очередь попросил его задержаться в Нальчике, мотивируя это тем, что без опытного организатора оперативной работы, каким является Владимир Ильич, в этой ситуации просто не обойтись. Даже вызвался сам позвонить в МВД России, чтобы Колесникова не отзывали в Москву, на заседание коллегии министерства: было ясно, что в Нальчике события развиваются точно так же, как и год тому назад, в столице Чечни — городе Грозном.

* * *

Как только мы приехали, Хачим Шогенов, министр, сообщил: «Нас ждет президент республики Валерий Мухамедович Коков». «Мы без проблем туда доберемся?» — спросил я Хачима, но он даже обиделся: «Спрашиваешь...»

Поднялись на четвертый этаж Дома правительства каким-то боковым ходом, минуя в коридорах импровизированные баррикады. Это была совсем не лишняя предосторожность: Дом правительства уже был обстрелян, уже погиб сотрудник милиции. В комнате отдыха президента сидели сам Коков, председатель Верховного Совета республики Кармоков, председатель Совета министров Черкесов и прокурор республики, фамилию которого, к сожалению, я не запомнил.

Зашли в комнату вчетвером: я с Шогеновым и два сопровождавших меня офицера.

Сразу понял, что присутствующие руководители республики очень встревожены и, мягко говоря, находятся под впечатлением новизны своего положения. Я бы не стал это квалифицировать как испуг или подавленность, но по всему чувствовалась некоторая растерянность людей, которым еще не приходилось испытывать что-то подобное. В отличие от нас, уже тертых Баку, Сумгаитом, Ферганой, Карабахом и Чечней образца 1991 года и воспринимавших эту обстановку с уверенностью знатоков. И действительно, многое казалось знакомым: и напряженные лица защитников Дома правительства, и вот эти перевернутые кресла в коридорах, и даже вытертые от ежедневной носки ремни на автоматах сотрудников милиции — узнаваемые черты любой осады. Знаковые детали смутного времени.

Когда мы еще поднимались по лестнице, я попросил министра внутренних дел рассказать о том, какие меры удалось предпринять. С профессиональной точки зрения его рассказ меня вполне удовлетворил: все было сделано Хачимом вовремя и грамотно. Во всяком случае то, что касалось охраны и обороны здания Дома правительства и обеспечения безопасности самого президента. Все эти добрые известия, а вдобавок и откровенно невеселый вид республиканских руководителей, вызвали у меня искреннюю улыбку, которая в этих обстоятельствах могла показаться на первый взгляд и неуместной, и легкомысленной. Но, как это ни странно, настроение у меня действительно было приподнятое и я это не скрывал.

Возможно, мой бодрый вид вселил в присутствующих надежду, что наши дела не так уж и плохи, как представлялось. Я понял: увереннее почувствовал себя Коков. Он будто нашел во мне ту опору, которой ему не доставало. Спросил: «Что будем делать, товарищ генерал?» Я в свою очередь задал встречный вопрос: «А я хотел бы знать, что намерено

предпринять руководство республики?» Валерий Мухамедович в карман за словом не полез: «Что скажите, то и будем делать!..» Тут я окончательно рассмеялся, говорю: «Вот теперь я вижу, что мы победим!» Гляжу: они тоже все улыбаются. Значит, сработаемся...

Первым делом выяснил, с кем из вдохновителей мятежа можно вступить в переговоры. Была названа фамилия Юрия Калмыкова — председателя конгресса — исполнительной структуры Конфедерации горских народов Кавказа, а также еще одна фамилия, кажется, Заура Налоева — кабардинского интеллигента, который тоже был чрезвычайно активен и пользовался авторитетом среди тех, кто находился по другую сторону баррикад.

Я намеревался переговорить с ними, чтобы понять планы мятежников и уточнить их требования к местной и федеральной власти. В то же время, не откладывая дела в долгий ящик, поручил своим офицерам проработать план операции по разгону бесчинствующей толпы у Дома правительства.

«Все это, — сказал я Кокову, — будет иметь смысл, если и вы не станете отмалчиваться. Следует обратиться к народу с разъяснением своей позиции по поводу произошедшего. Ни в коем случае нельзя дать оппонентам возможность навязывать народу только свою точку зрения. Думаю, уже все в республике поняли что к чему, а потому можно рассчитывать на поддержку тех сил, которые не хотят стать жертвами хаоса и беззакония».

Валерий Мухамедович — опытный политик — не стал расценивать мои слова как нотацию или прописи. Просто моя уверенность передалась и ему, и я был этому рад. Передо мной был мужественный, умный, дальновидный человек, который отлично понимал, что республика стоит на краю бездны. В такой ситуации нельзя терять контакта с народом. В такой ситуации нельзя показать себя слабым.

Но именно печальный опыт грозненских событий, произошедших год тому назад, помог мне дать Кокову очень важный совет: обязательно следует без промедления связаться с президентом России, с Борисом Ельциным. Важно, чтобы уже сейчас им была высказана однозначная поддержка легитимного руководства республики. «Если он даст свое добро на вашу защиту, то и у вас, руководителя субъекта Федерации, в свою очередь, появится моральное право прямо сейчас требовать дополнительные силы и средства для пресечения беспорядков», — сказал я Кокову. И добавил: «Положа руку на сердце, того, что мы имеем сейчас, совершенно недостаточно для нормализации положения в республике. Нужны дополнительные силы, нужны резервы».

Так я говорил, а в голове продолжала крутиться мысль: «Все идет по грозненскому сценарию. И здесь мы обязательно проиграем, если дадим верховной власти возможность отмолчаться. Она не из тех, кто спешит брать на себя ответственность. Но если заставить ее это сделать, то процесс станет необратимым: отчетливо выраженная позиция президента послужит сигналом для всех государственных чиновников, и за словом обязательно последуют реальные дела».

С Ельциным Валерию Мухамедовичу связаться не удалось, но разговор с председателем правительства РФ Егором Гайдаром состоялся вполне конкретный. Было сказано: «Однозначно поддерживаем вас как легитимного руководителя Кабардино-Балкарии и готовы оказать конкретную помощь». Это известие позволило мне тотчас связаться с генералом Саввиным и после доклада об остановке попросить о переброске в республику в двухдневный срок двух тысяч военнослужащих ВВ из специальных моторизованных частей.

Слово Гайдара имело очень серьезное значение: все команды прошли по линии правительства, и вскоре я получил сообщение о том, что уже на следующий день в Моздок придут первые 800 человек.

Однако следовало проявлять осторожность. Интуиция подсказывала: вряд ли обойдется без предательства. В нелояльности подозревал одного из заместителей министра внутренних дел республики. Кроме собственных ощущений, имел на руках кое-какую оперативную информацию. Потому без особого стеснения стал во время рабочих совещаний использовать меры оперативной маскировки. В телеграмме у меня, например, написано: «Аэродром в

Моздоке», а я несколько раз повторяю громко: «Аэропорт в Минеральных Водах». И ставлю задачу на доставку транспорта именно по этому маршруту — из Минвод. А наедине полковнику Чуркину сообщаю подлинный маршрут: «Нальчик — Моздок и обратно...»

Вдобавок посылаю разведчиков по обоим маршрутам и жду через два часа их доклады. Так и есть: в первый день все мосты на дороге, ведущей к Минеральным Водам — заняты боевиками, а на Моздок — абсолютно свободны. Поэтому первая наша колонна приходит в пункт назначения беспрепятственно. На следующий день повторяю этот же прием, но наоборот: Чуркин едет как раз в Минводы и благополучно доставляет в Нальчик еще одну колонну с нашими войсками. А боевики опять занимают все мосты, но только на моздокской трассе. Прибыло еще 800 человек, а всего уже 1600 с учетом бойцов из отряда «Витязь». Уже полегче. Уже можно перевести дух.

Хотя ситуация развивалась стремительно: в 13.00, 28 сентября на подступах к Дому правительства митинговало около шести тысяч человек, хотя еще утром было не более трех тысяч. Люди готовятся к штурму: автотранспортом заблокированы дальние подступы к зданию, подготовлены камни. Поднят флаг Конфедерации и по-прежнему раздаются призывы к штурму правительственных объектов и изгнанию внутренних войск из Кабардино-Балкарии. В 16.15 к площади подошла машина с чеченскими номерами: неизвестные люди раздают оружие... Там же выступает представитель Чечни. Уверенный в собственных силах, Заур Налоев так объясняет мне консолидированную позицию главарей мятежа: «Войска дестабилизировали обстановку. Срок их выхода — месяц. У существующей власти нет шансов — ведь она не пошла на сотрудничество с нами...»

Приходится учитывать, что неподдельный энтузиазм по подготовке вооруженных сил оппозиции неожиданно проявил преподаватель военной кафедры местного университета полковник Хусейн Каширгов. Уже делит своих студентов на роты и взводы. Уже все маршируют и демонстрируют силу.

У кого-то из высокой российской власти сдают нервы: Шанибова освобождают, маскируя это побегом. Хотя с точки зрения закона он был задержан абсолютно справедливо: в его кармане лежал австрийский пистолет. Причем один патрон был в патроннике, а еще четыре — в обойме. Так что теперь он тоже на площади.

* * *

Мы тоже не теряем времени даром: действуем осторожно, но при этом очень решительно. Пока народ митингует на площади, нам удается к 13.00 разблокировать аэропорт, а в 19.50 — и штаб самой Конфедерации горских народов Кавказа. Приходится действовать методами убеждения, а иногда и принуждения. Для этого выдергиваем одного энтузиаста, претендующего на роль организатора беспорядков. Говорю ему без обиняков: «Вы хотите, чтобы мы рассказали людям правду? Как делали в штабе Конфедерации обыск, как изымали там оружие по вашей наводке? Не в наших правилах раскрывать информаторов, но вы ведете себя как провокатор. Поэтому я оставляю за собой право рассказать всем, что вы — обыкновенный стукач...» При этом «военный вождь» обмякает и только что не падает на колени. Понимает, что с ним будет, если я исполню свои угрозы. Он, наивная душа, хотел везде успеть и выиграть при любом раскладе.

Каждые два-три часа я по несколько минут информирую Валерия Кокова о наших действиях и всякий раз убеждаюсь: передо мной мужественный человек, не теряющий самообладания. Есть в нем еще одна подкупающая черта: не в пример некоторым крупным руководителям так, скажем, восточного типа, нет в нем и капли высокомерия. Это спокойный человек, привыкший руководствоваться чувством здравого смысла. И в этом отношении именно ему принадлежит главная роль в том, что волнения, спровоцированные сепаратистами, были преодолены не солдатскими штыками и дубинками, а прежде всего мудрыми и вовремя сказанными словами. С помощью аргументов. С помощью поддержки других разумных сил в Кабардино-Балкарии. Тех, кому претит игра на темных инстинктах

людей.

Коков, Черкесов, Кармоков и вице-президент республики Геннадий Губин в эти часы не тратили времени даром. Разъясняли позицию руководства республики, выступали по телевидению, инструктировали своих сторонников, которые разъезжались по районам, чтобы правдиво информировать население республики. Большинство жителей республики помнили реальные заслуги тех людей, которые были избраны по закону. По-моему, нигде в России мясо и хлеб не стоили так дешево, как это было в Кабардино-Балкарии.

Активная разъяснительная работа сразу же стала приносить свои плоды: в Нальчик стали съезжаться люди из районов. В трудный час они хотели продемонстрировать свою поддержку руководству республики и не дать сепаратистам ни малейшего шанса на силовой захват власти. Перелом в ситуации почувствовали и многие сотрудники милиции, еще несколько часов тому назад колебавшиеся между чувством долга и желанием испытать судьбу на стороне сепаратистов. Военная сила и сила аргументов так радикально повлияли на них, что все они, за малым исключением, вернулись к исполнению служебных обязанностей. В то же время заметно уменьшилось количество митингующих, хотя к исходу 28 сентября у горящих костров на площади человек триста еще демонстрировали свою готовность штурмовать Дом правительства.

Но и у нас все уже было готово к тому, чтобы полностью взять контроль над ситуацией. В Нальчик пришли новые колонны с военнослужащими внутренних войск МВД России, и к исходу 28 сентября я располагал двумя тысячами боеспособных людей, которые могли навести порядок в республиканской столице. Поэтому в ночь на 29 сентября я уже ставил задачу начинать с рассветом этого же дня решительную операцию по разгону бесчинствующей толпы и задержанию наиболее активных погромщиков.

Свои намерения я не стал скрывать от Калмыкова. Сказал ему прямо: «Юрий Хамзатович, как юрист, вы меня поймете. Мы проводим операцию в соответствии с законом и проведем ее в течение суток. Даю слово: уже к утру на площади никого не будет. Для этого будут применяться оружие и спецсредства. Сил для этого у нас достаточно. Но следует помнить, что вся ответственность ляжет на вас лично. Я заблаговременно объявлю это по телевидению. Ситуация такова, что руководство России и руководство республики поддерживает нас. А у вас есть выход: даю вам четыре часа, чтобы убрать людей с площади».

Не стал уговаривать, а просто поставил приемлемые условия. Знал, что, поколебавшись, руководители мятежников их обязательно примут. Но перед этим обязательно проверят нас на прочность. И людей еще подержат на площади, и костры будут жечь, и говядину жарить, как это было накануне. Называется это бессрочный митинг.

Но Калмыков еще раз пришел на разведку. Может, для того, чтоб проверить, не дрогнул ли Куликов, а может, и потому, что по-настоящему задумался о последствиях. Понимал: обязательно будут жертвы.

Чтобы у него не оставалось никаких сомнений, я последний инструктаж проводил в его присутствии. Ничего не таил и называл вещи своими именами: «Офицеры открывают огонь боевыми патронами, а солдаты — холостыми. Вот маршруты прорыва. Отряд «Витязь» захватывает зачинщиков и организаторов...»

Тут Калмыков уже не выдержал: «Анатолий Сергеевич, я вас умоляю не проводить операцию сейчас. К семи утра ни одного человека на площади не будет!..» Я же демонстрирую непреклонность: «Вы уже обещали, что не будет митинга, но слово свое не сдержали. Люди наэлектризованы. Из-за вас мы даже не можем отправить раненых в Москву: аэропорт разблокирован, но диспетчеры не работают. Почему я должен вам верить? Нет, я буду проводить операцию...» Калмыков меня уговаривает: «Пожалуйста, отложите операцию. На этот раз люди действительно уйдут».

Я ему поверил и не ошибся. Вскоре мятежники растворились в городе, а наши оперативно-розыскные мероприятия, умело спланированные Колесниковым и Шогеновым, были результативны: удалось задержать особо непримиримых сепаратистов, изъять оружие.

Мятеж был исчерпан, а в 12.00 мы собирались пойти в баню...

Однако баню пришлось отменить. Пришло неожиданное известие: в следственном изоляторе Нальчика начались массовые беспорядки. Подследственным и осужденным удалось захватить один из корпусов. Могли бы захватить и второй, но наряд успел закрыть двери. Остается гадать: то ли обитатели изолятора поздно спохватились, то ли это возвратная волна бесчинств. Такое уже бывало не раз.

Оценив обстановку на месте, делаю оптимистический прогноз: в корпус зайти сможем. Теперь надо убедить погромщиков, которые, сидя на крыше, чувствуют себя неуязвимыми, а потому кроют матом всех подряд. Сейчас у них угар от свободного воздуха и ощущения собственной безнаказанности. Свои силы они явно переоценивают. Они еще не понимают, что могут погибнуть, когда в захваченный корпус СИЗО пойдет спецназ из «Витязя» и из 2-го полка дивизии имени Дзержинского. Глядя на бойцов спецподразделений, в своем облачении напоминающих инопланетян, уголовники еще храбрились: «Ерунда, будем держаться!..» Кто поопытнее, из камер одергивали смельчаков: «Расходитесь по камерам, суки, а то достанется и нам!..»

Бойцы спецназа действовали очень аккуратно. Правда, пришлось рвануть несколько свето-шумовых снарядов и применить силу, но порядок был восстановлен всего за четверть часа. К счастью, штурм обошелся без жертв.

Вот теперь можно было вздохнуть действительно полной грудью. Искренне радовался, что эти несколько суток, прожитые мной в Нальчике, очень многое переменили и в жителях республики, и в нас, военных людях. Стало ясно: мы можем эффективно противостоять любым авантюристам, которые рассчитывали прийти к власти с помощью насилия и националистической пропаганды. Хватит отступать! Ведь у нас достаточно и сил, и воли, и ума, чтобы сохранить собственную страну. Не дать ее растащить и расколоть.

С этими мыслями возвращался в Москву. Впервые с настоящей победой. Впервые после череды отступлений из Карабаха и дудаевской Чечни. И в то же время с уверенностью, что строительство новых внутренних войск неоправданно затянулось.

* * *

В Москве одним из самых внимательных моих слушателей и горячих сторонников стал Анатолий Романов.

Будучи начальником Управления по охране важных государственных объектов и специальных грузов, Анатолий занимался чрезвычайно ответственной работой. В его ведении находились части и соединения, охраняющие ядерные реакторы, ядерные полигоны, крупные оборонные предприятия и многое другое. Но как военачальник, он отлично понимал, что в ближайшее время главной задачей войск останется противоборство с боевиками из незаконных вооруженных формирований. Что облик современных внутренних войск будут определять части и соединения оперативного и специального назначения. Что главные события будут разворачиваться именно на Северном Кавказе.

Теперь мы часто собирались по вечерам, обдумывая разные ситуации. Романова и меня беспокоили одни и те же проблемы, от решения которых зависела сама судьба войск: новая организационно-штатная структура, вопросы применения войск в изменившихся условиях, место внутренних войск в системе российской безопасности. Иногда Анатолий приходил в мой кабинет, иногда мы сидели у него. Думали. Считали. Строили смелые планы. Чего стоил хотя бы один из них: внутренние войска России обязательно должны передать конвойные функции органам юстиции. И не так, чтобы взять и отказаться, а сохранив при этом лучших офицеров, чья профессиональная подготовка позволяет им командовать ротами, батальонами и полками в частях оперативного назначения и в спецназе.

Будущее виделось так: боеспособные части оперативного назначения, задачей которых станет участие в преодолении вооруженных конфликтов; мощный и очень профессиональный спецназ ВВ; разведка ВВ, созданная в соответствии с лучшими

образцами армейской разведки и оперативных служб органов внутренних дел; немногочисленная, но технически безупречная авиация ВВ; боевая учеба, рассчитанная на применение войск в горной и горно-лесистой местности, а также в условиях города; служба по контракту.

С точки зрения сегодняшнего дня наши, почти десятилетней давности планы уже не кажутся революционными. Сегодня они стали реальностью, и ими уже никого нельзя удивить. Остается только поверить на слово, что так оно и было, и нам самим иногда приходила отчаянная мысль — а не заносит ли нас в наших фантазиях?...

Но в конце концов мы были с Анатолием выпускниками Академии Генерального штаба, и у нас никто не мог отнять право на предвиденье грядущих событий.

Хотя далеко не всегда надо было заглядывать на десятилетия вперед. Ведь я только что вернулся с Северного Кавказа, где опять назревала война.

Теперь уже между осетинами и ингушами, для которых предметом спора стали земли Пригородного района Северной Осетии. На эту территорию претендовали ингуши, утратившие ее во время сталинской депортации. Летом 1992 года, находясь в командировке во Владикавказе, я не мог не заметить, что среди осетин появилось немало горячих голов, призывавших то формировать какую-то национальную гвардию, то ополчение. А то и вовсе рыть окопы в Пригородном районе.

Среди них попадались и такие, кто от слов переходил к делу. Например, небезызвестный спортсмен Бибо Дзуцев, называвший себя командиром отряда самообороны. Безусловно, этот человек имел непосредственное отношение к вертолету со стрелковым оружием, который мы задержали летом. Было известно, что некоторые осетины специально участвовали в грузино-абхазской войне на стороне абхазов, чтобы иметь возможность добывать и накапливать это оружие. Как, впрочем, и ингуши, имевшие возможность разжиться автоматами и гранатометами в родственной им Чечне. Однако опаснее всего были не эти отдельные факты, а воинственные настроения жителей Северной Осетии и Ингушетии, которые уповали на силовой способ разрешения территориального спора.

Но, как это не раз показывала жизнь, если все время думать о войне, не успеешь заметить, как тебя на ней и убьют.

Вот эта война в людских умах — этот воинственный психоз, умело подогреваемый официальными властями обеих республик, именно он в конце концов и породил жестокий, кровопролитный, братоубийственный конфликт, когда самой страшной виной человека стали считаться не реальные проступки, а национальность, которую, как известно, при рождении никто не выбирает и которая на том свете тоже не имеет никакого значения...

* * *

Как я считаю и сегодня, у этого конфликта было две предыстории. Одна — дальняя, а другая — совсем новая, определявшаяся положением республиканских элит уже в начале 90-х годов.

Оценивая эти события, нужно осознавать, что настоящей их причиной стало положение статьи № 6 закона о реабилитации репрессированных народов, появившегося, если мне не изменяет память, в мае 1991 года. В нем подтверждалось право репрессированных народов на возвращение территорий, которые они занимали до выселения.

В наших российских условиях это право, совершенно объяснимое с точки зрения социальной справедливости, к сожалению, обернулось взаимной враждой. История не знает ни одного примера ненасильственного передела земли на Кавказе.

В свое время на заседании Совета безопасности я высказал свою искреннюю позицию по земельному вопросу на Кавказе, когда речь зашла о разработке закона Российской Федерации «О земле». Президент России Борис Ельцин, умеющий в любом выступлении с ходу уловить рациональное зерно, тут же насторожился и задал уточняющий вопрос: «Расскажите подробнее, в чем могут выражаться негативные последствия?»

Я охотно пояснил: «Система передела земли, существовавшая при советской власти, была такова, что росчерк пера секретаря райкома хватало, чтобы перераспределить ее как угодно. Наделы и даже целые угодья перемещались из колхоза в колхоз. Могли меняться в ту или иную сторону административные границы республик. Но, если речь заходила о пустующих землях Нечерноземья, это мало кого трогало: бери, если справишься. И сегодня в некоторых российских областях надо еще поискать охотника жить и работать на земле. Кругом брошенные, никому не нужные села...

Но на Кавказе бытуют другие взгляды. Там мало плодородной земли. Там по-другому ее оценивают. Это и деньги. Это и социальный статус владельца. На Кавказе помнят не только многовековую историю родов, но и то, кто владел конкретным полем или лугом еще во времена имама Шамиля. Достаточно произвести отчуждение, передать, либо продать землю какого-нибудь видного тейпа, рода — и это обязательно станет поводом для маленькой или большой войны. Поэтому во время разработки закона необходимо учитывать эти кавказские особенности».

Интересен и современный взгляд на проблему земельного передела самих разработчиков закона о реабилитации репрессированных народов. Особенно после того, когда все мы прошли через полосу конфликтов.

В свое время за его подготовку отвечал Сергей Шахрай. Но бывший заместитель секретаря Совета безопасности Митюков однажды честно мне признался: «А. С., вы знаете, это моя работа... Шахрай лишь взял ответственность на себя, но это сделал я. И сегодня очень жалею об этом...» Возможно, он немножко бравировал, но сегодняшняя позиция Митюкова говорит о серьезной эволюции взглядов тех либералов в политике и экономике, которые на заре перестройки перепутали Россию с Люксембургом.

Другой причиной осетино-ингушского конфликта стали непомерные амбиции некоторых национальных лидеров, пытавшихся нагулять политический авторитет на ниве военной истерии.

Много чести будет, если вспоминать пофамильно тех, кто затеял резню. Но для внутренних войск полномасштабный конфликт начался 31 октября 1992 года, когда в районе Черменского круга было совершено нападение ингушей на наших военнослужащих.

Причиной называлась гибель ребенка под гусеницами танка, но так ли это было на самом деле, сказать смогут только очевидцы этого происшествия. Но, думаю, ингушам показалась весьма соблазнительными наши БТРы, которые на первых порах они почти без труда захватывали, пользуясь тем, что солдаты не оказывали должного сопротивления. Беспечные колонны втягивались на ингушские контрольно-пропускные пункты, где становились легкой добычей не только вооруженных милиционеров, но даже сельских почтальонов, трактористов и учителей.

Видно, некому было объяснить офицерам, что достаточно развернуться в предбоевой порядок, чтобы напрочь отбить у боевиков охоту к нападению. Если с тобой разговаривают на языке силы, надо отвечать адекватно.

В свою очередь и осетины, озабоченные тем, что арсеналы ингушей вдруг неожиданно возросли за счет армейского оружия, решили использовать подобную тактику. Был совершен захват оружия в 1-м курсантском батальоне Владикавказского училища, в Камгороне. Погибли два курсанта. Блокируя другие военные городки, осетины требовали стрелковое оружие и боеприпасы. Знаю, что ситуация была настолько тревожной, что в этом районе появился даже заместитель председателя правительства России Г. Хижа. Не могу понять одного, почему после отъезда вице-премьера требуемое оружие все-таки было роздано?

Вот так было положено начало вооруженному противостоянию.

* * *

В ночь с 31 октября на 1 ноября Виктор Гафаров, собиравшийся на совещание в Генеральный штаб, попросил меня поехать вместе с ним.

Совещание проводил первый заместитель министра обороны генерал Борис Громов. И лишь затем начальник Главного оперативного управления Генштаба генерал Виктор Барынькин вместе с нами — представителями воздушно-десантных войск, внутренних войск и военно-транспортной авиации — начал увязывать детали предстоящей переброски дополнительных сил в район конфликта.

Уже на следующий день туда отправились парашютно-десантный полк, а от нас — дивизия имени Дзержинского и, кажется, 21-я Софринская бригада оперативного назначения.

Я попросил командировать и меня, но командующий внутренними войсками генерал-полковник В.Н. Саввин этому воспрепятствовал.

В то время в зоне конфликта события развивались далеко не лучшим образом. Управление войсками и органами внутренних дел на границе республик было утрачено. Ингуши нас вообще принимали в штыки, а осетинские милиционеры — относились с недоверием. К сожалению, это всегда случается, когда людьми начинает руководить не разум, а чувство мести и уязвленное самолюбие. Тем более, что уже появились человеческие жертвы: федеральные войска были вынуждены открывать огонь, поскольку сами подвергались нападением.

Позднее, когда я сам оказался в зоне конфликта, удалось выяснить, что далеко не все ингуши и осетины пошли на поводу у своих лидеров, исповедовавших жесткую, непримиримую позицию. Во многих селах, где ингуши и осетины издавна жили друг с другом, они чаще всего договаривались не допускать боевиков в свои села. Например, в селе Тарском, где было свыше тысячи дворов и где доля осетинского населения была ничуть не меньше ингушской. Уже шли бои в Дачном, в Куртате, в Октябрьском, а жители Тарского твердо стояли на своем. И эта человеческая договоренность мудрых и справедливых людей продолжала действовать еще какое-то время, пока ситуацию в Тарском не взорвали проживавшие в селе кударцы (выходцы из внутренних районов Грузии) и южные осетины, по-родственному приютившиеся в Северной Осетии после межнационального конфликта между грузинами и осетинами.

В этой обстановке они оказались куда более воинственными, нежели их братья из Северной Осетии. Часто именно они инициировали нападения на дома ингушей, вытесняя их обитателей. Кто-то был убит, кто-то изувечен, и все ограблены до нитки. Пустующий дом наполнялся бытовым газом, а потом подрывался гранатой. Именно поэтому многие здания в Тарском выглядели, будто сложившиеся карточные домики.

Кроме Пригородного района, в состоянии войны друг с другом весь октябрь и ноябрь 1992 года находилась практически вся правобережная часть Терека: начиная от Верхнего Ларса и Эзминской ГЭС и заканчивая Малгобекским районом — уже на равнинной части, в предгорье Сунженского хребта. Действиями ВВ в этом районе руководил начальник нашей войсковой оперативной группировки генерал Каплиев.

Я снова сделал попытку попроситься на Северный Кавказ. Ответили неожиданно резко: «А.С., ну что ты надоедаешь? Ты отлично знаешь, что ВОГом по приказу министра может руководить только заместитель командующего внутренними войсками. Ты же — только начальник управления. Поэтому во Владикавказе должен находиться другой человек. А ты сиди здесь, помогай, вовремя готовь справки...»

Вынужден был подчиниться, хотя и не мог понять, почему на войну нужно напрашиваться, словно доброволец, когда вокруг немало людей, которые бы многое бы отдали, лишь оказаться подальше от любого военного конфликта.

Самое главное — была в душе уверенность: я смогу справиться с этой работой, если мне будут доверены рычаги управления.

Однако история знает немало энтузиастов, чьи честолюбивые мечты так никого и не заинтересовали. Я никого не вправе винить за осторожность, за перестраховку: они сумели спасти немало генеральских карьер. Но, как это уже не раз доказывалось жизнью, логика принятия решений в мирное время вряд ли годится для военного времени. Там иной отсчет

времени, иные скорости, иные критерии. Совершенно другой спрос с человека.

Все по своим местам ставит неожиданно раздавшийся в моем кабинете телефонный звонок: «С вами говорит Шахрай...»

Не скрываю удивления: ведь это напрямую звонит вице-премьер правительства РФ, полномочный представитель федеральной власти в зоне осетино-ингушского конфликта. Никогда до этого с ним не встречался, не разговаривал и никак не ожидал, что Шахрай знает о моем существовании.

В те дни полномочия Сергея Шахрая были очень значительны. Одного вице-премьерского слова было достаточно, чтобы поднять на ноги любого государственного чиновника.

Шахрай немногословен: «А.С., я нахожусь во Владикавказе. Хочу, чтобы вы приехали сюда и возглавили группировку внутренних войск...»

Я честно обрисовываю ему ситуацию: «Сергей Михайлович, я и сам рвусь туда, но меня не пускают. Министр определил, что там должен находиться как минимум заместитель командующего войсками, а я — только начальник одного из управлений...» «Так что, мне нужно выйти на Ерина?», — уточнил Шахрай. — «Подождите, пока ничего не нужно делать. Я сам доложу своему руководству. А то вашу просьбу поймут так, что я через голову командующего напросился к вам на работу. Работать я хочу. Но не хочу, чтобы меня обвинили в недисциплинированности». «Хорошо, — согласился Сергей Михайлович, — я жду два дня».

Надо сказать, что к этому времени резко изменилась обстановка и внутри командования внутренними войсками МВД России. Этому предшествовали весьма драматичные события. Во-первых, в зоне конфликта уже успели побывать три силовых министра — Грачев (Министерство обороны), Баранников (Федеральная служба контрразведки) и Ерин (МВД). Во-вторых, там, во Владикавказе, им решительно не понравился доклад, сделанный генералом Саввиным. Не понравился настолько, что Павел Грачев в присутствии самого Саввина обратился к Ерину с вопросом: «Виктор Федорович, это что твой командующий докладывает? Он же не знает обстановки!.. Он потерял управление!.. Как же так?»

Саввин намек министра обороны понял и тут же, в кабинете начальника Владикавказского училища, написал рапорт об увольнении. И после отлета министров в зоне конфликта задерживаться не стал: вернулся в Москву и пребывал в угнетенном состоянии.

«О, черт! — невольно выругался Гафаров, мой непосредственный начальник, когда я ему доложил о своем разговоре с Шахраем. — Ладно, попробую сходить...»

Действительно, Виктор пошел к командующему, но Саввин не захотел ничего предпринимать и аккуратно отстранился от каких бы то ни было решений: «Вам известно, что я написал рапорт. Я ухожу. Пусть этот вопрос решают другие».

Прибывший в главк министр внутренних дел Ерин назначил исполняющим обязанности командующего войсками генерала Вячеслава Анатольевича Пономарева. То есть Саввин, отправившийся в отпуск, номинально еще оставался командующим ВВ, но реальное управление войсками уже перешло в другие руки. Все эти перемены как бы уценили телефонный звонок Шахрая: сам он Ерину, ссылаясь на нашу договоренность, ничего не говорил, а Пономарев просто не понял ситуацию. Даже удивился: «Какой Куликов? Там уже есть замкомандующего, этого достаточно...»

При всем при этом чувствовалось, что начальника ВОГа будут менять. Шахрай, видимо, еще до разговора со мной этот вопрос принципиально решил с Ериным: «Найдите другого генерала. Надо принимать меры, надо проводить операции!», но фамилию конкретного высшего офицера не назвал. Ерин пожелание вице-преьера понял буквально и решил произвести замену по своему усмотрению.

Вскоре ко мне прошел Виктор Гафаров с известием: «Ерин дал команду, чтобы мы направили телеграмму Шахраю с просьбой заменить генерала Каплиева на генерала Зайцева».

Я отнесся к этому философски, полагая, что военная служба полна самых неожиданных поворотов и не стоит расстраиваться, если где-то в верхах что-то переиначится не в твою пользу. Все-таки Сергей Шахрай — известный политик и вице-премьер. Что ему стоит изменить собственное мнение, сообразуясь с обстановкой и с мнением президента? Наконец, есть точка зрения моего собственного командования и министра, которые считают, что мой заместитель, генерал Зайцев, находящийся в Назрани, при разрешении этого конфликта проявит соответствующую обстановке распорядительность. Поэтому с энергичностью дисциплинированного военного я принял самое активное участие в подготовке этой телеграммы: что-то формулировал и даже редактировал, пока она, подписанная Пономаревым, наконец не была отправлена адресату.

Ответ вице-преьера правительства был лаконичен и напоминал телеграммы иной эпохи, кстати, тоже очень тревожной, а потому тяготеющей к емкой, содержательной фразе: «Согласен заменить генерала Каплиева на генерала Куликова А.С. С. Шахрай».

Получив ее, генерал Пономарев, для которого точные военные слова приказа являлись руководством к немедленному действию, конечно, тут же забыл, что еще сутки назад он наотрез отказывался посылать меня во Владикавказ. Озабоченно произнес: «А. С., вам надо срочно ехать. Вот телеграмма...»

Во всем этом, конечно, был элемент неожиданности, достойный того, чтобы коридорные и кабинетные аналитики человеческих судеб, которые, разумеется, водились и в нашем главке, могли вволю поразмышлять о странном и неожиданном взлете Куликова, который, впрочем, по их оценкам, мог также легко «сгореть на межнациональном конфликте». Скорее это мне следовало задуматься, куда заведет меня телефонный звонок еще неведомого мне Сергея Шахрая и надо ли мне радоваться или, напротив, огорчаться из-за того, что вице-премьер проявил настойчивость.

Очень быстро составил список оперативной группы — и 1 декабря мы были уже на месте. Доложил о прибытии заместителю председателя правительства Сергею Михайловичу Шахраю и, как только позволил случай, обнялся со старым знакомцем — генералом Львом Сергеевичем Шустко, командующим войсками Северо-Кавказского военного округа.

Лев хорошо знал мою историю, включая и то, как меня «сокращали» с должности начальника Управления по Северному Кавказу и Закавказью. И даже о моих частных беседах с Рущким в Ростове-на-Дону. Для этого он и вытаскивал меня из Минска.

Как оказалось, и в этот раз за меня ходатайствовал Лев Сергеевич.

По мнению Шахрая, у наших генералов многое не клеилось. Сказывалось отсутствие управления. И — самое главное — была утрачена инициатива. Огрызаться — огрызались, но боевую активность не проявляли, ограничиваясь пассивной обороной объектов. Такими методами конфликт преодолеть нельзя.

И вот после одного совещания, где об этом шел разговор на повышенных тонах, Лев Шустко рассказал Шахраю обо мне: дескать, был тут сведущий генерал...

Чтобы не растерять авторитет и не растратить щедрые авансы, тотчас приступил к изучению обстановки. Уже 2 декабря мой штаб занимался разработкой конкретной боевой операции сразу в двух селах — в ингушском и осетинском, — разделенных между собой автодорогой, которая теперь являлась и административной границей между республиками, и настоящей линией фронта. Это были крепкие села Далаково и Зилга, в которых проживали очень решительные и неплохо вооруженные мужики. Лично у меня не возникало вопроса — с кого начинать?.. Обстановка требовала, чтобы военно-полицейские операции проводились одновременно в обеих республиках. Так мы вышибали козыри у националистов, которые пытались обвинить нас в пристрастности. Так мы обыгрывали их — тактиков, считавших, что для проведения хорошо продуманных операций сразу в нескольких местах у нас просто не хватит сил.

В этом отношении я опирался на волевою позицию Льва Шустко и начальника его штаба генерала Анатолия Чернышева. Тем более, что без деятельного участия войск Северо-Кавказского военного округа операции вряд ли оказались результативными: к

сожалению, боевики располагали тяжелым вооружением, включая ствольную артиллерию, хотя бы и противораковую.

Нам нужны были армейские танки. И чтобы отразить возможный удар противника. И чтобы не оставить свою пехоту среди раскисших дорог без прикрытия «старшего брата».

Сергей Шахрай без колебаний подписал решение на проведение этой операции, которая была проведена уже 3 декабря. Результат ее был впечатляющий. Нам удалось захватить несколько орудий, включая 57-мм зенитное орудие, которое до войны использовалось градобоями, но было вполне пригодно для стрельбы по наземным и воздушным целям. Конечно, если обслуживалось оно знающим свое дело артиллеристом. К тому же в перечне наших трофеев законно числились несколько единиц техники, включая машину, переделанную под броневик, полтонны спирта и стрелковое оружие. Что особенно важно: при проведении этой операции мы не потеряли ни одного человека. Как, впрочем, не потеряем ни одного нашего бойца, ни одного гражданского человека в период проведения других специальных операций (с декабря 1992 года по апрель 1993 года).

Хотя все это стоило нам серьезных трудов. Каждой операции предшествовала большая подготовительная работа, включая проведение рекогносцировки местности с вертолета. Командиры частей — и армейские, и наши — поднимались вместе со мной в воздух, изучали свои маршруты движения, видели объекты, которые предстояло освободить от боевиков. Все это снималось на видеокамеру, чтобы вечером перед монитором уточнить детали операции подчиненным командирам. Ведь на вертолете долго летать над местом операции не станешь: скользнешь как бы ненароком, цепляя нужный дом, ферму, пригорок... А на КП уже начинаешь рассчитывать, как удобнее пройти эти метры по опасной земле.

* * *

Очень скоро наша тактика стала давать свои результаты. Мы никогда не отменяли свои операции, сваливаясь на голову боевикам даже среди кромешного снегопада. Эффективно действовали подразделения спецназа ВВ, обнаруживая базы боевиков, склады вооружения и целые группы преступников, объявленных в розыск за убийства и бандитизм.

Меньше чем за месяц спокойно, размеренно, неотвратимо прошли мы и по самым зловещим местам этого конфликта, и по тайным его закоулкам, где прятались матерые убийцы вперемешку с дураками. Понятное дело: далеко не каждый взялся за оружие по своей охоте: одному надо было защитить семью, другому — родительский дом. Были и такие, что просто наживались на этой беде. Поэтому, разбираясь с боевиками, мы старались не ломать человеческие судьбы, особенно если оружие было сдано добровольно.

Но на огонь мы решительно отвечали огнем.

Довольно скоро удалось переломить ситуацию, и Сергей Михайлович Шахрай, сразу же почувствовавший это, был удовлетворен результатами работы внутренних войск. В один из дней, в середине декабря, когда мы остались один на один после какого-то совещания, он сказал мне следующее: «23 декабря я буду в Москве. Думаю, вы будете назначены командующим внутренними войсками».

Честно говоря, к словам Шахрая я отнесся с некоторым скептицизмом и постарался их поскорее забыть. Во-первых, приученный к ровному поступательному движению, я и подумать всерьез не мог о том, что можно стать командующим ВВ, минуя должности его заместителя или начальника штаба. Но если в этом вопросе какие-либо скидки и становились возможными уже в силу чрезвычайности положения, в котором оказалась страна, то совершенно необоримым казался другой аргумент: я просто подумал, что Шахрай, мягко говоря, много на себя берет.

Конечно, у меня не было сомнений в том, что это умный, порядочный и мужественный человек. И в том, что, подводя итоги нашей совместной работы, он хотел мне сказать напоследок что-то хорошее...

Шахрай улетел, а вечером 23 декабря позвонил во Владикавказ и попросил поздравить

меня к телефону. Торжественно сообщил: «Анатолий Сергеевич, я вас поздравляю: президентом подписан указ о назначении вас командующим внутренними войсками МВД России».

Неожиданное известие, в реальность которого по-прежнему не верилось.

Уже и министр поздравил, предложив 29 декабря вылететь в Москву, и его заместитель — генерал Турбин, находившийся тут же, во Владикавказе. Но никак не выходило из головы: неужели это правда? Неужели мои курсантские погоны довели меня до самой высокой должности, какая только существует во внутренних войсках? И эта огромная вооруженная сила, насчитывающая более четверти миллиона человек, с этой минуты повинуется мне беспрекословно?

Волновала не эта карьерная удача, не осознание власти, отныне сконцентрированной в моих руках. Скорее — предчувствие, что и эта высота, как любая из тех, которые мне уже довелось преодолевать, в моей судьбе появилась не напрасно. И было бы крайне опасным расценивать ее как заслугу или как повод для отдыха.

Но обязательно нужно отдать должное Сергею Михайловичу Шахраю: решая судьбу человека, иногда кардинально, он мало задумывался над собственными выгодами и, пользуясь серьезным политическим влиянием в Кремле, вовсе не пытался сколачивать политическую команду из благодарных ему людей. Собирал людей и действовал лишь во имя государственных интересов.

Далеко не все отличались таким бескорытием.

* * *

Мы общаемся с ним и сегодня. Дружим семьями и, кажется, неплохо узнали друг друга. Это умный, отлично образованный человек, которому легко дается анализ живой политической ситуации и умение видеть ее в перспективе. Надежный товарищ, от которого нечего ждать удара в спину. Думаю, у Сергея в политике еще все впереди: это молодой, энергичный человек, теперь уже прошедший серьезную школу государственной работы.

Я никогда не видел Шахрая подобострастным или утратившим чувство собственного достоинства: ни на войне, ни в коридорах власти. Даже, когда были не самые лучшие для него и для страны дни. В октябре 1993 года этот вице-премьер правительства России вовсе не от растерянности звонил мне: «Что вы считаете необходимым для нормализации обстановки? Я имею в виду действия правительства РФ...» Так действует Сергей Шахрай — методом мозговых штурмов в кругу информированных и неординарных людей. Удивительно то, что многие наши предложения ему удавалось реализовывать через председателя правительства, а иногда — и через президента России.

В переводе с чиновничьего языка на русский «реализовывать» — это облекать те или иные предложения в форму юридически корректных постановлений и указов. Ведь они обязательны для исполнения. Можно было не сомневаться, что Шахрай не оставит без внимания ни одной дельной мысли.

Другое дело, что далеко не все было во власти самого Шахрая.

Какой бы противоречивой ни была политическая ситуация сразу после событий в Москве осенью 1993 года, она таила в себе соблазн решить весьма злободневную для России проблему ее административно-территориального устройства. Это не значит, что следовало единым махом отменить сложившиеся реалии, когда в правах субъекта Федерации уравниваются и многомиллионные республики, и малонаселенные автономные национальные округа. Но нужно было заявить в новой Конституции РФ, что будущее административно-территориальное устройство России видится не в национально-территориальном, а в территориально-экономическом принципе деления страны, когда субъектом Федерации становится регион, не только исторически сложившийся, но и экономически состоявшийся.

На мой взгляд, достаточно было одной этой фразы в Конституции, обозначающей

ближайшие намерения государства, чтобы перечеркнуть иллюзии тех политиков, что сделали себе имена на теме национального суверенитета. И вселить надежды в тех россиян, которые, несмотря на национальные различия, ощущают себя единой нацией. Национальностью, способной преодолеть и бедность, и войну, и чувство безысходности.

Все это я высказал Сергею Шахраю, и он, как мне кажется, вполне разделил мою озабоченность. В то время я не имел допуска на этажи власти, где обсуждались такие принципиальные и в то же время деликатные вопросы, и все, что мог — так это высказать Сергею свою принципиальную позицию в надежде, что она будет обсуждена или хотя бы принята к сведению. В нынешней Конституции нет и намека на подобные декларации, хотя именно сегодня, когда создание федеральных округов стало реальностью, эта когда-то ненаписанная строка являлась бы безупречным юридическим основанием действий президента России.

* * *

Как уже говорилось, министр предложил мне вылететь в Москву 29 декабря 1992 года. Ерин поинтересовался моим мнением, кому из опытных генералов я мог бы передать командование группировкой. После обсуждения остановились на кандидатуре генерала Павла Маслова, прошлогоднего выпускника Академии Генерального штаба и бывшего армейца-танкиста, который перешел во внутренние войска и теперь служил заместителем начальника Управления ВВ МВД РФ по Западной Сибири. В нем я был абсолютно уверен. Это грамотный, очень собранный офицер, ставший впоследствии не только главнокомандующим ВВ, но и начальником штаба МВД России. Павел был срочно вызван из Новосибирска во Владикавказ и с успехом продолжил начатое дело.

30 декабря министр Виктор Ерин официально представил меня в качестве командующего внутренними войсками. Сам я по этому поводу не испытывал никаких иллюзий: в иных условиях — в условиях стабильного мира — я вряд ли бы стал командующим и, уж тем более, министром внутренних дел. Так что выбирали меня не люди, а само время, требовавшее немедленного появления специалистов с боевым опытом, которые, быть может, и не являлись мастерами аппаратной интриги, но прекрасно представляли себе те военные опасности, с которыми непременно должно было столкнуться государство уже в ближайшее время.

С такой же настойчивостью среди высших и старших офицеров внутренних войск я искал теперь соратников и единомышленников, на которых можно было опереться в масштабной работе. Надо было сделать внутренние войска по-настоящему мобильной, грозной силой, способной противостоять хорошо вооруженным отрядам сепаратистов. С одной стороны, вполне боеспособные полки, бригады, дивизии оперативного назначения в войсках уже имелись, как, впрочем, и несколько отрядов специального назначения. Они очень хорошо зарекомендовали себя, действуя в районах вооруженных конфликтов. Но их по-прежнему было мало.

Выход напрашивался сам собой: передав функции охраны исправительных учреждений Главному управлению исполнения наказаний МВД России — формировать новые части ВВ оперативного назначения на базе бывших конвойных частей и их военных городков. Понимали, что какая-то часть офицеров и прапорщиков — специалистов конвойной службы — не решится менять привычный уклад жизни и обязательно перейдет на службу в ГУИН. В то же время мы были готовы к тому, что многие профессиональные военные, имеющие общевоинскую подготовку, захотят переменить судьбу и влиться в новые части оперативного назначения. Психология этих людей была мне понятна, и я знал, что после соответствующей доподготовки мы получим грамотных командиров, на которых можно будет положиться в бою.

Такое решение было принято, и в этом смысле знаковым событием для войск стало то, что, по моему предложению, в новом курсе стрельб для внутренних войск впервые не

осталось места для мишеней, которые олицетворяли собой бегущего заключенного. Эта страница истории ВВ была закрыта. Надеюсь, навсегда.

Среди ближайших соратников, конечно же, был и генерал-майор Анатолий Романов.

Зная его надежность, я предложил Анатолию высокую должность в командовании внутренних войск, но он, человек очень честный, засомневался в том, что справится, и ответил мне так: «Спасибо за доверие, но должность заместителя по боевой подготовке мне все-таки ближе: войска нуждаются в ее совершенствовании, в новой программе, а в организации учебного процесса я все-таки разбираюсь».

Я вынужден был согласиться с таким веским аргументом.

Именно заместителем командующего по боевой подготовке и стал Романов в начале 1993 года, и немало сделал, чтобы внутренние войска МВД России стали быстро прибавлять в профессионализме. Сказывалось, что в самом начале офицерского пути, более десяти лет, Анатолий прослужил в Саратовском училище, пройдя путь от курсового офицера до преподавателя.

Но, строго говоря, мы все тогда очень напряженно учились. И не только воевать. Те, кому памятливы эти годы, легко припомнят и всеобщее безденежье, и политический разлад в обществе, и чувство безысходности, которое в обстановке экономических преобразований того времени ни на минуту не покидало большинство наших соотечественников.

Чувствовалось: человеческое ожесточение, непримиримость, жестокость проявляются все чаще, и это вряд ли закончится добром... Внутренние войска — не остров, где можно скрыться от моровых поветрий, а часть общества со всеми его болезнями и проблемами. Не скрою, для меня в ту пору казалось очень важным, чтобы солдаты и офицеры в этом сопротивлении трудностям и лишениям не ожесточились бы сами. Чтобы не растащили их ни ушлые политиканы, ни гангстеры, бравирующие легко нажитыми деньгами. Чтобы не заблудились они в круговороте политических фраз, митингов и сходов.

Конечно, никто над душой солдат и офицеров не стоял. Просто была надежда, что чувство долга и человеческая порядочность этих людей так высоки, что исключают самую возможность предательства.

Так оно и случилось. Хотя начавшийся 1993 год стал для внутренних войск и для всей России годом особых испытаний. И в том, что были они скоротечны и не окончились многотысячными жертвами — есть доля заслуги военнослужащих внутренних войск.

Но об этом следующая глава...

Чёрные Списки

О драматических событиях, которые произошли в Москве осенью 1993 года, я буду рассказывать так, как они представлялись мне — тогда еще менее года находившемуся на посту заместителя министра — командующего внутренними войсками МВД России.

Их участниками были тысячи людей. Они описаны во множестве документальных повествований, в которых найдется решительно все: поминутные хроники с расшифровкой позывных в эфире, аналитические записки из высших эшелонов власти, краткие боевые донесения и даже пылкие стихи вооруженных автоматами романтиков. Появляются в печати и еще будут появляться воспоминания ожесточенных людей, которые до сегодняшнего дня так и не поняли, что в гражданских войнах, какими бы справедливыми они ни казались, никогда не было и не будет победителей.

Сегодня мне часто приходится видеть их, бывших политических противников: стены Государственной Думы, где в одних и тех же лифтах вместе могут ездить люди, ранее с упоением боровшиеся друг с другом, кажется, смогли вместить в себя самых разнообразных охотников за властью. Возможно, они даже пожимают друг другу руки. Возможно — пишут друг другу поздравления с днем рождения. Как говорится, в политике вечных врагов не бывает. В ней часто действуют чрезвычайно гибкие, подвижные и ловкие люди, умеющие использовать в корыстных целях время, деньги и силы своих соотечественников.

Вот только, за что была пролита та кровь в октябре 93-го? Как правильно классифицировать тот вооруженный конфликт, который случился на московских улицах и унес более сотни человеческих жизней? Можно не сомневаться, что долго еще, в зависимости от политической конъюнктуры, одни и те же события, умело интерпретированные, будут представляться то «расстрелом парламента», то «подавлением антиконституционного мятежа». Но как бы ни назывались они потом — в моем сознании эти дни навсегда останутся символом беды. Беды, первопричинами которой были только политический кризис и неутоленные политические амбиции, а вовсе не народное возмущение или борьба взаимоисключающих мировоззрений. Именно поэтому на вопрос, а собственно, за кого — за кого?! — погибли в те дни военнослужащие, сотрудники милиции, случайные прохожие и даже те молодые люди, которые пытались создать собственные биографии в огне братоубийственной смуты — ответ напрашивается один: политики... Самые бессовестные, самые алчные из них. Те, кто захлестываемый властолюбием пальцем о палец не ударили, чтобы политический кризис окончился миром.

Опыт разрешения похожего политического кризиса в марте 1996 года указывает однозначно: достаточно проявить волю к мирному разрешению противоречий — и обязательно будут найдены способы, которые позволят путем переговоров, консультаций, взаимных уступок прийти к удовлетворяющему всех результату. Конечно, это сложнее, чем с помощью приказов посылать под огонь людей, но все это искупается уже тем, что нет вдовьих и сиротских слез. За горький XX век их с лихвой пролилось в нашем Отечестве.

* * *

Должность командующего внутренними войсками МВД России — это высокая должность, обязывающая управлять большим коллективом вооруженных людей. Для солдата ВВ его командующий — это высший эшелон власти, назначение которого обязательно осуществляется только по указу президента России. В иерархии Министерства внутренних дел командующий внутренними войсками — это «сильный», но далеко не первый заместитель министра. Как раз из тех, кто «делает» политику министерства, но не страны в целом.

Не знаю, как сейчас, но мое назначение на должность командующего происходило без особой помпы. И без всяких визитов к президенту Б.Н. Ельцину: не та высота...

До того как президент приехал в нашу подмосковную отдельную мотострелковую дивизию особого назначения (ОМСДОН) (Сейчас — ОДОН — отдельная дивизия оперативного назначения. — Авт.), незадолго до этого именовавшуюся дивизией имени Ф.Э. Дзержинского, с Ельциным я виделся только на общих мероприятиях и никогда не беседовал с ним лично.

Конечно, будучи человеком, который командует в стране внутренними войсками — внушительной силой, способной охранять и ядерные объекты, и разоружать бандформирования на Северном Кавказе, — я не мог не видеть, как назревало противостояние между Верховным Советом и местными советами, с одной стороны, Кремлем и правительством России — с другой.

Я не мог знать всех деталей противостояния, но, как любой россиянин, понимал, что там, наверху, не все гладко. И как любой нормальный человек, искренне переживал, когда видел по телевизору эти многозначительные щелчки пальцами по горлу Хасбулатова или Александра Руцкого, моего однокашника по Академии Генерального штаба. Все это настораживало. Конечно, в верховной власти могли быть какие-то трения, но вряд ли кто мог рассчитывать, что Ельцин проигнорирует эти нарочитые и чрезвычайно обидные для любого человека знаки.

Но тем не менее жизнь шла своим чередом. Начиная с марта 1993 года, когда это противостояние заставило президента провести референдум, по всему чувствовалось, что конфликт переходит в стадию разрешения. Но, конечно же, никто и представить себе не мог,

что будет он разрешаться столь радикальными методами.

На одном из совещаний министр внутренних дел Виктор Федорович Ерин сказал мне, что Ельцин высказал намерение посетить дивизию имени Дзержинского, но я не стал возводить этот рабочий визит в одно из лучших соединений внутренних войск в ранг знакового события. Разумеется, дивизия эта непростая: во всякое время считалась она элитной. Боевым резервом ЦК КПСС. Это не нами было придумано, а теми предшественниками, которые еще задолго до нашего рождения поняли простую истину: настоящий государственный переворот в России возможен только в столице.

Поэтому по традиции служили в дивизии физически крепкие солдаты, которых в советские годы обыватель мог увидеть только на парадах, либо на похоронах самых высоких партийных деятелей. К 1993 году в силу различных причин отбор в дивизию был уже не такой строгий. И солдаты были пощуплее, и задачи, выполняемые дивизией, уже никто не назвал придворными: Баку, Сумгаит, Ереван, Карабах, Южная Осетия, Чечня, осетино-ингушский конфликт стали местом ее боевой работы. Хотя и оставалась она при этом главным оперативным резервом министра внутренних дел.

Однако ее расположение — в подмосковной Балашихе — делало дивизию чрезвычайно удобной для высоких визитов, проверок боеготовности и т. д. В контексте того времени и я простодушно считал, что поездка президента к нам — это удобный повод для Верховного Главнокомандующего посетить внутренние войска и познакомиться с их командованием. Кто служил в армии, поймет, что к таким посещениям готовятся загодя. И вовсе не для того, чтобы пустить пыль в глаза, но, как кажется мне, обычно высокие визиты или инспекции идут войскам только на пользу. Появляется время, чтобы «подтянуть» технику и людей, лишний раз навести образцовый порядок в городках. И этот вечный закон, одинаково действующий во всех армиях мира, требует от всех офицеров — от младших до высших — предельной собранности, аккуратности, профессионализма. Никому не хочется ударить в грязь лицом. Это как премьера для режиссера: в этот день надо сыграть на пределе сил.

Тянулись месяцы, минуло лето, а прибытие Верховного Главнокомандующего в дивизию все откладывалось. В начале сентября я напомнил об этом своему министру, подчеркнув, что мы готовы. Ерин сам справился в верхах, и ему было сказано: 16 сентября Ельцин обязательно приедет. Однако дня за два поступила информация, что президент простыл, чувствует себя неважно. То есть нам дали понять, что визит может быть отложен на неопределенное время.

Генеральский долг заключается в том, чтобы стойко переносить превратности судьбы, но тогда, не скрою, мне стало очень обидно. И людей, и технику готовили для показа Верховному Главнокомандующему. По-солдатски мне хотелось блеснуть, и найдется ли человек, способный осудить меня за это? Я Ерину сказал: «У нас отличные условия. Закрытая полигонная вышка. Там его не просквозит». И точно — звонит Виктор Федорович: «Ельцин дал добро на 16-е...»

В этот сентябрьский день первым прибыл министр, и я доложил ему сценарий, по которому и развивались события. Президент внимательно выслушал мой доклад, а впоследствии, когда мы все, включая сопровождающих президента офицеров, поднялись в учебный класс — и мой типовой доклад старшему начальнику. К этому времени на коллегии внутренних войск уже была утверждена концепция развития ВВ, которая также подробно была изложена мною. И одобрена президентом.

Первое впечатление от прямого общения с Борисом Ельциным у меня осталось самое благоприятное. Слушал он внимательно, вникая в каждое слово. Высокий, энергичный, привыкший к власти, Ельцин отнюдь не производил впечатление человека, бросившего рычаги управления. Чувствовались в нем человеческая мощь, умение воспринимать в твоих словах самое главное.

Несколько раз Ельцин задавал мне уточняющие вопросы, среди которых был один, которому я не сразу придал должное значение: «А.С., а если потребуете применить войска в какой-то критической ситуации, вы способны — и дивизия, и другие соединения —

выполнить приказ Верховного Главнокомандующего?» Я ответил: «Конечно! Ведь мы для этого и предназначены!»

Да и о чем я мог подумать, считая слова президента обычным контрольным вопросом старшего начальника, который лишний раз хочет убедиться в том, что войска и его командующий управляемы, а сам он всю эту силу крепко держит в кулаке. Но после очередного моего доклада или пояснения Ельцин снова внимательно на меня посмотрел и спросил: «Вы приказ министра обороны в состоянии выполнить?» Понимая, что президент оговорился, назвав моего министра министром обороны, я снова ответил утвердительно, но с необходимым уточнением: «Да, приказ министра внутренних дел внутренние войска выполнить в состоянии!»

И лишь позже, при осмотре техники МВД, где среди прочих была и та, что стоит на вооружении противопожарной службы, взгляд Бориса Ельцина прочно зацепился за водометы. Тут он даже приостановился и, обращаясь к Ерину, сказал: «Вот что надо применять... Ты понял?»

За обедом я представил Ельцину командование дивизией и дал короткие характеристики офицерам, особенно подчеркнув деловые качества командира дивизии полковника Будникова, назначенного на эту должность всего лишь месяц назад, после окончания Академии Генштаба. Ельцин спросил меня: дескать, достоин ли этот полковник быть генералом и командовать такой дивизией? «Конечно, достоин, — ответил я, — потому что недостойного человека мы бы не назначили на должность комдива». «Если так, — попыток президент, — я готов завтра же отдельным указом присвоить ему звание генерал-майора». И поручил мне и Ерину срочно готовить соответствующие документы. Тогда слова Ельцина мы расценили только как высокую оценку нашей работы и, не скрою, были довольны, считая, что перед Верховным в грязь лицом не ударили.

Впоследствии, анализируя события тех дней, которые предшествовали политическому кризису в России осенью 1993 года, я вспомнил все эти красноречивые детали президентского визита. Конечно, он готовился к жесткому противостоянию. Конечно, с его точки зрения приезд в ОМСДОН был своеобразным смотром тех сил, на которые он мог опереться и которые считал последним аргументом в борьбе с политическими противниками.

Можно только догадываться, какие мысли были в голове у президента. Быть может, по обычаю Отечества он надеялся в глубине чьих-нибудь глаз увидеть будущую измену? Или лишний раз почувствовать твердый, преданный взгляд людей, готовых поддержать его в схватке? Сегодня я тоже политик, но и сегодня мне трудно представить себя на месте человека, которому волей судьбы досталась ответственность за ежесекундную жизнь огромного государства. Это почти безбрежная власть, которую также ежесекундно приходится охранять от конкурентов и авантюристов.

Сегодня я, кажется, вполне понимаю логику Ельцина в те дни. Центробежные силы, развалившие СССР, еще продолжали действовать. Смена власти в центре обязательно спровоцировала бы и отпадение от Российской Федерации ряда территорий, и, возможно, возникновение трех-четырёх очагов вооруженной борьбы в России. В то же время и оппоненты президента — как, впрочем, это показали ближайшие дни — вряд ли адекватно оценивали свои силы и возможности. Одно дело иметь правительственный телефон некоего Петра Петровича и право давать ему указания и совершенно другое — быть уверенным, что этот Петр Петрович, получив приказ, расшибется в лепешку, чтобы выполнить его полностью и в срок. Одно дело, когда грозишься поднять авиационные полки в воздух и совершенно другое — реально поднять в воздух хотя бы один истребитель.

Возможно, в азарте этой борьбы с Верховным Советом Ельцин и не вспомнил мудрые слова русского философа Ивана Ильина: умный политик знает, как остановить войну, а мудрый политик знает, как ее не допустить. И каким бы ни был ход мыслей президента тогда, сегодня я просто уверен: в канун трагических событий Ельцину не хватило именно мудрости. И не хватило ума — его оппонентам. Во время показательных стрельб, когда мы

были на вышке, Ельцин пожегся: было прохладно. И хотя его гражданский плащ мы сразу же заменили на офицерскую куртку, президент попросил подыскать ему какой-нибудь головной убор. Я тотчас снял со своей головы краповый берет спецназа внутренних войск и протянул Ельцину.

Никто не обратил внимания на вспышку фотокамеры одного из сопровождавших президента лиц, но в истории нашей страны Ельцин так и остался в этой ладной офицерской форме, словно подчеркивая тревоги тех непростых дней. В офицерской форме войск, которые во все времена оставались верны присяге, закону и никогда не искали призрачного счастья, участвуя в дворцовых переворотах.

20 сентября у министра Ерина состоялось совещание, очередное, какое случалось у нас каждый понедельник. Решались текущие вопросы, докладывалась оперативная информация из района вооруженного конфликта на границе Северной Осетии и Ингушетии и с границ уже тогда мятежной Чечни.

Но 21 сентября, часов в шесть вечера, Ерин собрал всех своих заместителей и всех членов коллегии министерства, находившихся в Москве. Он сообщил, что через час будет обнародован указ президента № 1400, в соответствии с которым Верховный Совет народных депутатов РСФСР будет распущен.

Перед МВД ставилась задача: не допустить массовых беспорядков в Москве и ограничить проход депутатов в здание Верховного Совета.

Основная ответственность возлагалась на московскую милицию. Внутренние войска должны были оказать ей содействие по обеспечению безопасности и охране общественного порядка.

Министр сказал, что, если кто-либо из нас по политическим или иным соображениям не готов этот указ исполнять, он готов отнестись к такой позиции с пониманием. Разумеется, такой человек будет освобожден от должности и уволен, но никаким иным преследованиям его не подвергнут.

Перед Ериным сидели генералы, прослужившие не один год. В том числе и те, кто по службе был тесно связан с Дунаевым и Баранниковым, до недавнего времени имевшими в МВД сильные позиции и уволенными на основании информации, что их жены во время туристической поездки в Швейцарию делали там покупки на крупные суммы.

И Баранников, и Дунаев — как гонимые, были востребованы Руцким и Хасбулатовым и рассчитывали в случае переворота на ведущие посты в правоохранительных органах РФ.

Конечно, в этой ситуации Ерин имел право на предельную ясность наших собственных позиций. Взять хотя бы меня. С Александром Руцким мы вместе учились в Академии Генштаба, мой младший сын был по-мальчишески дружен с сыном Александра. Как я уже упоминал, в ту пору мы жили в соседних подъездах.

У меня никаких обязательств перед Руцким не было.

Надо сказать, что, когда он вознесся на вершины власти, мы почти перестали общаться. А в дни, предшествующие противостоянию Верховного Совета с президентом, он даже не разу не позвонил.

Забывчивость Александра я понял так: он не хотел меня просить, потому что предугадывал мою реакцию.

Без всяких обиняков, по-офицерски, я бы сразу объяснил ему, что негоже участвовать в государственном перевороте, особенно если в него окажутся втянуты армия и внутренние войска. Надо понимать психологию солдата, который на своем БТРе заехал в незнакомый город. Ему все кажется опасным. Мало того, что многие из экипажей никогда даже на полигоне не стреляли. Прибавьте к этому испуг. Ему кричат: «Там снайпер!.. Там гранатометчик!..» А у него боекомплект — две с половиной тысячи патронов к пулемету. Он и высунуться наружу боится, и стреляет с перепугу во все стороны. Только башню крутит. И пока весь боекомплект у него не кончится, его не остановишь.

Руцкой просто не имел права не учитывать этого.

Как, впрочем, не мог он не знать о подлинных настроениях среди действующих

генералов. Мало кто готов был принять его аргументы. Может, за рюмкой кто-то и подначивал: «Давай, Саша, знай наших!» Но в реальности не поднялся бы никто.

Поэтому и я повторил прием Ерина, когда проводил совещание у себя, в Главном управлении командующего ВВ МВД России. Вечером собрал своих заместителей и объявил, что если кто-нибудь из них не считает возможным выполнять поставленные задачи, может тотчас покинуть службу. Никто за это преследоваться не будет.

К счастью, ни один из заместителей не отказался. Наоборот, встал генерал Анатолий Романов и твердо сказал: «Мы в одной команде. Будем выполнять распоряжения командующего!» Я по достоинству оценил этот человеческий поступок.

Сразу после этого я вызвал командующего войсками Московского округа внутренних войск генерал-майора Аркадия Баскаева и командира дивизии имени Дзержинского генерал-майора Александра Будникова, сообщил о принятом решении и поставил задачу готовить расчет сил и средств для выполнения задач в интересах оказания помощи органам внутренних дел Москвы для обеспечения безопасности в городе. Дал распоряжение о переходе на казарменное положение. Некоторые офицеры по очереди съездили домой за тревожными чемоданами, а в целом командование внутренних войск, привыкшее к боевым командировкам на Северный Кавказ, без проблем перешло на круглосуточный режим работы, когда практически ежеминутно отслеживается информация, готовятся расчеты, составляются прогнозы и — самое главное — уже закручивается механизм подготовки войск к действиям в условиях массовых беспорядков.

По моим рабочим тетрадям легко восстановить этот расчет сил и средств. Позднее наши оппоненты обвиняли нас в том, что мы наводнили Москву спецназом, что наши бойцы были увешаны оружием с головы до ног. Нет, не было этого. Резиновые палки, щиты — вот вооружение военнослужащего ВВ в те дни. Перед разъяренной толпой с кольями и пустыми бутылками в руках он еще мог выстоять, но был абсолютно уязвим для огнестрельного оружия.

Как я уже говорил, мы стали отслеживать обстановку и получать информацию с мест. Попытки не пустить депутатов в здание Верховного Совета не увенчались успехом. Московская милиция опоздала и не успела блокировать подступы к зданию Верховного Совета. Поэтому уже с вечера, после опубликования указа, депутаты стали съезжаться: был назначен внеочередной Съезд Советов. В Белом доме, на Краснопресненской набережной стали собираться люди.

Не скрою, больше всего нас интересовала информация, связанная с силами и дислокацией людей, которые могли оказать активное, вооруженное сопротивление. Можно проследить, как час от часу менялось качество собранных данных: сначала на глазок округляли до сотен, чуть позже уже знали о движениях совсем небольших групп людей, которые представляли потенциальную угрозу для безопасности москвичей. Считали буквально по головам людей Баркашова, Рыбникова, Терехова, Макашова, Ачалова, Руцкого и т. п. Считали и пересчитывали оружейные стволы, которые могли оказаться на руках у непримиримых боевиков.

Чуть позже вышли на связь те работники департамента охраны Верховного Совета, которые раньше служили во внутренних войсках, а теперь детально информировали нас о движении боевого оружия, раздаваемого в Белом доме сторонникам Руцкого и Хасбулатова. Впоследствии там начал работу переодетый офицер внутренних войск, снабженный радиосвязью.

Насколько могли, отслеживали перемещения боевиков. Ведь под охраной ВВ в те дни находились 53 объекта в Москве, из которых наибольшего внимания для нас и мятежников заслуживали Останкинский телецентр, телестудия на Шаболовке, различные центры связи, объекты, где производились и хранились финансовые ценности, где были ядерные компоненты и ядовитые вещества. То есть мы принимали те меры, которые и должны в такой ситуации принимать войска правопорядка.

Точно также снималась информация по всей стране. Констатировалось: в принципе все

спокойно. Самое большое количество сторонников Верховного Совета собралось в Челябинске: десять-пятнадцать человек. В 6.10, 22 сентября я лично связался с дежурным по УВД в городе Кемерово. Он мне докладывает: «Данные Соколова (заместителя Хасбулатова) о столкновениях не подтверждаются...» Точно такая же картина на Северном Кавказе, в Северо-Западном регионе, в Поволжье, на Урале, в Сибири.

В тот же день, 22-го, министр в зале коллегии в МВД провел совещание и четко высказал свою позицию: «Россияне восприняли решение президента правильно, страна живет обычной жизнью, а Белый дом самоизолировался. В сложившихся условиях органы и войска МВД являются защитниками закона и общественного порядка. Но в этой ситуации не все так просто: элементы агонии рождают судорожные попытки образовать двоевластие, и в связи с этим Верховным Советом принят ряд решений о назначении новых министров. Меня может отправить в отставку только всенародно избранный президент. Поэтому я без тени сомнения продолжаю выполнять свои обязанности и прошу вас о том же. От нас ждали, ждут и будут ждать провокаций, но ошибок 1 мая (1 мая 1993 года в результате пресечения противоправных действий на Гагаринской площади в Москве погиб сотрудник милиции. — Авт.) мы не должны повторить. Будем действовать решительно. Но работать на упреждение, а не умываться кровью...» (Выступление Ерина приводится здесь по конспективной записи. — Авт.).

Я думаю, нигде и никогда эта позиция Ерина не публиковалась. По-человечески она честна. Что касается истории, то это важный документ эпохи. Прежде всего потому, что свидетельствует о том, что МВД России не ставило перед собой целей, связанных с жестким силовым воздействием на оппозиционеров. Не знаю как у кого, но в наших планах боевые действия в городе Москве не значились. Не потому, что, как профессионалы, мы этого просто не допускали, а потому, что до последнего надеялись на здравый смысл влиятельных людей из Белого дома, чьи авторитетные слова могли остановить насилие.

Что касается параллельных структур, создаваемых Верховным Советом, мы знали, что Ачалов в 6.00, 22 сентября уже приезжал к Министерству обороны занимать якобы выделенное ему кресло министра. А в 6.01 того же дня с дежурным по Главному управлению командующего ВВ МВД России — моим дежурным — связывался Дунаев и сообщил, что он назначен «министром внутренних дел». Поэтому я не удивился, когда 24 сентября в моем кабинете раздался звонок уже по прямому телефону. Это снова вышел на связь Дунаев. У нас с ним состоялся довольно любопытный разговор, который я, чтобы не забыть, подробно записал на листке бумаги.

Признаться, я и не думал, что для истории. Тогда для меня были важны крупницы нашего диалога, которые позволяли получить достоверную информацию о положении вещей на «той» стороне: их действия, их позицию, и даже их заблуждения и иллюзии. Анализ такой информации давал возможность предположить дальнейшие шаги противной стороны. Разговор привожу полностью:

ДУНАЕВ: Здравствуйте. Я звоню по поручению Руцкого.

КУЛИКОВ: Я сожалею, что Александр Владимирович влип в эту историю.

ДУНАЕВ: Клинтон нас поддержал.

КУЛИКОВ: Не знаю, с Клинтоном не разговаривал.

ДУНАЕВ: 87 субъектов Федерации нас поддержали.

КУЛИКОВ: Да, там многие понимают, что эпоха советов, возможно, завершается. Знают, а потому и поддерживают... Но я уверен, они прежде всего учитывают собственные интересы...

ДУНАЕВ: Моя задача — чтобы не пролилась кровь.

КУЛИКОВ: Вы уже спровоцировали кровь. Ачалов уже спровоцировал кровь! (Имеется в виду нападение на штаб ОВС СНГ на Ленинградском шоссе, в результате которого погибли сотрудник милиции и пожилая жительница Москвы. — Авт.).

ДУНАЕВ: Съезд назначил меня министром.

КУЛИКОВ: У меня есть министр, другого я не знаю.

ДУНАЕВ: Уральский округ нас поддержал...

КУЛИКОВ: Это ложь. Я через каждые два часа разговариваю с командующим.

ДУНАЕВ: Я на стороне закона.

КУЛИКОВ: Вы обречены. Оцените реальную обстановку. Хочу предупредить, что, если вы попытаетесь захватить МВД, спецназ будет вести огонь на поражение (Предупредил, так как имел информацию, о том, что Дунаев дал команду захватить здание МВД на улице Огарева. — Авт.).

ДУНАЕВ: Нет-нет, кровь не должна пролиться.

КУЛИКОВ: Ваши моральные качества тоже не внушают мне доверия (Это я дал понять, что его «швейцарские» дела у меня, ничего, кроме брезгливости, не вызывают. — Авт.).

ДУНАЕВ: Это неправда, Анатолий Сергеевич, — попытался оправдаться Дунаев (Он сразу же сообразил, о чем я веду речь. И понимал, как уязвим. Не было бы «швейцарских» вояжей, сомневаюсь, чтобы хитрый и предусмотрительный Дунаев поддержал сомнительные авантюры Руцкого и Хасбулатова. — Авт.).

КУЛИКОВ: Войска управляются мною. Ни одного шага без команды законного президента они не сделают. Не дай Бог, прозвучит хотя бы один выстрел...

ДУНАЕВ: Подумайте, Анатолий Сергеевич. Это же съезд...

КУЛИКОВ: Вы видели хоть одного солдата с автоматом? Зачем вы вооружились?

ДУНАЕВ: Я был против вооружения.

КУЛИКОВ: Вы уже приговорили нас к смерти. Я свой выбор сделал.

ДУНАЕВ: Никто не приговаривал...

КУЛИКОВ: Войска выполняют задачу по закону. До массовых беспорядков вмешиваться не собираются. Но с началом беспорядков будут их ликвидировать! Времени у меня нет. До свидания.

* * *

Вот такой очень нелিপчатый разговор состоялся у меня с этим генералом, вздумавшим ловить рыбу в мутной воде мятежа. А солдату в приемной сказал: «Если он будет звонить — пошли его на три буквы». Что он потом и сделал. И когда увольнялся, у него старшина спросил: «Что из службы запомнилось тебе больше всего?» А солдат мнется: «Даже и не знаю, сказать вам или нет...» Да ладно», — разрешил старшина. — «Так вот, больше всего запомнилось, как я Дунаева на х... послал».

В те же дни Александр Руцкой, провозгласивший себя президентом, наконец обо мне вспомнил: прислал переговорщика, некоего П., бывшего нашего офицера-политработника, яростного оппозиционера. Он несколько раз приходил, его вежливо посылали куда подальше, но он упорно возвращался к родным стенам здания нашего главка. Последний раз он появился накануне штурма телецентра в Останкино с радиостанцией от Руцкого. Мне докладывают: «Опять пришел П. с радиостанцией для связи с Руцким...» Я ответил: «Радиостанцию заберите, а его посадите на гауптвахту».

Мое распоряжение выполнили мгновенно. 5 октября, после того, как волнения закончились, я распорядился его выпустить. Но вначале попросил привести его ко мне. Зашел П. в кабинет. Я говорю: «Идите домой. Вам повезло, а то сейчас сидели бы в Лефортово...»

Я думал, он обидится. А он нет, ничего... Наоборот, как только попадет на глаза — а сейчас он не последний человек где-то в муниципальной власти, — всегда повторяет: «Я не в обиде. Даже благодарен за то, что уберег меня командующий от тюрьмы...»

По служебной необходимости в те же дни встретился с генерал-майором Дмитрием Герасимовым, еще одним моим однокашником по Академии Генштаба. До учебы Дмитрий прошел Афганистан, командовал бригадой специального назначения. Теперь он служил командиром антитеррористического центра «Вымпел». Как-то сам по себе зашел разговор о

Руцком. Дмитрий высказал мнение: «Санька, наверное, когда еще в Афганистане с самолета падал, не задницей, а головой стукнулся о пенек...»

Ну а как иначе нам следовало оценивать действия бывшего однокашника, когда Руцкой в тренировочном костюме с автоматом в руках бегал по Белому дому и требовал оповестить 1-й и 14-й подъезды о том, что сейчас на пандус Белого дома будут садиться вертолеты... (газета «Завтра», спецвыпуск № 2, август 1994 года. «Анафема. Записки разведчика»).

Вертолет и вправду летал. Только это был наш «взвэшный» вертолет, посланный мной вместе с генералом Владимиром Пономаревым на разведку. Была задача министра: «Надо бы взглянуть сверху...»

Понятно, что всерьез рассматривалась и возможность штурма Белого дома. И тут в наших отношениях со «смежниками» (армия, Федеральная служба контрразведки) стали проявляться элементы недоговоренности. Во-первых, оперативная информация, которую в недрах Верховного Совета добывали контрразведчики, никоим образом не попадала в МВД. Во-вторых, что касается армейцев, то в период согласования действий — четких, однозначных ответов мы от них так и не получили. Когда же 3 октября в Останкино началось, Ерин мне сказал, что нам на помощь придут армейские подразделения. Мне такая информация была очень нужна. Все же, когда идет стрельба, как понять, где наши, где чужие? Не дай Бог, неопознанные БТРы... Да, может это Макашов дополнительные силы подтягивает?..

Получив информацию, что к телецентру должны подойти некие армейские подразделения, позвонил командующему Московским военным округом, еще одному своему однокашнику по Академии имени Фрунзе — генералу Леонтию Кузнецову: «Леонтий, там должны подойти «таманцы»... Ты имей в виду, чтобы мы друг друга не постреляли...» Он: «Какие «таманцы»?! Никуда солдаты не пойдут, воевать ни с кем не будут!» Я: «Все понял, ты на меня только не шуми ради Бога. У меня к тебе нет вопросов. Все, я понял, спасибо, Леонтий, за помощь, до свидания. Я даже рад, что там никого не будет, значит, никого не постреляют».

И хорошо, что не подошли, потому что в той ситуации даже трудно сказать, куда было бы повернуто оружие. На помощь оборонявшему телецентр отряду «Витязь» я послал 2-й мотострелковый полк ОМСДОНа. И вот тогда у боевиков началась настоящая паника.

От Макашова ждали победных реляций, а наши БТРы отняли у него последнюю надежду. И хотя я несколько забежал вперед в своем повествовании, но это лишь для того, чтобы с позиции сегодняшнего дня сказать откровенно: не была армия готова к такому повороту событий.

В те дни, когда распадался Советский Союз и вполне реальной казалась угроза распада Российской Федерации, от некоторых недалёковидных генералов Вооруженных Сил нам приходилось выслушивать аргументированные объяснения: дескать, наша армия предназначена для отражения внешней агрессии. В ответ я не стану, например, ссылаться на присягу, которую принимают американские военнослужащие. Они берут на себя обязательство защищать Родину от внешнего и внутреннего врага...

Но ответ напрашивается сам собой: разве не дело армии совместно с правоохранительными органами пресекать любые противоправные действия, когда заходит речь о защите Конституции, когда государству угрожает опасность кровопролитной смуты?

Именно эта неопределенность, чувствовавшаяся в действиях армейцев, вынудила меня высказать своему министру такую точку зрения: «Помяните меня, если события станут развиваться по самому жесткому варианту, все отойдут в сторону. Все кивнут на МВД, но будет уже поздно. Необходимы решения Совета министров, Совета безопасности, которые бы жестко согласовывали действия всех «силовиков» и которые были бы обязательными для исполнения». Я же видел, «Вымпел», и тот по-тихому пытался отойти в сторонку... Точно также — в более четкой организации — нуждались действия самих органов внутренних дел.

После одной из ночных проверок я пришел и прямо высказал министру, что служба сотрудниками МВД выполняется плохо. Почему мало милиции вообще и где конная

милиция, в частности? Нет единого и четкого руководства действиями подразделений ГАИ, патрульно-постовой службы, ОМОНа и других. Задачи на местах никто не выполняет. Мне капитан задает вопрос: «Можно ли задержать человека? Вот если он подходит ко мне с дубинкой?» Задач никто на местах не ставит. Почему не задерживают за антиобщественные действия активных организаторов беспорядков?

Вот такие вопросы я задал Ерину, и чувствую, что это начинает его раздражать.

Вообще-то, я бы назвал наши отношения сугубо служебными. Никак не дружескими или откровенными. Строго говоря, Виктор Федорович оставался для меня закрытым человеком, а некоторая сухость, некоммуникабельность, присущие его характеру, и вовсе не способствовали возникновению между нами какой-то человеческой теплоты. В то же время это достаточно подготовленный, неглупый человек. По крайней мере он был вполне способен воспринять ту или иную здравомыслящую идею. Но, выслушав другое мнение, мог, поколебавшись, принять и совершенно противоположную точку зрения.

Однако складывающаяся ситуация никак не располагала к промедлению. И я, не скрою, аккуратно подталкивал Ерина к более четкой организации службы московской милиции. К тому, чтобы была безотлагательно собрана коллегия МВД, на которой должны были бы присутствовать представители Министерства безопасности и столичной мэрии. Речь идет именно о государственной безопасности, а никто ничего не делает! Никто не знает — работает ли мозговой центр в правительстве? Кто ответит — будет ли твердо стоять президент до конца или пойдет на «нулевой» вариант, на совместные выборы? Мой последний вопрос как бы повис в пространстве: не я один знал, что президент куда-то пропал... То есть не пропал физически, но стал недоступен даже для высших чиновников государства.

28 сентября, в 13.10 министр по моей просьбе все же собрал совещание. Кругом масса дезинформации. Какая-то фальшивая телеграмма, якобы от исполняющего обязанности УВД Приморья, еще фальшивка — по Северному флоту... В целом вот такая обстановка: мы подвергаемся критике за Белый дом, а овладеть ситуацией не можем. Можно не сомневаться — именно мы в конце концов и останемся крайними. Заставьте, говорю, начальника ГУВД города Москвы генерала Панкратова выполнять свои обязанности. Он же у Белого дома, где несут службу его милиционеры, практически не бывает! Появится на один час. Походит, послушает и опять уезжает. Стал разбираться: милиционеры даже службу организовали в четыре смены, как при обычном варианте. Я спрашиваю Панкратова: «Почему мало милиции?» А он: «У меня же люди отдыхают по графику». Я говорю: «Как вам не стыдно?»

Вот так я жестко поговорил с Панкратовым. И Ерина сказал: «Если вы не поставите задачу конкретно этому генералу, вы же и останетесь виноватым». Но начальник московской милиции все равно артачился: «Что вы тут мной командуете?»

Странное отношение: милиционеры там, в три линии стоящие, под дождем мокнут, а он приезжает как почетный руководитель...

Министр мне сказал: «Я тебя попрошу — ты вмешайся. Помоги план составить, чтобы все было четко отлажено».

Я поехал и начал спрашивать. По моей просьбе прибыл туда, к Белому дому, генерал Савостьянов — начальник Управления государственной безопасности по Москве и Московской области. Я ему и нескольких вопросов задать не успел, смотрю — исчез бесследно. Короче говоря, взял своих офицеров. Только они и помогли сделать что-то путное.

После полудня сразу почувствовались изменения к лучшему. Министр очень жестко поставил задачу и заставил людей крутиться. Тогда же, в 14.27, при мне Ерину по «вертушке» позвонил Ельцин. Интересовался действиями МВД, закончил разговор, как я и предполагал, «ободряющими» словами: «Я буду спрашивать персонально с вас...»

За чертой этих рабочих забот как-то осталась семья. Когда все началось, я позвонил Вале и сообщил: «Сейчас за тобой подъедет машина и тебя с Наташкой увезут в госпиталь». Она сразу поняла, что звоню я ей не от хорошей жизни. Спросила только: «Там что-то

серьезное?» Ну что я мог ей ответить? Всего лишь: «Так надо. Не переживай. Все нормально. Это обычная мера предосторожности». Конечно же, не только моя семья переехала под защиту солдат ОМСДОНа. В госпитале разместились семьи и других наших офицеров. Но никакой паники не было, хотя, конечно, наши домашние за событиями внимательно следили. Особенно с 3 на 4 октября, по CNN. И переживали, конечно, очень.

Жена у меня человек мужественный — все понимает. Прошла походную, боевую школу. До этого были Карабах, Осетия, Ингушетия. И убийство моего заместителя полковника Владимира Блахотина, которого на пороге собственного дома в Ростове-на-Дону расстреляли армянские террористы...

Повернись события по-иному, не знаю, пожалели бы их боевики или нет, но это же последнее дело, когда сводятся счеты с семьями — с женщинами и детьми.

Сам я, откровенно говоря, никаких «расстрельных» списков не видел. Ручаться могу разве что за достоверность исторической фразы Александра Руцкого, бывшего своего соседа: «Не пилите березы в Кремле — они нам еще пригодятся». В то же время слышал, что генерал Анатолий Романов о таких списках говорил более определенно. Возможно, ему было известно, что составляются списки офицеров, которые участвовали в преодолении вооруженных конфликтов. Нам ведь часто грозят. Это обычное явление. Это можно уже в классические учебники записывать: противоборствующая сторона всегда пытается установить фамилии командиров и их домашние адреса.

Поэтому на войне часто используются псевдонимы, однако эти секреты, как правило, живут очень недолго. Тогда, в октябре 1993 года, подробную информацию о нас и о наших семьях можно было купить, скажем, у тех боевиков, с которыми мы воевали на Кавказе.

Незачем ходить и тратить время. Хотя с первых же дней противостояния в Москве и у КПШ ОМСДОНа, и у подъезда главка время от времени стали появляться подозрительные наблюдатели. Поэтому мы сразу же приняли меры и офицерские семьи убыли на территорию дивизии. Я распорядился, чтобы и в Московском округе были приняты меры по обеспечению безопасности семей офицеров, которые были задействованы в событиях.

И это были своевременные меры. Представьте себе, когда оголтелая фашиствующая толпа рвется в Останкино, только скажи ей, что, допустим, неподалеку живут семьи таких-то генералов и офицеров... Ясно, что их могут взять в заложники или просто убить. Поэтому, повторяю, меры безопасности были оправданы. И тогда. И в иных, схожих по напряжению, ситуациях.

* * *

За годы, прошедшие после этих событий, кажется, высказались все. Во всяком случае все те, кто осуществлял идеологическое обеспечение деятельности противоборствующих сторон или хотел объясниться с обществом. Пролита была не вода, а человеческая кровь. Именно ею с чрезвычайной легкостью расплачивались политики за свои амбиции, за мягкие кресла в своих кабинетах, за телефоны правительственной связи, за упоминание своих фамилий в рейтингах влиятельности. Поэтому нет ничего удивительного в том, что большинство последовавших за событиями публикаций были по сути мифотворчеством, целью которого было желание отмыться от этой крови и порохового нагара.

В принципе многим это удалось.

Мало тех, кто вспомнил, что на российские погосты свезли почти полторы сотни гробов, что безвозвратно прервались человеческие судьбы, что во многих домах навсегда поселилось сиротство. В этом мифотворчестве было много подлости, подлогов. Много настоящей лжи. Без них одна из сторон никак бы не смогла объяснить, отчего в огне мятежа не погиб ни один из его вдохновителей, а другая — почему конфронтация развивалась в жестком ключе, потребовавшем вначале вмешательства правоохранительных органов, а впоследствии — и танковой стрельбы по зданию Верховного Совета.

Весь мир внимательно наблюдал за этими событиями и делал соответствующие

выводы.

Истинно российская природа этого противостояния была мне ясна с самого начала. В ней были свои детали, обусловленные временем и ситуацией. Но главным оставалось одно — борьба за власть, за Кремль, за шапку Мономаха. Именно на Кремле были буквально заиклены все, кто решился на вооруженное противостояние. Не зря о Кремле вспоминал и депутат ВС Илья Константинов, особенно о его стенах, на которых он мечтал повесить Бориса Ельцина. Видимо, все это глубоко сидит в наших генах. И уверенность в том, что верховную власть надо непременно отнимать силой. И царская спесь. И склонность к кровавой дворцовой интриге. И даже неистребимая тяга к самозванству. По мере того как я получал информацию о новых «назначениях», сделанных Верховным Советом — о «президенте» Руцком, о «министре обороны» Ачалове, о «министре внутренних дел» Дунаеве, — я вспоминал слова своего старшего сына Сергея, сказанные им в трехлетнем возрасте о том, что он хотел бы «стать Брежневым», когда подрастет. На вопрос: «А почему?», он очень аргументировано ответил: «Ну, как же — всем хочется государством поруководить!»

Поскольку я всегда отличался склонностью к историческому чтению, а вдобавок окончил один курс филологического факультета, мне хорошо были знакомы перипетии «борьбы за Кремль» из разных периодов Российского государства.

Сделав поправки на время, я нисколько не сомневался, что сотни российских чиновников, служебный долг которых заключался в том, чтобы принимать безотлагательные меры, в критический момент словно растворяются в пространстве и будут недостижимы даже по кремлевским телефонам и военной спецсвязи. При этом я нисколько не сомневался и в том, что сами они очень внимательно наблюдают за происходящим, взвешивая на чутких весах все выгоды и проигрыши, которые сулила им складывающаяся ситуация. К кому вовремя примкнуть — так решали и высчитывали они, зондируя обстановку.

Я словно чувствовал это пространство, пронизываемое осторожными телефонными звонками, приватными переговорами, обещаниями поддержки. Все это так разительно отличалось от того мира, в котором жил и действовал я сам. В «моем» мире восемнадцатилетние солдаты, все вооружение которых составляли щиты и дубинки, строились в войсковые цепочки. В этом мире продрогшие от дождя офицеры проверяли посты, а верные долгу генералы размышляли о том, как избежать потерь среди личного состава и гражданского населения.

Возможно, нашу четкую позицию — защищать закон и порядок — кто-то назовет негибкой. Но она была честной по отношению к Родине и нашему народу.

Серьезную опасность представляло то, что у защитников Верховного Совета на руках было много оружия. Оно было у сотрудников милиции, работавших в департаменте охраны Белого дома, оно было у личных охранников Руцкого, Хасбулатова и иных вдохновителей смуты. Оно было просто складировано в Доме Советов и выдавалось людям, изъявившим желание противостоять законной власти до конца.

Речь шла о почти 2000 автоматах Калашникова, 4000 пистолетах Макарова, 30 пулеметах и 12 снайперских винтовках Драгунова. Мы знали, что часть этого оружия то раздавалась, то вновь возвращалась на хранение, однако каждая раздача имела один и тот же результат: несколько стволов пропадало бесследно. Некоторые сотрудники милиции из департамента охраны подробно информировали нас об этих манипуляциях с оружием и, в свою очередь, уверяли, что не повернут свое табельное оружие против коллег.

Они же брались вывести из строя часть оружия, находившегося на хранении, но полагаться на их слова было трудно. Благие намерения — это не реальные дела.

Нас не могло не беспокоить и то обстоятельство, что среди защитников Верховного Совета находились вполне квалифицированные военные, а часть — представляла собой людей, смыслом жизни которых была вооруженная борьба: боевики Русского национального единства (РНЕ), «ветераны Приднестровья», многочисленные авантюристы, нанюхавшиеся пороху по всему свету. У этих бойцов уже не было тормозов, а опыт, приобретенный в

«горячих точках», был накоплен вполне серьезный. Во всяком случае только у РНЕ вокруг Белого дома действовало четыре подразделения по 80 человек в каждом. А 29 сентября их представитель Андрей Плешков в 22.15 заявил, что если к утру следующего дня не будет снята блокада Белого дома, то РНЕ перейдет к исполнению террористических актов.

Такие заявления нельзя было игнорировать. Тем более, что, по данным Государственного комитета РФ по чрезвычайным ситуациям, в районе Белого дома 29 сентября находились по меньшей мере три автомобиля, груженных взрывчаткой.

* * *

Время многое лечит. Поэтому я вовсе не удивился, когда в августе 1997 года мне позвонил Александр Руцкой, претендент на должность курского губернатора. В один из дней, когда я уже был министром, он позвонил в мою приемную, и я велел нас соединить. «А. С., — сказал он, — хочу в вами встретиться». Я ответил: «Давай подъезжай, проблемы никакой не вижу».

Подъехал. Встретились. Обнялись. Пока накоротке присели, он высказал просьбу: «Так в моей жизни получилось, что наелся я уже этой политики. Теперь не власти в Курской области хочу, а помочь землякам. Но меня по старой памяти стараются до них не допустить. Я даже Ельцину готов написать письмо, что федеральной власти мне не надо! Гарантирую, что ни на какой федеральный уровень не полезу. А вот в губернаторских выборах поучаствовать хочу и реально могу победить. Так что помоги мне донести эту мысль до президента и премьера».

Я честно ему ответил: «Александр, все, что от меня зависит — сделаю. Я искренне считаю, что лучше, если бы ты был губернатором, а не оппозиционером. Поэтому обязательно переговорю с Черномырдиным. Если надо — и с президентом. Пусть и у тебя на выборах будут равные с другими возможности». Руцкой расчувствовался: «Спасибо, — говорит, — больше мне ничего и не надо. Пусть только разрешат...»

Я гостеприимно предложил: «Ну что, пойдём, как однокашники, по рюмке выпьем?» Зашли в комнату отдыха, действительно — по рюмке одолели, и сам собой зашел разговор об октябрьских событиях. Хотелось мне до конца понять ту роль, которая была им сыграна. Все же не отпетый он был политикан, а боевой летчик. Герой Советского Союза.

Он честно признался, что многие его тогда и вправду «накручивали». Рассказывал: «Ты знаешь, сволочи... Были у меня, пили водку, говорили: «Саш, ты только скажи, мы тебя поддержим, мы с тобой!» Я покачал головой: «И ты поверил?»

И, думаю, очень крепко тогда он врос в эту вымышленную им роль «президента», хотя и не исключая, что какие-то серьезные переговоры в ту пору у Александра были. Особенно странным мне кажется то, что он ни разу не поделился своими размышлениями со мной — командующим внутренними войсками, способными подавить мятеж даже самостоятельно.

Есть у меня такая способность — убеждать. Выслушав его аргументы, я скорее всего сумел бы его отговорить от поступков, в которых было так много авантюры и так мало смысла.

Но просьбу Александра Руцкого я выполнил: доложил подробно об этом разговоре председателю правительства Виктору Черномырдину. Реагировал он весьма сдержанно и высказал мнение, что выборы Руцкого курским губернатором вряд ли можно считать удачным вариантом. Но я продолжал зондировать почву и встретился с представителем президентской администрации Александром Казаковым. Он вполне разделил мою точку зрения, что лучше иметь Руцкого в союзниках, нежели в противниках. Не думаю, что наш разговор хоть как-то повлиял на исход победных для Руцкого выборов. Скорее всего сработала психология российского человека, всегда сочувственно относящегося к опальным. Руцкому всего лишь за три дня до выборов удалось зарегистрироваться в качестве кандидата в губернаторы, но и этих трех дней хватило, чтобы перевес оказался на его стороне.

Как-то и в разговоре с Ельциным всплыла тема Руцкого. И я не увидел в реакции

президента прежнего ожесточения. Наоборот, он отнесся к информации заинтересованно, дал мне поручение переговорить с Руцким по одному из текущих дел.

* * *

Переодевшись в гражданскую одежду, я несколько раз и сам выезжал к Белому дому. Как военный человек, предусматривавший возможность его штурма, я хотел своими глазами увидеть и оценить обстановку. В августе 1991 года я находился в Нагорном Карабахе и не имел никакого отношения ни к защите Белого дома, ни к планам по его захвату. Однако публичные рассуждения некоторых генералов о том, что штурм Белого дома — не такое уж и трудное дело, читал, но не считал нужным верить на слово.

Штурм этого здания вовсе не обещал быть простым. Достаточно вспомнить о его удобном расположении, о разветвленных подземных коммуникациях, по которым, как нам было известно от разведчиков воздушно-десантных войск, осуществлялось обеспечение Белого дома продовольствием и горючим.

Другой задачей, которая мне казалась не менее важной, было желание своими глазами увидеть людей, которые вызвались быть защитниками Верховного Совета. Кто они? Идеиные борцы? Романтики? Авантюристы? Какова их решимость стрелять в собственных соотечественников во имя убеждений? Ведь часто именно дух бойца предопределяет либо победу, либо поражение. Если человек уверен в своей правоте, он способен на многое: и под танк с гранатой броситься, и себя, если нет патронов, гранатой подорвать. Другое дело, если к зданию Верховного Совета пришел тот, чьи мечты не простираются дальше фотографии на память с автоматом в руках или бутылки с водкой, которую ему протянут новые «боевые» товарищи. Не исключаю, что многие из этих людей не отдавали себе отчета, что их жизни угрожает реальная опасность.

Впрочем, и моя рекогносцировка носила несколько отвлеченный характер. Я искренне надеялся, что конфликт властей разрешится миром. И тогда, и сейчас человеческое уважение у меня вызывает позиция Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго. Если бы в те дни к его голосу прислушались все политики, не было бы никакого кровопролития. Напоминаю — все это время, вплоть до 3 октября, внутренние войска в районе Белого дома несли службу без оружия. Стальной шлем на голове, щит и резиновая палка — вот и все, чем располагали военнотружущие ВВ, образовавшие войсковые цепочки. Автоматами были вооружены лишь несколько десятков бойцов из отряда специального назначения «Витязь». Но это был наш последний аргумент на случай, если обстановка обострится до крайности. К тому же у Белого дома они появлялись лишь тогда, когда мы получали информацию о вооруженном прорыве цепочек или ограждений.

Там, у Белого дома, оставаясь неузнанным, я заглянул в глаза многим людям и многое в них прочитал. И страх, и браваду, и решимость стоять до последнего. Чего только стоили «штурмовики» РНЕ с так называемыми «руническими знаками» (по словам Руцкого) на рукавах. Но какими бы ни были их убеждения и «думы о России», их черная форма и вскинутые в приветствии руки половине населения нашей страны напоминали лишь о гитлеровской оккупации и концентрационных лагерях. Конечно, ни на какую народную поддержку нацисты в России рассчитывать не могли.

Впоследствии, уже будучи министром, я разговаривал с Русланом Хасбулатовым, который попросил меня о встрече. Коснулись мы и болезненной для него темы октябрьских событий в Москве. Как утверждал Руслан Имранович, он «пытался сделать все, чтобы избавиться от этих людей», так как понимал, что их присутствие вредит имиджу Верховного Совета.

Хасбулатов утверждал, что на этих людей как бы опирался Руцкой и это послужило причиной, что от нацистов и прочих ряженых людей так и не удалось отмежеваться.

Так или иначе, но настоящей народной поддержки организаторы и вдохновители смуты так и не дождались. Митинги в их поддержку в разных городах России собирали либо двести

человек (в Санкт-Петербурге), либо двадцать человек (в Челябинске). В Москве сторонников было куда больше, но это объясняется тем, что наиболее талантливые оппозиционеры тоже предпочитают жить в столице, а значит, и работа их организаций в Москве была более активна.

Утром 29 сентября генерал Анатолий Романов, находившийся в районе Белого дома, доложил, что в результате столкновения пострадали девять наших солдат. Кого-то ударили по голове, кому-то сломали ноги. А двоих облили кислотой. Среди сотрудников милиции был и один погибший — подполковник Рептюк, заместитель начальника отделения ГАИ УВД города Москвы.

Так, в тревожной обстановке стычек проходили эти последние дни сентября. С улиц Москвы, из района Дома Советов к нам стекалась оперативная информация, свидетельствующая о действиях вооруженной оппозиции: в Белом доме жгли бумаги, жевали холодные (из-за отсутствия света и тепла) бутерброды, грелись водкой. Рядом со зданием маршировали баркашовцы, из него постепенно выходили люди: обслуживающий персонал, женщины, дети. Время от времени — и депутаты с вещами. Многие начинали понимать бесперспективность силовой конфронтации.

Некоторую уверенность в то, что все обойдется миром в нас вселяли переговоры, идущие в Свято-Даниловом монастыре при посредничестве Патриарха.

Конечно, они носили элементы политического торга. Мы знали, что в обмен на согласие прекратить деятельность Верховного Совета и Съезда депутатов руководителям смуты предлагалась полная безопасность и возможность открытой оппозиции. Жестко ставился вопрос о разоружении случайных людей. И как следствие мы получили известие о том, что часть мятежников собирается прорываться из района Белого дома с оружием в руках.

Это были те, кто предполагал, что Рущкой с Хасбулатовым все-таки согласятся на мирные условия переговоров.

На этот случай мы держали поблизости полсотни вооруженных спецназовцев из отряда «Витязь» под командованием полковника Сергея Лысюка, чтобы в случае необходимости усилить войсковые цепочки. Нет, мы не демонстрировали силу, а просто отдавали себе отчет, к каким последствиям может привести попытка прорыва вооруженного отряда в густонаселенном районе Москвы.

Многие искренне верили, что миротворческая деятельность Патриарха на этих переговорах остудит горячие головы. А в ночь на 1 октября получили определенные сигналы, что сторонам удалось найти кое-какие компромиссы. В 2.40 был подписан протокол. В 7.30 в Белый дом дали электроэнергию, и, кажется, была произведена сдача незначительной части автоматического оружия.

Как оказалось впоследствии, сдача автоматов была лишь маневром, призванным выторговать дополнительные уступки со стороны законной власти.

Свои соображения на этот счет я доложил министру, особенно нажимая на то, что подписанный протокол не решает проблему кардинально. Более того, ставит в дурацкое положение внутренние войска и все МВД. С одной стороны, Верховный Совет, даже распущенный, как институт государственной власти требует определенного уважения своего статуса. С другой — в Доме Советов и вокруг него находятся незаконные вооруженные формирования, и долг МВД заключается в том, чтобы их деятельность была пресечена.

Надо понять причину нашей озабоченности: в функции внутренних войск преследование политической оппозиции не входит. Дело политиков — договариваться или ссориться. Для столкновения мнений, точек зрения достаточно трибун: собрания, мирные митинги, средства массовой информации и т. п. Но существование оппозиции вооруженной, особенно когда смертельно опасное оружие и боеприпасы бесконтрольно расползаются по городу и по стране, ни МВД России, ни другие правоохранительные структуры игнорировать не имеют права. Оружие должно быть сдано. Это принципиальный вопрос. Примерно так высказал я министру внутренних дел солидарное мнение членов военного совета Главного

управления командующего внутренними войсками МВД России.

Утром 1 октября Ерин на Житной снова собрал коллегия министерства. Отметим, что служба стала понемногу налаживаться. Остужать митинговые страсти мы, кажется, научились еще на дальних подступах к Дому Советов, но отмечались явные недоработки службы криминальной милиции. Ощущения всех генералов во многом оказались схожи: была надежда на мирное разрешение политического кризиса, однако не сбрасывалась со счетов и возможность резкого ухудшения обстановки. Активность вооруженной оппозиции никак не спадала, наоборот, конфликт медленно разрастался по городу, и в него вовлекались новые группы людей.

Мы разделяли жесткую позицию мэра Москвы Юрия Лужкова, который тоже настаивал на сдаче всего оружия без каких-либо исключений.

На тот случай, если перелома в ситуации не последует, мы прикинули наши возможности... Милиционеры из департамента охраны Дома Советов и некоторая часть охраны Руцкого и Хасбулатова, как нам было известно, уже не были столь воинственны, как прежде. Многие собирались, что называется, сделать ноги при первых признаках боя. Слабым местом было то, что мы все плохо представляли себе систему подземных коммуникаций, расположенных под Белым домом, и это таило в себе угрозу прорыва небольших отрядов мятежников. Кроме того, на 2 октября были намечены многочисленные митинги и шествия в самых разных районах столицы. Их организаторы обещали вывести на улицы более полумиллиона человек. В условиях, когда в Белом доме и вокруг него действовало хорошо вооруженное ядро оппозиционеров, имеющее к тому же реальную возможность выскочить по подземным коммуникациям далеко в город, мы не имели права сидеть сложа руки.

Особую тревогу вызывало у нас отсутствие в Москве президента страны. Во всяком случае на заседании Совета безопасности президента не было, а доклады «силовиков» и других министров принимал председатель правительства Виктор Степанович Черномырдин. В сложившейся обстановке отсутствие президента было ничем не оправдано и, не сомневаюсь, впоследствии оно сыграло свою трагическую роль. Хотя бы в том, что некоторые генералы из Вооруженных Сил откровенно манкировали своими обязанностями, а общество, нуждавшееся в ежедневном общении с президентом страны, вдруг с недоумением ощутило слабость верховной власти. Казавшаяся сильной при объявлении ультиматумов власть не захотела пожертвовать даже уик-эндом. Даже когда решалась судьба России и судьбы миллионов ее граждан.

Вчитайтесь в воспоминания облеченных государственной властью людей, касающиеся событий 3 октября 1993 года. Многие из них начинаются примерно такой фразой: «Я был на даче, когда получил известие о том, что происходит в Москве...»

Сегодня я высказываю свою наболевшую точку зрения вовсе не для того, чтобы обвинить президента в самоустранении. Как говорится, решительности и воли ему не занимать. Некоторые детали своего психологического портрета Ельциным впоследствии описал довольно красноречиво: «Когда я принимаю какое-либо серьезное решение, потом никогда не извожу себя дурацкими мыслями, что надо было сделать как-то иначе, можно, наверное, было по-другому. Это бессмысленные метания. Когда выбор сделан, дальше только одно — максимально точно его исполнить, дожимать, дотягивать. Так было всегда...» («Записки президента»).

Но для меня совершенно ясно, что увлеченный действием разворачивающейся драмы президент не хотел заглянуть в ее эпилог. Не просчитал, не взвесил, не смог предугадать, что множество россиян вовсе не так легко отнесутся к тому, что президент пренебрег одним из законов.

Большинство граждан страны отлично понимали, что Верховный Совет, возглавляемый Русланом Хасбулатовым, и вице-президент Александр Руцкой, решившийся на захват президентской власти — не столько отстаивают законность в России, сколько рвутся к безбрежной власти. Но, делая ответственный шаг, отменяющий действие важных

государственных институтов, именно слово президента и его присутствие среди народа могли резко понизить температуру в обществе. Все это было, без сомнения, еще одним проявлением свойственного Борису Ельцину царственного эгоизма, который часто мешал ему трезво просчитывать последствия стратегических решений. Будучи министром внутренних дел России, я не раз потом убеждался в этом.

Информацией президента подпитывал ближний круг советников из его команды и высоких правительственных чиновников, которые не всегда могли правильно оценить обстановку и не решались подвинуть Ельцина на мудрое, спокойное и ежедневное общение с нацией.

Неслучайно, что в книге Б.Н. Ельцина «Записки президента», в той его части, названной «Дневником президента», 1 и 2 октября отсутствуют, в то время как именно 2 октября произошел качественный скачок в развитии событий: участниками несанкционированного митинга на Смоленской площади возводились баррикады, готовились бутылки с зажигательной смесью, и как следствие — произошли столкновения между сотрудниками внутренних дел и митингующими.

Понятное дело, никто во внутренних войсках даже не помышлял об уик-эндах. Чтобы постоянно отслеживать обстановку в стране и в Москве, я дал команду установить в моем кабинете телевизоры и настроить их на разные телеканалы. Не без труда мои помощники разыскали четыре телевизора туристического типа, но и это стало серьезным подспорьем в нашей работе: нередко репортеры подбрасывали полицейским генералам пишу для размышлений. Ведь журналистам, в отличие от нас, удавалось довольно свободно общаться с иными оппозиционерами, а это значит, что мы могли просчитывать их возможные действия. Конечно, мы не полагались на искренность тех или иных слов, но для нас было важно понять, насколько они адекватны.

2 октября мы ощутили, что ситуация изменилась, а потому нами был создан резерв, находящийся в 15-минутной готовности, а командующий войсками Московского округа внутренних войск получил задачу на выдвижение в Москву тех частей внутренних войск, которые называются специальными моторизованными частями и несут службу в форменной одежде сотрудников милиции. Части из Владимира, Тулы, Орехово-Зуево, Сергиева Посада, учебные подразделения из Лунево и Тулы начали выдвигаться к столице. Они шли на помощь тем соединениям оперативного назначения, которые уже несли службу в Москве.

* * *

Понимая, что солдаты срочной службы отличаются от профессиональных сотрудников милиции, подчеркивалось, что они только осуществляют помощь правоохранительным органам, находясь либо во втором эшелоне цепочки, либо в самостоятельной цепочке, но не на главных направлениях. На самых опасных участках стоял ОМОН. А так как по закону за охрану общественного порядка отвечает старший оперативный начальник того субъекта Федерации, где выполняется эта задача, получалось, что именно начальник ГУВД генерал Владимир Панкратов должен был принимать те решения, которые диктовала постоянно меняющаяся ситуация.

То есть мои действия носили характер поддержки и в соответствии с действующей в МВД вертикалью власти проявлять собственную инициативу я мог только тогда, когда мои полномочия не вступали в конфликт с полномочиями Панкратова и курировавших его в масштабе страны генералов из центрального аппарата министерства — Александра Куликова и Вячеслава Огородникова. Но чувство тревоги не покидало меня утром 3 октября, когда я, сообразно свойствам своего непоседливого характера, добился от министра права советом и делами воздействовать на процесс охраны общественного порядка в Москве. Памятуя о намерении Дунаева захватить здание МВД на улице Огарева, я привлек туда дополнительные силы из состава внутренних войск.

Днем, выезжая из основного здания МВД на улице Житной где-то в половину второго,

я отметил, что объявленный митинг на Октябрьской площади (Теперь — Калужская площадь. — Авт.) не был бурным, а возле памятника В.И. Ленину находилось несколько сот человек. Сигналом, что события начинают развиваться в жестком ключе — для меня послужил доклад одного из офицеров в 14.30. Он сообщил, что на Октябрьской площади находится крайне наэлектризованная толпа, насчитывающая примерно двадцать-тридцать тысяч человек.

Я — военный человек, неплохо знающий, сколько времени может занять сбор батальона, полка, дивизии. Массовое накопление и перемещение людей имеет свои законы и только на первый взгляд кажется хаотичным. В этот раз я сразу же почувствовал руку очень опытного организатора, который в течение нескольких десятков минут смог направить процесс по нужному ему руслу. В стихийность подобных процессов я не верю: где-то в толпе находился и руководил действиями людей волевой, хорошо спланировавший операцию командир. Я чувствовал его особый почерк в организации маневра, и это помогло мне отбросить все сомнения по поводу видимой стихийности митинга.

Теперь я понимал, как будут развиваться действия. Многотысячный передовой отряд манифестантов, используя грузовики, обязательно попробует смять милицейские цепочки на Крымском валу, Крымском мосту и Зубовской площади и дальше, по Садовому кольцу, двинется в сторону Белого дома для прорыва нашего оцепления. Не было никаких сомнений, что события будут разворачиваться по давно выученной схеме, но с поправками на сегодняшний день: мэрия Москвы, телевидение, телеграф, телефон...

Конечно, направление движения манифестантов не так уж трудно было предположить и человеку, далекому от военного дела. Но четкость, с которой совершались действия — авангард манифестантов, сметая на пути милицейские цепочки и войсковые наряды, три километра до цели преодолел менее чем за час, — не оставляла сомнений: оппозиция решила применить таранный удар. Решительный и решающий. Это была уже не демонстрация силы, а сама сила, посланная в бой, чтобы вырвать победу.

Вот этот размашистый почерк не дал меня обмануть и заставил действовать так, чтобы в этом противоборстве не проиграть неведомому мне командиру манифестантов ни в уме, ни в быстроте принимаемых решений. На его стороне была инициатива, на нашей — вовремя разгаданный замысел его операции. Не медля ни секунды, я отдал приказ отряду «Витязь» выдвинуться к Белому дому, а генералу Баскаеву — готовить все резервы, которые уже прибыли из Подмосковья и располагались на улице Подбельского.

Сделав это, я позвонил заместителю министра внутренних дел России генералу Александру Куликову, чтобы поделиться своей обеспокоенностью: «Александр Николаевич, уже прорвана цепочка на Крымском мосту. Прорвут и на Зубовской площади. Важно не дать им пробиться на повороте с Садового кольца на Новый Арбат. Туда надо бросить все силы!» Мой однофамилец ответил раздраженно: «А.С., ты не вмешивайся. Там есть кому командовать! Там генерал Панкратов».

Что я мог противопоставить этой кабинетной уверенности в сверхъестественные возможности Панкратова? Чем я мог помочь своим безоружным солдатам, которых в эти минуты давили машинами и буквально сметали на своем пути ожесточенные люди? Сорваться лично на выручку из стационарного командного пункта, где есть все средства связи, необходимые для управления, я не мог: это несерьезно... Вмешаться, по сути в чужой бой, наперекор тому, кто им управляет — только дров наломать из-за несогласованности действий. Все, что мог в эту минуту, так это связаться с генералом Анатолием Романовым, своим заместителем, находящимся на передовом командном пункте в мэрии Москвы, и проинформировать его о том, что стало мне известно в последний момент.

В тяжелой ситуации я никогда не теряю самообладания. Это не хвастовство, а просто свойство моего характера. Кто-то начинает терять голову, кто-то махнет для уверенности стакан-другой водки. Но именно тогда — получив известие о прорыве цепочки на Крымском мосту — первый и последний раз в жизни я испытал удар, который едва смог выдержать. Просто и отчетливо вдруг встали перед глазами все последующие события. Наступила

какая-то странная, опустошительная ясность в душе. То удивительное состояние, когда окружающий тебя воздух будто утрачивает жизнь и уносится в широко распахнутые двери, вслед за вышедшими по твоей воле людьми. И в этом пространстве, где ты остаешься в одиночестве, мгновенно текут секунды, и ты начинаешь осознавать, что собственная жизнь уже мало что значит для тебя. Легче протянуть руку, достать пистолет и разом покончить со всем. Что это потрясение не лечится ничем, кроме как выстрелом, который будет оглушительным и дымным в этом кабинете на Красноказарменной улице, но в нем будет достаточно силы, чтобы перенести меня туда, где все происходящее уже не имеет ни цены, ни смысла, ни боли.

Вот через что я прошел в ту минуту и запомнил ее на всю жизнь. В тот момент действительно все выскочили из кабинета передать информацию, что прорвана цепочка. Люди ушли передавать приказ о перемещении отряда «Витязь» и о подготовке резервов в Московском округе. Именно тогда я понял, что могу сейчас взять и застрелиться. Но уже мгновение спустя это проходит! Ты выходишь, ты прорываешься из этого вакуума и включаешься в жизнь... Снова отдаешь команды и действуешь, как будто еще мгновение назад ты не стоял на краю бездны.

Последующие полтора часа инициатива прочно удерживалась боевиками вооруженной оппозиции и их митингующими сторонниками:

14.50. Резерв зоны 2 (300 человек) прибыл на Зубовскую площадь и выставил цепочку, которая продержалась 5–7 минут, после чего была смята. Из 12 автомашин (в/ч внутренних войск, номер) захвачено 10 автомашин. Оставшийся личный состав прибыл к ВКП (Временный командный пункт. — Авт.) и получил задачу прикрыть ВКП. Остальной личный состав отеснен толпой по Садовому кольцу.

15.00. Войсковые наряды (в/ч внутренних войск, номер) получили команду усилить войсковые цепочки участков 8, 9, 10 и выставить 100 % личного состава. Сотрудники милиции покинули заслон на улице Новый Арбат. Захвачена командно-штабная машина (бортовой номер С-54). По улице Новый Арбат отходит неорганизованная группа сотрудников милиции в сторону Краснопресненского моста, преследуемая разъяренной толпой.

15.05. Резерв (в/ч внутренних войск, номер) заблокирован на Смоленской площади, цепочка смята. Личный состав отеснен к площади Восстания. 15.12. Резервы (в/ч внутренних войск, номер, 300 человек) получили команду выдвинуться от площади Восстания к зданию Дома Советов.

15.14. Резерв зоны 2 (200 человек) отеснен на улице Новый Арбат.

15.15. Вооруженный резерв (в/ч внутренних войск, номер, 50 человек) приведен в боевую готовность. Начался штурм заграждений возле Белого дома. Толпа таранит заграждения поливочными машинами, забрасывает личный состав камнями. Сотрудники милиции на участке 8 перед зданием мэрии и Домом Советов покинули место несения службы. Войсковая цепочка (в/ч внутренних войск, номер) прорвана, а со стороны Белого дома идет огонь из стрелкового оружия. Личный состав отошел к зданию мэрии...

15.20. Колонна резерва (в/ч внутренних войск, номер), выдвигаемая от улицы Баррикадная, д. 4, остановлена бесчинствующей толпой перед Смоленской площадью.

15.25. Резерв (в/ч внутренних войск, номер, 80 человек) выставил войсковую цепочку совместно с работниками милиции на Смоленской площади. Резерв зоны 2 (150 человек) отеснен к зданию мэрии. У войскового наряда участка 10 (в/ч внутренних войск, номер, 100 человек) отняты резиновые палки, щиты, наряд смят. Толпа по набережной следует к Белому дому.

15.30. В Большом Девятинском переулке слышна стрельба. Работники милиции покинули место несения службы на Смоленской площади.

15.31. Войсковые цепочки резерва зоны 2 (150) человек прорваны. В районе мэрии захвачены 7 автомобилей (в/ч внутренних войск, номер). Доложено, что на местах несения службы нет нарядов милиции; без них выполнение задач в полном объеме невозможно.

Командующий внутренними войсками отдает распоряжение восстановить боеспособность резервов. Резерв зоны 2 отошедшими подразделениями доведен до 195 человек. Вооруженный резерв (в/ч внутренних войск, номер) согласно боевому расчету у здания мэрии посажен в четыре БТРа (в/ч внутренних войск, номер). Толпа окружила БТРы, один из них подожжен.

15.40. Наряд резерва (в/ч внутренних войск, номер, 80 человек) смят толпой на Смоленской площади и начал отход к месту стоянки техники.

15.45.-15.50. Колонна машин резерва (в/ч внутренних войск, номер) захвачена боевиками. Угнано 2 автомобиля ЗИЛ-131. На площади Свободной России прозвучал призыв Руцкого идти на штурм мэрии и телецентра в Останкино. Специально сформированными группами боевиков начался штурм комплекса зданий мэрии и гостиницы «Мир». Со стороны нападавших применяется автоматическое оружие. Захвачена гостиница «Мир» и пять этажей мэрии. Получили огнестрельные ранения 5 человек (в/ч внутренних войск, номер)...

* * *

Вот так, если их представить почти поминутно, развивались события у Белого дома, мэрии Москвы и гостиницы «Мир». При штурме здания мэрии были захвачены почти полторы сотни безоружных солдат и офицеров внутренних войск. Многие могут припомнить кадры хроники, как их толкают прикладами, бьют, разувает. После того как эйфория от удачного штурма прошла, им всем предложили перейти на сторону вооруженной оппозиции, однако ни один человек этого не сделал. Более того, они из этого плена в первую же ночь попытались бежать. У двадцати одного человека это получилось. Один из них, за которым в части, где он служил, намертво закрепилась слава нарушителя дисциплины, сбежал, спустившись с одного из этажей при помощи связанных штор. И не в одиночку пришел в часть, а еще шесть человек привел с собой.

Но это все будет потом, а к 16.00. довольно внушительная часть столицы правоохранительными органами не контролировалась. Чуть раньше на связь вышел Анатолий Романов и доложил: «Васильев перешел с бригадой (Софринская бригада оперативного назначения ВВ МВД России. — Авт.) на сторону мятежного Совета».

Впоследствии оказалось, что смалодушничал и струсил только командир бригады. Никто из солдат и офицеров даже не помышлял об измене. Но это было потом, а тогда, получив тревожное известие, я едва сдержался, чтобы не покрыть некоторых сослуживцев, что называется, руководящим языком. Вместо этого я задал Романову вопрос: «Какие силы у тебя там есть?» В этой ситуации единственно разумным представлялся такой выход: надо выводить наши безоружные войска в пункты постоянной дислокации, вооружить их и, посадив на броню, вернуть в город. Было ясно, что начинается гражданская война.

Генерал Романов ответил: «Здесь часть дивизии Дзержинского, командир со мной...» Я счел необходимым как-то его поддержать: «Анатолий, все нормально! Не переживай! Даю тебе команду: веди дивизию в пункт постоянной дислокации и сажай ее на броню...» Тут же поднял трубку прямой связи с министром, доложил свое мнение: дивизию надо выводить. Ерин возмутился: «Ты что? Ты представляешь себе последствия? Бросить город на разграбление...» Я настаиваю: «Виктор Федорович! С резиновыми палками и щитами никто ничего не сделает!»

Но министр не захотел обсуждать эту идею: «Нет, А.С., я запрещаю!»

Вместе со мной на командном пункте находился генерал Владимир Дурбажев. И тогда у меня в голове родилось рискованное решение.

Опять поднимаю трубку прямой связи: «Виктор Федорович! Но это решение военного совета!» А у меня из военного совета один только Дурбажев и есть. Я на него взглянул и добавил: «...А решение военного совета обязательно для исполнения». Я сильно, признаюсь, блефовал, рассчитывая, что Ерин не знает положения о военном совете. А в нем никаких намеков на самоуправство нет: если министр запретил, никакой военный совет не поможет...

Так соблюдается в армии принцип единоначалия. Но ведь и у меня не было другого выхода, чтобы переубедить министра. Ерин подумал, подышал в трубку, а потом ответил: «Ну если это так, то действуй!» Думаю, именно эта минута необычных переговоров с министром решала исход мятежа. Делать такие предположения мне позволяет весь ход последующих за этим событий, а также то, что это решение — увести войска из города, чтобы вернуть их вооруженными, — так и не было сообщено президенту страны.

Это был сильный и продуманный ход, авторство которого, к тому же, никем не могло быть присвоено. Поэтому, в соответствии с законами дворцовой интриги, впоследствии, наверняка, были придуманы иные «поворотные моменты», выгодно оттеняющие роль высших офицеров или сановников, которые начали вписывать свои несуществующие подвиги в наградные листы. Вот как описывает Б. Н. Ельцин эти трудные часы в своей книге «Записки президента»: «Итак, к полтретьего я имел следующую картину. Бой, который продолжал идти в Останкино, прямо в здании телецентра. Милиция, от которой требовали не ввязываться в столкновения и которая (Читайте: внутренние войска. — Авт.) после первого же нападения ушла, оставив город на растерзание вооруженным бандитам...»

Сегодня, полемизируя с Борисом Ельциным, с иными людьми, делавшими похожие упреки, я мог бы ответить так: «Отчего же тогда ни один из жизненноважных объектов, включая ядерные, которые внутренние войска охраняли вооруженными, не были захвачены мятежниками? Или появившийся за несколько минут до макашовцев в Останкинском телецентре отряд «Витязь» был послан туда Святым Духом? Кем в обстановке неразберихи, когда милиция бездействовала, а подразделения Вооруженных Сил никак не могли с окружной дороги свернуть в Москву, чтобы придти на помощь внутренним войскам, была обеспечена надежная оборона тех точек, откуда становился возможным прямой выход в телевизионный эфир? Одну из них, принадлежащую РТР и располагающуюся в районе 3-й Тверской-Ямской улицы в Москве, силами двух взводов и четырех БМП оборонял заместитель начальника штаба внутренних войск генерал-майор Александр Котляров. Но главные события, конечно, разворачивались в районе телецентра в Останкино.

Когда войска, одетые в форму милиции, покидали Москву, у многих сложилось впечатление, что все рухнуло, а управление потеряно безнадежно. Но, положа руку на сердце, большую ли опасность для боевиков представляли чуть более двух тысяч безоружных солдат, которых любая попавшаяся на пути кучка мятежников готова была растерзать на куски? К тому же были попытки захватить бронетранспортеры, а некоторые даже подожгли, но нам их удалось погасить. Если бы мы тогда не вывели войска, то штурм телецентра «Останкино» и других объектов происходил бы с применением захваченной бронетехники.

* * *

Через сутки, когда все было закончено, нашими офицерами была доставлена любопытная аналитическая записка, лежавшая на столе Руслана Хасбулатова, в которой неизвестный мне аналитик так описывал ситуацию, складывающуюся в рядах вооруженной оппозиции к 18.00 3 октября 1993 года (Документ в редакции оригинала. — Авт.).

«...К концу первого дня попытки государственного переворота сложилась своего рода ситуация динамического равновесия, когда обе стороны во многом исчерпали свои первые домашние заготовки и вынуждены определяться в качестве новой ситуации. В настоящее время еще невозможно ответить на вопрос, предполагалась ли возможность силового решения вопроса со стороны Ельцина.

Но, судя по заявлению Черномырдина через несколько часов после обращения Ельцина, была сделана ставка НА ИГНОРИРОВАНИЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОРГАНА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ. Для Черномырдина, кстати, в этом нет ничего принципиально нового, это логическое завершение той политической линии, которую он фактически проводил со времен предыдущей попытки

государственного переворота 20 марта. По имеющимся данным, Ельцин вскоре после трансляции заявления отбыл на вертолете в Завидово и на 10.00 утра сегодняшнего дня еще не прибыл в Москву.

Коллегия Министерства обороны в день заявления Ельцина тоже заняла позицию, характерную для нее 20 марта: словесная поддержка президенту и отказ от любых конкретных действий. Сегодня эта позиция фактически подтверждена приказом Грачева. Что касается Министерства безопасности, то оно фактически было разоружено в последние дни руководства Баранникова — у него отняли все военизированные структуры. В сложившихся условиях как на силовую структуру команда президента могла рассчитывать только на Кремлевский полк личной охраны, Московский ОМОН. И возможно — на дивизию Дзержинского. По имеющимся данным, после некоторых колебаний она в первую ночь попытки переворота вернулась в зону постоянной дислокации.

Активной поддержки акции президента средства массовой информации до настоящего момента, по оценкам контент-аналитиков, не продемонстрировали. В особенности это касается радиовещания, которое оказалось серьезно монополизировано еще летом этого года. Президента поддержали всего несколько глав администраций (Лужков, глава администрации Мурманска, Кислюк в Кузбассе). С другой стороны, коллегии трех силовых министерств оказали жесткое сопротивление попыткам поставить свои организации под контроль новых министров, назначенных и.о. президента А.В. Руцким. Но этого нам уже не переиграть.

Здесь мы переходим к самому серьезному аспекту ситуации: парламент и новый президент пока не сумели воспользоваться слабостями в позиции путчистов, наоборот, их собственные позиции довольно слабы. Планы Ельцина не были секретом, к ночной обороне Дома Советов организационно-техническая подготовка была осуществлена на нормальном уровне. Но активных действий по некоторым направлениям (прежде всего работа со средствами массовой информации и налаживание связи с регионами) до настоящего времени практически не велось. Назначение конкретных силовых министров, как и следовало ожидать, вызвало как минимум пассивное, но пока довольно жесткое отторжение коллегиями соответствующих министерств.

Не располагая собственным ресурсом в настоящий момент (и крайне трудно ожидать, что значимые воинские подразделения или структуры МВД и МБ перейдут на сторону защитников конституционного строя в обозримом будущем — то есть до конца сегодняшнего дня) их крайне трудно «дожать». А следовательно, пока на стороне президента остается хотя бы Кремлевский полк и личная охрана (более 10 тысяч прекрасно вооруженных и неплохо обученных людей, верных лично Ельцину), защитники конституционного строя вокруг Дома Советов находятся под дамокловым мечом, возможно, сокрушительного удара ближайшей ночью.

Единственным серьезным плюсом в этой ситуации является жесткая позиция ФНРП и МФП. Обе профсоюзные федерации приняли крайне жесткие резолюции по защите конституционного строя и призвали трудовые коллективы к забастовке. Но, поскольку массовые действия готовились на более поздние сроки, начать активные действия с утра они оказались не в состоянии. К тому же безобразно поставлено распространение информации о решениях чрезвычайной сессии ВС. Уже в первые часы было принято постановление, что участие граждан в защите конституционного строя НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ПРОГУЛОМ. Но до середины сегодняшнего дня ни ФНРП, ни МФП соответствующей информации не получили, в результате чего их работа резко затруднена.

В условиях, когда междугородная связь ВС оказалась практически парализована, ФНРП до настоящего момента располагает всеми видами связи с регионами и активно воздействует на настроение советов в них. **ВОПРОС О САМОМ ТЕСНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ С ФНРП ДОЛЖЕН БЫТЬ РЕШЕН НА УРОВНЕ СПЕЦИАЛЬНОГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЕССИИ.**

Связи с регионами, как уже неоднократно отмечалось, налажены у Верховного Совета

пока чрезвычайно слабо. На середину дня нет никакой информации по 60 с лишним субъектам Федерации относительно позиции советов и глав администраций в соответствующих регионах. Естественно, что о выработке сколько-нибудь реалистической политики в подобной ситуации говорить пока практически невозможно. Некоторые выводы:

1. Если благодаря усилиям МФП сколько-нибудь массовую забастовку в Москве против путчистов удастся во второй половине дня организовать и собрать несколько десятков тысяч человек вокруг Дома Советов и зданий силовых министерств и Совмина (в первом случае — для защиты, во втором — для оказания политического нажима на коллегии соответствующих министерств), можно выиграть время для прояснения региональной ситуации и смещения нынешнего неустойчивого равновесия в свою пользу.

2. На телевидении и радио фактически существует раскол; надо всеми средствами усилить нажим и «дожать» ситуацию во чтобы то ни стало: информационная блокада должна быть пробита любой ценой, регионы должны наконец получить полную правдивую информацию о решении Верховного Совета и президента. В противном случае НАДО ПРИНЯТЬ РЕШЕНИЕ О ПРЕКРАЩЕНИИ ВЕЩАНИЯ ИЗ ОСТАНКИНО И РЕАЛИЗОВАТЬ ЕГО ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ. Чисто технически прервать энергоснабжение вполне возможно — в самом худшем случае это решение продемонстрирует жесткость и решимость новой власти.

3. Верховному Совету и новому президенту (Т. е. Руцкому. — Авт.) — если сравнивать ситуацию с 19–21 августа 1991 года, РЕЗКО НЕ ХВАТАЕТ ДИНАМИЗМА. Решения затягиваются до бесконечности, применяется тактика пассивного выжидания в расчете на то, что противник рухнет первым. Но, так как противник извлек необходимые уроки из провала ГКЧП, он тоже применяет в настоящее время тактику выжидания в расчете, что первой рухнет как раз новая власть — тем более, что организационно она работает пока крайне неэффективно. НЕОБХОДИМО НАЙТИ СПОСОБЫ УСИЛЕНИЯ ПОЗИЦИИ — ИНАЧЕ НАС МОЖНО РАЗДАВИТЬ ВСЕ ЕЩЕ ОДНИМ БАТАЛЬОНОМ.

4. Необходимо всерьез думать об установлении жесткого контроля сторонников конституционного строя минимум над несколькими ключевыми регионами страны. Тогда при самом худшем варианте развития событий в Москве случившееся не будет катастрофой. Ключевая проблема — созыв съезда».

* * *

Сама эта бумага вполне годилась бы для музея, тем более что теперь содержала она лишь несбывшиеся надежды и становилась документом ушедшей в небытие политики. А значит, политики мало кому интересной. Но мое внимание остановила вот эта циничная в своей деловитости фраза умного и беспощадного человека: «Надо принять решение о прекращении вещания из Останкино и реализовать его любой ценой». Думаю, не он один «накручивал» Александра Руцкого, но и не сомневаюсь, что личный «вклад» этого аналитика в смуту никак не меньше, чем тот, что был у гранатометчика мятежников, первым выстрелившего в дверь телецентра. Если доведется им обоим прочесть эти слова, пусть вспомнят они убитого ими на пару в Останкино рядового Николая Ситникова да истерзанную горем его маму. Всех тех, кому предопределила судьбу эта подлая бумага, где и цели были прописаны детально, и оговорена точная плата: «Любой ценой...»

Хорошо, что нам удалось предугадать события. Потрепанные, побитые, но не утратившие боевой дух наши части уходили из города. Уходили, чтобы через самое короткое время вернуться в Москву — вооруженными, экипированными, на грозной броне боевых машин. Но пока, без оружия, они представляли из себя легкую добычу, и в этот сложный момент их вплоть до шоссе Энтузиастов сопровождали бойцы спецназа из отряда «Витязь» под командованием полковника Сергея Лысюка.

Генерал Романов, впервые сообщивший мне о том, что боевики Макашова рванули к телецентру, выводил в Балашиху именно ОМСДОН. Примерно в 16.05, зная, что на шоссе

Энтузиастов и Горьковском шоссе наши безоружные бойцы скорее всего уже находятся в безопасности, я дал команду Анатолию Александровичу: «Дальше давай самостоятельно. «Витязь» пусть разворачивается и напрямик в Останкино». Успели.

На проспекте Мира Лысюк догнал 11 большегрузных машин и автобусов с людьми, среди которых были и вооруженные автоматами: «Я их вижу... Что делать? Можно ли применить оружие?» Но такую возможность я даже не обсуждал, дав команду идти на обгон и организовать оборону телецентра. В воскресный день на столичном проспекте не могло быть и речи о боестолкновении. Могли пострадать невинные люди. К тому же еще оставалась надежда, что, увидев надежно охраняемый телецентр, Макашов откажется от его штурма. Все же генерал... Одно дело — бить безоружных милиционеров и солдат и совершенно другое — по-настоящему схватиться с боевым подразделением специального назначения, прошедшим Фергану, Баку, Ереван, Нагорный Карабах. Бойцы спецназа были надлежащим образом обучены и не дрогнули бы перед куда более грозным противником.

БТРы «Витязя», с ходу взломав ограждение, заняли первый студийный комплекс (АСК-1). Потом, когда в телецентр прибыл генерал Павел Голубец, мой заместитель, стало ясно, что объектом штурма скорее всего станет другой студийный комплекс (АСК-3), откуда ведется прямое теле вещание. Поэтому Павел с частью спецназовцев перешел по подземному переходу именно в эфирный корпус и подготовил круговую оборону.

500 человек, которых Макашов собирался бросить на штурм «Останкина», предварительно «разогревали» речи Виктора Анпилова и Ильи Константинова. Было у них оружие, включая гранатометы. Был и кураж, мешающий реалистично оценить истинное положение вещей. Не сомневаюсь, что главный расчет Макашова строился на применении массы безоружных людей, прикрываясь которыми в здание телецентра должны были ворваться боевики-чистильщики. Поэтому первым делом нападавшие стали сбиваться в толпу, блокировать дороги и останавливать троллейбусы, высаживая из них людей. Казалось, власть дрогнула: гуляющая молодежь, опьяненная первыми победами в районе Белого дома, редела от восторга и лупила отнятыми дубинками по отнятым щитам. На совести радикальных политиков их революционный задор, вот только военный человек Макашов не мог не понимать, что для полноценного штурма, когда разница в потерях между обороняющимися и атакующими составляет, как правило, один к трем, ему потребуется кинуть на алтарь этой сомнительной победы около пятисот жизней своих сторонников и более чем полторы сотни жизней военнослужащих и сотрудников МВД. Кажется, это и была та «любая цена», которую готовы были заплатить оппозиционеры за несколько минут прямого эфира.

То, что наши бойцы будут оборонять стратегический объект до последнего человека — уж в этом у него не должно было быть никаких сомнений.

Примерно в 18.30 к Макашову вышел командир взвода, начальник караула по охране телецентра и у дверей АСК-3 предупредил, что для охраны телецентра прибыл отряд специального назначения. Спецназовцы заняли оборону и будут выполнять приказ. «Поэтому я, — сказал старший лейтенант, — вас официально предупреждаю. Прошу увести людей и не предпринимать никаких мер для штурма. Если будет штурм, будет ответный огонь».

Макашов проигнорировал предупреждение. Более того, стал убеждать окружающих, что все внутренние войска уже перешли на сторону Белого дома, а тут засели «остатки».

Твердо знаю, не мог генерал Макашов не отдавать себе отчета — на что шел сам и гнал вперед своих людей. Тем не менее он дал команду проделывать проходы к АСК-3. Проходы пробивались тяжелыми грузовиками под прикрытием вооруженных людей. Видеооператор отряда «Витязь» снимал это с внутренней стороны. Когда впоследствии мы сопоставили его съемку с тем материалом, который отснял французский телеоператор, мы увидели все тех же людей с оружием в руках.

Мне по рации был слышен доклад командира отряда генералу Голубцу: «Вижу изготовившегося гранатометчика!» Генерал доложил об этом на командный пункт. В 19.10

оборвалась жизнь рядового Николая Ситникова, бойца отряда «Витязь», погибшего от гранатометного выстрела.

Свидетельства тех дней подробно описаны во множестве изданий. Но одно из них, опубликованное в газете «Московские новости» 10 октября 1993 года, очень живо передает обстановку, которая складывалась у стен телецентра: «...У здания «Останкино» собралось более 10 тысяч человек. В две шеренги выстроились баркашовцы — боевики Русского национального единства. По их осанке и оснащению видно — непрофессионалы. Но вооружены не только стрелковым оружием, но и гранатометами.

Несколько бутылок с горючей смесью полетели из толпы во входные двери телецентра. Внутри стал разгораться пожар. Прорезав толпу, два «Урала» (На самом деле, ЗИЛ-131. — Авт.) стали попеременно таранить стеклянный холл здания. Со звоном рушились стекла... Генерал Макашов, руководивший нападавшими на телецентр боевиками, обратился к защитникам «Останкино» с предложением сдаться без пролития крови. На принятие решения Макашов великодушно дал 15 минут.

Первая очередь — трассерами — прошла над головами атакующих. Люди, давя друг друга, отхлынули от здания. «Всем отойти от стекол!» — раздался громкий голос от дверей. Одетый в камуфляж спецназовец выскочил из здания телецентра, в одиночку пошел на толпу. Автомат он держал за ствол. «Вам что, обязательно все ломать нужно?» И толпа расступалась перед ним, образуя естественный коридор. Неспешно развернувшись, спецназовец так же спокойно вошел в здание. В задних рядах атакующих Анпилов гневно выговаривал оробевшим: «Что, увидели автомат и испугались? А вы как думали — они там без оружия сидят?»

Через несколько минут два оглушительных взрыва прогремели возле самых дверей, и сразу же с обеих сторон заговорили автоматы. Толпа в ужасе рванула в рощу. Многие спрятались за ближайшим гаражом».

Еще раз подчеркну: команда стрелять на поражение была дана только после того, как погиб наш товарищ — рядовой Николай Ситников. И, конечно, без промедления в район телецентра стали убывать на помощь другие подразделения внутренних войск. Уже в 23 часа Макашов доложил в Белом доме, что «Останкино» взять не удалось. И это после победных реляций... Поэтому и шок, испытанный организаторами смуты, был так велик, и остаток ночи — мы знаем — в Белом доме был похож на агонию.

* * *

Теперь инициатива уже находилась не в руках вооруженной оппозиции, а принадлежала нам. И вовсе не безоблачной казалась действительность.

Тут время вспомнить о том докладе генерала Анатолия Романова, когда он сообщил мне о якобы имевшем место предательстве командира Софринской бригады. Все это тем более важно, что факт предательства подтвердился, а сам Васильев, уволенный из внутренних войск, еще долго пытался ридиться в одежды «защитника закона» и человека, «пострадавшего за справедливость».

Можно было бы махнуть рукой: мало ли встречается на пути людей, которым можно дать короткую характеристику: «Склонен к измене»? Но в том и заключаются уроки октября 1993 года, чтобы внутренние войска не поддавались на заманчивую перспективу растить внутри своей системы политически удобных офицеров. Есть воинский долг, закон и приказ. Любой солдат, сержант, офицер должны руководствоваться только этими понятиями.

Васильев командовал в тот день своей бригадой — прославленной, боевой бригадой из подмосковного города Софрино. Именно в ней служил в свое время замполитом погибший в Нагорном Карабахе Олег Бабак, которому одному из последних в нашей стране было присвоено звание Героя Советского Союза.

В 14.30, когда мной была поставлена задача командующему войсками Московского округа ВВ МВД России подтянуть к Белому дому свободные резервы, это было сделано с

одной целью — не допустить кровопролития. В соответствии с указанием туда прибыли 150 человек во главе с полковником Васильевым. Он с подчиненными был в резерве в районе гостиницы «Мир»

Как потом мне объяснял сам Васильев, он обратился к Рущкому со словами: «Прошу не стрелять, я перехожу на вашу сторону», с одной лишь целью — вывести подчиненных, среди которых появились раненые, из-под губительного огня. С его слов получалось, что он хотел обмануть Рущкого и тем самым избежать потерь. И действительно ушел с частью безоружных военнослужащих в толпу у Белого дома.

Шедшие за ним офицеры и солдаты полагали, что идут на усиление войсковой цепочки ОМСДОНа, а те в свою очередь считали, как выяснилось потом, что софринцы идут к ним на подмогу. Вышло же наоборот: Васильев расцепил толпу, которая потом, соединившись, пошла на штурм гостиницы «Мир». Именно в тот момент, в 15.45, когда Васильев вел свое подразделение в сторону Белого дома, по его подразделению был открыт огонь и были ранены пять человек. Кто это сделал, выяснить так и не удалось.

Предательство Васильева на этом не закончилось. Дело в том, что еще до штурма «Останкино», около 18 часов, я лично разговаривал с ним по телефону. Васильев дал свои объяснения. Я же, не зная истины, поверил ему и спросил: «Ты способен дальше выполнять задачу, у тебя нет проблем?» Он однозначно ответил: «Товарищ командующий, я выполню любую задачу!»

Я ему сказал: «Сейчас к вам подъедет генерал Голубец. Возьми оружие для тех солдат, которые у «Останкино». Переходишь в его распоряжение для обороны телецентра». И опять ответ был однозначный: «Есть!»

Генерал Голубец поручил ему оборону АСК-1, а сам с отрядом «Витязь» перешел оборонять АСК-3. Васильев к «Останкино» прибыл с боеприпасами и с оружием для своих безоружных 180 человек, которые были ранее туда направлены.

Но, как только Голубец ушел в АСК-3, Васильев, бросив своих людей, которые так и пролежали под огнем — за парашетом, на нейтральной полосе, — спрятался с оружием и боеприпасами в двух километрах от телецентра. Да так, что в течение трех с половиной часов я не мог его отыскать. И лишь потом, когда стала очевидной бесславная попытка Макашова взять телецентр штурмом, Васильев объявился в эфире. Все, что я мог сказать после этого Васильеву в присутствии членов военного совета: «Вы заслуживаете трибунала...»

Его признания в трусости и обещания «смыть позор кровью» я отлично помню и ничего, кроме презрения, они у меня не вызывают. За политические метания и хитрость — что ж, такое случается — достаточно снять человека с бригады, уволить из войск, но все-таки хоть как-то уважать его за выраженную гражданскую позицию... Но каких слов может заслуживать командир, бросивший в бою своих солдат безоружными и беззащитными?..

Безусловно, мы провели тщательное расследование. Беседовали со всеми офицерами, прапорщиками, солдатами. Васильев со своим заместителем Енягиным стали взваливать вину друг на друга, что вызвало возмущение всех офицеров. Формально можно было Васильева и Енягина отдать под суд. Но, учитывая, что их действия не повлекли вредных последствий, мы ограничились их увольнением из внутренних войск.

* * *

На следующий день у Белого дома события развивались не менее драматично. В ночь с 3 на 4 сентября генерал Анатолий Шкирко (Тогда — заместитель командующего ВВ МВД РФ. — Авт.) был направлен в Министерство обороны для организации взаимодействия с армейскими частями. Утром, к сожалению, армейцы не сдержали слова и вышли не вовремя.

Так как во внутренних войсках МВД России нет ни танков, ни тяжелого вооружения, в бою на подступах к Белому дому перед войсками ставилась задача очистить прилегающую

территорию от вооруженных боевиков. В 6.30 колонна (в/ч внутренних войск, номер, 100 человек) прибыла на улицу Рочдельскую к фабрике «Трехгорная мануфактура», где перед ней была поставлена задача блокировать участок этой улицы до середины улицы Николаева в готовности к прочесыванию территории. В 7.15 войсковые наряды этого подразделения заняли исходное положение и сразу же были обстреляны с крыш близлежащих домов.

В 7.30 сводная рота другой части внутренних войск, разворачиваясь на Краснопресненской набережной, подверглась обстрелу из гранатометов и крупнокалиберных пулеметов, в результате чего два наших бронетранспортера были подбиты, двое наших военнослужащих были убиты, а шестеро — ранены. К сожалению, позже скончался в госпитале старший лейтенант Михайлов. Так что горькие итоги кровопролитного противостояния в октябре 1993 года стоили внутренним войскам шестерых погибших бойцов, около ста человек — ранеными и травмированными.

Сейчас трудно реконструировать ситуацию, но не исключаю, что огонь по нашим БТрам велся по ошибке «афганцами», которых «таманцы» посадили в свои бронетранспортеры. В надежде, что в бою от них будет больше толку, нежели от солдат срочной службы. Но их, возможно, не проинструктировали правильно.

Не исключаю, что в тревожной обстановке кто-то из них растерялся и принял БТРы внутренних войск за неожиданное подкрепление противника. К сожалению, в обстановке гражданской войны, войны, по сути братоубийственной и коварной, срабатывает страх неожиданной измены. Появляется неясность обстановки, отчего весь мир кажется враждебным, а значит — подлежащим профилактическому обстрелу. Военные психологи фиксировали подобное.

Горько, если нечто подобное произошло с экипажами наших бронетранспортеров, напоровшихся на кинжальный огонь...

Но это было вполне возможно. Задача на действия в районе Дома Советов ставилась войскам во второй половине ночи. Причем задействованы в ней были разнообразные части армии, ВВ и милиции, прибывшие из Подмосковья. Много в этой операции — я знаю — планировалось сходу. Много шивалось на живую нитку из-за страшного дефицита времени. Например, генерал Анатолий Шкирко был вообще заблокирован: целый день я не мог на него выйти по связи. И вместо Шкирко действиями внутренних войск 4 октября у Белого дома руководил генерал Анатолий Романов. Человек он точный и добросовестный. Уверен, что он сделал максимум возможного, чтобы минимизировать потери.

Однако это никак не умаляет мужества солдат и офицеров ВВ, которые выполнили свой долг до конца.

* * *

События, произошедшие в октябре 1993 года в Москве, обязательно — в зависимости от политической конъюнктуры — еще не раз будут оцениваться и политиками, и историками, и обществом.

Лично я всегда буду оценивать их с двух точек зрения: командующего внутренними войсками и позднее — министра внутренних дел. Речь не о чистоте совести, а об объективной оценке той ситуации и возможностей, которые очень разнят две эти высокие должности. В качестве командующего войсками ты просто следуешь в русле происходящих событий. В качестве министра — имеешь возможность влиять на них еще на той стадии, когда только появились причины для какого-либо противостояния.

Но именно опыт работы в должности министра внутренних дел позволяет мне сделать утверждение, что политический кризис, разразившийся в октябре 1993 года, вполне мог закончиться мирно и тихо. Так мирно и так тихо, что лишь очень немногие люди сегодня вспоминали бы о нем. Ведь похожая ситуация, сложившаяся в марте 1996 года, когда президентом было принято принципиальное решение о роспуске Государственной Думы и запрете коммунистической партии, — а это могло бы привести к более серьезным

последствиям, — разрешилась без стрельбы и крови. Без национального позора. Без братоубийства.

Мятежная территория

Почти весь 1993 год в Москве прошел под знаком противостояния ветвей власти. Это вовсе не означало, что жизнь на южных окраинах России была менее драматичной, нежели в центре. Но по понятным причинам именно события в Москве — трения и обиды политиков, закончившиеся кровопролитием простых россиян, — приковывали к себе внимание и политической элиты федерального уровня, и руководителей сколько-нибудь значительных средств массовой информации, и наших соседей за рубежом. На какое-то время знаковые фигуры отечественной политики заслонили собой все остальные дела, происходящие в государстве, и запомнились — кто царственной неуступчивостью, кто маниакальным властолюбием, а кто и дешевым авантюризмом.

Это и понятно. Слишком многое тогда решалось именно в Москве. Но если посмотреть реалистично, даже временная победа мятежников для Отечества могла означать только одно: раскол общества, чреватый братоубийственной гражданской войной. В этом у меня нет сомнений и сегодня. Я очень люблю свою Родину, но по поводу некоторых своих соотечественников никаких иллюзий не питаю: эти могут и резать, и вешать на фонарях, и жечь живьем, не боясь ни Божьего Суда, ни суда своих современников.

В этом нетрудно было убедиться: достаточно посмотреть на ожесточенные лица людей, штурмующих телецентр в Москве, либо получить свежую информацию из районов межэтнических столкновений, в том числе и из мятежной Чечни, где к 1993 году уже вполне окреп и организационно оформился абсолютно бандитский режим бывшего советского генерала Джохара Дудаева.

Наши возможности по работе внутри самой республики были ограничены — разведка внутренних войск появится только в 1994 году, — но ни сил, ни времени мы не жалели на то, чтобы по крупицам отслеживать общеполитическую ситуацию в Чечне, и особенно факты преступлений этого режима. Знали, что жизнь любого человека в республике не только не защищена цивилизованным законодательством, но зачастую зависит от прихоти полевых командиров, разделивших Ичкерия, словно феодалы, на доходные владения. Отдавали себе отчет, что под маховик массового террора в первую очередь попадают русские жители Чечни. Что кормится республика не столько делом своих рук, а больше — набегами и воровством. Идеологической основой для которых стала «борьба за независимость», ведущаяся на уничтожение, прежде всего с иноязычными соседями по лестничной площадке, по улице, по кварталу.

Очевидцы этого насилия рассказывали страшные вещи: тринадцатилетняя девочка — о том, как ее насильовали 15 чеченцев, преподаватель института — о том, как студент угрожал ему смертью за то, что он отказался принимать зачет у своего студента, проводники поездов — о зверствах налетчиков и грабежах проходящих через Чечню поездов. Убивали, чтобы вселиться в понравившуюся квартиру, чтобы забрать стариковскую пенсию, полученную накануне, убивали просто так... Ни за что, ни про что. Молодой чеченец на «Жигулях» насмерть сбивает на дороге русскую старуху, выходит из машины и пинком ноги спихивает человеческий труп в придорожную канаву...

Это не выдуманные, а реальные события, подтвержденные свидетельствами беженцев, которые все эти годы, пока в Чечне существовал бандитский режим, выходили из республики через наши контрольно-пропускные пункты в Северной Осетии и Ингушетии, в Ставропольском крае и в Калмыкии. Этот людской поток не иссякал: бывали дни, когда административную границу с Чечней только на одном из КПП пересекали по 30–40 семей. При этом чувствовалось, что давление на русских в республике усиливается с каждым часом. Первые вынужденные переселенцы еще имели возможность продавать дома, а вырученной за них суммы хватало хоть как-то устроиться в других регионах России. Но в 1993 и 1994 гг.

с ними уже не церемонились: цену за проданное жилье предлагали такую, что ее едва хватало, чтобы добраться до первого КПП. При этом на каждом километре чеченской дороги надо было буквально откупаться от бандитов и республиканских чиновников, которые мало чем отличались от банальных грабителей. В селах и казачьих станицах, некогда населенных преимущественно русскими людьми, теперь чаще всего встречались размашистые надписи на домах и заборах: «Продается», «Продается», «Продается»... Достаточно сказать, что средняя стоимость добротного дома вместе с землей и хозяйственными постройками равнялась в то время моей зарплате всего за один месяц. А это была весьма скромная зарплата, на которую не разгуляешься.

Так было не только в Чечне, но и в тех районах Ингушетии, где чеченские бандиты чувствовали себя как дома. В одну из таких старых казачьих станиц в Ингушетии — Вознесенскую — я прилетел на вертолете 10 августа 1993 года. В сельском совете мне быстро объяснили ситуацию: отток коренного казачьего населения в другие регионы России продолжается и напоминает бегство. Если в конце 80-х годов русских в станице насчитывалось 3421 человек, то в августе 1993 года их оставалось только 503.

Масштаб преступности в Чечне можно легко представить, сравнив сухие статистические данные по Чечне и по Ростовской области, находящейся также на Северном Кавказе. Если в Ростовской области с населением в 4,5 миллиона из каждых 100 тысяч человек погибают насильственной смертью в среднем 11 человек в год, то в Чечне, где в 1993 году проживали около 700 тысяч человек, из каждых 100 тысяч погибали от рук преступников уже 290 человек. То есть криминальные убийства в Чечне стали обычным делом: каждую неделю почти 40 человек находили свою смерть от бандитов без всякой надежды не только на справедливое возмездие, но даже на простое сочувствие. При этом никем не учитывались и не расследовались другие тяжкие преступления — грабежи, изнасилования и т. п. То есть официальные структуры Ичкерии начинали что-то предпринимать, если речь шла о преступлениях против этнических чеченцев, но почти всегда оставались безучастными, если пострадавшими были не мусульмане.

Если называть вещи своими именами, это была настоящая резня, которую сами дудаевцы гордо именовали национально-освободительным движением, подразумевая под этим, вероятно, подлинное освобождение людей от права на жизнь, на защиту, на человеческое достоинство... Чтобы придать этому респектабельность и вызвать симпатии за рубежом, тактика борений чеченцев с центром чем-то напоминала ту, что ранее была избрана и успешно реализована бывшими прибалтийскими республиками. Та же риторика о многолетней оккупации, те же апелляции к праву народов на самоопределение и дословно совпадающие воззвания и обращения. Как заметил в свое время один из политологов, в этих документах повторялись даже орфографические ошибки.

Понимая, что рано или поздно федеральная власть будет вынуждена принять решение о наведении порядка на территории Чечни, с весны 1993 года я старался вникнуть в суть происходящих в этой республике событий. Сам часто выезжал на границу, контролируя работу контрольно-пропускных пунктов. Беседовал с беженцами, много читал, стараясь понять причины, отчего ни политически, ни экономически не подкрепленные мечты генерал-майора Дудаева о независимости Ичкерии многими чеченцами принимаются за чистую монету. Ведь мои собственные суждения о чеченском народе были далеки от того, чтобы причислять всех под одну гребенку. Многих я знал. С уважением относился к традициям, отмечал личную отвагу, по-человечески был благодарен за гостеприимство. С иными чеченцами и вовсе был дружен еще с курсантских лет и искренне радовался их успешной службе.

Я не мог не верить беженцам. Понимал, что многие из них взвинчены, что обретенная свобода дает им возможность высказывать не только реальные факты, но слухи и страхи, копившиеся в них годами. Но разве можно было спокойно слушать рассказы измученных насилием детей, обворованных стариков, отчаявшихся мужчин, которые не могли защитить собственные семьи?... Разве могли лгать эти люди, в глазах которых не читалось ничего,

кроме ужаса?..

Есть в психологии очень точный термин «смерть души». По-другому и нельзя описать состояние человека, когда о гибели близких, об испытанном сексуальном насилии, о своем собственном расстреле он говорит отстраненно, без всяких видимых эмоций. С точностью и бесстрастностью патологоанатома фиксируя мельчайшие детали пережитого потрясения, как если бы они происходили не с ним, а с другим человеком. Для него мало что значит твое сочувствие: его душа вытоптана, растерзана, выжжена... Вот это нельзя имитировать. Вот это может пробить любого, особенно если твоя собеседница — тринадцатилетняя девочка, которой со всем этим придется прожить всю свою оставшуюся жизнь.

Все это было, бесспорно, правдивым документом времени, и делом чести стало для командования внутренних войск МВД России донести до российского общества трагедию этих забытых людей. Тем более, что многие средства массовой информации по разным причинам тогда утратили интерес к теме униженных и растоптанных соотечественников. Поэтому на административную границу с Чечней я послал оператора нашей войсковой киностудии «Витязь» Валерия Жовтобрюха, отважного и талантливого человека, наказав ему снять беспристрастный документ — дословную запись рассказов людей, выходящих из республики.

Вскоре на моем рабочем столе появились видеокассеты: девять долгих часов, где день за днем описывались человеческие беды и пережитые унижения. Из этих часов мы сложили предельно сжатый, получасовой видеофильм, отдав предпочтение тем интервью, которые наиболее полно характеризовали обыденную и в тоже время страшную для людей жизнь в мятежной Чечне.

Этот ролик я сразу же показал министру внутренних дел Виктору Федоровичу Ерину, руководителю администрации президента Сергею Александровичу Филатову, руководителю российской контрразведки Сергею Вадимовичу Степашину и вице-премьеру Сергею Михайловичу Шахраю, в то время возглавлявшему Министерство по делам национальностей. Просил об одном: надо сделать так, чтобы этот фильм обязательно был показан по одному из основных телеканалов. У меня и в мыслях не было, что столь влиятельные политики не найдут возможности показать этот фильм всей стране. Одно дело, если пороги телекомпаний обивает командующий ВВ, и совершенно другое — если руководитель администрации президента высказывает пожелание, чтобы государственная телекомпания не только показала фильм, но и выстроила свою информационную политику так, чтобы рассказать людям всю правду о человеческой беде и об истинных виновниках этой трагедии.

И тогда, и потом я не раз буду задавать себе вопрос: в чем же, собственно, заключается причина того, что мои собеседники, как заговоренные, утрачивали интерес к этой теме уже на следующий день после просмотра фильма. Поначалу их реакция была совершенно естественной: «Конечно, это нужно показать людям!..» Но уже нерешительность чувствовалась в их голосе, когда я настаивал применить рычаги, имеющиеся у власти, и добиться того, чтобы фильм дошел до людей. Сколько ни просил, почему-то именно это никак не удавалось сделать.

И сегодня я не склонен бросать этим людям тягчайшие обвинения в саботаже и непрофессионализме. Это не так: каждый из них был пользователем очень конфиденциальной и объективной информации, каждый — искренним противником насилия и беззакония. Скорее, мои решительные действия оценивались ими как несвоевременные. Думаю, все помыслы высоких государственных чиновников в то время были прикованы к политическому противостоянию в столице. На этом фоне все другие проблемы казались второстепенными. Ясно, что никому не хотелось ворошить это осиное гнездо: еще неизвестно, заслужишь ли похвалу, а вот по шапке получить можно было запросто.

В общем, чувствовалось, что многие «сильные» люди страны в 1993 году просто недооценивали серьезность положения в Чечне или делали вид, что не считают его настолько опасным, чтобы вести речь о наведении порядка на всей территории этой

северокавказской республики.

Еще срабатывали старые советские привычки: дескать, достаточно нам только продемонстрировать силу, чтобы Д. Дудаев и его окружение пошли на попятную. Еще была надежда на антидудаевскую оппозицию, контролировавшую некоторые населенные пункты в республике. И смешными на этом фоне тогда казались слова этого бывшего советского генерала, что Чечня в случае ввода войск нам обойдется большей кровью, чем обошелся Афганистан...

* * *

Я хорошо помнил, как это все начиналось в 1991 году. И эту гордую осанку самого Джохара Дудаева, и высокомерный взгляд, и эти его, намеренно копирующие Саддама Хусейна, жесты рук, которые, по мнению их владельца, должны были придать особый вес словам, произносимым безапелляционным, отвергающим любые сомнения тоном: «Мы это все уничтожим... Мы это все уберем... Этого мы не допустим...» В большей степени это была игра на окружение, чтобы и сомнений не оставалось в том, что именно Джохар Мусаевич является твердым, уверенным в себе национальным лидером, который может себе позволить роскошь разговаривать с серьезными представителями федеральных структур в ультимативном тоне.

Не все обстоятельства, приведшие к власти Джохара Дудаева, мне известны, но наше с ним общение на официальном уровне, дважды состоявшееся в 1991 году, не раз наводило меня на мысль, что новый руководитель Чечни далек от реальности и не конструктивен в принципе. Невозможно было поверить в то, что еще совсем недавно Родина доверяла ему командование целой авиадивизией тяжелых бомбардировщиков. Делать выводы стоило, еще когда действующий генерал-майор Джохар Дудаев написал письмо министру обороны СССР маршалу Д. Т. Язову, в котором совершенно серьезно просил Дмитрия Тимофеевича сформировать чеченские вооруженные силы и выделить им технику и оружие. Маршал продиктовал исчерпывающий ответ. В нем искреннее недоумение министра: «Вы же — советский генерал... Вы что, не понимаете?..»

Один из знакомых мне по Академии Генштаба офицеров, который хорошо знал Дудаева в его бытность курсантом Тамбовского летного училища, а потом — по совместной службе и офицерскому общежитию, так рассказывал мне о нем: «Ты знаешь, он всегда был одержим идеей особой чистоты своей нации. Все время цитировал некоего Зелимхана. И более того, совершенно серьезно убеждал нас в том, что, если бы посчастливилось чеченцам жить на отдельном острове и при этом полностью исключить контакты с внешним миром, они смогли бы стать образцовым народом планеты, абсолютно чистой нацией...»

Думаю, что те люди, которые относились к идеям молодого лейтенанта Д. Дудаева с добродушной товарищеской усмешкой, и предположить не могли, какой кровью обернутся впоследствии вот такие идеи.

Конечно, это был честолюбивый и по-своему одаренный человек. Самоучка в политике, он знал, что отсутствие опыта на этом поприще легко компенсируется генеральским авторитетом, высокими наградами и боевым опытом, что немаловажно на Кавказе. А также уникальностью его собственной судьбы, позволившей, вопреки репрессиям по отношению к его народу, выучиться и состояться на службе. Военных вождей такого калибра в бурлящей Чечне еще не было. Для того, чтобы вождь был востребован временем, идеальной казалась такая ситуация, когда вся республика превращалась в военный лагерь и начинала поиск командира, которому можно было бы подчиниться, не ущемив собственное самолюбие. Священное слово «генерал» как нельзя лучше подходило для этих целей. Во-первых, оно избавляло от конкурентной борьбы, во-вторых, звучало в кавказской среде куда убедительнее, чем звания «политик», «хозяйственник», «гуманитарий», в-третьих, вызывало у чеченцев справедливое чувство гордости за соплеменника, сумевшего дослужиться до комдива.

Таковы особенности характера чеченского народа, для которого вопрос лидерства имеет очень большое значение. Чуть позже, в апреле 1993 года, когда в Моздоке я встретился с руководителем признанной в Москве антидудаевской оппозиции Автурхановым, я у него поинтересовался, а кого, собственно, видит он национальным лидером в противовес Дудаеву? Хотелось понять, каков должен быть человек, чтобы он психологически был воспринят самим чеченским народом. Чтобы его деловые и человеческие качества отвечали и существующим традициям, и самым потаенным мечтам. Весьма схематичный портрет такого будущего лидера был нужен мне, чтобы под него скорректировать действия отдельных специалистов, которые уже помогали оппозиции, и всех внутренних войск — на тот случай, если бы было принято решение действовать более масштабно.

Интересной мне показалась реакция Автурханова на мой вопрос. Вначале он выдержал довольно длительную паузу, секунд 15–20, отчего я чуть было не подумал, что он не понял смысл моего вопроса. Но он отлично понял и ответил мне искренне, заставив еще не раз впоследствии вспоминать эти слова. «Понимаете, — ответил он, внимательно взглянув мне в глаза, — каждый чеченец видит себя первым лицом!..»

Вот эта особенность — «каждый чеченец видит себя первым лицом» — учитывалась мной не раз и позволяла объективно взглянуть на многие процессы, которые касались персоналий чеченской политики: и сепаратистов, и борцов с сепаратизмом, и «независимых» искателей приключений.

Этот фактор действует и сегодня, определяя лицо новой чеченской администрации: все раздраи и примирения, видимые и тайные поступки, пристрастия и неприятия...

Но следует помнить, что чеченцы очень умело скрывают эту истинную страсть своей души. Тот же Басаев не раз говорил мне во время переговоров, дескать, есть у него начальник штаба — генерал Масхадов, решения которого он, Басаев, считает для себя обязательными. При этом странные огоньки метались в его глазах, позволяя сделать правильный вывод: это игра на публику... Никогда Басаев не считал себя менее достойным власти, нежели Масхадов или Яндарбиев. А потому, формально подчиняясь, действовал и будет действовать по собственному усмотрению.

Вторжение чеченских боевиков в Дагестан — весьма убедительное доказательство тому, что чеченский характер не приемлет вторых ролей и всегда находится в поиске ситуации, которая бы вытолкнула его наверх.

* * *

Впрочем, я не склонен был демонизировать Дудаева, когда впервые увидел его воочию во время его переговоров с Руцким в Грозном в начале октября 1991 года. В главе, которая касалась событий 1991 года и моего пребывания в должности начальника Управления ВВ по Северному Кавказу и Закавказью, я намеренно пропустил тот период, чтобы не наслоились друг на друга и не перепутались в голове читателя многочисленные эпизоды и даже эпохи истории Чечни, уместившиеся в последнее десятилетие XX века.

На самом деле то, что происходило в Чечне на заре сепаратистского движения — в 1990 году, — никак не ассоциировалось с именем Джохара Дудаева. Ведь это не он, а Первый национальный чеченский съезд, проходивший в конце ноября 1990 года принял решение об образовании независимого чеченского государства. Не он, а четвертая сессия Верховного Совета Чечено-Ингушетии инициировала тогда же принятие декларации о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики. И это небезызвестные Зелимхан Яндарбиев и Яраги Мамодаев — лидеры шовинистического крыла в Общенациональном конгрессе чеченского народа (ОКЧН), а вовсе не Дудаев — выдвинули лозунги полной независимости от России и создания исламского государства.

Именно тогда на политической сцене Чечни появился Джохар Дудаев, первое время умудрявшийся совмещать службу в Советской Армии и активную работу в

националистической организации: с ноября 1990 года он входил в состав исполкома ОКЧН и готов был удовлетвориться постом заместителя председателя Комитета государственной безопасности Чечено-Ингушетии. Но, будучи фигурой харизматической, быстро вышел в лидеры. Сильными аргументами, конечно, являлись его генеральские погоны и военная подготовка.

Немаловажно было и то, что Д. Дудаев до переезда в Грозный был начальником Тартусского военного гарнизона в Эстонии и, надышавшись повстанческим воздухом Прибалтики, уже знал и умело применял на практике тактические ходы, отработанные в борьбе за независимость Латвии, Литвы и Эстонии. Я уже писал, что документы прибалтийских политических движений копировались дословно, включая орфографические ошибки. А в иных, которые было лень или некогда перепечатывать, вместо слов «Эстония» или «Латвия» наскоро ставился штамп «Чеченская Республика». То есть колыбель была своя — кавказская, но колыбельные песни были напеты в другом месте.

Именно этим объясняется та моральная, техническая и финансовая помощь, которую оказывали «независимой Чечне» в первую очередь именно страны Балтии. Этим объясняется то, что в этих республиках не забыли Дудаева и после смерти, назвав в честь террориста-организатора, на котором лежала ответственность за убийство женщин и детей в больнице города Буденновска, улицы и парки в своих городах. Нисколько не сомневаюсь в том, что рано или поздно они будут переименованы, потому что первоначальные решения были предприняты вовсе не для того, чтобы увековечить имя по-настоящему достойного человека, но лишь затем, чтобы уязвить бывшую метрополию.

Несомненной личной заслугой Д. Дудаева является то, что он очень чутко чувствовал время. Появление в августе 1991 года нелегитимного ГКЧП, которое в истории России сразу же было названо путчем, националистами Чечни было использовано очень прагматично. Вначале сам путч укрепил их в мысли о том, что необходимо использовать временную слабость России: и паралич власти, и праздничный восторг новой политической элиты по поводу победы. Во всяком случае этого было достаточно, чтобы начать так называемую «чеченскую революцию», целью которой было смещение с постов тех руководителей ЧИР, позиция которых не совпадала с позицией лидеров ОКЧН и которых теперь было легче легкого обвинить в «проведении политики, противоречащей курсу президента Российской Федерации на демократию и реформы». Именно с такой формулировкой «загремели» со своих постов председатель Верховного Совета ЧИР Доку Завгаев, бывший первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС, и члены его команды. Примечательно, что снимать Завгаева лично приехал Руслан Хасбулатов, весьма влиятельный и даже популярный после августовских событий в Москве.

Конечно, в Чечне Руслан Имранович решал свои проблемы, не предполагая, что его политической наивностью очень решительно воспользуются те люди, которые на первый взгляд радеют в Грозном об интересах России и ее первого президента... После того как на Завгаеве было окончательно поставлено клеймо партократа и сторонника путчистов, политическая инициатива тут же перешла к ОКЧН. В столице республики начались хорошо организованные «бессрочные» митинги на центральной площади с горячим питанием, денежным вознаграждением для участников и требованиями самороспуска Верховного Совета ЧИР, который, хоть с Завгаевым, хоть без Завгаева, оставался легитимным органом власти.

Для того, чтобы митингующих не смела милиция или внутренние войска, центральная площадь была окружена автобусами, которые были намертво приварены друг к другу электросваркой и теперь напоминали ограждение походного военного лагеря, некогда делавшегося из повозок. В любую минуту из толпы могли раздаться выстрелы, так как все эти дни усиленно наращивались и готовились к бою вооруженные формирования ОКЧН.

3 сентября 1991 года Джохар Дудаев и член руководства Вайнахской демократической партии Юсуп Сосланбеков объявили о низложении Верховного Совета Чечено-Ингушской Республики. Дудаев сделал заявление, что всю власть в республике он берет на себя, призвал

к роспуску существующих структур и обвинил Россию в проведении колониальной политики в отношении Чечни. В тот же день вооруженные боевики заняли ряд правительственных зданий, грозненский телецентр и Дом радио. 6 сентября «национальные гвардейцы» Дудаева взяли штурмом помещение, где шло заседание Верховного Совета ЧИР. Более 40 депутатов парламента были жестоко избиты, а председатель горсовета города Грозный Виталий Куценко был выброшен из окна и погиб.

Следующий ход сепаратистов по захвату власти в республике был также сделан с согласия и одобрения руководства Верховного Совета РСФСР: из группы депутатов Верховного Совета ЧИР и представителей ОКЧН был образован некий Временный высший совет (ВВС). Верховный Совет России признал его в качестве высшего органа власти республики. Как выяснилось позднее, это был один из самых опрометчивых шагов, допущенных федеральной властью. Используя ВВС для расчленения Чечено-Ингушетии с целью незаконного вывода Чечни из состава России, исполком ОКЧН уже три недели спустя принял решение о роспуске ВВС и взял на себя всю полноту власти.

10 сентября 1991 года в Грозный тушить пожар мятежа во главе делегации прилетел государственный секретарь при президенте Российской Федерации Геннадий Бурбулис. Официальной целью было объявлено «согласование комплекса мер по стабилизации обстановки в Чечне». Однако все попытки Бурбулиса достичь компромисса между исполкомом ОКЧН и Верховным Советом ЧИР закончились безрезультатно. Следующую попытку договориться миром по заданию Бориса Ельцина предпринял вице-президент Александр Руцкой, вызвавший меня 6 октября 1991 года для доклада в особняк на улице Чехова в Грозном.

Получив известие о просьбе Руцкого от командира 506-го полка внутренних войск подполковника Михаила Шепилова, я сразу же отправился на встречу, но получилось так, что к особняку я подъехал буквально на хвосте машины Дудаева, который направлялся туда же для переговоров с Руцким. Поэтому пришлось часа два дожидаться их окончания, а когда я наконец зашел к вице-президенту, он еще находился под впечатлением этой встречи. Рассказал, не скрывая, что была она бурной и нервной и не раз вскакивал со своего места Дудаев. И сам Александр, человек импульсивный и по-военному прямолинейный, не очень, по его собственному признанию, выбирал выражения и даже пригрозил Дудаеву «поднять штурмовики»...

Кое о чем все-таки вроде удалось договориться: по словам Руцкого, ему было твердо обещано, что наши военные городки, как и другие объекты, захватывать не будут. Честно говоря, я мало верил в правдивость таких посулов. И не потому, что лично не доверял Дудаеву: контролировать эту истерию ненависти к федеральному центру уже не могли ни он, ни кто-либо другой. Чеченский остров, рожденный мечтами Дудаева, не только приобретал на наших глазах четкую береговую черту, но и выказывал неуживчивый характер его тогдашних обитателей...

* * *

Все, что теперь происходило в Чечне, напрямую касалось внутренних войск и моего Управления ВВ по Северному Кавказу и Закавказью. Поэтому я и находился в Грозном. В то же время моим долгом было обсудить с Руцким принципиально новую ситуацию в Закавказье: почувствовавшие реальную независимость, Армения и Азербайджан бились за Нагорный Карабах и на всем протяжении общей границы. Это была уже полномасштабная война, а не межнациональный конфликт. Со своими вооруженными силами, с промышленностью, работающей на фронт, со своим общественным мнением, которое формировалось на основе сложившихся реалий национальной независимости, национальных интересов и национальной идеи этих закавказских государств. Российские войска, продолжавшие миротворчество в Нагорном Карабахе, воспринимались уже как иностранные, а значит — чужие. Они воспринимались как досадная преграда, которую нужно преодолеть,

чтобы подобраться к горлу врага. Очень скоро в благодарность за все мы получили неприкрытую ненависть, обвинения в пристрастности и как следствие — выстрелы в спину.

Командование внутренних войск в Москве словно не понимало, что ситуация резко изменилась. Я высказывал свое мнение, что войска нужно выводить полностью, а мне в ответ сообщали, чтобы я был готов к приему и размещению Нижегородского полка...

Об этом я сказал Руцкому. О том, что сейчас наших военнослужащих убивают и армянские, и азербайджанские боевики. Вот сегодняшняя сводка: в Степанакерте убиты старший лейтенант и два солдата... За что? Почти каждые сутки мы несем такие потери. На вопрос вице-президента: «Какие у тебя есть просьбы?», — ответил прямо: «Александр Владимирович, я тебя как одноклассника прошу — помоги вывести оттуда войска. Ничего, кроме кровопролития, там уже не будет, и никому мы там не нужны. Ради чего каждый день мне приходится отправлять гробы по всей России?..»

Руцкой меня понял, идею одобрил: «Я с тобой согласен. Дай мне телеграмму, чтобы у меня было основание для действия». На мое замечание, что такая телеграмма моим командованием будет воспринята как никем не санкционированное обращение мало кому известного генерал-майора ко второму лицу в российском государстве. За такой «подвиг» мне обязательно оторвут голову. Тогда Руцкой предложил отправить ее по «Истоку» — системе закрытой телеграфной связи, которой пользовалось правительство и которая не имела отношения к нашему ведомству. И еще раз подчеркнул: «Анатолий, мне нужно основание, а им может быть только твоя телеграмма».

Для моего командования не стало секретом, что такая телеграмма ушла Руцкому по «Истоку»: ведь на нее последовала жесткая реакция вице-президента. К тому времени и Верховным Советом России уже был принят закон, запрещающий российским военнослужащим выполнять боевые задачи за пределами российской территории. Теперь получалось, что мое командование игнорировало закон, а это было чревато уголовным преследованием тех генералов, которые посылали в Нагорный Карабах все новые и новые силы. Теперь получалось, что через голову своего руководства генерал-майор Куликов действительно отправил второму по значимости лицу в России совершенно убийственный компромат, и он тянул на то, чтобы вызвать у командующего чувство справедливого негодования.

В этой ситуации сами причины, вынудившие меня обратиться к Руцкому напрямую, уже не считались убедительными. Значение имел только очевидный факт нарушения субординации, за который, впрочем, и наказывать меня было страшновато. В конце концов не придумали ничего лучше, как упразднить Управление ВВ на Северном Кавказе и Закавказье, чтобы юридически перестала существовать должность его начальника, а он сам оказался без места и без надежд на будущее. Вот истинная причина моего 152-дневного отпуска в 1992 году. Вот цена — целое управление — которая была заплачена, чтобы выбить из строя одного лишь меня.

Но 6 октября 1991 года я не задумывался о последствиях. Был рад, что Руцкой поддержал мою позицию и появилась надежда, что ВВ наконец уйдут из Армении и Азербайджана. Уже была другая забота — мятежная Чечня, где, помимо учебной дивизии Министерства обороны генерал-майора Петра Соколова, были и две наши части: полк Михаила Шепилова — в Грозном и отдельный специальный моторизованный батальон Сергея Демиденко — в Черноречье. Все они уже в полной мере чувствовали возрастающее давление со стороны чеченских сепаратистов: были попытки захвата оружия, блокирование военных городков, какие-то люди ежедневно рисовали мелками и краской кресты на дверях квартир, где проживали семьи офицеров и прапорщиков. Мы и ответить не могли как следует, опасаясь что это может сказаться именно на семьях военнослужащих, а рассчитывать на братскую помощь чеченских милиционеров тоже не приходилось: все МВД республики было поглощено борением за руководящие должности. Причем два основных претендента на пост министра — Алсултанов и Даудов, которые, меняя друг друга через день в кабинете министра, каждый раз начинали работу с того, что вышвыривали оттуда

вещи предшественника.

В начале октября мне на ум пришла идея вывести из Чечни мобилизационный запас оружия. Вспомнилась Армения и почерк ее боевиков: первым делом захватывать склады. Оружия на наших складах неприкосновенного запаса, рассчитанных на случай вероятной войны, было немного: гранатометы, около 1200 автоматов и пулеметов. Я отправил соответствующую телеграмму в главк и даже успел подогнать полтора десятка грузовых машин из Новочеркасска, чтобы переправить это оружие от греха подальше, в одно из соединений на территории Ростовской области.

Вот только реакция командующего ВВ была неожиданной. Вроде бы обвинял он меня и в трусости, и в том, что я занят не делом, а ерундой. Но все это не прямо, а исподволь: мол, своими действиями я срываю мобилизационные задания. Это меня возмутило: о каких, к черту, мобилизационных заданиях сейчас может идти речь, когда существует реальная опасность разграбления оружия бесчинствующей толпой. Спрашивается, легко ли защитить склад, если штурмовать его будут боевики, прикрываясь женщинами и детьми, которые, впрочем, охотно им в этом помогут? Оружие для любого чеченца — символ независимости и мужества. Я уже чувствую: на наши и тем более на армейские запасы техники и оружия уже давно положен чей-то внимательный взгляд... Не пройдет и месяца, как оправдаются худшие мои предположения. А пока Саввин мне приказывает: «Отмените погрузку оружия!» Я — человек военный и отвечаю: «Есть!» Вот только жизни простых офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат мне дороже, чем формальная покорность. Чуть позже я прилечу в Грозный на вертолете и успею вынуть затворы из тех автоматов, которые оставались в конвойном полку и в МВД республики.

Мы сняли их в одну ночь. Сложив затворы в вещмешки, благополучно довели до Ростова и сдали на склад, где и по сей день, вероятно, лежат они, удивляя новое поколение вооруженцев. Отзвуки этой истории дошли до меня уже в 1995 году, во время наших переговоров с чеченцами. Один из собеседников пожаловался: «Досталось оружие, но, к сожалению, оно не стреляло». Рассказал: потратили много времени, чтобы найти запасные затворы. Вот только усилия оказались напрасными: каждый затвор подгоняется к автомату индивидуально, и даже в случае удачной замены такое оружие не может считаться надежным.

Конечно, не так велико количество автоматов — около двух тысяч, — которые нам удалось привести в негодность, и эти затворы не сыграют впоследствии существенную роль в нашем противоборстве с боевиками. Но важно другое: все, что могли, мы, одернутые категорическим приказом, все-таки сделали. Я рад, что именно эти автоматы сегодня не направлены в нашу сторону ни в Чечне, ни где-то еще. Вот из них уже никто не будет убит.

Другое дело — армия. При мне комдив Соколов докладывал Александру Руцкому, что в дивизии в тот период находились 53 тысячи единиц только стрелкового оружия. И большинство — тоже на складах неприкосновенного запаса. И тоже — в соответствии с мобилизационным заданием... С каким упорством иногда мы отстаиваем мертвые схемы вместо того, чтобы гибко и оперативно реагировать в соответствии с требованиями времени. Можем жизнь положить, чтобы под открытым небом и на снегу построить за пару месяцев завод по производству боевых самолетов, а можем — годовой результат работы десяти авиазаводов беспечно подставить под удар на базовых аэродромах, даже если нам известен и день, и час нападения на страну.

* * *

Уже через день после моей встречи с Руцким обстановка в Чечне качественно изменилась: в ответ на принятие 8 октября Президиумом Верховного Совета РСФСР постановления «О политической ситуации в Чечно-Ингушской Республике», ОКЧН на следующий день объявил мобилизацию всех лиц мужского пола от 15 до 55 лет. Была приведена в боевую готовность национальная гвардия, принято постановление, содержащее

призыв к вооруженному захвату власти в республике, вплоть до военной конфронтации с федеральным центром. Исполком ОКЧН это постановление Президиума ВС РСФСР расценил как вмешательство во внутренние дела Чечни.

Как это всегда бывает в таких случаях, быстрее всех ситуацию оценили находящиеся под стражей уголовники. Для них любой мятеж, бунт, волнения — редкий шанс вырваться на волю. Поэтому, когда 9 октября по республиканскому радио был оглашен текст постановления Верховного Совета России, в следственном изоляторе города Грозного мгновенно начались беспорядки.

Почти семьсот арестованных около шести часов вечера начали взламывать двери камер, и вскоре весь СИЗО изнутри уже контролировался ими. Часть помещений была подожжена. Со стороны города также была предпринята попытка прийти заключенным на помощь. Одни чеченцы взломали наружную стену изолятора, другие — преградили путь силам МВД, вызванным на подмогу. Уже и охрана была вынуждена открыть огонь: один из путившихся в бега был застрелен, остальные повернули назад. Так что обитатели камер все еще формально оставались под стражей, вот только сама стража не рискнула водворить бунтарей на место и избрала как наиболее подходящую тактику мирного сосуществования с арестантами: внутри СИЗО хозяйничали уголовники, в то время как охрана, удерживающая в своих руках внешние стены и часть административных зданий, не давала им прорваться оттуда в город.

Чуть позже, когда дело дойдет до разгрома остальных пенитенциарных учреждений, боевики и заключенные будут действовать очень согласованно и решительно: проходы через ограждения и посты будут пробиваться одновременно и с внутренней, и с внешней стороны при вооруженной поддержке чеченцев. Так случилось в разбежавшейся исправительной колонии, которая располагалась в станице Наурской и где в момент штурма находился полковник Иван Чучин — офицер оперативного отдела Управления ВВ по Северному Кавказу и Закавказью. Оценив ситуацию, он сразу же мне доложил: «Товарищ генерал, я ничего не могу сделать! Если открыть огонь, это равносильно гибели наших военнослужащих...» Вместе приняли трудное решение: огня не открывать, считать главной задачей сохранение жизней наших солдат и офицеров.

Это был единственно приемлемый выход. Во всяком случае мы не спровоцировали нападения боевиков на наше подразделение, которое той же ночью с оружием в руках, на своей технике вышло по бурунам на территорию Ставропольского края.

Все это будет потом, когда драматургия чеченского мятежа уже не оставит нам выбора: мы будем отступать, сохраняя в этом отступлении и жизни наших товарищей и — насколько это было возможно — наше оружие.

А в октябре, через день после того, как был захвачен следственный изолятор, в моем кабинете в Ростове-на-Дону раздался телефонный звонок. Это был министр внутренних дел РСФСР генерал Андрей Федорович Дунаев, жестко потребовавший от меня взять под охрану злополучный грозненский СИЗО. Надо сказать, что наличие в Москве сразу двух министерств внутренних дел — российского (во главе с Дунаевым) и союзного (во главе с Баранниковым) — привносило в нашу жизнь неразбериху и сумятицу. Нечто похожее переживали все силовые структуры, вынужденные мириться с тем, что поступающие из центра команды иногда противоречили друг другу.

Вот и сейчас, выслушав наказания Дунаева по телефону, я оказался в странной ситуации. С одной стороны, внутренние войска пока оставались в союзном подчинении, то есть приказом для меня являлись решения генерала Баранникова и моего командующего. С другой стороны, я не мог игнорировать мнение российского министра, тем более что в этой тревожной ситуации только глупец стал бы рядиться о том, кто из начальников для него главнее.

Требовательный тон Дунаева я пропустил мимо ушей, заметив, что сам следственный изолятор брать под охрану не имеет смысла — это только спровоцирует боевиков на крайние меры. Другое дело, если иметь под рукой резервную группу внутренних войск, которая

могла бы огнем поддержать караул в случае нападения. Ее я готов был выделить немедленно, как, впрочем, и специалистов со служебными собаками. Это все, что я мог сделать в этой ситуации. Дунаев согласился со мной, и я опять полетел в Грозный.

В кабинете начальника грозненского СИЗО, кроме подполковника внутренней службы Казбека Махашева, который через несколько лет в правительстве Аслана Масхадова станет министром внутренних дел, я обнаружил еще несколько унылых, подавленных произошедшими событиями офицеров. Было ясно: они плохо представляют, что делается сейчас на захваченной территории изолятора, и еще меньше — как им вести себя в ситуации, когда власть в республике уже не контролируется центром, а симпатии чеченского народа — теперь, скорее, на стороне арестантов, а не на стороне их охранников.

Это смятение в душах я почувствовал сразу, как только выслушал доклад Махашева, из которого следовало, что внутри изолятора разгромлены и сожжены все жилые помещения, а настроения уголовников таковы, что с минуты на минуту следует ждать нападения. Панические нотки доклада свидетельствовали о том, что подполковник Махашев ситуацию, сложившуюся на подведомственной ему территории, знал слабо и был растерян по-настоящему. Поэтому я сразу же задал ему уточняющий вопрос: «Кто-нибудь внутри изолятора заходил? Кто-нибудь может подтвердить, что ваши сведения достоверны?» Получил ответ: «Никто туда не ходил — это очень опасно». «Ну хорошо, — спрашиваю я опять, — там наверняка есть свой лидер. Кто он? Можно ли мне с ним поговорить?» «Есть такой, — отвечают. — Звать Русланом Лабазановым. Убийца. Внутри изолятора пользуется непререкаемым авторитетом. Сейчас вызовем».

И вскоре действительно появился этот Руслан — спортивного сложения парень в черной телогрейке. Я поздоровался с ним за руку, объяснил, кто такой, и поинтересовался: «Если мы сейчас вместе с вами зайдем на территорию, которая контролируется осужденными и подследственными, можете ли вы ручаться, что с их стороны будет проявлена выдержка?» Лабазанов меня заверил: «Конечно, даже и не сомневайтесь. И поймут правильно, и ничуть это не опасно»... Двинулись. По всему было видно, что бунтари наладили автономную жизнь и она им не в тягость. Женщины-подследственные стирали белье и готовили пищу, мужчины, пользуясь свободой передвижения, перетекали из камеры в камеру, то есть изо всех сил имитировали вольную жизнь. Разрушения от пожара были куда скромнее, как первоначально следовало из доклада Махашева. Сгорели медпункт, библиотека и одна из камер. Все остальное содержалось в порядке.

Тогда же у меня с Лабазановым состоялся откровенный разговор. Я высказал ему удовлетворение, что удалось избежать более масштабных разрушений и поджогов. Что следует поддерживать порядок среди бунтарей, так как попытка любого прорыва на волю будут пресечена огнем охраны, а в таком исходе никто не заинтересован — ни мы, ни сами арестанты. Что лучшим выходом из положения, на мой взгляд, является тот, который бы позволил администрации СИЗО вернуться к нормальной работе, а арестантам — в свои камеры. Ничего иного высший офицер МВД просто не в состоянии предложить. Другое дело, что он нормальным человеческим языком предлагает решить проблему без крови и насилия.

Лабазанов, кажется, это оценил.

Попросил только, чтобы несколько его людей, подобно существовавшим в то время членам секции профилактики правонарушений, могли пользоваться относительной свободой ради поддержания порядка и соблюдения гражданских прав людей, находящихся в заключении. Сам я против этого ничего не имел. Напротив, выразил надежду, что администрация СИЗО согласится с его доводами — ведь в них много разумного.

Говоря это, я ничуть не кривил душой. С Лабазановым надо было считаться: этот энергичный, сильный, хитрый человек на своем поле играл очень умело. Роль восставшего вождя, несомненно, очень нравилась ему, как, впрочем, и сама ситуация, выдвинувшая его в лидеры. Таких людей тоже выбирает время: авантюрный склад характера, личная смелость и знание психологии живущих под стражей людей обязательно выносят их на поверхность в

дни волнений и смут. Вот и этот персонаж в черной телогрейке был, несомненно, настоящим вожаком, умеющим чувствовать настроения подчиняющихся ему людей.

Впоследствии, когда все чаще стала звучать эта фамилия — Лабазанов, мне и в голову не пришло ассоциировать ее с тем человеком, который когда-то водил меня по захваченному грозненскому СИЗО и даже гарантировал мне безопасность. Мало ли в Чечне однофамильцев? Мало ли на свете авантюристов, рядящихся в одежды «благородных разбойников»?

В журналистских репортажах противник дудаевского режима Лабазанов выглядел почти Робин Гудом и борцом за справедливость. Что, впрочем, не мешало ему оставаться полевым командиром, за которым тянулся хвост вполне банальных грабежей и убийств. Человека с такой репутацией привезли ко мне из села Толстой-Юрт в станицу Червленную, когда в начале марта 1995 года нам требовалось освободить Аргун. Вольница Лабазанова действовала в окрестностях этого города, и у нас были основания полагать, что этот полевой командир, подчеркивавший свою независимость, во-первых, сам не ввяжется в драку, а во-вторых, поможет договориться с теми чеченцами, которые пошли в бандформирования не из любви к Дудаеву, а по принуждению или глупости. Надо было сохранить их жизни, надо было уменьшить силу сопротивления противника. Это означало уменьшить или исключить собственные потери. В такой ситуации ищешь любого союзника, который бы мог не на словах, а на деле оказать тебе помощь.

Человек, который зашел в мой вагончик в Червленной, был чрезвычайно живописен: на погонах его полевой формы были явственно различимы полковничьи звезды, а сам он был увешан оружием и перехвачен пулеметными лентами. Последним неожиданным штрихом этой воинственной, а потому отчасти очень комичной картины — являлась американская винтовка М-16, которую будущий мой собеседник крепко держал в руках. Что-то знакомое промелькнуло в его чертах, но я не придавал этому значения: среди людей, с которыми я когда-либо встречался, не было ни самопальных полковников, ни поклонников американских автоматических винтовок.

Вот только сам я, видимо, изменился мало, отчего таинственный посетитель сразу же узнал меня: «Вы тот генерал, который ходил в следственный изолятор? Это, — говорит, — я, Руслан, который вас по нему сопровождал». Я засмеялся: «Точно, ты — тот самый Руслан...» «Ну, — говорю, — раз мы друг друга знаем, тогда, считай, половину проблем уже решили...» Конечно, я не забыл, что в октябре 1991 года Лабазанов сдержал свое слово. Не то, чтобы я придавал этому особое значение, но, не скрою, всегда радуюсь, когда вижу, что человек умеет отвечать за свои слова. Рад и тому, что в свою очередь мне удалось ответить добром на добро: позднее, в тревожной ситуации, мы помогли эвакуировать беременную жену Лабазанова, тем самым выполнив его отчаянную просьбу.

Еще не раз мы встречались с ним, и я знаю, что, помимо обещаний, свести меня со своими людьми, Руслан Лабазанов действительно предпринимал какие-то шаги, чтобы оказать нам помощь. Во всяком случае куда-то ездил, с кем-то разговаривал, хотя, как это часто бывает в подобных случаях, результативность таких действий нельзя подтвердить никакими конкретными фактами. Кто знает, может лишней раз нам не выстрелили в спину, может, кто-то сегодня жив только потому, что этот противоречивый, мятущийся человек, в душе которого так замысловато переплелись понятия добра и зла, справедливости и несправедливости, чести и бесчестия, добился этого благодаря своему авторитету среди соратников и жителей Чечни?.. Но об этом можно только догадываться, добавляя в короткое жизнеописание Руслана Лабазанова, и так до предела мифологизированное им самим, несколько легких штрихов. Годом позже он станет жертвой очередной чеченской междуусобицы и сгинет в огне какого-то неизвестного мне боя. Но кем бы он ни был на самом деле, наше знакомство, пусть и мимолетное, обязывает к тому, чтобы сочувственно отнестись к этой человеческой судьбе.

Вечером в станице Червленной, когда мы встретились во второй раз в жизни, я спросил Лабазанова, с сомнением глядя на его офицерские погоны: «Тебе полковника кто, Дудаев

присвоил?» Я видел, как ему стало неудобно, как смутился он, понимая, что я хоть и принимаю правила этой игры, но между настоящим и мнимым черту проведу без особых церемоний. Видимо, поэтому он тогда в ответ промолчал. Да и как смог бы он оправдать и вот эти бутафорские звезды, и эту часть своей жизни, прожитую в одежде с чужого плеча?..

* * *

Каждый день в Чечне только прибавлял опасностей мне и моим солдатам. Особенно обострилась ситуация после 19 октября, когда к лидерам исполкома ОКЧН напрямую обратился президент России Борис Ельцин, выдвинув справедливые, но запоздавшие по времени, а также никакой силой не подкрепленные требования: прекратить противоправные действия и совместно с ВВС выработать пути политического разрешения конституционного кризиса, безоговорочно подчиниться закону, освободить захваченные здания и вернуть оружие.

Еще через неделю — 27 октября — состоялись выборы президента и парламента Чечни. В той обстановке и речи не могло идти о соблюдении законности при их проведении: на некоторых избирательных участках пачки фальсифицированных бюллетеней опускались в урны без всякого зазрения совести, причем мало кто обращал внимание на то, что на ряде участков число опущенных в урны бюллетеней значительно превышало количество зарегистрированных избирателей. Это был фарс, целью которого были имитация народного волеизъявления, а не настоящий выбор народа. Тем более что, по оценкам аналитиков, в самих выборах приняли участие не более 10–12 процентов населения Чечни, а сами они проводились под жестким контролем ОКЧН. Было ясно, что Съезд народных депутатов РСФСР эти выборы действительными не признает, в связи с чем не будут признаны законными ни новые органы чеченской власти, ни их решения, важнейшим из которых был, конечно же — появившийся уже 2 ноября 1991 года указ «Об объявлении суверенитета Чеченской Республики».

Принятый 7 ноября 1991 года указ президента РФ «О введении чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской Республике», каким бы грозным ни казался он на бумаге, уже был не в состоянии вернуть ситуацию на два-три месяца назад, когда силовое давление еще могло себя оправдать. Теперь сепаратисты считали себя легитимной властью, были энергичны и везде попевали раньше нас.

Пока в Москве прогнозировали, какое смятение вызовет настоящий указ в окружении Дудаева, его боевики очень решительно провели захват оставшихся административных зданий, включая республиканскую прокуратуру и управление КГБ, заблокировали военные городки и взяли под контроль воздушные и железнодорожные перевозки. «Витязи» — точнее, сводный отряд спецназа из дивизии им. Дзержинского, — прилетевшие следующей ночью, едва успели высадиться на аэродроме в Ханкале, как тотчас были заблокированы сами.

Часть их все же сумела прорваться к зданию МВД, которое не было захвачено и удерживалось силами бойцов отдельного специального моторизованного батальона внутренних войск под командованием подполковника Сергея Демиденко, милиционеров из Московского уголовного розыска, на наше счастье оказавшихся в Грозном, и чеченского ОМОНа, который дрогнет чуть позже...

Именно решимость этих людей остановила боевиков на самых подступах к зданию республиканского МВД. Понимали: еще шаг и случится настоящий бой, на победу в котором трудно было рассчитывать. Поэтому брали измором: постреливали над головами обороняющихся, грозились отправить батальон в гробах, а для верности психологически дожимали министра внутренних дел республики генерал-майора Ваху Ибрагимова.

Волей судьбы к его назначению на эту должность был причастен и я, положительно отрекомендовав Ваху Ибрагимова в октябре 1991 года в присутствии вице-президента РФ Александра Руцкого, министра внутренних дел РСФСР Андрея Дунаева и его первого заместителя Евгения Абрамова. На вопрос Руцкого, известен ли мне Ибрагимов, я честно

ответил, что знаю его как волевого, знающего командира, с которым часто встречался на сборах еще в ту пору, когда сам был комбатом в Ростовском полку, а Ибрагимов — комбатом в полку Пятигорском. Орджоникидзевское училище он окончил на год раньше меня. Ко всему прочему был Ваха чеченцем по национальности, и, возможно, именно эти мои слова так воодушевили Руцкого, что он тут же поручил Дунаеву готовить документы именно на Ибрагимова. Хотя было известно, что уже некий Даудов, тоже претендовавший на эту должность, ходил за Дунаевым буквально по пятам и не без оснований поглядывает на возделенное кресло. Оно хоть и беспокойное, но все же генеральское!

Несмотря на заступничество Руцкого, кандидатура Ибрагимова почему-то «зависла» на несколько недель, пока министерством реально управлял Алсултанов, как оказалось впоследствии, сторонник Дудаева. Управлял именно в те дни, когда твердый и полномочный министр мог бы взять ситуацию под контроль. Ваха названивал мне в Ростов, жалуясь на то, что, вопреки договоренностям, его не назначают. И я, в свою очередь, уже на него полагался. Доложил Руцкому, что его решение не выполняется. Александр Владимирович выругался и пообещал, что примет крутые меры. Это помогло. Вскоре Ваха прочно обосновался в МВД и даже успел получить генерал-майорские погоны.

Все это разом рухнуло в тот день и час, когда волна боевиков, казалось, надежно была остановлена еще на подступах к зданию республиканского МВД.

Раздосадованный Дудаев уже ставил задачу на штурм, а мой заместитель генерал-майор Юрий Анатольевич Косолапов, находящийся в Грозном на территории 506-го полка, в свою очередь, докладывал мне, что батальон не дрогнет и готов отразить нападение, когда навстречу боевикам вдруг неожиданно вышел Ваха Ибрагимов, до этого казавшийся невозмутимым. Поговорив о чем-то с боевиками, он вернулся в министерство и заявил находящемуся там же заместителю министра внутренних дел России генералу Комиссарову буквально следующее: «Я слагаю с себя полномочия министра внутренних дел. Против воли народа я не пойду». В общем — сдался без боя. Следом и чеченский ОМОН решил не испытывать судьбу. Вот так позиция министра в конце концов и решила судьбу здания МВД.

Комбат доложил Косолапову, Косолапов — мне. Я сказал: «Там на месте есть заместитель министра внутренних дел России генерал Комиссаров. В данном случае мы оказывали помощь, были приданы для усиления. Пусть Комиссаров и принимает решение, сообразное обстановке. Скажет: «Уходим!» — значит, уйдем, скажет: «Драться!» — будем отражать нападение».

С кем советовался замминистра, я не знаю, но его решение — однозначное — было мне вскоре сообщено: «Батальон убывает к месту постоянной дислокации в Черноречье». Но одно дело сказать, другое — осуществить. Стойкий батальон под командованием Сергея Демиденко, того самого, который еще в Карабахе чуть было не сбил мой вертолет из крупнокалиберного пулемета, приняв его за вертолет боевиков, действовал самоотверженно. Ему самому досталось еще у здания МВД: пытались бить, сорвали погоны... Когда понял, что просто так уйти не дадут, обратился к чеченским старикам с просьбой о подмоге и немедленно ее получил. Так и уходили на БТРах, на автобусах, где солдаты сидели вперемешку со стариками. В противном случае чеченские юнцы рванули бы в рукопашную. Что бы случилось потом — даже страшно представить. Но может оттого и не рванули, потому что догадывались — и в Черноречье батальон окажется как в клетке. Там уже все было готово к штурму.

Дудаев не мог простить батальону Демиденко, что он не дрогнул при защите здания МВД республики, продемонстрировав таким образом, что власть чеченских сепаратистов все же имеет свои границы. Полномочия главы республики, которыми Дудаев реально обладал и с которыми вынужден был считаться федеральный центр, позволяли ему убирать и назначать республиканских министров, но их оказалось недостаточно, чтобы смести горстку солдат внутренних войск.

Они ушли, но ушли достойно. Потому, что получили соответствующий приказ командования. Потому, что не проявил волю министр Ибрагимов, тот самый человек, в

оперативном подчинении которого они находились в соответствии с законом о внутренних войсках. Потому, что их мужество становилось неким уроком на будущее, из которого сам собой напрашивался вывод: не буди лихо, пока оно тихо...

Городок был блокирован в Черноречье, причем со стороны боевиков неоднократно открывался автоматический огонь по крыше и окнам казармы, по часовым. Так продолжалось неделю, пока не последовало решение Дудаева о том, что специальный моторизованный батальон ВВ в течение трех суток должен покинуть территорию Чечни без оружия и техники. А чтобы ни у кого не оставалось иллюзий, вскоре начался штурм городка. По сути везде шел рукопашный бой, прекращавшийся только тогда, когда чеченцам требовалась передышка. Держались до последнего, пока не получили и на этот раз однозначный приказ командования: уходить, сдав оружие и технику представителям чеченского МВД. Но это было уже другое, возглавляемое Алсултановым и контролируемое Дудаевым, министерство, в котором не было ничего российского, включая вывеску у дверей.

Сам Демиденко — человек смелый и порядочный — все, что было в его силах, успел сделать: с гранатой в руках сидел у дверей ружья, пока не получил приказ отступить. Еще раньше он велел вынести из штаба и сохранить Боевое Знамя части, а напоследок, уже уходя, — уничтожить ключи шифр-аппаратуры, вынуть затворы из нескольких автоматов и засыпать песок в двигатели боевой техники. И так поступал почти каждый офицер. Понимая безысходность ситуации и не желая отдавать свое оружие бандитам, лейтенанты и капитаны разбивали автоматы об угол казармы. Более пятидесяти наших военнослужащих было ранено при штурме батальона, но за то спасибо офицеру Сергею Демиденко, что все остались живы.

Я несколько раз разговаривал с Дудаевым по телефону на повышенных тонах. Президент Чечни хитрил и ссылался на «справедливое народное возмущение»... «Я ничего не могу сделать!», таков был его ответ на все мои требования и просьбы. «Я ничего не могу сделать...» — чрезвычайно спокойно говорил он в телефонную трубку, и я понимал, что разыгрываемое политиком Дудаевым бессилие — не более чем противозенитный маневр бывшего летчика. И этот маневр при всей его простоте был, тем не менее, безупречен. Он был вполне способен дезориентировать российское руководство в Москве, которое, кажется, и теперь не оставляло надежд, что даже сомнительный чеченский президент, выросший из советского генерала, более вменяем, чем спустившиеся с гор абреки. В то же время он давал возможность самому Дудаеву откеститься от «возмущенного народа» в случае поражения.

* * *

Дудаев мгновенно оценил опасность, исходящую со стороны Ханкалы. Понимал, как генерал и летчик: потому и спецназ, чтобы расчистить аэродром для подхода основных сил. Триста «витязей», конечно, сила, если говорить о первой стадии операции, но их совершенно недостаточно для серьезной работы в городе. Только для усиления охраны здания МВД было выделено почти пятьдесят бойцов.

Вообще-то, появление спецназа внутренних войск в Ханкале в ночь с 7 на 8 ноября, сразу же после принятия президентского указа о введении чрезвычайного положения, поначалу произвело должный эффект. Может, и не было откровенного страха, но уважение к силе, еще не ведомой в этих краях, конечно, присутствовало. Бойцы были крепкие, отлично вооруженные, необычно для начала 90-х годов экипированные. И — что самое главное — казались невозмутимыми в любой обстановке.

Вот это их спокойствие, вот эта ощущаемая в каждом жесте уверенность всегда отрезвляюще действовали и на боевиков, и на ожесточенную массовку политических митингов, и особенно на вождей толпы, пребывающих в иллюзии, что власть сама по себе свалится им в руки.

Возможно, если бы вслед за президентским указом последовало его утверждение Верховным Советом РСФСР — необходимая в те времена процедура, юридически обосновывающая жесткие меры государства, — кое-кто из мятежников, не потерявших

головы, мог бы еще пойти на попятную.

Совершенно точными являются свидетельства одного из участников той высадки спецназа на аэродроме в Ханкале — Вячеслава Овчинникова — будущего генерал-полковника и главкома внутренних войск, а тогда генерал-майора: «Но Верховный Совет не собрался... 8-го и 9-го никто не собрался, 10 числа — тоже. Уже впоследствии стало известно, что никто никакой указ и не собирался утверждать... На глазах, это было хорошо заметно, менялось настроение толпы. В средствах массовой информации насаждалась мысль о «попытке задушить демократию российскими солдатами». Мы выставлялись там в роли «захватчиков, завоевателей, которые пришли повторить то, что было в 1944 году». Заработала на психоз идея национального единства, вся эта оппозиция слилась с движением, дудаевским, и все они против нас поперли...»

В обстановке силового противостояния, продолжавшегося двое суток, пока не поступил приказ возвращаться в Москву, спецназ ВВ демонстрировал хладнокровие. Чеченцы, провоцируя, стреляли солдатам под ноги, потом решились на большее. Поперек старта самолета ИЛ-76, который до этого доставил в Ханкалу подкрепление и теперь улетал обратно, выскочил самосвал КраЗ. Он шел на высокой скорости, наперерез взлетающему самолету. ИЛ едва не вылетел с полосы, вильнув в сторону, но еще раньше остановила самосвал пулеметная очередь.

Долгие разбирательства ни к чему не привели: чеченцы и слышать не хотели о том, что виноват водитель самосвала, который подверг опасности жизни военных летчиков и пассажиров самолета. Среди спецназовцев они мстительно разыскивали смельчака, предотвратившего катастрофу. Конечно, они не без основания полагали, что попасть в движущийся на большой скорости автомобиль мог только очень квалифицированный стрелок, но поиски не дали результатов: все оружие у бойцов «Витязя» было вычищено. Но удивляться в данном случае следует не сноровке отважного стрелка, а тому, что спецназ ВВ, действуя, как и полагается, по приказу своего командования, здесь, в Ханкале, стал заложником политического безволия тех российский политиков. У них было достаточно власти, чтобы мановением руки послать в Чечню передовой отряд, но, как это часто бывает, не хватило духу продумать все остальное.

И сегодня твердо убежден в одном: это был чистой воды экспромт, придуманный на скорую руку. Во всяком случае по глубине замысла он мало чем отличался от уже слышанных ранее обещаний немедленно «поднять штурмовики»...

«Витязей» отозвали в Москву, и эта политическая победа Дудаева, поначалу казавшаяся небольшой тактической уступкой, предрешила судьбу воинских частей в Чечне. Это был форменный разгром, если называть вещи своими именами. И остается только удивляться мужеству тех солдат и офицеров России, которые теперь были брошены в Чечне на произвол судьбы, но не утратили при этом присутствия духа.

* * *

506-й, полк внутренних войск, дислоцированный в Грозном, все это время также находился в кольце чеченских боевиков. Цель таких блокад, в которых оказались все без исключения воинские части в Чечне, независимо от их ведомственной принадлежности, была одна: не допустить вывоза оружия и вывода техники из частей и складов. Угадывался замысел Дудаева — захватить все и уже с этих позиций торговаться с центром.

Понимая, что офицеры — в большинстве своем это люди долга — вряд ли будут сдавать свои автоматы, танки и артиллерийские орудия подбру-поздорову, чеченцы загодя начинали давить их психологически. Время от времени «гвардейцы» пробовали на прочность наших военнослужащих, подгоняя к воротам частей топливозаправщики. Грозили: «Зальем бензином и подожжем!»

Так же они поступали у здания МВД, когда пытались изгнать батальон Демиденко. Этот же прием, не мудрствуя, применили и у ворот полка, командир которого, подполковник

Михаил Шепилов, докладывал мне обо всех шевелениях чеченцев вблизи своей части. На этот раз к воротам подошли пожарные машины, в цистерны которых, если верить нападавшим, был закачан бензин. Так и стояли, часов шесть действуя на нервы. Наши верили и не верили, однако своих боевых позиций не покидали.

Между полком и Дудаевым непрерывно курсировал помощник чеченского президента Абу Арсунукаев.

Позднее Шепилов доложил: «Я поговорил с Дудаевым. Обстановка была разряжена...» Но чувствовалось, что командир полка изрядно нервничает, поскольку не может доверять обещаниям чеченских представителей. Сегодня у них одно на уме, завтра — другое. Обстановка в последние дни уже не раз накалялась до такой степени, что, по свидетельству Демиденко, даже мой заместитель генерал Косолапов, находившийся на территории полка в то время, когда дудаевцы решились на силовой штурм отдельного батальона, уже поднимал полк «в ружье» и грозился по телефону неведомому чеченскому собеседнику: «Я сейчас возьму автомат, попрощаюсь с родственниками, и вы увидите, как умирают русские генералы...».

По реакции Шепилова я понял, что он готов последовать примеру Косолапова, и только чудом и выдержкой командира можно объяснить, что в полку до сих пор не грянуло форменное побоище.

Чтобы избежать кровопролития, днем 29 ноября 1991 года я отправил Дудаеву телеграмму следующего содержания: «г. Грозный, президенту республики Дудаеву. Сложившаяся обстановка вокруг в/ч 3394 (506-й полк. — Авт.) в Грозном в дальнейшем терпимой быть не может из-за блокирования военного городка и угрозы здоровью и жизни членов семей военнослужащих. Вами был предъявлен ультиматум о призыве граждан чеченской национальности, требуя в противном случае вывода части за пределы республики без техники, оружия и боеприпасов. Вы, как человек военный, прекрасно знаете, что подобные ультиматумы предъявляются противозаконно. Эта часть выполняет задачи по охране и конвоированию осужденных, обеспечению работы судебно-следственных органов. Военнослужащие части не являются военнопленными, и мы с вами не находимся в состоянии войны, а тем более с чеченским народом. Вы знаете, что без решения президента и правительства России мы не можем покинуть пункт дислокации. В сложившейся ситуации призыв местного населения является нецелесообразным из-за враждебного отношения к военнослужащим части. Если вы, как президент, считаете пребывание части дальше невозможным, то установленным порядком решайте этот вопрос с правительством России. Но даже в случае вывода — выходить мы должны с вооружением и техникой, передавая занимаемые объекты местной власти. Ставлю вас в известность, что личный состав части ни на кого не собирается нападать, но имеет уставное право и приказ на оборону войсковых объектов и военного городка вплоть до применения оружия. Хочу вам напомнить, что в зоне огневого поражения находятся прилегающие жилые дома, хранилище сильнодействующих ядовитых веществ (аммиак, хлор и другие) в количестве 2,5 тысяч тонн и нефтепродукты. Вы должны оценить ситуацию и помнить, что даже несколько выстрелов солдат при обороне городка могут привести к непредсказуемым последствиям. В случае продолжения нагнетания обстановки вокруг войсковой части 3394 я вынужден буду обнародовать все обстоятельства в СМИ. Надеюсь на понимание вами этого вопроса и его решение путем переговоров с соответствующим руководством.

Начальник УВВ по Северному Кавказу и Закавказью генерал-майор Куликов».

Реакция на эту телеграмму последовала незамедлительно. Уже утром 2 декабря подполковник Шепилов доложил мне по системе закрытой связи: «Здравия желаю! (Здесь и далее — дословная запись доклада. — Авт.) Обстановка без изменений. Вчера, с 17.00 до 24.00, был у Дудаева дома, со всеми близкими, кого не знал — познакомился... Мои отношения с Дудаевым пока позволяют решать вопросы, но меня настораживает его подчеркнута хорошее отношение ко мне. Складывается впечатление, что они чего-то боятся.

Дудаев меня известил, что вопрос о призыве чеченцев в мой полк пока подниматься не будет, а если кого и привезут — чтобы я отправил их обратно... В свою очередь я проинформировал Дудаева об обращении военнослужащих нашей части, отправленном президенту России, где описывается наше сегодняшнее положение. По его раздраженной реакции: «С этим можно было и подождать» — я понял, что он не хочет, чтобы общественность и пресса были извещены о событиях в Грозном. Однако газеты с публикациями обращения взял и вынужден был смириться: «Что ж делать... Отдали, так отдали...» Далее... У нас вчера по радио почти весь день передавали, как нужно действовать при взрывах хлора, аммиака, фриона... Рассказывали, как пользоваться противогазами, как эвакуироваться в случае химического заражения...»

Последняя фраза мне сказала о многом: это означало, что моя информация до чеченцев дошла и они, люди, несомненно, мнительные, вычитали между строк телеграммы скрытую угрозу. Я по этому поводу не сокрушался: чем иным в сложившейся ситуации, кроме намеков и предостережений, я мог погрозить дудаевцам, чтобы облегчить положение полка, стиснутого кольцом блокады? У меня было ощущение, что высшее военное руководство страны уже смирилось с временной потерей Чечни. Ведь его редкие визиты в республику хоть и сопровождалась грозной риторикой, но в конце концов все равно заканчивались уступками и очередными компромиссами: 506-й полк окончательно захватили в тот день февраля 1992 года, когда в Грозном находилась очередная делегация высокопоставленных военных — первый заместитель министра обороны РФ генерал Громов, командующий ПВО генерал Прудников и командующий ВВС генерал Дейнекин. Провожая начальство, командир учебной дивизии Министерства обороны генерал Соколов доложил генералам обстановку, упомянув, что полк внутренних войск МВД России захвачен, что там идет грабеж складов. Отношение к этому сообщению было сдержанное.

Накануне в Грозном происходило следующее: 3 февраля, в 11.30, в полку, где за старшего оставался начальник штаба подполковник Тонконоженко, появился Алсултанов, назначенный Дудаевым министром внутренних дел республики, и категорически потребовал собрать всех офицеров полка, чтобы довести до них последние распоряжения президента Чечни. Юридический казус заключался в том, что полковник Алсултанов, мятежник по сути, но по форме действующий министр внутренних дел одной из российских республик, действительно имел на это право: все части ВВ обязаны взаимодействовать с органами внутренних дел субъектов Федерации, а многие из них, в том числе и 506-й полк — находятся в оперативном подчинении их руководителей. Это не означает, что полк во всякое время выполнит любой приказ сошедшего с ума, либо задумавшего переворот министра или начальника УВД. Однако его командир не имеет права игнорировать милицейского начальника той территории, где он размещен. При всей двусмысленности ситуации и положения самого Алсултанова он имел законные основания собрать офицеров.

Начальник штаба пожал плечами и объявил сбор офицеров. Тем более что ранее Алсултанов никакой агрессии в отношении военнослужащих 506-го полка не проявлял и демонстрировал свою лояльность руководству союзного и российского МВД. То, что министр появился в полку в сопровождении двух десятков чеченских омоновцев — тоже было объяснимо: только в кругу охраны иной восточный человек выглядит достойным своего высокого поста.

Как только офицеры полка были собраны, боевики Алсултанова их окружили, продемонстрировав серьезность своих намерений тем, что дружно дослали патроны в патронники своих автоматов, и уже без церемоний захватили дежурного по части и разоружили караул. Под их охрану были взяты помещение дежурного по полку, автопарк, КПП, склады и коммутатор. Сам министр объявил офицерам указ Дудаева, что их часть «присоединяется к МВД Чеченской Республики», что нынешние командир и начальник штаба полка от должности отстраняются, а новым командиром полка назначен подполковник Бихан Басханов. Разумеется, чеченец по национальности.

Этот Басханов развил бурную деятельность и, упиваясь свалившейся на него властью,

кого-то гнал с территории части, кому-то грозил карами президента Дудаева, кому-то гордо и победно сообщал: «Я в своей республике!..» У Басханова, позже отставленного и фактически выкинутого дудаевцами на помойку, хватило ума в 1993 году выпрашивать хоть какую-нибудь должность у меня, ставшего в ту пору командующим внутренними войсками. Я внимательно выслушал его, достал вот эти записи и прочитал вслух. Спросил: «Это вы?» Гляжу, мнется... «Так вот, — говорю, — прощайте, и чтоб глаза мои больше вас не видели!»

Подобные персонажи чеченской истории, полагавшиеся на нашу забывчивость, либо на отходчивость сердец, не раз пытались поискать удачи во властных структурах России. Стучались и ко мне. Представлялись гонимыми и опальными, сетовали на трудность житья в дудаевской Чечне. Но для меня их суетливость, проявленная в дни нешуточных тревог и волнений, так и останется мерилом деловых и человеческих качеств. Кого-то из них я назову предателем, кому-то просто напомню о малодушии... Дрогнувшие перед боевиками и бросившие своих защитников на произвол судьбы, они так и не прибились ни к какому берегу. Говорят, что некоторые из них, облаченные в генеральскую форму, ждут часами в аэропорту Кавказских Минеральных Вод, чтобы попасться на глаза кому-либо из прилетающих лидеров северокавказских национальных республик. В надежде, что будут востребованы. Аэропорт в Минводах бойкий, и их, действительно, там часто встречают, дружески приветствуют, но с собой отчего-то не зовут...

Надо сказать, что хоть и двигал Дудаев по служебным лестницам только этнических чеченцев, кадровый резерв у него был неплохой. В различных силовых структурах СССР служили немало чеченцев. Люди, зачастую порядочные, смелые, трудолюбивые, поначалу они восприняли происходящее как некий шанс, выпавший их народу, словно в награду за трудности и лишения, пережитые во времена репрессий. Представлялось, что историческая родина нуждается в их умах и талантах. Соблазнительными казались и профессиональные перспективы: при новой власти прапорщички легко становились командирами полков, а отставные майоры и подполковники — командирами бригад «гвардейцев».

Что уж тогда говорить о тех, кто возвращался на родину, уже имея высокие воинские звания и опыт управления армейскими частями и соединениями? Тот же Масхадов, служивший командиром артполка и начальником ракетных войск и артиллерии дивизии в Литве, по отзывам знающих его людей, в Советской Армии зарекомендовал себя с лучшей стороны: настоящий профессионал, умелый педагог, мастер артиллерийской стрельбы, ставший в должности командира артдивизиона чемпионом сухопутных войск.

Вот такие могли рассчитывать на самые высокие посты в созданных Дудаевым структурах, а потому из чувства национального долга, либо соблазнившись на посулы — бросали службу и поднимались с насиженных мест. Один из моих однокашников, прежде чем принять окончательное решение, все же заехал посоветоваться ко мне в Ростов-на-Дону. Внимательно меня выслушал и, поблагодарив за науку, вернулся в Санкт-Петербург, так и не показавшись в Грозном. Другого, получив в 1992 году назначение на работу в главк ВВ, я встретил в Москве: он служил в том же управлении, что и я, и никуда не собирался. На мой вопрос: «А тебя что ли не пригласили?», ответил без обиняков: «Едва отбил... И звали, и тянули, что было сил, но только мне их должностей и даром не надо. Знаю, что это за люди. Знаю, чем это кончится...»

...Но пока люди Алсултанова рыскали по городку и в казармах, пока отнимали оружие у офицеров, на связь со мной вышел командир роты связи этого полка старший лейтенант Дорохин. Он заперся в комнате ЗАС — закрытой связи — и в 15.30 успел подробно доложить о случившемся. Особенно запомнилось, как этот мужественный и находчивый офицер дополнил свое сообщение: «Осталось только помещение спецорганов и узел связи, так как они не знают, что он здесь есть и для чего предназначен. Но в любую минуту могут зайти, даже взломав дверь. Прошу дать команду на уничтожение спецтехники и шифров». Так я и общался с Дорохиным буквально до последнего, пока в его дверь не стали ломиться боевики. Понимая, чем рискует старший лейтенант, я отдал ему приказ уничтожить ключи и выходить. Ему — из комнаты. А всем нашим офицерам — из Чечни...

Прибытие из Москвы на следующий день генерала Виктора Гафарова мало что меняло: он сообщил, что командующий внутренними войсками генерал Саввин приказал передать имеющиеся в наличии оружие и технику Министерству внутренних дел Чечни. Но это была во всех отношениях формальная передача, потому что их все равно забрали бы силой. Но пока «дипломатический протокол» соблюдался: мой заместитель генерал Борис Максин все на бумаге сдавал, полковник Алсултанов принимал, а генерал Гафаров своим присутствием символизировал легитимность этого процесса. На деле выходило так: 4 февраля чеченские омовцы выгребли в полку 1200 автоматов, но склады НЗ не тронули. 6 февраля к полковым складам нагрянули никем не организованные группировки и в 15.00, преодолев сопротивление чеченского ОМОНа, стрелявшего поверх голов и даже пытавшегося отстоять наш склад НЗ, ворвались на территорию части через запасные ворота. Было их полторы тысячи человек, и уже никакой ОМОН не смог сдержать их напор. Мы же, формально все передавшие чеченской стороне, в этот конфликт уже не вмешивались.

Правда, наши саперы, предвидевшие такое развитие событий, успели поставить несколько растяжек, которые безупречно сработали как только нападавшие добрались до оружия. Склад взорвался и рухнул. Но это не помешало чеченцам вытаскивать автоматы даже из под обломков здания. Среди мародеров были замечены и несколько в будущем известных в Чечне лиц, лихорадочно грузивших автоматы и гранатометы в багажники «Жигулей» и «Нив». Машины отъезжали, но вскоре возвращались вновь уже пустые. К часу ночи склады были подожжены, думаю, затем, чтобы замести следы. Так что наивные попытки Алсултанова организовать официальную передачу оружия, напоминающую торжественную капитуляцию, были сорваны этим стихийным, безбрежным, по-настоящему диким грабежом, который очень наглядно демонстрировал природу абсолютной чеченской независимости. Историю ее начала. Суть ее существования. И причину ее конца.

Гневный Дудаев даже пожар пытался свалить на нашего Максина. В половине второго ночи 7 февраля он дозвонился до армейского комдива Петра Соколова, кричал и сокрушался: «Что за мины понаставил этот генерал? Что он там натворил? Пусть сматывается: его уже ищут!»

* * *

Досталось и армейским частям: были захвачены полк ПВО и учебный полк Армавирского авиационного училища. 8 февраля подверглись нападению военные городки окружного учебного центра. Начальник Грозненского гарнизона Соколов, пытаясь спасти склады от разграбления, минировал подступы к ним с примерно таким же, как и у нас, результатом.

Так что в 1993 году, когда наступила пора серьезно задуматься о наведении порядка в Чечне, в первую очередь приходили на ум именно сухие цифры наших имущественных потерь в этой республике. То оружие и боеприпасы, которые в результате беспорядков были утрачены внутренними войсками, составляли лишь малую часть в списке военной добычи мятежников. Большая часть оставленного, либо брошенного впопыхах приходилась на долю Министерства обороны. Но вряд ли стоит винить в этом армейских офицеров, которые в тот момент находились в Грозном: на их долю выпали точно такие же испытания, а их стойкость вызывает справедливое уважение. Так уж исторически сложилось, что армейского оружия и техники в Чечне было так много, что его хватило бы для оснащения в случае войны несколько полнокровных дивизий.

Другой вопрос, чем — легкомыслием политического руководства страны или скоротечностью событий, происходящих на Северном Кавказе, следует объяснить, как этот арсенал достался сепаратистам и как выглядят сегодня принятые тогда решения военного руководства, предписывающие передать Дудаеву 50 процентов имевшегося в республике оружия. По словам П. Грачева, подписавшего такой приказ в мае 1992 года, это был вынужденный шаг, так как значительная часть вооружения из российских складов, по его

оценке, в то время уже находилась в распоряжении боевиков, а вывезти остатки уже не представлялось возможным: не было ни эшелонов, ни солдат, которые бы все это могли отгрузить в эшелоны.

Но и сегодня этот шаг кажется непростительным уже потому, что подобное вынужденное разделение вооружения «пятьдесят на пятьдесят», применявшееся при расставании с суверенными государствами, ранее составлявшими СССР, было совершено в Чечне, являющейся субъектом Российской Федерации. Тем более, что у нас не было сомнений в том, что рано или поздно это оружие выстрелит в нас самих.

По оценкам экспертов, в руках сепаратистов находились 2 пусковые установки тактических ракет «Луна», 51 боевой и учебные самолеты, 10 зенитных ракетных комплексов «Стрела-1», 23 зенитные установки различных типов, 7 переносных зенитно-ракетных комплексов «Игла», 108 единиц бронетанковой техники, включая 42 танка, 153 единицы артиллерии и минометов, включая 18 реактивных систем залпового огня БМ-21 «Град», 590 единиц современных противотанковых средств, около 60 тысяч единиц стрелкового оружия, не менее 740 противотанковых управляемых ракет, около тысячи реактивных снарядов для «Града», 24 тысячи снарядов для гаубиц Д-30, около 200 тысяч ручных гранат, 13 миллионов патронов для стрелкового оружия, большое количество запчастей и комплектующих для вооружения и военной техники.

Став командующим внутренними войсками, я первым делом позаботился о том, чтобы проблема Чечни не выпадала из внимания руководства российского МВД и Министерства обороны. Такое заявление в устах всего лишь командующего ВВ и заместителя министра может показаться достаточно смелым, но я, что называется, не притеснялся, полагая, что суть моей работы в том и состоит, чтобы не проворонить и не проспать реальную военную опасность. И — что очень важно — менее других зависел от зигзагов российской внутривнутриполитической жизни. Профессиональная карьера, как я тогда считал, уже состоялась. В ней я добрался до самых главных для строевого офицера высот, и все, чем я рисковал — была всего лишь отставка, которая ничуть меня не страшила. Я служил, а не выслуживался. И потому, наверное, спал спокойно: все столичные интриги и прочие придворные хлопоты меня не интересовали, а значит, и не мешали заниматься своим делом. Карты, которые ложились на мой стол, были сугубо штабными и ничуть не напоминали те, гадальные, с помощью которых прикидывают шансы на собственное политическое долголетие. У нормального офицера этого просто не должно быть в крови.

Дудаевские военные запасы очень сильно меня беспокоили. К тому времени — после конфликтов в Кабардино-Балкарии, в Северной Осетии и в Ингушетии — я был убежден, что события на Кавказе будут развиваться наихудшим образом. Кроме того, существовала реальная опасность, что сепаратистские, изоляционистские настроения могут серьезно осложнить жизнь других регионов России. Поэтому уже в мае 1993 года я добился рассмотрения на коллегии министерства концепции реформирования ВВ, которая предусматривала передачу функций охраны исправительно-трудовых учреждений и конвоирования другому главку МВД — Главному управлению исполнения наказаний (ГУИН), а также формирование в ВВ дополнительных частей оперативного назначения.

Будущие реформы сначала детально обсуждались в узком кругу высших офицеров внутренних войск, а когда мне удалось убедить всех своих заместителей, мы решились вынести эти предложения на обсуждение в МВД.

Честно говоря, министр Ерин поначалу отнесся к ним недоверчиво. Ведь речь шла не о косметическом ремонте, а о коренных реформах, которые были способны изменить весь облик внутренних войск. Страшновато было пускаться в неведомое. Еще страшней было отказаться от привычных вещей и традиций, среди которых именно наше конвойное прошлое представлялось обществу если не единственной, то уж наверняка самой главной функцией ВВ. Вот эти представления и предстояло сломать в первую очередь.

Понятно, почему Ерин был осторожен: еще надо было его убедить, что берусь я рушить привычное, уже имея на руках новые чертежи. За каждым словом нашей солидарной

программы стояли людские судьбы, огромные деньги и перемены, которые за неимением аналогов следовало объяснять почти на пальцах. Вот и пришлось атаковать Ерина с неожиданного для него направления: «Виктор Федорович, вы знаете, что N-ская республика Российской Федерации закупила для своего МВД 14 БТРов?» Виктор Федорович изменился в лице: «Нет, я об этом не знаю. А как они могли их купить без нашего ведома?» — «Из республиканского бюджета. Сами постановили, сами выполнили. Это не наши деньги...»

Голос мой креп по мере того, как росла озабоченность Ерина: «Я сам узнал об этом только потому, что республиканский министр, с которым я нахожусь в хороших отношениях — человек порядочный, к тому же убежденный интернационалист, — недавно попросил меня выделить инструкторов для обучения собственных милицейских экипажей. Скажите, Виктор Федорович, кто может дать гарантию, что в этой республике не появится свой Дудаев? Что когда-нибудь этого министра не поменяют на какого-нибудь Алсултанова? Кто в таком случае будет противостоять мятежникам, если у меня на всю эту республику только один БТР-152, и тот не заводится, потому что 54-го года выпуска?.. Положение таково, что из-за нехватки бронетехники атомные станции и другие важные государственные объекты охраняют пешие, вооруженные только автоматами солдаты? Для сравнения: все, чем располагает весь Сибирский округ внутренних войск вместе с Новосибирским училищем — это 20 БТРов!»

Мой напор подействовал на Ерина, как и было задумано. Он легко, без споров и начальственного упрямства сразу со мной согласился: «А.С., ты прав. Ты меня убедил. Будем срочно войска реформировать».

Но что значили мои аргументы для армейцев, товарищей по оружию, которые, кажется, еще находились в плену вбитых им в училищах представлений о том, что каждый из них является защитником Отечества от врага исключительно внешнего — от заграничного агрессора. Им легче было себя представить штурмующими Лондон, чем признать, что сепаратисты на собственном Кавказе представляют для России куда более реальную угрозу, чем танкисты Бундесвера или американские морские пехотинцы. Чечня была для них чем-то едва достойным упоминания. Все, что касалось этой темы: террористические акты, расползание оружия по стране, таинственные полеты «кукурузников» из Чечни в Абхазию и действия антидудаевской оппозиции — они, безусловно, признавали тревожным, но в то же время относили исключительно к нашему эмвэдэшному ведению. По скучным лицам армейских генералов было видно, что им наша полицейская риторика неинтересна, а сами они совместные с нами совещания высиживают лишь для того, чтобы их не обвинили в бездействии и попустительстве. В общем — для галочки. И это были не какие-то чиновники средней руки, а очень влиятельные в Министерстве обороны и в Министерстве безопасности генералы, которые были не хуже нас информированы о происходящем, но реагировали на все куда более спокойно, чем мы. На одном из таких совещаний, 25 августа 1993 года, я особенно резко ощутил, что армейцы и контрразведчики, будто сговорившись, излучали вот эту спокойную уверенность людей, которые, во-первых, не убеждены, что им надо с кем-либо советоваться, а во-вторых, совершенно не разделяют наших тревог по поводу силы чеченского сопротивления.

Я, конечно, мог бы успокоиться, положившись на то, что уверенность наших соратников базируется на той конфиденциальной информации, которая поступала к ним из наработанных десятилетиями агентурных сетей ГРУ и КГБ. В этом смысле ВВ не шли с ними ни в какое сравнение. Но ведь и я не зря почти еженедельно поднимался в воздух с аэродрома «Чкаловский» и летел на Северный Кавказ. Не напрасно рассылал своих офицеров на КПИ вдоль административной границы с Чечней. Ручейки и даже потоки очень тревожной информации ежедневно сходились на моем рабочем столе, и все то, что я читал и видел собственными глазами, не позволяло мне расслабляться. Снова и снова я пытался убедить министра обороны и начальника Генерального штаба: «Мы же — военные люди... Наша профессия просто обязывает нас сесть и спланировать хотя бы начерно те военно-технические мероприятия, проведение которых может потребоваться в будущем». На

что один из моих собеседников отреагировал по-военному лаконично и с позволительной в кругу однокашников откровенностью: «А. С., что ты дергаешься? Тебе лично кто-нибудь задачу ставил? У нас что, есть директива, указание или указ президента? Что тебе больше всех нужно? Ты давай, не лезь, не суетись... Будет команда — будем делать...»

* * *

Под этим бессмертным девизом: «Будет команда — будем делать» все и развивалось в дальнейшем. Я же, понимая, что так мы далеко не уедем, вызвал из Ростова-на-Дону начальника штаба округа, выпускника Академии Генштаба генерала Павла Маслова и поставил задачу спланировать военно-технические мероприятия на случай ввода войск в Чечню. На свой страх и риск. По собственному разумению. Но с прицелом, что танкист Маслов, большую часть жизни прослуживший в Вооруженных Силах, сделает все как надо, увязав в единое целое и наши гипотетические действия, и вероятные действия армейцев, психология и амбиции которых были для него все равно, что открытая книга.

Там было несколько вариантов развития событий, учитывающих и усиление режима изоляции дудаевского режима, и введение режима чрезвычайного положения на границе с Чечней, и ведение активных действий по блокированию и уничтожению банд на территории самой республики. Вместе с генералом Анатолием Романовым мы тогда же изменили программу подготовки частей оперативного назначения, уделив в ней больше внимания тактике сопровождения колонн и тактике действий мелких подразделений ВВ. Все в рамках законов о внутренних войсках и обороне: никакой самодеятельности. В глубине души понимал, что это нам пригодится. Если бы спросили особенно строго, объяснил бы, что планирование чего-либо является моим коньком и я твердо убежден, что предварительное продумывание своих шагов вообще свойственно любому человеку и не является предосудительным.

Безмятежность армейцев хоть и злила, но в то же время заставляла работать усерднее и точнее. Во всяком случае мы не становились заложниками напрасных надежд и теперь рассчитывали не столько на мифологическую мощь наших Вооруженных Сил, сколько на собственные силы. При этом отчетливо вспоминались и те наши споры на семинарах и даже в курилках Академии Генштаба, когда заходила речь о том, стоит или не стоит армии вступать во внутренние вооруженные конфликты. Мнения были разными, а тема — злободневной. Уже были за плечами кровавые события в Фергане, в Сумгаите, в Баку, в Карабахе, но строгая отечественная военная наука по этому поводу помалкивала: в стране Советов если и случались волнения, то методы их подавления в учебниках не описывались. И уж, конечно, ничего в них не говорилось о том, должна ли армия, оставившая в Чечне более полусотни боевых и учебных самолетов, несколько десятков танков и полторы сотни артиллерийских орудий и минометов, включая установки «Град», теперь попросту умыть руки и отойти в сторону, освобождая дорогу силам МВД.

И тогда я возражал, напоминая, что миллионная армия, проедающая тысячи тонн казенной тушенки и сжигающая в двигателях столько же тонн народного топлива, просто не может позволить себе роскошь безучастного наблюдения за тем, как сепаратисты покушаются на территориальную целостность страны, а ее безопасность напрямую зависит от того, будет ли подавлен вооруженный мятеж. Я понимаю, что самолеты — учебные, но многие из них способны поднять 250-килограммовую бомбу... Кто будет их сбивать и жечь на земле? Кто будет давить огонь батарей? Кто будет бороться с танками, в которых сидят выдавшие виды тридцатилетние мужики — бывшие офицеры, сержанты, солдаты, имеющие опыт армейской службы и прошедшие войну в Афганистане? В Чечне нас ждала настоящая армия — умело отмобилизованная и отлично вооруженная.

На такие вопросы в нормальной стране отвечает не отдельный генерал-полковник, даже если он — доктор экономических наук, а военная доктрина государства.

В свое время, будучи слушателем академии, я не поленился задать вопрос

преподавателю, который, собственно, тем и занимался, что разъяснял на лекции суть военной доктрины СССР, — где можно прочесть этот основополагающий документ? Выяснилось, что это невозможно, так как не существует самого текста с названием «Военная доктрина», а сама она распылена во множестве других документов, из которых самыми серьезными считались закрытые — а значит, недоступные для чтения, — постановления ЦК КПСС по отдельным военным вопросам, «Наставление по ведению операций» и т. д.

Настоящую военную доктрину своего государства (я подозреваю, что единственную в его истории) я впервые взял в руки весной 1993 года по служебной необходимости и по просьбе ее разработчика — Юрия Владимировича Скокова, секретаря Совета безопасности. Именно он проделал эту колоссальную работу, представив проект доктрины на заседании, где присутствовали все командующие войсками военных округов и командующие внутренними и пограничными войсками. Тогда последовали серьезные возражения, и окончательный вариант основ военной доктрины Российской Федерации был утвержден только в октябре.

В ней четко обозначались задачи российской армии в условиях вооруженных конфликтов: изоляция мятежной территории, охрана стратегически важных объектов, оказание помощи органам внутренних дел и внутренним войскам в проведении специальных операций. Это было уже что-то. На этой правовой базе и был построен сложный, многоцелевой и связанный настоящим боевым сотрудничеством механизм, который позднее будет назван Объединенной группировкой федеральных войск в Чечне.

* * *

Я не стану комментировать те взгляды на чеченскую проблему, которые преобладали в Кремле, в Министерстве обороны РФ и российском Генеральном штабе на исходе 1993 года и в начале 1994 года. О них я не имею подробных представлений, так как командование внутренних войск в секреты государства по поводу Чечни тогда не посвящалось, а точка зрения российских генералов из МВД вряд ли всерьез интересовала президента: советчики и разведчики были преимущественно не из нашего ведомства.

Возможно, еще оставались надежды на то, что эта мятежная республика, оставленная без прямой поддержки федерального центра, очень скоро почувствует, что ее надежды на самостоятельную и независимую жизнь лишены каких-либо перспектив без международного признания и — что самое важное — без ресурсов России. Не исключаю и того, что взоры высших руководителей страны тогда были обращены исключительно на полки архивов бывшего КГБ, где, по общему разумению, и должны были находиться самые точные рецепты борьбы с национализмом и сепаратизмом.

Вот это поклонение мертвым спецслужбистским схемам я замечал позднее и в среде политиков, и даже в кругу военных профессионалов. На первый взгляд, верные и не раз испытанные, они и в Чечне должны были сработать безотказно. Ведь вроде бы в них были включены все необходимые меры воздействия на дудаевский режим. Но меня не покидала мысль, что все эти мероприятия — либо окутанные таинственностью, либо, наоборот, совершенно демонстративные — словно были списаны с академических учебников. С одной стороны, в отношении Чечни применялись экономические санкции, материально и морально поддерживалась антидудаевская оппозиция, с другой — слишком очевидным казалось то, что все эти, по сути, правильные меры не учитывали ни истории, ни национального характера чеченского народа.

Психология, обычаи и традиции горских народов Кавказа, среди которых, по общему признанию, чеченцы стоят особняком, требуют особой редактурой силовых решений. Я — кавказец по месту рождения — хорошо понимал это уже потому, что с детства общался с горцами. Это молчуны... Это особый тип людей, привыкших к трудной и зачастую небогатой жизни, проходящей в борении с природой и соседними народами. В борении за кусок хлеба. В горах скудный ресурсный слой, а каждый земельный надел, каждый склон,

пригодный для сенокоса, в свое время обильно полит человеческой кровью, так как обязательно был объектом чьих-нибудь справедливых или несправедливых притязаний.

Мало того, что каждый горец на генетическом уровне готов защищать среду своего обитания — единственную основу жизни рода и семьи, но точно также готов он к набегу в соседние пределы, чтобы за счет иноплеменного чужака пополнить жизненно необходимый ресурс. В основе этой былой корысти не жестокость и жажда насилия, а крайняя необходимость выстоять ради продолжения рода. В основе этой независимости горское одиночество и во всякое время готовая к отпору душа, которой не на кого положиться, кроме соплеменников. И этот непривычный для прочих уклад жизни я бы не стал называть пережитком прошлого: то, что складывается веками, невозможно изменить за десятилетия. К этому надо относиться как к данности, по-человечески оценивая то доброе и высокое, что бывает свойственно горским цивилизациям: отвагу, верность, гостеприимство, самоотверженность.

Говоря об этнических чеченцах, следует вспомнить не столько кавказские войны, сколько историю многовековой жизни всего вайнахского народа, частью которого они являются. Защищая собственное пространство на перенаселенном Кавказе, они выработали свой стиль жизни, который предусматривал относительное равенство всех чеченцев, их взаимовыручку в момент опасности и верховенство военной славы. Подобно многим горским народам, им свойственно, помимо общепринятых, возводить в ранг доблести такие человеческие качества, как смекалку и смелость, проявленные при добыче чужого добра или при захвате заложника. Там всегда будут поняты мотивы кровной мести. Никто не осудит за обман или воровство, если их жертвами были уроженцы чужой земли. В общем, все то, что, являясь предметом отвлеченных исследований этнографов и историков, нормальному жандармскому генералу, ответственному за порядок на вверенной ему территории, вовсе не кажется забавным и любопытным. Таковую народную удаль он называет дерзостью, такие мечты — умыслом, такие набеги — преступлением... И надо правильно понять его позицию: об абреках лучше читать в исторических романах, а не встречаться с ними в реальности на узкой горной тропе.

* * *

Вот и теперь чеченцы на все предпринятые экономические санкции ответили привычными для себя набегами на сопредельные территории России. Почувствовав очевидную слабость федеральной власти, они с весны 1994 года стали захватывать заложников в обмен на денежный выкуп. Первое же нападение, совершенное в Минеральных Водах, когда бандитов в конце концов с деньгами выпустили из аэропорта, их так вдохновило, что теперь они принялись захватывать заложников именно в этом аэропорту, словно по расписанию — каждый последний четверг месяца.

Нащупали они слабое место: всякий раз власть сдавалась, выпуская террористов невредимыми. В первом случае деньги вроде бы отняли, во втором — вернули лишь частично, не досчитавшись огромной суммы в долларах. Для тех, кто не помнит, уточню: счет шел на миллионы, а схема нападения была отработана до мелочей и чрезвычайно проста в исполнении. Захватывался самолет или автобус с пассажирами, выдвигались финансовые и технические требования. Словно из кассы, следовал расчет денежными мешками, а предоставленный бандитам вертолет, члены экипажа которого продолжали оставаться в заложниках, улетал в сторону Чечни...

Никакой политики тут не было: террор становился источником надежного заработка, а потому не было отбоя от желающих попробовать себя в этом промысле. Как, впрочем, не находилось среди некоторых генералов охотников взять на себя ответственность за проведение жесткой силовой операции, которая раз и навсегда положила бы конец этому воздушному бандитизму.

Понимаю их осторожную логику: лучше отдать несколько миллионов долларов и

обойтись без жертв среди пассажиров и участников контртеррористической операции, чем рисковать неизвестно за что. Вот эта безвольная позиция и послужила причиной тому, что каждый последний четверг месяца в минераловодском аэропорту теперь по заведенному распорядку пересчитывали доллары и готовили в заложники экипаж вертолета. Даже странно, что бандиты еще утруждали себя захватом людей и переговорами. Кажется, и без этого федеральная власть была готова на все, лишь бы не обременять себя обязанностями по вооруженной защите своих граждан от обнаглевших террористов.

В конце июля 1994 года я находился в командировке во Владикавказе и, закончив дела, собирался на следующий день улететь в Москву. Где-то в 16.00 — я как раз проводил совещание с офицерами нашей войсковой оперативной группы — раздался телефонный звонок из МВД страны. Меня разыскивал генерал Михаил Егоров, первый заместитель министра внутренних дел. Сообщил, что в Минводах опять чрезвычайное происшествие: три вооруженных чеченца захватили в заложники пассажиров автобуса и требуют денег и вертолет в обмен на человеческие жизни. Егоров не отдавал приказ, а советовался: «Как быть? Ты находишься на Северном Кавказе. Быть может, возьмешь на себя руководство операцией?» Я сразу же согласился, но Егорова честно предупредил: «Конечно, возьмусь, но ты имей в виду, что я их, бандитов, оттуда не выпущу!» «Ну ты там посмотри на месте...» — аккуратно заметил Михаил Константинович, и его слова можно было расценить, что он согласен со мной абсолютно.

Как бы там ни было, когда уже в сумерках мой вертолет приземлился в аэропорту Минвод, я отчетливо понимал, что все истинные ударения в словах начальствующих лиц будут расставляться в зависимости от исхода операции по спасению заложников, и никак не раньше. Впрочем, меня это ничуть не беспокоило. Гораздо важнее было понять, как чувствуют себя удерживаемые в «Икарусе» люди и насколько опасны их захватчики. Выслушал доклад: «Нападавшие вооружены пистолетами и гранатами. Настроены решительно. Автобус стоит перед главным аэровокзалом». Еще не съехав со взлетной полосы, отдал команду: «Икарус» увести в сторону аэровокзала «Минводы-2», расположенного неподалеку. Там было легче держать ситуацию под контролем. И место не такое людное, и позиция для штурма отменная. Оставалось хорошенько подготовиться: выяснить требования террористов и состояние заложников, дожидаться прибытия специалистов, способных взять штурмом автобус или вертолет. Иной развязки операции я не предусматривал, твердо решив довести начатое дело до конца.

В этом отношении был солидарен со мной и находившийся тут же, в аэропорту, министр безопасности Сергей Степашин. Таково уж было его отпускное счастье, что в самый разгар событий он оказался неподалеку: отдыхал в одном из кисловодских санаториев. Степашин, сам некогда служивший во внутренних войсках, держался очень демократично, и на мой вежливый вопрос, не желает ли он, министр, взять управление операцией в свои руки, ответил так: дескать, он не сомневается в том, что поставленная правительством РФ задача мне по плечу, а значит, нечего менять коней на переправе.

Скоро выяснилось: чеченцы хотят 15 миллионов долларов. Об этом я проинформировал Москву, попросив доставить деньги в минераловодский аэропорт.

Отдавать навсегда я их не собирался, но сами мешки, набитые пачками денег, были необходимы как театральные реквизиты. Так как приходилось считаться с тем, что кто-нибудь из террористов захочет проверить содержимое мешков. Рублями или резаной бумагой тут не обойдешься. К тому же и сами бандиты теперь были поставлены перед фактом: требуется несколько часов, пока эта сумма, совершенно непосильная для банковской системы Ставропольского края, прибудет из Москвы специальным рейсом. В свою очередь нам за эти оставшиеся часы следовало прикинуть план операции и собрать силы, которые уже находились в пути.

Первым делом была организована работа штаба операции, руководителем которой был официально назначен в соответствии с поручением первого вице-премьера российского правительства Сосковца: об этом он лично сообщил мне по ВЧ, как только я прибыл на

место. Без подобного решения не могло идти речи о том, чтобы увязать в единый кулак все высаживающиеся, подлетающие и еще только собирающиеся отправиться в Минводы боевые антитеррористические подразделения, а также деятельность самых разнообразных структур. Для некоторых из них в обычной жизни командующий ВВ и заместитель министра внутренних дел генерал-полковник Анатолий Куликов начальником не являлся. Но в такие минуты властная подпись одного из руководителей правительства все расставляет на свои места: участники операции, откуда бы они ни были: из милиции, госбезопасности, погранвойск или из «Аэрофлота» — обретают единого командира и начинают совместную работу.

Переговорами с бандитами занялся офицер милиции Ревенко, замначальника кавминводского УВД, чрезвычайно поднаторевший в этом деле за последние месяцы. Разговаривал он с чеченцами по телефонному аппарату, который был нами передан прямо в автобус.

У этого известного всем устройства связи, помимо того, что мы могли как-то контролировать террористов — увещевать, мелочно рядиться за каждый доллар и даже слушать их нервные исповеди, — была еще одна особенность: мы теперь знали, что творится в автобусе. И не только тогда, когда между нами и террористами происходил очередной разговор, но ежесекундно, так как технические возможности телефона позволяли слышать и разговоры боевиков между собой, и реплики заложников. Все это позволяло реконструировать картину захвата и определить боевые возможности террористов. Действительно ли вооружены так основательно?.. Их все-таки трое или есть еще группа поддержки, которая до поры до времени маскируется под заложников?.. С кем имеем дело — с любителями или профессионалами?..

Первыми в Минводах высадились бойцы краснодарского филиала «Альфы». Их командир, разобравшись в ситуации, честно признался мне, что такая задача ему не по зубам. Давить на него я не стал: любой командир всегда знает, на что способны его люди, оружие и техника. Особенно когда предполагается скоротечный бой, требующий от человека не только специальных навыков, но и почти жертвенной отваги. В свою очередь для штурма террористов следом прилетел отряд «Вега». Этих ребят я знал: это был антитеррористический отряд МВД, скроенный по образцу и подобию «Вымпела» из его же бойцов, тех самых, что в октябре 1993 года открыто высказали сомнение в целесообразности штурма Белого дома.

Перевод этих офицеров из привилегированной контрразведки в милицейское ведомство некоторыми тогда расценивался как проявление недоверия. Многие, включая прежнего командира — Дмитрия Герасимова, моего однокашника по Академии Генштаба, — с этим не смирились и нашли себе иную службу. Остальные стали костяком нового антитеррористического отряда — уже эмвэдэшной «Веги», — в обустройство которой Министерство внутренних дел вложило немало средств и очень много сил. К перешедшим офицерам мы отнеслись сердечно, по-товарищески, отлично понимая, что творится у них на душе. Все эти детали я знал, потому что в свое время по просьбе министра Ерина занимался техническими проблемами перевода этого отряда в наше министерство.

Но таково уж свойство «царских подарков»: надо быть готовым к тому, что и отнять их могут в любой момент также по высочайшему повелению. Так впоследствии случилось и с «Вегой». У Барсукова, назначенного после Степашина новым руководителем ФСБ, хватило влияния в Кремле, чтобы инициировать возвращение «Веги» под управление контрразведки. Как я ни сопротивлялся, но президентскому указу был вынужден подчиниться, сохранив добрую память об этих людях, которые в любом качестве всегда выполняли свою работу честно и самоотверженно.

Вот и тогда, в Минводах, пока парни выгружали на бетонку свое боевое имущество, командир «Веги» внимательно слушал замысел операции. В конце кивнул и попросил время на подготовку. Вот эта спокойная и расчетливая уверенность в своих силах убедила меня в том, что именно бойцы «Веги» в предстоящем штурме будут играть основную роль.

В общих чертах наш сценарий предстоящей операции выглядел так: мы делаем вид, что уступаем требованиям террористов. Мы даже дадим им перейти из автобуса в вертолет, что сулит нам некоторые выигрыши. Во-первых, от части заложников бандиты будут вынуждены отказаться: и места в вертолете меньше, и его взлетный вес ограничен. Во-вторых, людская сутолока во время пересадки позволяла еще раз оценить реальные силы террористов. В-третьих, мы играли на подготовленной площадке: в вертолете засучив рукава уже работали специалисты... Одни делали его непригодным к полету, но так, чтобы этого не заметил даже самый взыскательный взгляд: среди чеченцев мог оказаться свой пилот. Другие — загодя готовили створки заднего люка, через который должна была ворваться штурмовая группа. Третьи — прятали пистолет: он мог пригодиться экипажу в крайнем случае.

Пока все это происходило, бандиты нервничали и крутились на автобусе по рулевым дорожкам и запасной полосе, не вылезая, правда, на основную ВПП, куда должен был сесть самолет с будущим выкупом. С ездой террористов по летному полю приходилось мириться: таким было их неременное условие. Они полагали, что ночной штурм движущегося автобуса — выше наших возможностей.

Прибывший из Центробанка России чиновник доложил, что деньги прибыли, и я немедленно выделил людей для их охраны. Эти миллионы следовало приберечь для решающего момента, когда, подобно блесне, они пронесутся перед глазами бандитов, ничем не напоминая о том, что крючок на золотой болванке создан как раз для подсечки — для последнего неожиданного рывка.

Все шло хорошо. Как мы и предполагали, переходя в вертолет, террористы вынуждены были освободить нескольких заложников. Уже и бойцы «Веги» заняли удобные для штурма позиции, а мешки с деньгами повезли к вертолету, как неожиданно оттуда донеслись выстрелы.

Сам захват преступников предполагал и стрельбу, и взрывы свето-шумовых гранат, вот только все это должно было случиться несколько позже — после того как бандитам покажут деньги и наша хитрая оперативная игра, усыпляющая бдительность чеченцев перед ошеломительной атакой спецназа, завершится по нашей инициативе. Вот тут я и должен был отдать последний приказ по радио: «Вперед!» Командир «Веги» был строго-настрого предупрежден, что штурм начинается по моей команде. Однако у вертолета и в вертолете гремели выстрелы. Я понял, что в последние секунды там произошло что-то экстраординарное. И это заставило спецназ действовать по обстановке.

Как оказалось впоследствии, у одного из бандитов не выдержали нервы и он открыл огонь в вертолете. Офицер из «Веги», майор, находившийся в готовности к штурму, услышав выстрел и крики, понял ситуацию так, что преступники начинают расправу с заложниками. В подобных случаях, по всем правилам, необходимо принять меры к тому, чтобы погибло как можно меньше людей — то есть сходу атаковать террористов. Что и было незамедлительно сделано: были вскрыты створки вертолета и «Вега» рванула вперед.

Все, что происходило дальше, уложилось в доли секунды и подчинялось только логике короткого, яростного боя, в котором одни ложились костями за заложников, а другие — дорого продавали собственную жизнь.

Один из террористов успел-таки бросить гранату, которая, вероятно, находилась у него в руках, либо без чеки, либо в таком положении, что достаточно было мгновения, чтобы рвануть ее из запала.

Граната взорвалась, разметывая тела по вертолету: были убиты три заложника. Но и в этой суматохе отчаянной свалки не растерялся пилот: из пистолета, который был заложен в тайник, он уничтожил одного из бандитов — именно того, который первым открыл огонь и застрелил заложницу.

Остальные двое были задержаны, но от этого было не легче. Как мы ни старались, жертв среди заложников избежать не удалось. В дальнейшем этот эпизод станет поводом для различных спекуляций: дескать, неизвестно от чьих гранат и пуль погибли мирные люди... Я

думаю, только наивный человек может полагать, что захват заложников и последующая операция по их освобождению — это что-то вроде аттракциона или компьютерной игры, где все опасности эфемерны, а человеческое ожесточение — только одна из иллюзий. Всегда учитывается вероятность того, что террористы — либо для устрашения, либо из чувства обреченности — начнут убивать заложников. На этот случай и припасено золотое правило: как только заложники начинают гибнуть, антитеррористическая группа начинает действовать немедленно. Для того, чтобы любой ценой спасти остальных. В этом есть и прагматический расчет: хоть кто-то останется жив. В этом жесткий и поучительный урок тем, кто вознамерится в будущем брать заложников по каким-либо причинам. Их жестокость не сломит нашей воли!

Но это не означает, что кому-то придет охота устраивать показательные кровопролитные штурмы. По-человечески хочется, чтобы все обошлось и чтобы в конце концов кто-то радостно выдохнул: «Все живы... Все нормально...»

Но, к сожалению, ощущение беды уже не покидало, как только раздалась первая выстрелы и взрыв, оказавшийся взрывом боевой гранаты в замкнутом пространстве вертолета. И быстрее, чем могла бы дойти до нас, находящихся на командном пункте, взрывная волна, ощущение неудачи будто прошелестело в рядах разнообразных советчиков и тех официальных лиц, которые примчались в минераловодский аэропорт, чтобы отбыть повинность... И я буквально спиной почувствовал, как быстро начали исчезать, растворяться в пространстве некоторые из этих людей, так как хорошо известно, что у победы бывает много родителей, а поражение, напротив — всегда сирота... Кому ж охота числиться участником неудачной операции? Особенно если есть человеческие жертвы?

Понимая, что все это мне придется долго и подробно рассказывать очень серьезным и несентиментальным людям, сразу после завершения операции я попросил работников прокуратуры очень тщательно исследовать обстоятельства штурма. Картина происшествия, восстановленная буквально по секундам, не оставляла сомнений в правильности принятого решения: причиной немедленной реакции спецназа стал расстрел заложников. Была убита женщина, и ничего другого, кроме как броситься в бой, не оставалось.

При этом надо учитывать, что в оружейных магазинах штурмовой группы были холостые патроны, создающие имитацию огня лишь для того, чтобы сломить волю террористов к сопротивлению, а детальная экспертиза, даже растянувшись на годы, была очень точна в выводах: часть людей погибла от взрыва гранаты, а женщина — от пули бандита. Во время штурма никто из заложников не стал жертвой ошибки «Веги», никто не погиб от ее огня.

Об итогах операции в минераловодском аэропорту я подробно проинформировал первого заместителя министра внутренних дел генерала Егорова, а также генерала Абрамова, в тот момент оставшегося за министра. Но не прошло и суток, как мне позвонил один из высокопоставленных чиновников российского правительства и попросил срочно прибыть в Москву для участия в совещании. Не оставалось сомнений, что предстоит детальный разбор операции и, возможно, суровые оргвыводы в отношении моей персоны.

Уже в Москве, куда я вылетел в твердой уверенности, что мне раскаиваться не в чем, из окружения генерального прокурора до меня донеслось известие, что сам генеральный прокурор Ильюшенко вроде как высказывал идею привлечь Куликова, либо кого-то иного из руководителей операции, либо всех вместе к ответственности, которая, если о ней говорят так откровенно, означает уголовную ответственность, чреватую тюремной отсидкой.

Так это было на самом деле или иначе — обсуждать не берусь, но градус общественного внимания к произошедшему в Минводах был действительно повышен за счет сообщений российских и зарубежных СМИ. Поэтому именно через средства массовой информации пришлось объясняться в свою очередь и мне уже на следующий день после доклада в Доме правительства. И там меня поняли. Российской прессе оказалось достаточно моего искреннего рассказа, подкрепленного видеосъемкой, которая беспристрастно фиксировала все детали операции, включая ее драматическую развязку.

* * *

После этого все встало на свои места. Даже самые далекие от чеченской тематики люди поняли, что независимость Ичкерии в дудаевской версии означает одно: отсутствие зависимости бандитов от каких-либо моральных принципов. Все остальное — просто риторика, которая к середине 1994 года многими кавказскими народами, соседями Чечни, воспринималась уже не так, как в самом начале 90-х годов, когда эти идеи звучали свежо, остро и, казалось бы, не были замешаны на людской крови.

От президента Кабардино-Балкарии Валерия Мухамедовича Кокова, с которым мы после известных событий в Нальчике по-человечески подружились, мне была известна одна поучительная история, случившаяся в Дагестане на дне рождения замечательного и всем известного поэта Расула Гамзатова. Как гость прибыл на нее и Джохар Дудаев. Как кавказец произнес уважительный тост в честь юбиляра, значительная часть которого, правда, опять-таки посвящалась независимости Чечни, а подарком стал какой-то очень дорогой автомобиль белого цвета — должно быть, он символизировал результаты экономической деятельности жителей этой республики.

Гамзатов вежливо выслушал чеченского президента и подарок принял. Вот только ответное слово, будучи мастером метафоры, выстроил, как подобает настоящему поэту. «Рядом со мной, — сказал он, — сидит моя любимая жена Патимат. Должен заявить: как только женился на этой женщине, я потерял всякую независимость... Ни о каком суверенитете нельзя говорить серьезно и ответственно, если мы живем в многонациональной стране. Как нельзя говорить о независимости человека, который связан семейными узами и какими-то иными обязательствами. О какой независимости вы ведете здесь речь?..» Это был вопрос Дудаеву, но многие восприняли его как прямой и исчерпывающий ответ поэта, для которого мало что значит обладание политической или военной властью, но почти все — человеческая сердечность, ум и бескорыстие. Как мне сказали, никто из тех, кто присутствовал на юбилее Расула Гамзатова, солидаризироваться с Дудаевым не стал. Президент Чечни это понял и вскоре уехал.

Может быть, я что-то переиначил в словах поэта. Но только не смысл этих слов, полных любви к Кавказу и желания мира для этой замечательной и в то же время многострадальной земли.

Народов на Кавказе действительно много. И никакой военной силы не хватит, чтобы справиться с чеченским сепаратизмом, если не найти понимания этой ситуации у кабардинцев, аварцев или, скажем, кумыков.

Сгоряча брошенный чеченскими исламскими фанатиками клич о священной войне — газавате — вовсе не пустой звук для многих мусульман, живущих с Чечней по соседству.

Что произойдет, если неверно будут истолкованы соседями чеченцев намерения федеральной власти положить конец бандитизму и террору?

Точки зрения руководителей северокавказских республик на это опасное, но ко многому обязывающее соседство, как это спонтанно произошло на юбилее Расула Гамзатова, надо было столкнуть в общей политической дискуссии. Ничего, если в связи с традициями Востока на такой встрече будет сказано немало осторожных слов, но ведь и сам Кавказ — не та территория, где можно делать что-либо без осторожности или такта.

Сразу же по возвращении из Минвод я был предупрежден: на даче одного высокопоставленного представителя администрации президента в подмосковной Жуковке будет проведено рабочее совещание, на которое приглашены руководители северокавказских республик. Вечером того же дня это совещание состоялось. Большинство руководителей национальных республик на нем присутствовали, но среди собравшихся я не увидел ингушского президента Руслана Аушева.

Мне неизвестны истинные причины, по которым Аушева тогда не пригласили в Жуковку. Это могло случиться по разным обстоятельствам, но нельзя исключать и того, что

Руслан Аушев был намеренно проигнорирован администрацией президента Российской Федерации. Ни для кого не было секретом, что президент Ингушетии в ту пору был дружен с Дудаевым, а его собственные планы в случае принятия силового варианта, если говорить честно, были мало кому известны.

Сама Ингушетия в те дни еще не оправилась от бедствий военного конфликта с Северной Осетией, и настроения многих ингушей, прошедших через горнило войны и потерявших в нем родных и нажитое добро, были близки к тому, чтобы в любую минуту обернуться гневом. В такой обстановке было понятно, что силовое давление на Чечню у ингушей восторга не вызовет. Но вот каким будет следующее движение их души — во многом зависело именно от Аушева. Он и так держался достаточно автономно, показывая, что его политический авторитет в республике, заслуги Героя Советского Союза и личный боевой опыт, полученный в Афганистане, дают ему право без посторонних советов строить будущую судьбу Ингушетии и ингушского народа.

С особенностями характера Аушева приходилось считаться. Хотя не всякие его слова и поступки можно было истолковать как союзнические, а его откровенно дружеские контакты с отколовшимся от России Дудаевым не только у меня вызывали чувство настороженности. Однако следовало понимать, что положение, в котором оказался Руслан Аушев, глава субъекта Российской Федерации, мало кому могло показаться привлекательным. Причина вооруженного раздора с Осетией — Пригородный район — так и остался в Северной Осетии, а вернувшиеся в него ингуши, казалось, жили на кратере вулкана. При всех усилиях, которые прикладывала федеральная власть, на этой территории продолжали гибнуть люди, а некогда зажиточные села представляли собой заросшие травой развалины, где на уцелевших стенах всего-то и было, что аккуратные росписи саперов: «Проверено. Мин нет».

Формально конфликт был прекращен, но война продолжала жить в душах людей. Достаточно к этому ощущению пережитой несправедливости прибавить безденежье, безработицу и те трудности, с которыми столкнулись Ингушетия и Северная Осетия, вынужденные принимать и содержать на довольствии тысячи беженцев, чтобы понять истинные настроения жителей этих республик, и особенно ингушей — по поводу их пребывания в составе Российской Федерации. Все это усугублялось и тем, что часть населения Ингушетии еще не растеряла боевого азарта и расценивала помощь Чечне как братский долг и религиозную обязанность.

Так что отсутствие Аушева на совещании в Жуковке не следовало расценивать как проявление неуважения к мнению ингушского народа. Скорее, это было сделано из опасения, что особые отношения Дудаева и Аушева не позволят президенту Ингушетии поддерживать тот режим конфиденциальности, который был необходим федеральному центру накануне решительных действий в отношении дудаевской Чечни. Всех и собрали, собственно, для того, чтобы задать без обиняков один вопрос: что делать? Такова во всяком случае была официальная версия администрации, хотя по всему чувствовалось, что замысел преследовался несколько иной: подготовить северокавказских руководителей к тому, что восстановление конституционного порядка в Чечне не за горами и что силовым вариантом решения этой проблемы вовсе не исключен.

Никто ни на кого не давил, и все точки зрения высказывали совершенно свободно. Отложилось в памяти и то, как обстоятельно выступил Ахсарбек Хаджимурзаевич Галазов, руководитель Северной Осетии, настаивавший на необходимости комплексного решения кавказских проблем, включая Закавказье.

В общем, высказывались достаточно здравые и интересные мысли, которые итожились примерно так: конечно, если не будет другого выхода, то придется принимать решительные меры... Впрочем, с оговоркой, что до самого последнего мгновения не следует прекращать усилий, убеждая Б.Н. Ельцина и Д.М. Дудаева встретиться лицом к лицу и, таким образом, разрядить обстановку.

* * *

Я и сегодня уверен в том, что такая встреча, если бы она состоялась, могла предотвратить либо саму войну, либо существенно повлиять на то, что сопротивление чеченцев, оказанное нам впоследствии, было бы не таким ожесточенным и стоило бы меньше человеческих жизней. Каким бы воинственным ни считался чеченский народ, но в нем достаточно трезвомыслящих людей, которые обязательно бы сделали правильные выводы, если бы миролюбивые инициативы президента России вдруг натолкнулись на резкое неприятие Дудаева, на его упрямство или, скажем, на болезненное властолюбие. Одно дело — драться за национального лидера и национальную идею, которые «отвергаются высокомерной метрополией» и совершенно другое — за амбициозного военного пенсионера, потерявшего чувство реальности.

Без идеологических и религиозных козырей Дудаев играл бы менее напористо. Без них он просто не собрал бы столь многочисленные силы своих сторонников, движимых чувством общенациональной обиды за то, что их «даже не выслушали...»

Для одних достоинство народа — это просто отвлеченный термин, для других — совершенно конкретная ценность, достойная самоотречения и подвига. Убежден, что механизм дудаевской пропаганды был бы полностью или частично обесчещен, если бы встреча президентов произошла именно тогда, а философию этих несостоявшихся переговоров определяло бы слово «терпение», а не мальчишество, стремящееся продемонстрировать силу. Но эта возможность, как мы знаем, была, к величайшему сожалению, упущена.

Впрочем, неблагоприятное это дело заниматься моделированием прошлого, особенно если в силу положения и служебных обязанностей ты сам не участвовал в выработке стратегических решений, не знаешь всех привходящих обстоятельств, а твои размышления основаны на предположениях.

Моя собственная роль на этом совещании ограничивалась докладом текущей обстановки на Северном Кавказе.

Оставалось надеяться, что умные и расторопные советники президента для того и существуют, чтобы предложить руководителю государства самый бескровный, эффективный и просчитанный в мелочах план действий. Но для оценки действительности недостаточно свидетельств второстепенных участников игры, так как все они будут носить разрозненный, бессистемный характер. Истинную подоплеку событий знает только один человек — первый президент России Б.Н. Ельцин, обладавший в ту пору подлинной монополией на решения такого масштаба.

Свое видение событий, являвшихся прологом вооруженного конфликта в Чечне, Б.Н. Ельцин так изложил в книге «Президентский марафон»: «Летом 1994 г. чеченской проблемой стали заниматься вплотную. Тогда во властных структурах имела хождение такая теория. Власть Дудаева на территории Чечни крайне непрочна. Новый режим в республике опирается на влияние тейпов (родов), и, хотя он поддерживается старейшинами, между тейпами идет страшная вражда, война за влияние и власть. Постоянно на территории Чечни возникают вооруженные конфликты — то в Грозном, то в Надтеречном районе. Производство остановлено, ничего не работает, не функционирует, народ измучен и уже по горло сыт дудаевскими обещаниями. Все хотят какой-то стабильности. Пришло время России вмешаться — с помощью новых антидудаевских сил внутри республики. События в Грузии показывают, что, когда лидер зарывается, начинает бесчинствовать, авторитетная национальная интеллигенция готова поддержать альтернативные, как правило, ориентированные на Россию, политические группы. Давайте создадим здесь, в Москве, где живет много авторитетных чеченцев, некий новый орган, который возглавит это движение. Есть немало подходящих кандидатур — Автурханов, Гаджиев, Завгаев.

Стадии плана были таковы. Постепенно осуществить плавный вброс в Чечню антидудаевских настроений и сил. Помочь деньгами, если надо — специалистами. Добиться, чтобы народ сам прогнал Дудаева. А если начнется вооруженный конфликт — не допускать

кровапролития. Миротворческие усилия всегда пользуются поддержкой народа: это мы уже знали на опыте Таджикистана, Приднестровья.

И я согласился на этот план».

Столь обширная цитата из книги Б.Н. Ельцина приведена для того, чтобы проиллюстрировать не столько сами события, сколько методологию принятия решений высшим руководством страны и, насколько это возможно, — ведь и я сам где прямо, а где косвенно был их участником — детализировать факты во имя исторической правды.

Совещание в Жуковке, конечно, ничего не решало, но служило верным сигналом того, что к концу июля или к началу августа 1994 года политическое руководство России склонилось к мнению, что конституционная власть в Чечне должна быть восстановлена. При этом не исключалась возможность применения Вооруженных Сил России. Не стану оспаривать правоту Ельцина в оценке общеполитической ситуации в Чеченской Республике на тот момент: Дудаев действительно не контролировал ситуацию в республике, а его режим, ежеминутно прибегавший к насилию, только ускорил появление оппозиции. Уже были физически уничтожены некоторые депутаты чеченского парламента, разогнана законодательная власть. Уже реально действовали вооруженные отряды Руслана Лабазанова и Бислана Гантамирова.

И хотя все эти контакты с оппозицией, все эти манипуляции с планами и лидерами враждебно относящихся к Дудаеву оппозиционных отрядов были, конечно, «хлебом» контрразведчиков ФСБ и разведчиков из ГРУ, я тоже по мере возможностей старался быть в курсе событий. Мои оценки, касающиеся сплоченности и боеспособности антидудаевской оппозиции, кому-то могут показаться чересчур резкими, но они отражают именно мое видение ситуации. При этом я не стал бы тревожить память очень честных и самоотверженных людей, которые состояли в рядах оппозиции и отдали свои жизни в борении с бандитским режимом Дудаева.

Но если называть вещи своими именами, оппозиционность некоторых чеченцев часто носила особенный характер и основывалась не на идеологических разногласиях с Дудаевым, а часто на почве неразделенной власти или неразделенных денег. Их биографии часто являли собой жизнеописания отъявленных авантюристов, а их политические декларации даже в состоянии оппозиционности ничем не отличались от образцов официальной пропаганды Ичкерии: те же обвинения России в многовековом угнетении, те же мифы о «многовековой» Кавказской войне, те же требования признать Чечню в качестве самостоятельного государства. Приходилось делать выводы о том, что многие оппозиционеры неожиданно обернулись пламенными интернационалистами после того, как были в чем-то ущемлены Дудаевым, и теперь строили новые ниши в политике и в бизнесе для того, чтобы физически выжить.

Пытаясь самостоятельно разобраться в отличиях и оттенках народившихся в Чечне оппозиционных формирований, я пригласил к себе для беседы одного известного в Чечне человека, некогда бывшего моим сослуживцем в одной из дивизий внутренних войск. Хотел узнать его мнение. Посмотреть его глазами на обстановку внутри Чечни. На мой вопрос, сможет ли он, если понадобится, оказать профессиональную помощь этим людям, мой собеседник без всякой охоты ответил: «Конечно, помогу. Но если хочешь знать мое мнение, это никакие не оппозиционеры. Это такие же моджахеды...»

Догадываясь, что основные ставки сделаны именно на антидудаевскую оппозицию, я счел необходимым по собственной инициативе встретиться с самыми значительными ее представителями. Кого-то из них знал раньше, с кем-то познакомился впервые. По моему убеждению, именами Саламбека Хаджиева, Доку Завгаева и, может быть, Магомеда Магомадова список серьезных политических фигур и представителей настоящей чеченской оппозиции исчерпывался полностью. Хаджиев, например, человек очень серьезный и искренний, в тот срок, что был отпущен ему впоследствии для руководства освобожденной Чечней, работал с душой и сделал немало доброго. Некоторые обвиняли его в излишней эмоциональности, но, на мой взгляд, это ничуть не мешало делу. С Доку Завгаевым я тоже

был знаком несколько раньше, и наши отношения отличались взаимным человеческим интересом и уважением.

Не скрою, мне всегда хотелось услышать от него объективную и, возможно, самокритичную оценку его действий на посту руководителя Верховного Совета Чечено-Ингушетии в 1991 году, но в этом крылся чисто профессиональный интерес, помогающий вскрывать ошибки и заблуждения прошлых лет. Очень долго у меня не проходило ощущение, что Доку Гапурович Завгаев в те времена очень рискованно кинулся в бурные воды суверенности и ему было трудно уберечь республику от надвигающейся волны сепаратизма.

Фамилия Автурханова впервые была упомянута на июльском совещании в Жуковке в контексте тревожного сообщения: «Автурханов в Знаменском просит о помощи!..» Или что-то в этом роде.

Познакомился я с ним в апреле 1993 года, когда по моей просьбе Автурханов приехал в Моздок. Один из запомнившихся эпизодов этой встречи я уже описал ранее, но стоило бы добавить еще несколько характеризующих этого человека деталей, выясненных мной заранее: Автурханов, как и я, окончил Владикавказское училище внутренних войск, но в 1968 году. Последним местом его службы, если не изменяет память, был специальный моторизованный батальон ВВ в Сухуми. Вот только уволился он из войск как-то не по-хорошему, оставив за собой шлейф недомолвок о совершенном преступлении, о возбужденном по этому поводу уголовном деле... Так и не знаю, были ли в его судьбе суд, обвинение и наказание, но, разговаривая с ним, не смог скрыть некоторой настороженности.

Что же касалось тех оппозиционных формирований в Надтеречном районе, которые и возглавлял лидер местного тейпа Автурханов, у меня сложилось стойкое убеждение, что эта оппозиция взошла на почве родовой неприязни и может претендовать на влияние только в том районе, где имеются ее исторические корни. Сомнительными казались и уверения, что в их рядах тысячи бойцов и все, что им нужно для победы — это только оружие. Как оказалось впоследствии, возможности оппозиции были сильно преувеличены, что обернулось подлинной трагедией во время так называемого «добровольческого штурма» 26 ноября 1994 года.

Подчеркну еще раз: командование внутренних войск в истинный замысел этой операции, где главная роль в свержении режима Дудаева отводилась антидудаевской оппозиции, официально не посвящалось. Конечно, мы чувствовали активность людей из ведомства Сергея Степашина, в котором за это направление работы отвечал начальник московского Управления ФСБ Евгений Савостьянов. От имени правительства полномочиями в этой операции был наделен Александр Котенков, которого я неплохо знал по совместной работе в зоне осетино-ингушского конфликта, и некогда даже принимал участие в офицерском «обмывании» его генерал-майорской звезды.

В конце октября 1994 года я снова полетел на Кавказ, чтобы заняться текущими делами войск: в Моздоке шло развертывание батальона, надо было посмотреть, как несут службу наши военнослужащие на КПП, как помогают милиции в приграничье. Обычная командировка командующего, который должен знать обстановку и чувствовать нерв времени. Перед самым вылетом мне позвонил Сергей Степашин и попросил взять с собой Савостьянова. Вместе отправились в путь, но в Моздоке каждый из нас занимался своими делами. Я работал с Анатолием Романовым, который незадолго до этого принял в Моздоке командование над нашей войсковой оперативной группой, но наши заботы никак не касались той очевидной суеты спецслужб, для которых Моздок и его военный аэродром представляли собой удобную базу для переброски в Чечню людей, техники и оружия.

В ту пору от Савостьянова и Котенкова я узнал о существовании закрытых решений правительства об оказании помощи оппозиции, но об этом можно было догадаться и по присутствию на одном из совещаний Бислана Гантамирова, отряд которого действовал против Дудаева. Бойцы этого полевого командира еще 24 августа колонной на БТРах пытался прорваться к Грозному, но в районе Черноречья были остановлены танками

Шалинского полка и отступили. Гантамиров в ту пору был на слуху, и с его именем, насколько мне известно, были связаны кое-какие надежды. Его появление в Моздоке было признаком, что подготовительные мероприятия, целью которых было освобождение республики силами оппозиции, шли полным ходом. Еще одно свидетельство этому я получил от Степашина, когда на одном из совещаний он неожиданно заявил, что выделит ВВ «часть денег», хотя мы сами ничего не просили. Семь миллиардов рублей и впрямь были получены и пошли на содержание и подготовку частей внутренних войск, находящихся в этом регионе. В денежном выражении — я это прекрасно знаю от следователей военной прокуратуры — вся эта суতোлка обошлась в несколько десятков миллиардов рублей, хвосты которых российская прокуратура разыскивала вплоть до 1998 года, а может быть, делает это и сегодня.

Что касается технической стороны дела, накануне событий, в соответствии с постановлением правительства России, внутренние войска начали принимать от Министерства обороны оружие и технику, предназначенную для передачи силам оппозиции. Формально это осуществлялось через батальон ВВ в Моздоке, а практически уже на территории Чечни, куда отправились несколько наших специалистов, наблюдавших за тем, что все передается в исправном состоянии и в заранее согласованном количестве.

Я выполнял приказ, но душа моя была не на месте. Понимал, что достаточно дуновения политического ветерка, чтобы часть оппозиции, до этого демонстрировавшая союзнические чувства, либо струсит, либо — в лучшем случае — продаст оружие на базаре. Конечно, я не волянил, но, признаюсь честно, когда мне докладывали, что у оппозиционеров нет людей, умеющих применять огнеметы, станковые гранатометы или групповое оружие, — все то, что в случае утраты или обмана могло быть повернуто против нас, — я проявлял осторожность. «Нет специалистов? — переспрашивал я, — тогда и не передавайте...».

На одном из совещаний я впервые услышал — докладывал Савостьянов — идею о том, что нехватку военных специалистов в рядах оппозиции можно ликвидировать за счет профессионалов, нанятых за деньги. Некоторым эта мысль показалась весьма остроумной: с одной стороны, репутация официальной России при любом исходе оставалась вроде бы безупречной, с другой — сладкой музыкой в ушах некоторых генералов еще звучали обещания, которые вдували им Автурханов с Гантамировым: мол, дайте нам пару десятков танков, дайте нам экипажи, которые умеют стрелять, а остальное решится само собой...

Конечно, все это меня очень настораживало и на одном из совещаний, проходившем в начале ноября 1994 года в кабинете Степашина на Лубянке, в присутствии начальника Генерального штаба генерала Михаила Колесникова и руководителя администрации президента Николая Егорова, я прямо высказал свои сомнения на этот счет, подчеркнув, что не верю в успех задуманного мероприятия. Что в Чечне должны действовать Вооруженные Силы, то есть армия, и внутренние войска. На что Колесников загадочно ответил: «Только внутренние войска, Анатолий Сергеевич... Только внутренние войска...»

Мне показалось, что начальник Генштаба меня не расслышал, и я переспросил: «Как это — «только внутренние войска»? У меня же, кроме легкого стрелкового оружия, ничего нет... Ведь кто-то должен осуществлять авиационное прикрытие и артиллерийскую поддержку?» «Да что вы, — махнул рукой Колесников, — дадим вам одну батарею: этого будет достаточно». Меня поразило такое легкое отношение к делу, и я не выдержал: «Михаил Петрович, о какой батарее вы тут говорите? Вы не сделали даже того, что вам было предписано! Вы же не выполнили ту задачу, которая ставилась еще в августе...»

Колесников прекрасно понимал, что я имею в виду. Еще в конце лета было принято решение, обязывающее Генеральный штаб спланировать варианты военно-технического решения восстановления конституционного порядка в Чечне. Я знал об этом и сразу же направил отвечающим за эту проблему генералам план, который некогда уже был разработан в Главном управлении командующего внутренними войсками и отвечал всем требованиям сложившейся обстановки. Тот самый, который мы последовательно — сначала на штабных тренировках, а потом на командно-штабных учениях — готовили очень тщательно: с

производством расчетов, таблиц и справочных материалов.

План этот, конечно, взяли, но наших специалистов отправили восвояси: был он мало кому нужен, как и наше сотрудничество в этом деле. Иной вариант плана, созданный Генштабом и принятый к исполнению, я увидел только в декабре, когда мы входили в Чечню все вместе, и армия, и внутренние войска, и когда Колесникову слова об «одной батарее» уже болезненно напоминали другие — сказанные министром обороны Павлом Грачевым — о «двух парашютно-десантных полках», которых, по его мнению, было достаточно, чтобы взять приступом Грозный за два часа.

* * *

По правде сказать, когда я впервые услышал о так называемых «добровольцах», я полагал, что ФСБ рассчитывает привлечь к своей операции действительно опытных людей. Другой вопрос, как это «наемничество» выглядит с моральной точки зрения, но представлялось, что будут приглашены умелые, тертые разными войнами мужики, для которых военное ремесло является смыслом жизни, а бой — естественной средой обитания. Но идея Савостьянова для наших просторов казалась слишком экзотичной и напоминала имитацию голливудского сценария, в котором горстка героев из спецслужбы с помощью честных и простодушных аборигенов бросает вызов восточному деспоту.

Можно было и вовсе забыть об этих прожектах Савостьянова, если бы 22 ноября мне в Москву из Моздока ни позвонил Анатолий Романов. По всему чувствовалось, что он едва сохранял самообладание: «Вы знаете, товарищ командующий, сюда прислали каких-то пацанов. Никому они не нужны, все брошены...»

Я не сразу сообразил, в чем дело. Переспрашиваю: «Какие пацаны, Анатолий?» Отвечает: «Самые настоящие... Сержанты срочной службы из Кантемировской и Таманской дивизий. Вроде как в помощь оппозиции. Но ими в Моздоке никто не занимается и никто не знает, что с ними делать. Обыкновенные мальчишки: почти всем пришел срок увольняться в запас...»

Я был поражен: какие это, к черту, наемники, какие же «тертые мужики»? Романов для того и позвонил, чтобы спросить у меня разрешения хоть как-то обогреть, накормить и даже обути этих танкистов, позабытых вербовщиками. «Конечно, — поддержал я, — обязательно окажи им помощь. Люди должны чувствовать заботу».

Строго говоря, эти беспризорные сержанты к внутренним войскам не имели никакого отношения, но для Романова, очень совестливого человека, были они прежде всего российскими солдатами, которым он мог хоть как-то помочь. И хотя дальнейшая их судьба была не в наших руках — повторяю, что замысел и детали предстоящей операции держались от нас втайне, — пока «добровольцы» не получили боевую технику и не ушли на ней в Чечню своим ходом, Анатолий опекал этих мальчишек.

Худшие наши предположения оправдались, когда через несколько дней появились сообщения о том, что 26 и 27 ноября в ходе штурма Грозного силы антидудаевской оппозиции были разгромлены и понесли большие потери. Мне рассказывали, что Автурханов в Доме печати чуть ли не коньяк уже разливал по стаканам, празднуя победу, когда боевики начали расстреливать танки на улицах города. Их экипажи, укомплектованные в основном российскими военнослужащими, ввязались в бой, но не были поддержаны отрядами оппозиции и частью погибли, а частью сдались в плен. То, что затевалось как авантюра, было просто обречено на поражение.

Во всей этой истории, признаюсь, меня больше всего потряс цинизм, с которым от своих военнослужащих сразу же отбоярились именно те чиновники и военачальники, на которых лежала ответственность за провальное наступление оппозиции. Думаю, не только у меня сжималось сердце, когда эти пленные и эти сгоревшие в бою танкисты вдруг стали именоваться «наемниками» без роду и племени. Не знаю, какие золотые горы были обещаны этим бойцам перед отправкой в Чечню, но вот проданы они были — живые и мертвые — с

такой суетливой поспешностью и бесстыдством, что оставалось только развести руками. Если само военное поражение в Грозном в ноябре 1994 года еще можно было объяснить какими-то изъянами в руководстве — легкомыслием, бездарностью или в конце концов отсутствием военной удачи, — но ничем иным, кроме как предательством собственных солдат, нельзя назвать эти неуклюжие попытки чиновников сделать вид, что пленные и погибшие «добровольцы» попали в Чечню неизвестно откуда и воевали исключительно за деньги. Такое поведение очень точно характеризует не только профессионализм власти, но и нравственный уровень некоторых ее представителей.

Я догадывался, что после этого штурма, выявившего неспособность оппозиции справиться с Дудаевым самостоятельно, будут избраны иные меры. Иные — значит, адекватные той угрозе, которую представлял собой правящий в Чеченской Республике дудаевский режим. В принципе существовало только два возможных исхода этого противостояния. Либо полномасштабная военная операция, переворачивающая республику вверх дном, а значит, мало кому интересная. Либо трудные переговоры, в которых речь могла идти о каком-то особом статусе Чечни в рамках Российской Федерации. Второй путь казался предпочтительнее: битвы переговорщиков, какими бы ожесточенными они ни были, все-таки не страшнее мальчишеской драки, а вот их результаты могут стоять больше, чем сотня военных побед.

Я знал, что накануне ввода федеральных войск, 6 декабря, договориться с Чечней по-хорошему пытался министр обороны генерал Павел Грачев. По поручению Ельцина он встретился в Ингушетии с Дудаевым, пытаясь убедить его в том, что военный конфликт, в случае его возникновения, приведет к напрасному кровопролитию и кардинально изменит ситуацию в республике. Разговор, насколько я знаю, велся откровенный, с глазу на глаз.

О его деталях, ссылаясь на Грачева, мне рассказал мой министр Виктор Ерин, также летавший в Ингушетию и посчитавший своим долгом уведомить меня о том, как обстоят дела на самом деле. После встречи с Дудаевым Грачев вернулся озабоченный и раздосадованный. Сетовал на то, что президент Чечни «никак не хочет идти навстречу» и высказал мнение: «Наверное, все-таки придется действовать...» Важно то, что Дудаев до последнего не верил, что руководство России решится на крайние меры и искренне недоумевал: «Неужели вы будете воевать против нас?» Грачев честно его предупредил: «Конечно, будем, если сегодня мы не придем к согласию...»

Мне неизвестно, какими полномочиями был наделен на этих переговорах Павел Грачев и как доподлинно реагировал на его предложения Джохар Дудаев, но сегодня я просто уверен, что одной из причин разразившейся сразу после этого войны было то, что два президента — российский и чеченский — так и не нашли в себе сил сделать хотя бы шаг навстречу друг другу. Первый — потому что неважно знал обстановку в Чечне и доверился обещаниям скорой победы над «малочисленными бандами боевиков». Второй — оттого, что порожденные им химеры о якобы продолжающейся Кавказской войне и исключительности чеченской нации уже не позволяли реалистично оценивать ситуацию и просто тянули его в могилу.

Что могла бы означать для судеб десятков тысяч людей встреча двух президентов — я уже говорил. Не питаю никаких иллюзий в отношении ельцинского характера — на самом деле непредсказуемого и неуступчивого, — однако должен признать, что на самого Ельцина в некотором смысле действовали прямота и твердость человека, вынужденного из соображений государственных интересов противоречить президенту или говорить ему нелिцеприятные вещи.

Позднее, когда должность министра внутренних дел позволила мне напрямую общаться с президентом, а ему — прислушиваться к моим аргументам, я отчасти разобрался в характере и привычках Ельцина, уяснив для себя, что этот умный и хитрый политик, съевший собаку по части манипуляций с живыми людьми, если что и ценит в человеке, то это твердый характер и жесткость при отстаивании собственной правоты.

Думаю, что на исходе ноября 1994 года, когда принималось решение о военной

операции в Чечне, те государственные чиновники и военачальники, на ком в тот момент лежала ответственность за судьбу страны, могли настоять на иных способах воздействия на Дудаева. Строго говоря, в окружении Ельцина тогда не нашлось человека, который отважился бы открыть ему глаза на истинное положение вещей.

* * *

Все, написанное выше, не означает, что в начале декабря 1994 года, когда подготовка к операции шла полным ходом, сам я имел в запасе какое-то сильное лекарство, способное сбить температуру человеческого ожесточения, которое на самом деле и породило эту войну. Много из того, о чем я говорил, было осознано позднее и пришло вместе с опытом работы в правительстве и знанием правил кремлевской жизни. Да, я спорил с Генштабом и убеждал готовиться к операции, исключив любые шапкозакидательские настроения. Но, говоря откровенно, подобно многим, тоже находился под впечатлением боевой мощи Вооруженных Сил, и у меня не было сомнений, что собственно военная фаза операции продлится не очень долго.

Первоначальный ее замысел предполагал, что уже через 14 суток с момента нашего похода в Чечню произойдет стабилизация военной обстановки, после чего начнется передача участков ответственности Вооруженных Сил внутренним войскам МВД, которым предписывалось изымать оружие и боеприпасы у незаконных вооруженных формирований и населения республики. Подобные расчеты казались спорными, а сам план операции — сшитым буквально на живую нитку. Но это уже никак не меняло сути предстоящего дела, которое и тогда, и сегодня оценивается мной как достойное и абсолютно справедливое.

По-настоящему я ощутил неизбежность войны в ночь с 6 на 7 декабря, когда в пересказе Ерина услышал слова Грачева, произнесенные после бесплодных переговоров с Дудаевым: «Наверное, все-таки придется действовать...» Для меня эта фраза значила многое. И то, что, будучи доложена президенту страны, она, скорее всего, положит конец последним колебаниям верховной власти. И то, что с этой минуты все условные обозначения на наших картах — все эти решительные красные стрелы, символизирующие наступление, — словно оживают и наполняются голосами реальных людей. Силуэтами танков и боевых машин пехоты. Огоньками сигарет. Надеждами на будущее и простыми человеческими страхами за собственную судьбу.

Подумалось: кто знает, как оно там обернется?..

Грозный рубеж

Всю первую декаду декабря я находился в Моздоке, помогая командующему войсковой оперативной группировкой ВВ на Северном Кавказе генералу Анатолию Романову готовить к выполнению боевой задачи те наши части и соединения, которым предстояло входить в Чечню. В контексте предстоящей операции она формулировалась совершенно четко и была нам по силам: ВВ должны были взять под охрану коммуникации и маршруты движения группировок федеральных войск, вести поиск и задержание лидеров дудаевского режима, способных организовать вооруженное сопротивление в тылу действующих войск. Ну и, конечно, — где применяя силу, а где по добром согласию — изымать оружие и боеприпасы у боевиков незаконных вооруженных формирований и гражданского населения.

Основная тяжесть прорыва укреплений и узлов обороны дудаевских сил ложилась, конечно, на армейские части и соединения: именно они, имеющие самолеты, танки, артиллерию и ракетное вооружение, средства радиоэлектронной борьбы и инженерные части, способные наводить понтонные переправы — становились лидерами наступления, задавая темп движения всем остальным участникам операции: внутренним и пограничным войскам, контрразведчикам, сотрудникам милиции и специалистам по чрезвычайным ситуациям. Замысел принадлежал Генеральному штабу. Учитывая, что операция должна

была проводиться на территории Северо-Кавказского военного округа (Далее — СКВО. — Авт.) с привлечением значительного количества соединений и частей округа, детальное ее планирование, подготовка и руководство войсками были возложены на управление СКВО.

Технология подготовки крупной войсковой операции известна только специалистам — профессиональным военным и тем государственным чиновникам, служба которых обязывает их участвовать в принятии политического решения, либо в проработке отдельных деталей. Вообще-то, это тяжелый труд, требующий усилий множества людей, их бережного отношения к военной и государственной тайне.

Волей судьбы сами боевые действия — их драматизм, человеческие потери и конечные результаты — волнуют общество куда больше, нежели предшествующие им действия людей, которых метафорически можно было бы назвать конструкторами войны. Пока военное вмешательство является самым сильным средством против зла и несправедливости, пока оно признается человечеством как крайняя и законная мера государства, вынужденного защищаться, будет оставаться необходимость в профессионалах, способных создавать точные чертежи будущей войны. Но речь не столько о штабных офицерах, которые наносят на карту маршруты движения танковых колонн, сколько о политиках, которые должны заранее предвидеть, какой краской нарисуют вот эти самые танки и дети российских танкистов, и дети чеченских гранатометчиков. То есть как отзовется эта война в душах людей и на следующий день после ее начала, и через десятилетия...

До того как командир мотострелковой роты получит команду «Вперед!», должно произойти множество взаимосвязанных друг с другом событий, среди которых, если отбросить частности, следует признать важнейшими констатацию исчерпанности иных усилий; всестороннюю оценку реальной угрозы; определение законности предполагаемых действий; политическое решение о проведении военной операции; разработку ее замысла; детальное планирование; подготовку сил и средств для участия в боевых действиях.

Эти общеизвестные стадии подготовки военной операции подобного масштаба я упоминаю лишь для того, чтобы исторически достоверно и хронологически точно воспроизвести те шаги российского руководства, которые были предприняты накануне первого похода в Чечню, и дать им свои комментарии. Это тем более важно, что вооруженный конфликт в Чечне хотя и был далеко не первым среди тех, что произошли в Российской Федерации после распада СССР, но единственным в своем роде, который по характеру введущихся там боевых действий, по количеству участвовавших в нем людей, по величине экономических потерь и бедствиям гражданского населения заслуживает право именоваться полноценной войной.

В ту пору я сам себе задавал вопросы, ответы на которые должны были лечь в основу моего собственного понимания будущей войны. Моей убежденности в правоте начатого дела. Ведь именно этой убежденностью я, генерал, ведущий в бой своих солдат и офицеров, должен вооружить подчиненных и доверяющих мне людей.

Какие события, например, окончательно убедили федеральную власть в том, что все иные способы преодоления противоречий, возникших между Федерацией и одним из ее субъектов, себя не оправдали и что восстановление конституционной законности в Чечне должно решиться с помощью силы?

Считаю, что это произошло сразу же, как стали известны результаты неудачного наступления сил антидудаевской оппозиции, когда в ходе штурма 26 и 27 ноября 1994 года дудаевцам удалось сжечь на улицах Грозного более двадцати одних только танков, убить, искалечить и пленить несколько десятков наступавших. Об этом рассказывалось раньше, хотя ни я сам, ни внутренние войска, которыми я в то время командовал, в этой акции участия не принимали. Если не считать одного-двух специалистов, посланных нами в Надтеречный район для передачи так называемым милицейским муниципальным батальонам оппозиции техники и вооружения в соответствии с решением российского правительства.

Дальнейшие действия федеральной власти явственно несли в себе черты крутого ельцинского характера и, как он сам, отличались широтой замысла, жесткостью исполнения

и пренебрежением к возможным последствиям.

Грозненские неудачи оппозиции и полеты депутатов к Дудаеву за пленными танкистами, видимо, не на шутку рассердили президента, отчего скорость принимаемых решений стремительно нарастала. 29 ноября 1994 года Ельцин обратился к участникам внутреченского конфликта с требованием в течение 48 часов прекратить огонь и распустить вооруженные формирования. В тот же день на экстренном заседании Совета безопасности Российской Федерации был утвержден замысел операции, а 30 ноября — подписан указ президента России «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», ставивший перед Вооруженными Силами РФ, внутренними войсками МВД и Федеральной службой безопасности следующие задачи: стабилизировать обстановку в республике, разоружить незаконные вооруженные формирования, а при оказании сопротивления их ликвидировать, восстановить законность и правопорядок в Чеченской Республике в соответствии с законодательными актами Российской Федерации.

Можно ли считать, что дудаевский режим и незаконные вооруженные формирования в Чечне представляли реальную угрозу для Российской Федерации?

Во-первых, мятежная Чечня становилась большим базовым и тренировочным лагерем для сил международного терроризма. Во-вторых, бандитские группировки, парализовавшие нормальную экономическую жизнь республики, теперь угрожали не только приграничным с Чечней районам, но и стране в целом, так как способствовали распространению по всей России производимых в республике наркотиков, фальшивых денег, оружия, взрывчатых веществ и боеприпасов. В-третьих, дудаевский режим, объективно поощрявший бандитизм, финансовые махинации, работоторговлю, внесудебные расправы и погромы населения Чечни, не имеющего вайнахских корней — являлся дерзким вызовом всему цивилизованному человечеству и не имел права на существование. В-четвертых, незаконные вооруженные формирования ЧР представляли собой хорошо организованную силу и готовились Дудаевым для вторжения на сопредельные с Чечней территории для разрешения территориальных споров и вооруженного шантажа. В-пятых, чеченская экспансия исламского экстремизма, пропаганда сепаратизма и иные действия по сколачиванию на Северном Кавказе националистически окрашенных структур имели целью дестабилизацию обстановки на всем Северном Кавказе и появление нескольких очагов вооруженного сопротивления законной власти.

Мы считали, что к лету 1994 года Дудаев имел танковый полк (до 50 исправных танков), артиллерийский полк (30 буксируемых и пять самоходных гаубиц), зенитный полк, два учебных авиационных полка, мусульманский истребительный полк, два полка и батальон национальной гвардии, 11 бригад народного ополчения, батальон и несколько рот специального назначения, полк пограничной и таможенной службы, отряд полиции особого назначения и иные разномастные формирования, подконтрольные полевым командирам.

Подсчитывая силы и средства, имеющиеся у чеченцев к тому времени, следовало принять во внимание, что по республике было рассеяно свыше 60 тысяч автоматов Калашникова. Мобилизационные возможности Чечни в целом составляли около 100 тысяч человек, но реальными бойцами можно было считать тысяч 30–35.

Что противопоставила этому Российская Федерация?

Достаточными считались те силы и средства, которые в соответствии с планом должны были начать движение в Чечню с трех направлений по пяти маршрутам.

На Моздокском направлении — группировка № 1 под командованием первого заместителя командующего войсками СКВО генерал-лейтенанта В.М. Чилиндина включала: от СКВО — сводный отряд 131-й отдельной мотострелковой бригады, 481-й зенитно-ракетный полк 19-й мотострелковой дивизии, инженерно-саперный батальон 170-й инженерно-саперной бригады, сводный отряд 22-й отдельной бригады специального назначения; от ВДВ — сводный парашютно-десантный полк 106-й воздушно-десантной дивизии, сводный парашютно-десантный батальон 56-й отдельной воздушно-десантной

бригады; от внутренних войск — 59-й, 81-й, 451-й полки оперативного назначения, 193-й отдельный батальон оперативного назначения. Всего на Моздокском направлении насчитывалось: личного состава — 6567 человек, 41 танк, 99 БТРов, 132 БМП (БМД), орудий и минометов — 54.

На Владикавказском направлении — группировка № 2 под командованием заместителя командующего воздушно-десантными войсками генерал-лейтенанта А.А. Чиндарова включала: от СКВО — сводный отряд 19-й мотострелковой дивизии, зенитно-ракетный дивизион 933-го отдельного зенитно-ракетного полка 42-го армейского корпуса; от ВДВ — сводный парашютно-десантный полк 76-й воздушно-десантной дивизии, сводный парашютно-десантный полк 21-й отдельной воздушно-десантной бригады; от ВВ — 46-й, 47-й полки оперативного назначения и 7-й отряд специального назначения. Всего на этом направлении насчитывалось: личного состава — 3915 человек, 14 вертолетов, 34 танка, 67 БТРов, 98 БМП (БМД), орудий и минометов — 62.

На Кизлярском направлении — группировка № 3 под командованием командира 8-го гвардейского армейского корпуса генерал-лейтенанта Л.Я. Рохлина включала: от СКВО — сводный отряд 20-й мотострелковой дивизии; от ВВ — 49-й, 57-й, 63-й полки оперативного назначения. Всего на Кизлярском направлении привлекалось: личного состава — 4053 человека, 16 вертолетов, 7 танков, 162 БТР, 28 орудий и минометов.

Всего к началу операции Объединенная группировка федеральных войск в Чечне в своем составе насчитывала: личного состава — 23,8 тысячи человек (в том числе Вооруженные Силы — 19 тысяч, внутренние войска — 4,7 тысячи), 90 вертолетов (из них 47 — боевых), 80 танков, несколько сотен БТРов и БМП, орудий и минометов — 182.

Так что в сравнении с незаконным чеченским воинством наши силы никак нельзя называть чрезмерными.

Являлось ли проведение военной операции на территории Чеченской Республики законной с точки зрения законодательства Российской Федерации и международного права? Являлось ли законным применение в ходе нее Вооруженных Сил России, главной задачей которых является отражение внешней агрессии?

Безупречной я бы назвал следующую формулировку: так как в период с 1991 года по 1994 год деятельность властей Чеченской Республики была направлена на незаконное отторжение этой территории от Российской Федерации, создавая тем самым очевидную угрозу целостности государства, применение Российской Федерацией силы для разоружения незаконных вооруженных формирований и восстановления конституционной законности в Чечне являлось мерой совершенно оправданной, законной, справедливой, адекватной угрозе и даже обязательной для президента России, являющегося гарантом территориальной целостности страны, неотъемлемых прав и свобод ее граждан.

Что касается правовой основы применения Вооруженных Сил в ходе этой операции, то ее составляли закон Российской Федерации «Об обороне», первая статья которого оговаривает, что под понятием обороны понимается «система мер по обеспечению готовности государства к защите населения, территорий и суверенитета»; закон Российской Федерации «О безопасности» (статья 12), который возлагает на президента страны обязанность координировать деятельность Вооруженных Сил, федеральных органов безопасности и внутренних дел при обеспечении безопасности страны. Участие Вооруженных Сил в ликвидации внутренних источников военных угроз соответствовало и основным положениям действовавшей военной доктрины России.

Какие действия руководства Российской Федерации можно назвать именно политическим решением на проведение такой операции?

Утверждение на экстренном заседании Совета безопасности Российской Федерации 29 декабря 1994 года замысла предстоящей операции, разработанного Генеральным штабом.

Как известно, единственным коллективным органом в СССР, принимавшим подобные решения, являлось Политбюро ЦК КПСС. В Российской Федерации в данной ситуации его функцию выполнил Совет безопасности РФ, утвердивший 29 ноября 1994 года этот замысел

операции, что, бесспорно, можно квалифицировать как полноценное «политическое решение». Откровенно говоря, под это определение подпадает и появившийся на следующий день указ президента РФ № 2137с «О мерах по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики», но достоинство коллегиального решения в том и состоит, что под ним стояли подписи всех членов Совбеза, включая председателя Государственной Думы Ивана Рыбкина и председателя Совета Федерации Владимира Шумейко. То есть первых лиц законодательной власти России, что только лишним раз подчеркивало абсолютную легитимность подобного решения.

Позднее, когда я сам стал членом Совета безопасности, Ельцин заседания уже не вел и по всему чувствовалось, что президент уже не воспринимает Совбез как аналог Политбюро и что центр политической власти переместился в иное место, куда пускают далеко не каждого министра или даже вице-преьера правительства. Обсуждался, скажем, какой-либо вопрос, касающийся атомной энергетики... Делался доклад, принималось решение, все это заканчивалось за 40–50 минут. К концу заседания Ельцин уже начинал проявлять торопливость, и если кто-то еще хотел высказаться, ему делалась формальная уступка: 2–3 минуты, не больше. Дальше президент подводил черту: «Хорошо!», «Все понятно!», «На этом поставим точку!»

В свою очередь я понимал, насколько это важно, если решение принимается коллективно. Я всегда использовал любую возможность, чтобы посоветоваться с товарищами, с оппонентами и единомышленниками, чтобы в результате борьбы мнений, в столкновении позиций найти единственно правильное решение. В Главном управлении командующего ВВ таким органом был военный совет, а в Министерстве внутренних дел — коллегия. Выработанное на их заседаниях мнение никогда не казалось сырым или непродуманным. На него можно было опереться в трудную минуту и выложить на стол как последний козырь.

Это не размазывание ответственности, не попытка спрятаться за чужие спины. В государственных делах, которые много значат для судеб многих людей, важно выслушать чужое мнение и порой ощутить, что твой коллега понимает проблему куда глубже, чем это получается у тебя самого.

Поэтому идею о том, что подобие ушедшего в небытие Политбюро необходимо России либо в виде Совета безопасности, либо в форме Госсовета — я аккуратно высказывал и Ельцину, так аргументируя свою настойчивость: «Борис Николаевич, вспомните, что решение по Чечне было принято именно Совбезом, и впервые — во всяком случае на моей памяти — под ним подписались все его члены. И Рыбкин. И Шумейко. Не будь этих подписей, кто знает, как оценил бы ваши действия Конституционный Суд, когда в 1995 году рассматривал вопрос о правомочности принятых вами решений?.. Подобные вопросы всегда следует рассматривать коллегиально. И это очень честно, если человек, несущий ответственность за свои слова — поставит под ними свою подпись».

Ельцин согласился со мной, а позднее я передал в Кремль несколько вариантов своего проекта о создании Госсовета. Но они бесследно исчезли в недрах аппарата. Потому, думаю, что Анатолий Чубайс, возглавлявший в то время президентскую администрацию, лучше меня знал, где находится настоящий центр власти, и не был готов делиться ею с кем бы то ни было.

Что представлял собой Замысел военной операции, который был утвержден на столь высоком уровне и являлся, образно говоря, глиняной формой, куда теперь предстояло залить кипящий металл войны? Способен ли Замысел предопределить будущие победы и поражения?

Замысел операции, являясь в принципе строгим юридическим документом, по духу, конечно, больше напоминает фабулу войны, лишь в общих чертах оговаривая ее течение, и не раскрывает всех действующих лиц и все сюжетные линии. Они появляются потом — под Замысел, — когда рождается план операции и определяются участники, сил которых должно хватить, чтобы претворить в жизнь основные его наметки. Могут меняться даты, полки,

генералы, маршруты движения, но Замысел, определяющий дух операции и ее основные задачи — должен быть исполнен в точности.

В соответствии с ним на первом этапе (семь суток, с 29 ноября по 6 декабря) следовало создать Объединенную группировку войск и занять исходные районы для действий по трем направлениям: Моздокскому, Владикавказскому и Кизлярскому, а также, перебазировав на оперативные аэродромы фронтową авиацию и боевые вертолеты, полностью блокировать воздушное пространство над Чечней. В этот же срок предстояло подготовиться к подавлению системы управления дудаевских сил нашими радиоэлектронными средствами.

На втором этапе (трое суток, с 7 по 9 декабря) предполагалось под прикрытием фронтовой и армейской авиации выдвинуться к Грозному по пяти маршрутам, окружить город, создав два кольца блокирования: внешнего — по административной границе республики и внутреннего — вокруг города. В готовности обеспечить выход мирного населения из окруженного города. В это же время часть войск Объединенной группировки должна была блокировать места базирования боевиков вне города Грозного и принудить их к разоружению.

На третьем этапе (четверо суток, с 10 по 13 декабря) группировки войск с севера и юга с разграничительной линией по реке Сунже, действуя совместно со спецподразделениями МВД и ФСК, должны были очистить от незаконных вооруженных формирований президентский дворец в Грозном, здания правительства, телевидения, радио и иные важные объекты.

Четвертый этап, на проведение которого отводилось 5–10 суток, довольно оптимистично предполагал дальнейшую стабилизацию военной обстановки, передачу армией внутренним войскам своих участков ответственности и активные действия ВВ МВД РФ по выявлению и изъятию оружия и боеприпасов.

С точки зрения сегодняшнего дня установленные Замыслом сроки кажутся совершенно невыполнимыми. Но в контексте событий, происходящих в первой декаде декабря 1994 года, когда все действительно происходило очень быстро, все споры о сроках руководством операции воспринимались очень болезненно, поскольку противоречили той идеологии быстрых побед, которая господствовала в умах высших офицеров из Генштаба и Министерства обороны. Более того — они могли вызвать недовольствие политического руководства, которое психологически было просто не готово к затяжному военному конфликту: его жертвам, цинковым гробам, критике Запада, денежным тратам и протестам внутренней оппозиции.

Две недели боев и несколько недель военно-полицейских операций по разоружению НВФ — вот, кажется, та цена, которая считалась приемлемой, и все иные доводы на этом фоне воспринимались как непрофессионализм и вызвали реакцию отторжения. В конце концов были приняты предельно жесткие сроки. Лично мной они воспринимались как приказ, и я бы хотел взглянуть в глаза тому человеку, который пытается улизнуть из альпинистской связки при штурме крутой высоты...

Но мой опыт подсказывал, что совершенно не напрасно нить Замысла именно на четвертом этапе, предполагавшем стабилизацию военной обстановки и передачу внутренним войскам участков ответственности, начинала как бы теряться на просторах чеченской земли, и больше того — временами исчезать без следа... То есть после передачи участков ответственности и предполагаемого возвращения армии на зимние квартиры вся чеченская проблема как бы отчуждалась в пользу МВД и прочих силовых структур.

Будучи продуктом армейского производства, Замысел четче описывал именно военную фазу операции и почти никак ту часть боевой работы, которую предстояло выполнить ВВ (поиск, уничтожение, разоружение НВФ), сотрудникам милиции (охрана общественного порядка), пограничным войскам (взятие под контроль государственной и административной границ) и Министерства по чрезвычайным ситуациям (разминирование и многое другое). Неслучайно в сроках, отведенных на проведение четвертого этапа, отсутствовали и конкретные даты, словно не исключалась вероятность, что время на него уйдет куда больше,

нежели определено на бумаге.

У этого военного конфликта была особенность — он носил сугубо внутренний характер. Что следовало помнить, пересекая, словно линию фронта, простую административную границу Чечни, которая за несколько лет, прожитых вне России, успела обзавестись атрибутами самостоятельности: флагами и гербами, армией и полицией, рабами и рынками, на которых их можно было купить?

С одной стороны, нам противостояли многочисленные, хорошо вооруженные и организованные силы чеченского сопротивления. По сути армия, которую со знанием дела построил генерал-майор Дудаев и его ближайшее окружение, часть которого — такие как Масхадов — также имели опыт успешной военной службы и понимали суть тактических приемов и прочих домашних заготовок, имевшихся в арсенале среднестатистического комбата или даже комдива. По всем меркам это был умелый противник, заслуживающий того, чтобы быть сметенным авиацией и артиллерией еще до того, как он развернет свою штабную карту и начнет что-то предпринимать в ответ...

С другой стороны, и это тоже следовало понимать со всей ответственностью, пока Чеченская Республика оставалась частью Федерации, а ее жители — пусть и вооруженные — нашими соотечественниками, не было и речи о таких приемах ведения войны, которые бы не гарантировали безопасности мирному населению. Права и свободы этих российских граждан даже в условиях операции никак не ограничивались, и с точки зрения закона чеченец, у которого не было в руках автомата Калашникова или гранаты, по своему человеческому статусу ничем не отличался от посетителя музея или пассажира метро. Подвергнуть его жизни опасности означало нарушить закон. Все остальное — тюрьму, суд, лагерь и позорную репутацию на старости лет — дорисовывало воображение...

Но как бы там ни было, это была наша земля и это была часть нашего народа. Военный термин «операция» сам по себе нейтрален и, кроме технических деталей, не содержит ничего такого, что могло бы говорить о добрых или злых намерениях участвующих в ней солдат и офицеров. Самое главное — какой смысл ты вкладываешь в свое дело.

Ведь, отвечая на вопросы, которые я задавал сам себе, я ни разу не назвал наш поход в Чечню «вторжением». Еще и потому, что раз и навсегда понял, что если чем и могу заниматься по-настоящему — так это защитой и освобождением людей. То, что задумывалось нами, можно было уверенно назвать освобождением и никогда не жалеть о пройденном и пережитом — обо всем том, что предстояло сделать за Терекком...

* * *

5 декабря прилетевший в Моздок министр обороны генерал армии Павел Грачев после заслушивания командующего войсками Северо-Кавказского военного округа и командующих группировками войск на направлениях утвердил Решение на операцию командующего войсками СКВО генерал-полковника А. Митюхина, осуществлявшего в тот период руководство Объединенной группировкой войск, и приказал к 14.00 следующего дня завершить планирование операции.

6 декабря, в 14.00 был утвержден план операции, вечером произошла описанная мной встреча П. Грачева и Д. Дудаева, а к исходу дня в целом завершено сосредоточение войск.

7 декабря созданы группировки войск на направлениях. 8 декабря проведен смотр готовности частей. 10 декабря издан приказ министра обороны «Об образовании Объединенной группировки Вооруженных Сил Российской Федерации, осуществляющей разоружение незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики».

Ввести федеральные войска на территорию Чечни планировалось в 5.00 11 декабря, и этот план был утвержден министром обороны.

* * *

Поздно вечером 10 декабря, после того как руководством операции были окончательно утрясены и согласованы все детали предстоящего дня, я собрал в штабе оперативной группировки внутренних войск ее командующего — генерала Романова — и командиров тех частей и соединений ВВ, которым предстояло наутро двинуться в Чечню. Про себя отметил: все по-офицерски собраны и спокойны. Докладывают уверенно, и видно по всему — каждый винтик военного механизма проверен. Своим офицерам, прошедшим многочисленные конфликты, я верю и с легким сердцем могу подвести черту: все мы — от солдата до генерала — к завтрашнему дню готовы!

Где-то в полпервого ночи, будучи абсолютно уверенным, что операция начнется в 5.00, заснул, не раздеваясь, в своем вагончике. За десять минут до пяти поднимаюсь, жду сигнала — сигнала нет. Чувствую, что-то произошло, что-то не заладилось... Позвонил на командный пункт армейцев: там поднял трубку начальник Оперативного управления СКВО генерал-майор Вьюнов. «Юрий Иванович, — спрашиваю, — а почему войска не начали действовать? Почему нет сигнала?» Ответ Вьюнова меня, честно говоря, удивил: «Ты разве не в курсе?.. В первом часу ночи, как только ты ушел, Митюхин попросил Грачева перенести начало операции на 8.00. Ровно в восемь мы и начнем...»

Тут я не выдержал, понес отчаянным матом: «Что вы делаете? Разве вы не знаете, что сегодня воскресенье, а значит, перекресток в Назрани, там, где авторынок, будет с восемью часов забит легковыми машинами? Войска там не пройдут!..» Вьюнов в ответ: «А.С., я уже ничего не могу поделать — таково решение командующего. Сейчас он отдыхает. Если хочешь с ним поговорить, звони позже».

Я не сразу сообразил — как это отдыхает?.. В моих колоннах все, кому положено — уже на броне и под броней. Одно негромкое слова, одного легкого движения руки достаточно — и сорвутся с места, пойдут батальоны ВВ — все страхи свои, волнения да предчувствия растворяя в скорости, в реве движков, в боевом азарте... Но одно дело — в пять утра пронестись по заспанным улицам ингушского городка, и совсем другое — тянуться в восемь мимо многолюдных кавказских базаров. Ясно как день, что уже минут через десять после начала движения неприятельский штаб будет извещен и начнет просчитывать ситуацию: наши маршруты, наши силы, наши намерения. Поэтому с Вьюновым, несмотря на наше доброе знакомство, я разговаривал жестко и категорично: «Юрий Иванович, срочно поднимай Митюхина!» Он ни в какую, мнетя: «Нет! Да ты что?! Не стану я будить командующего...»

Я понял, что по телефону ничего не добьюсь, и сам отправился на располагавшийся неподалеку КП армейцев. Буквально влетел — каждая минута дорога — по лестнице и сразу же увидел вставшего из постели, а потому еще немного заспанного Митюхина. Времени на предисловия тратить не стал: «Как это понимать, Алексей?» Но командующий Объединенной группировкой был настроен вполне благодушно: «Ты понимаешь, ночью генерал N доложил, что один из полков еще не готов, и попросил перенести начало операции на три часа. Я в свою очередь об этом же попросил Грачева, и он со мной согласился. Чего ты горячишься? Все будет нормально!»

Никаких иных слов, кроме матерных, у меня не нашлось, чтобы совершенно точно выразить наболевшее и вертевшееся на языке. Сорвался: «Что вы творите? Если начинать, то начинать надо немедленно! Войска в готовности. Ну подними ты, Алексей, трубку... Давай, командуй!..» Митюхин сразу насупился, ответил сухо, не оставляя никаких надежд: «Нет, Анатолий, министру я звонить не буду». Ну что ты на это скажешь?..

Когда все началось, мои пессимистические прогнозы стали оправдываться один за другим с невероятной быстротой: выяснив основные маршруты выдвижения войск, экстремисты успели перекрыть большинство дорог, собрав в наиболее уязвимых местах толпы враждебно настроенного населения. Под прикрытием этой толпы, состоящей в основном из женщин и подростков, боевики и действовали, имитируя «пикеты протеста» и «взрывы народного негодования». На Назрановском направлении, как раз возле упомянутого

мною авторынка, колонна боевой техники сразу же напоролась на транспортную пробку. Пока наши водители пытались разъехаться подобру-поздорову с «Жигулями» и «Нивами», ингуши, многие из которых симпатизировали чеченцам, стали резать у боевых и транспортных машин тормозные и топливные шланги, прокалывать шины. А потом и вовсе подожгли несколько машин на мосту, и колонна застряла. К сожалению, это был не единственный случай.

Чтобы чувствовать нерв наступления и видеть всю картину целиком, я поднялся в воздух на вертолете. Взял с собой и видеооператора Валерия Жовтобрюха, наказав ему снимать все, как есть. Было хорошо видно, как четко, будто на учениях, шел по своему маршруту 81-й полк оперативного назначения внутренних войск. Решив, что с ним все в порядке, попросил летчиков развернуться и взять курс туда, где по моим подсчетам теперь должна была находиться колонна десантников. Гляжу, точно, идут, но в районе Верхних Ачалуков на их пути возникает группа гражданских людей, размахивающих белыми флагами. Вероятно, ингуши. Человек пятнадцать, не больше. На моих глазах колонна ВДВ, насчитывающая более семидесяти бронемашин, разворачивается и уходит в обратном направлении.

Вернувшись, вечером я отправился к Грачеву. Его командный пункт располагался в железнодорожном составе, где один вагон-салон занимал сам министр обороны, второй — Виктор Ерин, министр внутренних дел, а во всех остальных, тех, что попроще, работали и жили офицеры управления. В руках у меня была видеокассета, на которой в деталях были запечатлены итоги первого боевого дня. Ее я и показал Грачеву, прокомментировав содержание примерно так: «А теперь посмотри, Павел Сергеевич, как 15 ингушей развернули 75 танков...» Не знаю, какие меры потом принимал министр обороны, но выразительные кадры отступления колонны ВДВ с поджатым хвостом вызвали у Грачева совершенно оправданное недовольство. Ведь два часа до этого совершенно нормально двигалась эта колонна. Но вышли ей навстречу какие-то люди, сказали: «Дальше мы вас не пустим», помахали белыми флагами, и этого оказалось достаточно, чтобы повернуть вспять несколько сотен элитных бойцов.

Логика приказа и войны в таких случаях диктует единственный способ преодоления подобных препятствий: не останавливаться!.. Вот только в реальной ситуации, понятно, нелегко поставить себя на место водителя БТРа или стрелка, которому проще отдать себя самого на растерзание толпы, нежели выстрелить или задавить человека. Тактический прием, применявшийся боевиками во всех вооруженных конфликтах, начиная с Карабаха, был прост и чрезвычайно эффективен: сначала на боевые машины накатывалась волна истеричных женщин и подростков и только потом, из-за их спин, появлялись вооруженные мужчины.

11 декабря, под дагестанским городом Хасавюрт в подобную ситуацию попал один из батальонов Нижегородского полка оперативного назначения ВВ МВД России, в результате чего 58 военнослужащих внутренних войск были взяты в заложники, а четыре БТРа и один грузовик — захвачены и угнаны в Чечню. В этом случае действовали местные чеченцы-аккинцы, которые в Хасавюртовском районе Дагестана составляют большинство и от которых мы, по понятным причинам, не ждали ни деятельной помощи, ни сочувствия. Конечно, всех чеченцев-аккинцев равнять не стоит, но мы знали, что многие из них симпатизируют Дудаеву, связывая с ним надежды на выход Чечни к Каспийскому морю. Что часто эти симпатии бывают подкреплены конкретной помощью аккинцев в диверсиях против федеральных войск, митингами и иной пропагандистской работой против федеральной власти, а также контрабандным промыслом в приграничье.

Вот и теперь толпа «мирных жителей» намертво блокировала подразделение полка, который на самом деле ни в какую Чечню не собирался. На Хасавюртовском направлении предусматривалась лишь активная оборона на тот случай, если чеченские НВФ, вытесняемые из мятежной республики, попробуют прорваться в Дагестан.

Нижегородцы как раз и выдвигались на эти позиции из района Бабаюрта, когда один из батальонов попал в живой капкан. Окажись комбат решительнее, может быть, и удалось

разойтись по-хорошему. Либо разойтись очень жестко, показав раз и навсегда, что нас не стоит испытывать на прочность. А в результате захват наших солдат в заложники, издевательства и побои, демонстративная отправка пленников в Чечню — «в подарок Дудаеву». Ситуация могла оказаться куда тяжелее, если бы не своевременные действия заместителя командующего внутренними войсками генерал-лейтенанта Станислава Кавуна, который был послан мной в Хасавюрт сразу после того, как стало известно о случившемся. Этот мужественный офицер, пренебрегая опасностью, вышел навстречу экстремистам и нашел убедительные аргументы, которые позволили вытащить из плена большинство наших военнослужащих.

Но если негативную реакцию аккинцев на любое появление российских солдат еще можно было как-то предвидеть и принять как нечто неизбежное, то массовые митинги и пикеты мирного населения на маршрутах выдвижения войск 11 декабря 1994 года можно было объяснить только потерей вот этих трех драгоценных часов в самом начале операции: весь первый день наши колонны останавливали не вооруженные отряды боевиков и ополченцев Дудаева, а жители придорожных городков и сел. Сначала ингуши в Назрани, потом уже чеченцы — в районе воинственных Самашек. Пока танки и БТРы лавировали между пикетчиками, пока разыскивались объездные пути и велись нервные, тонущие в крике и эмоциях, переговоры — дудаевцы успели обработать данные собственной разведки, рассчитать все наши намерения и подтянуть силы на те направления, которые они считали опасными.

Выскажу предположение: если бы федеральные войска начали выдвижение именно в 5.00, как это предусматривалось планом, то, пожалуй, успели бы уложиться в жесткие рамки утвержденного Павлом Грачевым плана и смогли бы заблокировать Грозный вовремя и со всех сторон. Но в силу известных обстоятельств мы не сумели в полной мере использовать фактор внезапности. Хотя по малочисленности и слабости дудаевских заслонов, встретившихся нам на пути и разбегавшихся при первом появлении боевого охранения, можно было судить о том, что Дудаев, кажется, до последнего дня не верил в возможность нашего похода в Чечню. Ведь первое вооруженное сопротивление — залп эрэсами из установки «Град» — по колонне, двигавшейся через Горагорск, через Долинское, дудаевцы нанесли только на Сунженском хребте. Несмотря на то, что боевики не имели никаких приборов наведения и прицеливались через ствол, к сожалению, этот залп оказался очень точным — мы понесли первые потери...

Так что соблюдать установленный темп движения войск с трудом удавалось лишь тем командирам, которые действовали на Моздокском и Кизлярском направлениях. Впоследствии северный маршрут (из Моздока) как наиболее безопасный стал основным. Хотя везде нам оказывалось упорное сопротивление и к Грозному наши колонны, неся потери в живой силе и технике, смогли подойти только через две недели и неодновременно. На злосчастном Назрановском направлении и вовсе удалось пробиться к городу, в район Андреевской долины с восточной стороны Грозного, не по федеральной дороге Ростов — Баку, как намечалось, а по той, что шла вдоль железнодорожной магистрали.

Точно так же — с большими трудностями — вышли войска к Грозному со стороны Аргуна и станицы Петропавловской. Даже беглого взгляда на карту хватало, чтобы понять, что по периметру города примерно половину Грозного к исходу декабря нам так и не удалось заблокировать.

Северную, частично восточную и западную окраины города мы контролировали, а вот южную — нет. И получалось, что к моменту штурма боевики имели возможность беспрепятственно подпитывать свои подразделения техникой, людьми, вооружением и боеприпасами с этой, не перекрытой федеральными войсками, стороны. Часть дудаевцев вообще воевала вахтовым методом: пока одни отряды дрались в городе, другие уходили на отдых в район Комсомольского, Алхазурово, Аргуна и Шали. Через какое-то время происходила смена, и всякий раз нам противостояли относительно свежие силы противника. В изматывающих человеческую психику уличных боях, где каждую секунду человек

ощущает себя уязвимым для пули или гранаты, где негде согреться, помыться или даже просто толком отдышаться — чеченские «пересменки» в бою являлись очень серьезным преимуществом.

Отправляясь в боевой поход, следовало помнить, что в окружении Дудаева, помимо откровенных бандитов, находились и вполне квалифицированные специалисты военного дела. Бывшие офицеры, подготовленные в военных училищах и в авторитетных академиях. Не утратившие навыков своего ремесла. Знающие театр военных действий до последней кочки на болоте. Обладающие интуицией. Отрывочная разведывательная информация о появлении наших колонн, стекающаяся из донесений и слухов, через какое-то время должна была сложиться на их картах в единую картину, расшифровывая которую можно было определить и силы, которыми мы располагали, и выбранные нами маршруты движения. В военном искусстве, как и во всяком ином, есть шаблоны. А на этапе, когда войска только выдвигаются, творческие фантазии командиров чаще всего ограничиваются такими банальными вещами, как наличие дорог, обеспечивающих заданную планом скорость движения. Понятно, что мы, например, двинемся по трассе Ростов — Баку, понятно, что мы будем входить со стороны Кизляра...

Оттуда, из Кизляра, должен был двинуться 63-й Ангарский полк внутренних войск. Полк оперативного назначения, находившийся под опекой бывшего тогда заместителем командующего войсками Северо-Кавказского округа ВВ МВД России генерала Михаила Лабунца. На этом направлении он координировал действия наших войск.

Все было предопределено и расписано планом, когда Лабунец связался со мной и попросил разрешения двигаться по иному маршруту — восточнее, по бурунам, через Терекли-Мектеб. «Провел разведку, — доложил Михаил Иванович, — там никого нет. Спокойно дойду до Червленной...»

Именно станицу Червленную должен был брать 63-й полк, чтобы в последующем держать под контролем переправу через Терек. Генерал Лабунец справедливо полагал, что неважно, каким путями он выйдет к цели, лишь бы пути к ней были безопасны, а цель — достигнута. Честно говоря, я не сразу согласился на этот план, но, поразмыслив, одобрил выбор Лабунца. Интуиция его не подвела: до самой Червленной полк прошел без боевого соприкосновения с противником и свалился, неожиданный, чеченским боевикам прямо на голову.

Именно в затылок Лабунцу, уяснив выгоды этого маршрута, двинулись и армейские части, возглавляемые Львом Рохлиным. И именно там, под Червленной, 63-й полк вступил в первый для внутренних войск бой на этой войне, если не считать стычки передового подразделения 81-го Благодарнинского полка оперативного назначения с заслоном чеченцев, который встретился ему на пути. Разведчики его просто смахнули с дороги, и полк двинулись дальше.

По плану в первом эшелоне на двух направлениях из трех шли армейские части и образовывали первое кольцо блокирования Грозного со всех сторон. На удалении от них — от 15 до 30 километров — части внутренних войск должны были организовать охрану тыла, коммуникаций и наиболее важных сооружений. Что и было сделано в установленные планом сроки.

Разве что за исключением той задачи, которая первоначально ставилась 81-му полку оперативного назначения — пройти по правому берегу Терека, опуститься на юг в район Червленной, а дальше прорываться к городу Аргун, чтобы взять под контроль прилегающую к нему со стороны Грозного территорию. Сделать этого он не смог, так как по замыслу должен был действовать во взаимодействии с армейскими частями. Однако они отстали и не смогли оказать поддержку полку, когда выяснилось, что все переправы через Сунжу в районе Аргуна и Петропавловской заняты боевиками. 81-й полк (Полк оперативного назначения. — Авт.), как и другие части ВВ оперативного назначения, хоть и близок по численности к мотострелковому, но, в отличие от армейского мотострелкового полка, не имеет тяжелого вооружения, способного взламывать оборону противника, если он глубоко

зарылся в землю, обложился бетоном и отстреливается из орудий.

Действовать иначе — это губить людей, у которых на все про все из артиллерийского вооружения имеются лишь взвод 82-мм минометов, «зушки» да «эспэгэшки» (Зенитная установка ЗУ-23 и станковый противотанковый гранатомет СПГ-9. — Авт.), которые не идут ни в какое сравнение с мощностью армейских танков, гаубиц или реактивных систем залпового огня.

Поэтому я счел разумным оставить полк там, где он оказался: на высотах в районе станицы Петропавловской, откуда легко перекрывались подступы к городу. Удобная позиция полка предопределила успех всей северной группировки федеральных войск, которую возглавил генерал Рохлин: с господствующих высот его артиллеристы держали под контролем всю северную часть Грозного, а его собственные тылы и коммуникации на этом направлении надежно охранялись нашими бойцами от диверсантов, разведчиков и представителей прочих партизанских специальностей.

Но и эта — северная — группировка, продвигавшаяся наиболее успешно, подошла к рубежу в десяти километрах от Грозного только к 20 декабря. В целом на этап выдвижения и блокирования войскам понадобилось 16 суток вместо трех, которые планировались изначально. При этом вынужден повторить, что сплошного блокирования города по-прежнему не было, а то полукольцо, которое мы образовали на западе, севере и востоке от него — лишь частично, процентов на пятьдесят, перехватывало те транспортные артерии, по которым в Грозный теперь стекались боевики, боеприпасы, продовольствие и техника дудаевцев. Город был, по сути, открыт и готовился к обороне.

* * *

С этой реальностью надо было считаться, и оставалось только сожалеть о потерянных на старте часах и о том, что ни одна армейская колонна, шедшая первым эшелонам, — надо это признать честно — так и не смогла пробиться к Грозному вовремя. Прежде всего потому, что некоторые армейские командиры, еще не наученные войной и ее жестокими расплатами за любое промедление, попросту теряли время, вместо того чтобы решительно сметать встретившиеся им на пути заслоны и пикеты сторонников Дудаева. Особенно на территории Ингушетии, где оказанное нам сопротивление, без всякого сомнения, носило организованный характер.

Это не значит, что существовали какие-то очевидные признаки участия президента Ингушетии Руслана Аушева в этой войне, но как дипломатично и в то же время по-офицерски честно охарактеризовать позицию руководства этой республики, позволившую боевикам действовать в открытую против федеральных войск еще на подступах к Чечне?

Понимаю, Аушев может развести руками: дескать, не на всякой горной дороге его авторитет может быть принят во внимание, однако исчезновение из МВД республики более шестисот автоматов Калашникова, полученных в 1992–1994 гг. — факт сам по себе красноречивый и не нуждается в комментариях. Это оружие с незатертыми номерами вскоре, конечно же, всплыло: его находили возле убитых боевиков, в тайниках, в чеченских и ингушских домах. Вероятно, именно эти автоматы были в руках у тех ингушских милиционеров — сотрудников органов внутренних дел и бойцов из полка патрульно-постовой службы (полк был создан по инициативе Аушева и подчинялся лично ему), которые открыто выступили на стороне чеченцев.

Я не знаю, было ли на то молчаливое согласие главы Ингушетии, боевой приказ или нечто другое, но около сорока таких милиционеров были убиты в вооруженных столкновениях с федеральными войсками. Их привозили, хоронили и сразу же — задним числом — увольняли из российской милиции...

Впрочем, ни сам президент Ингушетии Руслан Аушев, ни Борис Агапов, бывший тогда вице-президентом республики, и не думали скрывать своих симпатий к Дудаеву. Возможно,

что, помимо солидарности — явной и тайной, — в отношениях чеченского и ингушского президентов оставались какие-то только им двоим известные, но так и не выполненные до конца обязательства... У меня есть кассета, где Аушева, как школьника, отчитывает Дудаев: «Мой юный друг, что же ты так себя ведешь?..» А он сидит, понутив голову. Это было...

Но так или иначе, Ингушетия не стала аналогом Чечни в полном смысле этого слова. Думаю, возобладал элементарный здравый смысл: на своих хлебах крошечная республика долго бы не протянула. От Москвы Аушев получил для республики вожделенный статус оффшорной зоны, от Чечни — известные выгоды перевалочного пункта для краденых денег, товаров и людей. Вроде как тот ласковый теленок, что двух маток сосет... Сам Руслан Султанович, показав рукой на стоящий у него в кабинете телефон ВЧ-связи, как-то признался мне без всяких иносказаний: «Вот если я сам по нему не позвоню в Москву, он и месяц будет молчать, и два... Какая мне еще нужна самостоятельность, если я и так в своей республике — хозяин и царь?»

* * *

Все это время, пока мы входим в Чечню — я то в Моздоке, на КП, то в «вертушке», которая по законам военного времени летит низко, будто стелется над полями, но резко и круто взмывает там, где Ми-8 должен перепрыгнуть ЛЭП или перевалить горную гряду. Внизу наши колонны: чумазая, задубевшая на холоде пехота, контуженные водители, развернутые антенны командно-штабных машин, короткие, по-фронтовому сдержанные доклады офицеров.

Мое место на этой войне — не только штаб, но и грязное, разбитое бронетехникой поле... Мои слова — это не только приказ, но часто человеческая просьба, отцовский совет, генеральское напутствие...

Если представить себе группировку ВВ в самом начале войны как боевой корабль, находящийся в дальнем походе, то его полновластный и за все отвечающий командир — это генерал-лейтенант Романов. Его должность так и называется «командующий группировкой ВВ», и это его приказы имеют силу закона. Мои обязанности — это обязанности «старшего на борту», который, помимо того, что держит всю ситуацию в голове и не мешает командиру руководить операцией, вступает в дело в момент кризиса — в самый тяжелый момент.

Совсем не лишним является и то, что многих армейских генералов, которые в этот момент управляют действиями всей Объединенной группировки, я знаю лично. Вместе с министром обороны генералом Павлом Грачевым, начальником Главного оперативного управления Генштаба генералом Барынькиным, его заместителем генералом Леонтием Шевцовым и начальником Оперативного управления СКВО генералом Юрием Вьюновым (с ним я ругался по телефону утром 11 декабря) я учился в Академии Генерального штаба. Командующего войсками СКВО генерала Алексея Митюхина и начальника штаба СКВО генерала Владимир Потапова я неплохо знал по Ростову, где расположены и штаб военного округа, и штаб округа (ранее называвшийся управлением) внутренних войск МВД. Вот эти знакомства, эти многолетние контакты при всей их офицерской сдержанности все-таки ко многому обязывают в жизни и очень помогают на войне. Ну попрошу я в случае надобности у своего однокашника по академии артиллерийской поддержки для прикрытия вступившего в бой батальона ВВ, что ж, разве он мне откажет и не даст огня? Может, и не захочет, может, даже и зубами будет скрипеть от негодования, но в огне не откажет. Поэтому и тон наших разговоров хоть и официален, но нет-нет и появляются в нем простые соседские и товарищеские нотки: «Алексей... Анатолий... Юрий...»

Это тоже часть моих обязанностей: согласовать взаимодействие, где-то нажать, где-то поговорить на повышенных тонах. Романов хоть и заканчивал Академию Генштаба, но по ряду причин никогда не скажет Грачеву: «Посмотри, Павел Сергеевич, как 15 ингушей развернули 75 танков». А командующий внутренними войсками генерал-полковник Куликов имеет на это право, и не только по должности. Вместе учились, жили в одном доме, на

учениях «воевали» плечом к плечу.

Но теперь и у нас почти каждый день стычки с противником... 17 декабря под Ассиновской погибли двое. 20-го — боестолкновение под станицей Петропавловской. Для эвакуации раненого вылетают две «вертушки». В 14.20 санитарный вертолет Ми-8 внутренних войск сбит на подлете к месту боя. Погибли весь экипаж и два офицера медицинской службы. В тот же день в засаду в самой Петропавловской попадает наша колонна: шла на подмогу к армейцам, но, не разобравшись на местности, повернула не там и втянулась в станицу. Дальше все по схеме: гранатометный огонь, многочасовой бой в окружении... Погибли десять бойцов, многие ранены. Это война, но я до хрипоты требую от своих офицеров: «Самое главное — берегите людей!..»

* * *

В один из декабрьских дней на моем КП в Моздоке появился до этого незнакомый мне генерал — Николай Павлович Кошман. Представился: из железнодорожных войск. Сказал, что привел с собой бронепоезд и имеет приказ во что бы то ни стало довести его до станции Ищерской. И уже оттуда действовать в направлении на Грозный и Гудермес.

В Ищерской — я знаю — еще сидят боевики, но приказ есть приказ, и я ставлю задачу своим людям: выбить к чертовой матери дудаевцев из станицы. Короче, сделать все возможное, чтобы бронепоезд, представляющий собой несколько платформ, загруженных ремкомплектами для восстановления железнодорожных путей и мостовых переправ, а также двумя БМП для обороны — добрался до места назначения и приступил к работе. Всякому было понятно: как только войска пойдут вперед вдоль раскуроченной железной дороги, кто-то должен все это подлатать и обеспечить движение по очень важной для нас транспортной артерии.

Важность задачи, стоящей перед Кошманом, заставила нас предпринять энергичные и довольно рискованные действия, чтобы внезапно захватить станицу. С рассветом была проведена успешная операция, сама станица взята под контроль, а боевики, потеряв в бою бронетранспортер и танк, который они в свое время отняли у оппозиции, отошли. Но отошли аккуратно, не теряя, видимо, надежду вернуть себе Ищерскую при первой же возможности.

Говоря откровенно, досталась нам эта победа с трудом, и в складывающейся обстановке все, что я мог сказать Кошману на прощание, так это: «Находишься вот тут, и не шагу назад!..» Каково же было мое удивление, когда уже вечером того же дня генерал Кошман появился у меня на КП с известием, что он отогнал бронепоезд на станцию Галюгаевскую. В спокойную во всех отношениях пограничную станицу Ставропольского края, где, конечно, никто не стал бы обижать ни этого генерала, ни его бронепоезд!..

Так примерно формулировалась моя мысль, пока сам я закипал от гнева. Моему возмущению не было предела: «Как это?! Да что вы такое говорите?! Да я вас расстреляю, если вы к утру не будете опять на станции Ищерской! Только ради вас я держу там ОМОН, но вы его бросили. Вы что, трусили?..» В общем, наорал я на него очень сильно, еще раз пообещав обязательно расстрелять, если бронепоезд вместе с ним самим внутри к утру не окажется на месте. На том самом, которое с таким трудом было отвоевано накануне.

От меня генерал Кошман выскочил перепуганный и очень расстроенный. Конечно, к утру он в Ищерскую не добрался, но к обеду был уже там.

Чуть позже, когда он зашел ко мне снова, сделав попытку как-то сгладить эту неудобную ситуацию, я ему сказал куда спокойнее: «Ты больше так не делай. Ты пойми, мы не можем так поступать: захотел — ушел... Получается, что ты бросил людей, которых я оставил тебе в поддержку. У них никакой артиллерии нет, и они ничем не прикрыты. А так — твоя бронетехника могла в случае чего ответить, не дать им пропасть. Как же так?» Говорил и видел: Николай Павлович искренне переживает и потихоньку адаптируется в боевой обстановке.

В последующем никогда никаких вопросов у меня к Кошману больше не было: все он

делал добросовестно, и его работа была выше всяких похвал — и в Гудермесе, и на мосту через Терек, и в районе Червленной. Поэтому вполне понятно, что его заметили и пригласили в правительство Доку Завгаева как раз для того, чтобы организаторские способности генерала могли пойти на пользу Чечне, которая, словно железнодорожные пути, по которым некогда шел его бронепоезд, нуждалась в хорошем восстановительном ремонте, в талантливых инженерных решениях и крепкой дисциплине всех ее машинистов и кочегаров...

В случае с Кошманом произошло то, что и должно случиться с человеком на войне. Никто для нее не создан, всем приходится в какой-то момент задавать себе вопрос: «Да боец ли я в самом деле?» И честно самому себе на него ответить... Замечено: первый же бой, первые дни войны всегда очень четко сортируют солдат и офицеров, если доведется им пережить их и пройти через горнило. Если ответ отрицательный — никакой беды нет, и стреляться от стыда не надо. Просто отойди в сторону, собери чемодан и займись чем-то стоящим в мирной жизни. Если же ответ положительный, если, поборов все страхи и осознав ошибки, ты готов рубиться с противником до конца, значит, выйдет из тебя настоящий солдат. Только не паркетный, не образцово-показательный, а слепленный для боя — свирепого, жестокого, бескомпромиссного боя со всяким злом и с любой несправедливостью.

И тут совсем неважно, кто в каких чинах. На моей памяти один старший лейтенант, командир взвода, с криком: «Раненых не бросать! Прорвемся вместе!» запрыгнул на единственный уцелевший под огнем противника БТР и уехал, оставив восемнадцатилетних мальчишек на произвол судьбы, в окружении. В то же время другой человек — рядовой солдат срочной службы Евгений Владимирович Остроухов берет, по сути, управление боем на себя и стойко держится вместе с ранеными товарищами в многочасовом бою. Вот он, Остроухов, теперь офицер... Или другой случай. В одной из бригад не нашлось ни одного смелого офицера для того, чтобы возглавить колонну. Но колонну из двенадцати БТРов, двух топливозаправщиков и санитарной машины привел младший сержант срочной службы Валентин Михайлович Ковалец. Замминистра внутренних дел Михаил Константинович Егоров, как только узнал об этом, даже бросил в сердцах окружавшим его полковникам да генералам: «Где этот младший сержант? Выловите его! Если он согласен — представьте его к званию капитана!..»

Так в жизни бывает: для мирного времени нужны одни командиры, а для войны — совсем другие. Те, кто могут принимать решение в экстремальных ситуациях. Тот же Митюхин — вполне нормальный генерал, много лет отслуживший в группе советских войск в Германии и ставший там же заместителем главкома по боевой подготовке. Без всякого сомнения, на полигонах он показывал хорошие результаты, а тут, в Чечне, в обстановке по-настоящему боевой — что-то надломилось в его душе.

Казались странными его шаги, позволяющие предположить, что он боится — просто боится — любой ответственности. И мне, конечно, не могло понравиться, что он всячески уклонялся от прямой своей обязанности — ставить собственноручную подпись в тех документах, которые носили характер боевого приказа и где все вещи назывались своими военными именами: «блокировать», «уничтожить» и т. п. По телефону или устно сколько угодно нагоняев, смелых решений или грозных указаний. Но пером авторучки — ни слова...

Сам я аккуратно подписывал все свои бумаги и того же ожидал от своих начальников. Говорил Митюхину: «Ты письменно поставь задачу ВВ — восточной, северной, западной группировкам. Так положено делать. Что ж они на твои телефонные звонки должны все время ссылаться?» Однажды почти силком его заставил: «Подпиши!»

Он на моих глазах подмахнул директиву, но, как я узнал вскоре, в войска она не пошла. Оказывается, после моего ухода он сразу же подпись свою зачеркнул и велел никому ничего не передавать.

Вот эта печать боязливости лежала на лицах многих офицеров, в прошлом успешных, но теперь шарахающихся от всего, что напоминало им об ответственности и долге. Как

иначе можно было объяснить появление в армейских частях некой бумаги, по всей видимости, предназначавшейся для рассылки родителям военнослужащих. Вот ее дословный текст: «Ваш сын, такой-то, такой-то, в списках живых, раненых, убитых и пропавших без вести не значится...» Ерунда какая-то! Но очень трусливая и очень подлая ерунда.

Сколько бы ни было у меня уважения к прежней службе генерал-полковника Митюхина, для новой задачи — штурм Грозного — требовался иной человек. 21 декабря министр обороны назначил генерал-лейтенанта А.В. Квашнина, первого заместителя начальника Главного оперативного управления Генштаба, которого представил на совещании как нового командующего Объединенной группировкой. Новым начальником штаба был назначен генерал-лейтенант Л.П. Шевцов.

* * *

Квашнина я знал как волевого офицера и был уверен, что его назначение пойдет федеральным войскам только на пользу. Хотя в числе его очевидных недостатков я по прошлому опыту числил некоторую тягу к многословию и явное нежелание прорабатывать мельчайшие детали какой-либо операции, все это не вызывало у меня большой тревоги. Куда более серьезной проблемой я считал то, что накануне штурма Грозный не был блокирован намертво, и в этих обстоятельствах способностей Квашнина могло не хватить на то, чтобы сражаться на его улицах, по сути дела, со всей Чечней.

Боевики прибывали туда безостановочно, в том числе из тех населенных пунктов, которые мы не стали ворошить на пути к чеченской столице и обошли стороной. Бой в городе был выгоден именно дудаевцам, поскольку лишал федеральные войска главных преимуществ, заключавшихся в артиллерийской мощи и полном господстве в воздухе. Вместо того, чтобы вначале уничтожить самые боеспособные отряды сепаратистов в чистом поле и лишь потом — что останется — выкурить из городских подвалов и теплотрасс, мы сами будто лезли в петлю улиц и переулков.

В любом случае, пока нами не были перекрыты все основные дороги и тропы, ведущие в Грозный, штурм города бесперспективен. Нельзя категорически! Тем более, что сводные полки армейцев даже на первый взгляд представляли собой наскоро сколоченные воинские коллективы, где рядовые бойцы не всегда знали своих непосредственных командиров, а танковые экипажи — случалось и такое — не были укомплектованы полностью. Есть еще одно важное обстоятельство, многое говорящее любому военному человеку: части и подразделения федеральных войск, привлекаемые на первом этапе, были укомплектованы по штатам мирного времени. Это всего-навсего 25–30 процентов от штатов военного времени.

На всем, чего бы ни коснулся глаз, угадывались следы спешки, усталости и раздражения. В довершение ко всему в штабе СКВО не оказалось достаточного количества карт Грозного. У командиров, начиная от командира батальона и ниже, подобные карты были большой редкостью, а те, что имелись в наличии, были составлены в 1972 году и носили следы частичного обновления, сделанного в 1980 году. Поэтому на них не были нанесены целые районы, построенные за последние годы. Не было планов городских зданий, которые рассматривались дудаевцами как важные узлы сопротивления: Департамента государственной безопасности, краеведческого музея, гостиницы «Кавказ», президентского дворца и некоторых других.

По здравому размышлению стоило чуть-чуть перевести дыхание и оглядеться по сторонам. Задача командованием ставилась правильная: тренироваться... Тренироваться до седьмого пота, принаравливаясь к тактике жестокой уличной драки, к шаблонам чеченских боевиков, к будущей суматохе радиопереговоров и радиоигр, которые будут значить очень многое, когда пойдет бой в теснинах города, а тылы и фланги уже нельзя будет окинуть собственным взглядом. Когда в бою не чувствуешь плечо товарища и не можешь организовать взаимодействие — всегда на ум приходят только самые черные мысли: окружение, отход, бегство... Дальше начинается паника, при которой гибнет всегда гораздо

больше народа, чем при самой отчаянной атаке.

Но было бы неверным считать, что штурм города, когда бы он ни состоялся, являлся лишь продуктом волевых решений генерала армии Павла Грачева или командования Объединенной группировки: 26 декабря на заседании Совета безопасности РФ было принято решение о вводе войск в Грозный, что следовало расценивать как боевой приказ, не подлежащий обсуждению.

До ввода войск в республику планов по освобождению Грозного от боевиков ни руководство Министерства обороны, ни командование Объединенной группировки федеральных войск не разрабатывало. А в горячке первых боев, перечеркнувших все первоначальные замыслы, штурм Грозного представлялся уже не таким простым делом, как это виделось всего две-три недели тому назад.

Все надежды на то, что Дудаев дрогнет и запросит мира, умирали тем быстрее, чем дальше мы продвигались к столице Чечни. К исходу декабря, когда федеральные войска подошли к Грозному, уже можно было понять — как строится и насколько крепка оборона дудаевцев, готовящихся дать в Грозном решающее сражение.

Внешний рубеж обороны состоял из опорных пунктов на автомагистралях Грозный — Моздок, Долинский — Катаяма — Ташкала, опорных пунктов Нефтянка, Ханкала и Старая Сунжа — на востоке и Черноречье — на юге города. Основу среднего рубежа обороны составляли опорные пункты в начале Старопромысловского шоссе, узлы сопротивления у мостов через реку Сунжу, в микрорайоне Минутка, на улице Сайханова и подготовленные к подрыву нефтепромыслы и заводы — два нефтеперерабатывающих и один химический. На внутреннем рубеже оборона чеченских формирований основывалась на создании сплошных узлов сопротивления вокруг президентского дворца с использованием капитальных строений. Нижние и верхние этажи были приспособлены для ведения огня из стрелкового оружия и противотанковых средств. Вдоль проспектов Орджоникидзе, Победы и улицы Первомайской были оборудованы позиции для ведения огня артиллерии и танков прямой наводкой.

По нашим оценкам, группировка дудаевских войск, стянутая в город, достигала 9–10 тысяч человек без учета ополченцев и «диких» отрядов, которые никому не подчинялись и действовали сами по себе. 30 танков, 40 БМП и БТР, до сотни орудий и минометов, а также несколько сотен единиц противотанковых средств (РПГ, ПТУР и СПГ) делали это многолюдное войско сепаратистов чрезвычайно опасным в условиях уличного боя. Я уже не говорю о том, что для большинства чеченцев Грозный был отлично знаком, как могут быть знакомы только горожанину все его задворки и закоулки, все эти срезающие углы тропинки и удобные проходные дворы. Все тонкости, которых не могли учесть ни один план, ни одна карта на свете. Но именно они и делают обороняющихся многократно сильнее тех, кто на них наступает.

Вот этого соотношения сил — пять к одному, — положенного по тактике боевых действий в городе, у нас никак не получалось. Силы были примерно равны в начале пути в Чечню, но это было нормально, потому что мы могли вышибать противника из всех нор, из всех опорных пунктов, но огнем артиллерии и авиации, а не атакой мотострелков. Теперь же, в уличном бою, где исход боя решала по большому счету пехота, все силы, которые могла выставить для штурма Объединенная группировка — не более 12 тысяч бойцов — обеспечивали лишь незначительный перевес, который строго математически можно было выразить соотношением 1,3:1.

Разрабатывая план взятия Грозного под свой контроль, командование исходило из реальных возможностей федеральных войск. Из тех успехов и неудач, которые уже произошли и сами по себе определяли все наши последующие шаги. Казалось разумным, что силы, задействованные в штурме (четыре группировки), начнут движение в Грозный по трем сходящимся направлениям: «Запад»; «Север» и «Северо-Восток»; «Восток».

Силы группировки «Запад» под командованием генерал-майора В. Петрука составляли сводный отряд 503-й мотострелкового полка, сводный парашютно-десантный полк 76-й

воздушно-десантной дивизии, батальон 21-й отдельной воздушно-десантной бригады и батальон 56-й отдельной воздушно-десантной бригады. Два штурмовых отряда, которые формировала эта группировка, наступая в отведенной им полосе, должны были захватить железнодорожный вокзал, а в последующем, двигаясь в северном направлении, блокировать президентский дворец с юга.

В группировку «Север» под командованием генерал-майора К. Пуликовского входили сводный отряд 131-й мотострелковой бригады, 81-й и 276-й мотострелковые полки. Штурмовой отряд этой группировки совместно с двумя штурмовыми отрядами группировки «Северо-Восток» под командованием генерал-лейтенанта Л. Рохлина в составе 255-го мотострелкового полка, сводного отряда 33-го мотострелкового полка и 68-го отдельного разведывательного батальона, наступая с северного направления, имели задачу блокировать северную часть города и президентский дворец с севера.

В результате действий трех этих группировок и блокирования магистральных улиц должен был образоваться сквозной коридор. Чтобы исключить боевые действия в западной части города и перегруппировки противника в тылу, десантники должны были блокировать Заводской район и район Катаяма.

Наступавшая с восточного направления группировка «Восток» под командованием генерал-майора Н. Стаськова в составе сводного отряда 129-го мотострелкового полка, сводного парашютно-десантного полка 104-й воздушно-десантной дивизии, сводного батальона 98-й воздушно-десантной дивизии формировала два штурмовых отряда. Они, продвигаясь вдоль железной дороги Гудермес — Грозный и далее в направлении проспекта Ленина, должны были выйти к реке Сунже, захватить мосты через нее и, соединившись с войсками группировок «Север» и «Запад», блокировать центральный район в горловине реки Сунжи.

Таким образом, основные силы Дудаева, находящиеся в центре города, оказывались в полном окружении федеральных войск и прочно запирались в тех узлах обороны, которые располагались в центре города или носили стратегическое значение. Но их положение, по замыслу операции, становилось таким безнадежным, что впору было складывать оружие и, не торгуясь, сдаваться по-хорошему...

И теперь, по замыслу командования, роль форварда должны были выполнить армейские части.

Подразделения внутренних войск и сотрудников внутренних дел — как правило, специальные — придавались этим штурмовым отрядам на случай активного сопротивления дудаевцев в наиболее важных объектах, а также для зачистки освобожденной территории от остаточных групп боевиков и блуждающих снайперов. Но задача внутренних войск во время штурма носила все же вспомогательный характер, что объясняется существенной разницей в мощи оружия, стоящего на вооружении ВВ и армии, а также особенностями боевой подготовки.

В армии каждого — от солдата до генерала — учат брать города. И, говоря откровенно, это очень сложная работа, требующая от армейских мотострелков умения буквально вышибать дух из любого узла обороны. Вот так: встретил сопротивление, обнаружил огневые точки, вызвал огонь своей артиллерии или авиации, ворвался на позиции и уничтожил всех, кто еще держит в руках оружие. И, не отвлекаясь на мелочи, на укрывшегося в подвалах и чердаках неприятеля, наступать дальше, пробивая тараном проход для тех, кто идет следом и чистит город от снайперских лежбищ, от оставленных в тылу диверсантов, от бандитов и мародеров, которым посчастливилось избежать встречи с бескомпромиссной армейской пехотой.

Это уже работа «легких» мотострелков — частей и подразделений внутренних войск, которые, уступая армейцам в пробивной силе их орудий и танков, как раз тому и обучены, чтобы, шагая за ними следом, по-умному перевернуть каждый камень и заглянуть в каждый люк. Все, что называется военно-полицейской операцией, начинается сразу же, и сопутствующие ей бои носят подчас не менее ожесточенный характер.

Но это все в идеале, в теории, в планах — в том установленном жизнью порядке вещей, который обязывает внутренние войска относиться к армии с уважением, и даже именовать ее — конечно, неофициально — «старшим братом». И в этом положении ВВ нет ничего обидного. Ничего такого, что говорило бы о неравенстве или о том, что солдатские жизни, отданные за Отечество, тем ценнее, чем «сильнее» ведомство, к которому они были приписаны в свой смертный час...

Упор делался на внезапность и полное превосходство по качеству вооружения. Техники у армии действительно было больше: около 200 танков, свыше 500 БМП и БТР, 200 орудий и минометов. Еще и в резерве, состоявшем из 131-й Майкопской отдельной мотострелковой бригады и 503-го мотострелкового полка, насчитывалось более 500 человек, 50 танков, 48 орудий и минометов.

* * *

Сейчас и не вспомнить когда точно — 26 или все-таки 27 декабря — сложился тот разговор в вагоне министра обороны, стоявшем на запасных путях в Моздоке... В общем-то, ничего особенного: просто штрих времени, мимолетная его деталь, только подчеркивающая вековечность наших национальных черт, привычек и сумасбродств... Вроде бы все и без нас предрешиено Совбезом: хочешь — не хочешь, а идти в город придется. Окончено очередное совещание, и остается только узкий круг генералов, к которому предложено присоединиться и мне. На прямой вопрос Грачева, обращенный к одному из присутствующих: «Ну что, когда будем брать Грозный?», генерал N рапортует без тени сомнения: «Вы мне, Пал Сергеич, ставили задачу на 3 января, я войскам — на 29 декабря. Но брать будем 31-го!...» В голосе генерала N чувствуется здоровый и жизнерадостный подхалимаж: это считается нормальным, за это погоны не снимут...

Вообще-то, я знаю этого генерала как трудолюбивого и неглупого человека. Поэтому, оставшись с ним наедине, недоумеваю по поводу случившейся с ним перемены, спрашиваю жестко, с отчетливым вызовом: «Не слишком ли дорогой получается подарок?» Но N, кажется, и не думает обижаться: «Бросьте, А.С.!.. Какая разница — сегодня или завтра? Вы поймите, армия — это же лом... А против лома нет приема!»

* * *

Так оно в конце концов и произошло: двинулись 31-го...

Начинала штурм авиация, поднявшись с базовых аэродромов Ейска, Крымска, Моздока и Буденновска.

В 6.00 31 декабря группировка «Север» зашла в Грозный. Дудаевцы не спешили открывать огонь, стремясь раскрыть замысел российского командования. Практически без боя первый батальон 81-й полк Самарской мотострелковой дивизии вышел к железнодорожному вокзалу (к 13.00) и к дворцу Дудаева (к 15.00). В район железнодорожного вокзала к 13.00 сумели выйти и два батальона 131-й Майкопской отдельной мотострелковой бригады, направленные из резерва решением командующего «для закрепления успеха и наращивания усилий».

Обходным маневром, оставляя в стороне центральные улицы, колонны группировки «Северо-Восток» сломали сопротивление боевиков на внешнем и среднем оборонительных рубежах и к 14.00 вышли к мосту через Сунжу, восточнее площади Орджоникидзе.

Группировка «Запад» вошла в город в 7.30 и до 12.00 не встречала сопротивления. Но уже к 14.00 дудаевцы вычислили местоположение наших войск и с 15.00 перешли к активным боевым действиям. 693-й мотострелковый полк группировки «Запад» был атакован в районе рынка превосходящими силами противника. Не выдержав натиска, он начал отход и к 18.00 был окружен в районе парка имени Ленина. Связь с ним была потеряна. Сводные парашютно-десантные полки 76-й дивизии и 21-й отдельной бригады

ВДВ из состава этой же группировки в районе Андреевской долины были остановлены плотным огнем и вынужденно закрепились на южной окраине города. Свою задачу группировка генерал-майора В. Петрука выполнить так и не смогла из-за непростительно медленного выдвигания частей, предназначенных для усиления ведущей бой группировки.

То же самое произошло с группировкой «Восток», возглавляемой заместителем командующего ВДВ генерал-майором Н. Стаськовым. Один из ее полков, наступавших вдоль железной дороги Гудермес — Грозный, углубившись в город на 3–4 квартала, был остановлен завалами и огнем противника. В этой обстановке Стаськов, вместо того чтобы прорываться вперед, зачем-то изменил движение своего авангарда и определил ему иной маршрут — правее железной дороги, где полк вскоре увяз в грязи и в спорадически возникающих перестрелках. В районе второго микрорайона он вышел к хорошо укрепленному опорному пункту дудаевцев и вскоре был блокирован. Всю новогоднюю ночь полк отбивал атаки, понес потери и по приказу А. Квашнина отошел в ранее занимаемый район. До 2 января авангард группировки «Восток» действия других группировок вообще не поддерживал...

В результате сложилась такая обстановка, когда в город смогли прорваться лишь группировки «Север» и «Северо-Восток», которые, встретив сопротивление превосходящих сил противника, вели бой в окружении, но сумели зацепиться в заводских корпусах, имея за спиной удобное для переброски сил и боеприпасов Петропавловское шоссе. Генерал-лейтенант Л. Рохлин правильно оценил ситуацию и занял оборону в районе городской больницы и консервного завода, что позволило его частям, во-первых — избежать разгрома, а во-вторых — создать на севере города относительно спокойный плацдарм, откуда можно было управлять штурмом в режиме реального времени и неспешно, шаг за шагом продвигаться вперед.

Каждому командиру в уличном бою воздается все разом и строго по заслугам. Уж если есть у Рохлина ум, знания, интуиция и природная осторожность, точно так идут по городу и его бойцы: медленно, аккуратно и очень расчетливо... Впереди, спешившись, движется небольшая штурмовая группа мотострелков и только за ней несколько танков и БМП. В этом союзе людей и бронемашин есть своя логика и взаимные обязанности: пехота, вскрывая вражеские позиции, охраняет танки, которые до поры до времени движутся на недосягаемом для гранатометчика расстоянии. Но достаточно одного автоматного выстрела по штурмовой группе, либо просто нехорошего предчувствия, чтобы вывести танк на прямую наводку и разметать орудийным огнем любое препятствие на пути. Вот так, благодарно прикрывая друг друга, проходят квартал за кварталом люди и техника, и эта тактика, именуемая «сталинградской», снова доказывает, что является лучшей, когда приходит время брать города.

Тем командирам, кто пренебрег опытом, за который еще их деды и отцы заплатили собственной кровью, стоило предвидеть и те тактические приемы, которые мог применить противник, имеющий, во-первых, большое количество ручных гранатометов и, во-вторых, не раз доказывавший на деле, что любит это оружие и умеет им пользоваться. Едва минул месяц, как по такому же губительному сценарию разворачивался штурм силами оппозиции и «добровольцев». Можно было не сомневаться, что и в этот раз чеченцы, набившие руку на стрельбе из подворотен, не захотят менять привычный почерк боя.

Как это уже не раз описывалось в документальной литературе, касающейся событий, происходивших в Грозном 31 декабря 1994 года, движению бронетанковых колонн по улицам Грозного было организовано классическое противодействие: сначала уничтожались головная и замыкающая машины в колонне, после чего из окружающих домов открывался многоярусный (поэтажный) огонь по остальной, «запертой», бронетехнике. На нескольких направлениях после проведенной артподготовки и без того узкие улицы города теперь напоминали старые каменоломни, где огрызающиеся огнем танки и БТРы зачастую не могли совершить спасительный маневр и вырваться из засады. Но и там, где по основным магистралям танки и БМП прорывались в центр города, они, лишенные поддержки

мотострелков, в большинстве своем были уничтожены из противотанковых гранатометов с близкого расстояния.

В некоторых случаях экипажам танков удавалось через бетонные заборы вырваться с простреливаемых гранатометами улиц в достаточно широкие внутренние дворы и организовать круговую оборону. Вот эти очаги обороны чеченцам подавить не удалось. Как не удалось сломить те группы, которые, будучи рассеянными по городу, все же не утратили воли к сопротивлению и отважно дрались за каждый этаж, за каждый лестничный марш дома, где была возможность укрыться от огня, перевязать раненых и снарядить магазины патронами. Часто к таким группам прибивались танкисты, которым удалось выбраться из горящих машин, прочий отбившийся и заблудившийся военный люд, который не впал в отчаяние и не собирался поднимать руки. Все вместе они шли на прорыв, и для многих он оказался спасительным.

Однако страх и чувство безысходности, которые испытывает в неясной, противоречивой обстановке почти любой человек, поначалу лишали боеспособности целые подразделения. К сожалению, произошло то, чего я так боялся накануне штурма: радиосвязь была практически парализована из-за царившей в эфире неразберихи, а между подразделениями почти не было взаимодействия. В ряде случаев из-за потери управления федеральные войска наносили удар по своим же подразделениям. Так, авиацией был уничтожен авангард из пяти машин 104-й воздушно-десантной дивизии. К сожалению, были потери и от собственных мотострелков. Необученные новобранцы в сложной обстановке терялись и вели огонь во все стороны, иногда и по своим...

Особенно тяжелое положение сложилось в группировке «Север». Сводный отряд 131-й Майкопской бригады имел задачу отсечь подход подкрепления боевиков в центр города из района Катаяма. Не встретив на пути никакого сопротивления, на одном из отрезков дороги отряд проскочил нужный перекресток и потеряв ориентировку, вышел к железнодорожному вокзалу, где к тому времени уже находились подразделения 81-го Самарского мотострелкового полка.

На месте комбрига полковника И. Савина, который вел этот сводный отряд своей бригады, следовало тут же рассредоточиться, укрыть бронетехнику, создать круговую оборону, организовать систему огня и выслать разведку. В принципе все то, что первым делом должен сделать любой командир, оказавшийся во враждебном городе. Вместо этого батальоны, встав колоннами вдоль улиц в районе железнодорожного вокзала, простодушно покинули машины, положившись на тишину и отсутствие признаков противника.

Эта беспечность позволила чеченцам скрытно подтянуть к вокзалу целую группировку своих боевиков, которая позднее будет оценена Министерством обороны в три с половиной тысячи человек, несколько десятков орудий и танков и триста одних только гранатометов. С наступлением темноты подразделения Майкопской бригады и Самарского полка были внезапно атакованы и сразу же понесли очень серьезные потери: сначала была расстреляна бронетехника, а потом и сами мотострелки. Включая и тех, кто попытался отойти к зданию вокзала и хоть как-то в нем закрепиться. К сожалению, оно оказалось малоприспособлено к обороне, так как имело большие окна и множество выходов.

Поэтому ночью, около 24 часов, остатки бригады при поддержке двух танков попытались пробиться из города вдоль железной дороги. Через час связь с ними была потеряна. Как потом выяснилось, группа была окружена на одной из привокзальных улиц и почти полностью уничтожена. С ней погиб и командир 131-й бригады полковник И. Савин.

* * *

Всего 31 декабря и в новогоднюю ночь на улицах Грозного погибли или пропали без вести около полторы тысячи солдат и офицеров федеральных войск. К сожалению, в этом списке значится имя и одного военнослужащего ВВ — рядового Радия Хаялтиновича Бектимирова, погибшего 31 декабря 1994 года на подступах к президентскому дворцу.

Пока в Грозном идет бой, мои войска там же — на его улицах, наравне со всеми... В основном самые лучшие бойцы — спецназ да разведка ВВ, которые в соответствии с планом операции приданы штурмующими отрядам. Считается — для того, чтобы чистить от боевиков самые ближние тылы, если только возможно отыскать эти самые тылы в круговерти уличного боя, где порой невозможно понять, в чьих руках соседний подъезд, следующий этаж, комната, в которую собираешься войти...

Но это все, как я уже говорил, в идеале, в теории, в планах. А в неразберихе первых суток штурма, когда и «свои» неизвестно где, самая точная из команд, которую наши офицеры могли получить от армейских начальников, звучала примерно так: «Дуйте туда-то и туда-то — там получите задачу...» Бывало и так, что командир-армеец, оглядев подразделение ВВ и мысленно сравнив его с собственными бойцами-первогодками, только радовался: «Ты — спецназ... Вот ты и штурмуешь!..» И я не знаю ни одного случая, когда бы солдаты и офицеры внутренних войск отказались выполнить приказ или не выручили попавших в беду боевых товарищей из Вооруженных Сил.

Вот именно судьба наших подразделений, участвующих в штурме города, predetermined решениями армейских офицеров, действующих по своим планам и обстоятельствам — вмешаться или хотя бы отследить их движение зачастую просто невозможно: приданные — они и есть приданные... Идут с полками Минобороны и делят с ними все: и окружение, и бой, и прорыв. Вот так, прямо на площадь перед президентским дворцом выскочили два «бэтэра» внутренних войск с бойцами из «Скорпиона» — подразделения специального назначения 47-го полка ВВ. Выскочили одними из первых, а потому никем не ожидаемые. За считанные мгновения до того, как весь район, прилегающий к президентскому дворцу, обернулся полем жестокого, тяжелого и очень кровопролитного боя. Почти сразу же по группе был открыт шквальный огонь: погиб наблюдатель Радий Бектимиров и подожжен один из БТРов.

В этой ситуации очень профессионально и отважно повел себя командир группы старший лейтенант Олег Гладинов: двенадцать бойцов (он сам — тринадцатый) сумели выскочить из горящей машины и по команде офицера заняли оборону на первом этаже одного из домов. Правда, этажом выше уже находились чеченские боевики, но в уличных боях, которые тогда происходили в Грозном, такое случалось часто и даже не казалось чем-то необыкновенным. Вскоре к группе присоединились два десантника из расстрелянной неподалеку БМД. Так и сражались, сумев уничтожить несколько боевиков, и покинули здание только тогда, когда их начали забрасывать гранатами через окна.

Что еще нужно сказать об офицере Гладинове (сейчас он подполковник, выпускник Академии им. Фрунзе, кавалер ордена Мужества), так это то, что ни убитого Бектимирова, ни шестерых раненых бойцов, ни горемычных десантников он на произвол судьбы не бросил. Всех вытащил в тылы, а сам, будучи раненым, остался в строю и с остатками своей группы присоединился к другому подразделению спецназа ВВ — к отряду «Росич», который вел бой в районе консервного завода и горбольницы № 1.

Одну из его боевых групп, приданную 81-му мотострелковому полку, возглавлял опытный разведчик внутренних войск майор Сергей Гриценко (впоследствии — полковник, кавалер двух орденов Мужества). Вот итог боевой работы «Росичей» за несколько первых дней штурма: на Горской улице вытаскивают из-под обстрела раненого армейского майора и машину космической связи, на углу улиц Лермонтова и Гикало по приказу командира полка штурмуют больничный комплекс и берут его без потерь, в ночь на 1 января выводят из окружения группу военнослужащих Майкопской бригады — 14 безоружных человек, — которые, прорываясь из окружения на двух БМП, в темноте не разобрали дороги и опрокинулись в Сунжу с разбитого моста.

В промежутках множество ходок на бронетехнике по передовой: под гранатометным огнем (один БТР подбит, но остается в строю) — в содружестве с армейцами или в одиночку. На счету подразделения не менее двух десятков убитых боевиков, большая часть которых попала в прицел отрядного снайпера, рядового-контрактника Виталия Бабакова, в те же дни

тяжело раненного и удостоенного за свой подвиг звания Героя России.

Я знаю, что Виталий — уже давно офицер и продолжает службу во внутренних войсках. И хотя каждая из золотых звезд Героя Российской Федерации, которыми за последние семь лет награждены более семидесяти военнослужащих ВВ — наши живые и погибшие товарищи, имеет свое благородное достоинство и свою историю, три из них — первые, которых были удостоены рядовые Евгений Остроухов, Виталий Бабаков и подполковник Сергей Петрушко, героически погибший в бою под станицей Ассиновской, оставили в душе особенно яркий, но в то же время какой-то горький свет. Хоть и не первая война была у меня за плечами, но такой еще не было... Тут никто не станет прощать ни сиюминутную слабость, ни лишнюю минуту сна, ни крошечную надежду на авось.

Так получается, в эти дни далеко не каждую минуту я позволяю себе думать о старшем сыне — о Сергее, вошедшем в Чечню вместе с 19-й мотострелковой дивизией. Сначала их колонну терзали ингуши, а потом бой следовал за боем. Мне и спросить совестно своих армейских товарищей-генералов: дескать, как там капитан Куликов?.. Да хоть бы и спросил — могут и не ответить: тут сотни таких капитанов, и среди них Куликовых, должно быть, не один десяток. И все воюют: ведут колонны, корректируют огонь батарей и вертолетов, поднимаются в атаку, и каждый, сжав зубы, рвется вперед.

Поэтому весь мой отцовский долг я теперь вижу в одном: делать свою генеральскую работу так тщательно, как если бы в любой из планируемых мной операций должен принять участие мой собственный сын. Если чем и могу я помочь ему на этой войне, так это тем, чтобы у нас, у командиров, которые вольны распоряжаться человеческими судьбами, все было продумано, проверено и просчитано по минутам.

* * *

На четвертый день штурма, 3 января, в связи с тем, что обстановка по-прежнему оставалась во многом неясной, было решено провести совещание в самом Грозном. Самым удобным местом для такого генеральского совета являлся передовой командный пункт генерал-лейтенанта Рохлина, располагавшийся на консервном заводе. Практически через дорогу от него — на молзаводе — находился и КП внутренних войск, что позволяло без проволочек оценить ситуацию, внести коррективы и отладить взаимодействие всех сил, принимающих участие в освобождении города.

Из Моздока вылетели на вертолете — я с помощником, командующий Объединенной группировкой генерал-лейтенант Анатолий Квашнин, генерал-лейтенанты Валентин Коробейников и Михаил Егоров — и вскоре приземлились в расположении 81-го полка ВВ, находящегося во втором эшелоне группировки Рохлина в районе станицы Петропавловской.

Уже там пересели на бронетехнику и колонной двинулись на консервный завод. Маршрут проходил по северной окраине Грозного, мимо кладбища, приобретшего за последние две недели репутацию гиблого места: оттуда постоянно стреляли чеченские боевики. И позднее еще довольно долго они промышляли в его окрестностях, понимая, что мы скорее будем терпеть их опасное соседство, нежели решимся на крайность — артиллерийский или минометный обстрел кладбища. Однако при всех очевидных рисках эта дорога, по которой мы ехали к Рохлину, считалась относительно контролируемой. Хотя и представляла собой только набитую в непроходимой грязи колею.

Только наша техника и могла там пробраться, причем самых добрых слов заслужили ярославские двигатели, которые одно время, в связи с пожаром на Камском автозаводе в Набережных Челнах, ставились на БТР-80. Вот эти, ярославские движки, могли вытянуть везде: и в горах, и в распутицу, и под огнем.

Как оказалось, в районе кладбища и нас поджидала засада. Кумулятивная граната влетела в тот БТР, который шел впереди, и он сразу же загорелся. Так как вся колонна двигалась след в след, поневоле пришлось останавливаться и, огрызаясь огнем из крупнокалиберных пулеметов, вытаскивать экипаж. Один из наших военнослужащих был

убит, еще один — ранен. Требовалась срочная медицинская помощь. Пострадавших немедленно погрузили в БТР сопровождения и отправили в полк, где были врачи и самое главное — готовый к вылету вертолет.

Я не отношу себя к числу людей трусливых и не теряю самообладания даже в самых тяжелых ситуациях. И в пустом лесу, на охоте, я иду без опаски, и перед злой собакой трепетать не стану. Но только в такие минуты, когда понимаешь, что следующим выстрелом запросто могут убить и тебя самого — доходит до сердца обыкновенный человеческий страх. Нет, не тот, который рождает панику и безволие, а тот, что сидит в каждом из нас, напоминая, как скоротечна и обыкновенна может оказаться смерть посреди грязного, изъезженного бронетехникой поля.

Невольно подумалось, что еще полчаса тому назад, когда мы рассаживались под броню в расположении полка, я должен был посоветовать своим спутникам разойтись по разным машинам. Еще не хватало, чтобы одним выстрелом вместе с экипажем ухлопали четырех генералов! Но не потому, что собственную жизнь я оцениваю выше жизни рядового водителя или стрелка, а затем, чтобы в случае чего кто-то из нас все-таки остался жив и мог полноценно руководить войсками. Такой вот военный прагматизм, такое правило, невольно проигнорированное мной. Не случись этого, сейчас на месте израненного, контуженного, разметанного взрывом экипажа мог бы находиться кто-то из нас или все вместе...

На совещании, куда мы спешили, удалось решить те проблемы, которые позволили в дальнейшем наладить управление войсками и перейти к иной тактике штурма, когда бы полностью исключалось массированное применение бронетехники. Упор делался на переход к классической схеме уличных боев, когда сначала создавались опорные пункты в многоэтажных зданиях и лишь потом начиналось движение вперед, но силами небольших и мобильных штурмовых групп, поддерживаемых снайперами. Огонь танков и ствольной артиллерии, двигающихся следом за пехотой, в соответствии с этой тактикой, корректировался теми, кто вел бой и видел противника собственными глазами.

Обстановка в городе была такова, что на нескольких направлениях наметились предпосылки к успеху. Многие из тех, кто оставался в окружении, сумели закрепиться и перейти к круговой обороне. Железнодорожный вокзал опять находился в наших руках, и следовало как можно быстрее взять инициативу в свои руки и вылепить из побитого, но не павшего духом войска такую армию, которой штурм Грозного мог бы оказаться по силам.

Когда все было решено, тут же, неподалеку от КП Рохлина, мы собрали для короткого совещания уже только «эмвэдэшных» офицеров, чтобы уточнить наши специфические задачи. Среди них был и генерал-майор Виктор Васильевич Воробьев, трагически погибший четыре дня спустя в центре города. Его я хорошо знал и относился к нему с уважением. Напоследок перекинулись двумя-тремя словами и разошлись. Но шагов сто или чуть больше успел я отойти от того места, где мы только что стояли, как прямо туда влетела и разорвалась 120-миллиметровая мина. По счастью, никого не задев. Кто-то запоздало пригнулся, кто-то выкрикнул, нет ли раненых. А мы с Квашниным, Коробейниковым и Егоровым между собой ненароком переглянулись. Было отчего: второй раз за день нам улыбнулась судьба.

* * *

Тут самое время сказать, что генеральские опасности на войне, как бы реальны они ни были, все же не сравнимы с теми испытаниями, которые выпадают на долю солдат и младших офицеров, находящихся под огнем почти постоянно. Надо только представить себе обстановку, сопутствующую штурму, чтобы понять, как ежесекундно, без единой паузы, в городе что-то стреляет, грохочет и рвется. Как гулко бьют орудия и как с воем проносятся над головой снаряды и мины. Как сухими щелчками хлещут вдоль улицы пули снайпера. Где невозможно предугадать, где и как догонит тебя твоя смерть...

В те дни я помню каждую из них. Не свои — гипотетические и несостоявшиеся, — а те,

что безвременно и безвозвратно уносят наших солдат и офицеров. Достаточно назвать фамилию и дату и вспомнить, что, да: именно 14 декабря 1994 года первым среди военнослужащих внутренних войск погиб в Чечне прапорщик Владимир Трифонов. Потом рядовые Николай Шарков, Александр Мучкин, Данил Агадуллин и Сергей Самохин.

20 декабря и в ночь на 21-е — тяжелейший бой под станицей и в станице Петропавловской. Сначала смертельно ранен командир роты старший лейтенант Юрий Струков. Посланный за ним санитарный вертолет Ми-8 на подлете сбит из гранатомета. Погибли командир экипажа майор Александр Гасан, второй пилот старший лейтенант Олег Смирнов, борттехник капитан Анатолий Савчук, военный врач подполковник Сергей Похлебин, смертельно ранен старший лейтенант медицинской службы Владимир Ермолов. Вечером того же дня попадает в засаду в самой Петропавловской и ведет бой в течение всей ночи мотострелковое подразделение внутренних войск. Убиты младший сержант Александр Конин, рядовые Александр Савин, Константин Калабин, Сергей Толстоноженко, Алексей Кутырев, Николай Макаров, Павел Макаров, Евгений Сиротин, Стефан Аскольский, Евгений Шпехт. Многие ранены.

31 декабря в центре Грозного убит рядовой Радий Бектимиров, 1 января погиб на посту рядовой Александр Канунцев, 2 января погибли рядовой Алексей Кнуров, ефрейтор Руслан Хайбулин, рядовой Сергей Павлов, 3 января — подполковник Сергей Петрушко, старший сержант Сергей Тарабановский, ефрейтор Сергей Струков, рядовой Юрий Мусаткин, рядовой Алексей Никулин, ефрейтор Роберт Бабаян, рядовой Василий Вышлов. В этот мартиролог следует внести еще одну фамилию — майора Вячеслава Афонина, еще 10 декабря попавшего в плен под Хасавюртом и увезенного аккинцами в Грозный, «в подарок Дудаеву». Он погибнет несколько месяцев спустя — в неволе, но в череде потерь его мученический подвиг значит ничуть не меньше, чем тот, что совершен в бою.

Всего же за полтора месяца боев, начиная с того дня, когда мы вошли в Чечню и до 26 января 1995 года, когда я принял командование Объединенной группировкой федеральных войск, внутренние войска МВД России потеряли убитыми 56 человек. О том, как высока была человеческая проба этих людей, свидетельствует подвиг замечательного разведчика ВВ, подполковника Сергея Петрушко, который, наткнувшись в ходе поиска на крупную банду боевиков, не дрогнул и принял бой, хотя бойцов в его группе было меньше десятка. Подполковник погиб, но, жертвуя собой, оттянул время и силы противника и тем спас всю разведгруппу.

Приведенный мной список утрат свидетельствует с жесткой прямоотой: настоящий бой держится на рядовых солдатах, сержантах и лейтенантах. Именно им приходится собственной жизнью расплачиваться за ошибки своих генералов. Без них даже самый умный и талантливый полководец — не более чем кабинетный сочинитель замыслов.

Отчего-то я очень хорошо запомнил тот день, когда, будучи капитаном и слушателем Академии имени Фрунзе, в ходе обычных командно-штабных учений на Черниговском полигоне получил вводную, суть которой состояла в том, что после ядерного удара от моего воображаемого полка практически ничего не осталось. Но с этими, условно выжившими людьми, я должен был отразить нападение сильного и очень уверенного в себе противника. Было понятно: на карте я должен принять бой, надо полагать, последний в моей жизни. Лечь костями, но отстоять Отечество.

Игра игрой, однако, получив приказ, я испытал очень сильный эмоциональный стресс: словно наяву пронесся перед моими глазами мой разом погибший полк, из остатков которого теперь предстояло собрать хоть что-то, что можно было бросить навстречу врагу. Вот так — жесткой командирской рукой — из каждой бывшей роты собрать взвод, из каждого батальона — сводную роту, а из всего полка — сводный батальон. Сама по себе это обычная учебная задача. Ничего особенного, и вряд ли стоит вдаваться в технологические детали этого процесса, когда он исполняется только на бумаге. Тем более, что руки и голова все это сделали быстро и четко. А вот работа души досталась мне куда тяжелее!.. Честное слово, почти до слез мне стало жаль вот этот, сгоревший в огне полк, как будто это я сам подбирал

— человек к человеку — его пехотные роты и помнил в лицо каждого офицера. Живые люди — не пешки, которых легко смахнуть с игровой доски...

На реальной войне, если не отрываться от штабной карты, конечно, можно как бы отстраниться от реальности и утешиться тем, что твои полки, судьба которых в буквальном смысле подчинена движению руки — в обезличенном состоянии тоже представляют собой лишь определенное количество бронетехники, минометов, автоматов Калашникова, солдатских шинелей и рукавиц, достаточных для выполнения приказа... Отсюда и пошли эти понятия: «пять тысяч штыков», «сотня сабель» и т. п. Но никогда — никогда!!! — я не позволял себе забыть, что за броней этих бэтээров и бээмпэшек сидят живые, любящие и любимые кем-то люди. И что за каждым из них, словно горы за холмами, стоят сотни и тысячи других, которые по закону родства или по Божьему закону расценят их гибель как вселенскую катастрофу. «Жизнь кончилась», «жизнь потеряла смысл», «эту потерю ни с чем не сравнить» — вот так пишут в своих письмах матери и отцы, жены и дети, братья и сестры павших на поле боя солдат...

Поэтому главным своим долгом я считал тот, что предписывал беречь жизни своих солдат и офицеров. Конечно, абсолютной правдой является то, что войны без жертв не бывает. Но точно так же права и житейская мудрость: если воевать по уму, то потерь обязательно будет меньше. И хотя я был уверен в выучке внутренних войск, когда принимал окончательное решение на проведение той или иной операции и ставил свою утверждающую подпись в углу карты, всегда оставалась опасность, что мы что-то не учли, не досмотрели или недооценили противника. И, пожалуй, ни за что иное я не взыскивал так строго со своих офицеров, как за потери личного состава, особенно если их можно было избежать.

На что уж мы друзья с Анатолием Романовым и понимаем на войне друг друга с полуслова, за потери спрашиваю и с него... Особенно жестко в один из дней, когда, выслушав его доклад по телефону, понимаю, что причиной гибели людей в одном из эпизодов войны является грубая ошибка находящегося под началом Романова офицера. Тот не выставил боевое охранение и проморгал нападение боевиков.

Если уж говорить честно, то прямой вины генерал-лейтенанта Романова в том не было. Тем более, я знал, как тяжело переживает сам Анатолий любую случившуюся у нас потерю и как мучительно трудно ему докладывать сейчас об убитых и раненых в последнем бою. Но в тот раз я ему никаких скидок не сделал и потребовал очень решительно: «Анатолий, ты должен принять самые серьезные меры... Анатолий, ты не дорабатываешь...» Да, это жесткие слова. Да, Романов их не заслуживает. Но я хочу, чтобы каждый наш шаг на этой войне был выверен и не оплачивался кровью наших людей.

Видимо, в тот момент, когда Романов докладывал мне, рядом с ним находился заместитель министра внутренних дел Михаил Егоров, остававшийся «старшим на борту» в то время, пока я летал в Москву. Видя такое дело, он, вероятно, решил, что я отнесся к Анатолию несправедливо, и очень тактично меня попросил: «А.С., ты с Романова строго не спрашивай. Он и так очень переживает». И министр Виктор Федорович Ерин, которому я был обязан докладывать в каждом случае гибели подчиненных, тоже за Романова заступился: «Ты там не очень-то, значит, строгой командующего группировкой... Что поделаешь, это война...»

* * *

Что поделаешь — это действительно война, на которой, вопреки всем нашим предосторожностям, люди все-таки гибнут и получают тяжелые увечья. Хочешь — не хочешь, но приходится считаться с тем, что во всяком конфликте существует еще и противная сторона, у которой так же, как и у тебя, есть все резоны драться всерьез. Пока существует война как явление человеческой жизни, в ее основе всегда будет лежать состязательность ума, выносливости и хладнокровия. Наш противник — боевики НВФ — в большинстве своем зрелые мужчины с опытом военной службы. Они хорошо вооружены и

прекрасно знают местность. Именно на их стороне симпатии мирных жителей, а это означает, что нигде мы не чувствуем себя в безопасности. К месту вспомнилась переписка одного из солдат, воевавшего на Кавказе в позапрошлом веке — со своей женой, оставшейся в российской глубинке. На просьбу жены сообщить — какая на Кавказе погода — солдат отвечает мудро и точно: «Погода тут такая, что на двор без ружья не выйдешь...»

Да и тактика чеченцев мало в чем изменилась с тех пор. Ее отлично охарактеризовал в телефонном разговоре с Супьяном Беппаевым, бывшим генерал-лейтенантом Советской Армии, сам Дудаев, дававший такие вот советы: «Должна применяться наша кавказская горская тактика: удар — отход, удар в спину — отход...»

Трофейные кадры видеосъемки я всегда смотрел с интересом, отмечая, что Аслан Масхадов, бывший некогда офицером Советской Армии, действительно немало сделал для того, чтобы подготовить вооруженные силы Ичкерии. После того, как мы вошли в Грозный, оказалось, что бывшие наши военные городки превращены в учебные центры, а в карманах пленных, либо убитых боевиков во множестве присутствовали литература и конспекты по ведению подрывной и диверсионной работы. О численности боевых отрядов я как-то упоминал. Остается подчеркнуть: еще с 1991 года дудаевцы работали только на войну... Не в том смысле, что производили нечто полезное, но три четверти усилий этого режима и абсолютно все его заслуги совершены только в области организационно-мобилизационной работы...

Думаю, в число очевидных военных способностей Масхадова следует отнести и насыщенность отрядов НВФ противотанковыми средствами, особенно ручными гранатометами. Она вызывала чисто профессиональное удивление: были случаи, когда в ходе первых боев за Грозный иная наша бронемашина несла следы до двадцати поражений из гранатометов. Достаточно напомнить, что из 26 танков Майкопской бригады, вошедшей в город, подбито было не менее 20. А из 120 БМП кое-как выбрались обратно лишь 18 машин.

Мало того, боевики научились использовать гранатометы для обстрела вертолетов: именно из РПГ был сбит под станицей Петропавловской санитарный Ми-8. В последующем чеченцы освоили стрельбу из гранатомета «по-минометному», пытаясь поразить нашу технику по навесной траектории: так случилось ранней весной 1995 года в станице Гребенской при нападении на контрольно-пропускной пункт. И еще в нескольких местах. Так что, если заходит речь об уроках и выводах, в военной аудитории я обязательно говорю об этом, предлагая внимательно изучать данный повстанческий опыт, находить противоядия и даже пользоваться им в своих интересах.

Неожиданными могли показаться и другие приемы боевиков: вхождение чеченцев в радиосети федеральных войск и перенацеливание огневых средств. Сам Масхадов довольно успешно пользовался тем, что на его профессиональный язык и знания в артиллерийской области могли купиться командиры не только отдельных орудий, но и целых батарей. В какой-то момент Масхадов появлялся на нужной радиочастоте, безошибочно называл позывные артиллеристов и давал по карте точные координаты привязки цели. Доверчивость иных бомбардиров не знала границ. Стреляли по этим выдуманным целям: либо просто жгли снаряды впустую, либо по собственным войскам. Масхадов этого и не скрывал, говорил, улыбаясь: «Было такое дело...»

Но вместе с тем было у чеченских боевиков и немало слабых сторон. Поначалу были они недисциплинированы, не послушны собственным командирам и даже самовольно покидали боевые позиции. Я помню случай, когда в начале февраля 1995 года, в районе Старых Промыслов, в Грозном, армейские разведчики вышли под утро на территорию, которую, по нашим сведениям, оборонял батальон Шамиля Басаева. Однако там никого не оказалось — все ушли в тыл отдыхать. Разведчики устроили засаду. И только утром — кто на мотоцикле, кто пешком — боевики стали подтягиваться на войну как на работу. Я знаю, Басаев был взбешен и начал наводить порядок в собственных рядах. Чуть позже, на моих с ним «февральских встречах» 15 и 17 числа, он даже предпринял попытку оправдаться: «Мы уже другие! У меня никто с позиций больше не бежит...» Мы оба хорошо понимали, о чем

идет речь.

Но вот чего действительно панически боятся чеченские боевики, так это окружения. Как только — я не раз сталкивался с этим — обозначается окружение с флангов, они пулей вылетают оттуда. И страшно боятся любого «котла» и вконец теряют самообладание. Вот этот удивительный феномен, который единственно и заслуживает наименования — «чеченский синдром» — я наблюдал не единожды и готов признать его исключительной особенностью именно чеченских боевиков. В разговоре один на один почти каждый из них достаточно объективно оценивает ситуацию и не прочь удивить раскрепощенностью собственного мышления. Но если перед тобой уже два чеченца, они мгновенно смыкают ряды, не оставляя следа от бывшего разномыслия: «У нас есть начальник главного штаба. Как он скажет, так и будет... У нас есть Джохар Дудаев. Как он решит, так и поступим...» Причем ты отлично знаешь, что думают они совсем иначе и порознь охотно в этом признаются.

Точно также смыкается строй боевиков, когда доходит дело до стрельбы. Особая сплоченность чеченцев очень ярко проявила себя на войне, одаривая их чувством локтя и способностью противостоять силе, которая превосходила их собственную. Это очень важная черта национального характера. Как и та, что чеченский «строй» мгновенно рассыпается, как только возникает опасность окружения. Оно ведь из того же ряда, что и разговоры один на один: у каждого — своя лазейка, у каждого — собственные интересы.

* * *

Конечно, в уставе боевой службы ВВ нет никаких «блокпостов» и «зачисток». Точный и консервативный язык уставов предусматривает выставление «заслонов», «засад», «контрольно-пропускных пунктов» и «войсковых нарядов». В них определены такие способы проведения специальных операций, как «поиск в блокированном районе» и «поиск по направлениям», а также способы действия — «блокирование», «окружение», «захват»... Новая терминология, мигом подхваченная внутренними войсками — родом из профессионального военного жаргона времен войны в Афганистане. Очень точная по смыслу и емкая по содержанию, она постепенно переключивается и в инструкции, и в боевые приказы, и даже в язык репортеров.

По сути своей «зачистка», как она понимается внутренними войсками, это вовсе не карательная операция, в ходе которой нужно истребить любого, кто попадает на пути. Наоборот, в зоне боев, особенно если они идут в крупном населенном пункте, всегда много таких людей, кто вынужден от войны прятаться и убегать — женщины, старики, дети. И даже призывного вида мужчины, которым совесть не позволила встать на сторону бандитского режима. Задача ВВ в такой ситуации — не только отделить зерна от плевел, то есть мирное население — от маскирующихся под него боевиков, но и взять под защиту всех, кто в ней нуждается.

Я не стану кривить душой и утверждать из чувства корпоративной солидарности, что так оно всегда и было, особенно в те дни, когда речь шла только о жизни и смерти и никто никого не жалел. В Чечне велась полномасштабная война, и тот, у кого в руках оказывалось оружие, стрелял, конечно же, не холостыми патронами и убивал противника с ненавистью, со всем хитроумием и умением, на которое только способен человек, желающий остаться живым. И если случался бой за какой-нибудь опорный пункт в городе, то шел он по всем правилам штурма: с применением артиллерии, с метанием гранат в подвалы домов. При этом, конечно, гибли и мирные люди. Так было, и скрывать это нечестно.

Но в то же время надо признать, что всегда перед тем, как применить силу или провести специальную операцию, которая совсем не обязательно заканчивается стрельбой, мы обязательно принимали меры к тому, чтобы заранее оповестить мирное население. Обычно мирным жителям предлагалось покинуть дома на время нашей работы, особенно если существовала опасность боестолкновения с кем-нибудь из непримиримых. Но наши

призывы касались и тех ополченцев, которые в силу обстоятельств были готовы сложить оружие и выйти вместе со всеми. Так было в Грозном, куда накануне штурма в течение трех дней забрасывались листовки-пропуска, дающие возможность их предъявителю спокойно сдать федеральным войскам и рассчитывать на гуманное к себе отношение. Так было в Самашках, когда дважды переносилось время начало операции только затем, чтобы дать возможность мирным жителям выйти из села.

Потом было много спекуляций, много лжи, но бесспорная правда подлинных видеодокументов, сделанных на месте событий, не дает ни малейшего повода к их двусмысленному толкованию: вот это звуковая установка, через которую передаются наши предложения, вот это село Самашки, а это точная дата в углу кадра... Поэтому когда утверждается, что выходящих из села людей кто-то расстреливал из пулемета, то я вынужден отнести эти рассуждения к числу мифов, рожденных пропагандой противника. Комиссия Государственной Думы РФ во главе со Станиславом Говорухиным, назначенная по поводу этих событий, случившихся в апреле 1995 года, совершенно точно установила, что было, а чего не было на самом деле. Ничего такого, что хоть как-то напоминало бы сочинения о тридцати детях, якобы повешенных на окраине села, о сорока расстрелянных стариках или об 11-летней девочке, которой солдаты отрезали голову.

Как раз вот эти дети, женщины, старики благополучно из села вышли. А потом в Самашках произошел бой с очень серьезной бандгруппой, и мы понесли тяжелые потери: были погибшие и раненые.

С точки зрения закона участие в незаконных вооруженных формированиях считается серьезным уголовным преступлением, а потому целью любой зачистки является не только механическое перелистывание документов, удостоверяющих личность, попавшего под ее гребень человека. Так как почти ничто не мешает боевику многократно мигрировать из образа добропорядочного тракториста в образ бандита и обратно, первым делом проверяются внешние признаки того, что человек имеет или имел дело с оружием. Есть характерные признаки, всегда заметные опытному глазу. У гранатометчиков это может быть ожог правой стороны лица, у стрелка — следы отдачи на плече или что-то еще. К таким людям сразу же проявляется неподдельный интерес, и, как правило, они оказываются в фильтрационном пункте. У «фильтра», как его именует фольклор, только одно назначение — содержание задержанного под стражей, пока объективная проверка не даст положительного или отрицательного ответа по поводу его участия в незаконных вооруженных формированиях или в иных преступлениях, предполагающих уголовное преследование.

Частый гребень зачистки цепляет однажды где-то в районе грозненского молокозавода двух боевиков НВФ. Их ведут куда-то мимо меня — потерянных, смиренных, покорных как телята. Останавливаю: «Кто такие?» Оказалось, иностранцы — чеченцы иорданского происхождения. Взяли их с оружием в руках чуть ли не на соседней улице и хорошо, что не расстреляли под горячую руку. Есть документы — это значит, покажем их всему миру и назовем вещи своими именами: Чечня как магнит притягивает к себе самый разношерстный сброд — наемников, религиозных фанатиков и практикантов из самых громких террористических организаций.

Подобно иорданцам, где-то тут с автоматами бродят еще несколько десятков арабов, украинцев из УНА-УНСО и называющих себя моджахедами афганцев, пакистанцев, турок и таджиков. Заметные фигуры дудаевского режима — Яндарбиев и Удугов — позднее это подтвердят, в том числе и правдивость изустных историй о кровожадных снайпершах из Прибалтики. Но вот эти иорданцы — первые «солдаты удачи», что попадутся нам на пути. Желая убедиться, что все-таки не ошибаюсь, задаю вопрос законный, ключевой: «Зачем приехали в Чечню?» Мнутся: «Воевать...» Все ясно, и я даю команду отправить иорданцев в фильтрационный пункт.

Мы заранее знали, что такие люди нам обязательно встретятся: и боевики, и международные авантюристы, и банальные уголовники. Те, что прячутся в Чечне от розыска или разбежались из мест заключения под шумок дудаевского мятежа. Поэтому первые

фильтрационные пункты, которые следовало бы называть строго по закону изоляторами временного содержания, поначалу располагались вне зоны боевых действий — в Моздоке, в вагонах, обычно используемых для перевозки заключенных и по старой памяти называемых «столыпинскими».

Чтобы исключить любые домыслы, в эти изоляторы, охраняемые подразделениями Главного управления исполнения наказаний МВД РФ, сразу же были допущены представители международных гуманитарных организаций. И в первую очередь — Международный Красный Крест. Чуть позже, когда большая часть Грозного находилась уже под контролем федеральных войск, «фильтр» был перемещен в северо-восточную часть города и за ним прочно, будто ярлык, закрепилось странное название — ПАП-1, которое в нормальной жизни следовало расшифровывать как «Первое пассажирское автопредприятие». Так ПАП-1 стал считаться точным адресом ИВС даже в документах Международного Комитета Красного Креста, а для чеченцев, чьи родные стали его временными обитателями — самоназванием «тюрьмы», о которой сразу же было сложено несколько страшных легенд. О пыточных камерах, о ручьях крови, о трупах, которые сбрасывались в канализационные колодцы...

Комментировать их я не берусь. Хотя бы потому, что дискуссии о воле и неволе между заключенными и их стражей никогда не заканчивались полным взаимопониманием. Это элемент их вечного противостояния. Предмет исследований надзирающего за законностью прокурора и авторитетных гуманитарных организаций вроде МККК. Наверное, только их наблюдениям и выводам следует доверять, чтобы не подменять чистую правду пропагандой, от кого бы она ни исходила. В этих вопросах я за открытость и общественный контроль работы любых пенитенциарных учреждений.

Еще весной 1994 года, во время моей встречи с председателем Международного Комитета Красного Креста Тьерри Мера в Москве, в Главном управлении командующего ВВ, мы с ним договорились о том, что офицерам внутренних войск будет прочитан курс лекций по международному праву в условиях локальных военных конфликтов. В течение двух недель такую подготовку прошли и получили соответствующие сертификаты 14 наших офицеров. Это были очень полезные и своевременные знания, позволившие нам избежать серьезных ошибок и оказать квалифицированную помощь миссии Красного Креста в Чечне. Я потом убедился сам: жалоб на внутренние войска по части соблюдения прав в условиях конфликта было совсем немного. Ну а те, что были, мы изучали оперативно, беспристрастно, и тут же — по горячим следам — принимали надлежащие меры.

Так что ни ОБСЕ, ни МККК к внутренним войскам, пока я находился в Чечне, никаких претензий не имели, и это тоже являлось результатом хорошо отлаженного сотрудничества. И все гуманитарные конвои Красного Креста проходили под нашей доброжелательной опекой: нам сообщался маршрут и время движения конвоя. Я тотчас ставил задачу на сопровождение колонны, и она беспрепятственно шла через любые посты и заставы, но строго под нашим контролем.

Несколько сложнее складывались наши отношения с другой гуманитарной организацией, известной под именем «Врачи без границ». Мы никак не препятствовали их благородной работе, но вовсе не собирались смотреть сквозь пальцы на то, что помощь, которую оказывала чеченским боевикам эта организация, носила несколько специфический характер и не всегда ограничивалась собственно медицинской помощью. Получив однажды сообщение, что вместо гуманитарного груза чеченцам доставлены радиостанции, я поставил задачу оперативно-поисковым подразделениям тщательно ее проверить. Когда убедился, что это правда, пригласил к себе женщину, возглавлявшую миссию «Врачей без границ», и невинно поинтересовался, по какому маршруту проследовал ее предыдущий груз и что он из себя представлял. Свою версию она изложила без запинки, вот только покраснела и сникла, когда мне пришлось открыть ей глаза на истинное положение вещей. На том и расстались.

* * *

В один из дней, кажется, в начале 1996 года, когда по приглашению Лондонского университета я прилетел в Великобританию на международную конференцию, в моем гостиничном номере раздался телефонный звонок. На русском языке с очевидным английским акцентом его обладательница заявила, что является Марией Бенигсен, продолжательницей рода того самого графа Бенигсена, что был описан Львом Толстым в романе «Война и мир». «Я хотела бы встретиться с вами, господин генерал, — сказала она, — и задать несколько вопросов, касающихся темы войны в Чечне». Из ее слов я понял, что эта просьба не продиктована праздным любопытством, и охотно принял ее предложение, попросив, правда, заранее прислать помощника Марии с перечнем тех вопросов, которые она хотела бы обсудить.

Вскоре мы согласовали все детали, и уже через день, захватив в качестве сопровождающего помощника военного атташе при посольстве России в Великобритании, я был в гостях у госпожи Бенигсен. Она не делала секрета из того, что является сторонницей генерала Дудаева и независимости Ичкерии. Более того, эту убежденность она вынесла после встреч с самим Дудаевым, и теперь ей хотелось понять, насколько права она, высказав поддержку этой справедливой, по ее оценкам, национально-освободительной борьбе. В словах Марии Бенигсен, вполне корректных по форме, явственно ощущалось беспокойство, свойственное всему британскому обществу. Действительно, как относиться теперь к России, когда в сообщениях с Северного Кавказа вновь реанимируются призраки «ограниченных контингентов» и «героических моджахедов» — всего того, что после войны в Афганистане вызывает на Западе аллергию ко всему русскому и российскому?

Я сразу понял, что правнучка российского генерала относится к тому типу людей, чье книжное воспитание сформировало свои представления о справедливости. О том, как следует поступать честному человеку, если кто-то, по ее мнению, оказался в беде. В основе таких ощущений лежит благородство и самые чистые порывы души. И если люди на них не заиклены, трезвые оценки очевидцев всегда открывают им глаза, как и любая иная информация, если она не тенденциозна и свободна от предубеждений.

Надеюсь, что не потерял ни своего, ни чужого времени, откровенно рассказав госпоже Бенигсен о ситуации в Чечне. Еще один человек понял, что на другой чаше весов, на которых и следует определять меру справедливости, лежат судьбы многих тысяч людей — обобранных, униженных, изнасилованных и убитых в Чечне. Что свобода чеченского народа и свобода бандитской Ичкерии в моих глазах не являются синонимами. Что никто из нынешних российских генералов не является последователем тактики «выжженной Чечни», которую в обстоятельствах своего времени применял современник ее далекого деда Бенигсена другой генерал — Алексей Петрович Ермолов. Что сам я, А.С. Куликов, вовсе не являюсь врагом чеченского народа, а как раз напротив — убежденный интернационалист. Потому как вырос в многоликой кавказской среде и могу ругаться на всех ее языках, включая греческий... И я рад, что мои аргументы показались ей убедительными. В конце нашей многочасовой встречи Мария Бенигсен уже не казалась столь категоричной, и распрощались мы почти друзьями. Напоследок она улыбнулась: «Кажется, господин генерал, я готова разделить вашу точку зрения...»

Вот эти нравственные искания едва знакомых мне британцев напомнили мне о важном правиле человеческого общения: если ты не в силах убедить одного человека, то тебе не дано убедить и общество. Это касается наших сугубо домашних проблем, особенно тех, что прямо или косвенно касаются обязанности государства и его чиновников разъяснять гражданам собственные поступки.

В предыдущих главах я очень подробно рассказал о том, как внутренним войскам МВД России еще в 1993 году было отказано в опубликовании материалов, которые касались истинного положения в Чечне. Именно этими соображениями было вызвано и то, что руководителю президентской администрации Филатову и вице-премьеру Шахраю я не раз говорил о целесообразности создания мозговой группы — всего несколько человек, —

которая могла бы загодя готовить общественное мнение в России в расчете на то, что когда-нибудь вопрос о наведении конституционного порядка в Чечне станет для страны первостепенным. Надо было показать антигуманную, бандитскую суть этого режима, а пропагандистские приемы, которые для такого случая имеются в запасе любого уважающего себя государства, должны были расставить точные акценты.

Это не означает ограничения свободы слова или ограничения прав журналистов на распространение информации. Это означает, что пропаганда твердой и однозначной позиции президента и правительства России тоже имеет право на существование, как и всякий иной информационный продукт. Если, конечно, он не содержит призывов к насилию, не сеет национальную и религиозную рознь. В этом отношении я за цивилизованный подход, который выработан в государствах с устойчивыми демократическими традициями.

Но произошло то, что и должно было произойти в обстановке безволия, беспринципности и верховенства иллюзий, что наш российский народ опять безропотно проглотит те жалкие информационные корма, которые ему сварили все в тех же котлах на Старой площади... И нечего удивляться, что общество хотело знать, какие все-таки ценности мы отстаиваем в Чечне и стоят ли эти ценности той страшной цены, что была уплачена в новогоднюю ночь на улицах Грозного. Оно не видело рабов, которых годами держали на цепи и превращали в скот, оно не могло примерить на себя горе и безысходность той девочки, которую насиловали полтора десятка боевиков. Россияне просто не осознавали опасности безжалостного террора, который позднее превратит в прах их собственные дома в Москве и в Волгодонске.

Негативное отношение к войне со стороны российского общества и средств массовой информации было болезненно воспринято верховной властью. Борис Ельцин так характеризует этот период в своей книге «Президентский марафон»: «Именно тогда, в 95-м, Россию поразила новая болезнь — тотальная «отрицаловка», полное неверие в себя, в свои силы. Мы, россияне, разлюбили сами себя...»

В словах Б. Ельцина чувствуется искренняя обида на журналистов, поставивших под сомнение правоту его президентских решений. На мой взгляд, все могло быть иначе, если бы диалог власти с обществом по чеченской тематике был построен на фундаменте доверия и правды.

* * *

Именно мне принадлежат те, сказанные в сердцах, слова, что чеченец Мовлади Удугов в одиночку переиграл весь пропагандистский аппарат Российской Федерации. Сепаратисты не ленились каждую нашу ошибку обращать в свою пользу, а их политический пиар был куда эффективнее нашего, потому что всегда доставлялся по адресу.

Впрочем, определенную фору дудаевские пропагандисты все-таки имели: как утверждают израильяне, не раз убеждавшиеся на собственном опыте, что «ничто не сможет победить простую фотографию, запечатлевшую вооруженного солдата или танк, напротив которых стоит ребенок с камнем в руке...» Элементы тактики палестинской интифады применялись на первых порах и в Ингушетии, и в Чечне. Были ли они собственным изобретением чеченцев или слепком с палестинских образцов — не суть важно: такие фрагменты народного гнева были способны убедить кого угодно и задать скорость течения всей информационной реке.

Противопоставить этому в условиях войны можно немного. Ссылаясь на слова хорошо знакомого мне Тимоти Томаса, специалиста из американского центра по изучению иностранных армий, во время подготовки и проведения знаменитой операции «Буря в пустыне» к информации, к тому же строго дозированной, были допущены только армейские журналисты. Такой подход к проблеме полностью соответствует сути афоризма, высказанного Уинстоном Черчиллем по поводу того, что «правда на войне стоит так дорого, что ее должны охранять караулы лжи».

Но то, что уместно при столкновении целых государств, вряд ли окажется полезным во время внутренних конфликтов. Другое дело, что мне по-человечески близка точка зрения известного российского журналиста Олега Попцова, как-то сказавшего: «Свобода слова — это не собственность журналистов, это собственность общественности...», и в контексте этих слов подлостью кажутся такие действия журналиста, когда прилюдно он называет братом главаря банды террористов, только что расстрелявшего тридцать заложников.

События на Кавказе — последнее десятилетие войн и раздоров, показали, что в России есть множество талантливых, совестливых и отважных журналистов, хлеб которых иногда труднее, чем солдатский, а работа — связана со смертельным риском. Я отношусь к ним с уважением и благодарностью, отдавая дань памяти тем из них, кто погиб при исполнении своих профессиональных обязанностей.

Думаю, что сложная наука взаимодействия силовых структур с журналистами будет освоена и нами — при условии определения перечня обоюдных прав и обязанностей. Через которые нельзя будет переступать, и в первую очередь там, где интересы силового ведомства и журналистики подчинены гражданскому долгу. Я имею в виду те случаи, когда нам снова придется столкнуться с террористами, выдвигающими свои требования. Мировая практика почти не знает случаев, когда бы террорист или террористические организации получали возможность заявлять о себе через не подконтрольные им СМИ или ставить условия обществу. Обычно это исключается. Но и там, где правда жизни требует телевизионной «картинки», слова бандита никогда не звучат открыто, а сопровождаются комментарием, лишенным пропагандистского пафоса. Это должно стать нормой уже сегодня, потому что главной целью почти любого террориста и любого теракта является общественный резонанс. Как показали события в Буденновске и Кизляре, основной бой шел именно за прямой телевизионный эфир, и я готов признать, что мы его проиграли.

* * *

Первые бои в Чечне и штурм Грозного очень скоро выявили группу деятельных и не теряющих присутствия духа генералов, имена которых вскоре будут на слуху у всей страны, а их воинские звания по заслугам будут предваряться эпитетом «боевой». Это генералы Иван Бабичев, Владимир Михайлов, Константин Пуликовский, Лев Рохлин, Вячеслав Тихомиров, Геннадий Трошев, Владимир Шаманов, Леонтий Шевцов — из армии и генералы Виктор Воробьев, Владимир Колесников, Михаил Лабунец, Павел Маслов, Вячеслав Овчинников, Анатолий Романов, Иван Храпов, Анатолий Шкирко — из внутренних войск и аппарата МВД.

С одним из них — генерал-лейтенантом Львом Яковлевичем Рохлиным, я был знаком по Академии Генштаба: учились на разных курсах, но жили в одном доме. Об осторожной, продуманной тактике этого военачальника, являвшегося командиром 8-го гвардейского армейского корпуса, уже говорилось, но к этому следует прибавить, что в иных случаях Лев Яковлевич совсем не медлил, а, положившись на интуицию, мог отхватить единым махом хороший кусок города или целый завод. Она, как правило, его не подводила. Сказывался боевой опыт, полученный в Афганистане, и навыки управления войсками, что были приобретены на высоких командных постах комдива и комкора. Ко всему прочему, весьма импонировал его прямодушный стиль общения. Это в документальном фильме Александра Невзорова Рохлин предстает таким душевным генералом в трогательных роговых очках... На самом деле, увидев меня, он тут же настойчиво потребовал отдать ему весь спецназ МВД, который находился в городе. Стал выяснять — зачем?.. — «Штурмовать высотные здания!» Я ни в какую: «Лев Яковлевич, это милицейский спецназ. Он этому не обучен».

Это не ведомственный раздрай, а моя собственная осторожность, проявленная, кстати, совершенно вовремя. Еще не знаю, что задумал Рохлин и как намерен распорядиться спецназом. Я — противник лобовых атак, и пока мы не согласуем каждую деталь — никому ничего не отдам.

Так знакомимся с Рохлиным, понемногу привыкаем друг к другу, а потом воюем плечом к плечу.

* * *

Уже после его смерти попала на глаза книга Андрея Антипова «Лев Рохлин. Жизнь и смерть генерала». Один из ее эпизодов напрямую касался событий, имевших место в 1994 году, и не обходил стороной мое имя. Часть приведенного ниже текста — лишь версия автора, но вкрапленные в нее воспоминания Льва остановили мой взгляд. Привожу отрывок текста целиком, без исправлений, оставляя на совести А. Антипова ошибочное написание топонимов и многое другое:

«...И колонна пошла... в обход. Начав движение в противоположном направлении — через ставропольские степи. «Красная звезда» тогда писала, что генерал «исчез с оперативных карт Генштаба и разведсводок дудаевских боевиков. Его колонна, протяженностью 20 километров и в составе более 500 машин, ночными маршами, скрытно, в режиме радиомолчания преодолела более 500 километров бездорожья, не вступая в боевые столкновения, обходя засады и вытаскивая самые безнадежные с технической точки зрения машины». Рохлин не сразу принял решение идти в обход. Первоначально предложенный командованием группировки войск в Чечне маршрут должен был пролегать совсем в другом направлении — через поселок Хасавюрт. На этом настаивал Анатолий Куликов, впоследствии министр внутренних дел, командовавший в то время силами МВД в Чечне. Комкор не мог взять в толк: почему его подразделениям предлагают пойти через крупный населенный пункт? Это противоречило всем мыслимым правилам движения войск в условиях противодействия противника. Не на парад же шли войска. И не с цветами встречали их местные жители. Лучшего места для засады, чем поселок или город, не найти...

Не принимать же всерьез рассуждения о невозможности демонстрировать опасения относительно лояльности местных жителей...

...А ларчик открывался просто. Настояния Куликова диктовались отнюдь не тем, что он разделял идею подобных рассуждений. Анатолий Сергеевич руководствовался куда более прозаическими соображениями. В районе Хасавюрта чеченские боевики блокировали полк внутренних войск. И генерал рассчитывал, что войсковая колонна отвлечет на себя противника и позволит его людям выйти из блокады. Открыто попросить помощи будущий министр, похоже, не решался.

Короче, ситуация была вполне банальной.

В условиях отсутствия единого командования, — говорит Рохлин, — подобное поведение начальников объяснимо. Каждый печется только о своих. И если готов разделить ответственность с соседом, то совсем не поровну. Позднее Рохлин еще не раз столкнется с этим. А некоторые представители МВД попытаются впоследствии обвинить его во всех смертных грехах, начиная с ошибок, по их мнению, в управлении войсками в целом и заканчивая якобы неправомерными требованиями в решении отдельных задач. Впрочем, хулителей генерала и без этого будет в избытке. Но появятся они лишь после того, как он скажет правду о проблемах армии и порочности системы управления силовыми структурами.

...Когда наконец обнаружилось, что колонна идет совсем в другом направлении, те, кто следил за ее движением, не могли взять в толк, что происходит... Когда же генерал со своими войсками появился у станицы Червленая и начал подготовку к переходу моста через Терек, примчались гонцы от МВД. Выяснилось, у них новые проблемы: 81-й опон (оперативный полк особого назначения)... попал в сложную ситуацию. Дудаевцы, по их сведениям, сосредоточили большие силы для нанесения удара по полку.

Из полка передают, — рассказывает Рохлин, — что противник превосходит их в шесть раз. Я к ним не успеваю. Была ночь. Принимаю решение: развернуть артиллерию. Что значит развернуть ночью артиллерию, может оценить только тот, кто этим занимался. Артиллерия привязывается к позициям. Ждем. Из полка кричат: «Помогите, началась атака!» «Как

помочь?» — спрашиваю. «Пришлите танковую и мотострелковую роту на БМП». Послать ночью танки и БМП значит заведомо обречь их на уничтожение. Они слепые как котята... Выходит на связь Куликов: «Лев Яковлевич, помоги...» Я говорю: «Дайте мне координаты противника, помогу артиллерией». Дают координаты. Начинаю разбираться по карте — это центр полка. Спрашиваю Куликова: «Туда бить?» Он просит: «Разберись сам». Выхожу на связь с полком. Беру отступление на километр... Артиллерия дает предупредительный выстрел. От радости 81-й полк зашелестел: «Туда, и побольше, и побыстрее!» Атакующие разбежались. Спасение полка окончилось. Нас встречали как героев...»

Полемизировать с оценками генерала Рохлина, особенно когда сам он лишен возможности что-либо возразить — я не стану. В конце концов любая война каждому из военачальников видится по-своему и как любое коллективное дело не может обойтись без противоречий и субъективных точек зрения на те или иные ее эпизоды. Иначе бы жанр полководческих мемуаров попросту вымер, не оставив потомкам ничего, кроме сухих планов военных кампаний, груды штабных карт и списков безвозвратных потерь. Поэтому мои комментарии к страницам книги «Лев Рохлин. Жизнь и смерть генерала» не следует рассматривать как попытку переиначить жизнь Льва Рохлина, а только как аккуратные поправки на полях этой книги, особенно там, где не чувствуется редакторский карандаш самого генерала...

Авторская версия А. Антипова противоречит одному очень важному факту: через дагестанский город Хасавюрт никто в Чечню входить не собирался. В первоначальных планах это направление движения войск еще присутствовало, но позднее мы от него отказались: еще хорошо помнились стычки с проживающими в этих местах чеченцами-аккинцами еще в 1990 и 1991 годах. Еще тогда, блокированные населением Герзель-аула войска, уходящие из Грозного, практически не смогли пройти в сторону Новолакского района Дагестана. Я сам отказался от идеи, предполагавшей ввод войск со стороны Хасавюрта, а значит, не мог на ней настаивать, как это утверждает А. Антипов. Впрочем, об этом подробно я рассказал ранее, в той части своей книги, где повествование идет о планах войны и ее первых днях.

Там же следует искать причины, побудившие Рохлина «исчезнуть с оперативных карт Генштаба»: заместитель командующего Северо-Кавказским округом внутренних войск МВД России генерал Михаил Лабунец уже разведал маршрут через буруны, провел по нему 63-й полк оперативного назначения и следом за ним пошли войска Льва Рохлина. Я просто обязан расставить все по своим местам, чтобы не отнимать у того же Лабунца принадлежащие ему заслуги. Именно он, находясь на марше, запросил у меня разрешение изменить маршрут, и это является таким же фактом, как и действия Рохлина, проникнутые ответственностью за выполнение поставленной задачи и жизнь подчиненных ему солдат и офицеров. И внутренние войска, и армия прошли через буруны без потерь!

Но абсолютной правдой является то, что в районе станицы Червленной авангард нашего 63-го полка (А не 81-го пона, как это описывается. — Авт.), встретив сопротивление чеченских боевиков, попросил огня у артиллеристов Рохлина. И ничего необычного в этом нет: у ВВ нет иной артиллерии, кроме минометов и станковых гранатометов. В этих обстоятельствах поддержка наших частей и подразделений артиллерийским огнем является прямой профессиональной обязанностью армии, и было бы странно, если бы Лев не откликнулся на мою просьбу. Корректировка огня шла действительно несколько необычно: Лабунец докладывал мне, я передавал данные в центр боевого управления Объединенной группировки начальнику штаба СКВО генералу Владимиру Потапову, а ЦБУ — непосредственно группировке Рохлина. Никакой паники не было, и после нескольких артналетов бандиты были рассеяны. Полк ВВ частично овладел Червленной, выдвинул на берег Терека боевое охранение и взял под свой контроль место будущей переправы через реку. Вскоре инженерными подразделениями Рохлина через Терек был наведен понтонный мост.

Книга А. Антипова в этой ее части создает ложное представление о принципах

взаимодействия армии и внутренних войск и пытается исподволь убедить читателя в том, что победы генерал-лейтенанта Рохлина состоялись вопреки проискам «некоторых представителей МВД», а упоминание моего имени призвано только персонифицировать этот собирательный образ.

Отвечу так: поход «кизлярской» группировки под командованием генерал-лейтенанта Л.Я. Рохлина, включавшей в себя приданные силы внутренних войск, явился примером настоящего боевого сотрудничества и взаимопонимания. Если бы строилось это сотрудничество ВВ и армии на истериках, на крике или недоверии — разве удалось бы группировке Рохлина действовать столь успешно? И если уж быть до конца откровенным, его успех на северном направлении был обусловлен грамотными действиями полков ВВ, которые не тянули на себя одеяло славы, но помогли своим армейским товарищам на совесть. И тем, что удерживали мост у Червленной, обеспечивая беспрепятственный приток сил на северную окраину Грозного (63-й полк оперативного назначения ВВ МВД РФ). И тем, что захватили плацдарм на высотах у станицы Петропавловской, открывший перед Рохлиным возможность с ходу взять часть города и укрепиться в районе консервного завода (81-й полк оперативного назначения ВВ МВД РФ).

Умалает ли это заслуги самого Рохлина? Конечно, нет! Ибо не может уменьшить заслуг военачальника его умение действовать прагматично — используя результаты всех сил, что сконцентрированы на его оперативном направлении. Сжатый кулак — более грозное оружие, нежели растопыренная ладонь. В сжатом кулаке пальцы теряют свои «указательные», «безымянные» и прочие имена и действуют сообща, многократно умножая силу удара. В таких случаях и речи не может быть о каких-то корпоративных интересах: все должно быть подчинено единой цели и командирской воле.

* * *

Видимо, следует напомнить, что с Львом Рохлиным, как и с Иваном Бабичевым, товарищеские и даже дружеские отношения сложились только в Грозном. Заметил, что между этими генералами шла вполне здоровая конкуренция, и в их лице увидел подготовленных, толковых профессионалов, которые требовали от командования четкой разграничительной линии и всех деталей взаимодействия. После этих встреч осталось чувство уважения к каждому из них и ощущение боевого братства, хотя мы, конечно, не бросались друг другу в объятия и не клялись в вечной дружбе. Это была наша работа, мы разговаривали на одном языке — и этого было достаточно, чтобы пронести взаимное уважение через годы.

Некоторое время спустя, весной 1995 года, части Рохлина были сначала выведены в резерв, а потом и вовсе — из Чеченской Республики. Сам Лев Яковлевич, обретший в российском обществе вполне заслуженное признание, стал в том же году депутатом Государственной Думы по списку движения «Наш дом — Россия», что показалось мне достойным продолжением его военной, боевой карьеры. Если страна воюет, кто иной, если не ее участник, сможет аргументированно отстаивать в парламенте интересы ее воюющих граждан? Кто иной, если не народный депутат, в состоянии убедить политическое руководство страны в необходимости введения на территории Чечни режима чрезвычайного положения? Закон, в принципе, есть. Чрезвычайное положение налицо. Что же мешает применить закон на деле? Вот так размышлял я сам, пытаясь понять логику верховной власти и желая Льву успехов на ниве законодательной работы.

Наши взгляды совпали и летом 1996 года, когда решался вопрос о выводе наших войск из Чечни. На заседании Совета безопасности — об этом в своей книге пишет и Евгений Примаков — я предложил не выводить войска полностью, сосредоточив их часть на Сунженском и Терском хребтах. Для того, чтобы жестко контролировать Грозный, Гудермес и северные районы Чечни — ту часть республики, где, по моему мнению, можно было наладить нормальную жизнь. Имея такой ресурс стабильности, можно было двигаться

дальше, на деле убеждая чеченцев, что восстановление законной власти обязательно влечет за собой возвращение мира, достатка, социальных гарантий и подлинной свободы. Но эти аргументы ни президент, ни министр обороны всерьез рассматривать не стали, и мы ушли из Чечни так, как если бы уходили навсегда. Но это, как говорится, другая история.

Так получилось, что мнение депутата Рохлина не только совпадало с моим даже в деталях, но казалось и более смелым: он предлагал оставить войска в некоторых горных районах. В ту пору Лев несколько раз приезжал ко мне, в Министерство внутренних дел, и делился своими тревогами и мыслями. Позднее стал он куда более закрыт, и было видно, что политическая работа — к тому времени Лев Яковлевич стал инициатором движения в поддержку армии — захватила его целиком. Отсюда его резкая критика политики Бориса Ельцина, его взгляды на отсутствие реформ в Вооруженных Силах, его заявления о коррумпированности ряда высокопоставленных военных чиновников.

У него была репутация бескорыстного человека, его имя было известно практически каждому человеку. Если прибавить к этому известные мне свойства его человеческого характера — совестливость, боевитость, страстность, сам собой складывается портрет авторитетного публичного политика. К такому обязательно потянутся и честные люди, и корыстные сливщики компромата, и политические дельцы. Как Лев их сортировал по полочкам — мне неизвестно, но, будучи «главным милиционером» страны, я не мог не чувствовать, что Рохлина подчас используют в своих интересах куда более сведущие в политике люди. Имя боевого генерала казалось им надежной броней в лобовых политических атаках. За него можно было спрятаться в момент передышки. Лев не очень любил, когда ему открывали глаза, и предпочитал действовать в политике так, как он никогда бы не поступил на войне...

Уже после моей отставки — в конце апреля 1998 года — Лев Рохлин неожиданно позвонил мне на дачу и попросил разрешения встретиться. Я охотно согласился, и мы, как только он приехал, зашли в охотничью комнату. Сразу же бросилось в глаза, что Рохлин несколько возбужден, как бы наэлектризован. Без всяких вступлений он задал прямой вопрос: «А.С., как вы думаете, если армейские части войдут в Москву, будут ли внутренние войска этому препятствовать?» Вот так — не открывая никаких планов, буквально с порога... Но в этих словах было нечто, что заставило меня отнестись к его словам более чем серьезно: не тот человек Рохлин, чтоб пугать меня словесной депутатской пургой. Не те у нас с ним отношения. Значит, что-то произошло. Значит, что-то заставило его примчаться ко мне на дачу за неким советом, который нужен ему позарез.

Что ж, высказал то, что думал. Выдержал его тревожный взгляд и ответил твердо: «Лева, если речь идет о вооруженном мятеже или о попытке устранения нынешней власти с помощью Вооруженных Сил, то скажу тебе прямо — эта идея не имеет никакой перспективы, кроме перспективы гражданской войны. Я уже не говорю о том, что тебе самому придется ответить за это, и ты должен помнить, что от тебя в таком случае будут зависеть тысячи, а быть может, десятки и сотни тысяч человеческих судеб. И сам я — убежденный противник таких методов, и тебе их использовать не советую».

Надо сказать, что буквально за день до нашей с Львом встречи прошла информация о том, что часть военнослужащих, в том числе командир Волгоградского армейского корпуса, которым ранее командовал сам Рохлин, отстранены от должности. Кажется, упоминались еще кто-то из его заместителей и офицеров командного состава. Поэтому спросил напрямик: «Не в этой ли связи происходят отставки?...» Лев нехотя согласился: «Да, наверное, в этой...»

Детали были мне неизвестны, но и того, что я слышал, оказалось достаточно, чтобы связать в единое целое и визит Рохлина ко мне, и некие события, взбудоражившие 8-й гвардейский корпус. Не стану утверждать, что именно об этих, некогда подчиненных ему армейских частях, говорил Лев, когда упоминал «поход на Москву», однако не было у меня и причин отметить эту версию целиком. Был со Львом откровенен: «Но ты же сам себя подставляешь!!!» На это он среагировал так, как это свойственно именно публичным политикам: «А.С., я абсолютно ничего не боюсь. И если меня арестуют, это только придаст

мне политический вес, и он пригодится на перспективу».

С этим я никак не мог согласиться и принялся его убеждать: «Да, Лев, я знаю тебя как смелого и храброго человека. Но в данном случае ты должен думать не о себе, а о тех людях, которых ты поднимешь. Я не сомневаюсь — ты можешь их поднять, вот только последствия твоего шага могут оказаться для них трагическими, а никакого результата не будет».

На эти слова он ничего мне не ответил, но я понял, что он крепко задумался.

* * *

Надо сказать, что сразу же после моей отставки в марте 1998 года был запущен слух, косвенно обвинявший меня и Черномырдина в подготовке военного переворота.

Эта очевидная ложь должна была сыграть роль контрольного выстрела и, не скрою, поначалу очень сильно задела мое самолюбие. Я — категорический противник подобных антиконституционных мер. Никаких планов, никаких сценариев силового смещения верховной власти не существовало. В то же время я понимаю логику своих недругов: ну как еще опорочить генерала, если не связать его имя с вымышленным заговором?..

Подобный инструмент политической борьбы с военачальниками применяется не первое тысячелетие, но мне попадались люди, которые прочно уверовали в то, что я мог решиться на подобные авантюры. Смешно сказать, даже в лифте Государственной Думы один мой невольный попутчик — очень радикальный политик — как-то разбушевался не на шутку: «Ну почему, А.С., — упрекал он меня, — вы не отобрали власть у Ельцина вооруженным путем?! У вас все для этого было. Вы виноваты в том, что не воспользовались благоприятной ситуацией».

Мне удалось перевести разговор в шутку. Но в марте и в апреле 1998 года, пока не стали известны истинные причины моего смещения с поста министра внутренних дел и вице-преьера правительства, подобные разговоры за спиной очень здорово меня тревожили. Во время моей встречи с Ельциным в апреле того же года первое, что я сказал президенту, чтобы он не принимал всерьез подобные домыслы: «Это же чушь, что мы на пару с Черномырдиным затеяли какой-то переворот!» Ельцин замахал руками: «Что вы?.. Ну, конечно же, нет...»

Сказано это было искренне. А вскоре исчезли и сами кривотолки, так как мундир «путчиста» и «диктатора», сшитый моими политическими оппонентами, никак не вязался с тем, что я делал и говорил до этого, будучи командующим внутренними войсками и министром внутренних дел. Я всегда служил только Закону и всегда соизмерял свои поступки с его требованиями. Закон и приказ для военного человека — это святое! Не дай Бог, через них переступить...

Все это не исключает того, что в некоторых горячих военных головах действительно гуляли мысли о необходимости вооруженного переворота. Иные генералы просто переоценили собственный авторитет в обществе или же находились в плену безнадежных иллюзий. Именно иллюзии подвигли на вооруженное противостояние с законной властью генерала Руцкого и генерала Макашова в октябре 1993 года. Напрасные надежды не давали покоя и генералу Лебедю в 1996 года, когда был заявлен план о создании и подчинении Лебедю, бывшему тогда секретарем Совета безопасности, так называемого Российского легиона.

Будучи в Греции, я поинтересовался судьбой небезызвестных «черных полковников» — тех греческих офицеров, которые несколько десятилетий назад совершили переворот в своей стране. Я почувствовал, что многие соотечественники до сих пор относятся к ним с симпатией. Как сказал, подчеркивая бескорыстие путчистов, мой собеседник: «Они ведь пришли в мундирах и ушли тоже в мундирах...»

Однако эти симпатии не мешают грекам пребывать в уверенности, что за преступление закона, за насилие над людьми «черные полковники» должны ответить сполна. Поэтому те из них, кто еще жив — сидят в тюрьме. Им всегда отказывают в помиловании.

Такова участь всех диктаторов. В этом урок тем, кто считает армию последним аргументом в борьбе за мнимую справедливость. Какими бы благими намерениями ни объяснялся вооруженный переворот, он не оправдывает пролитой крови и не принесет захватчику легитимной власти ни славы, ни доблести.

Мы расстались, но я, не будучи уверенным до конца, что Лев Яковлевич откажется от своих планов, попытался найти иные способы воздействия на мятущегося Рохлина. Срочно пригласил к себе одного из офицеров, который волей судьбы являлся и моим другом, и тем человеком, которому сам Рохлин доверял абсолютно: слишком деликатной казалась моя просьба найти и еще раз предостеречь нашего товарища от шагов, которые могут оказаться опасными для страны, для верных ему офицеров, для него самого.

Приехавший по моей просьбе офицер с полуслова сообразил, что от него требуется и начал разыскивать Рохлина. Некоторое время спустя он облегченно сообщил: «Кажется, цель достигнута...» Теперь и я мог перевести дыхание. Как взрыв на Солнце, этот энергетический всплеск рохлинского темперамента только коснулся поверхности политической жизни и не задел ничьих судеб. Трудно судить, насколько серьезными были его намерения, но то, что не было в них злобы или холодного расчета — я просто уверен. Можно размышлять о некоей политической наивности Льва, о его политическом простодушии, но при этом открыто погоревать о том, что совсем ненадолго хватило его собственного сердца. Оно, как это водится у настоящих солдат, было отважным на войне и очень отзывчивым ко всем человеческим бедам.

* * *

Недели за две до своей гибели он позвонил мне и снова удивил своей почти мальчишеской непосредственностью. Сказал: «Вы знаете, А.С., рядом со мной сейчас находится депутация волгоградцев. Они приехали, чтобы предложить мне выдвинуться кандидатом в губернаторы Волгоградской области. Но поскольку я не вижу себя в качестве губернатора, я порекомендовал вашу кандидатуру. Мне кажется, у вас это получится. Поэтому и звоню: вдруг да согласитесь?»

Я рассмеялся, поблагодарил Льва за высокое доверие и сказал, что тоже не представляю себя в роли волгоградского губернатора. Но тем не менее попросил передать этим людям свою признательность. Уже за то, что, потерпев неудачу с уговорами самого Рохлина, они готовы были удовольствоваться хотя бы его поручительствами. Его «знаком качества», которым он отмечал далеко не всех. Не скрою, я расценил этот телефонный звонок как искреннюю человеческую поддержку в трудное для меня время. Кто знал, что это был наш последний разговор.

Трагическая смерть Льва потрясла меня, и, не скрою, поначалу я искал ее причины именно в политической деятельности генерал-лейтенанта Льва Яковлевича Рохлина и в происках людей, которые могли называть себя его врагами. Их было у него предостаточно: правдолюбие Льва у многих вызывало ощущение тревоги. Думаю, только время сможет убрать все наслоения версий, домыслов и противоречий, которые сопровождали его гибель, но это уже и не суть важно. Все это не вернет человека, прожившего яркую, мужественную и полнокровную жизнь.

То, что напишут о нем позднее — «убит» — не более чем обычная точка в конце солдатской судьбы. Человеческий характер Льва, идеалы, которые он исповедывал, страстность, с которой брался за любое новое дело, позволяют утверждать, что и тогда, 3 июля 1998 года, на своей даче в подмосковной деревне Клоково, где он был убит — он был убит в наступлении.

* * *

Стоит, видимо, вспомнить еще об одном событии, которым был ознаменован один из

дней штурма, — его 19-й, яростный, январский день, когда бойцами из группировки «Север» генерала Рохлина был взят штурмом президентский дворец в центре Грозного. Вольно или невольно совпавшее с этим известием заявление президента России Б.Н. Ельцина о том, что «военный этап восстановления действия Конституции России в Чеченской Республике практически завершен», а «дальнейшая миссия восстановления законности, порядка и гражданских прав населения переходит в компетенцию внутренних дел» — в самом Грозном было воспринято с известной долей скептицизма.

Как всякое политическое заявление, оно было обращено в будущее и должно было, видимо, символизировать некую «перемену курса», на котором полнота ответственности за происходящее в Чечне перекладывалась на плечи сотрудников и военнослужащих МВД.

Эти слова президента, честно говоря, никак не соответствовали реальной обстановке: еще этой ночью 27 разведчиков-армейцев, удерживавших здание краеведческого музея, врукопашную отражали многочисленные атаки чеченских боевиков. Еще несколько часов тому назад шел бой за президентский дворец. Еще не осилили мы и четверти этого города, и вдруг неожиданно: «Военный этап практически завершен»!!!

Конечно, принимать это заявление за чистую монету я не торопился. Скорее следовало считать его логическим завершением той интриги, которую на моих глазах пару недель назад начали некоторые военные чиновники. Стремясь избежать наказания за очевидные ошибки и просчеты, допущенные в первые недели военной кампании, они развернули борьбу за собственное выживание. Все, чего им хотелось теперь — это просто отступить в спасительную тень.

Еще перед началом операции в Чечне Ельцин определил и ее фактического руководителя — генерала Павла Грачева. Все мы прекрасно понимали, что находимся в его оперативном подчинении, и делали все, чтобы исключить любые претензии со стороны Министерства обороны. Но не стоит сомневаться — Павел Сергеевич отчетливо понимал, что тут, как говорится, славы не сыщешь и был не прочь поскорее освободиться от руководства операцией. Тем более, что в обществе она быстро приобрела славу и неудачной, и даже бездарной войны. Отсюда эта очевидная торопливость. Отсюда задача Квашнину как можно быстрее покончить с символом мятежной власти — зданием президентского дворца. Как будто это что-то решало...

С самого начала января Грачев уже готовил почву: докладывал наверх, что Министерство обороны свою задачу считает выполненной.

Тогда и случился меж нами очень неприятный разговор — первый за время нашего с ним многолетнего знакомства. К этому следует добавить, что, несмотря на нашу дружбу с Академией Генштаба: жили в одном доме, вместе бегали на зарядку, парились в бане — я не позволял себе в отношении Грачева никакого панибратства и никогда не называл его Пашей.

Наоборот, если речь шла о делах, всегда по-военному подчеркивал его служебное старшинство, официально называя его и «товарищем министром», и «Пал Сергеичем». Повторяю — с уважением относился и отношусь к этому человеку.

Но и молчать не стал, когда в один из январских дней, в Москве, куда нас вызвали совещаться, генерал армии Грачев стал требовать завершения штурма Грозного города и массированного ввода внутренних войск в город. И на одном совещании, где, помимо меня и Грачева, присутствовали Виктор Ерин и секретарь Совета безопасности Олег Лобов, и на другом — уже в кабинете председателя правительства РФ Виктора Черномырдина.

Высказался резко: «Пока я командую войсками, я их на убой не дам! Не дам потому, что руководством операции не выполнены элементарные правила ведения боевых действий в городских условиях. До тех пор, пока город не блокирован, хоть по всей России собирай туда войска: они ничего не смогут сделать. Сначала нужно обрубить пути доставки в Грозный новых боевиков, оружия и боеприпасов. Это элементарно. Это понятно даже лейтенанту...» И добавил: «Павел Сергеевич, нужно сделать то-то и то-то...»

Грачева удивила моя жесткость, и — мне показалось — он даже обиделся: «Но какими силами, А.С.?» Я ответил: «Давайте решать сейчас. Не хватает — значит, будем привлекать

еще. Но пока мы не закроем город со всех сторон, мы им не овладеем. К тому же потеряем много народу». Моя позиция показалась Черномырдину убедительной, и это не могло ни задеть Грачева. Хотя — подчеркиваю — желания усть Павла на глазах премьер-министра у меня не было: как спросили, так и ответил... Вот именно — четко артикулируя каждое произнесенное слово: «ПОКА Я КОМАНДУЮ ВОЙСКАМИ, Я ИХ НА УБОЙ НЕ ДАМ!»

Чтобы все почувствовали — действительно, не дам! И чтобы все знали — за эту правоту я лучше заплачу собственными генеральскими звездами, но только не жизнями своих солдат и офицеров.

* * *

Совершенно неожиданным оказался телефонный звонок Виктора Ерина: он позвонил мне в Моздок вечером 26 января, чтобы сообщить — решением Совбеза я назначен командующим Объединенной группировкой федеральных войск в Чечне. Был он по-командирски краток, но в его словах чувствовалось искреннее человеческое участие: «Знаешь, А.С., скажу тебе откровенно — все отказались... Тогда Грачев предложил тебя».

Первое чувство, которое испытал я, получив это известие — было удивление. Что значит — все отказались?..

Виктор Федорович Ерин правильно понял мое молчание, добавил: «Передаю тебе слова президента, которые он высказал на твой счет: «Да, Куликов — надежная кандидатура. Он никогда не подводил. Назначайте его командующим». Считай, что этими словами Ельцина и я тебя благословляю. Давай, действуй!»

Я ни «да», ни «нет» еще не говорил. Но, будучи человеком военным, все же уточнил: «В Министерстве обороны об этом уже знают?» «Да, — ответил Ерин, — Грачев при этом присутствовал». И некоторое время спустя все сказанное подтвердил генерал-лейтенант Квашнин, который, кажется, вовсе не переживал по поводу своей замены: «Был звонок от министра. Он сообщил, что ты назначен командующим, с чем тебя и поздравляю. А я остаюсь здесь же представителем Минобороны».

Честно говоря, впервые в жизни я не обрадовался новому назначению. Фраза Ерина — «отказались все» — была простой констатацией факта, что в Министерстве обороны не нашлось охотников принимать на себя руководство операцией. По разным причинам заявили о своем отказе главнокомандующий сухопутных войск генерал Владимир Семенов, его заместитель — генерал Эдуард Воробьев, а также некоторые другие генералы. Не принял предложения и генерал Борис Громов, заместитель министра обороны.

Я мог бы последовать их примеру, и мой собственный отказ выглядел бы очень убедительно: все-таки я из внутренних войск, а не из армии. Мог бы решительно отфутболить все мыслимые аргументы: «Не хочу. Не знаю. Не умею»...

Но вот только имел ли я право так поступить? Как бы я после этого посмотрел в глаза своим подчиненным, рядом с которыми шел по Чечне с первого дня? У нас был, помню, такой разговор с Романовым: «Черт возьми, все отказались... Как же так?» — «А.С., если вы уйдете, я тоже все брошу и уйду!..» Так в сердцах сказал Анатолий Романов, давая понять, что на меня в эту минуту обращено внимание всех моих боевых товарищей, включая армейцев. Ведь одно дело, если отказывается генерал, сидящий в далекой Москве, и совершенно другое — если малодушничает человек, который знает все подробности этой войны, ест из солдатского котелка и часами висит над Чечней в вертолете. Вместе с отказом я автоматически утрачивал бы моральное право командовать внутренними войсками. Я бы не смог посмотреть в глаза собственным сыновьям!..

Текст решения Совета безопасности РФ от 25 января, на основании которого я начал действовать как командующий Объединенной группировкой федеральных войск, с юридической точки зрения был противоречив и напоминал умело составленную бюрократическую шараду. С одной стороны, именно министру внутренних дел Ерину поручалось руководство «действиями по завершению разоружения» НВФ и передавались все

полномочия «по координации сил». Что касается меня, то решение Совбеза не носило столь определенного характера и высказывало только рекомендацию «считать целесообразным» мое назначение на должность старшего воинского начальника на территории Чеченской Республики.

Все это можно принять как временную меру, но работать на основании расплывчатых формулировок нельзя. Ведь я ставлю боевые задачи. От моего слова зависят судьбы и военнослужащих, и мирных жителей. Уже на следующий день должен появиться полноценный указ президента, расставляющий все по своим местам. Но наша власть настолько беззуба и инфантильна, что спохватилась только два месяца спустя.

* * *

Так повелось у нас в семье, что в любые командировки я собираюсь сам. Валентина единственное, что может сделать — так это поинтересоваться, не забыл ли я положить в тревожный чемодан сменное белье, носки и прочее. Да и сам тревожный чемодан — уже давно не чемодан, а матерчатая сумка, перетряхнув которую даже самый взыскательный исследователь не найдет ничего такого, что не было бы связано с солдатским походом. Только форменные брюки да куртки, неперменные иголки и нитки, тюбики зубной пасты, чистые подворотнички и бритвенные принадлежности. Такая сумка всегда при мне: в рабочем кабинете, в машине. На случай внезапного отлета, отъезда, когда нет и десяти минут, чтобы заскочить домой. Случалось всякое: отправляясь на работу, я мог через несколько часов оказаться в Санкт-Петербурге, а к концу дня — уже в Кемерово. К этому я привык, а потому всякая житейская мелочь, появлявшаяся в моем обиходе, приобреталась, как правило, в двух экземплярах. Один предназначался «для жизни», другой тут же исчезал в недрах священного чемодана. Но есть и то, что при любой спешке обязательно кладется в него, — это книги. Как правило, необходимые для работы. Иногда те, что нужны душе. Одно время со мной путешествовало жизнеописание легендарного Тамерлана — полководца удачливого, мудрого и бесстрашного. Между прочим, именно он заметил, что храбрость — это умение терпеть в опасной ситуации...

В тот день, когда я принял командование, все наши успехи в Грозном строго математически выражались так: мы контролировали в лучшем случае треть, а в худшем — только четверть города. У нас были сильные позиции в его северной части, в центре, в Старопромысловском районе, но следовало посмотреть правде в глаза: эти победы, доставшиеся тяжелым трудом и солдатской кровью, носили эпизодический характер и не решали главной задачи — освобождения всего города. Первое, что я сделал, так это заявление в кругу подчиненных мне генералов: «Пока мы не блокируем город, никаких активных действий не предпринимать!»

А потом и Квашнину поставил задачу — обеспечить привлечение дополнительных сил армии. Но не для того, чтобы батальон за батальоном бросать их в топку боя, а для того, чтобы перекрыть все подступы к городу и исключить возможность притока свежих боевиков и прочих ресурсов, без которых рано или поздно выдыхается любая армия.

Вскоре такие силы прибыли, и к середине февраля нам удалось полностью перекрыть южное направление и, таким образом, замкнуть кольцо блокирования. Начатые вслед за этим активные боевые действия позволили уже к исходу февраля овладеть городом с минимальными потерями. В начале марта мы начали готовить операции по освобождению Аргуна, чуть позже — и других важных населенных пунктов, какими являлись Гудермес и Шали. Эта тактика себя оправдала: в Аргуне погиб только один военнослужащий, в Шали — два или три. Еще несколько человек было ранено в Гудермесе.

Объяснять это обычным везением не стану. Наконец нам удалось применить то, что всегда составляло гордость российской военной науки — бить противника на одном направлении и при этом на другом — вводить в заблуждение. Классическим примером, достойным учебников, является операция по взятию Аргуна — крупного узла дудаевской

обороны.

В один из мартовских дней ко мне обратился один из заместителей начальника Оперативного управления Северо-Кавказского военного округа полковник Иван Козулин. Его идея была проста и в тоже время остроумна: имитируя движение крупной бронетанковой колонны, нам следовало отвлечь основные силы боевиков на ложное направление. Основной удар по аргунской группировке противника предполагался совсем в другом месте, и теперь надо было продумать хитроумные детали, способные убедить чеченцев в подлинности нашей бутафории.

При дневном свете наша «колонна» не представляла ровным счетом ничего... Просто к деревьям, росшим по обочинам одной из дорог, на протяжении двух с половиной километров через каждые 25 метров прочно крепились пустые банки из-под томатной пасты, растительного и оружейного масла, а также пустые патронные цинки. Все они были залиты соляжкой и набиты ветошью, которые, если их зажечь ночью, с расстояния в один-два километра могли сойти за фары танков. Режиссура звука ставилась столь же незатейливо и мудро: звуковещательная установка через мощные динамики должна была транслировать грохот танковых двигателей.

Все это претворялось в жизнь бойцами из группировки генерала Ивана Бабичева, и после утверждения плана операции вместе со своим начальником штаба генералом Леонтием Шевцовым я не раз вылетал под Аргун, чтобы лично проверить качество ее подготовки.

В ночь штурма все прошло так, как мы и рассчитывали. Пока чеченцы считали внезапно появившиеся «танки» и стягивали на этот участок все свои артиллерийские стволы и гранатометы, севернее этого места уже форсировали Сунжу подразделения 102-й воздушно-десантной дивизии. Они же решительно отрезали от города основные силы боевиков. В блокированный Аргун пошли уже внутренние войска и вскоре освободили его, потеряв в бою лишь одного человека.

К началу апреля почти вся равнинная часть республики была уже под контролем федеральных сил. Боевики все дальше и дальше отходили в горы — в район Ведено, Ножай-Юрта, Шатоя и Итумкале. К началу июня мы освободили большую часть республики, а авиация наносила удары по базам мятежников, расположенным в горной части Чечни.

Командование воздушными силами составляли очень высококлассные специалисты, в том числе командующий фронтовой авиацией генерал Николай Антошкин, командующий 4-й воздушной армией генерал Владимир Михайлов, командующий армейской авиацией генерал Виталий Павлов и начальник армейской авиации СКВО генерал Владимир Иванников. Их летчики летом 1995 года не просто господствовали в воздухе, но отыскивали и уничтожали даже одиночные цели. Еще зимой мы заказали съемку территории Чеченской Республики из космоса, что позволило летчикам прекрасно ориентироваться на местности, знать и контролировать дороги.

Тогда же был испытан беспилотный самолет-разведчик, которому мы сразу же нашли применение в реальной боевой операции. Это элемент высокоточного оружия. Очень эффективное средство, позволяющее действовать в масштабе реального времени. То есть не только видеть противника на телевизионной «картинке», но и использовать технические возможности разведчика, тотчас после обнаружения цели определяющего ее истинные координаты. Достаточно сообщить эти данные дежурным артиллеристам, чтобы увидеть воочию, насколько точно ложатся в цель наши снаряды и наши ракеты.

* * *

Буквально сразу после назначения меня командующим Объединенной группировкой на мой КП вместе с командующим войсками Северо-Кавказского военного округа генералом Митюхиным прибыл и генерал Геннадий Николаевич Трошев: Министерство обороны было намерено назначить его командующим 58-й армии, что предусматривало согласование его кандидатуры со мной. Части и соединения этой армии выполняли задачу в Чечне, и

командующий Объединенной группировкой должен был сложить о будущем командарме свое мнение.

До этого я не был знаком с Трошевым, зная о нем лишь то, что он на два года раньше меня окончил Академию Генерального штаба и был на хорошем счету в Вооруженных Силах. Так как воевать предстояло вместе, хотелось понять, что за человек Геннадий Николаевич. Поинтересовался, откуда родом. Отвечает: «Отсюда. Из Грозного». Ясно, что невесело ему будет водить по родным местам полки и дивизии, но что поделаешь... Во внутренних войсках генерал Анатолий Шкирко — тоже из местных. Также знает здесь каждую улицу. Но не это самое главное. Если еще и родственники остались в Грозном, любой генерал будет действовать с оглядкой: что если отомстят боевики?.. Не забылось, как мелом рисовали бандиты кресты на офицерских квартирах в 1991 году, как издевались над семьями, как убивали... И каждый из грозненцев это отлично помнил, и эти белые погромные кресты, как смертные отметины, у каждого из них в душах запечатлелись очень крепко.

Выяснилось, что родители Трошева хоть и не жили уже в Грозном, но находились по северокавказским меркам совсем недалеко. Поэтому я спросил его прямо: «Геннадий Николаевич, не бойтесь, что ваши активные действия могут быть для них не безопасны?» «Понимаю», — ответил он. И твердо добавил: «Я хочу, товарищ командующий, чтобы вы знали — это не является для меня препятствием...» Вот так и ответил: по-солдатски просто и в тоже время очень мужественно. Понимая, как нелегко дались ему эти слова, я Трошева движением ладони остановил и подвел черту: «Если так, то я согласен...»

Вскоре генерал Трошев был назначен и командармом, и командующим южным направлением. Хотя на первом этапе и были у него какие-то незначительные просчеты, но он очень быстро втянулся в боевую обстановку и с марта 1995 года воевал просто здорово. Стоит отметить, что и в общении с людьми всегда подкупала его тактичность, корректность, не наигранная, а являющаяся неотъемлемой частью его характера вежливость. Неважно, кто перед ним — другой генерал или рядовой солдат. Каждый чувствует, что Трошев — очень сердечный человек. Поэтому был рад, когда несколькими годами позднее услышал по радио известие, что он будет назначен командующим войсками Северо-Кавказского военного округа. Искренне порадовался за Геннадия Николаевича и позвонил ему: «Геннадий, если это назначение состоится — это будет заслуженное назначение!» И в оценке своей не ошибся: в Трошеве Северо-Кавказский военный округ нашел очень хорошего, достойного и своей истории и нашего времени командующего.

* * *

Эффективная боевая и восстановительная работа в Чечне — это плод усилий многих людей.

Будучи командующим Объединенной группировкой федеральных войск, я, разумеется, работал рука об руку со многими офицерами, обеспечивавшими успешное ведение операций на территории Чеченской Республики. С артиллеристами и летчиками, военными инженерами и врачами, с пехотинцами и контрразведчиками, со специалистами в области гражданской обороны и просто с гражданскими специалистами.

Шла война. Поэтому оценивать людей приходилось только по их деловым качествам.

Я, вообще-то, достаточно жесткий, требовательный человек. Если я работаю с кем-то в одной связке, если кому-либо что-то поручаю, то считаю себя вправе надеяться, что мой соратник меня не подведет. Даже если ему для этого придется мобилизовать все имеющиеся силы и все свои умения.

С благодарностью вспоминаю имена деятельных, добросовестных и самоотверженных офицеров, которых, как и меня самого, Чечня проверяла на прочность. Это генералы Протоген Андриевский, Аркадий Баскаев, Николай Бордюжа, Владимир Васильев, Юрий Воробьев, Валерий Востротин, Виктор Гафаров, Павел Голубец, Владимир Гордиенко,

Николай Димидюк, Владимир Дмитрин, Владимир Дурбажев, Сергей Игнатов, Станислав Кавун, Николай Ковалев, Валентин Корабельников, Алексей Клементьев, Сергей Кудинов, Владимир Кузнецов, Михаил Львов, Владимир Мальцев, Борис Максин, Игорь Межаков, Владимир Морозов, Александр Муратов, Николай Новак, Александр Овчинников, Анатолий Пониделко, Николай Попов, Юрий Прощелькин, Петр Ровенский, Валентин Соболев, Валерий Стрекалов, Владимир Сухорученко, Сергей Тertyшников, Геннадий Тихонов, Александр Чекалин, Леонид Червоткин, Сергей Шойгу, Владимир Шумов, Сергей Юрченко, Виктор Якунов. Это полковники Сергей Джабадзе, Валерий Журавель, Борис Карпов, Юрий Кислый, Александр Клинов, Владимир Левицкий, Сергей Лябик, Олег Собокар, Владимир Цыганков, Александр Чиконов. Это гражданские специалисты — заместитель министра связи Эдуард Островский (генерал-лейтенант в отставке) и заместитель министра строительства Альберт Маршев.

* * *

По мере того, как мы продвигались вперед, наши энергичные действия стали встречать и сопротивление иного рода.

В последние дни мая мы начали операции уже в горной части Чечни, в ее дремучей «зеленке», сразу в трех направлениях — на Ведено, на Шатой, на Ножай-Юрт...

Перед началом одного из рабочих совещаний, которые, как было заведено, дважды в день проводились на нашей базе в Ханкале, офицер группы радиоперехвата МВД доложил мне содержание только что состоявшихся в эфире переговоров. Некто, именуемый Кавказом-02, руководил действиями полевого командира Ястреба.

Вот дословный текст этого радиоперехвата, сделанного с 12.52 до 13.00 30 мая 1995 года:

«Кавказ-02 — Ястребу: Русские прошли через речку... заняли высоты по обоим берегам. Пехота там закрепляется. Примерно 25 единиц брони движутся вперед внаглую... Где наши БМП?

Ястреб: Я их послал навстречу русским танкам. Людей здесь мало. Просто маленькие группы из 2–3 человек, но это мизер.

Кавказ-02: Закройте им хвост, чтобы отрезать их тылы — тогда они задохнутся. А я к 24.00 устраю им концерт. Переговоры на этот счет я веду.

Ястреб: Значит, мы должны продержаться до 24.00?

Кавказ-02: Да. Держитесь любой ценой. Не дайте им прорваться дальше.

Ястреб: Хорошо».

Сообщение было и впрямь нешуточное: позывной «Кавказ-02» принадлежал Аслану Масхадову, а текст радиоперехвата напрямую касался одной из боевых операций, которая в эти минуты велась на одном из горных направлений.

С этой бумагой я и отправился на совещание, чтобы провести среди его участников мозговую атаку и предпринять контрмеры: понятно — сколько там боевиков, понятны их ближайшие шаги. Но вот что за «концерт в 24 часа», что за «переговоры» имеет в виду Масхадов, когда требует от Ястреба держаться именно до полуночи? Так что своих генералов задержал еще немного. Давайте, говорю, попробуем расшифровать — какой-такой концерт нас ожидает? Но сколько ни ломали голову, ничего толкового придумать не смогли — мысль кружила все больше вокруг технических новшеств и самоделок, на которые чеченцы были, в общем-то, мастера. Может, какие хитрые трубы для ракетных снарядов? Может, что-то еще? Так и разошлись, готовые, впрочем, к любым неожиданностям.

Но в 18.00 того же дня из центра боевого управления по закрытой связи позвонил командующий группировкой Вооруженных Сил генерал Геннадий Трошев: «Товарищ командующий, мне только что позвонил начальник Генерального штаба и приказал прекратить применение авиации». Я не понял: «Как это прекратить?» Как раз на том участке, о котором шла речь в радиоперехвате, наши войска вклинились в горное ущелье от 5 до 15

километров. Это значительное расстояние, когда наша артиллерия действует уже на пределе своих возможностей, а ее огонь уже не так эффективен. В этой ситуации авиация — единственное средство поддержки пехоты. Без нее всех просто пожгут в ущелье! Без нее войска будут уничтожены!

Начальник Генерального штаба генерал Михаил Колесников, до которого дозваниваюсь в первую очередь, только множит мое недоумение: «Ну что я могу поделаться?! Это распоряжение самого президента!»

Связываюсь с генералом Гафаровым, находящимся в Москве, в главке внутренних войск: «Виктор Сергеевич, ты что-нибудь подобное получал?» «Да, — говорит, — только что пришла телеграмма, лежит у меня на столе. Диктую: «Грачеву. Куликову. С 00 часов 1 июня прекратить применение авиации. Причину не объяснять. Ельцин». Вот и понятно — что за «концерт»... Понятно, что за «переговоры»... Теперь уже, времени не жалея, в телефонном розыске поднимаюсь все выше и выше, правда, с одинаковым результатом. Министра обороны Грачева нет. Премьер-министр Черномырдин в Сочи. Президент в Завидово. Даже мой собственный министр — и тот в Китае!.. Никого нет абсолютно!

Тут уже и генерал Николай Антошкин, командующий фронтовой авиацией, подходит: «А.С., извините, я ваш приказ выполнить не могу: у меня есть распоряжение начальника Генштаба прекратить применение авиации». Это он аккуратно ставит меня в известность и сам пожимает плечами... Но служба есть служба, и все, что он может для меня сделать — это только ободрить взглядом. Это понимаю и я. Тут же в присутствии Антошкина шариковой ручкой составляю телеграмму:

«Верховному Главнокомандующему, президенту РФ Ельцину Б.Н.

Уважаемый Борис Николаевич! Выполнение вашего распоряжения № К-318 от 30 мая 1995 года (В этом распоряжении запрещалось применять авиацию. — Авт.) ставит под угрозу безопасность федеральных войск, вклинившихся в горы до 15 км. Без авиационной поддержки они не смогут выполнить спланированные операции и понесут большие потери, так как артиллерия по дальности не может оказать поддержку. В 12.52 30 мая нами получен радиоперехват, где Масхадов требует от своих полевых командиров продержаться до 24.00 30 мая «любой ценой», обещает отрезать тылы федеральных войск, «устроить им концерт». Переговоры на это счет он провел. Для исключения потерь среди личного состава прошу вас разрешить применение авиации после 24.00 30 мая моим решением исходя из складывающейся обстановки.

Командующий объединенными силами

генерал-полковник Куликов

30 мая 1995 г.».

За полчаса до полуночи все же отыскался в Сочи Черномырдин: я ему подробно изложил ситуацию, добавив, что и до Ельцина пытался дозвониться, но безрезультатно. Виктор Степанович, молодец, мгновенно все понял и без всяких сомнений взял ответственность на себя: «Вот так: я сейчас сам найду, кого надо... А ты считай, что никакой телеграммы не получал. Воюй спокойно и смотри, чтобы войска не понесли потери».

Сразу же после разговора с премьер-министром пригласил к себе Антошкина и с легким сердцем ему передал: «Я только что получил личное распоряжение Черномырдина продолжать применение авиации». Он мне поверил на слово. Отдал нужные команды и ничто, слава Богу, не сорвалось: войска пошли в горы и пошли стремительно...

Еще через час, в половине второго ночи, со мной связался по спецсвязи руководитель администрации президента России Сергей Филатов, сообщил: «Президент получил вашу телеграмму и отменил ранее принятое решение». В самом конце разговора Сергей Александрович с некоторым напряжением в голосе поинтересовался: «Скажите, А.С., а что там у вас за перехват разговора Масхадова?» Беру, зачитываю с листа. Филатов сокрушается: «Вот же сукины сыны, оказывается, им верить нельзя...» Не знаю уж, намеренно ли вырывается у него эта фраза или случайно, но понимаю так: каким-то боком и руководитель президентской администрации причастен к телеграмме, отменяющей действия авиации. Или

мне показалось?

Еще раз всплывает эта история позднее — в пору наших переговоров с Масхадовым и другими дудаевцами летом 1995 года. На одном из блокпостов был задержан и отправлен в следственный изолятор человек, называвший себя Курбановым, представителем Джохара Дудаева в Москве. Ну задержан и задержан: мало ли кого могли «зачистить» в ту пору в Чечне... Однако в дудаевской иерархии этот человек — позднее он и погиб вместе с Дудаевым — действительно занимал весьма значительный пост, и проблемой его освобождения немедленно занялся сам Масхадов.

Во время очередной переговорной встречи он попросил меня освободить Курбанова, хотя у того при задержании не оказалось даже паспорта. Я развел руками: «Ну как я могу его освободить? А вдруг он вовсе не Курбанов, а совершенно другой человек. Поймите, мы же не можем освобождать кого бы то ни было по звонкам или по просьбам товарищей. Если он тот, за кого себя выдает — его обязательно отпустят и без моих указаний». Масхадов рассмеялся: «Ну ладно. Честно говоря, будь моя воля, я бы этого сукиного сына вообще не освобождал!»

Я поинтересовался: «Почему?» «Да он однажды, — разоткровенничался Масхадов, — меня так подвел! Сообщил из Москвы: я, дескать, тут договорился, что применение авиации будет запрещено... Мы сунулись, а вы нам как дали!!!» «Как же, помню», — уже в свою очередь рассмеялся я и достал из папки текст переговоров Масхадова с Ястребом, который держал при себе на всякий случай. Хорошо понимал — произошло прямое предательство. А то, что сделано оно было руками президента, лишь подтверждало — из-за спины Ельцина действовал очень влиятельный кремлевский сановник.

Судя по тому, как разыгрывалась комбинация, чиновничьих сил этого человека вполне хватило на то, чтобы вся вертикаль военной власти, включая Верховного Главнокомандующего, будто опоенная дурманом, сочиняла, подписывала и передавала в войска приказ, способный погубить и искалечить несколько сотен своих же солдат и офицеров.

Поражал цинизм сделки. Казалось невозможным, что вольное или невольное предательство совершается в кругу людей, посвященных в самые сокровенные секреты государства. Я уже не говорю о том, что человек, продавший нас боевикам, мог открыто согласовывать с Масхадовым в буквальном смысле из Кремля этапы боевой операции против российских войск. Я ни секунды не сомневался в том, что Ельцина, скорее всего, просто обманывали, объяснив необходимость отмены боевых вылетов чем-нибудь правдоподобным.

Гибельные последствия измены удалось предотвратить. Вот только за руку хватать было некого. Любые разбирательства были обречены на провал: в конце концов не у президента же будет интересоваться генерал Куликов о мотивах его более чем странного распоряжения. Сказано: «Причин не объяснять!» Могло оказаться, что я своим вмешательством сломал чью-то сильную политическую игру или — скорее — политическую аферу, что могло повлечь за собой самые неожиданные и неприятные для меня последствия.

На случай таких напастей я и держал в кармане текст радиоперехвата. Произойти могло все что угодно... Но пока оставался у меня в руках этот листок бумаги — все-таки мог я защищаться и нападать.

Логика этого молчаливого противостояния не исключала и демонстрации наших возможностей самому Масхадову. Один из чеченцев — кажется, Идигов — восхищенно произнес: «Ничего себе! Ну у вас разведка работает!..» Я согласился: «А как же, конечно, работает!» В общем, этот радиоперехват на чеченцев произвел неизгладимое впечатление.

За те сорок пять суток, пока шли переговоры с чеченцами, мы пообвыкли друг к другу. Появились какие-то чисто человеческие отношения, позволявшие узнавать о наших собеседниках нечто большее, чем это оговаривалось протоколом наших ежедневных многочасовых встреч. Уже нередки были взаимные шутки, приватные беседы и неформальные договоренности. Поэтому я не удивился, когда один из чеченцев очень настойчиво и в то же время очень аккуратно дал понять, что хочет сообщить мне

чрезвычайно важную информацию. Боясь чужих ушей и магнитофонов, увлек он меня прямо к работающему генератору, с помощью которого обеспечивалась электроэнергией здание миссии ОБСЕ. Только здесь он чувствовал себя спокойно и наконец выложил распиравшую его тайну: «Вы знаете, А.С., несколько ранее того периода, о котором идет речь в вашем радиоперехвате, нам поступило предложение от Коржакова прекратить боевые действия в обмен на три миллиона долларов».

Откровенно говоря, я своему собеседнику не поверил. Во-первых, вели себя чеченцы зачастую коварно: откровенно лгали, хитрили, не выполняли обещанного. Во-вторых, и представить себе невозможно, чтобы сам Коржаков, облеченный почти безграничным доверием президента, стал бы предавать Отечество за три миллиона долларов! Поэтому слова чеченца я сразу же отмел, посчитав их обычной дезинформацией противника. Мало ли кто чего наболтает?

Что в словах информатора действительно показалось ценным — так это его уверенность в том, что война в Чечне вошла в ту фазу, когда она становилась интересной для политических игроков кремлевского масштаба и приближенных к ним олигархам. Они раньше других осознали товарно-сырьевую значимость военных побед и поражений. Они поняли: победами и поражениями можно торговать. В этой биржевой по характеру игре на повышение или понижение акций военной кампании в Чечне действительно можно было урвать немалый капитал.

Для того, чтобы участвовать в этих торгах требовалось соблюдение двух неперемных условий. Первое — принадлежность или близость к тем кругам государственной власти, где генерируются самые важные решения. Второе — надежный канал связи с высшим командованием боевиков.

Конечно, все зависело от ранга и физических возможностей продавца. Одних могли интересовать банальные деньги — за срыв какой-нибудь операции, за бесполезные переговоры, дававшие боевикам несколько дней передышки, за таинственные обмены заложниками и пленниками. Других — собственные политические перспективы, зависящие от намеченных на июнь 1996 года выборов президента России. На кону стояло многое: высокие должности, влияние, государственные дачи, машины с мигалками и телефоны правительственной связи, но в — принципе — те же деньги... Только очень большие деньги, судьба которых теперь находилась в руках чумазных восемнадцатилетних пехотинцев, которые по причине своего, как правило, рабоче-крестьянского происхождения не то что сотню долларов в руках не держали, но вряд ли могли похвастаться даже лишним рублем в кармане.

Рейтинг президента был низок. Его можно было «уронить» еще больше, спровоцировав массовую гибель собственных солдат. Это могло быть все что угодно: реванш боевиков в Грозном, расстрел большой колонны, провал какой-либо операции — все то, что могло вызвать в обществе чувство справедливого негодования или унижения, и как следствие — недовольство «бездарной властью». Наоборот, рейтинг президента можно было поднять в результате какой-нибудь чудесной «акции возмездия» против наиболее одиозных вождей мятежной Ичкерии.

В свое время каждый из этих способов будет применен на практике. Каждый прием будет строго увязан с политической конъюнктурой: «Сегодня — рано, завтра будет поздно...» За все будет заплачено человеческой кровью — где больше, где меньше, но заплачено сполна. И вот эту кровь, а не протоколными белыми рубашками — вижу я на тех политиках, что иногда попадают мне навстречу. Что тут сказать? Так уж устроена жизнь, что обыкновенный убийца, зарезавший в пьяной драке человека — куда более уязвим для закона, чем политический делец, погубивший сотни солдат ради денег или другой сиюминутной выгоды. Его схватить за руку почти невозможно: со всех сторон укрыт он властью, иммунитетом, тайной, отсутствием прямых улик, молчанием заединщиков. Все, что остается в таком случае — это положиться на справедливость иного, высшего суда, который, надеюсь, ничего не забудет и всем воздаст по заслугам...

* * *

Чем выше поднималась в горы война, тем сильнее занимали наши умы проблемы послевоенного мира. Казалось — перелом уже наступил. Казалось, что надежды на реванш, питавшие сопротивление, умирали с каждым часом нашего движения по Чечне. Прилетев в освобожденное село Ведено, я сам видел людей, чьи выбритые до белизны подбородки свидетельствовали о том, что они буквально на днях спустились с гор и распрощались с оружием.

Серьезным препятствием на пути к стабильности я считал отсутствие правовой базы, которая бы регулировала действия федеральных войск в Чечне, жизнь республики и ее жителей, только-только оправляющихся от последствий полномасштабной войны. Задавал себе вопрос: почему, собственно, не объявить территорию республики зоной чрезвычайного положения, что сразу же давало бы войскам и органам внутренних дел тот инструментальный мер, который годится для таких случаев. Зоной ЧП в свое время объявлялся район вооруженного конфликта между ингушами и осетинами, и я не видел причин, которые не позволяли бы применить что-то подобное и в Чечне.

То, что чрезвычайное положение не было объявлено сразу, еще в декабре 1994 года, объяснялось, видимо, тем, что поначалу планировалась лишь демонстрация силы. Но произошло то, что произошло, и ошибкой федеральной власти можно было считать такое положение вещей, когда территория войны и мятежа по своему юридическому статусу ничем не отличалась, скажем, от Саратовской области или Краснодарского края.

Я напрямую поставил вопрос перед своим министром Виктором Ериным и секретарем Совета безопасности РФ Олегом Лобовым: в республике нужно вводить режим ЧП. По этому поводу в Совбезе состоялось два совещания — на них был рожден проект соответствующего указа президента России. Сам по себе этот законодательный акт следовало рассматривать как объявление правил, на основе которых теперь должна была протекать хоть и полувоенная, но все-таки уже и полумирная жизнь Чечни.

Существовали очень серьезные сомнения, что гражданской администрации, воссоздаваемой в освобожденных районах, хватит сил и мужества противостоять тактике террора, которую применяли боевики. Любой чеченец, вознамерившийся сотрудничать с федералами, объявлялся ими коллаборационистом и подлежал уничтожению. В том же Гудермесе, накануне его освобождения, дудаевцы казнили несколько человек и прилюдно вывесили их тела, сопроводив нагрудными табличками: «Он хотел мириться с Россией». Так дудаевцы встречали федеральную власть. Так — угрозами и убийствами — пытались сломить чеченцев, решившихся бросить вызов бандитам.

Режим ЧП, который прописывался нами в указе, передавал всю полноту административной власти военным комендантам городов и сел, как и ответственность за происходящее на их территории. Далеко не всякий комендант был по зубам бандитам. А то, что не был он связан ни страхом, ни родовыми узами — делало такое управление более эффективным. Не скрою, при этом несколько ограничивались гражданские права населения. Однако по большей части касались они времени и маршрутов передвижения, и даже самый взыскательный критик не нашел бы в них даже намек на какие-либо этнические чистки или очередное переселение народов.

Не знаю, как складывался разговор Лобова с Ельциным, но, как мне потом объясняли в кулуарах, президент опасался, что в сложившейся ситуации указ не будет утвержден Советом Федерации. Впоследствии, когда в Чечне появились органы управления, возглавляемые сначала Саламбеком Хаджиевым, а потом Доку Завгаевым, некоторое противодействие введению режима ЧП осуществляли уже они. По понятным причинам им не хотелось делиться властью с военной администрацией.

Я оставался при своем мнении, что без режима чрезвычайного положения нам не удастся добиться сколько-нибудь серьезных результатов. Но честно делал все от меня

зависящее, чтобы внедрить ростки гражданской власти в эту уставшую от войны землю. Доходило до того, что я лично привозил в Ведено на вертолете целый административный десант, включавший судью, милиционера, прокурора, главу местной администрации. Собирали с Хаджиевым людей, говорили: «Вот ваше новое руководство! Живите!» Но уже на следующий день все те, кого мы накануне развезли по районам, снова объявляются в Грозном и находят сотню причин, чтобы не возвращаться обратно.

К середине июня все районные центры Чечни находились под контролем федеральных сил и пришло время как-то налаживать жизнь: помогать семьям погибших, раненых, потерявших кров. Людям в таких случаях нужны не декларации, а конкретные дела. Нужны деньги — пенсии, пособия, заработная плата. Однако федеральная и новая республиканская власть вслед за войсками в чеченские села так и не пошла. До сих пор убежден — и тогда можно было наладить нормальную жизнь.

А так, что вышло: войска стоят... Стоят неделю, две, месяц... То корову украдут солдаты, то обстреляют машину. Где-то что-то продали, где-то что-то пропили. Как ответить после этого на простой вопрос чеченского крестьянина: «А чем вы лучше Дудаева?»

* * *

В этой обстановке прорыв диверсионного отряда Шамиля Басаева в город Буденновск Ставропольского края, отстоящий от границы с Чечней в 150 километрах, не кажется чем-то необычным. С точки зрения военного дела нападение на авиабазу понятно. Заслуженно называя Басаева бандитом и террористом, я все же не мог не отдавать должное его личным организаторским качествам и боевому опыту. С его батальоном мы встречались в Грозном. В том, как воевал он, чувствовалась рука умелого и дерзкого главаря. И это было неудивительно: еще недавно вedomые Басаевым чеченцы воевали на стороне абхазов и успели зарекомендовать себя в тамошних сражениях.

Думаю, что рейд Басаева по Ставрополью проводился с диверсионной целью, а конечной точкой маршрута его отряда был именно тихий город Буденновск. Вернее — его военный аэродром с располагавшимися поблизости вертолетным и истребительным авиаполками. Принимая во внимание то, что полки эти были боевыми и принимали самое активное участие в операции на территории Чечни, диверсия на аэродроме при любом исходе давала дудаевцам шанс быть услышанными во всем мире.

Тут не было и доли экспромта: шумная боевая акция загодя готовилась штабом сопротивления, и в череде событий, предшествующих трагедии, совершенно по-иному прочитывается записка Аслана Масхадова, которая была передана мне 9 или 10 июня — всего за несколько дней до того, как Басаев объявился в Буденновске. В этой записке, адресованной федеральному командованию, Масхадов писал следующее: «Прошу о встрече, нам нужно переговорить по поводу прекращения войны».

Это были дни наших решающих побед в горных районах Чечни, и, честно говоря, я не видел смысла в каких-либо переговорах, которые могли бы дать боевикам хоть день или час передышки. Ответил так: «С бандитами нам договариваться не о чем! Ни с кем из них встречаться не буду!»

Кое-какой опыт обоюдных переговоров у нас с Масхадовым уже был, и я хорошо понимал, что этот бывший полковник всегда очень прагматично использовал любое «окно» в боевых действиях: производил перегруппировку сил и подтягивал ресурсы. Никаких симпатий я к нему не испытывал, но офицерское прошлое этого человека все же давало мне право видеть в нем не только бандита с большой дороги. Еще в феврале я сказал ему откровенно: «Если мы с тобой, Аслан, сегодня не прекратим эту войну, она будет продолжаться очень и очень долго. Допустим, что вы все же останетесь у власти, но поверь мне — вы все равно между собой передеретесь...»

Но теперь мы взяли Ведено, успешно бились за взятие Ножай-Юрта и Шатоя, и мне не о чем было говорить с Масхадовым, который, однако, проявил настойчивость и с точно

такой же просьбой обратился в миссию ОБСЕ в Чечне. Ее руководитель Шандор Месарош и Владимир Юрьевич Зорин, бывший тогда заместителем представителя правительства РФ в ЧР Семенова, приехали ко мне с просьбой организовать встречу, о которой их тоже просил Масхадов.

Такая активность чеченцев, да еще и попытка привлечь к переговорам столь серьезных людей — вызвали во мне иные настроения. Подумал: «А что, если решили боевики и впрямь заканчивать войну? В их положении самое время просить о капитуляции и — следовательно — о гарантиях, которые они хотят выторговать у нас в присутствии руководителя миссии ОБСЕ». Под таким углом зрения будущая встреча уже не казалась мне бесполезной, и по каналам связи мы условились провести ее 15 июня в районе села Зандак.

А 14 июня, как известно, отряд Басаева, насчитывавший около двухсот боевиков, совершил налет на город. Погибли люди. Как только чеченцы получили первый отпор и стало ясно, что к аэродрому им не прорваться, маски благородных разбойников тут же были сброшены и отряд Басаева предстал перед всем миром именно таким, каким он был на самом деле — бандой жестоких уголовников и террористов. Сразу вспомнились и настоящие подвиги Шамиля Басаева, в числе которых числился безнаказанный угон самолета в Турцию и игра в футбол головами убитых грузин на стадионе в Сухуми. Вот истинное лицо этого негодяя! Вот все его военные заслуги! Как только дали ему отпор в бою, немедленно укрылся за стеной заложников. В больницу, которую бандиты захватили вместе с обитателями и медицинским персоналом, было согнано множество людей со всей округи. Всего в руках захватчиков оказалось несколько сотен человек. В центре этого живого щита террорист Басаев теперь снова принимал живописные позы народного мстителя и борца за справедливость.

Волей судьбы я находился на периферии этих событий: мои функции ограничивались ведением боевых действий в Чечне, а тыловой Буденновск хотя и не входил в зону моей ответственности, но всем было понятно, что не с Луны, а из Чечни свалились на город эти боевики. Но разве мог я отстраненно наблюдать за происходящим? Конечно, ловил каждое слово, сказанное про Буденновск, знал, что там в связи с захватом заложников находятся и Виктор Ерин, и Сергей Степашин, руководитель федеральной контрразведки. И хотя все самое важное, что происходило в стране, сейчас совершалось в этом небольшом районном городе Ставрополя, встречу с Масхадовым я отменять не стал. Было важно узнать истинные намерения и, если надо, провести оперативную игру. К тому же оставались надежды на то, что верхушка дудаевцев начнет-таки переговоры о сдаче. Это могло бы переломить ситуацию и в Буденновске.

15 июня, как и договаривались, вместе с Зориным и Месарошем отправились в Зандак. В условленном месте минута в минуту встретились с Масхадовым, которого на этот раз сопровождали два брата Шамиля Басаева: родной — Ширвани — и какой-то двоюродный, имя которого я не запомнил. Наверное, потому, что мое внимание было приковано именно к Ширвани Басаеву, которого я увидел впервые и сразу же про себя отметил его очевидное сходство со старшим Шамилем.

По тону Масхадова сразу же понял, что вылазка Басаева в Буденновске и эта наша встреча, которую он буквально вымолил у нас, — события взаимосвязанные, заранее продуманные и по времени абсолютно согласованные. Замысел, вероятно, был следующий: 14-го Басаев проводит кровавую акцию за пределами Чечни и берет заложников, 15-го Масхадов в присутствии представителя авторитетной международной организации, каковой является ОБСЕ, выдвигает условия федеральной власти... Такой бандитский шантаж: циничный и подлый. Поэтому-то Масхадов держится так, как будто не у него, а у кого-то постороннего вчера мы отняли еще один районный центр Чечни — село Шатой. В идеологии его заявлений нет и намека на перемены: «Убирайтесь, уходите» и т. п.

В общем, мы уже собирались разъезжаться, когда Аслан Масхадов решился мне задать вопрос, по-настоящему его интересовавший: а как там, дескать, дела у Басаева?.. В смысле, какие перспективы... Им всем, включая братьев Шамиля, я так бесстрастно обрисовал

ближайшее будущее всего террористического отряда: «Ну как дела? Он же не хочет освобождать заложников. Значит — будет уничтожен». А потом, обращаясь к Ширвани, предложил ему вместе со мной слетать на вертолете в Буденновск, чтобы образумить брата. «Ты только представь, — сказал я ему, — сколько там детей и беременных женщин! Сколько крови прольется, сколько слез, если дело дойдет до штурма!» И Масхадову, который хоть и гнул свою переговорную линию, но благоразумно не выказывал напрямик свою принадлежность к террористическому акту, я тоже дал возможность задуматься: «Аслан, ты пойми — поездка Ширвани может как-то повлиять на действия брата. Я думаю, ты должен отвергать такие методы».

Вижу — Ширвани откровенно боится. Масхадов отвел братьев в сторону и о чем-то посовещался. Говорит: «Они должны лететь вдвоем!» Я спрашиваю: «Почему?» Масхадов мне растолковывает кавказские обычаи: «Да потому что Ширвани — хоть и родной брат, но младший. Его Шамиль может не послушать. А вот другой, хоть и двоюродный, наоборот, старше Шамиля, и его слова значат гораздо больше».

Этот аргумент убеждает меня, но моя готовность взять их обоих вовсе не означает достигнутого согласия. Еще не все кавказские церемонии исполнены до конца: «А.С., вы нам гарантируете, что они вернуться?» Я решительно отмечаю все горские страхи: «Даю вам слово российского генерала, что верну их живыми и здоровыми!»

Полетели. Я, правда, сразу же решительно пресек их попытку взять с собой оружие. Когда на несколько минут приземлились в Ханкале, чтобы высадить основную группу сопровождавших меня на переговоры людей, я позвонил Ерину и доложил: «Везу двух братьев Басаева, чтобы использовать их с целью освобождения заложников». Ерин тут же оценил мой полицейский расчет: «А что, давай, привози!.. Вдруг да поможет?»

В Буденновске сразу же повез их в здание милиции, где находился штаб по проведению операции. И Ерин там. И Степашин. И оба Егоровых: один — министр по делам национальностей, другой — заместитель министра внутренних дел. Завели братьев в кабинет и начали все вместе взывать к разуму, закладывая в их головы и души то, что следовало передать тем, кто в это время бесчинствовал в роддоме, отвлекаясь от казней лишь для того, чтобы дать интервью в прямом эфире.

Когда братья зашли в больницу, Шамиль Басаев, тут же вцепился в Ширвани: «Ты зачем сюда приехал? Я тебя убью!» Остыл только после того, как младший брат сказал, что его прислал Масхадов. Но и доводы старшего оказались бесполезны.

* * *

Трагедия в Буденновске всколыхнула все российское общество, только утвердив людей в мысли, что многочисленные правоохранительные структуры России не способны поставить надежные заслоны на пути террористов. Что террор — кровавый, жестокий, бессмысленный — отныне становится неизбежной реальностью и каждодневным ужасом для каждой российской семьи, как бы далеко от войны она ни находилась. Прорыв боевиков в мирный Буденновск, их кровавые бесчинства воспринимались всеми как пробоина в днище некогда надежного корабля. А самым трудным для ответа оказывался простейший вопрос — отчего такой поход дудаевцев вообще оказался возможен?

Как это ни горько признавать, но в обстановке, когда полномасштабная война в юридическом смысле считается миром, а режим военного, либо чрезвычайного положения не объявлен на законном основании — опасность масштабных террористических актов будет оставаться. Какими бы частыми ни были сети, раскинутые милицией, разведкой и контрразведкой, часть диверсантов обязательно просочится и в самую мелкую ячею. Опытные и обученные люди с подлинными документами на руках легко растворятся среди населения. Если надо, проведут хоть караван машин с оружием и взрывчаткой. И после событий в Буденновске всем нам не раз еще приходилось убеждаться в правоте этих выводов. И чувствовать на себе, как смертельно опасна для собственных граждан может

оказаться нерешительность государственной власти, не нашедшей в себе сил называть войну войною, а значит — применять те законы, которые должны работать только во времена чрезвычайной опасности.

Если отбросить все мифы, все басаевское хвастовство, следует честно признать, что поездка боевиков на машине с обычным номером, с обычным путевым листом в кармане водителя, да еще на каких-то 150 километров по не пуганному еще Ставрополью не представляла никаких проблем. Став министром внутренних дел после упомянутых событий, я очень жестко провел с милицейскими начальниками почти поминутный разбор движения боевиков от границы Чечни до места, где они были вынуждены начать бой, и могу утверждать: ложью являются слова Басаева, где он утверждает, что купил всех попавшихся ему на пути милиционеров. Я не исключаю, что кто-то из сотрудников ГАИ пропустил подозрительный КамАЗ по беспечности, кто-то поленился предупредить о нем следующие посты, но я убежден — предательства, пособничества бандитам не было. Если бы кто-то из милиционеров догадался, что в кузове скрываются вооруженные люди, непременно поднял бы тревогу.

Но в этом «если бы» только вера в совесть людей, не больше... Остается фактом, что милицейские посты на дорогах бандитов прохлопали. Даже в 150 километрах от войны (по меркам автотранспортным — в двух часах от нее) демонстрировали спокойствие, достойное лучших времен. Все-таки еще с 9 января того же года, по данным разведки, Буденновск фигурировал в списке городов, на который могло быть совершено нападение.

Конечно, был он не первым и далеко не главным среди других, упоминавшихся дудаевцами в числе целей: информация о выдвижении групп террористов в различные районы страны поступала постоянно и в ней фигурировали и Астрахань, и Ростов-на-Дону. По слухам, тот же Басаев бесчисленное количество раз находился на пути к Моздоку, а Ханкалу и Северный боевики планировали захватывать каждый день. Истинные их намерения по-прежнему оставались неизвестны. Так что очередная информация о готовящейся акции в Буденновске накануне вторжения Ш. Басаева уже не казалась столь достоверной, как это было в январе. Держать войска в постоянной готовности на каждом из перечислявшихся направлений было просто невозможно.

Поэтому первый удар бандитов должны были принять на себя сотрудники внутренних дел: это их тяжелый хлеб, их работа, их прямая обязанность перед обществом во все времена.

Быстро был решен и вопрос о надлежащем вооружении милиционеров автоматическим оружием, так как «довоенные» нормы предполагали, что одного «Калашникова» вполне хватит на десять сотрудников. В районах, граничащих с Чечней, этого было явно недостаточно. Буденновский райотдел внутренних дел при этом получил 107 автоматов, которых, по нашим расчетам, должно было хватить на всех без исключения милиционеров. При желании с таким арсеналом можно противостоять даже мотострелковому полку.

Трудно сказать, о чем думал начальник районного отдела, когда все имеющееся автоматическое оружие велел запереть в ружпарке и запретил его выдачу. Но два автомата Калашникова при этом все же использовались на службе — на постах при въезде в Буденновск и при выезде из него. Два бессменных автомата, которые просто перевешивались с плеча постового милиционера на плечо сменщика как переходящий символ власти. И так по кругу... Вот и весь воинский порядок в кавычках. Даже в партизанском отряде такое показалось бы дикостью.

Когда все это вскрылось на коллегии Министерства внутренних дел, выводы последовали жесткие и крайне болезненные для некоторых руководителей ставропольской милиции. Причем коллегию (первую, проведенную мной в качестве министра) пришлось проводить в два захода: поначалу нужно было перебороть нежелание некоторых чинов разбираться в собственных ошибках. Выяснилось: никто из министерства в Буденновск не ездил, никто никаких расследований не проводил. Когда заместитель министра внутренних дел генерал Евгений Абрамов доложил мне об этом, я первое заседание коллегии попросту

отменил. Сказал: «Когда будете готовы, тогда соберемся снова», и послал в Буденновск группу офицеров во главе с инспектором штаба МВД генералом Валерием Петровым. По горячим следам ей удалось реконструировать все детали трагедии, унесшей жизни и нескольких сотрудников милиции.

Проведенное через несколько недель новое заседание коллегии Министерства внутренних дел все расставило по своим местам. Честный разговор уже не путал настоящий героизм одних милиционеров с очевидным непрофессионализмом других. В результате последовали решительные меры, принятые поначалу за традиционные «поиски виноватых». Были человеческие обиды, рапорты об увольнении и безжалостное прощание с теми офицерами, на ком лежала часть очевидной вины.

Но я и сейчас не думаю, что тогда, на коллегии, была допущена какая-либо несправедливость. Скорее пришлось ломать те служебные стереотипы, что были рассчитаны на мирное течение жизни и никак не соответствовали реальной прифронтовой обстановке. На границах с Чечней северокавказских территориях теперь пролегал очень важный рубеж обороны, и кто, как не северокавказская милиция, еще вчера полукурортная и полусонная, должна была стать надежным заслоном на пути бандитского террора? Уроки Буденновска свидетельствовали: отныне мы не можем позволить себе облегченного отношения к службе. Отныне спрос становится жестче.

Басаев, говоря о подкупе постов ГАИ, конечно, имел в виду то, что денежная мзда милиционеру, несущему службу на «хлебной» трассе — стала обыденным фактом нашей жизни. Лично у меня эти слова бандитского главаря не вызвали и тени сомнения: конечно, что-то сунули «на лапу», если все это время, пока машина с бандитами шла к Буденновску, никто не удосужился заглянуть в кузов. Были и другие тревожные сигналы, свидетельствующие о том, что федеральная дорога «Кавказ», совершенно свободно используется и перевозчиками нелегальной водки, и теми, чей бизнес завязан на торговле оружием и боеприпасами. Став министром, я решил заново смоделировать ситуацию, напоминающую ту, о которой рассказывал журналистам Шамиль Басаев: провезти по трассе «Кавказ» заведомо подозрительный груз и нигде не засыпаться по дороге. Груз (в данном случае — два КамАЗа с водкой) должен был проследовать из точки А в точку Б, через все милицейские посты. Причем сопровождавшие его люди (переодетые офицеры милиции) в случае проверки документов или досмотра должны были убедить постового пропустить их дальше. Вот именно — предложить банальную взятку... И посмотреть, что за этим последует.

Замысел этой операции несколько отличался от обычных действий оперативников, когда нужно поймать за руку конкретного мздоимца. Не было меченых денег, не было арестов и обысков. Важно было понять масштаб придорожного взяточничества — всю картину целиком. И уже на основании этих данных определять, насколько коррумпированы сотрудники милиции и где находятся на трассе самые уязвимые бреши. Если постовой намекал, что вопрос может быть исчерпан с помощью определенного количества рублей, следовало безропотно их отдать. Может, даже поторговаться. В общем — вести себя естественно, как делал бы это любой экспедитор с «левым» товаром на борту. Скрытая видеокамера при этом аккуратно писала все разговоры, обоюдный счет денег, все, чем сопровождается передача взятки из рук в руки...

Честно говоря, пришлось на деле убедиться, что размах милицейских поборов превзошел самые смелые ожидания.

Под видом экспедиторов в дорогу отправились оперативные работники из Северо-Кавказского Регионального управления по борьбе с организованной преступностью МВД России, которых мы снабдили двумя миллионами «старых», неденоминированных рублей. Два КамАЗа с водкой заинтересовали почти все контрольные посты, а их было несколько десятков. И только на двух из них постовые отказались от взятки! Это свидетельствовало: федеральная дорога «Кавказ» практически не защищена!

Результаты этой поездки позволили нам трезво оценить ситуацию и принять меры к

тому, чтобы навести порядок на дороге. А кадры оперативной видеосъемки помогли избавиться от некоторых коррумпированных сотрудников милиции. «Берут?» — злорадно спрашивали меня журналисты. Я отвечал откровенно: «Да, берут. Я даже знаю — где и сколько...»

Вот только посадить мы никого так и не смогли. Ведь по условиям операции нельзя было производить мгновенный захват: если бы тронули хоть одного взяточника — об этом мгновенно узнали бы все остальные посты. Видеокамера фиксирует: деньги человек положил в карман. Чьи деньги? Отвечает: это были мои собственные... Доказать обратное почти невозможно. Но эти люди понимали: будущего у них в милиции нет. И мы расставались с ними без всякого сожаления.

* * *

По угрюмому выражению лиц вернувшихся из роддома родственников Басаева я сразу же понял: мало чем помогли нам эти уговоры. Терять боевикам было нечего. После того, что они натворили в Буденновске, пощады они не ждали, а растерянность власти, допустившей террористов в прямой телевизионный эфир — только играла им на руку.

Я засобирался в обратный путь. Надо было возвращаться в Чечню, а данное мной слово генерала обязывало вернуть туда же — живыми и здоровыми — братьев Басаева. Честно говоря, то, что я увидел в Буденновске, позволяло мне махнуть рукой на все условности и поговорить с бандитами на понятном им языке: око за око, кровь за кровь... Запереть тех же братьев под замок и выдвинуть самые страшные условия: «Не дай Бог, упадет с головы заложников хоть один волос...» Да будь во мне хоть доля той звериной жестокости, с которой убивали бандиты беременных женщин и детей, я бы и задумываться не стал — вылетели бы у меня эти братья из вертолета на полном ходу.

Вот только знал: ничего подобного себе никогда не позволю. Не только мстительной ярости, которая является уделом слабых людей, но и того, чтобы кто-то мог усомниться в твердости моего офицерского слова. Мы не можем ставить себя на одну доску с бандитами или равняться с ними в коварстве. В глазах самых отъявленных злодеев мы должны оставаться людьми долга и чести.

Именно это даст нам силы победить даже самое невиданное, самое необузданное зло.

Поэтому доверившихся мне чеченцев я, как и было оговорено, сдал на руки их соратникам целыми и невредимыми. Еще и накормил. Правда, тем, что оказалось под рукой: тушенкой и хлебом — зато щедро. Поели они с благодарностью, и по всему было видно: с кормежкой у них в горах было явно негусто. Все — худющие как палки. Кажется, Ширвани Басаев сказал тогда: «Если бы мы так питались, то было бы гораздо легче».

А это были обычные консервы.

* * *

Дальше — 19 июня: тот день, когда Виктор Степанович Черномырдин вступает с террористами в исторические переговоры по телефону: «Это Шамиль Басаев?...» Решено: его отряд вместе с добровольными заложниками, журналистами и депутатами начинает движение из Буденновска в чеченское Ведено через Грозный. Уже есть информация: десятки тысяч чеченцев собираются выйти на дорогу, чтобы встретить отряд Басаева ликованием. По всей Чечне сопровождать его колонну намерены еще несколько тысяч земляков на легковых машинах. И представить себе нетрудно, что дальше произойдет в Грозном: воодушевленная многочисленная толпа просто сметет наши блокпосты, и через полчаса мы потеряем город. То, что это случится, у меня не вызывало никаких сомнений.

Во-первых, воодушевленный народ — это действительно сила: в таких обстоятельствах никто не решится открыть огонь по женщинам и детям, которые живым валом пройдут через все наши посты. Во-вторых, кроме диверсионных групп, которые сейчас растворены в

Грозном, у боевиков будет в наличии вооруженный отряд Басаева, удерживающий в заложниках 114 человек, 16 журналистов и 9 депутатов палат Федерального Собрания РФ. В-третьих, сама ситуация подскажет Басаеву, что лучший момент для взятия города просто невозможно придумать.

В сложившихся обстоятельствах падение чеченской столицы будет выглядеть как акт справедливой народной воли. Только так будет проартикулировано это в средствах массовой информации. В том числе и за рубежом, где наша война с террористами выглядит совсем по-иному и где такая неожиданная ее концовка будет означать одно: Чечня получила законное право на самоопределение. Доказательством этому станут многолюдные толпы безоружных людей, отбирающих автоматы у «ненавистных оккупантов», все то, что у нормального человека ассоциируется с борьбой за независимость и всегда вызывает симпатию. То, что при этом погибнет не один десяток солдат и милиционеров, вряд ли кого-нибудь заинтересует.

Стоило прислушаться к словам моего пресс-секретаря, полковника, а в последующем генерал-майора Александра Фурса, отыскавшего историческую аналогию с появлением в Риме лидера итальянских фашистов Бенито Муссолини. Некогда и он в окружении толпы вошел в столицу. Пришел и взял власть в свои руки. И никто не посмел выстрелить в народ. Очень точное сравнение, жизненное... Так случится через несколько часов в Грозном, если мы не завернем оглобли Басаеву. Всей колонне автобусов, уже вышедших из Буденновска по направлению к Чечне.

Времени было в обрез, и по телефону правительственной связи я сразу же связался с Виктором Степановичем Черномырдиным, взявшим на себя эту тяжелую ответственность переговоров с террористами и своим именем гарантировавшим им безопасность. Доложил коротко свои соображения и без всяких сантиментов подвел черту: «Я их туда не пущу!»

Черномырдин на минуту отвлекся от разговора: было слышно — он потребовал у помощников карту и какое-то время сверял маршрут басаевцев с моими словами. Понятно, что отъезд Басаева из Буденновска, еще недавно с таким трудом согласованный с боевиками, означал для Черномырдина только одно — избавление от этого многодневного кровавого кошмара. Люди в больнице были спасены и, как бы я ни относился к прямым переговорам премьер-министра России с Шамилем Басаевым, явившихся прецедентом в мировой практике борьбы с терроризмом, все-таки премьер сделал главное — спас от гибели тысячу человек и теперь имел право перевести дыхание. «Вот что, А.С., — сказал он мне, — колонна уже в пути, и я менять ее маршрут не буду. Но поскольку твои аргументы очень серьезные, действуй по своему усмотрению и под свою ответственность».

Захватив с собой Александра Фурса из миссии ОБСЕ, где мы принимали участие в очередных переговорах с Масхадовым и где застало меня известие о выходе из Буденновска колонны с боевиками и заложниками, я отправился на базу в Ханкалу. Чтобы наш отъезд из миссии выглядел в глазах чеченцев простой отлучкой и никого из них не насторожил, пришлось оставить даже БТРы сопровождения и мчаться в Ханкалу через Грозный без всякой охраны, уповая только на скорость и солдатское счастье.

Но добрались без проблем, и первое, что я сделал, сев за рабочий стол в штабе, так это спросил Фурса: «У тебя как с почерком?» «Не очень», — признался он. «Тогда смотри, — засмеялся я, — как заместитель министра и командующий войсками собственноручно пишет приказы...»

То, что я сообщал Басаеву, носило очень решительный характер и начиналось торжественно: «Во исполнение распоряжения председателя правительства РФ В.С. Черномырдина приказываю...»

Дальше указывался абсолютно новый маршрут движения в обход Чечни: через дагестанские города Кизляр и Хасавюрт. В селе Зандак Басаев должен был освободить добровольных заложников, находившихся в его колонне, и через Дарго проследовать на Ведено самостоятельно.

По этому плану путь басаевцев пролегал по тем районам Чечни, которые при всех

восторгах его обитателей, при всех возможных инцидентах не грозили нам никакими осложнениями. Тональность моих требований предполагала, что в случае если чеченские боевики вздумают самовольничать, я имею право начать их уничтожение. Однако, чтобы соблюсти высокую ноту предыдущих договоренностей премьер-министра и подчеркнуть, что даже с бандитами мы ведем себя честно, я сделал приписку: «Это не противоречит заявлению правительства России от 18 июня 1995 года.

Приказ одобрен Черномырдиным в 16.30 19.07.1995 года». И подписался: «Командующий А.С. Куликов». Завершила приказ казенная печать войсковой части № 5539 внутренних войск МВД России.

Стоящие на аэродроме «вертушки» уже молотили воздух винтами: передать этот приказ лично в руки Шамилю Басаеву я поручил генерал-майору Леониду Кузину, с чем он блестяще справился. Хоть и спорили, и препирались боевики с Кузиным, однако нарушить мое предписание не решились — пошли по новому маршруту и освободили заложников. Что-то им подсказало: при малейшем отклонении от маршрута я остановлю колонну и начну операцию по освобождению заложников.

Конечно, в сложившейся ситуации, когда гарантии безопасности террористам были даны самим председателем правительства Российской Федерации, своевольничать я бы не стал. Но решимости наказать боевиков за любое отклонение от маршрута или изменение сценария их возвращения в Чечню у меня было предостаточно. Я давно сформулировал для себя некие правила общения с террористами и отлично понимаю: безнаказанный террористический акт только множит опасность его повторения. Всегда найдутся охотники поставить государство на колени. Противопоставить этому можно только одно: справедливую жесткость к участникам подобного преступления. Каждый из них должен понимать: даже самый кровавый террор не достигнет цели, в то время как расплата обязательно наступит. И нет такого места на земле, где можно было бы укрыться от возмездия.

Как генерал, я не мог приветствовать решение Виктора Степановича Черномырдина, но как человек понимал, что движет им чувство обеспокоенности за жизни сотен заложников. Позднее, познакомившись с ним поближе, я увидел перед собой умного, совестливого политика и понял, что функцию полицейского переговорщика он взял на себя совершенно осознанно. В его поступке немало мужества, которое должно быть по достоинству оценено. Так что среди упреков, которые впоследствии прозвучали в его адрес, справедливыми можно назвать лишь те, которые касались его личных гарантий безопасности Шамилю Басаеву и боевикам его отряда при их возвращении в Чечню. Но можно понять и Черномырдина: помимо всего прочего, была в нем и нормальная человеческая досада на милицию, на контрразведчиков, на военных за то, что пропустили банду в тыловой город. За то, что в течение нескольких суток не смогли найти решения по нейтрализации террористов. Вот он и показал всем: беру ответственность на себя! Если что не так — не взыщите... Главное, чтобы бандиты убрались из города, а там будем разбираться, кто чего стоил в этой истории. Так, вероятно, протекал ход его мыслей, и, зная Черномырдина, теперь мог бы предположить, что причиной его видимой растерянности был, скорее всего, душивший его гнев.

* * *

Масштаб трагедии в Буденновске не оставлял сомнений, что выводы последуют самые серьезные. Разговаривая с Виктором Федоровичем Ериным, я, правда, не заметил в его словах ни обреченности, ни обеспокоенности по поводу собственной судьбы. Конечно, он переживал, но эти переживания были высокой человеческой пробы: за гибель людей, за семьи погибших, за разоренный город. Я и не догадывался, что в это же время сам Виктор Федорович, уже знавший о своей грядущей отставке, в качестве одной из трех кандидатур на должность министра внутренних дел Российской Федерации назвал и мою фамилию.

Логика подобных назначений на высший пост в Министерстве внутренних дел всегда

исключала назначение на него командующего внутренними войсками, который хоть и был по должности заместителем министра, но был далеко не первым заместителем и, что самое важное, в силу своей профессиональной военной подготовки даже в самом министерстве казался чуть-чуть чужаком в кругу милицейских генералов — специалистов уголовного розыска, следствия, организации патрульно-постовой службы и безопасности движения. Оперативная работа, следствие, криминалистика — вот что в общественном сознании представлялось как главная функция МВД, и этот триумвират важнейших правоохранительных профессий, словно майоры Знаменский, Томин и Кибрит из телевизионного сериала «Следствие ведут знатоки», почти всегда морально главенствовал в стенах МВД. Это нормально. Именно эти люди ежедневно идут в бой. На их плечи в первую очередь ложится тяжесть борьбы с преступностью.

Ерин был со мной абсолютно откровенен, когда рассказывал как было принято принципиальное решение: «Ельцин спросил меня: «Кого вы считаете целесообразным назначить?» Я назвал троих: двух первых заместителей и Куликова, подробно указав все их плюсы и минусы. Открыл все карты. Президент остановил выбор на вашей кандидатуре».

Назначить на эту должность командующего внутренними войсками — это признать, что центр тяжести точно такой же борьбы с преступностью несколько смещается в сторону Чечни. Что боевая работа там, не умаляя заслуг иных специалистов в области охраны общественного порядка и общественной безопасности, расценивается государством в качестве первостепенной задачи.

Это политическое решение!

Это расстановка акцентов, в которой фамилия претендента и его личные достоинства могут и не играть решающей роли. Технологические детали моего назначения на должность министра внутренних дел по большей части так и остались мне неизвестны. Но я особо ими и не интересовался.

Помню, что вскоре после назначения, на одном из загородных совещаний членов кабинета один из министров, кажется, Нечаев высказал свой взгляд на эту перемену: «Этот пост достался вам, А.С., в трудное время». На что я ответил: «В легкое время он бы, наверное, достался кому-нибудь другому...»

Чтобы поверить в мою искренность, достаточно сверить часы: это июль 1995 года. С точки зрения российского общества в политическом активе МВД почти ноль. В пассиве «непонятная война» в Чечне, цинковые гробы, коррупция, заказные убийства и всевластие делящего сферы влияния криминалитета. Нераскрытые убийства священника Александра Меня, журналиста Владислава Листьева, журналиста Дмитрия Холодова, предпринимателя Ивана Кивелиди... Финансовые пирамиды...

Далеко не каждому объяснишь, что следствие по большинству из так называемых громких дел ведет вовсе не МВД, а прокуратура или Федеральная служба безопасности. В общественном сознании прочно укрепилось мнение, что все связанное с поимкой и разоблачением уголовных преступников — дело милиции.

До назначения на должность была серьезная беседа с Черномырдиным. Ему важно было понять мои взгляды и оценить, насколько реалистично я представляю себе проблемы министерства и проблемы страны. Казалось совершенно нормальным, что после этой встречи меня вызовет и президент России, но Ельцин до подписания указа свои намерения никак не проявил. Быть может, оставлял за собой право на маневр — на последнее решение, перечеркивающее предыдущие планы и замыслы.

Повторяю: технические детали назначения мне неизвестны, да и по большому счету неинтересны. Ведь в этом случае не дворцовые интриги, а только интересы дела — очень прагматичные интересы масштабного государственного дела — направляли движение руки президента.

Когда указ был подписан, я позвонил домой, Вале. Как всякая жена, она порадовалась за мужа, вот только своим близким подругам вроде бы в шутку и в то же время совершенно серьезно так высказала свою обобщающую мысль: «Государство, как кажется, приобрело

хорошего министра, а вот семья потеряла хорошего отца и мужа». Она-то отлично понимала, чем отольется для семьи этот высокий министерский пост ее мужа, умудрявшегося и в иные годы проводить в командировках по двести суток в году.

Еще был важен и долгий, обстоятельный разговор с Виктором Федоровичем Ериным, который состоялся вскоре после подписания президентского указа о моем назначении. Кто-то назвал бы его передачей дел, однако история наших с Ериным взаимоотношений исключала какую-то холодно произведенную формальность. Разговаривали несколько часов. Среди прочего запомнил наказ своего предшественника: «Анатолий Сергеевич, сохрани систему!.. Сейчас тебе будет сделано много предложений «раскассировать» МВД на составные части. Не торопись принимать решение — изучи, вникни... Развалить просто. Но будет ли система после этого работоспособна?»

Вот этот наш давний разговор с Виктором Федоровичем Ериным я слово в слово передал Сергею Степашину, когда в свою очередь, после своей отставки, передавал ему пост министра внутренних дел.

Посчитал это своей обязанностью, искренне полагая, что изменение структуры МВД возможно только тогда, когда для этого созреют условия в обществе и станет очевидной необходимость глубокой реформы всей системы правоохранительных органов, судебной системы и системы исполнения наказаний. Без этого все изъятия и приобретения будут носить лишь косметический характер и не будут эффективны.

Конечно, ничего вечного на свете не бывает, а уж тем более может быть подвержена изменениям конфигурация любого министерства, если этого требуют время и обстоятельства, в которых оказалась страна. Но следует помнить, что с места на место легко перевешиваются только вывески, в то время как за каждой из них стоят множество людей. Их судьбы. Их заслуги. Их труд. Их надежды на будущее. ***

Теперь в хорошо знакомое мне здание министерства на улице Житной в Москве предстояло войти в новом качестве. И это произошло так, как я и хотел — буднично, без церемоний: от вестибюля до каждого поворота всех коридоров — мне все в нем известно. Как и работающие там люди. Любая командирская должность — хоть взводного командира, хоть командира целого министерства — предопределяет, что во всякое время на тебя обращены сотни и тысячи глаз. Все твои поступки отражаются в них. И каждый человек воспринимает тебя по-своему. И надо помнить об этом и всегда оставаться цельным, настоящим. Если на людях командир один, а дома — другой, если перед начальником он унижается, а потом в свою очередь унижает подчиненных, он быстро, как это говорят в милиции, «проколется»...

Мое вхождение в должность, хоть и было оно с формальной точки зрения обставлено должным образом — 7 июля 1995 года меня представил премьер-министр В.С. Черномырдин — на самом деле затянулась во времени. В связи с назначением я прилетел из Чечни и туда же 8 июля уже вернулся, так как участвовал в переговорном процессе. Снова прилетел через неделю, чтобы провести заседание коллегии министерства — то самое заседание по поводу событий в Буденновске, которое вначале оказалось неподготовленным и которое пришлось отменять. Можно сказать совершенно определенно: только через месяц после подписания указа президента о моем назначении я смог приступить к полноценной работе в качестве министра. Тогда-то и позвонил Б.Н. Ельцин, сообщил, что самолично хочет представить меня коллегии МВД и выступить перед ее членами. Это произошло уже в начале августа.

В Чечне к тому времени у нас сложилась довольно странная ситуация то ли полумира, то ли полувойны. С одной стороны, в ходе переговоров с чеченскими боевиками нам удалось достичь важного соглашения по военному блоку вопросов, с другой — все понимали, что эти договоренности могут рухнуть, как только Дудаев отдохнет после изнурительной военной зимы.

* * *

Это не самый сложный вопрос — верили мы или нет на переговорах с боевиками в добрую волю чеченцев. С военной точки зрения было понятно, что, запертые в горах, они вряд ли могли претендовать на масштабную военную удачу — на возвращение в Грозный и в освобожденные районы Чечни. Тут у нас сомнений не было: чеченцам, как воздух, нужно было время, чтобы привести в порядок свои разбитые, обескровленные отряды, и переговоры оставались их единственной надеждой на то, что под их дымовой завесой удастся реанимировать хотя бы какую-то их часть. Поэтому сегодня можно признать откровенно: сводя с боевиками в заведомо бесперспективных переговорах, нам просто выкрутили руки и не дали добить бандитов в горах. Хотя на тот момент Объединенная группировка федеральных войск располагала для этого всеми необходимыми силами и ресурсами.

Другое дело, что для окончательного разгрома чеченских НВФ не хватило воли именно в Москве. Война в Чечне, особенно так, как выглядела она в части российских и зарубежных средств массовой информации, представлялась как дело заведомо провальное, бессмысленное и грязное. Не освобождением всех народов, населяющих Чечню, а едва ли не очередным выселением чеченского народа. Как следствие — были еще и стремительно падающий рейтинг президента, и серьезное давление зарубежных государств, и хаотичная, маловразумительная внутренняя политика. За год до очередных президентских выборов стало ясно: «чеченский вопрос» является краеугольным камнем грядущих выборов, на которых суждено победить только тому претенденту, который либо закончит войну на самом деле, либо даст обществу гарантии закончить ее при первом удобном случае.

В этом смысле переговоры с чеченцами, о которых пойдет речь чуть позже, и для российского президента были такой же вынужденной мерой, как и для Дудаева, пытающегося получить передышку. Во всяком случае именно так казалось мне, хотя я и не оставлял надежды, что нам удастся договориться о мире по-настоящему.

После назначения на должность министра внутренних дел я, как уже упоминалось, тотчас вернулся в Грозный. Переговоры шли туго, но все-таки с небольшим перевесом в пользу федерального центра.

С нашей стороны в переговорах, кроме меня, участвовали Аркадий Иванович Вольский, Вячеслав Александрович Михайлов, Николай Иванович Семенов, Михаил Александрович Краснов. Со стороны боевиков — Усман Имаев, бывший у чеченцев за старшего, Ахмед Закаев, Ахмед Идигов, Аслан Масхадов, Хожрахмед Ериханов и Руслан Гелаев, который появлялся редко. Связующим звеном между чеченцами-переговорщиками и Дудаевым выступал уже описанный мной Ширвани Басаев.

Состав чеченской делегации время от времени менялся, но, как правило, костяк ее составляли вот эти люди. В это время и наша команда тоже иногда усиливалась то генералом Анатолием Романовым, то Владимиром Зориным, то иными специалистами, оказывавшими очень серьезную помощь в ходе тяжелых переговоров, где шел бой за точность каждой юридической формулировки, за верное толкование явных и скрытых смыслов каждого слова, которое должно было попасть в итоговый документ.

Работа строилась так: в течение двух-трех дней прямо с голоса надиктовывался военный блок соглашений. Мы часто совпадали с чеченцами во мнении: все было давным-давно выстрадано и редко когда наши позиции казались несовместимыми. Чеченская сторона согласилась с абсолютным большинством наших предложений. Но все застопорилось на политическом блоке. Однажды буквально несколько десятков минут нам не хватило на то, чтобы в итоговый документ была внесена фраза, определяющая статус Чечни в качестве субъекта Российской Федерации. Даже сам Усман Имаев, руководитель чеченской делегации, уверял меня: «А.С., не волнуйтесь — мы подпишем, мы доведем это дело до конца...» Но чем дольше шли переговоры, тем дальше отдалялись мы от этой принципиальной договоренности: долгие и частые консультации чеченской стороны с Дудаевым расхолаживали чеченцев, и становилось понятно, что к соглашению по поводу статуса нам не прийти.

Быть может, это и удалось, если бы тогда же было найдено это юридически корректное

и мало к чему обязывавшее нас определение «отложенного статуса», но чего не случилось — того не случилось... В общем, договоренности по политическому блоку не состоялись, но в свою очередь появлялись перспективы, что будет подписано хотя бы соглашение по военному блоку вопросов.

Но ничего не доставалось легко. Каждый переговорный день чеченцы начинали в агрессивном ключе. Как только мы садились за стол переговоров, обычно поднимались Масхадов или Имаев и зачитывали очередную гневную бумагу о том, что мы не соблюдаем условий переговоров. То, дескать, опять федералы расстреляли каких-то чеченцев, то якобы в лагерях под Ассиновской, в ямах и цистернах томятся какие-то люди...

«Пожалуйста, — говорил я, — вот вам вертолет, вот сопровождающий. Летите, удостоверьтесь, что этого нет и в помине». Три или четыре раза они съездили и убедились: все это ложь и провокации. Для достоверности, правда, однажды прибегли к очень коварной тактике: загодя боевиками была уничтожена самая бедная семья самого бедного и невлиятельного тейпа, а трупы предъявили в качестве доказательства преступлений федералов.

Это произошло в середине июля.

После того, как пришло это известие, собрался стихийный митинг, на котором Аркадию Ивановичу Вольскому и Вячеславу Александровичу Михайлову пришлось, честно говоря, тяжело.

Доказываем: боевики убили семью расчетливо, цинично — будто в жертву принесли ради собственного дела. Да еще так обставили убийство, чтобы не вызвать мести сородичей. В конце концов Чечня — все-таки не самая большая республика на свете и все концы в ней не спрятать.

Но и с подобным нам пришлось столкнуться на переговорах.

Я понимаю, что и внутри самой чеченской делегации все было не так просто. Кажется, в предпоследний день неожиданно исчез Имаев, а нам заявили, что его заменит Ериханов. Как-то уже все притерпелись и притерлись друг другу. Тем более, что речь идет о смене не рядового члена делегации, а руководителя. «Нет, — сказали мы, — Ериханова мы знать не знаем. Полномочия представлены на Имаева. Как хотите, но возвращайте за стол переговоров прошлого руководителя». И чеченцы были вынуждены согласиться: Имаев вернулся, и это его подпись стоит под итоговым документом.

Да и во всех других отношениях далеко не по-джентельменски вели себя чеченские бандиты. Записано, скажем, в проекте соглашения по военному блоку фраза по сути вводная: «В соответствии с законом об обороне РФ стороны обязуются то-то и то-то...», а Закаев буквально умоляет: «Ну давайте уберем отсюда две буквы — «эр» и «эф». Нам это нужно, чтобы не раздражать людей тем, что речь идет о законе Российской Федерации. Пусть думают, что о нашем, чеченском... Не будет букв, не будет проблемы». Я категорически отказываюсь. Наконец выходит и нервно курит умнейший человек Аркадий Иванович Вольский: «А.С., да хрен с ними — давай уберем буквы. Ну подумаешь, проблема... Ясно, что о нашем законе идет речь — у чеченцев его и в помине нету».

Нехотя соглашаюсь. Уступаю Вольскому, которого знаю и уважаю еще со времен конфликта в Нагорном Карабахе: он искренне и не без оснований опасается, что если мы будем настаивать на своей позиции, то подписание соглашения может и вовсе сорваться. Но каково же наше удивление на следующий день, когда чеченцы привозят задним числом напечатанный за прошедшую ночь свой закон об обороне. Об обороне Чеченской Республики Ичкерия и вроде как радуются, что им удалось нас надурить: дескать, именно на этот закон они вчера и ссылались...

Я им в глаза сказал: «Как же вам не стыдно? Разве так поступают? Вот точно так вы и воевали все время. Вы неспособны на честную игру!»

Не то, чтобы мои слова их устыдили, но в течение всех переговоров, будучи кавказцем по месту рождения, я по-кавказски себя с ними и вел. Они мне «вы», а я им «тыкал», как старший. И ничего: даже очень дружно вставали, когда я входил. А в последнюю ночь

переговоров я их и вовсе не выпустил из миссии ОБСЕ, когда они снова засобирались к Дудаеву для очередных консультаций. Так и сказал: «Не выпущу вас отсюда, пока не подпишем военный блок соглашения. Хватит валять дурака. 45 суток уже идут переговоры. Либо мы их прервем в одностороннем порядке».

Чтобы они поняли, что я не шучу, я Романова попросил очень решительно: «Давай, Анатолий, заводи БТРы! Грузимся и уезжаем! А этих, — я кивнул в сторону чеченской делегации, — даже и провожать не надо. Как-нибудь сами доберутся...»

Чувствую: заволновались. Короче говоря, выпустил к Дудаеву для консультаций только Ширвани Басаева, и утром он вернулся с проектом. Чеченцы еще посовещались, но в 4 часа 12 минут 31 июля 1995 года все подписали и даже подняли за успех переговоров по бокалу шампанского.

По меркам того времени это была хоть и малая, но победа. Достаточно того, что наши совместные с боевиками договоренности хотя бы заронили надежды на то, что миром и словом мы можем достичь неких компромиссов. Дудаев, заинтересованный прежде всего в выигрыше времени, кажется, обеспокоился тем, что, помимо него, на политическую сцену Чечни вышли новые люди — участники переговоров со стороны боевиков, которые уже фактом своего присутствия во время диалога заработали собственные имена и, следовательно, моральное право действовать без оглядки на Дудаева.

Весьма символичен дословный текст радиоперехвата, полученный нами уже 2 августа, в котором Дудаев, обозначенный позывным «Президент-ОЧ» вступает в дискуссию с Беркутом-Ч. В то время это позывной Масхадова.

«Время 18.00.

Президент-ОЧ — Беркуту-Ч: Слушай, зачем ты, осел, отменяешь приказы президента? Я дал приказ собрать все силы для нанесения удара, пока русские не ввели новые войска. Я дал приказ поднимать весь народ для того, чтобы перегордить (Так в тесте. — Авт.) работу русским захватчикам... А ты, ослиная голова, даешь команды всех распустить. Почему народ слушает твои команды, а не мои приказы? Я мир с Россией не подписывал и пока подписывать не собираюсь. А ты, если еще раз помешаешь мне работать, я тебя уберу, понял?

Беркут-Ч — Президенту-ОЧ: Я понял, а теперь отвечу на твои вопросы. Во-первых, я никогда не приказывал, поэтому народ меня больше слушает. Во-вторых, война уже всем надоела, все от нее устали. И если Россия доверила подписать мирный договор с ней, значит, мы должны держать свое слово.

Президент-ОЧ — Беркуту-Ч: Во-первых, я мир не подписывал, а я — глава государства. А значит, договор недействителен. Значит, продолжается война и то, что там написано на бумажках, не имеет реального смысла. Я подниму народ на войну, народ мне верит. А значит, Россия примет мои условия мирного договора.

Беркут-Ч — Президенту-ОЧ: Нет, народ тебе больше не верит, ты его обманул, и началась бессмысленная война, которая никому не нужна. Тебе преданы лишь несколько блохастых, ободранных, диких шакалов, которые, как и ты, хотят войны, а народ против всякой войны.

Президент-ОЧ — Беркуту-Ч: Я тебя уничтожу...»

И уже совершенно в других тонах идет разговор 3 августа 1995 года между Президентом и неким Орлом, который, по версии Масхадова, олицетворяет собой верных президенту Ичкерии людей:

«Время 18.30–18.40.

Президент: Ты подготовил своих черных?

Орел: У них все по-прежнему, даже лучше. Когда будем делать удар?

Президент: Я собрал 14 стай. Они готовы прыгнуть. «Гроза» будет по моей команде. До связи...»

Этот разговор — лучшее доказательство, что у Дудаева на уме. Он копит силы, он не оставил надежды нанести удар, он не желает признавать итоги прошедших переговоров. И

хотя почти на наших глазах он чистит Масхадова за то, что тот отдает приказ прекратить боевые действия, следует признать, что всякий раз наша добрая воля, проявленная в отношении боевиков НВФ, нам же и выходила боком. Сейчас Масхадов огрызается, но правда состоит в том, что, даже рассорившись, полевые командиры через какое-то время снова выступали против нас солидарно.

Командные высоты

Можно сказать и так, что целый месяц после своего нового назначения я, находясь в Чечне почти безотлучно, продолжал пребывать в положении фронтового генерала. С одной стороны, я был министром внутренних дел России, с другой — обязанности переговорщика, возложенные на меня руководством страны, конечно, очень сильно привязывали меня к реалиям продолжающегося военного конфликта. Чтобы вести переговоры достойно — мало иметь полномочия и ранги. Надо досконально знать обстановку и предвидеть любые ее изменения. Нужно буквально жить внутри словесных конструкций, из которых в конце концов и могут сложиться какие-то соглашения, договоренности.

Необходимо проигрывать в голове и всевозможные реакции наших партнеров по переговорам: они не только коварны, но, как это свойственно матерым уголовникам, имеют выраженную склонность к аффектации. В то же время и они — живые люди. Их страшит расплата за содеянное. Поэтому почти каждый из них торопится получить неофициальные гарантии будущей безопасности: одни пытаются слить как можно больше ценной информации, другие откровенно торгуются. И все вместе набивают себе цену. Так что переговоры, если учитывать и их невидимую, закулисную часть — не прерываются ни на минуту.

Как бы велика ни была наша Россия, все же именно здесь — в Чечне — теперь находится ее самая болевая точка. Здесь еще не наступил мир. Здесь гибнут люди, а значит, нет для федерального министра, ответственного за правопорядок в стране, иного кабинета, кроме армейской палатки на нашей военной базе в Ханкале...

В то же время это месяц очень серьезных размышлений. Ведь в моей судьбе произошло нечто большее, чем обычное назначение на следующую по счету ступеньку карьерной лестницы. Не потому, что высота кажется головокружительной, а потому, что велика ответственность. За всю российскую историю на посту министра внутренних дел перебивало немало народа. Были среди них и крепкие профессионалы полицейского дела, и очевидные середнячки, имена которых помнят разве что ведомственные летописцы. Вместе с тем в перечне министров разных лет и эпох российской истории значатся фамилии Петра Столыпина, Алексея Рыкова, Феликса Дзержинского, Генриха Ягоды, Николая Ежова, Лаврентия Берии, Николая Щелокова, Виталия Федорчука, Бориса Пуго, Виктора Баранникова. Это только знаковые фигуры. О каждом из них в народе свои воспоминания — далекие и близкие, добрые и не очень. Представить себе, что в этом списке — в самом его окончании — появилась и твоя собственная фамилия, это значит крепко задуматься о том, какую память о себе ты оставишь и своим современникам, и грядущим поколениям.

Было бы ошибкой считать это министерское, это наркомовское место тихой безопасной заводью. Террористами убит Петр Столыпин. Из наркомов сталинской поры осуждены и расстреляны А. Рыков, А. Белобородов, В. Толмачев, Г. Ягода, Н. Ежов, Л. Берия. Два министра — Н. Щелоков и Б. Пуго — застрелились. Три министра в разное время — в 1991 году (Б. Пуго) и в 1993 году (В. Баранников и А. Дунаев) — впадали в мятеж. Большая часть министров, которых за двухсотлетнюю историю этого почтенного государственного ведомства насчитывалось чуть более шестидесяти человек — прославилась в Отечестве как труженики. Но были среди них и такие, с чьими именами связаны самые страшные злодеяния XX века: массовые политические репрессии и внесудебные расправы над миллионами ни в чем не повинных сограждан. Хочешь — не хочешь, но приходилось мириться с мыслью, что Ягода или Ежов, при которых мой отец был осужден за «подрыв

кооперативного движения», и Берия, при котором он сидел, с формальной точки зрения были точно такими же министрами, и это за их рабочими столами буднично и просто решались судьбы людей, обреченных на казнь, лагерные отсидки, на голод, на разлуку с родными и близкими.

Не стану тратить время на исторические оценки и жизнеописание не знакомых мне лично людей: историей их судеб детально занимаются квалифицированные историки, одному из которых — Владимиру Некрасову, автору книги «Тринадцать железных наркомов» — я продиктовал часть своих воспоминаний. Уже для другой книги, в которой речь идет о министрах, занимавших свои посты в брежневскую, постбрежневскую, горбачевскую и ельцинскую пору отечественной истории.

Конечно, как любой человек, я радуюсь, если кто-то высоко оценивает сделанную мной работу. В то же время и устроен я так, что никогда не стану ломать себя ради должности или поста. Если путь к звездным высотам ведет через предательство, через интриги — мне не составит труда ответить прямо и бескомпромиссно: «В этом я участвовать не буду!..» Еще раз повторяю: меня выбрало время, и лишь ему одному я благодарен за рекомендации и положительные характеристики...

Но тем не менее среди прославленных и бесславных имен своих предшественников я должен был найти свое место. Не скрою, два имени в некотором смысле послужили для меня ориентирами. Во-первых, это Петр Аркадьевич Столыпин, о котором, кроме «стольпинского вагона» и «стольпинского галстука», осталась и добрая память как о государственном человеке — мужественном и неподкупном. Каждая минута его жизни была посвящена Отечеству, его интересам. И сегодня самой высокой оценки заслуживает его поведение, когда, предупрежденный о готовящемся на него покушении, он без тени страха продолжал исполнять свой долг.

Узнав, что в Саратовской области был открыт памятник Петру Столыпину, я послал организаторам этого мероприятия приветственную телеграмму. Жаль, что не удалось съездить туда самому, но хотя бы так я подчеркнул: имя и дело Столыпина до сих пор очень много значат для России и лично для меня.

Другой мой предшественник, деятельность которого на посту министра внутренних дел СССР, как кажется мне, принесла много пользы и стране, и милиции, и внутренним войскам — это Николай Анисимович Щелоков, генерал армии, руководивший МВД в течение долгих шестнадцати лет. Я не знаю доподлинно, что произошло в конце его, карьеры когда лишенный всех званий и наград, кроме боевых, он собственноручно поставил точку в своей судьбе, но, как и многие офицеры, подраставшие в пору его могущества — я видел и чувствовал результаты государственной работы Щелокова. Не мифы, а его дела я и возьмусь оценивать, отмечая прежде всего первые годы его руководства МВД страны. Строго говоря, только при нем офицер милиции почувствовал себя человеком: с именем Щелокова связаны и выплаты за специальные звания, и массовое строительство жилья для сотрудников внутренних дел, иные социальные гарантии. Если кто и возразит: дескать, это мелочи, достойные лишь внутриведомственной похвалы, но из таких мелочей и складывается репутация сильной системы, с которой десятки тысяч людей накрепко связывают свою судьбу. Они по праву гордятся своей работой. Своим социальным статусом. Без колебаний они идут в бой с преступниками, твердо рассчитывая на то, что их самопожертвование будет оценено по достоинству, а их семьи в случае гибели или увечья не останутся без помощи. Это очень сильный мотив. Без него все расплывется по швам...

Не исключаю, что в последующем у Щелокова и были какие-то серьезные ошибки и провинности, обусловленные прежде всего его высоким положением в партийно-хозяйственной иерархии государства. В тот день, когда министром стал я, жизнь Николая Анисимовича Щелокова и его трагическая гибель уже являлись далекой историей и мало кого волновали. В нынешней исторической эпохе его имя, во многом мифологизированное и очень сильно запачканное — кажется только символом стагнации. Но я уверен, что всякого человека надо судить справедливо — без оглядок на посмертную славу.

Хорошее должно жить и служить потомкам. Худое — если оно есть — тоже должно служить нам уроком и напоминанием, что каждому из нас когда-то придется подводить жизненные итоги.

Честно говоря, я счастлив тем, что должность министра внутренних дел никак не искалечила меня, а мне не пришлось повторить участь многих моих предшественников, из которых мало кто кончил добром... Я рад, что совесть моя чиста: нигде не сподличал, никого не обманул. И в любом уголке России, и за рубежом — мне нигде не нужно прятаться от человеческих глаз или оправдываться за ошибки и просчеты. Это я воспринимаю как кредит доверия, как запас собственной прочности на будущее.

Везде принимают меня радушно, и я чувствую, что в этом нет наигрыша или дежурного гостеприимства. Когда после своей отставки с поста министра я оказался по делам в США, директор ФБР Луис Фри, узнав о моем приезде в Вашингтон, прервал свой отпуск и устроил в мою честь прием в своей штаб-квартире. Так же и министр внутренней безопасности Израиля Агвидор Кахалани, когда я приехал в эту страну, мгновенно вышел на меня и сообщил, что будет обижен, если я не приму его предложения прийти на товарищеский ужин.

Хлопоты Фри и Кахалани по поводу моей персоны можно назвать и обычной вежливостью. Можно попробовать объяснить еще и прагматизмом западных «спецслужбистов», надеющихся выведать у бывшего и, возможно, обиженного властью министра какие-то новые «секреты Кремля». Но я-то видел, что это были искренние знаки внимания российскому генералу, имидж которого с их точки зрения непоколебим, а отставка никак не связана с позором, с грязью или бесчестьем. В противном случае они бы оббежали бы меня за версту.

* * *

Это то, что касается своего места в списке руководителей российского МВД. Не стану скрывать, мне хотелось, чтобы время моей работы на посту министра не было ознаменовано никакими потрясениями. Это не значит, что следовало оставить в неприкосновенности очевидные изъяны системы, среди которых самыми серьезными мне казались и коррумпированность довольно большой части сотрудников внутренних дел, и низкая эффективность борьбы с преступностью, и бездушие, так часто проявляемое милиционерами к согражданам.

Технология министерской работы была мне в принципе известна. Все-таки до своего назначения я два с половиной года был заместителем министра, и этот ранг, помимо дополнительных властных полномочий, давал возможность неплохо изучить те направления деятельности Министерства внутренних дел, которые раньше не касались меня напрямую: уголовный розыск, борьбу с организованной преступностью, экономическими преступлениями и незаконным оборотом наркотиков и многое-многое другое.

Во-первых, в МВД существовало правило, предписывающее всем заместителям министра, если они не находились в командировке с ведома руководства, докладывать на еженедельном совещании, проводившемся по понедельникам в кабинете министра, обстановку, складывающуюся в зоне их ответственности. Я, будучи командующим внутренними войсками, в свою очередь информировал о наиболее крупных боестолкновениях с бандитами, происшествиях и потерях, проблемах материального обеспечения и планах на текущую неделю. Примерно также выстраивали свои доклады другие мои коллеги по министерству. Поэтому общая картина в масштабе страны была понятна всем и круг информированных лиц хоть и не был широк, но был достаточен для того, чтобы обеспечить взаимозаменяемость всех высших чинов министерства. За рамками таких докладов оставались какие-то совершенно секретные детали конкретных операций или политических решений деликатного свойства, но это никак не влияло на стратегию и тактику управления министерством.

Я много ездил по стране, знал многих руководителей субъектов Федерации и руководителей региональных министерств и управлений внутренних дел. Неплохо разбирался в обстановке на местах и не ленился интересоваться жизнью людей, которая была обусловлена территориальными, экономическими и национальными особенностями того или иного региона России.

Во-вторых, каждый из заместителей министра время от времени исполнял важную обязанность дежурного по министерству. А значит, принимал доклады от структурных подразделений, во что-то вмешивался, что-то утрясал, что-то брал на заметку. Жизнь страны, расположенной в одиннадцати часовых поясах, круглосуточная работа мощного министерского механизма — все это также сказывалось на кругозоре дежурного руководителя, когда в силу чрезвычайных обстоятельств он вынужден принимать быстрые и жесткие решения.

В-третьих, мне были понятны и близки те вещи, что лежат в основе полицейского труда — оперативной работы, следствия, криминалистики, организации патрульно-постовой службы. А в некоторых случаях, как это было во время освобождения заложников в аэропорту Минеральных Вод, мне самому приходилось возглавлять операции, которые уже нельзя было назвать войсковыми, а скорее — полицейскими, так как в них применялись в основном силы сотрудников милиции. Их тактика и их методы.

Все эти аргументы убеждали меня самого: «Справлюсь!» И не на уровне имитации, когда человек только хочет выглядеть как всамделишный министр, а так, чтобы принести реальную пользу и состояться в качестве настоящего руководителя огромного силового ведомства. Чтобы не шептались за спиной: дескать, назначен не по таланту. Чтобы не посмеивались втихаря над нелепыми приказами. Чтобы во всем оказаться достойным своих подчиненных — тех людей, что несут на себе тяжесть борьбы с преступностью и по-настоящему живут этой борьбой.

Были и аргументы «против»... Хотя я мог рассчитывать на поддержку президента и председателя правительства, но догадывался, что в политике и в экономике страны существуют запретные даже для министра внутренних дел зоны, куда, скорее всего, мне проникнуть просто не дадут. Либо ударят по рукам, либо попытаются связать «деловыми интересами» или «особыми условиями». Что это значит на деле, я еще не знал, но догадывался: несколько групп влияния, контролирующие самые доходные отрасли отечественной экономики и средства массовой информации, сейчас, пока я сижу в Чечне и торгуюсь с Имаевым и Масхадовым за каждый оружейный ствол, по крупницам добывают информацию обо мне. Был ли в чем замаран?.. На что «клянет»?.. Чья крестатура?.. В какой шубе ходит жена?..

Наверное, был и элемент недоумения: как же, какой-то окопный генерал, и вдруг выбился в министры... В печати на всякий случай дали залп, но легко — для отстратки, давая понять, что есть сила и посильнее силового ведомства, а мой удел — это солдатская лямка в Чечне и хулиганы на улицах. Большой бизнес, где обращались и разворовывались миллиарды долларов, где покупались и продавались государственные чиновники любого калибра, где как грибы подрастали так называемые олигархи, — по мнению участников высокой дворцовой игры — был вне моей компетенции. В ней все было запрограммировано, рассчитано и расписано на годы вперед... Сразу после президентского указа позвонил Коржаков, поздравил и пригласил отметить в Президентском клубе на улице Косыгина. Держался он ровно и доброжелательно, хотя я понимал, что мое назначение, состоявшееся без его ведома, его несколько озадачило. Я ничем ему не был обязан, не был замечен в близости к определенным финансово-промышленным группировкам, и он еще решал, как воспринимать меня в должности министра: как врага, союзника или убежденного нейтрала?

И эти аргументы я проанализировал, и сам удивился их ничтожности. Я действительно ни в чем не был замаран и не собирался мараться в будущем. Боевая биография, обстоятельства моего назначения и собственные убеждения давали мне возможность оставаться слугой именно Закона — человеком, равноудаленным от любых

финансово-промышленных групп и обслуживающих их политиков. Если в пиратской атмосфере сколачивания первых капиталов многое кажется аморальным, означает ли это, что другой человек, исповедующий мораль, должен отойти в сторону и в бессилии развести руками? Воли, чтобы противостоять любому нажиму, у меня было предостаточно.

Решил так: работать буду честно, а там посмотрим... Тактика прямолинейных ходов тут вряд ли поможет, но и заигрываться не стоит. Пока есть запас времени, стоит разумно использовать выгоды своего положения: реформировать те структуры министерства, которые в этом нуждались, расширить плацдарм и накопить информацию о новом для меня мире расхищения капиталов и государственного имущества — столь масштабного, что в денежном выражении оно равнялось годовому государственному бюджету Российской Федерации...

* * *

Начал я с того, что очень подробно побеседовал с каждым из начальников главных управлений и управлений МВД страны, которые «замыкались» непосредственно на министре. Заняло это три месяца, и каждая из этих бесед, касавшаяся, на первый взгляд, совершенно сухой темы — изменения организационно-штатной структуры всего министерства, — на самом деле представляла собой жизненно важную проблему для всей системы и всех работающих в ней людей. Как повысить эффективность каждого из управлений? Сколько должно быть в них людей и сколько эти люди должны получать за свой труд? Сколько генеральских, полковничьих, лейтенантских и сержантских должностей, а следовательно — какие служебные перспективы появляются или отнимаются у сотрудников милиции, служащих вневедомственной и противопожарной охраны, работников пенитенциарных учреждений, внутренних войск? Сколько техники и оружия? Сколько учебных заведений? Сколько продовольственных пайков и командировочных расходов? И еще многое другое включает в себя понятие организационно-штатной структуры — основы, влекущей за собой расчет и расходы бюджета. Ведь министерство, каким бы делом оно ни занималось, это прежде всего хозяйство. И как любое хозяйство, в том числе и домашнее, оно содержится в порядке или, наоборот, в разрухе. Может быть, не каждому человеку нравится сверять свои возможности с потребностями, но он все равно вынужден это делать каждый день. Иначе ему не свести концы с концами.

Вот точно так же, просто в иных масштабах, делает это и министерство. Но с той лишь разницей, что оно в своих расчетах не может себе позволить ошибиться даже на рубль: кому-то не хватит заработной платы, горючего для розыска преступников, жилья, компьютеров и т. п. Не говоря о том, что при выделении денег из государственного бюджета тебе, министру, не раз скажут скрипучим голосом: «Мы столько вам дали в прошлый раз!.. Где, собственно, результаты?..»

Это справедливый вопрос... Результат работы Министерства внутренних дел — это спокойствие страны. Не количество заключенных в исправительных учреждениях, а количество по-настоящему раскрытых преступлений. Нормальная работа тысяч предприятий, которым не нужно расплачиваться с бандитскими «крышами». Порядок на улицах. Перехваченные и уничтоженные тонны наркотиков. Выявленные коррупционеры. Возвращенные государству деньги и ценности, среди которых бывают и произведения искусства, ценность которых просто невозможно установить: ведь они являются достоянием всего человечества.

Повторяя всем известные истины, я хотел бы подчеркнуть, что именно рачительное ведение хозяйства является одной из главных обязанностей министра. Сам я не раз с благодарностью вспоминал профессора Академии Генштаба генерала Германа Кириленко. По его настоянию в свое время я взялся за изучение экономики и, защитив две диссертации, получил ученые степени кандидата, а впоследствии и доктора экономических наук.

Это случилось гораздо раньше, но экономические знания очень пригодились на

министерском посту. И для того, чтобы осмысленно руководить денежными потоками и пресекать их разворовывание внутри министерства. И для того, чтобы эти деньги, направленные государством для обеспечения правопорядка и борьбы с преступностью — в конце концов дали ожидаемый эффект.

Когда в результате этих бесед и практической работы мне стали ясны все самые насущные проблемы МВД, я поставил задачу, чтобы каждое главное управление, входящее в министерство, подготовило свою концепцию развития — свое видение перемен, которые следовало провести до 2005 года.

На расширенном заседании коллегии министерства в конце августа 1995 года, где президент России Б.Н. Ельцин представил меня повторно и самолично, я доложил ему о замысле наших реформ. Он их одобрил, и уже 29 октября мы направили в Кремль коллегиально выработанную концепцию развития МВД. Реформы предлагались совершенно новаторские по духу, но в то же время учитывавшие лучший международный опыт.

На пути к реформам я не боялся приобрести в кругу коллег славу педанта и жесткого командира: был и остаюсь сторонником планомерной работы, когда и сам я, и мои подчиненные должны выкладываться, и выкладываться на совесть. Получается это тогда, когда каждый день, неделя, месяц рассчитаны по часам. Планирование своего времени для меня, как и для каждого армейского командира, является совершенно естественной вещью, к которой сызмальства приучают в военном училище любого курсанта. Ведь он по роду своей деятельности — педагог, а в учительском деле, где каждое новое знание должно лечь на фундамент уже усвоенного урока, без плана не обойтись.

Нет, не рабом плана или инструкции должен быть человек, но, что ни говори, дисциплина не является сильной чертой нашего национального характера. Отсюда и пословица: «В России чтут царя и кнут...»

В бизнесе, там, где заработок человека очень четко увязан с его работоспособностью и квалификацией, действует иной закон — закон материальной заинтересованности в результатах собственного труда. Там никто не станет держать лентяя или глупца, потому что лень и глупость никогда не приносят прибыли. В государственном учреждении, на государственной службе, там, где результат труда не всегда можно измерить рублевой линейкой, этот закон практически не действует. «Не стой, если есть возможность сесть. Не сиди, если есть возможность лечь» — в этом суть старого солдатского правила, которое мгновенно применяется на службе, если нет строгого контроля начальника и командира. Поэтому, внедряя жесткое планирование работы своих подчиненных, я преследовал одну цель — завести механизм контроля за повседневной работой. И курс лекций прочел своим генералам, разъясняя тонкости новой для МВД системы планирования и отчетности. И закончил его тревожными для многих словами: «Отныне быть посему. Я даю вам полгода на внедрение системы. Через полгода начну спрашивать строго и взыскательно. У кого не получится — тот будет уволен».

Эти мои действия были несколько неожиданно интерпретированы в средствах массовой информации. По всему выходило, что «солдафонское» требование генерала Анатолия Куликова зашло так далеко, что даже розыскники, в работе которых действительно много творчества и интуиции, — даже они — вынуждены вместо поимки преступников писать никому не нужные планы. Дескать, проверить гармонию алгеброй невозможно, а если это так, то нужно оставить творцам свободу самовыражения. Тем более, что оперативные работники и следователи и без того перегружены уголовными делами, и лишнего времени у них просто не бывает. Сообщалось, что «армейский» генерал Куликов замахнулся на святое и требует от оперативного состава ношения форменной одежды даже во время негласных встреч с агентурой...

Во всем этом не было ни слова правды: то, что касалось творческого вдохновения — все это осталось без каких-либо изменений и регламентирования. Половину центрального аппарата МВД составляют оперативные, оперативно-поисковые и оперативно-технические службы. Суть их работы как раз и заключается в том, чтобы действовать скрытно, ничем не

привлекая к себе внимания окружающих. Это сыщики. Это разведчики, действующие зачастую во враждебной среде. Многие из них форму офицера милиции надевают только для того, чтобы сфотографироваться для служебного удостоверения. И совершенно немыслимо для них появление в форме на людях. Мало того, что за это они могут заплатить собственной жизнью, но они могут подвергнуть смертельной опасности и жизни своих информаторов в уголовной среде. Это понятно. У меня и мысли не возникало, чтобы менять установившиеся веками правила игры.

Другое дело — многочисленная часть сотрудников МВД, служба которых протекает в приемных, в штабе, в дежурной части. Там форменная одежда просто необходима, потому что она является непременным атрибутом принадлежности к силовой структуре. Это не кооператив сторожей, а государственное учреждение, в котором форма и знаки различия его сотрудников символизируют государственную значимость их дела и их ответственности перед законом. Дежурный майор милиции в Якутске во всем равен дежурному майору милиции в Москве. Офицер патрульно-постовой службы в Рубцовске должен выглядеть точно так же, как и его коллега, патрулирующий Арбат. Каждый из них олицетворяет мощную, сплоченную, дисциплинированную систему, способную непреклонно преследовать любого нарушителя закона, где бы он ни находился. Так устроена полицейская служба повсюду, и я не делал открытий, принуждая к ношению формы тех сотрудников милиции, которые осуществляют штабные, дежурные или представительские функции. Люди, обращающиеся в милицию за помощью, должны видеть, что в их делах участвует само государство, и оно не постоит за ценой, чтобы найти и обезвредить преступника.

Я видел, что наши люди стали собраннее, а пресловутые планы волей-неволей заставляли милицейских руководителей рационально рассчитывать собственное рабочее время и как следствие — требовать того же и с подчиненных. Не формально, а по совести. А вскоре, после периода недовольного ворчания, пришло понимание, что система вполне разумна и эффективна.

В то же время и у меня появился очень мощный рычаг контроля. Приезжаю, допустим, в N-ский СОБР (Специальный отдел быстрого реагирования. — Авт.), прошу: «А теперь покажите ваш боевой расчет...» Ну мне и показывают стандартные листки, где под копирку воспроизведены несколько элементов боевого порядка — период захвата здания, освобождение заложников из автобуса и что-то в этом роде. Спрашиваю: «А сейчас вы чем занимаетесь?» Отвечают: «Ничем». «Хорошо, — говорю, — ответьте мне, где сейчас вы должны находиться по боевому расчету?» Жмут плечами: «Где командир скажет, там и будем...» «Нет, — говорю я, — так нельзя! По всем правилам сейчас вы находитесь в положении дежурства на пункте постоянной дислокации. В любую минуту может последовать тревога, а у вас снайпер Иванов заболел... Кто, спрашивается, в это самое мгновение у вас выполняет роль Иванова?» Опять недоуменно переглядываются. Как же так? В этом и соль боевой службы и суть боевого расчета, где каждый знает свое место и свою задачу.

Бывает и так: нет Иванова, нет снайпера... Зато есть Петров — имеющий соответствующие навыки. Вот закономерное решение командира: «Значит, Петров, сегодня ты — снайпер!» Вот твой второй номер! По тревоге ты должен выезжать вот в этой машине! С собой, кроме собственной экипировки, берешь еще и эту... Понял? — «Так точно, понял!» И вот уже все на своих местах и, действительно, готовы реагировать на любую опасность не только быстро, но и со знанием дела. А как по-другому? Какая тут, спрашивается, разница между военной методикой принятия решений и методикой принятия решений в милицейском СОБРе? Да никакой!..

* * *

Я окончил военное училище, две военных академии, имею ученую степень и звание. Мне часто приходится читать лекции студентам, а потому знаю, насколько важно для

любого человека вовремя выучиться в хорошей школе.

Став министром, с удивлением обнаружил, что ни в одном учебном заведении МВД при выпуске, например, не награждали золотыми медалями тех отличников, которые по праву заслужили эту высокую награду. В системе учебных заведений Министерства обороны это обычное дело. Каждый курсант училища, студент военного института или слушатель академии знает, что диплом с отличием и золотая медаль могут предопределить всю дальнейшую военную карьеру. Они — очень серьезный стимул, заставляющий человека учиться по-настоящему. Но почему, спрашивается, лишен такого права выпускник юридического института МВД?

Это частный вопрос. Но, как министр, я не мог не понимать, что в изменившейся общественно-политической ситуации, когда проблемы внутренней безопасности государства становятся едва ли не самыми важными, нельзя учить сотрудников милиции по устаревшим, не отвечающим реальной жизни шаблонам.

Одна из поездок в Германию только укрепила меня в уверенности, что система подготовки кадров для милиции может быть куда более гибкой, прагматичной и эффективной.

Будущий немецкий полицейский учится в полицейской академии только два года. Около десяти месяцев из них занимает стажировка в полицейском подразделении и чуть больше года — сама академическая подготовка. Из стен академии выпускается квалифицированный специалист, которому по плечу та полицейская работа, которая не требует особых знаний в области управления или стратегического планирования. Эта базовая подготовка, включая курсы по повышению квалификации, позволяет такому офицеру полиции расти до майорского, по нашим меркам, уровня. Дальнейшее продвижение человека по карьерной лестнице обусловлено уже результатами службы и способностями человека решать более масштабные задачи. У него появляется возможность учиться дальше.

Считаю такой отбор разумным и справедливым. В свою очередь и сам я не миновал ни одной служебной ступеньки. Каждый день работал, учился и доказывал свою состоятельность. Окончив среднее военное училище, я получил возможность командовать взводом, ротой и батальоном. Диплом Академии имени Фрунзе расширил мои возможности: от комбата я мог дорасти до командира дивизии. Оперативно-стратегическая подготовка, которую я получил уже в Академии Генерального штаба, позволяла в будущем претендовать на самые высокие должности в войсках и на государственной службе. Не будь у меня за плечами этой академии, никому бы и в голову не пришло назначить меня командующим Объединенной группировкой федеральных войск в Чечне.

Поэтому мне казалось разумным, чтобы система подготовки милицейских кадров строилась по схожим образцам. Средняя и высшая школа милиции способны подготовить отличных оперативников, криминалистов, специалистов патрульно-постовой службы. Но те из них, кто уже проявил себя в деле и может в будущем рассчитывать на должности генеральского уровня, должны получить подготовку в Академии управления МВД.

После детальной проработки мы начали эту образовательную реформу. Серьезную роль в ее подготовке сыграли заместитель министра внутренних дел генерал Петр Михайлович Латышев, а также другие мои заместители и большинство членов коллегии МВД Российской Федерации. В нескольких учебных заведениях МВД была запущена двухгодичная программа подготовки офицеров милиции. На базе прославленного учебного заведения МВД — московской академии — была образована Академия управления МВД Российской Федерации, где, по нашему замыслу, должны были учиться самые перспективные офицеры милиции и офицеры внутренней службы. Те, что имели опыт работы, высшее юридическое образование и рассматривались как кадровый резерв на замещение руководящих постов в системе органов внутренних дел.

Современный руководитель областного, либо краевого управлений внутренних дел, министр внутренних дел какой-либо из российских республик, либо милицейский руководитель федерального уровня должен обладать методикой работы с исполнительными

и законодательными органами власти. Он должен так мудро выстроить отношения с местной политической элитой, чтобы, с одной стороны, не попасть в зависимость от ее настроений и остаться защитником государственных интересов, а с другой — наладить прочное деловое сотрудничество, основанное на доверии и единстве целей. Он должен иметь широкий кругозор и стратегическое мышление.

Та академия, что была прежде, этим целям не отвечала. В ней на равных учились лейтенанты и подполковники. Ее выпускники — удивительное дело — самостоятельно разыскивали себе работу после окончания, а сама учеба зачастую дублировала собой курс Высшей школы милиции, которую многие слушатели академии уже с успехом окончили в прошлом. Будущих управленцев готовили так, что не было даже кафедры управления.

Но преподавательский состав академии — как правило, это люди высочайшей квалификации, позволял надеяться, что перемены пройдут скоро и безболезненно.

Назначая новым начальником академии генерал-лейтенанта Владимира Дмитрина, я был уверен, что этот опытный педагог и хороший организатор сумеет справиться с задачей подобного масштаба. И не ошибся.

Жаль только, что моя отставка в марте 1998 года повлекла за собой изменения в руководстве Академии управления МВД. Дмитрину сказали так: «Вы — человек Куликова. Уходите! Если вы не напишете рапорт, мы из академии сделаем университет, выведем вас за штат, но все равно добьемся вашего увольнения...»

Владимир Брониславович принял решение без колебаний. Конечно, он сделал все, чтобы аппаратные интриги не повредили академии. И этот поступок генерала Дмитрина вызывает искреннее уважение.

Хорошая школа создается усилиями множества людей — и делается это не одним днем.

Несмотря на то, что многие наши начинания были подвергнуты пересмотру сразу же после моей отставки, я до сих пор не теряю веры в то, что рано или поздно в списке лучших учебных заведений страны Академия управления МВД займет приличествующее ее назначению место. Уверен, сама жизнь потребует перемен. Этой академии на роду написано стать своеобразным аналогом Академии Генерального штаба. Подлинной школой управленческого мастерства — для лучших офицеров из правоохранительных органов, способных компетентно и энергично выполнять свои обязанности и в масштабе субъекта Федерации, и в масштабе федерального округа, и в масштабе всего государства.

* * *

Я прекрасно понимал: довольно большая часть сотрудников МВД очень настороженно отнесется к любым переменам, носящим, по их мнению, привкус «солдатчины». Резонно заметят: «Мы — другие...», и у них будет достаточно возможностей, чтобы через СМИ дать сигнал тревоги всему российскому обществу: дескать, генерал Куликов строит свою работу в милиции по армейским шаблонам.

Не стану пускаться в пространные размышления по поводу схожести принципов, на которых строится практическая деятельность и армейских, и полицейских формирований в любом государстве. Пройдя испытания временем, они мудро регламентируют жизнь и службу каждого человека, который взял на себя обязательство защищать Отечество с оружием в руках.

«С оружием в руках» — это ключевая фраза, позволяющая понять суть различий, которые существуют в обществе между той его частью, которая не имеет права лишать кого-либо жизни на законных основаниях, и той, что вынуждена им пользоваться по закону. Опуская юридические детали и тонкости, это можно объяснить проще: важно то — с ружьем человек или без ружья...

Понятно, что принадлежность человека к вооруженной части населения накладывает на него определенные обязательства. Как правило, они мало чем отличаются от тех, что веками апробированы в армии. Точно так же, путем многовековых проб и ошибок, именно в армии

были найдены самые эффективные методы и схемы управления вооруженным народом. Еще будучи командующим ВВ, я понял, что серьезным недостатком работы центрального аппарата МВД является отсутствие штаба, координирующего действия многочисленных структур министерства. Во-первых, на Северном Кавказе идет война, в которой принимают участие тысячи сотрудников милиции. Во-вторых, борьба с преступностью и терроризмом требует синхронного действия сразу во многих регионах страны. В-третьих, случается и так, что вместо сжатого кулака мы бьем по организованной уголовной преступности растопыренной пятерней, и все потому, что решение тактических и региональных по масштабу задач не всегда позволяло осуществлять стратегическое планирование работы министерства в масштабе страны.

Для этого и был создан Главный штаб МВД. Объясняя целесообразность этого шага, я сразу же заверил коллег, что речь идет не о милитаризации министерства, но лишь о совершенствовании системы управления. Меня правильно поняли, а этот полноправный орган управления продолжал действовать и после того, как я был отправлен в отставку.

* * *

Очень важным казалось мне и то, как воспринимают милицию в обществе. От умения разговаривать с людьми по-человечески на всех этажах МВД — от поселкового отделения до приемной министра — зависит степень доверия общества к этой государственной структуре и ее сотрудникам. К сожалению, этому надо учить очень многих.

И вот почему. Сегодня для того, чтобы стать сотрудником милиции, достаточно просто поднять руку. Конечно, существует отбор на оперативную работу, но все, что связано с комплектованием самой многочисленной службы — патрульно-постовой, — делается именно так: мы вынуждены брать на работу тех, кто только пожелает. Отсюда и хамство, и равнодушие, и грубость, прочно вошедшие в обиход.

Однажды я встречался с коллективом ковровой фабрики в Люберцах, и одна из работниц рассказала обычную житейскую историю, недавно приключившуюся с ней. Долгие годы они с мужем копили деньги на легковую машину и наконец купили «Москвич». На их беду его вскоре угнали. Приехавшие по вызову сотрудники милиции деловито изучили место происшествия и выполнили все бумажные формальности. Все это они выполняли столь ловко и профессионально, что у хозяйки угнанного «Москвича» зародилась надежда, что так же деятельно, по горячим следам они начнут разыскивать и украденное. Робко поинтересовалась: «Ну что, есть какие-нибудь зацепки?» На что ей был тут же дан исчерпывающий ответ сотрудника милиции: «Забудь, тетка, про свою машину. Копи деньги на новую...»

Не утратив иллюзий, что все лучшие силы милиции, все сыщики и криминалисты брошены на поиски ее выстраданного добра, на следующий день она появилась в ГАИ и спросила дежурного офицера о новостях: «Вчера у нас угнали машину. Приезжал тот-то и тот-то...» Дежурный лениво ткнул пальцем в клавиатуру компьютера, посмотрел равнодушно: «Нет вашей машины в розыске. Наверное, информацию съел вирус».

Вот такое издевательское отношение — оно, конечно, отталкивает людей от милиции. Что эта женщина скажет о ней своим детям, соседям? Да только то, что хамы они и сволочи, способные пить водку и брать взятки... И правильно — потому что к таким выводам принуждает ее недолгий опыт общения с милицией.

И совершенно по-другому отнеслась бы она к ситуации, если бы встретила простое человеческое участие. Понятно, что поиск украденной машины может затянуться или вовсе окончится неудачей. Но это не означает, что человек, обратившийся за помощью к представителю государства, не может рассчитывать на вежливое и корректное к себе отношение. Достаточно успокоить пострадавшего, назвать себя и сообщить телефон, по которому можно справиться о результатах розыска. И даже если по головотяпству одного сотрудника милиции все необходимые для розыска данные не были занесены в компьютер,

другой сотрудник должен был принести извинения и заверить в том, что ошибка или недосмотр будут исправлены в ближайшее время. И лишний раз перезвонить вечером: «Уважаемая Марья Петровна, меры приняты!» Вот такое поведение сотрудника милиции я считаю достойным и соответствующим норме. Уверен, что при любом исходе розыска у пострадавшего человека не останется горечи от общения с властью.

Но вот этой малости — вежливости, участия сотрудника милиции — к сожалению, можно не дожидаться и вовсе. Особенно от тех, кто привык думать, что органы внутренних дел существует не для людей, а для самих органов. Как золотой прииск. Как возвышение, откуда можно повелевать окружающими. Как присутственное место, куда нужно идти на поклон.

В свое время мне пришлось в качестве экскурсанта оказаться в обычном полицейском участке в Чикаго, в районе, прилегающем к университету штата. Полпервого ночи. За десять минут, которые я наблюдал за работой дежурной службы, в участке появились три человека, и все с полезной для полиции информацией. Например, студент сообщил: только что проехала машина с наркочиллерами. Машина белого цвета, ее пассажиры продают наркотики афроамериканцам. Так граждане США участвуют в борьбе с преступностью.

Сообщая полиции важную оперативную информацию, каждый из них знает, что помогает всему обществу, а значит, самому себе. Это не сексот, не стукач, не доносчик. Это человек, который не хочет, чтобы в его районе кто-то продавал героин. Сегодня — его друзьям, а завтра — собственным детям.

Будучи министром, я немало времени провел в наших райотделах милиции и знаю, что редко-редко кто идет в дежурную службу по своей воле. Предпочитают не связываться с российской милицией и не доверяют ей, по статистике, более 30 процентов людей, ставших даже жертвами преступления. Не говоря о тех, кто этой участи избежал. В доказательство приводятся, к сожалению, железные аргументы.

О нашей операции на трассе Ростов — Баку, когда в качестве приманки были запущены две большегрузные машины с нелегальным грузом, я уже рассказывал. Но в первые месяцы своего пребывания на посту министра, когда необходимо было понять в деталях самые важные наши изъяны, и сам проводил «лабораторные опыты», принимая облик человека с улицы. Одевал джинсовый костюм, брал с собой точно так же переодетого помощника и садился за руль обычной легковой машины. Тихим воскресным утром подруливал, скажем, к отделению ГАИ и звонил в запертые двери.

Проходило немало времени, пока из-за нее раздавался недоуменный вопрос: «Чего надо?» «Да вот, — говорю, — неподалеку от вас попал в дорожно-транспортное происшествие...» Голос из-за двери звучит лениво, и в нем преобладают по-воскресному расслабленные тона: «Мужик, это не к нам. Поезжай туда-то и туда-то...» (называет адрес). «Как это далеко?» — «Найдешь!» «Ну, как же так, — притворно волнуясь, — ДТП, в которое я попал, отсюда в пятидесяти метрах. Я хочу, чтобы кто-то вышел и посмотрел». Из-за двери после презрительного молчания раздается наконец категорический отказ: «Открыть не могу. У меня здесь никого нет». «Не может быть, — настаиваю я, — ведь должен быть хоть кто-то. Дежурный. Напарник. Мне срочно нужно! Пусть кто-нибудь выйдет!» Дверь с лязгом открывается, появляется разгневанный милиционер: «Какого хрена?... Тебе что, неясно сказали?..»

Когда выясняется, что я — новый министр внутренних дел, то все, находящиеся в отделении, приходят в полубморочное состояние. Но я ведь не пугать своим видом приехал и не для того, чтобы упиваться произведенным эффектом. Задаю вопрос: «Как же так? Вы почему так разговариваете с людьми? Ведь нет признаков, что я пьян или вооружен? После первого моего звонка должен выйти человек. А если есть основания для тревоги, второй сотрудник должен подстраховать первого. Все, что в данном случае требуется от вас — это разъяснить, что дежурной бригады нет на месте и вызвать ее по радио: доложить о ДТП. Это то, что касается профессионализма... Но, помимо этого, нужна еще и элементарная воспитанность».

Впоследствии мы создали в МВД службу собственной безопасности, в компетенцию которой входило выявление тех сотрудников милиции, которые совершили противоправные действия, заслуживающие уголовного преследования или изгнания из наших рядов. Далеко не всем это пришлось по душе, но другого выхода я не видел: были факты мздоимства, сутенерства, рэкета. Было предательство товарищей по оружию. Были случаи участия в преступлениях, раскрытие которых обычным способом ни к чему не приводило.

Сотрудники милиции, преступившие закон, как правило, умело прятали концы в воду, располагали упрещающей информацией и могли рассчитывать на круговую поруку. Чтобы выявить, например, предателя в собственных рядах — требуется хитроумная оперативная игра, участниками которой становятся другие сотрудники милиции, в том числе и руководители.

Не раскрывая деталей, скажу одно: служба собственной безопасности была создана очень своевременно, а ее работа оказалась чрезвычайно эффективной. И не только потому, что с ее помощью удалось разоблачить в наших рядах несколько сотен преступников. Главное — появился серьезный сдерживающий фактор. Это не значит, что кто-то собирался бесцеремонно разглядывать через замочную скважину частную жизнь человека, служащего в милиции: кто с кем живет или кто сколько выпил. Речь идет о чистоте рядов. О самоочищении милиции.

* * *

Из тех генералов, что могли бы после меня претендовать на должность командующего внутренними войсками, сам я выделял генерал-лейтенанта Анатолия Романова: он умен, совестлив, очень надежен как человек и профессионал. Именно его фамилию я назвал президенту России, подчеркнув, что Романов из тех генералов, на которых можно опереться в самую трудную минуту. У Ельцина его кандидатура никаких вопросов не вызвала, и он дал команду готовить соответствующий указ.

Думаю, я хорошо знал и чувствовал Романова. Не сказать, что, помимо службы, мы много с ним общались: один только раз и выбрались на охоту — я еще чинил его новенький карабин. Редко, и только по очень большим праздникам выбирались друг к другу. Как и я, он был любителем бани, куда мы раз в неделю обязательно отправлялись. Он мог там и рюмку выпить, но, как правило, одну. Коньяку — он хорошо относился именно к коньяку, — в отличие от меня, предпочитающего русскую водку. Но к алкоголю он, в общем-то, равнодушен: мог и отказаться, если нужно было после бани еще общаться с людьми или ставить служебные задачи.

Павший на Романова выбор объяснялся прежде всего его деловыми качествами. Еще со времени нашей совместной учебы в Академии Генерального штаба мне импонировала его манера аккуратного и точного исполнителя приказов. За Романовым ничего не нужно было переделывать. Как ни пытай его, он помнил каждую деталь любой операции, был чрезвычайно работоспособен и никогда не уходил с рабочего места, пока не убеждался в том, что все отлажено до мелочей.

Конечно, это далеко не все, что требуется для крупного военачальника, но без этого ни один военачальник, ни один полководец просто не состоится. Если Романов проводил боевую операцию, то можно было не сомневаться, что он добьется победного ее завершения при минимальных потерях с нашей стороны. Если он вел переговоры, то не следовало удивляться, что он, например, загодя перечитает всего Чичерина (Видный советский дипломат. — Авт.), чтобы понять основы дипломатического искусства. Говоря о Романове как об аккуратном и точном исполнителе приказов, я имею в виду его врожденную способность доводить все до абсолюта — до последнего заключительного штриха, после которого любая проблема казалась просто исчерпанной.

Те, кто знает Романова близко, всегда отмечают его человеческую деликатность. Он никогда ни на кого не кричал, и в горячке самого тяжелого боя трудно было дождаться от

него хотя бы одного слова брани или уничижительных эпитетов в отношении подчиненных. Каждую минуту в нем чувствовался хороший и доброжелательный учитель, ведь в самом начале своей офицерской карьеры больше десятка лет Анатолий прослужил курсовым офицером и преподавателем огневой подготовки в Саратовском училище внутренних войск.

За последние годы мы хорошо сработались с Романовым и понимали друг друга почти с полуслова. Касалось ли это вопросов ведения войны или реформы в войсках — я всегда находил в Анатолии самого последовательного своего союзника. Конечно, я помнил и то, что в пору моих сборов в отставку в 1992 году Анатолий по-человечески меня поддержал. Впав тогда в немилость командующего Саввина, я сразу же почувствовал отчуждение со стороны некоторых служивших со мной офицеров. Одни считали меня битой фигурой, другие просто обходили стороной, чтобы не попасть под сквозняки чужой опалы. Но среди тех, в ком нашел я тогда опору — был Анатолий Романов. А его поведение отличала очень ценная в мужском кругу простота и надежность. Он не говорил мне ободряющих слов. Не сочувствовал. Но всякий раз, пожимая ему руку, я понимал, что есть вещи посильнее карьерных раскладов...

Впоследствии мы никогда не касались этой темы. Но, как всякий человек, я знал, что лучшей проверкой на прочность являются трудные времена. Если обретал друга в тяжелые дни, я знал, что такая дружба — бескорыстная и честная, и она никогда не окончится изменой.

Как я уже упоминал, в ту пору мы делились с Анатолием планами реформирования войск, проверяя на прочность наши аргументы и предположения. В принципе мы удачно дополняли друг друга, так как за мной был опыт реальной войны и командования теми частями внутренних войск, которые предназначены для несения службы и ведения боя в районах вооруженных конфликтов. Романов, в свою очередь, хорошо знал тонкости управления частями ВВ по охране важных государственных объектов и специальных грузов — так называемыми «спецами», служба которых носила особый, а часто и просто совершенно секретный характер. Для Романова, который за успешную командирскую работу в таких частях был награжден боевым орденом Красной Звезды, мир самых сокровенных государственных тайн был хорошо известен, а его знания «спецовской» службы отличались исключительной компетентностью и полнотой.

К этим достоинствам оставалось прибавить тот опыт, который был получен Романовым в военном училище: он отлично представлял себе, как должна быть организована боевая учеба и подготовка кадров для войск. Если наши смелые планы простирались в будущее, это означало, что уже в настоящем следовало кардинально менять систему подготовки будущих офицеров. Зачем нам сотни новоиспеченных офицеров конвойной службы, если через несколько лет в ВВ не останется конвойных частей? Если Северный Кавказ и в ближайшие годы будет оставаться зоной нестабильности, стоит задуматься над тем, чтобы эти кадры загодя были перепрофилированы для выполнения совершенно иных задач — для боя и проведения миротворческих операций. Это значит, что нужно рассчитывать на годы вперед. Это значит, что уже сейчас, в эту минуту, систему военного образования в училищах ВВ надо перекаивать под будущие реформы.

С Романовым мы действовали рука об руку, и я был уверен в том, что, став командующим внутренними войсками, он продолжит наше общее дело.

Указ был подписан, и вскоре Романов уехал в Грозный, в Ханкалу, чтобы возглавить Объединенную группировку федеральных войск на территории Чеченской Республики. Поскольку я, уже в ранге министра, состоял в переговорной комиссии, мы целый месяц провели с Романовым вместе, решая и боевые, и переговорные задачи. 31 июля было подписано соглашение вместе со всеми участниками переговоров. Анатолий активно включился в процесс урегулирования: практически весь блок военных вопросов не только детально был отработан при его непосредственном участии, но впоследствии именно Романовым и реализовывался. К каждой фразе документа, просчитывая последствия, он относился внимательно, скрупулезно. Он умел и любил убеждать людей и очень корректно

общался с нашими, мягко говоря, партнерами по переговорам. В тот момент, как я уже рассказывал раньше, существовала уверенность, что перелом в войне наступил.

В этой обстановке надо было двигаться к миру, давая возможность гражданской администрации укрепить свои позиции. Нужно было находить общий язык с боевиками, склоняя их к прекращению бессмысленного кровопролития. Знаменитые кадры, когда Романов обнимается с Масхадовым, надо воспринимать только в контексте той ситуации. Романов, правда, позвонил мне в некотором сомнении: «Правильно ли я сделал?», на что я искренне ему ответил: «Не переживай! Ты — командующий, и тебе поручено вести переговоры. Делай все, что сочтешь нужным».

В новом качестве Романов освоился быстро, но у него, как и у некоторых других генералов, не сложились отношения с Николаем Дмитриевичем Егоровым, человеком, несомненно, влиятельным, но грешившим барскими замашками и пренебрежительным отношением к тем, кто в иерархии государственной службы занимал более скромные места. Егоров Романова невзлюбил и не преминул мне высказать свое недовольство: «А.С., этот ваш генерал игнорирует мои требования. Я говорю: «Это должно быть так!» Он отвечает: «Я вам подчиняться не буду! Нигде не написано, что я вам подчинен!..» Жаловался на Егорова и Анатолий.

Я понял, что их взаимная неприязнь зашла так далеко, что даже Романов, всегда спокойный и деликатный, был вынужден давать сдачи столь важному кремлевскому сановнику. Защищая Романова, я предложил Егорову мирное разрешение конфликта: «Николай Дмитриевич, на самом деле нигде не написано, что Романов должен вам подчиняться. Это очень дисциплинированный и знающий свое дело генерал. Если он возражает, значит, на то у него есть веские аргументы». В то же время высказал свою поддержку и Анатолию: «Давай воспринимай все спокойно. В конце концов не Егорову решать, годишься ты в командующие или нет. Я знаю Егорова и знаю, чего стоишь ты. Поэтому работай спокойно!»

Не только я, очень многие ценили Романова. Помню, его хвалил министр обороны Павел Грачев, отметивший Анатолия после первых самостоятельных докладов командующих родами войск: «Романов у тебя, вот какой генерал, молодец!» Действительно, все, что поручалось ему, Романов, исполнял добросовестно и никогда не терял присутствия духа. За всю нашу совместную службу, может, только раз и услышал я в его голосе нотки тревоги, когда во время октябрьских событий в Москве он доложил мне об измене полковника Васильева. Позже радиоперехват переговоров, проводившихся в эфире, опубликовала, кажется, «Комсомольская правда», и там дословно было приведено короткое донесение Романова. Он еще сокрушался: «Какой же я дурак! И зачем я это сказал?» Я его успокоил: «Ну и что такого ты сказал?.. Как раз тебе я очень благодарен: в этой ситуации была нужна правдивая, реалистичная информация. Слава Богу, что сам сдержался и не понес в эфире матом... Спокойно тебе ответил: «Все понял». Хотя на языке вертелись совершенно другие слова».

Во время переговоров с боевиками самообладание Романова производило на чеченцев неизгладимое впечатление и позволяло шаг за шагом продвигаться к миру.

Разумеется, на переговорах в миссии ОБСЕ, где проходили встречи с Масхадовым и другими видными дудаевцами, в первую очередь решались конкретные вопросы сдачи оружия, выдачи пленных, разбор конкретных перестрелок и стычек. Но цели дудаевцев обусловили и их особое поведение на переговорах: кто-то из них специально опаздывал на встречи, кто-то начинал говорить о вещах посторонних. Но даже в этих условиях Романов старался выполнить свои обещания. С Масхадовым в конце концов у него сложились нормальные отношения. Конечно, насколько это было возможно. Но нельзя переоценивать его роль: Масхадов использовался только как военный специалист. Сам он, выполняя волю Дудаева, ничего не решал.

Философия самого Романова по поводу мира была понятна: «Воюя с бандитами, мы должны гуманно относиться к мирному населению. Если мы бездумно разрушаем дом,

который чеченский крестьянин всю жизнь собирал по кирпичику, человек озлобляется, автоматически переходит к Дудаеву. Если же нам удастся решить вопросы мирным путем, то это для Дудаева страшнее выстрела. Не зря он по телевизору назвал меня своим личным врагом».

Отлично понимая и настроения чеченцев-мятежников, и простых жителей Чечни, Романов пытался использовать на переговорах все свои сильные стороны: терпимость, уважение к противнику и его аргументам, знание обычаев и психологии людей, с которыми почти ежедневно он за стол переговоров садился лицом к лицу. Например, чеченцы искренне считают, что мужчина не может показываться на людях неодетым. Что можно было сказать о наших бойцах, которые, не задумываясь об особенностях чеченского менталитета, из-за жары ходили полуголыми, что вызывало у чеченцев смешанное чувство удивления и неприятия. Романов это понимал, собирал своих офицеров и говорил: «Наши солдаты должны уважать традиции народа. Пусть оденутся. Я понимаю, что жарко, но это нужно сделать: своим видом они оскорбляют чеченских женщин!»

Такая гибкая, умная и доброжелательная позиция Романова начинала давать конкретные результаты. 23 августа 1995 года, в Грозном, после встречи с чеченской стороной, он вышел к журналистам и сообщил, что до 30 августа должен осуществиться процесс разоружения и отвод войск в Ачхой-Мартановском и Сунженском районах. «К этому же сроку, — добавил он, — будет осуществлен вывоз вооруженных отрядов из горных районов». Ответственными за это мероприятие с российской стороны был назначен генерал Павел Маслов, с чеченской — Казбек Махашев. Тогда же, в августе, Романов сделал заявление о том, что «оружие готовы сдать в Ножай-Юртовском районе и достигнута договоренность еще в четырех районах о том, что нужно прекратить боевые действия». Чуть помедлив, добавил: «Если, конечно, Дудаев не сорвет этот процесс...»

Прилетевший из Москвы Олег Лобов, назначенный представителем президента и являвшийся гарантом соблюдения соглашения, опирался на Романова и прислушивался к нему. Романов уже действовал как профессиональный дипломат — искал в Чечне новых людей. Тех, с кем можно было работать и договариваться. Прилетел Хасбулатов — он готов был работать и с ним. В этих заботах я оставил Романова 5 октября, когда вместе с Лобовым улетел в Москву на встречу с президентом. Правда, был он в этот день чем-то особенно озабочен, как будто что-то чувствовал. На мой вопрос ответил сокрушенно: «Да там опять не выполнили...» Но в его тревоге не было ничего необычного: так бывает, когда срывается задуманное, когда приходится распекать кого-то за огрехи и нераспорядительность. Тебе нехорошо на душе, а все к тебе пристают: «Что случилось?» Но Романов еще посоветовался по делу: «Ситуация тупиковая. Мне не удастся убедить Масхадова. Нужно искать дополнительные варианты...»

Я улетел из Ханкалы 5 октября вечером, а наутро, как это было заведено, Романов позвонил мне оттуда и доложил обстановку. Еще раз он вышел на связь часов в одиннадцать, сообщил: «Я сейчас еду к Хасбулатову. Он мне позвонил, и мы договорились о встрече. Я думаю, у нас будет продуктивный разговор». Я ответил: «Как вернешься, доложи мне», и ждал его отчета. Чуть позже сообщил кто-то из главка внутренних войск: «Романов ранен». Потом вышел на связь генерал Виктор Гафаров, первый заместитель командующего ВВ МВД России, сообщил об эвакуации Анатолия Александровича во Владикавказ. Хорошо, что во время трагедии он был в шлеме и в бронежилете, иначе смерть была бы неминуема... Я всегда ему говорил: «Анатолий, ты должен быть защищен!» Зная его дисциплинированность даже в мелочах, я не сомневался, что он так и поступит.

Фугасный заряд, эквивалентный 30 килограммам тротила, был подорван около 13 часов 6 октября, когда часть колонны ВВ, включая «уазик» Романова, уже втянулась в тоннель возле площади Минутка в Грозном. Это был мощный взрыв, рассчитанный на поражение нескольких десятков людей. То, что это случилось в замкнутом пространстве, только усугубило последствия: взрывная волна, многократно отраженная от бетонных стен, буквально разнесла «уазик» в клочья. «В принципе он был убит», — скажет впоследствии о

Романове начальник госпиталя имени Бурденко Министерства обороны Вячеслав Ключев. Множество человек было ранено. Мне доложат, что среди разметанных взрывом человеческих тел Романова удалось найти не сразу. Его опознали только по ремню с генеральской пряжкой. Все его спутники, находившиеся в машине — помощник, водитель и охранник, — погибли на месте.

Есть особая справедливость в том, чтобы их имена не были забыты или как-то отодвинуты в сторону на фоне драматической судьбы самого генерала Романова. И потому, что этого никогда бы не сделал он сам, если бы удалось ему уцелеть. И потому, что ценность их жизни для нас ничуть не меньше: как и Анатолий Романов, они для нас — солдаты Отечества, сограждане, боевые товарищи. Их гибель для нас — невосполнимая и, действительно, безвозвратная потеря... Три человеческих судьбы — полковника Александра Заславского, рядового Виталия Матвийченко и рядового Дениса Ябрикова, находившихся подле генерала в командирском «уазике» — завершились в тот день, оставив без всяких надежд их родных и близких. Вообще, без всяких надежд...

Сегодня трудно сказать, на кого охотились диверсанты в этом грозненском тоннеле? Сказать, что мы были беспечны — нельзя: я в Чечне, чтобы запутать противника, часто отрывался от колонны. Бывало, уезжал на «уазике», дав распоряжение командиру БТРа: «Движение начнете через десять минут!» Так что колонна часто шла без меня. Трудно сказать, кого ждали эти люди, установившие фугасный заряд: я улетел накануне... У нас с Романовым был один позывной...

Но одно можно сказать совершенно точно — это был не случайный взрыв, а очень хорошо подготовленная акция. Не исключая, что ее организовали люди, сидевшие с нами за столом переговоров. Во всяком случае, анализируя впоследствии беседу с одним из переговорщиков, который на наше сообщение о том, что Романов ранен, ответил: «Пусть теперь не ходит воевать...», я пришел к выводу, что эти слова были не просто радостной эмоцией бандита, а содержали совершенно понятную мне информацию. Они не убили его потому, что за свою жизнь боролся он сам: Романов отличался завидными физическими данными и был атлетически сложен. Они не убили его потому, что за него боролись его войска: сразу после взрыва военный фельдшер умело поставил своему командующему спасительную капельницу. Отсутствие хотя бы одного из этих условий означало бы, что мы бессильны перед лицом беды. Но мы не бессильны, потому что умеем сражаться до конца.

Я тотчас доложил о произошедшем президенту. В словах Ельцина чувствовалось глубокое сожаление. Он приказал: «Делайте все, чтобы генерал остался жив!» Мы подняли на ноги всех, тут же отправили во Владикавказ «Скальпель» (Самолет-госпиталь Министерства обороны России. — Авт.). Почему-то я был уверен, что Романова удастся вытянуть... Моя Валентина тут же поехала к жене Анатолия Романова, Ларисе, чтобы поддержать ее в самые первые часы и минуты, когда худшей бедой является неизвестность.

Позднее, когда с момента взрыва в тоннеле прошло много месяцев и стало ясно, что поднять на ноги Анатолия быстро не удастся, я попросил президента России оставить Романова заместителем министра внутренних дел России. Ельцин с этим предложением согласился, за что я всегда буду ему благодарен. Анатолию Александровичу Романову было присвоено воинское звание «генерал-полковник». Он был удостоен высшей награды нашей страны — звания Героя Российской Федерации. Я по-человечески благодарен всем тем, кто на протяжении многих лет делает все возможное и невозможное для спасения его жизни. И сам не перестаю надеяться на чудо.

В одном из журналистских очерков, написанных через много лет после покушения на Анатолия, я прочитал слова, которые, на мой взгляд, очень точно характеризуют отношение российского общества к генералу Романову: «Кажется, что взрывная волна, рожденная этим октябрьским взрывом, будто так и осталась блуждать в этом проклятом тоннеле и не будет ей конца, пока не будет получен ясный ответ на вопрос — кому это было нужно? И не потому, что безнаказанным остается само преступление: ну кто, скажите, нашел или ищет виновных в гибели Виктора Поляничко, попавшего в засаду в Осетии и на тот момент

являвшегося по должности вице-премьером правительства России?.. А потому, что взрыв этот удивительным образом вписал имя Романова уже в какие-то иные страницы русской летописи. В его особенные, чистые страницы, понятные русскому человеку, россиянину уже в силу хранящейся в каждом из нас исторической памяти. В ней давняя неприязнь к восточному вероломству (стремился к миру, ехал на переговоры), и любовь к военной славе (княжеское достоинство слов, жестов, поступков), и вечная русская надежда на возвращение солдата, которого уже не числят среди живых. Так ждали сыновей и мужей, пропавших без вести на Великой Отечественной войне, и через тридцать, и через сорок лет не теряя надежды на то, что кому-нибудь из них доведется очнуться в «специальном» госпитале и вспомнить собственное имя».

Разумеется, нами были предприняты самые чрезвычайные меры по розыску преступников, осуществивших этот террористический акт. Как это ни обидно, но поиск бандитов по горячим следам не дал результатов, хотя впоследствии — буквально по крупицам — нам удалось собрать оперативную информацию и очертить круг людей, которые могли охотиться за высшим командованием Объединенной группировкой — охотиться за Романовым, за Куликовым, за Трошевым... Те чеченцы, что симпатизировали Анатолию Романову и не хотели ходить с клеймом террористов, называли и конкретные имена исполнителей теракта. Проверить эти сигналы и завершить расследование преступления поимкой и справедливым наказанием виновных — долг нашего государства.

В этой связи мне представляется весьма важной информация, распространенная «Независимой газетой» 13 января 1999 года. В опубликованном там интервью известного руководителя бандформирований Зелимхана Яндарбиева, в ту пору чувствовавшего себя в недостижимости для российского правосудия, проливается свет и на обстоятельства упомянутого террористического акта. Считаю необходимым воспроизвести эту часть интервью по публикации «НГ»: «ВОПРОС КОРРЕСПОНДЕНТА: Возможно, это военная тайна и вы не скажете, но все-таки... Покушение на генерала Романова было спланированной акцией или случайностью? ОТВЕТ ЯНДАРБИЕВА: Это была спланированная операция, и мне непонятен идиотизм и с российской, и с чеченской стороны, существующий уже несколько лет вокруг этого имени. Этот человек пришел уничтожать людей. Он что, рассчитывал, что его должны пожалеть? О каких переговорах можно вести речь, когда российские войска находились на территории чеченского государства, в оккупированном Грозном? Будь там Ельцин или любые другие политики России — всех их надо было пускать в то время в воздух! И мне масхадовский идиотизм, когда он начинает говорить о том, что это был миротворец, непонятен. Какой миротворец? Миротворец должен сидеть у себя дома возле жены и дочери. А он — генерал, который, по нашим сведениям, под псевдонимом Антонов, руководил уничтожением Самашек...»

Я не знаю, забыто или нет правоохранительными органами нашей страны вот это заявление Зелимхана Яндарбиева. Прошлое этого человека, исполнявшего после гибели Дудаева обязанности президента Ичкерии, исключает возможность, что его слова о покушении на Анатолия Романова — это просто хвастовство мелкого полевого командира, который хотел бы присвоить чужие диверсионные заслуги. По сути это официальное заявление одного из руководителей мятежной Ичкерии, в котором он извещает Россию, что именно он, либо известные ему люди берут на себя ответственность за совершение террористического акта. Это ничуть не уменьшает горечь наших потерь, но увеличивает наши шансы настичь преступников и на основе российских законов и международного права совершить справедливое возмездие.

Значительно позже, уже в ходе антитеррористической операции на территории Чеченской Республики, начатой в 1999 году, мне стало известно, что Аслан Масхадов поручил организацию этого покушения Аюбу Вахаеву, одному из пяти командиров групп отряда «Герат».

Непосредственным исполнителем террористического акта был Ваха Курмахматов.

Насколько эта информация соответствует действительности, думаю, со временем дадут

ответ правоохранительные органы нашего государства.

* * *

И тогда, и позже, когда заходила речь об Анатолии Романове, сам собой возникал вопрос: неужели мощная государственная машина не в состоянии ответить адекватно? Неужели нельзя уничтожить главарей террористических формирований, тем более что они не только шантажируют террором 150 миллионов человек, но и на деле исполняют свои угрозы? В качестве железного аргумента часто приводится принятая в Израиле практика уничтожения главарей террористических организаций и рядовых террористов. «Это не месть, — утверждают сторонники таких методов. — Это возмездие!..»

Что касается главарей чеченских бандформирований и разноплеменных террористов, осевших на территории Чечни — существует неотъемлемое право государства бороться с ними законными способами. Речь идет не об ответных террористических актах, но о задержании, аресте и предании суду преступников, находящихся в розыске за совершенные злодеяния. Или об их физическом уничтожении, если это продиктовано обстоятельствами захвата.

Ничего нового в этом нет, и я всегда выступал сторонником абсолютно законных и юридически безупречных методов борьбы с террористами, когда государство прилагает все возможные усилия, чтобы привлечь их к справедливому суду. Чтобы именно суд, учитывающий все аргументы обвинения и защиты, смог назначить преступнику наказание. Так было в деле Таймасхановой и Дадашевой, осужденных за террористический акт на вокзале в Пятигорске. Так было с группой людей, обвинявшихся в организации взрыва на Котляковском кладбище в Москве. Это нормально. Судебное решение, каким бы оно ни оказалось, свидетельствует, что все обстоятельства дела аккуратно взвешены на весах правосудия, а подсудимый не был ограничен в своем праве на защиту.

Но, как показывает жизнь, даже у сильного государства иногда не хватает возможностей захватить живым того или иного террориста, чьи преступления очевидны, а его пребывание на свободе угрожает жизни и здоровью тысячам людей. Скажем, существует твердая уверенность: этот человек крайне опасен и должен быть ликвидирован во имя интересов человечества. Среди таких нежелательных персон американцы числят небезызвестного Бен Ладена — руководителя организации «Аль Каида», ответственной за террористические акты в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года, в результате которых погибли тысячи человек. Несколько классических операций по ликвидации террористов провели сотрудники израильских спецслужб. В России нет списков террористов, подлежащих уничтожению, но их имена и преступления у всех на слуху.

Я — не злонамеренный и не жестокий человек, но угроза, исходящая от конкретных людей в Чечне, заставляла меня, министра внутренних дел России, ставить перед президентом России вопрос об их нейтрализации. Аргументировал примерно так: «Это дерзкие, опытные, чрезвычайно опасные террористы. Следствием установлено их участие в убийствах, организации диверсий, захватов заложников, в работоторговле и наркобизнесе. В интересах нашей операции по восстановлению конституционного порядка в Чечне прошу принять принципиальное решение об их ликвидации и отдать соответствующий приказ. Вызовите Куликова, Грачева и Барсукова. Поставьте перед ними конкретную задачу — обезвредить основных террористов и дайте на ее выполнение конкретный срок». Б.Н. Ельцин буквально отшатнулся от меня: «А.С., прошу вас, больше не говорите мне подобных вещей!..»

Мое право считать это отсутствием воли высшей государственной власти страны. В ту пору только Ельцин и мог принять такое решение, обязывающее руководителей Министерства внутренних дел, Министерства обороны и контрразведки действовать сообща. Ни одно из ведомств не в состоянии выполнить такую задачу самостоятельно. Это можно сделать только в результате совместной комплексной операции по единому плану и под

единым командованием.

Можно не сомневаться, если бы президент обозначил срок ликвидации в три месяца, все вышепоименованные министры в срок доложили бы о выполнении приказа или принесли бы прошения об отставке. Сил и средств у них, если действовать согласованно, вполне достаточно и для более масштабных операций. Но самостоятельно — повторяю — никто из них не мог взять на себя роль координатора. Приказ должен был отдать Верховный Главнокомандующий.

Руководители силовых ведомств, каждый по своему направлению, стремились выполнить задачу. Но это не делалось в связке друг с другом, не делалось по единому плану.

Что касается гибели Джохара Дудаева 21 апреля 1996 года, то могу сказать совершенно определенно: МВД страны так и не получило исчерпывающих доказательств его смерти. В 1996 году по этому поводу я разговаривал с Усманом Имаевым, бывшим прокурором в администрации Дудаева, с которым за год до описываемых событий познакомился на переговорах в миссии ОБСЕ в Грозном. Имаев высказал сомнение в том, что Дудаев погиб. Привел небезынтересную на его взгляд деталь: обломки машины, которые ему представили как попавший под ракетный удар автомобиль Дудаева, показались ему наскоро собранными фрагментами совершенно разных машин: то откровенно ржавыми были детали, то цвет крыла не совпадал с цветом крышки багажника... Или что-то в этом роде. В общем, Имаев вел речь об имитации взрыва.

Официальная версия гибели Дудаева в нашем и чеченском изложении выглядит так: вечером 21 апреля 1996 года президент Ичкерии Джохар Дудаев вместе с доверенными лицами, среди которых был и Курбанов, о котором шла речь в предыдущей главе, находился в окрестностях чеченского села Гехи-Чу, чтобы сделать несколько звонков по телефону спутниковой связи. Примерно в 20.00, когда Дудаев разговаривал по телефону с находящимся в Москве политиком Константином Боровым, по машине Дудаева был нанесен ракетный удар высокоточным боеприпасом, который наводился по радиосигналу спутникового телефона. В результате взрыва Дудаев и Курбанов погибли. Похороны Дудаева наблюдали одновременно в четырех населенных пунктах. Впоследствии я спрашивал у Ахмеда Закаева, вице-преьера в правительстве Аслана Масхадова: чем это объяснить? Закаев мне подтвердил, что президент Ичкерии убит, а четыре официальных могилы Дудаева устроены для того, чтобы сбить с толку федералов и не позволить им произвести эксгумацию тела.

Конечно, сразу же после известия о гибели Дудаева я послал в Гехи-Чу своих оперативных сотрудников, которые скрытно сфотографировали место происшествия. Размеры воронки на месте взрыва были следующими: полтора метра в диаметре и пятьдесят сантиметров в глубину. Ракета, которой якобы был поражен Дудаев (а их, как говорят, было две), имеет 80 килограммов взрывчатого вещества и должна была оставить после разрыва куда более серьезную воронку. По расчетам, только ее глубина должна была составить примерно 5 метров. Но такой воронки там нет.

Что случилось в Гехи-Чу на самом деле — неизвестно. Версий много.

Одну из них мне представили сотрудники Северо-Кавказского Регионального управления по борьбе с организованной преступностью, которые неплохо ориентировались в этой среде и знали подоплеку практически каждого громкого события ичкерийской истории. Они утверждают, что гибель Дудаева носила случайный характер. Дело в том, что главарь одного из бандформирований, находившийся в Гехи-Чу, своевременно не рассчитался со своими бойцами. Обманывал, присваивал деньги, которые выделялись ему на организацию сопротивления. Речь шла о крупной сумме в один или два миллиона долларов.

Его соратники решили отомстить и загодя установили в машине полевого командира — это была «Нива» — взрывное устройство из обыкновенной толовой шашки с дистанционным взрывателем. Не решились взрывать машину во дворе дома и ждали удобного случая. Как только увидели, что «Нива» покинула Гехи-Чу и остановилась на пустыре, взрыватель был приведен в действие. То, что в ней оказался Дудаев с Курбановым — для подрывников

оказалось неожиданностью. Они погибли по ошибке. И в самом деле Дудаев, никогда не ночевавший в одном и том же доме, мог приехать внезапно, а меры конспирации, которые в таком случае предпринимались неукоснительно, могли ввести в заблуждение и мстителей.

Пока я склоняюсь именно к этой версии, хотя, повторяю, их немало и каждая выглядит не менее правдоподобно. Так что нельзя быть убежденным в смерти Дудаева, пока не будет идентифицирован его труп. Иные и сегодня утверждают, что он жив, но я не располагаю информацией, которая бы указывала на его присутствие среди нас. Дальше я не заглядываю... Дальше область мифов и преданий, среди которых четыре могилы Дудаева и разрушенный город Грозный, некогда переименованный в его честь Джохаром — пока остаются памятниками его человеческой жестокости, авантюризма и политической недалекости. Именно они стали причиной трагедии, которую пережили все народы, населяющие Чечню. Вот такими могилами и разрухой закончилось время правления Дудаева.

Нет ничего странного в том, что война, которой он жаждал, бесследно и бесславно уничтожила его самого.

* * *

Впервые оказавшись в Великобритании в 1993 году в числе участников международной конференции, я с удовольствием принял предложение ее организаторов посетить лондонский Музей истории войн. Всегда важно узнать иную точку зрения, детали и нюансы незнакомой жизни. История войн — тоже история мира, и в летописи человечества вот эти железные коробки первобытных танков, вот эти полотнища старых боевых знамен значат ничуть не меньше, чем памятники архитектуры и живописи, чем нотные партитуры и славные книги прошлого. Любая война — это очень серьезное испытание для страны, для народа, участвующего в ней. И как всякое экстраординарное событие, требующее от людей крайнего, подчас даже нечеловеческого напряжения ума и физических сил, именно война раскрывает лучшие и худшие черты национального характера.

Мой поход в Музей истории войн был важен еще и потому, что, открывая для себя западное общество после нескольких десятилетий отчуждения, я пытался понять, насколько верны с точки зрения неподкупной истории наши взаимные представления друг о друге. И с удивлением отметил, что весь вклад СССР в победу над гитлеровской Германией в годы Второй Мировой войны отмечен в этом музее всего лишь двумя экспонатами: погоном с плеча маршала Жукова и крошечной — буквально 12 на 18 сантиметров — фотографией Сталина. И больше ничего!.. При этом не меньшее впечатление произвела на меня экспозиция, имитирующая окопы времен Первой Мировой войны. Нет, достоверными в ней были не только мельчайшие детали этой окопной жизни среди разбитых блиндажей и колючих валов проволоки Бруно, но — странно сказать — даже воздух войны, нагнетаемый в музейный зал невидимыми устройствами, был наполнен безотчетной тревогой, запахами жженого пороха и разложением человеческих тел. Это был знакомый запах войны — отчетливый и всепроникающий.

Замысел этой художественной инсталляции следовало понимать и так: независимо от целей, ради которых предпринята любая война — пот, кровь и окопная грязь всегда будут оставаться ее неизменными спутниками. Сколько бы веков ни минуло и каким бы высокоточным ни называли мы свое нынешнее оружие, человеческая природа, как и прежде, соткана из грубых охотничьих инстинктов и наших первобытных представлений о слабости и силе соперника.

Война в Чечне, как и любая другая война, просто высветила все лучшее и худшее, что в нас было. И как это ни горько признавать, но самым серьезным человеческим пороком, способным разложить самую крепкую воинскую часть, по-прежнему остается пьянство. Неважно, что выпивку объясняли то желанием расслабиться, то желанием воодушевиться перед боем — эту нашу национальную черту приходится учитывать любому русскому

командиру: и взводному, и полковому.

Сам я нормально отношусь к алкоголю. Люблю вино, люблю посидеть с семьей за одним столом. Это нормально. Другое дело, если человек путает выпивку с работой. Таких в кругу моих друзей нет и не будет. Может, оттого, что не видел я в детстве примеров разгульной жизни: жили небогато, никто не шикавал. Даже если и выпивал отец, я не припомню, чтобы он терял голову.

Но, к сожалению, всему миру известны наши нетленные афоризмы: «Вагон водки продать, а эти деньги пропить», «Заработаем полтину, рубль пропьем»... Вернувшийся с Отечественной войны отец, бывало, рассказывал фронтовые истории, в которых наши солдаты и офицеры живописались, прямо сказать, не самыми светлыми красками. На военной службе в советские времена я не сталкивался с подобными фактами и, дожив до генеральских погон, не мог поверить, что среди нас возможны такие вещи, как мародерство или убийство ни в чем не повинного человека.

После взятия Берлина, — вспоминал отец, — компания наших офицеров устроила попойку на квартире, хозяйкой которой была немка. Допились буквально до скотского состояния. Чего уж они вытворяли — неизвестно, но в конце концов даже немка, собрав остатки мужества, крикнула им в лицо по-немецки: «Русские свиньи!» Не исключаю, что эта фраза как раз очень точно характеризовала состояние, в котором находились упоминавшиеся отцом офицеры, но конец у этой истории был печальным. Оскорбленный капитан или майор не спустил обиду. Достал пистолет и на правах победителя без лишних слов расстрелял беззащитную женщину.

Отец упоминал, что было возбуждено уголовное дело. Чем оно закончилось, я не понял, но этот рассказ показался мне настолько неправдоподобным, что я по наивности своей даже возмутился: «Папа, ты, наверное, что-то путаешь?.. Не мог советский, русский офицер застрелить женщину, которая была безоружна. Даже если она, допустим, и сказала что-то обидное, это ведь не повод, чтобы ее убивать. Ведь сама-то она не стреляла...» Отец покачал головой: «Нет, сынок, это было именно так». Этот офицер был командиром его артиллерийского дивизиона, и отец мне ручался, что все произошло именно так, как он описывал. И хотя всю жизнь этот некогда рассказанный мне фронтовой эпизод крутился в моей голове, я не хотел верить в его подлинность. Просто не хотел, потому что это опрокидывало мои представления о доблестных солдатах великой войны и представления о том, каким должен быть русский солдат, отважный и великодушный солдат-освободитель.

Даже и не припомнить, чтобы кто-то из выдающихся полководцев России — Суворов, Кутузов или Багратион — налегали на водку даже в самых отчаянных ситуациях. Я знал о том, что вообще не пил маршал Советского Союза Конев. И считалось событием, если по случаю великого праздника поднимет стопку легендарный командующий внутренними войсками генерал армии Иван Кириллович Яковлев.

Сам я не против того, чтобы посидеть в товарищеской компании. Но среди моих друзей нет выпивох, нет горьких пьяниц — они отсеялись давным-давно.

Но, к сожалению, на войне пришлось вести очень серьезные разговоры по этому поводу даже с генералами, с моими заместителями по Объединенной группировке. И в очень жесткой форме предупреждать, что я не потерплю пьянок на войне, где каждый человек в каждую минуту должен оценивать обстановку адекватно. Особенно тот, от чьих решений — правильных и неправильных — зависит солдатская жизнь. Надо сказать, что уличенные мной генералы реагировали на слова командующего правильно и не пытались проверить меня на прочность.

Лишь однажды, услышав, как «плышет» во время доклада голос одного из генералов, я был вынужден уволить его со службы.

Мне очень тяжело досталось это решение: ведь это был мой друг, надежность которого я никогда не ставил под сомнение. Мы знали друг друга несколько десятилетий. Это прекрасный офицер. Возможно, один из лучших, которые встретились мне в этой жизни.

Понятны упреки общества к таким генералам, не выдержавшим тягот войны и груза

ответственности за собственные решения. Но по-человечески нетрудно понять, что война потому и называется войною, что не каждому суждено пройти по ней без потерь.

Конечно, мне докладывали, что мой товарищ в трудную минуту начинал искать опору в водке. И я не стал делать вид, что ничего страшного в этом не нахожу. Честно его предупредил: «Либо ты делаешь выводы из нашего разговора, либо мы расстанемся».

Мой друг, как мне казалось, принял правильное решение, но очередная острая ситуация на войне буквально подломила его, и он сорвался. Несмотря на то, что по-товарищески я ему сочувствовал, свое слово все-таки сдержал. Больше мы с N не работали, хотя по сей день продолжаем общаться.

* * *

С некоторыми юношескими иллюзиями пришлось расстаться, когда мне доложили, что один из российских офицеров расстрелял двух чеченцев, чтобы завладеть их легковой машиной. На поверку он оказался пьян, и тут я серьезно задумался о том, что война проявляет не только самые лучшие качества человека, но и самые низменные, темные... Это был не единичный случай. Помню и такой, когда один из приближенных к Руслану Аушеву людей начал выговаривать мне с укором: «Мы задержали военнослужащего, который ограбил женщину...» Я, внимательно выслушав его, и резко, по-генеральски отрезал: «Если это произошло на самом деле, то этот человек заслуживает расстрела!..»

Даже Дудаев, наслышанный о моей непреклонности в подобных случаях, насколько я знаю, говорил так: «Надо же, приняли меры...»

А мы, действительно, их приняли, и уже в феврале 1995 года провели в Грозном, в аэропорту «Северный», большое совещание, на которое были приглашены все командиры частей федеральных войск и представители военной прокуратуры. Выступил я. Выступили мои заместители. Результатом наших тогдашних размышлений стала изданная командованием директива, обязывающая командиров всех уровней пресекать и давать законный ход расследованию каждого факта мародерства, издевательства над людьми, несанкционированного применения оружия, воровства скота и т. п.

Мы отлично понимали: хотя негативные явления вовсе не носили массовый характер, но и то, что было — заставляло нас задуматься о будущем. О репутации собственного воинства, часть которого при любом командирском недогляде норовила утащить барана, содрать денежную мзду за разрешение на проезд через блокпост машины с чеченцами или открыть стрельбу по пьяному делу. Не возьмись мы тогда за эту проблему решительно и беспощадно, позднее это могло обернуться гораздо худшими последствиями. Кроме того, по инициативе заместителя командующего ВВ генерала Станислава Федоровича Кавуна мы подготовили и распространили в войсках обращение военного совета ВВ на эту же тему, и я знаю, как высоко было оценено оно на Западе. Представитель Канады в своем выступлении на одной из международных конференций подчеркнул это особо.

Наша нетерпимость к преступникам в военной форме, однако, могла не стоять и ломаного гроша, когда выяснялось, что мы бессильны применить сколько-нибудь действенные меры к мародерам. Такие случаи были. Я лично задержал одного полковника, вывозящего из Чечни два грузовика с гражданским имуществом. Холодильники. Ковры. Телевизоры. Всего помногу. Действовал этот офицер с размахом, достойным настоящего оккупанта. Сомнений не оставалось: полковник — обыкновенный вор, хотя он и объяснял, что якобы бесхозное имущество везет в свою часть для нужд личного состава. «Вы — подлец, — сказал я ему, — и будете отвечать по закону!»

Но какие обвинения могла предъявить этому полковнику хотя бы и целая армия военных прокуроров? Да никаких... Мародерство? Но эта уголовная статья действует только в условиях военного или чрезвычайного положения, которые не были введены на территории ЧР. То есть факт мародерства налицо, но привлечь человека к ответственности по законам военного времени невозможно. Ну ладно, может, квалифицировать такие действия как

кражу? И опять возникает серьезная юридическая преграда. Уголовное дело можно возбудить, если есть заявление потерпевшего. Того человека, у которого украдено это добро. Но взято оно из наскоро покинутых беженцами домов, и понятное дело, никаких заявлений нет и в помине. Офицер, который по нашему разумению достоин скорого суда и расстрела как мародер, только улыбается... Из армии его, конечно, выгнали с позором, но это слабое утешение.

Отчасти наши проблемы проистекали из-за постоянной нехватки обученных и проверенных службой бойцов. Был объявлен массовый прием в армию по контракту, так как по нашей бедности многие из частей, еще вчера считавшихся боеспособными и прославленными, сегодня только и могли похвастаться былой славой. Как я уже рассказывал, даже на штурм Грозного, в жестокий бой, требующий высокого профессионализма и чудовищного напряжения сил, шли неуккомплектованные танковые экипажи.

Считалось, что среди резервистов найдется немало подготовленных людей, для которых свобода и независимость Родины не является пустым звуком. Были и такие: солдатом-контрактником пришел во внутренние войска Виталий Бабаков, ставший впоследствии офицером и Героем Российской Федерации. Но внушительная часть воинства, нанятого по контракту, представляла собой людей, не реализовавшихся и не нашедших себя в обществе. Встречались откровенные пропойцы и бродяги. Иных можно было сразу же идентифицировать как обитателей мусорных свалок, и оставалось только удивляться неразборчивости военкоматов, которые призвали этих людей на военную службу по контракту.

На наше удивление всегда следовал один и тот же циничный ответ: а много ли вы найдете охотников среди благополучных и устроенных в жизни людей, кто согласился бы подставлять свою голову за сто долларов в месяц или умирать за серебряный орден? Тут ничего другого не оставалось, как вспомнить наши давние дискуссии в Академии имени Фрунзе по поводу удивительных свойств нашего национального характера. Тогда мы пришли к выводу, что наш российский человек достоин удивления. Сегодняшний горький пьяница, бомж, он заглядывает в пивные бутылки, чтобы допить за кем-нибудь остатки, но завтра, при определенных условиях, не моргнув глазом может броситься со связкой гранат под вражеский танк. Что ж, многие свойства русской души остальному человечеству кажутся загадочными, непознанными и необъяснимыми.

Кого-то из новоприбывших контрактников мы отбраковывали сразу, но на лбу у человека не написано, что он — запойный алкоголик, к тому же буйный во хмелю. Бывало и так, что некоторых из них, склонных к беспрестанному поиску выпивки, мы находили на окраинах чеченских сел с перерезанным горлом: так закончились многие походы за водкой и наркотиками. Заканчивались они и пленом, из которого мы старались вытянуть всех солдат до единого, не разделяя их на плохих и хороших. Еще для части контрактников их недолгая служба в армии закономерно окончилась тюрьмой. Все это было, и я не считаю нужным скрывать, каким трудом досталось нам освобождение наших рядов от балласта. Только при мне были преданы суду несколько сот военнослужащих, повинных в уголовных преступлениях.

* * *

Как это всегда бывает на войне, кто-то из наших военнослужащих время от времени попадал к боевикам в плен. В бою это случалось чрезвычайно редко. Раненых, контуженых бойцов их товарищи выносили из-под огня, даже рискуя собственной жизнью, и немедленно, как только представлялась возможность, отправляли в тыл, туда, где им могла быть оказана квалифицированная медицинская помощь. Но, даже оказавшись в меньшинстве — это случается, когда бой принимает разведгруппа или небольшое подразделение солдат, действующее в отрыве от основных сил, — российские солдаты демонстрировали стойкость и редко сдавались в плен по собственной воле.

Во-первых, стойкость у нас в крови. Мне известны случаи, когда, не желая сдаваться в плен в безвыходной ситуации, солдаты и офицеры намеренно подрывали себя последней гранатой или по радио вызывали на себя огонь своих батарей. Во-вторых, многие выбирали смерть, чтобы не подвергнуться мучениям и издевательствам боевиков из НВФ. Часто они заканчивались казнью. Иногда настолько жуткой, что далеко не каждый прокурор или следователь мог досмотреть до конца трофейную видеокассету или стопку фотографий, на которых была запечатлена эта казнь. Чеченские боевики имели обыкновение снимать на видеокамеру расправы над пленными. Отрезали головы, жгли живьем, сдирали кожу, сажали на кол. В ходе специальных операций такие страшные видеоматериалы нам иногда попадали в руки, и мы были вынуждены знакомиться с ними, чтобы узнать судьбу наших пропавших без вести военнослужащих или для того, чтобы провести розыск палачей. Некоторые из них даже не считали необходимым прятать свои лица под масками. Так был разоблачен один из бандитов — некий Темирбулатов, по кличке Тракторист.

И все же основная часть оказавшихся в плену военнослужащих попала в него по неосторожности. Кто-то отстал в пути, кто-то отправился в чеченское село за продуктами, кто-то — на поиски приключений.

В плену можно было и выжить, если пленного сохраняли для обмена на задержанных боевиков и до поры до времени использовали на тяжелых работах.

Меня поразил один удивительный случай, который произошел с группой солдат из внутренних войск, поневоле оказавшихся в лагере одной из банд. Пятеро из них попали в плен после того, как в бою закончились боеприпасы (помощь, к сожалению, опоздала), двое пошли в чеченское село знакомиться с местным населением, а еще одного — несшего службу на блокпосту — чеченцы прихватили, можно сказать, за здорово живешь: он ночью вступил в дружеские разговоры с пассажирами проезжавшей мимо блокпоста легковой машины.

Вот так, совершенно по разным причинам и в разное время, оказались в плену у боевиков сержант Ильшат Кабулов, ефрейторы Павел Иванов, Сергей Шинов, Федор Петелин и рядовые Николай Камольский, Александр Холод, Андрей Кошкарев, Александр Скаченко.

Их приберегли для торга. Либо для обмена, либо для рабской работы (в Ичкерии времен Дудаева, Яндарбиева и Масхадова работоторговля велась совершенно легально).

Но, даже оказавшись в плену, сержант и солдаты не пали духом. В один из дней, воспользовавшись ситуацией, сначала Федор Петелин, а затем и Ильшат Кабулов захватили оружие боевиков и в коротком бою уничтожили восемь бандитов.

Вооружившись трофейным автоматами, гранатометом и ручным пулеметом, восьмерка отважных солдат пошла на прорыв и невредимой скрылась в лесу. Им удалось уйти от погони и выбраться к блокпосту федеральных войск.

Разными бывали ситуации, и далеко не всем военнослужащим, попавшим в неволю, удалось выжить и победить, как этим ребятам, но ясно, что какой бы сложной ни оказалась жизненная ситуация — нельзя опускать руки, нельзя впадать в грех отчаяния!

Внутренние войска вели и будут вести поиск каждого пропавшего без вести на этой войне. Он не окончится до тех пор, пока живые не обретут свободу, пока не будут установлены судьбы всех, кого мы считаем погибшими.

* * *

Боевики, понимавшие силу вовремя сказанного пропагандистского слова, в своих сообщениях и интервью многократно поминали нам явные и мнимые преступления военнослужащих. В их интерпретации это звучало довольно убедительно: в России и за рубежом уже говорили о полном разложении армейского контингента в Чечне. Самым обескураживающим примером, который приводился мятежниками в доказательство, был тот, где утверждалось, что боевую технику, оружие и боеприпасы они восполняли с помощью

продажных офицеров. Я считаю, что подобное предательство своих боевых товарищей — это самая последняя подлость, на которую может быть способен военный человек.

Зачастую такие утверждения дудаевцев были обыкновенной пропагандой. Но милицейская агентура, внедренная в банды боевиков, тем не менее, отслеживала факты утечки оружия и боеприпасов с армейских складов. Однажды я получил подтверждение от оперативников Северо-Кавказского Регионального управления по борьбе с организованной преступностью, что группа офицеров и прапорщиков из Краснодара готова продать партию ворованных боеприпасов.

Я дал соответствующую команду, и наши оперативные работники, среди которых немало этнических кавказцев, под видом чеченских боевиков провели операцию и за двадцать миллионов рублей, которые в то время были эквивалентны примерно четырем тысячам долларов, купили целый КамАЗ боеприпасов. Четверо военнослужащих, среди которых были офицеры и прапорщики, при этом были задержаны с поличным.

Что значит «купили»? Это была оперативная разработка — часто практикующийся прием, когда внедренный в преступную группу агент не провоцирует преступление, а вступает в игру только тогда, когда знает наверняка: оружие и боеприпасы уже украдены или могут быть похищены в любой момент. То есть разыскивается только покупатель...

Тогда агент выступает в качестве посредника или покупателя и предлагает за этот товар приличные деньги. Для этих целей в МВД существует специальный фонд, а министр имеет право выделять деньги для проведения подобных операций. Как правило, все они возвращаются в целости и сохранности, потому что оперативники не разбрасываются казенными деньгами. Показывают пачку долларов и дают задаток: «Вот тебе пять тысяч. Остальные пятнадцать получишь, когда оружие будет на месте...» В этом бизнесе железные правила, и продавец принимает разумные условия сделки: «Хорошо!» Редко бывало, чтобы деньги, выплаченные в аванс, успевали уйти безвозвратно.

Но иногда и за расходами мы не стояли, чтобы выявить цепочки, по которым оружие и наркотики попадали к преступникам: покупали десятки автоматов и сотни пистолетов. Вот и в Краснодаре дали денег не скупясь. Обнадежили, что купим и больше: чуть ли не танк готовы приобрести за наличные...

После окончания этой операции я связался с министром обороны генералом армии Павлом Грачевым и попросил его провести инвентаризацию армейского оружия по всей стране. Понимая всю опасность подобных преступлений, в эту масштабную работу включились и другие силовые структуры страны, а с ними и предприятия военно-промышленного комплекса, где производятся боевая техника, оружие и боеприпасы. Вдобавок мы решили вопрос о том, чтобы каждый оружейный ствол, какой только хранится, служит или воюет в нашей стране, подвергся обязательному контрольному отстрелу, а его результаты самым аккуратным образом были занесены в пулегильзотеку. Это дало бы нам возможность отследить все пути, по которым прошло похищенное или утерянное оружие. Это помогло бы нам раскрыть множество опасных преступлений в будущем.

* * *

Как известно, 9 января 1996 года произошли кровавые события в Кизляре — в дагестанском городе, расположенном на самой границе с Чечней. Сценарий нападения боевиков почти в деталях повторяет тот, что уже применялся Шамилем Басаевым в Буденновске, но с поправками на время и место действия: в город бандиты втягивались ночью пешей колонной.

Это известие застало меня в отпуске, к тому же еще и в госпитале: напряжение последних месяцев не прошло даром для здоровья, и я, честно говоря, решил воспользоваться паузой, возникшей после декабрьских боев в Чечне. Сначала, 15 декабря, бандиты захватили в Урус-Мартане центральную часть города, мечеть, Дом культуры, городскую комендатуру, узел связи райотдела милиции. Ими была блокирована дорога на

Грозный. Затем — предпринята попытка овладеть Гудермесом — вторым по величине и значению городом в Чечне: боевики заняли здание милиции, железнодорожный вокзал, здание комендатуры и городскую больницу.

В конце концов они были выбиты, но я бы не сказал, что это далось нам легко и безболезненно. Велись тяжелые уличные бои, причем некоторым подразделениям федеральных войск пришлось действовать в окружении. Погибли более 40 российских военнослужащих. По донесениям разведки мы знали, что гудермесской группировкой НВФ командовали чеченские полевые командиры Салман Радуев и Султан Гелисханов. Нет ничего удивительного в том, что имя Салмана Радуева будет фигурировать и во время бандитского нашествия на Кизляр: находящийся неподалеку от Гудермеса этот дагестанский город с давней казацкой историей, без сомнения, входил в зону оперативной ответственности именно ножай-юртовских и гудермесских банд. Это одна группировка. Вторая состояла из выходцев Наурского и Шелковского районов Чечни. В Кизляре действовала их нелегальная агентура, а сама административная граница с Чечней была прочерчена буквально в нескольких километрах от городских окраин Кизляра. Весь вопрос заключался в том, удастся ли бандитам скрытно переправиться через Терек.

Как мне стало известно, начиная с 23 декабря, в высших эшелонах власти (Верховный Главнокомандующий, премьер-министр, министр обороны) циркулировало донесение начальника Главного разведывательного управления Генерального штаба генерала Федора Ладыгина, где сообщалось о планах террористов нанести удар по этому городу. Подтверждение этому я нашел и в книге «Эпоха Ельцина», написанной группой бывших помощников президента и изданной в 2001 году: «Еще 25 декабря поступила оперативная информация, что бандоформирование «Одинокий волк» под командованием С. Радуева готовится к нападению на Кизляр. Сообщение отправили вверх, но ему не придали значение. К тому времени, перестраховываясь, с мест посылали любую непроверенную информацию, большинство этих данных не подтверждалось, но каждый руководитель мог найти за соответствующее число подходящее донесение и прикрыть себя: «Мол, мы предупреждали».

Телефонный звонок дежурного по МВД поднял меня ночью, как я уже упоминал, в госпитале. Первый доклад был лаконичен: «Обстрелян аэродром в Кизляре... Подожжен вертолет... Была попытка захватить военный городок батальона внутренних войск, но она отражена огнем...» Я в свою очередь потребовал уточнить, каковы силы нападавших и, сменив больничную одежду на мундир, спешно отправился в министерство. Дальше, в 11 часов, памятное заседание Совета безопасности и гневный голос президента: «Ну что, генералы, почему пропустили?!»

Оставалось только констатировать: действительно, пропустили... Но на вопрос — все-таки почему? — теперь я мог изложить президенту те аргументы, которые во время бедствия в Буденновске мог приводить, разве что, себе самому: «Борис Николаевич, они не могли не пройти. В Чечне не введен режим чрезвычайного положения, а значит, войска Объединенной группировки скованы в своих действиях». И далее все то, что по этому поводу мной было высказано в предыдущей главе.

Да, прошли... Скрытно переправились через Терек, разбились на боевые группы, сожгли два вертолета на аэродроме и подступились к городку батальона ВВ. Но, везде получив по зубам и потеряв до двадцати человек убитыми, пошли по некогда проторенному Басаевым пути: захватили больницу, согнали в нее несколько сот местных жителей и объявили их заложниками. Сейчас я уже не припоминаю, кто из двух бандитов — Басаев или Радуев — в конце концов получил среди чеченцев позорную кличку Роддомов, но то, что оба ее заслуживали в равной степени, лично у меня никакого сомнения не вызывает.

Неприятно поразило вот что: пока одни искренне сочувствовали чужой беде, другие начинали пляску на человеческих гробах. Корреспондент «Комсомольской правды» Александр Евтушенко предоставил радиостанции «Свобода» вот такое видение событий: «Федеральные силы специально спровоцировали заход Радуева в Кизляр. Была какая-то,

видимо, дезинформация пущена, что там находятся вертолеты с оружием и их легко захватить. Когда Радуев и его группа прибыли на аэродром, там оказались три вертолета без топлива и пустые ящики из-под оружия. Эти вертолеты были взорваны, завязался бой. И почему-то «коридор», по которому могла уйти группа Радуева, оказался в направлении больницы, и им ничего не оставалось делать и ничего не стоило захватить больницу в заложники».

На пресс-конференции, которая прошла в Москве, в пресс-центре на Старой площади, 20 января 1996 года, я не выдержал: «Вот сразу же отвечаю на вопрос Евтушенко: нет отсюда «коридора». Вот аэродром... (Показывая на карту. — Авт.). Уж если отступать им отсюда, то отступать или сюда, или обратной дорогой. Вот батальон внутренних войск, где они потеряли сначала 7, а потом 12 человек. Вот вертолетная площадка. А вот больница. О каком «коридоре» идет речь?.. Моя точка зрения — это цинизм в высшей степени. Это как надо не уважать Российское государство, свое Отечество, чтобы вот так заявить и сказать. Но это моя точка зрения».

Там же я извинился перед журналистами, что в начальной стадии операции мы, ее руководители, ограничили доступ многочисленных репортеров к рабочей информации штаба и запретили походы к боевикам. Объясняя свою позицию, я сказал так: «Это оправданная, общепринятая мировая практика. Во время переговоров, во время подготовки операции нельзя этого делать и разносить по миру все ее особенности... Или, как это было в Буденновске, когда Басаев потребовал поставить перед собой телевизор и, глядя в него, диктовал, как формировать общественное мнение... Этого не должно было произойти».

У меня не было и нет никакого предубеждения по поводу методов репортерской работы. Я с пониманием отношусь к российским и зарубежным журналистам, зная, как нелегко достается им профессиональная удача. Особенно на войне. Но, препятствуя прямому общению репортеров с террористами, я исхожу из убеждения, что есть границы разумного, которые переступать не стоит. Должно стать незыблемым правилом, что террорист, шантажирующее общество, должен быть лишен возможности ставить свои условия через средства массовой информации. Это вопрос профессиональной и человеческой этики.

* * *

На заседании Совбеза, которое было мной упомянуто чуть выше, президентом был поднят вопрос: кто из руководителей силовых структур возьмет на себя руководство операцией? В зале повисло гробовое молчание. Понятно, что напрашиваться на одну из ключевых ролей в сложившейся обстановке — это равносильно самоубийству. Можно ответить головой практически при любом исходе. Я прямо сказал президенту: «То, что происходит сейчас в Кизляре — это террористический акт. Мало того, что страдают ни в чем не повинные люди, налицо угроза захвата местных органов власти. Это дело госбезопасности. Считаю, что руководителем операции должен быть назначен директор Федеральной службы безопасности генерал Барсуков. В свою очередь я готов быть его заместителем и разделить ответственность».

Мой предложение было принято, и вскоре на Лубянке, уединившись в кабинете директора ФСБ, я и Михаил Иванович Барсуков принялись просчитывать ситуацию. Позвонивший туда с места событий генерал Вячеслав Тихомиров, командующий Объединенной группировкой, доложил примерно следующее: «В больнице захвачено столько-то и столько-то заложников. Есть требование террористов — выпустить их в Чечню под прикрытием живого щита. Но мое предложение таково: их ни в коем случае не следует выпускать». Мы с Барсуковым Тихомирова поддержали: «Да, надо их останавливать, надо уничтожить эту банду...»

Те, кто помнят историю восхождения генерала Барсукова к вершинам власти в отечественной контрразведке, часто ставят под сомнение его профессиональные качества. Насколько я знаю, почти вся его служба протекла в Кремле, в тех управлениях

КГБ-ФСК-ФСБ, которые отвечают за безопасность первых лиц государства. Это особая область профессиональных знаний, по большей части мне не ведомая, и я не берусь судить, насколько преуспел в этой работе Барсуков, дослужившийся в Кремле до генеральских звезд. Некоторые оценивали его назначение на должность директора ФСБ как незаслуженное — устроенное его другом Александром Коржаковым, начальником личной охраны Б.Н. Ельцина, в собственных интересах.

Будучи руководителем антитеррористической операции в Кизляре, Барсуков показал себя неплохо. Ни я, ни Квашнин, ни Трошев, находившиеся вместе, что называется, не умыли руки... Когда нужно было в чем-то убедить Барсукова — убеждали. Все решения мы принимали согласованно. Вызвавшись однажды разделить с ним ответственность, я и сегодня не отказываюсь от прежних своих обязательств. Как заместитель руководителя операции, как русский генерал, я отвечаю за все, что произошло в те дни.

И сегодня подтверждаю: я был решительным сторонником того, чтобы не отпускать бандитов безнаказанными!

Хроника событий тех дней фиксирует каждый шаг бандгруппы Радуева, имевшей на момент прорыва в Кизляр около 360 штыков.

9 января она врывается в город и захватывает больницу. В оценках этого события преобладала настоящая человеческая боль и тревога за судьбу ни в чем не повинных людей. Сразу же отвечаю на вопрос: а почему, собственно, мы не извлекли урока из событий в Буденновске? Почему опять возникли подозрения, что совершен очередной подкуп? Почему не реагировала милиция? Во-первых, бандиты пришли заблаговременно. С 4 по 8 января они накапливались в городе (около 200 человек), легендируя свое появление посещением родственников, бегством от войны и т. д. Во-вторых, остальная часть прошла скрытно, в обход основного поста, в том числе и сам Радуев. На втором посту, в 5 часов 15 минут, бандитами были убиты два милиционера.

Милиционеры и бойцы внутренних войск в Кизляре сражались. Только в Кизляре погибли семеро сотрудников МВД Дагестана и два военнослужащих ВВ.

Требование террористов типовое — вывод российских войск из Чечни. Причем в 11 утра из больницы они вышли на связь с УВД Кизляра и предупредили, что, если через два часа не начнется вывод войск из Чечни, заложники будут расстреляны. В доказательство твердости своих намерений расстреливают двоих и делают заявление, что за каждого убитого боевика будут убивать по десять человек. Опять требуют участия в переговорах самого Черномырдина. Видимо, для того, чтобы в глазах остальных чеченцев кизлярский рейд выглядел так же представительно, как и буденновский. В своих амбициях Салман Радуев, бывший комсомольский функционер из Гудермеса, ничуть не уступал недоучившемуся московскому студенту Шамилю Басаеву. Если торговаться, то только с лицом не ниже премьер-министра России. Как говорится, протянешь мизинец, откусят всю руку...

10 января бандиты ведут переговоры с властями Дагестана, получают транспорт для отъезда и гарантии безопасности во время следования их колонны по территории Дагестана.

11 января колонна машин и автобусов с боевиками, которые прикрываются 160 заложниками, выходит из Кизляра. Но, остановленная в районе села Первомайского залпами с вертолетов, сворачивает прямо в населенный пункт. Отрезать бандитов от села и задержать их в чистом поле мог блокпост новосибирских омовцев. Они дрогнули и, не решившись вступить в бой, сложили оружие... Количество заложников увеличилось на 36 милиционеров, которые были принуждены боевиками рыть в Первомайском траншеи.

Следующие дни — 12, 13, 14 января 1996 года — бандиты и федеральные силы готовятся к развязке. Дудаевцы укрепляют село, а мы подтягиваем артиллерию, дополнительные силы и проводим рекогносцировку. Наши силы к моменту штурма насчитывали 2,5 тысяч человек, 32 орудия и миномета, 16 огнеметов, 10 гранатометов, 3 установки РСЗО «Град», около 80 единиц различной бронетехники и несколько боевых вертолетов. Силы банды Радуева мы оцениваем теперь так: около 300 боевиков,

удерживающих свыше 100 заложников, 82-мм минометы, вывезенные из Кизляра на машинах с убитыми, большое количество гранатометов, огнеметов, пулеметов и автоматов. 14 января террористам был предъявлен ультиматум о разоружении и освобождении заложников.

Утром 15 января после малоэффективной артиллерийской подготовки и авиационной поддержки девять штурмовых групп: отряд специального назначения внутренних войск «Витязь», бойцы СОБРов МВД и подразделения 22-й отдельной бригады специального назначения Главного разведывательного управления Генерального штаба — идут на штурм Первомайского. Во втором эшелоне в полной готовности к штурму строений, в которых могли находиться заложники, движется группа антитеррористического центра «Альфа» из Федеральной службы безопасности.

К часу дня бойцы «Витязя», который и является форвардом атаки, преодолев канал, захватывают первую линию обороны боевиков на окраине села и врываются в юго-восточный квартал. Остальные, наткнувшись на яростное сопротивление бандитов в районе моста и кладбища, вынуждены остановиться. «Витязем» командует отличный офицер полковник Александр Никишин. Его отряд полностью выполнил задачу. Поэтому даю команду: используя успех спецназа ВВ, ударить противнику в тыл. К сожалению, собровцы демонстрирует неспособность действовать разумно в условиях общевойскового боя — не обучены... Вместо того чтобы рассредоточиться, офицеры милиции предпочитают двигаться толпой. Еще через два часа останавливается и «Витязь». С наступлением сумерек всем подразделениям приказано отойти на исходные позиции. Оставлять их на ночь в селе без прикрытия с флангов — форменное самоубийство.

К сожалению, воевавшим весь день бойцам негде даже по-человечески отдохнуть. Спят в открытом поле, в ирригационных каналах, в неотопливаемых автобусах.

15 января, в Москве, происходит еще одно событие, которое впоследствии оказало очень серьезное воздействие на оценку обществом всех итогов боевой операции в Первомайском. По тексту книги «Эпоха Ельцина» упомянутое мной событие выглядит так: «Именно в этот день около Спасских ворот Кремля президент, давая интервью, поразил страну сообщением о 38 снайперах (Ельцин руками показал, как снайперы отслеживают террористов через оптический прицел и отсекают от них заложников).

Откуда они взялись, пресловутые 38 снайперов? Незадолго до этого, как уже говорилось, президенту докладывали план проведения специальной операции по освобождению заложников. Такого рода планы состоят обычно из нескольких разделов: замысел действия; расчет сил и средств, участвующих в операции; расчет средств обеспечения операции; предполагаемые силы противника; расчет медицинских сил и средств. И вот замысел действий начинался примерно такими словами: «Группе снайперов выдвинуться из пункта временной дислокации и занять исходное положение...»

Вероятно, снайперы произвели на него такое неизгладимое впечатление, что при первом удобном случае он публично продемонстрировал свое знание деталей операции.

Эти «38 снайперов» стали символом, образом того, как видит ситуацию президент. При том, что каждый с помощью телевидения и прессы мог сравнить «картинку» действительности с тем, что говорит и делает Борис Ельцин».

16 января штурм начинается как бы с чистого листа. Наибольшего успеха снова удается достичь на правом фланге атакующих подразделений «Витязя». Его бойцы вторично захватывают юго-восточный квартал Первомайского, выходят к центральной улице и натываются на второй рубеж обороны: окопы полного профиля, отсечные позиции, умело оборудованные в домах огневые точки. Против них применяется ствольная артиллерия. Хорошо — гаубицы, а вот 85-мм противотанковые пушки — кроме дырок в саманных стенах, другого урона противнику нанести не в состоянии. Бронетехники в прикрытии нет. Особую опасность представляют чеченские снайперы, выбивающие из атакующих рядов в первую очередь командиров. Именно их огнем смертельно ранен командир одного из милицейских отрядов быстрого реагирования подполковник Андрей Крестьянинов и тяжело

ранен командир другого — подполковник Андрей Рябинков. Совершает свой подвиг и получает ранение в живот заместитель командира отряда «Витязь» подполковник Олег Кублин. Все попытки прорвать 16 января вторую линию обороны не имеют успеха. Это самый кровавый день штурма: потери федеральных войск составляют 15 человек ранеными и убитыми. В 17.00 дан общий отбой и наши подразделения снова покидают село.

В ночь с 16 на 17 января в село Советское, находящееся в пяти километрах южнее села Первомайское, со стороны Чечни прорывается небольшая группа боевиков и уничтожает автомобиль УАЗ с пятью дагестанскими омоновцами. В район подтянуты три установки «Град», которые готовятся открыть огонь по тем участкам, где по нашим расчетам концентрируются силы, пришедшие из Чечни дудаевцев. Не сомневаюсь, что в эту ночь была предпринята первая, согласованная по спутниковому телефону, попытка чеченских боевиков вырваться из Первомайского. Та группа, которая действовала в районе села Советское с внешней стороны, должна была поддержать прорыв из внутренней стороны кольца в восточном направлении основной группы Радуева. «Град» только сдержал их натиск, но мы на их счет не обманывались: они точно сидели в лесу. Вот тут надо отдать должное интуиции генерала Квашнина, поставившего задачу авиации в 7.15 17 января нанести по лесу массированный авиаудар.

Мы оказались правы: вечером 17 января, в 21.30 разведчики сообщают о появлении в нашем тылу, опять в районе села Советское, отряда боевиков. Это подтверждается и местными жителями. Боевики, предположительно, из отряда Шамиля Басаева, атакуют внешнее кольцо федеральных войск. В получасовом бою принявшие его дагестанские милиционеры и военнослужащие армейских частей отражают попытку дудаевцев деблокировать отряд Радуева с юга. Через час, на восточном участке, пытаясь вырваться из окружения, идет на прорыв уже со стороны внутреннего кольца основная группа боевиков численностью до 250 человек.

Воспользовавшись разгоревшейся у села Советское перестрелкой, она вместе с заложниками начинает прорываться в сторону Чечни — к Тереку. Боевики стремительно сближаются с боевым охранением федеральных войск, многие из них, действительно, несмотря на январь, были босыми. Но это, думаю, не для скорости бега, чтобы, как говорят в России, только пятки сверкали, а для скрытности — для бесшумной ходьбы. Если так, то это сработало. Хотя весь участок беспрестанно подсвечивался с помощью осветительных снарядов и мин, наступающих чеченцев удалось обнаружить буквально в двадцати метрах.

Противостоящих им разведчиков было куда меньше. Это были солдаты и офицеры 22-й армейской бригады специального назначения, возглавляемые начальником разведки 58-й армии Северо-Кавказского военного округа полковником А. Стыциной. В результате тяжелейшего боя на участке прорыва (50 метров в ширину) группой А. Стыцины уничтожено 45 боевиков. Начальник разведки был сражен выстрелом из гранатомета и героически погиб. Вместе с ним погибли еще несколько военнослужащих. Был тяжело ранен и навсегда ослеп один из офицеров. Довольно большая часть бандитов (еще около 30 человек) погибла перед Тереком от огня нашей артиллерии.

Утром, когда вместе с Квашниным и Барсуковым я прилетел туда на вертолете, это смертное поле еще дымилось. Среди заиндевевшей травы лежали десятки убитых людей. Один иорданец лежит навзничь, а из открытого рта торчит неразорвавшаяся граната от подствольного гранатомета. Другой — с вещмешком на спине. Но достаточно тронуть мешок, как он расплзается, и из него текут на землю тяжелые россыпи автоматных патронов...

Часть прорвавшихся боевиков все же добралась до Терека и переправилась на противоположную сторону, в том числе и по переброшенной через реку трубе газопровода, где их накрывала огнем авиация федеральных войск. Однако Радуеву с группой боевиков (около 60 человек) все же удалось уйти и увести с собой 15 заложников.

Таким образом, в ходе операции по освобождению заложников в городе Кизляре и селе Первомайском было уничтожено 153 боевика (По другим данным — 156. — Авт.), а 30 —

захвачено в плен. Банда Радуева, которую он брал в поход на Кизляр, по сути, была разгромлена, а сам Радуев спустя несколько лет был задержан в ходе спецоперации, подвергнут справедливому суду и приговорен к пожизненному заключению.

* * *

Тот скептицизм, с которым итоги операции были встречены в российских и зарубежных СМИ, я объясняю прежде всего справедливым негодованием в адрес власти, не сумевшей защитить Кизляр и Первомайское от нашествия бандитов. Да, 82 заложника (По другим данным — 86. — Авт.) обрели свободу, а полторы сотни боевиков нашли свой конец на дагестанской земле. В то же время от рук террористов погибли 28 солдат и офицеров федеральных войск и сотрудников милиции, 11 заложников, еще 95 человек были ранены. Разрушено 250 домов.

Но, что ни говори, эти события выглядели так, что каждый, кому не лень, может ворваться в мирный город, захватить роддом или больницу, а потом диктовать условия целой стране. В своем выступлении на пресс-конференции, прошедшей 20 января, в Москве, в пресс-центре на Старой площади я сказал, что острая реакция общества вполне объяснима. Но никто, — я показал рукой на собравшихся журналистов, — из сидящих здесь не сможет привести пример, когда бы легко и безболезненно удалось решить задачу подобной сложности.

По прошествии нескольких лет мне могут возразить: а как же в Перу, где в ходе антитеррористической операции удалось выволить несколько десятков заложников, которые удерживались в здании резиденции японского посла? Мне скажут: там несколько месяцев рыли подземный ход, чтобы напасть на бандитов неожиданно. Штурм — там тоже не обошлось без штурма и жертв — готовился долго и тщательно. Что нам мешало столь же обстоятельно и надежно провести собственную операцию в Первомайском? Почему сдались новосибирские милиционеры? Почему атакующие были вынуждены ночевать в стилом январском поле? Почему внешнее кольцо блокирования оказалось слабым? Почему ушли главари?

Объяснить все это можно только скоротечностью событий. Объяснить страшным цейтнотом времени, когда подарком следовало считать каждый час, который можно было потратить на подготовку операции. Руководство Дагестана, пообещавшее бандитам «коридор» для выхода на территорию Чечни, честно говоря, хотело избежать каких-либо боевых столкновений на территории своей республики.

Как только стало известно, что условия боевиков о беспрепятственном выезде в Чечню приняты и определен конкретный маршрут движения, одному из армейских генералов была поставлена задача организовать засаду. Но тогда резко вмешался глава Республики Дагестан М. Магомедов. Его позиция была предельно ясна: пусть бандиты убираются восвояси. Когда в Кизляр прилетели Барсуков и я, Магомедов встретил нас той же просьбой и очень расстроился, когда мы ему твердо заявили, что не намерены выпускать террористов из Первомайского.

Ясно, что бить бандитов надо было в поле, но, как это уже известно, бойцы новосибирского ОМОНа трусили и просто положили оружие на землю. Путь в село был открыт. Вот это моя вина. Вина министра, не сумевшего убедить каждого подчиненного мне милиционера страны, что есть такие мгновения жизни, когда нужно — просто необходимо! — вступать в бой с преступниками. Открывать огонь. Бесстрашно. Решительно. И даже собственной жизни не пожалеть ради общего дела. А эти милиционеры — надо называть вещи своими именами — просто испугались. Когда 10 декабря 1994 года толпа чеченцев-аккинцев в районе Хасавюрта захватила в заложники солдат ВВ из Нижегородского полка оперативного назначения, это еще можно было объяснить неопытностью солдат срочной службы, впервые попавших в подобную переделку. Здесь же почти четыре десятка профессиональных сотрудников милиции — вооруженных и

обученных мужиков — подняли руки вверх и расписались в собственной трусости.

По их вине ситуация приняла совершенно другой оборот. Теперь у бандитов в распоряжении было целое село, где можно было держать оборону. Со знанием дела они возвели укрепления, а наши ударные силы, подразделения антитеррористического, войскового и милицейского спецназа, предназначенные для штучной ювелирной работы, в общевоинском бою использовались уже в качестве обыкновенной кувалды.

События развивались стремительно, и многое пришлось сшивать на живую нитку. Действовал фактор близости Чечни, и нам приходилось отвлекаться на то, чтобы отследить движение боевиков за Терекком и парировать их возможные удары с тыла. Те силы, которыми мы располагали, насчитывали 2700 человек. Из них непосредственно в боевых порядках действовали человек 600–700. Это немного. Поэтому внешнее кольцо блокирования оказалось слабым: заслоны были удалены друг от друга на 1,5–2 километра и насчитывали по 15–20 человек.

Мы не исключали, что чеченские боевики, примут условия нашего ультиматума. И штурм начали тогда, когда поняли, что террористы стали отстреливать заложников. В тех разговорах боевиков, которые нам удалось перехватить, промелькнула фамилия убитого — Быков. Мы сверили по нашим спискам: действительно, есть такой... Милиционер. Еще называют ряд фамилий, совпадающих по нашему списку: дескать, и эти уже мертвы. По радио бандиты дают друг другу указания: «Если что начнется, надо передать, что мы начнем резать омонцовцев...», «Пленных выводите, ставьте на позиции впереди. Расстреливайте!»

Барсуков, в общем-то, правильно сказал: «Получаю я эти перехваты — что остается делать? Ждать, когда их выведут и будут стрелять, или что? Или вместе с ними пойти и встать в одну шеренгу?»

Решение было принято — штурмовать. Принято Барсуковым, мной, Квашниным. И с точки зрения военного искусства операцию никак не назовешь провальной. На итоговой пресс-конференции 20 января 1996 года я дал вот такую оценку ситуации: «Есть самые разные точки зрения... Как быть? Кто из вас мог дать или может сейчас дать рецепт решения вот этой проблемы? Цель, которая преследовалась, — это освободить максимальное количество заложников и задержать или уничтожить... бандитское формирование такой численности, с которой мы там встретились, — до 300 человек. 300–350 — точно сегодня, до человека отдельного, трудно, наверное, сказать... Наша точка зрения такая: если бандиты имеют на вооружении соответствующие средства — а они их имеют... нужно применять к ним адекватные меры...» (Цитирую по стенограмме пресс-конференции. — Авт.).

Я высказался в том духе, что поставленные задачи в ходе операции выполнены. Что больше мы на поводу у террористов не пойдём.

В своем обращении к гражданам России президент Б.Н. Ельцин выказал решимость не отступать от этих принципов и в будущем: «Те, кто поправил все нормы человечности, должны понести заслуженную кару. Мы говорили раньше и повторяем вновь: наша цель — восстановление конституционного порядка, мира и спокойствия в Чечне. Если же их достижению захотят помешать вооруженные бандиты, пощады не будет. Уступки терроризму недопустимы, безнаказанность порождает новые преступления...»

* * *

Честно говоря, у меня не было сомнений, что мы будем двигаться этим курсом. Но 1996 год только начинался, и он был годом очередных президентских выборов. Это означало, что все слова и поступки вовлеченных во власть людей уже выстраивались по законам предвыборной схватки. Любое событие, происходящее в стране, теперь оценивалось политиками и их политтехнологами только с точки зрения потерянных или приобретенных в игре очков. Новые опасности, нависшие над страной — во многом являлись порождением этой борьбы за власть. Можно было предполагать, сколько мужества, твердости и упорства потребуется от многих из нас в отстаивании самых важных человеческих принципов, но

мало кто догадывался, над какой пропастью мы тогда пронеслись...

Между двумя Ельциными

Водной из рабочих тетрадей, которые я вел в ту пору, совсем недавно обнаружил любопытную запись: «На выборы бросить все!!!» Среди других рукописных строк, сделанных моим беглым почерком, она выделялась вот этим тройным восклицанием, вовсе мне не свойственным. Чужеродная природа этого категоричного приказа подтверждается еще и тем, что я, человек по природе памятливым, и сегодня не могу восстановить обстоятельства, при которых была сделана эта запись. Скорее всего на одном из совещаний, где речь шла о приближающихся выборах и где в качестве накачки каждый из министров получал соответствующую задачу от кого-то из руководителей президентской администрации или Совета безопасности. Я думаю, из этого не стоит делать секрета. Министры, особенно ключевые, независимо от степени своей удаленности от дворцовой жизни, считались членами президентской команды. И в этом была своя логика: при существующей системе власти в высший ее эшелон министров выдвигали воля и желание одного человека — президента России Б.Н. Ельцина. Только он один, ни с кем не советуясь и не считаясь, мог возвысить любого государственного чиновника. Только он в силу принадлежавшей ему абсолютной власти в стране мог отправить его в отставку, повинувшись собственным представлениям о целесообразности.

Можно принимать эти правила игры или сокрушаться по поводу их несовершенства, но при такой системе управления любой из государственных чиновников работает и живет по правилам жесткой командной игры, подразумевающей, что забивание мячей в свои ворота — это глупость, достойная, в лучшем случае бесславной отправки на пенсию.

В то время я проработал в должности министра чуть более полугода, и по большому счету в Кремле ко мне только присматривались. Не то, чтобы я считался чужаком или белой вороной, но многие из опытных, тертых многоходовыми интригами аппаратчиков считали меня человеком недолгой министерской судьбы. Дескать, взят с фронта по необходимости, туда же и буду отправлен, как только пропадет во мне нужда. Однако первые мои шаги, особенно те, которые были сделаны в Чечне на пути к достойному для России миру — несколько укрепили мои позиции, и хотя по поводу выборов президента на второй срок со мной в Кремле никто не советовался, априори я числился членом его команды.

Я не был советчиком Ельцину, когда он принимал решение избираться в президенты во второй раз, поэтому не считаю себя вправе касаться его частной жизни. Человек принял решение. Нравится оно кому-нибудь или нет, но это его собственный выбор. Легко или трудно он ему доставался, об этом никто лучше самого Бориса Ельцина не расскажет. Тем более что существует его собственная версия происхождения, рассказанная в книге «Президентский марафон». Я приведу из нее несколько цитат, но лишь для того, чтобы избежать пробелов в истории и связать воедино все нити последующих событий. Эти строки не только характеризуют самого Ельцина, но и дают ключ к пониманию всех его дальнейших предвыборных ходов:

«...Я стоял перед жизнью, продуваемый всеми ветрами, сквозняками, стоял и почти падал от порывов ветра: крепкий организм подвел; «ближайшие друзья» — уже нашли себе замену, как стая, которая исподволь, постепенно намечает нового вожака; наконец, отвернулись от тебя и те, на кого ты всегда опирался, кто был твоим последним рубежом, резервом, — духовные лидеры нации. А народ... Народ не может простить ни «шоковой терапии», ни позора в Буденновске и Грозном. Казалось бы, все проиграно.

В такие мгновения приходит прозрение. И вот с ясной головой я сказал себе: если иду на выборы — выигрываю их, вне всяких сомнений. Это я знаю точно. Несмотря на все прогнозы, несмотря на рейтинги, несмотря на политическую изоляцию. Но вот вопрос: иду ли? Может, действительно пора мне сойти с политической сцены?

Но мысль о том, что я тем самым буду способствовать приходу к власти коммунистов,

показалась нестерпимой.

Вероятно, выручила моя всегдашняя страсть, воля к сопротивлению.

В конце декабря я свой выбор сделал...»

Так рассказывает сам Ельцин. Но надо знать безбрежное властолюбие Бориса Николаевича, чтобы понять, каким лукавством светились его глаза во время церемонии прощания в аэропорту «Внуково-2»: он улетал в Екатеринбург, чтобы у себя на родине объявить об окончательном решении выдвигаться на второй президентский срок, — когда он обвел всех провожавших его чиновников знаменитым ельцинским взглядом и задушевно спросил: «Ну что скажите, может, мне не стоит ввязываться в это дело?» В ответ, конечно, прозвучал дружный хор голосов: «Ну что вы, Борис Николаевич, как же так? Обязательно надо!»

Проверка на лояльность, кажется, не столько убедила президента в искренности людей из его ближайшего окружения, сколько в том, что он по-прежнему контролирует обстановку. «Раз надо — значит, надо!» — сказал он так твердо, что ни у кого не осталось сомнений, что этот большой, мощный и очень упрямый человек давным-давно все для себя решил и не потерпит рядом с собой никого, кто бы сомневался в его силах.

Предвыборная кампания началась, и в этот бой были брошены огромные ресурсы — финансовые и административные. Слова президента о том, что он непременно победит — надо было принимать совершенно безоговорочно. Он победит. Обязательно победит. Победит любой ценой.

Руководителем предвыборного штаба Ельцина считался Олег Сосковец, который, как кажется мне, просто сам себя назначил на эту должность еще осенью 1995 года. Но активность Сосковца оказалась малорезультативной: замер общественного мнения показывал, что рейтинг президента по-прежнему весьма низок. Как командиру и администратору мне казалось, что перспективными могли оказаться такие предвыборные действия, которые бы убеждали россиян в том, что Ельцин не чурается коллегиальных форм работы. Что достаточно наделить Совет безопасности полномочиями «политбюро», и это уже само по себе добавит доверия действующему президенту. Конечно, речь не шла о возвращении к терминологии прошлых лет, но лишь о том, чтобы существующий Совбез получил те же полномочия, которыми раньше обладало только Политбюро ЦК КПСС. И технология работы этого всемогущего органа власти подразумевалась почти такая же, какой была она в самые трудные и самые победные годы страны.

Ельцин эту мою идею поначалу воспринял с охотой: «Пожалуй, вы правы, Анатолий Сергеевич. Над этим стоит подумать». Поэтому, когда 17 марта 1996 года, в воскресенье, в половине восьмого утра, меня застал телефонный звонок Александра Коржакова с просьбой к 11.00 прибыть в Кремль для встречи с президентом, я терялся в догадках, чем могла быть вызвана эта встреча. Сначала подумал, что стряслось нечто чрезвычайное, но дежурный по МВД, доложивший мне обстановку, только подтвердил: «В стране все нормально». Тогда я и предположил, что Ельцин, возможно, хочет со мной обсудить будущий облик Совета безопасности: ведь предыдущий наш разговор состоялся совсем недавно — в прошлую пятницу, и явно его заинтересовал. Во всяком случае никаких иных причин для чрезвычайного вызова в Кремль в выходной день я придумать не смог и, поблагодарив Коржакова, стал собираться в дорогу.

На всякий случай еще заехал в министерство, чтобы убедиться, что никакой беды мы действительно не проспали: ничто так не гневало Ельцина, как неосведомленность, некомпетентность людей, которым была поручена та или иная работа. Мне не приходилось краснеть в его кабинете, и я не хотел, чтобы какое-либо происшествие застало меня врасплох. Дежурный еще раз меня уверил: «Товарищ министр, все, как обычно. Если бы что-то произошло, я бы уже знал и вам доложил...» «Ну ладно», — подумал я и прихватил с собой на всякий случай несколько официальных бумаг, которые могли пригодиться при любом сценарии встречи с президентом.

В приемной Ельцина, куда я прибыл с некоторым запасом времени, мне сказали: «У

президента сейчас генеральный прокурор. Ждите». На столе лежала распечатка списка приглашенных в Кремль в эти утренние часы. Прочитал: Ковалев (министр юстиции), Скуратов (генеральный прокурор), Куликов (министр внутренних дел), Барсуков (директор Федеральной службы безопасности), Туманов (председатель Конституционного Суда). Стало ясно, что разговор пойдет на другие темы. Из них наиболее вероятной мне казалась та, что касалась недавнего решения Государственной Думы о денонсации Беловежских соглашений, в результате которых в 1991 году распался Советский Союз. Это решение, инициированное депутатами-коммунистами, не отражало реалий жизни, но вполне успешно эксплуатировало мечты большинства россиян о возврате к былым дням.

Я и сам очень горько сожалею об утраченной Родине. Как офицер, я сделал все от меня зависящее, чтобы сохранить страну. Но я не мог ни понимать, что центробежные силы, разнесшие СССР на полтора десятка осколков, были приведены в действие неслучайно. Какой бы защищенной, надежной и гордой ни казалась наша прошлая жизнь в Советском Союзе, цементирующий его режим нуждался в замене. Он игнорировал нормальные законы экономического развития — рынок, конкуренцию, частное предпринимательство. Он программировал нас на закрытость, на идеологическую зашоренность, на отрицание тех ценностей, которые и делают жизнь человека по-настоящему свободной. Не знаю, может, были иные варианты. Может, не все возможности для сохранения страны были исчерпаны, но случилось то, что случилось. Развал СССР надо было понимать так, что каждый хотел идти своей дорогой. То, что произошло в Беловежской пуще — это лишь юридическая констатация свершившегося факта.

Ничто не способно разрушить мою уверенность в то, что многие из этих суверенных осколков, когда-нибудь вновь станут единым государством, но не думаю, что тогда, в 1991 году, эти рвущиеся лоскутья следовало штопать солдатскими штыками. Должно пройти время, чтобы идея добровольного и взаимовыгодного Союза вновь объединила наши народы. Время для этого подскажет сама жизнь. И никакие декларации, денонсации или самые высокие указы, носящие искусственный характер, не в состоянии опередить нормальные процессы экономической и культурной интеграции.

Поэтому к решению Думы я относился спокойно и не видел в нем серьезной угрозы для России. Его можно было расценить только как своевременный предвыборный маневр, помогавший оппозиции решить сразу несколько насущных проблем. Во-первых, разбередить раны большинства россиян, во-вторых, наотмашь ударить по Ельцину, некогда являвшемуся мотором Беловежских договоренностей. В некотором смысле это был контрольный выстрел в голову президента, так как после пережитого, по мнению большинства россиян, Ельцин не мог победить на выборах. С другой стороны, Ельцин, опытный политический боец, очень быстро нейтрализовал этот успех оппозиции, напомнив, что такое ее решение ставит под сомнение легитимность государственных органов, в том числе и самой действующей Государственной Думы.

В общем, все отнеслись к решению Думы как к громкой предвыборной акции, способной привлечь дополнительные голоса избирателей. И не более того. Никаких народных волнений и потрясений не следовало ожидать, так как большинство граждан России беспокоили куда более насущные дела и проблемы: парализованная экономика, безденежье, безработица, война в Чечне.

Без трех минут одиннадцать двери ельцинского кабинета распахнулись, и оттуда выскочил — буквально выскочил — генеральный прокурор Юрий Скуратов. Был он чем-то озабочен, и весь его облик как бы подчеркивал конфиденциальность только что полученной информации. Мы едва успели поздороваться, как он уже скрылся, не проронив ни слова. Меня пригласили к президенту. Ельцин показался мне взбудораженным. Пожал руку и без лишних разговоров объявил: «Я решил распустить Государственную Думу. Она превысила свои полномочия. Я больше не намерен терпеть этого. Нужно запретить коммунистическую партию, перенести выборы». «Мне нужно два года, — он несколько раз, как заклинание, повторил эту фразу: «Мне нужно два года», — и я такое решение принял. Во второй

половине дня вы получите указ». Ельцин не спрашивал моего мнения на этот счет. Это был приказ, и он ждал от меня соответствующей реакции. Она последовала незамедлительно. «Борис Николаевич, — сказал я, — вы — президент и Верховный Главнокомандующий и можете принимать такие решения. Мы все обязаны им подчиниться. Я прямо сейчас отдам все необходимые распоряжения на этот счет. Но если вы не возражаете, я бы хотел продумать и доложить вам сегодня, к 17 часам, свои соображения более подробно».

Я был искренен в своем желании выполнить поступивший приказ Верховного Главнокомандующего, и Ельцин, вполне этим удовлетворенный, сразу же со мной согласился: «Да-да, конечно...»

На выходе из рабочего кабинета президента я столкнулся еще с одним приглашенным по списку — с руководителем Федеральной службы безопасности генералом Барсуковым. Будто передал ему эстафетную палочку, сказал: «Иди, Михаил Иванович, получай задачу!» Он неожиданно проявил осведомленность: «А.С., пожалуйста, не уходите...»

И действительно, в приемной меня сразу же предупредили, чтобы после разговора с Б.Н. Ельциным я и Барсуков поднялись на этаж выше — в кабинет Александра Коржакова. Я отправился туда, чтобы прояснить для себя детали замысла. Одно дело — стратегическая задача президента и совершенно другое — как видят ее исполнение люди из ближайшего президентского круга, которые, как я думал, были наверняка осведомлены о происходящем.

В кабинете Коржакова застал Олега Сосковца, Юрия Скуратова и начальника Федеральной службы охраны генерала Юрия Крапивина. Коржаков налил по рюмке коньяку. Мы выпили. Вскоре подошел и Михаил Барсуков.

Все бурно обсуждали принятое президентом решение, суть которого была совершенно понятна: деятельность компартии запрещается; Государственная Дума распускается; президентские выборы переносятся на два года... Я еще сказал Крапивину: «Юрий, смотри, чтоб не получилось, как в 1993 году. Где-то пройдет утечка информации, и в Госдуму набьется тьма народа. Потом опять придется штурмовать. Что-то нужно придумать, чтобы очистить здание под благовидным предлогом. Сказать, что заминировано... Взять под охрану...» Кстати, эти мои слова пошли гулять по властным коридорам, и позднее, чтобы воспрепятствовать проходу депутатов и персонала, здание Государственной Думы на некоторое время объявляли заминированным.

Вот так — на выполнение приказа — срабатывает рефлекс профессионального военного человека. Первое, что приходит на ум, — это не размышления «Зачем?», «Почему?», но перво-наперво: «Как?» Тут все происходит на уровне подсознания: срабатывают уроки армейской школы, где жизнь и поведение любого солдата регламентируются словами устава: «Приказ начальника — закон для подчиненного». То, что писал великий полководец Александр Суворов: «Сам погибай, а товарища выручай», «Пуля — дура, штык — молодец» — это, по сути, тоже устав. Некая программа, которая закладывается в человека, чтобы в нужный момент автоматически запуститься. Без раздумий. Без промедления.

Кто-то, быть может, скажет, что подобное противно человеческой природе и больше похоже на дрессировку или зомбирование. Но солдату часто приходится действовать в таких обстоятельствах, на которые просто не рассчитан даже быстродействующий мозг человека. Скажу честно, когда группа захвата врывается в самолет или в автобус, чтобы обезвредить террористов, ее бойцы буквально подставляются под пули бандитов, а решения принимают в доли секунды. Тоже самое в атаке, в рукопашном бою, в горящем танке, в терпящей аварию подводной лодке... Этому учат. Это культивируют. Это неременное условие солдатской профессии.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что, получив приказ президента, я не стал задумываться о последствиях и по-военному деятельно начал готовиться к его выполнению. От Коржакова позвонил в министерство и попросил собрать тех членов коллегии МВД, которые находились в Москве.

Ко времени моего приезда на Житную, в здание министерства, все уже собрались, и я,

рассказав о разговоре с президентом и велел сохранять тайну, дал команду готовить расчет сил и средств. Впрочем, добавил: «Если кто-то из вас в чем-либо сомневается, то прошу высказать свое мнение, не стесняясь». Первая реакция генералов чем-то напоминала мою собственную: вопросов не было. Все были спокойны и сосредоточены, будто разгон парламентов и запрещение компартий было для нас рутинным, повседневным делом. Система, что называется, сработала... Все пошли делать расчеты, готовить распоряжения. Как-то разом улеглось мое собственное возбуждение, и захотелось побыть одному, чтобы все хорошенько взвесить.

Подумать о том, чего мне не сказал президент. Что носилось в воздухе, но так и не было произнесено в кабинете Коржакова за рюмкой коньяку. О чем я сам промолчал пять минут назад перед коллегами-генералами. Ну хорошо, мы выполним приказ... Но каковы будут его последствия?

Через считанные часы я должен был изложить президенту свое видение ситуации. Теперь, когда механизм операции был запущен на полную катушку, разговор из плоскости «Так точно!» и «Никак нет!» должен был перейти в плоскость стратегических расчетов, соответствующих рангу федерального министра и по-настоящему государственного человека. Приказ мы выполним, но что станет со страной? Запрет компартии всколыхнет всю Россию, и на улицу выйдут сотни тысяч ее сторонников. Обязательно выйдут и те, кого доняли «сильные» ходы Бориса Ельцина. Общество, уставшее от перманентного политического кризиса, от военных потерь, от ежедневного чувства безнадежности, уже не связывает своих надежд с первым российским президентом и не встанет на его защиту. В обстановке хаоса возникает кровавый облик братоубийственной гражданской войны. Впереди тысячи погибших и искалеченных соотечественников. Распад Федерации. Изоляция страны. Невосполнимые потери в экономике.

Вывод один: этого делать нельзя! Нельзя ни в коем случае!

Думаю, что в это же самое время Ельцин продолжал размышлять о задуманном. В чужую душу не заглянешь, а в открытую не спросишь... Конечно, подлинные мысли президента так и останутся при нем навсегда, но какая-то их часть позже была выплеснута в книге «Президентский марафон». Я намерен воспользоваться очередной цитатой из нее, чтобы избежать каких-либо умолчаний:

Вот взгляд Б.Н. Ельцина (Те же самые часы 17 марта 1996 года или несколько раньше. — Авт.):

«Чего греха таить: я всегда был склонен к простым решениям. Всегда мне казалось, что разрубить гордиев узел легче, чем распутывать его годами. На каком-то этапе, сравнивая две стратегии, предложенные мне разными по менталитету и по подходу к ситуациям командами, я почувствовал: ждать результатов выборов в июне нельзя... Действовать надо сейчас!

Я решил и сказал сотрудникам аппарата: «Готовьте документы...» Началась сложная юридическая работа. Был подготовлен ряд указов: в частности, о запрещении компартии, о роспуске Думы, о переносе выборов на более поздние сроки. За этими формулировками приговор: в рамках действующей Конституции я с кризисом не справился.

Ситуацию для себя я сформулировал так: ценой тяжелой потери качества — выхода за конституционное поле — я решаю одну из своих главных задач, поставленных мной еще в начале президентства. После этого шага с компартией в России будет покончено навсегда...»

* * *

Все, что произойдет дальше, я увидел как на ладони. Но я еще должен был найти союзников и сторонников, которые окончательно разрешили бы мои сомнения: прав я или, может быть, все-таки нет.

Чтобы подписать какие-то неотложные бумаги ко мне зашел мой заместитель, начальник Следственного комитета МВД генерал Игорь Кожевников. Своими сомнениями я

впервые поделился с ним: «Игорь Николаевич, давай подумаем... С точки зрения законности здесь явное нарушение: президент по Конституции не имеет права разгонять Государственную Думу за полгода до президентских выборов». Реакция Кожевникова: «Конечно, это антиконституционно».

Тут же прошу соединить меня со Скуратовым. Важно знать, что наедине с собой думает генеральный прокурор России, когда речь идет о прямом нарушении Конституции. Спрашиваю: «Ну, как ты там себя чувствуешь?» Он: «Вообще-то, неважно... Но я так понял, что все дали согласие?». Возражаю: «Нет, лично я не согласен!» Скуратов удивляется: «Как?.. А мне президент сказал...»

«Вот что, — говорю, — ты пригласи к себе к 14.00 Владимира Александровича Туманова (Председатель Конституционного Суда. — Авт.), а я к вам подъеду. Подумаем вместе, посоветуемся». И прошу Игоря Николаевича Кожевникова отправиться в Генпрокуратуру вместе со мной: в таких ситуациях важно, чтобы доверенный человек был рядом. Что-то записать, передать какие-либо распоряжения. Да и просто для того, чтобы посоветоваться в трудную минуту.

Приехал. Оба подтверждают почти клятвенно, что президент им сказал, что Куликов — за это решение, министр обороны Грачев — «за», руководитель ФСБ Барсуков — «за». Ну, а коли все согласны, тогда и Скуратов с Тумановым начали склоняться в ту же сторону. Говорю им: «Хорошо, я — солдат, я — полицейский. Мне сказали — я сделал. Но вы — и один, и второй — надзираете за соблюдением законности в стране...»

Туманов: «Да, конечно, это не соответствует Конституции».

Понимаю, что им обоим муторно на душе и они полностью разделяют мою точку зрения. Договорились так: солидарно будем возражать против разгона Думы, компартии и переноса выборов. Но сейчас разъедемся, и каждый из нас по отдельности поразмышляет над листом бумаги, что говорит в пользу проведения такой акции, а что — против. Я сказал главное: «У меня в 17 часов встреча с президентом. Приглашаю вас вместе с собой. Мы зайдем к нему вместе и попробуем его отговорить».

Те аргументы, которые я набросал на бумаге к этой встрече, были исполнены в совершенно корректной форме, но по сути ничем не отличались от тех, что были мной прокручены в голове еще до встречи с генеральным прокурором и председателем Конституционного Суда. Ну, может быть, в них было больше детализации, вроде моих опасений, что милиция субъектов Федерации выйдет из повиновения или напоминаний о том, что опальные люди и опальные движения в нашей стране всегда получают поддержку населения, но это лишь для того, чтобы не скликать чертей. Президент не приемлет прямого давления. Если и существовала возможность его убедить, так это только с помощью веских и разумных слов.

Что-то говорило мне: президента кто-то здорово накручивает. На это указывало излишнее возбуждение Олега Сосковца и Александра Коржакова. Делая вид, что решение президента для них столь же неожиданно, как и для остальных, они немного переигрывали. И было понятно: Сосковец провалил первоначальный этап предвыборной кампании, а его штаб не был в состоянии привести Ельцина к победе. Война, которую затевал президент, могла списать все эти промахи, а Коржаков, который, как оказалось потом, чуть ли не выращивал из Сосковца будущего российского президента, действовал с ним заодно. Ради власти этих людей — сегодняшней и будущей — в принципе и была придумана вся эта комбинация. Ельцина попросту провоцировали, играли на его слабых струнах. И в какой-то момент он поддался на уговоры, приняв, как это он сам говорил впоследствии, вот эту «стратегию».

Скуратов и Туманов приехали в Кремль, как мы условились — к 17 часам. У президента был его помощник Виктор Илюшин с группой своих работников. Вскоре все они — сам Илюшин, Юрий Батурин, Михаил Краснов, Руслан Орехов и Георгий Сатаров — вышли из его кабинета, и по настороженному выражению их лиц, по взглядам исподлобья я понял: там назревает гроза... Илюшин попросил меня подняться к нему на третий этаж, как

только мы закончим разговор с Ельциным. Я кивнул.

Президент и вправду был мрачен: лицо землистого цвета, неприветлив... Я коротко доложил: «Борис Николаевич, работа по выполнению вашего решения идет, расчеты производятся. Но мы, — я указал на Юрия Скуратова и Владимира Туманова, — считаем его ошибочным». Предлагаю высказаться своим коллегам — они говорят в принципе то же самое.

Президенту страшно не понравилось, что мы пришли втроем. Вроде как я подбил остальных на групповое неповиновение. Говорит мне с упреком: «Но вы же утром мне ничего не сказали». Уточняю: «Борис Николаевич, я ничего и не мог вам сказать. Поэтому попросил принять меня в 17 часов и выслушать предложения. Так вот — наше предложение заключается в том, что этого делать нельзя. Я готов объяснить, почему». Начал с того, что до выборов еще много времени, что рейтинг еще можно поднять. Но самая главная опасность заключается в том, что в стране возможен социальный взрыв, а вот сил, для того чтобы контролировать ситуацию, у нас нет и не предвидится... Они в Чечне. Они еще воюют. Сказал, что нам проще всего было щелкнуть каблуками, а потом все свалить на президента. Но мы решили не скрывать своих опасений.

Ельцин меня прервал: «Министр, я вами недоволен! Указ последует. Идите! Готовьтесь и выполняйте!».

Было ясно: Ельцин возражений не приемлет. Я только спросил: «Борис Николаевич, а вы не хотели бы создать Совет безопасности, чтобы обсудить эту ситуацию?» Он взорвался: «Хватит, уже насоветовался... Никакого Совета я собирать не намерен». Я не сбавляю напор: «А с Грачевым вы на эту тему не говорили?» Дело в том, что в это утро в списке приглашенных я не увидел фамилию Грачева, но и представить себе не мог, что он не в курсе происходящего. Ельцин отрезал: «Грачев мне сказал, что поддержит Куликова».

Мы вышли и поднялись наверх к Илюшину. Там я увидел еще и Сергея Шахрая. Оказывается, они готовили указ. То, что они были не в восторге от происходящего, я понял, как только услышал их первые реплики.

Конечно, они были ошарашены, когда я им заявил: «Не вздумайте готовить этот указ!» Подошел к окну и показал рукой на Красную площадь, которая в тот вечерний час была заполнена праздным и беззаботным народом: «Смотрите, сегодня тут гуляют люди... А завтра, когда этот указ будет подписан — здесь будут жечь костры. И не только на Красной площади, а по всей стране... Сил, для того чтобы удержать ситуацию под контролем, у нас нет. Это путь к гражданской войне. Поэтому я категорически против. Мы сказали об этом президенту, и я вас прошу этот указ не готовить. Лично я его выполнять не буду. Я лучше рапорт напишу и уйду!..»

Сразу же выяснилось, что эти люди отлично меня понимают. Илюшин признался: «Мы тоже считаем, что это неразумное решение. Но вот уперся президент: давайте указ, и все! Только что мы ходили его уговаривать не делать этот указ, но он нас и слушать не желает: дескать, Куликов согласен, Барсуков согласен, все согласны! Выгнал из кабинета: «Идите, пишите!» Но, — тут опытный Виктор Васильевич Илюшин несколько усилил интонацию, — то, что вы нам сказали, конечно, меняет ситуацию...»

В это время раздался телефонный звонок: Илюшину звонил председатель правительства Виктор Степанович Черномырдин.

Виктор Васильевич известил его, что я нахожусь поблизости, и Черномырдин затребовал меня к телефону. «Что там, Анатолий?» — спросил он меня встревоженно. Я хотел понять, насколько информирован сам Черномырдин: «Вы, наверное, уже знаете?...» Он ответил утвердительно и сослался на Илюшина, который ввел его в курс дела. Его тоже беспокоило, соответствует ли Конституции то, во что втравливают и его. Пришлось сказать откровенно: «Вы же понимаете, что это антиконституционно. Если у вас есть возможность, то прошу вас повлиять на президента». Черномырдин только вздохнул озабоченно: «Ой, смотри, Анатолий!» Я: «Чего тут смотреть? Нельзя этого делать — и смотреть нечего!» Виктор Степанович понял, что начинается настоящая буря: «Хорошо, я подумаю, что тут

можно сделать», и отключил телефон.

В Кремле мне больше делать было нечего, и я поехал в министерство: там по моему приказу работали люди, там были члены коллегии, которым нужно было честно все рассказать. Это опытные и заслуженные генералы, мнением которых я дорожил и не собирался их подставлять из-за того, что я сам впал в немилость.

К восьми вечера собрал их у себя. Завершил рассказ невесело: «Не знаю, может быть, в эту минуту уже решается вопрос о моей отставке. Я к этому готов, и вы должны знать, что я свою точку зрения не изменю. Разделяете вы ее или нет — это ваше дело...» Неожиданно все меня поддержали: «Товарищ министр, мы ее разделяем!» Тогда я сказал: «Спасибо. Тогда я буду ее отстаивать до последнего». Спросил, могу ли я сослаться на наше общее коллегиальное решение? Генералы заверили: «Да, можете сослаться. На всех — до единого!»

Где-то в половине одиннадцатого вечера позвонил Коржаков: «А.С., завтра, в 6 утра, вас вызывает к себе Борис Николаевич...»

Тон уже суховатый: вроде как надо мной и вправду сгущаются тучи и я уже не вхожу в круг единомышленников. Интересуюсь: «А кого еще вызывает?» — «Будет Барсуков и еще несколько человек».

* * *

Некую интригу во всем этом деле представляло собой физическое отсутствие министра обороны Павла Грачева. Завтра, может, начнется гражданская война, а его я в Кремле не вижу. В списках приглашенных Павел Сергеевич не значится. Только и слышу от президента, от людей сведущих: «Грачев поддержал... Грачев согласен...» Думаю, подожди, я ведь его мнения еще не слышал.

Названиваю ему по свецсвязи. Нахожу, кажется, на даче, и у нас завязывается следующий диалог. Спрашиваю: «Павел Сергеевич, тебе президент звонил?» — «По какому вопросу?» — «По вопросу предстоящих задач». Он просто не понимает: «Подожди, каких задач?» Я снова его пытаю: «Так он что, тебе ничего не сказал?» — «Нет, ничего». — «А ты у него был сегодня?» — «Не был». — «И ты не знаешь о решении, принятом президентом?» — «Нет, не знаю. Был, правда, один звонок. Но единственное, что он спросил: «Ты Куликова поддержишь при необходимости?» Я сказал: «Конечно, поддержу. Мы с ним друзья, однокашники...»

Я рассмеялся и пожелал Павлу доброй ночи.

Еще до полуночи снова вышел на связь Черномырдин: «Ну, как, Анатолий?» Я проинформировал его о том, что дела плохи, что завтра в 6 утра президент снова собирает исполнителей, как я понял — для оглашения указа. Виктор Степанович спросил: «Кто еще будет?» Я перечислил: «Барсуков, Коржаков» и добавил: «Но вот Грачева точно не будет. Несколько минут тому назад я с ним разговаривал, и он дал мне понять, что его никто никуда не вызывал. Даже странно, — попенял я Черномырдину, что дела такого уровня готовятся таким образом. Министр обороны ничего не знает».

Во время разговора с премьер-министром у меня сложилось впечатление, что и его самого несколько, что называется, задвинули в угол. Не посоветовались. О грядущем совещании он не знал абсолютно. И это не казалось Черномырдину справедливым. Он произнес как-то неуверенно: «Наверное, и я завтра подъеду...» Я попросил: «Давайте, встретимся минут за десять до начала. Мне есть, что вам сказать».

Сна не было. Развернул рабочую тетрадь и стал коротко записывать то, что завтра собирался сказать президенту как на духу.

* * *

Теперь самое время остановиться и объясниться с читателем. Меня могут спросить: не

потому ли упорствовал генерал Куликов, что был тайным коммунистом или рассчитывал на признательность компартии Российской Федерации в далеко идущих целях. А попросту — не ждал ли он победы лидера коммунистов Геннадия Зюганова на президентских выборах? Ведь его шансы казались более предпочтительными. В то время многие политики старались поддерживать добрые отношения с руководством этой партии. Хотя бы на всякий случай.

Нет, не было этого.

Было понимание того, что затеянная Ельциным битва с компартией затрагивала интересы сотен тысяч людей. В основном тех, кто вынес на себе тяготы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления. Тех, кто рос, получал образование и состоялся как человек в годы, когда царила только коммунистическая идеология. Что же, отмести их в сторону, словно их и не было никогда? Взять и запретить их судьбу, память, мечты?

В то же время опыт ликвидации катастрофы на Чернобыльской АЭС позволил мне еще во второй половине 80-х годов сделать одно очень важное открытие. Когда я, командир Минской дивизии внутренних войск, которая одной из первых вошла в район аварии, по служебной необходимости летал над разрушенным реактором в вертолете, я ведь тоже бережно хранил в кармане полевой куртки партийный билет члена КПСС. Но точно такие же красные книжечки лежали в карманах тех людей из персонала станции, которые по преступной халатности допустили страшную, непоправимую беду. Значит, дело не в партийных билетах и в партийной принадлежности, а в деловых качествах человека. Я с удовольствием пожму руку любому гражданину страны, убежденному в том, что каждый забитый им гвоздь идет на пользу Отечества.

Нет, не партийные симпатии волновали меня в ночь с 17 на 18 марта. Меня тревожило беззаконие того, что было задумано. Вот это — свойственное только тоталитаризму — отношение к человеку, как к массе, как к слагаемому в арифметическом действии. Твердо решил: уйду с легкой душой, чтобы в глазах потомков не выглядеть сволочью!..

Но пока оставалась хоть единственная возможность бороться против грядущего указа, надо было ее использовать до конца. Утренняя встреча с президентом становилась для меня решающим боем.

Потом лег. Пару часов проворочался, но уже в пять утра встал, побрился, умылся и поехал в Кремль.

* * *

За пятнадцать минут до начала я был уже на месте. И пяти минут хватило, чтобы высказать свои доводы Черномырдину.

Гляжу: в приемную входят двое Куликовых. Так уж получилось, что среди генералитета МВД оказалось сразу три однофамильца: я — министр, генерал-полковник милиции Николай Васильевич Куликов — начальник Главного управления внутренних дел города Москвы и генерал-полковник милиции Александр Николаевич Куликов — начальник Главного управления внутренних дел Московской области. В прошлый вечер их не было в министерстве, и на совещании они не присутствовали. Конечно, их появление оказалось для меня неожиданным. Никто из них и словом со мной не обмолвился, что их, как и меня, вызывают к Ельцину на 6 утра.

Я тут же отозвал их в сторону и предупредил: «Я буду выступать против разгона Думы и запрета коммунистической партии. Таково и решение членов коллегии министерства. Вы это должны иметь в виду». По их лицам понял: они в недоумении. Это неслыханно: министр внутренних дел в приемной Верховного Главнокомандующего заявляет им такое...

Заходим в кабинет. Президент еще мрачнее, чем был накануне. Ни с кем не поздоровался. Когда сели, я спросил: «Борис Николаевич, разрешите доложить?» «Нет. Садитесь, я не с вас хочу начать, — Ельцин сразу обозначил свое отрицательное отношение ко мне, — я сейчас послушаю московских...» А Коржаков тем временем подсовывает ему

под руку записочку с именами-отчествами милицейских генералов. Ельцин прочел ее и поднял с места начальника ГУВД Московской области: «Доложите, Александр Николаевич, как идет подготовка!» Тот сообщил о работе, которая уже проведена: «В соответствии с полученной от министра задачей произведен расчет сил и средств, взяты под охрану объекты, 16 тысяч человек задействованы, требуются дополнительно еще как минимум 13 тысяч».

Президент с деланым удовлетворением на лице: «Ну вот, хорошо идут дела в Московской области, не то что в Министерстве внутренних дел!..» Я понял, что на столе перед ним лежит еще один указ — о моем освобождении от занимаемой должности. Это обычные листки бумаги, только перевернутые, чтобы никто не мог прочитать их содержание. Но один из них, верхний, все-таки просвечивался, и было видно, что там совсем немного текста. Один абзац — освободить прежнего министра. Другой абзац — назначить следующего. Но мне в тот момент это было абсолютно безразлично. Я для себя решил, что в этой аванюре я участвовать не буду.

Когда президент посадил моих однофамильцев, я все-таки еще раз попросил разрешения доложить. Говорю: «Борис Николаевич, это ведь не только мое мнение, но и моих заместителей».

Он тут же меня прерывает. Смотрит зло, раздраженно: «Они у вас что, все коммунисты?..» «Нет, не коммунисты, — парирую я, — но в 91-м и в 93-м годах у вас были все основания для подобных действий. Сейчас их нет. Это похоже на авантюру. Последствия не просчитаны. Разгон Думы — антиконституционный акт, а сегодняшняя Конституция — это ваша, Борис Николаевич, Конституция...»

Ельцин прерывает меня и говорит: «Это уже мое, а не ваше дело, какой это акт!» Я не сдаюсь: «Разрешите продолжить?» Молчит. «Привлечь коммунистов к уголовной ответственности не за что. Если вести речь об уголовной статье за измену Родине, то ведь они выступают за сохранение целостности СССР... За что их привлекать?» После этого президент не выдерживает, вскипает: «Вы как себя здесь ведете? Что вы мне не дадите слово сказать?! Это вы там, у себя, совещания проводите, как хотите, а здесь вы находитесь у меня в кабинете!» Подавил гнев, смотрит на меня разочарованно. Я гну свое: «Разрешите продолжить?» Молчит. «Уход коммунистов в подполье создаст им образ гонимых властью людей. Сейчас у них пять различных направлений, но они будут консолидированы. Это будет мощная сила. Туда пойдет молодежь».

Пользуюсь тем, что Ельцин меня не останавливает, и задаю очень важный вопрос: «А почему на этом совещании нет Грачева? Кто просчитал реакцию Вооруженных Сил? У меня нет уверенности, что они вас поддержат. Спросите у Барсукова, он подтвердит, что у военной контрразведки имеются данные о том, что в случае выступления некоторых частей Вооруженных Сил им обещана поддержка. Расчет делается на инертность народа, на то, что никто не выйдет поддержать коммунистов. На это же рассчитывал и Крючков в 91-м году (Владимир Крючков — председатель Комитета государственной безопасности СССР, один из руководителей ГКЧП в августе 1991 года. — Авт.). И проиграл. Он тоже говорил, что народ не выйдет, и уповал на демонстрацию военной силы. Сейчас это делаем уже мы».

И тут выкладываю последние козыри: «Здесь должны присутствовать генеральный прокурор и председатель Конституционного Суда. Они разделяют мою позицию». Ельцин уже просто ворчит: «Вы за себя говорите! Вы за других не говорите! Я знаю их точку зрения». Мне тоже приходится перейти на более мирные тона: «Ответственность в данном случае будет лежать на вас. Президент России — это объединитель нации, а вам, Борис Николаевич, навязывают войну. Даже непонятно, кто дает такие советы! Вот мы говорим о том, чтобы запретить компартию, привлечь ее руководство к ответственности... А где ЦК этой партии, кто скажет? Кого мы должны задерживать?»

Ельцин удивленно: «А действительно, где?» Барсуков восклицает: «Я знаю!», листает записную книжку и диктует: «ЦК КПРФ — Охотный ряд, дом 1...» Я говорю: «Но это же адрес Госдумы...» «Ну да, адрес Госдумы...» — подтверждает Михаил Иванович. А Ельцин

опять поднимает генерала Александра Куликова: «Вы знаете, где находится ЦК?» Тот пожимает плечами: «Никак нет!»

Все молчат, поникнув головами. Я ожидал, что именно сейчас президент перевернет лист на столе и подпишет указ о моем освобождении. После тяжелой паузы Ельцин произнес, как мне показалось, через силу: «Да, их нужно разогнать. Мне нужны два этих года. Указ готов к подписанию. Проблему решим, наверно, так: поэтапно... Помещение Госдумы и компартии пока не занимать! Сегодня я буду говорить со Строевым и с Лужковым. Идите. Ждите команды».

Когда Ельцин это сказал, я понял, что ничего страшного уже не случится. У президента хватило мудрости перешагнуть через себя, через свой характер. Он понял, что затея может кончиться трагически, что его пытаются использовать. Я не сомневался, что ельцинская фраза «Ждите команды» — это уже слабый отголосок пролетевшей грозы. Последними раскатами грома были и начатое блокирование здания Госдумы, и объявление, что оно заминировано. Но уже около 8.00 Крапивин, позвонивший мне в министерство, начисто рассеял все мои сомнения: «Дана команда думцев запускать!»

Сразу же после кремлевского совещания я, зная, что этим утром, кажется, из Индии должен был прилететь мэр Москвы Юрий Лужков, попросил Н.В. Куликова, именуемого для простоты идентификации в кругу генералов МВД Куликовым-городским: «Николай Васильевич, пулей лети в аэропорт. Встреть Лужкова и слово в слово повтори то, что слышал. До того, как с ним свяжется президент, он должен знать подлинную картину». Куликов это исполнил, и вскоре Лужков также категорично высказался против планов, продолжавших витать в высоких коридорах федеральной власти.

Ну а как только с ними распрощался и сам президент, проигравшие застрельщики мероприятия, в полном соответствии с правилами аппаратной игры, начали отступательные действия. То сначала Олег Николаевич Сосковец, уезжавший из Кремля в машине премьер-министра, вдруг начал благодарить Черномырдина за проявленную им мудрость (а Виктор Степанович, без сомнения, в этой ситуации не был на стороне Ельцина). То вдруг он же стал зазывать меня к себе «на обед» в Дом правительства, называемый Белым домом, и уверял меня в том, что я поступил правильно. Я расценил это как жест примирения с его стороны. И в то же время — как разведку «коржаковского клана» — не пал ли я духом и прочее... В последующем я стал куда осторожнее с этими людьми.

Еще какое-то время я пребывал в уверенности, что президент отправит меня в отставку. Какой глава государства хочет иметь рядом с собой министра внутренних дел, который отказывается выполнять его распоряжения? И до 25 марта у меня никаких контактов с Ельциным не было. А в этот день он позвонил мне сам и суховаты, еще не простив фронды, заметил: «В самом деле, А.С., разгонять Думу было нецелесообразно. Но коммунисты этого заслуживают!» В конце фразы он сделал нажим, чтобы я и не сомневался: президент был прав. Ну, или прав отчасти... Я понял, что Борис Николаевич не против сотрудничать со мной и в дальнейшем.

Я воспользовался этим, пригласил его на празднование Дня внутренних войск, впервые проводившееся в том году. Дипломатично напомнил: «Товарищ Верховный Главнокомандующий, вы сами подписывали указ. Увидите войска. Это будет полезно». Ельцин не обещал: «Может быть, и заеду...»

Он заехал. Получился отличный праздник, и мы вместе с президентом, чуть не перепачкавшись цементным раствором, закладывали первый камень в фундамент новой казармы. Обычная церемония... Но что-то — я понял — в наших отношениях стало налаживаться. Позднее, в апреле, я все-таки и сам захотел преодолеть остатки бывшего непонимания. В конце очередной встречи сказал: «Борис Николаевич, если у вас что-то есть на душе против меня: я уйду, не задумываясь. Вы только скажите». По-мужски сдержанно он остановил меня жестом руки: «Забудем это!»

* * *

Я бы не стал утверждать, что в своих попытках завершить войну в Чечне Б.Н. Ельцин исходил только из прагматических интересов. Негативная реакция общества была ему известна, и он не скрывал, что война начинает его тяготить. «Это самая большая ошибка, которую я совершил», — признавался он.

Не склонный распахивать душу перед кем бы то ни было, эти слова он говорил очень искренне. Так, что у меня не было никаких сомнений в том, что для президента это личная драма.

Почти ежедневно война уносила солдатские жизни. Расходы на Чечню были весьма обременительны, а перспективы умиротворения — столь же призрачны, что и год тому назад. В условиях предвыборной борьбы война и вовсе казалась тяжелой гирей на ногах и была способна утянуть в пучину позорного проигрыша не только самого Ельцина, но и всю его команду, в которой работали, в том числе очень энергичные и нацеленные на реформы люди. Все то, что было сделано в первой половине 90-х годов, просто могло пойти прахом, если бы, отважившись на открытые и демократичные выборы, Ельцин их проиграл на глазах миллионов россиян. Было ясно, что, пока в Чечне идут боевые действия, говорить о чистой и честной победе 12 июня можно было только с оговорками. Только с надеждой на чудо.

Президент это понимал и в свойственной ему манере полагался только на силу своего характера, на авторитет, на опыт политического молотобойца, способного на решительный и совершенно неожиданный удар. В нем зрело убеждение, что достаточно его визита в воюющую Чечню, чтобы переломить ситуацию. Еще в начале 1996 года на одном из закрытых заседаний Совета безопасности он заявил упрямо: «Поеду в Чечню! Когда поеду — не скажу». Помолчав немного, простодушно добавил: «Ну, может быть, числа двенадцатого...»

Барсуков, на котором вместе с Крапивиним лежала ответственность за обеспечение президентской безопасности, был буквально потрясен: как же можно называть конкретную дату на людях? Ведь поездка Ельцина перестает быть тайной. В рядах чеченских боевиков есть вполне квалифицированные диверсанты, обладающие боевыми навыками, чтобы сбить, скажем, президентский самолет в воздухе или обстрелять его на земле управляемыми снарядами или из минометов. Все это у чеченцев было, и очевидной казалась опасность, что далеко не все из диверсионных групп мы смогли бы перехватить, если бы командование НВФ знало день прилета президента в Чечню. Михаил Барсуков попытался отговорить Ельцина, но президент оказался непреклонен: «Я сказал, что поеду. Значит — поеду!..»

Новая концепция мирного урегулирования вооруженного конфликта в Чечне, предложенная для обсуждения в марте, полностью отвечала предвыборной задаче Ельцина прекратить боевые действия в Чечне как можно скорее. Как это задумывалось разработчиками (Комиссия В. Черномырдина и группа Э. Паина. — Авт.), во второй декаде марта президент должен был выступить с заявлением о необходимости подписания политического договора. Наши предложения отличались и новизной подходов, и гуманизмом, и готовностью к определенным уступкам. Так, например, предполагалось после формирования «властных структур» ЧР произвести частичный отвод федеральных войск из республики. Те части, которые по договору оставались в Чечне, должны были «вернуться в места постоянной дислокации», то есть в гарнизоны. Вскоре должен был появиться легитимно избранный парламент республики, который бы и принял решение о подписании этого договора. В нем, например, оговаривалось проведение на территории ЧР в конце 1998 — начале 1999 годов плебисцита (всенародного опроса) о том, в какой Чечне собираются жить ее граждане.

Этой концепции активно сопротивлялся Олег Лобов, бывший в то время секретарем Совета безопасности. Сначала план был вовсе отвергнут, сроки затянулись, но, в конце концов, аргументация группы Э. Паина показалась Ельцину более убедительной. 15 марта он прервал прения сторон и отрезал: «30 марта я выступаю с программой мирного урегулирования. 30 марта военные действия заканчиваются!» Категоричным тоном, не

терпящим возражений, мне было приказано к этому сроку подготовить и схему передислокации группировки федеральных сил, так, чтобы никаких сомнений не оставалось: мы уходим...

Черномырдин возразил: «Мы чего-то здесь не договариваем... До того, как это произойдет, мы должны были решить вопрос с вооруженными группировками и их руководителями...»

Если перевести эту фразу Виктора Степановича с аппаратного языка на русский, то ее надо было понимать так, что он решительно протестует против того, чтобы мы начали сворачивать активные действия до того, как будут пойманы самые одиозные бандиты и террористы.

«Дудаев, Басаев, Масхадов, Гелаев, Закаев, Радуев», — перечислил я, но президент только отмахнулся и произнес зло, с вызовом: «А почему не разыскиваете? У нас военные на это не способны...»

Президент дал понять: разговор окончен. И переключился на обсуждение своей поездки в Чечню, которая, по его расчетам, должна была состояться в апреле — на мягкой волне мирных инициатив. Хороший предвыборный ход. Во время встречи с президентом обязательно должны быть люди. Не десять человек, не триста, а несколько тысяч. Довольно детально Ельцин принялся обсуждать с Завгаевым, бывшим тогда главой Временной администрации ЧР, места в Грозном, где могло бы состояться его выступление. Обычный зал он отверг. Сказал, что будет выступать на стадионе.

Еще через несколько дней всех нас увлекли за собой совершенно другие события, связанные с предполагаемым разгоном Государственной Думы и коммунистической партии. Поэтому планы повисли в воздухе. Вернулись к ним только в мае, уже после того, как погиб Дудаев и обязанности президента непризнанной Ичкерии принял на себя Зелимхан Яндарбиев.

Смена политических фигур показалась Ельцину подходящим поводом для реанимации прежних замыслов, и он дал команду готовить его встречу с Яндарбиевым.

Она состоялась 27 мая — в Кремле.

Тот документ, который собирался подписать З. Яндарбиев в результате переговоров, был нам известен, и в нем ни словом не говорилось о том, что чеченская делегация подтверждает принципиальное согласие считать Чеченскую Республику субъектом Российской Федерации. Я обратил на это внимание президента, но Ельцин мои слова проигнорировал. Для него это не было важным. Он был запрограммирован на то, чтобы закончить военные действия и поставить в конце бумажного листа жирную точку политика, исчерпавшего интерес к этой проблеме.

Чеченская делегация — в ее составе я помню З. Яндарбиева, М. Удугова, А. Закаева, Х. Ериханова, а также Ширвани Басаева — прибыла в Кремль с десятиминутным опозданием. Президент появился, как всегда, минута в минуту и, оглядевшись по сторонам, возмутился: «Что это такое? Почему они опаздывают?»

Крапивин разъяснил: идет досмотр делегации. Кто-то добавил: чеченцы молятся — у них намаз... Возникшей паузой воспользовался министр по делам национальностей Вячеслав Михайлов: «А как будем рассаживать делегацию?»

Вопрос очень тонкий и своевременный. Особенно сейчас, когда каждый жест руки, любая оговорка, каждая незначительная деталь в ходе переговоров могут по-разному интерпретироваться их участниками. Хоть и домашние у нас дела, внутренние, но на переговорах присутствует представитель ОБСЕ Тим Гульдманн.

Как мы рассчитывали, Б. Ельцин должен был сесть во главе стола, в то время как делегация ЧР и делегация федеральной власти должны были рассаживаться напротив друг друга. Когда сотрудник службы президентского протокола предупредил, что чеченцы тоже готовы к разговору, мы зашли в зал и расселись в соответствии с нашими договоренностями. Но чеченцы, для которых протокольные церемонии играли очень важную роль, остались стоять на ногах. Видимо, заранее продумали, как им поступать, и оказались готовы к нашим

хитростям. Яндарбиев сказал, что хотел бы разговаривать с президентом России на равных, а для этого Ельцин должен пересесть так, чтобы не олицетворять собой высшую силу. То есть напротив. Ельцин несколько раз властно сказал: «Садитесь», но никто из чеченцев его не послушался.

Тут неожиданно вмешался Гульдиманн: «Господин президент, я прошу вас посадить господина Яндарбиева напротив себя». Ельцин гневно посмотрел на него и, буркнув что-то, отдаленно напомиравшее фразу «не вашего ума дело», неожиданно для всех согласился. Сказал: «Хорошо, поставьте мне стул вот сюда» — и сел между мной и Завгаевым. По предложению Ельцина, Тим Гульдиманн сел там, где раньше хотел расположиться Борис Николаевич — в торце стола. Мы поняли это как добрую волю президента России: ОБСЕ выступала как посредник на переговорах, и глава страны не преминул подчеркнуть, что мы придаем особое значение той роли, которую сыграла эта международная организация в разрешении сугубо внутреннего конфликта. В общем, отступил Ельцин грамотно. Не только сохранил лицо, но и заработал дополнительные очки.

Ободренный Яндарбиев начал уже оговаривать особый формат встречи: дескать, он хотел бы встретиться с президентом один на один. Ельцин без раздражения, но достаточно твердо развеял эти мечты: «Я не собираюсь разговаривать с вами один на один. Вы можете говорить все, что хотите. У меня здесь ни от кого секретов нет». Яндарбиев пустился было в объяснения, что чеченская делегация не может беседовать в присутствии Завгаева, что, по их мнению, Завгаев вообще не должен находиться на переговорах. Ельцин снова парировал: «Это наше дело, кто здесь будет присутствовать. Здесь я — президент. И не следует мне давать указания».

Опытный администратор, он знал, как в таких случаях следует получать психологическое преимущество над противной стороной. Оно быстрее достигается, если есть повод для хорошей выволочки. «Я не понимаю, — сказал он ледяным голосом, — еще никто не позволил себе опоздать со мной на встречу!.. Вы не пришли вовремя. Я мог бы вообще ее отменить». Яндарбиев дрогнул и начал оправдываться.

Я не стану останавливаться на подробностях этой встречи, в результате которой было подписано соглашение о полном прекращении военных действий с 00 часов 1 июня. Конечно, никакого суверенитета чеченская делегация от представителей федеральной власти не добилась, однако в течение нескольких часов нам удалось достичь нескольких важных договоренностей. Соглашение закрепляло двусторонние обязательства в течение двух недель освободить всех насильственно удерживаемых лиц. Яндарбиев клялся, что гарантирует выполнение его команд всеми полевыми командирами. Ельцин прозрачно намекал, что в случае невыполнения обязательств сможет «найти каждого, кто подписывал этот документ»...

В рядах чеченских боевиков никакого единодушия не было. Уже вечером того же дня генерал Павел Голубец сообщил мне из Грозного о радиоперехвате, в котором Шамиль Басаев называл Зелимхана Яндарбиева предателем и угрожал расстрелом.

* * *

Еще шла дискуссия, но решение о том, что завтра Ельцин вылетит в Чечню, уже было принято. Знал об этом очень узкий круг людей, в который входил и я. Накануне у меня с Барсуковым и Крапивиным состоялся разговор о том, что хорошо бы на это время чеченцев задержать в Москве. Тем более, что самолет был наш и это в нашей власти было решать, взлетит ли он по требованию чеченцев или так и останется стоять в аэропорту.

Мы не собирались удерживать чеченцев насильно. Они были абсолютно свободны и, насколько я знаю, весь следующий день, 28 мая, решали свои дела в Москве. Стремительный вылет Ельцина в Чечню оказался для них полной неожиданностью.

Опережая президента на несколько часов, мы с Павлом Грачевым вылетели в Моздок, чтобы обеспечить безопасное пребывание главы государства в зоне военных действий. На

военном аэродроме Моздока уже всюду шли приготовления к встрече. Главнокомандующий военно-воздушными силами генерал Петр Дейнекин вовремя распорядился, чтобы на бомбардировщик, который должен был находиться возле стоянки президентского самолета, натянули синий транспарант с бодрыми словами: «Ельцин — наш президент». Большого в условиях фронтовой обстановки и выдумать было нельзя. Все крутились волчком, но успели подготовить встречу к тому моменту, когда самолет с пассажиром № 1 сел на бетонку аэродрома и покатился вдоль капониров.

Моздок — это только врата войны. Североосетинский город находится в стороне от боевых действий, но все последние годы он играл для федеральных войск роль прифронтового перевалочного пункта. Здесь находится самая крупная в регионе военно-воздушная база. Именно отсюда, пересев в вертолет, можно перелететь в Чечню: подлетное время до ее территории исчисляется несколькими минутами.

Обычно боевые и транспортные вертолеты, чтобы уклониться от попадания зенитной ракеты, идут над землей очень низко: стелятся над полями и буквально перепрыгивают линии электропередачи. Также летел и президент, решивший по дороге в Грозный заскочить в один из населенных пунктов.

Право его выбора принадлежало нам, и мы решили, что это будет село Виноградное, бывшее Русское. Находится оно недалеко от станицы Червленной, но только на правом берегу Терека. Чтобы исключить даже вероятность покушения, но в тоже время не заработать от президента выговор за мелочную опеку, мы быстро подтянули туда резервы: отряд «Витязь» успел в Виноградное лишь за пять минут до прибытия Ельцина. Находившемуся вместе с его бойцами генералу Анатолию Зайцеву были даны соответствующие инструкции. Поэтому на вопрос Ельцина: «Что за войска?», генерал без запинки отрапортовал: такие-то и такие-то, находимся на марше, выполняем учебную задачу...

Прямо на запыленной броне БТРа Ельцин подписал собственный указ о повсеместном переходе на контрактную службу с 2000 года. И помощник президента Юрий Батулин, ныне известный космонавт и Герой Российской Федерации, и мы, генералы, и сам Борис Николаевич очень хорошо понимали, что этот указ — не более чем политическая декларация. Отечественная экономика просто бы не потянула такой способ комплектования Вооруженных Сил.

После выборов этот указ был отменен.

Чеченцы из Виноградного приняли Ельцина довольно доброжелательно. Помню, были там фермеры. Расспросив их о жите-бытье, президент нашел глазами в кругу сопровождавших его лиц нижегородского губернатора Бориса Немцова. «Борис Ефимович, — обратился к нему Ельцин, — ты можешь подарить фермерам две-три «Газели»?» Немцов в ответ заразительно, по-мальчишески рассмеялся: «Теперь я понял, зачем вы меня сюда взяли — чтобы я «Газели» отдал...» Шутка шуткой, но впоследствии, я знаю, Немцов действительно отправил в Чечню несколько автомашин.

Потом полетели в Грозный, где в аэропорту «Северный» Ельцин выступал перед выстроеным на плацу личным составом Объединенной группировки. И перед представителями чеченского общества, но уже в сборном модуле, служившем для солдат кинозалом. Там же президент вручил Золотую Звезду Героя Российской Федерации ветерану Великой Отечественной войны К. Абдурахманову и братьям двух погибших фронтовиков — М. Узуева и М. Умарова.

В этом не было и доли наигрыша. Трое героев Второй Мировой войны когда-то были представлены к званию Героя Советского Союза за исключительные подвиги, но награды своих не получили. Исправить ошибку решили позднее, но, не скрою, церемония была исполнена особого смысла — награждали чеченцев за подвиги, проявленные в боях за свободу и независимость нашей общей Родины. Это был недвусмысленный жест президента в сторону тех жителей Чечни, которые не поддерживали сепаратистский режим и не хотели расставаться с Россией.

Стремительный рейд президента в Чечню, конечно, оказался очень эффективным и сыграл свою роль в том, что россияне, наперекор всем рейтингам, в большинстве своем проголосовали на президентских выборах именно за Бориса Ельцина. Одни поняли эту поездку как сигнал к окончанию войны. Другим импонировало мужество президента, взглянувшего в глаза своим солдатам. Но, думаю, причиной вернувшихся симпатий было не то, что сделал президент, а как это было исполнено.

Оставив яндарбиевскую делегацию с носом, Ельцин показал, кто в доме хозяин. Чувство национального унижения, многократно испытанное россиянами после штурма Грозного в январе 1995 года, после событий в Буденновске и Кизляре, сменилось чувством гордости за свою страну. Появилась уверенность: и мы умеем действовать нестандартно. И мы способны на остроумные политические ходы, которые приносят подчас куда больше пользы, чем банальное силовое воздействие.

Это отлично понимали и сепаратисты. Неслучайно, Зелимхан Яндарбиев, вернувшийся в Чечню уже после того, как ее покинул Борис Ельцин (Вечером того же дня. — Авт.), пытался хоть как-то оправдать свой очевидный проигрыш. Сильных аргументов не было, поэтому он больше налегал на проклятия в адрес федеральной власти и на кровожадную риторику. «Кто будет мешать нам, — говорил он вечером 28 мая, — в борьбе за свободу с оружием или без оружия, является нашим врагом. Против таких надо объявлять газават, сажать в тюрьму, а тех, кто не понимает, надо расстреливать. Это мой приказ... Любой, кто выставит себя кандидатом в депутаты на так называемых выборах, кто будет содействовать этим выборам, является злейшим врагом чеченского народа и ярым врагом нашей родины. Ответственность я беру на себя... Разговор с теми, кто против нас — это разговор оружия и смерти!»

* * *

Повествование о моей работе и о событиях, произошедших в течение 1996 года, не будет полным, если не рассказать о Борисе Николаевиче Ельцине. Вернее, о том, каким он представлялся мне в ту пору и каким видится сегодня, когда наши взаимные воспоминания друг о друге становятся достоянием общества. Ельцин — не мимолетная фигура российской истории и не рядовой персонаж моих воспоминаний. Поэтому, давая ему свои оценки, я не хочу впадать в суетное политиканство и не стану называть его солнцем или, наоборот, топтать ногами.

Есть человек. Сложный. Противоречивый.

В чем никак нельзя ему отказать, так это в том, что на протяжении целого десятилетия он оставался центральной фигурой политической жизни страны.

Не надо кривить душой: Борис Ельцин — поздний или ранний, хороший или плохой, абсолютно любой — не только любил, но и умел доминировать над окружающими его людьми. Его характер, его политический расчет, его энергия и инициатива становились причиной большинства крупных событий этой быстротечной ельцинской эпохи. Так много в ней было крутых перемен, людской крови, исторических персонажей, взлетов и падений, приобретений и утрат, что остается только недоумевать, как уместилось все это в одно единственное десятилетие?

У каждого из нас свое отношение к Борису Ельцину. Он — фигура общенационального масштаба, президент огромной страны. Поэтому его слова и поступки оставили след в судьбе каждого россиянина. И особенно у тех, кто в силу обстоятельств соприкасался с Ельциным в жизни и обращался вокруг него на ближних или дальних политических орбитах.

Мне запомнилось одно из высказываний известного российского политика, лидера партии «Яблоко» Григория Явлинского, в котором он, отзываясь о Ельцине-президенте весьма нелицеприятно, в то же время благодарно говорил о нем, как о человеке, приведшем его, Григория Алексеевича, в большую политику.

Кроме Явлинского, в том же духе могли поведать свою человеческую историю

большинство заметных политиков новой волны. Одни подрастали под его наставническим взглядом в бывшем Свердловске, другие находились рядом в годы опалы, третьи составили первую команду президента РСФСР, сумевшую организовать не только сопротивление лидерам ГКЧП в августе 1991 года, но и оттереть от власти Михаила Горбачева, первого и последнего президента Советского Союза.

В тот момент, когда я стал министром внутренних дел, команда сподвижников Ельцина давным-давно сложилась и была очень четко структурирована. Одни люди были ближе. Другие — дальше. Но в целом это был отлаженный коллектив, где каждый по мере сил боролся за расширение жизненного пространства.

Я не могу, как Явлинский или кто-то другой, сказать, что Ельцин привел меня в политику за руку или оказывал мне иные знаки внимания. Более того, до своего назначения в июле 1995 года лично я общался с президентом только два раза — во время его посещения дивизии имени Дзержинского в 1993 в 1994 годах. Но это были, так скажем, совершенно официальные встречи. Мало ли на свете генералов...

Кажется странным и то, что до назначения меня на высокую должность министра внутренних дел России Ельцин встретиться со мной не пожелал. В этом новом для себя качестве я впервые увиделся с ним почти через два месяца после назначения — 29 августа 1995 года, — когда президент лично захотел представить меня членам коллегии министерства, хотя еще раньше это сделал Виктор Степанович Черномырдин.

Уже говорилось, что я считал это свое назначение в некоторой степени случайным. Шла война в Чечне. Поэтому не было ничего необычного в том, что министерство возглавил командующий внутренними войсками генерал-полковник А.С. Куликов. С некоторой долей романтики я утверждал, что меня выбрало время, но сущая правда заключалась и в том, что выбор на мне остановился неслучайно. Обозреватель газеты «Сегодня» Михаил Леонтьев довольно точно определил суть такого кадрового перемещения: «Независимо от личных и профессиональных качеств генерала Куликова его назначение на пост министра внутренних дел может расцениваться как подтверждение приоритета жандармских функций министерства над полицейскими».

Призрак 1993 года еще витал в кремлевских коридорах, и не исключалось, что при повторении ситуации в МВД может понадобиться исполнительный и очень надежный жандармский генерал, способный устрашить политическую оппозицию. Я не наивный человек и отлично понимал, зачем из здания на Красноказарменной улице (Главк ВВ. — Авт.) меня пересаживают в министерское здание на улице Житной (Министерство внутренних дел. — Авт.).

Время все расставило на свои места, и я видел, что впоследствии отношение ко мне в Кремле переменилось. Оказалось, что вместо ретивого служаки в министерство пришел доктор экономических наук. Что каблуками я не шелкаю. Напротив, разговариваю с политиками на понятном им языке и чувствую себя естественно на любых этажах власти. Скоро в Кремле, в Думе, в кругу губернаторов меня перестали расценивать как жандарма и начали считаться с моим мнением. На эту же пору приходится начало моего общения с президентом лицом к лицу.

Надо проследить эволюцию моих собственных взглядов на это политическое явление, каким, несомненно, был и остается первый президент России Б.Н. Ельцин.

Еще не забыты те дни, когда мы, молодые сорокалетние генералы и полковники, в мае 1989 года, будучи слушателями Академии Генерального штаба, признаюсь, были просто зачарованы энергией и смелостью Бориса Ельцина. Митинги в Лужниках... Казавшиеся дерзкими, но в то же время пленительными речи демократов на заседании Верховного Совета СССР. Их слушала и обсуждала вся страна!

Мы были ничуть не менее свободолюбивы. Понимали: это нам придется участвовать в строительстве обновленной России. Так что, став федеральным министром четыре с половиной года спустя, я ничуть не покривил душой: мои собственные жизненные цели и принципы не расходились с целями глобальных политических и экономических реформ,

совершаемых в стране. Другое дело, что чувство отторжения вызывали некоторые методы их проведения, но я понимал, что могу спорить и доказывать свою правоту. В конце концов могли быть и ошибки. Мы шли непроторенной дорогой и не имели под рукой ни прописей, ни шаблонов. Мало изменить общественно-политический строй и объявить экономические реформы, нужно было еще очень многому научиться прямо на ходу. Как осуществлять цивилизованную приватизацию предприятий? Как правильно собирать налоги? Разрешать или не разрешать в России куплю-продажу земли? Всего не перечислить. Я уже не говорю о том, что центробежные силы буквально разносили уже саму Российскую Федерацию и надо было иметь недюжинные силы, чтобы сохранить ее целостность и поддерживать общественный порядок на всей ее территории.

Очарование Ельциным было столь велико в среде слушателей академии, что мы поддерживали его почти безоговорочно. Кто-то утверждал: «Вы его не знаете — он сильно пьет. Он же все время пьяный!» Другие возражали: «Ну и что... Хоть он пьяный, но лучше трезвого Горбачева. Ельцин поехал в Америку и привез сто тыщ одноразовых шприцев, а ваш Горбачев не привез». Вот такие были настроения...

Благо или беда, что мотором этих преобразований стал именно Борис Ельцин — судить не мне, а будущим историкам, которым наконец откроются все приводные ремни, все крепежные болты и все ржавые конструкции, некогда составлявшие единый каркас верховной российской власти. Но никто из этих людей не откажет Ельцину в упорстве. Он может добиваться поставленной цели так, как это могут считанные люди. Он, безусловно, смел. Не каждый решится на октябрьский пленум ЦК КПСС, не любой отважится выступить так на партийной конференции, не всякий, подобно ему, сумеет бросить вызов целой эпохе.

Я не буду оспаривать у Ельцина право прихода к власти. Это произошло, и, думаю, это не было делом случая. Он властолюбив и умеет бороться не на шутку. Власть для него — смысл жизни. Вот только прорыв к власти, который сам Ельцин мог счесть за чудо, произошел все-таки гораздо раньше, чем следовало. Цельной концепции реформ у него не было. Не было и полноценной команды исполнителей. Все, что мы имеем сегодня — исковерканную рыночную экономику, обеднение народа, испепеленные войной земли на Северном Кавказе, — это следствие того, что Ельцин пришел к власти один: без партии, без программы, без компетентных соратников. Немалую роль в этом сыграли его личные качества.

От знающих людей я слышал и сам был свидетелем тому, что многие официальные мероприятия в то время сопровождались обильными возлияниями. Так было, я помнил, в 1993 году, в Нальчике, во время приезда Ельцина: там люди выпивали со знанием дела...

Принимая у Ерина должность министра, я очень подробно расспрашивал о правилах, которые приняты в президентском окружении. Надо было знать, как себя вести, а Ерин — человек опытный — мог дать несколько полезных советов по части придворной жизни.

Осторожно поинтересовался: «Виктор Федорович, я это видел... Это что, считается нормальным? Вдруг потребуется мое участие, — я пошутил, — боюсь, не смогу соревноваться по части нагрузок...» Ерин ответил: «Ты знаешь, раньше выпивка была, так скажем, неотъемлемой частью решения государственных проблем. Собирались узким кругом — в клубе, на улице Косыгина. Но в последнее время дела в стране уже не позволяли управлять ею праздным способом. В общем, — подчеркнул он, — это уже отходит на второй план...»

Слова Ерина подтвердились. На моей памяти никакой гульбы не было, а те неофициальные встречи, которые случались, в том числе и тогда, когда президент собирал некоторых членов правительства с семьями — проходили вполне обычно.

Обсуждать подробности вечеринок, которые случались до 1995 года и которых я не видел, отважился только главный телохранитель президента, Александр Коржаков в своей книге «Борис Ельцин: от рассвета до заката». Но мне такие откровенности не по душе: это не интеллигентно и не по-офицерски. Служба телохранителя такова, что он, как нитка за иголкой, везде следует за охраняемым лицом и поневоле становится очевидцем самых

деликатных подробностей человеческой жизни. Рассказать о них — словно нарушить врачебную тайну. Это низко. Общественное любопытство по поводу частной жизни всегда должно заканчиваться на пороге спальни и туалетной комнаты. На пороге того мира, куда не хочется пускать посторонних.

* * *

Мои собственные взаимоотношения с президентом всегда ограничивались строгими рамками служебных обязанностей: в них не было какой-то особой человеческой теплоты, но в то же время не было и хозяйского окрика. Иногда я бывал в Кремле, но мой еженедельный доклад я делал обычно по телефону. Так было заведено: в определенный день, между 10 и 11 часами утра, я звонил в приемную президента, уточнял, не занят ли Ельцин. Чаще всего мне сообщали: «А.С., президент сейчас один. Можете ему позвонить». Только тогда я поднимал трубку прямой связи с президентом.

Схема доклада никогда не менялась: сначала я рассказывал об общественно-политической ситуации в стране, о забастовках, шествиях, митингах, голодовках и прочих событиях, которые могли бы стать прологом народных волнений. Всегда был точен: «Борис Николаевич, количество бастующих там-то и там-то по сравнению с прошлой неделей уменьшилось на столько-то...» Президенту надо знать, как живет страна — ведь чаще всего люди выходят на улицу от чувства безысходности. Кто-то опять не платит зарплату и пенсии, у кого-то опять отнимают работу и так далее. Ельцин никогда меня не перебивал, но я чувствовал, что напоминания о самых горьких проблемах он воспринимает без всякого удовольствия. Это понятно. Кому, спрашивается, интересно, слушать эту заезженную пластинку о постоянном безденежье, тем более что почти все финансы, которыми располагает государство, уходят на латание дыр? Однако еще вначале я обозначил свою твердую позицию: «Борис Николаевич, что бы ни случилось, я намерен докладывать только правду. Это стиль моей работы. Сглаживать углы я не буду».

* * *

Все это я делал из благих побуждений. Считал: если президент предупрежден, он сам знает, как лучше решить проблему. Боже упаси, его в чем-то подвести. В стране он первый человек. Важнейший долг любого министра в том и заключается, чтобы выводы и решения президента базировались на достоверной информации.

Далее я переходил к оценке криминальной ситуации, акцентируя внимание президента на самых громких преступлениях, совершенных за неделю. Непременно уточнял, что нами предпринято в ответ. Если было нужно, просил поддержки, особенно когда приходилось противодействовать людям по-настоящему влиятельным, имеющим прикрытие на самом верху. Бывало и так: крупный чиновник уличен в хищениях, но заявляет: «Вы не понимаете, сколько у вас теперь будет проблем». То, что это были не пустые угрозы — понимал даже я.

Во время личного доклада спрашиваю президента в лоб: «Имярек ссылается, что деньги, которые мы в МВД считаем краденными, должны были пойти на нужды вашей предвыборной кампании. Этот человек прикрывается вашим именем. Вы должны дать соответствующее поручение генеральному прокурору...» Ельцин был просто взбешен: «Какая ложь! Конечно, вот мое поручение: немедленно разобраться!» Расследование не оставляло сомнений: вороватые чиновники действовали в собственных интересах. Президент был ни при чем. Его именем пользовались все, кому не лень.

Понимаю, что охотников нажать за счет страны было немало. Немало было и тех, кто мог это делать за спиной Ельцина — по собственному умыслу или действительно сбивая многомиллионный долларовый пул для проведения предвыборной кампании. Но президент всегда демонстрировал свою удаленность от этих меркантильных дел. Скорей всего он предпочитал, чтобы финансовой стороной будущих выборов занимались другие люди.

Осторожность в щепетильных делах — это такая же черта его характера, как и все остальные: властность, упрямство, неизменное желание лезть на рожон. Бывало, что он, не желая, чтобы я посвящал его в некоторые обстоятельства, останавливал меня на полуслове: «А.С., лучше вы мне этого не докладываете. Я не хочу этого знать. Это формы и методы вашей работы, зачем они мне?»

Все время, пока я оставался министром, этот еженедельный доклад президенту был неизменным ритуалом, который не мог быть нарушен ни при каких обстоятельствах. Лишь однажды, не застав его в условленное время между 10 и 11 часами утра, — президент был занят — я ограничился докладом премьер-министру В.С. Черномырдину. Через какое-то время ожил телефон прямой связи с Ельциным: «А.С., что-то от вас сегодня не было звонка...» Я объяснил, как мог: «Борис Николаевич, вас не было на месте. Я доложил премьеру. Обстановка, в принципе, управляемая... Никаких вопросов, которые бы требовали вашего вмешательства — нет».

Ельцин сделал мне замечание: «Премьер — это хорошо... Но вы подчиняетесь Верховному Главнокомандующему и обязаны докладывать лично!» Я извинился. Но не таков у Ельцина характер, чтобы примириться с тем, чтобы кто-то мог покуситься хотя бы на золотник принадлежащей ему власти. Спустя много дней, на заседании Совета безопасности, где, кроме меня, присутствовали еще три или четыре министра-силовика, президент, в назидание остальным, опять перешел на сварливые тона: «Вы тут не забывайте, кто у вас Верховный Главнокомандующий!..» Хорошо, что Черномырдин сумел все обратить в шутку, а то у моих коллег могло бы сложиться впечатление, что я начинаю отбиваться от рук.

Конечно, этого не было. Сам я довольно ревностно относился к своим обязанностям, принимая как данность и особенности ельцинского характера, и то, что, по принятым в России правилам игры — министр внутренних дел подчиняется в первую очередь именно президенту и Верховному Главнокомандующему.

* * *

Так уж вышло, что по натуре я не тот человек, что набивается в друзья. Мой очевидный недостаток: я суховат. Я не расположен к активной светской жизни, особенно к ее праздникам, где люди попеременно устраивают банкеты и дарят подарки. Многие мои знакомства ограничены лишь интересами дела, и я готов признать это. Ничего не поделаешь — у человека могут быть слабости.

И свои отношения с президентом я строил исходя из этих своих незыблемых жизненных принципов. Я не мог расшаркиваться перед ним или говорить: «Борис Николаевич, вы — святой человек».

Разумеется, когда то или иное президентское решение шло на пользу, я обращал на это внимание Ельцина: «Борис Николаевич, вы разрешили объединить два главных управления министерства. Поэтому мы имеем следующие результаты...» Приводил примеры, и президент внимательно меня слушал.

Надо отдать должное ему и премьер-министру В.С. Черномырдину: они никогда не вмешивались в текущую работу министра и строили свои взаимоотношения со мной на доверии. Достаточно мне было прийти к Ельцину с какими-либо интересными материалами, требующими решения Генеральной прокуратуры, президент всегда налагал на них устраивающую меня резолюцию. Все наиболее важное я старался приносить ему в готовых для подписи или чтения бумагах. Устные заявления не впечатляли президента: он их или забывал по ходу разговора, или вовсе никак не реагировал.

В тот период, когда здоровье президента было уже не ахти какое, наши с ним встречи были малосодержательными и носили уже чисто демонстративный характер. Их цель сводилась к тому, чтобы люди увидели: президент встречается с силовыми министрами, а значит, контролирует ситуацию в стране.

Ельцин уже не вникал в детали, а время аудиенции обычно ограничивалось 20

минутами. За это время ничего толкового рассказать просто невозможно, но ему и такие короткие свидания становились в тягость. Достаточно было перебрать во время разговора минуту-другую, как я начинал физически ощущать: Ельцин раздражается. Это был новый человек, разительно отличавшийся от прежнего Ельцина. Тот был внимателен, дотошен, энергичен. Мог оценить шутку и сам заразительно смеялся. Например, в 93-м. И в первой половине 96-го, когда, став министром, я стал общаться с Ельциным довольно часто, он был еще здоров и нормально, по-президентски реагировал на мои предложения или пожелания. В последующем, особенно после операции, я видел, что такая работа дается ему с трудом. На некоторых бумагах он адресовал резолюции уже не тем людям, которым они предназначались. И мои аккуратные и деликатные попытки поправить президента не находили понимания. Он смотрел на меня и продолжал писать... Бумага, например, предназначалась генеральному прокурору, а он ее адресовал, скажем, главе своей администрации Анатолию Чубайсу или вице-премьеру правительства Борису Немцову.

Что еще хуже: Ельцин начинал потихоньку путать людей. Однажды меня разыскали и передали требование Ельцина срочно прибыть в Кремль. Я приехал. Очень деликатное поручение, которое дал мне президент, на первый взгляд, не имело ко мне никакого отношения и напрямую касалось министра обороны генерала армии, впоследствии маршала Российской Федерации Игоря Сергеева. Вернее — одного из управлений Минобороны, занимавшегося внешнеполитическими проблемами.

Я удивился: будучи в то время заместителем председателя правительства, я не курировал деятельность Министерства обороны и мало что мог сказать по существу конкретной проблемы. Но решил так: президент это делает неслучайно, на то у него есть свои резоны. Единственно, что попросил: «Борис Николаевич, позвольте мне проинформировать о нашем разговоре тех руководителей Министерства обороны, которые находятся в курсе дела». Ельцин охотно согласился, и я, продолжая ломать голову над тем, что бы все это значило, стал вызванивать тех армейских военачальников, которым, собственно, изначально следовало ставить подобную задачу.

Собрались у меня, в вице-премьерском кабинете Дома правительства на Краснопресненской набережной. Генералы тоже находились в недоумении. Пытаясь разрешить проблему как можно деликатнее, я высказал им свое предположение, что Ельцин, очевидно, лишь для того, чтобы не собирать их лишний раз у себя, решил воспользоваться моим статусом заместителя председателя правительства... Такая версия всех удовлетворила, и генералы без обид принялись исполнять поручение президента.

Во время очередной встречи с Ельциным я отчитался, что поставленная им задача решается успешно. Борис Николаевич рассеянно посмотрел на меня, как будто с трудом узнавая. И совсем огорошил, невпопад согласившись: «Да-да, мне Сергеев доложил...»

* * *

Глядя на это, я понимал, как опасны рецидивы шараханий Ельцина из крайности в крайность. Не без оснований боялся, что они могут повредить авторитету президентской власти. Поэтому мои предложения о создании Госсовета с полномочиями Политбюро были продиктованы желанием подстраховать президента на тот случай, если очередная его, как он сам называл, загогулина — переполнит чашу народного терпения. Этих своих мыслей я не скрывал и предельно тактично говорил Ельцину: «Борис Николаевич, вам трудно принимать решения. Из-за вашей болезни нарушен каркас государственной власти. Надо возвращаться к идее Госсовета. Одна голова хорошо, а десять — лучше!»

Чтобы президент, чего доброго, не подумал, что я покушаюсь хотя бы на часть его властных полномочий, я напоминал ему о подписанном Рыбкиным и Шумейко решении Совбеза, которое в конце 1994 года послужило основанием для ввода федеральных войск на территорию Чечни. Я обращал внимание президента на то, что не будь под документом подписей руководителей палат Федерального Собрания, дело могло кончиться процедурой

импичмента. Говорил: «Сегодня на вас готовы спустить всех собак... Но люди разделили с вами ответственность. Легитимность этого решения невозможно оспорить».

Ельцин, как я это уже рассказывал, со мной соглашался. Но мои бумаги на этот счет, которые я привозил президенту в Барвиху в 1996 году, просто исчезали в недрах его администрации, которой в то время руководил Анатолий Борисович Чубайс.

Второй раз эта тема обсуждалась мной и президентом в январе 1997 года, но примерно с тем же результатом: предложение было тихо торпедировано новым главой администрации президента Валентином Юмашевым, который, так же как и Чубайс, видел в нем только одно — потерю собственных позиций и влияния при дворе. Он его не поддержал. Болезнь Ельцина, негативно сказывающаяся на делах государства, вполне устраивала многих людей из его ближайшего окружения. Ведь они могли действовать от его имени. Цену этого имени в стране, где идет приватизация, а административный ресурс по-прежнему имеет решающее значение — можно себе только вообразить...

Конституция России исключает подобное «теневое» правление из-под руки заболевшего президента. Пустоту во власти, образовавшуюся в результате нетрудоспособности Б.Н. Ельцина, мог бы восполнить председатель правительства РФ В.С. Черномырдин. Но, мне кажется, он просто поостерегся обозначить свои притязания на власть. Зная крутой ельцинский нрав, он не без оснований полагал, что окружение президента, образно говоря, может в любой момент «перекусить» его пополам.

Надо понять нравы и психологию этого окружения, попав в которое довольно приличные люди уже вскоре начинали демонстрировать свойственное плохим лакеям пренебрежение к хозяину. Отсюда эти многозначительные пощелкивания пальцем Хасбулатова по горлу, отсюда слова Александра Руцкого: «Управлять так, как управляет Ельцин, и я смогу». Все потому, что методика принятия Ельциным государственных решений, по-царски капризная и по-обкомовски закостенелая, допускала к управлению страной людей корыстных, бессовестных и коварных.

Вот в чем, мне кажется, и заключается вина президента перед российским обществом. Для меня, человека законопослушного, совершенно головокружительными, например, казались скорости, на которых вращался в верхах небезызвестный коммерсант от политики Борис Березовский. Он всюду был вхож. Он бравировал близостью к власти. На одно из его предложений — сейчас даже и не помню, в чем оно заключалось — я развел руками в стороны: «Борис Абрамович, это невозможно сделать. Нужно, чтобы было решение президента». Уже уходя из моего кабинета восвояси, Березовский вдруг остановился и, показывая пальцем на портрет президента, заговорщически мне улыбнулся: «А.С., вы поймите — ему на это наср...ть. Как мы с вами решим, так и будет!»

Я думаю, что эти его слова очень точно характеризовали настроения, царившие в Кремле во время болезни Ельцина.

* * *

Наверное, следует сказать, что словом, которое совершенно точно определяет суть моего отношения к президенту России Б.Н. Ельцину — является слово «честность».

Мое подробное повествование о Борисе Ельцине означает только одно: этот человек сыграл очень серьезную роль в моей собственной жизни и в жизни нашей страны. У него не отнимешь заслуг, среди которых я ценю настойчивость и упорство, с которым Ельцин вел Россию к новой цели.

Далеко не все получалось и получилось на этом пути, но лишь при Ельцине реформы приобрели необратимый характер. Потихоньку мы стали вращаться в мировую экономику. Мы сохранили территориальную целостность Российской Федерации. Реально существуют политические свободы. Впервые в России ее президентом осуществлена добровольная передача президентской власти в соответствии с Конституцией: без смуты, без удавки, без нажима. За десятилетие, пока Ельцин управлял нашей страной, подросло совершенно новое

поколение россиян, свободное от идеологической узды и открытое всему остальному миру.

Вскоре мы поймем, как много это значит.

Заслуживает ли Ельцин за это признательных слов? Безусловно, заслуживает! Президентская работа — тяжелейший труд. Даже я, проводивший в год сотни суток в боевых командировках и несший ответственность за сотни тысяч человек, с ужасом думаю — сколько же энергии, ума и здоровья нужно иметь человеку, чтобы нести на себе этот крест. Сколько же информации необходимо вовремя переварить, чтобы принять правильные, а иногда и стремительные решения в экономике, в политике, в международных и военных делах.

Стоит ли ставить в вину человеку свалившуюся на него болезнь? Это не по-людски. Конечно, сам он иногда проходил по России, не разбирая дороги, но ведь и страна, несущаяся в незнакомое нам будущее, тоже со всего размаха проехала по нему...

Конечно, я видел его человеческие недостатки, видел, как сильно его заносит, поэтому не было во мне ни слепой веры в его чудотворство, ни поклонения, ни желания приблизиться к узкому кругу его единомышленников, друзей и доверенных лиц. Я — не придворный человек, мне не хочется кривить душой: дескать, вон там, Борис Николаевич, вам люди — рукоплещут...

Я же вижу — не рукоплещут, я знаю их настроения: они готовы поддержать на выборах не столько Ельцина, сколько свои надежды на лучшее будущее для детей. На дворе 1996 год. Социализм в том виде, как его видят иные коммунисты — это шаг в прошлое. Миллионы россиян не хотят пайкового существования, несмотря на то, что, кроме карточек на хлеб и колбасу, отдельные счастливицы могут рассчитывать еще и на карточку, по которой отоварят глоток свободы. Правые, наоборот, еще малосильны и неубедительны. В их рядах немало людей с диссидентской психологией и максималистскими воззрениями, что с государством нужно сражаться до последней капли крови. Есть радикалы, уповающие на «твердую руку»: посадим, сошлем, сотрем в лагерную пыль... Ближайшие годы они готовы посвятить расстрелам и чистке револьверов. Понятно, что работать они не будут.

Я знал, что абсолютное большинство россиян в конце концов проголосуют за продолжение реформ, какими бы непродуманными и односторонними они ни казались. Это естественный исторический выбор. Это выбор, продиктованный разумным желанием жить в покое, в доброй семейной суете, в комфортной обстановке политической, экономической и духовной свободы.

Мне хотелось, чтобы Ельцин, с именем которого люди связывали переход к подлинным демократическим свободам, не совершил непоправимого и не стал бы узурпатором, готовым во имя высших ценностей отнять у сограждан даже то небольшое, что у них оставалось. Я хотел справедливых выборов. Я хотел, чтобы в них высказали свое волеизъявление все без исключения россияне: и демократы, и коммунисты, и те, что еще не определились в своих симпатиях.

Именно предельной честностью были продиктованы мои твердые слова президенту в марте 1996 года, когда он вознамерился без всяких выборов продлить свой президентский срок на два года: «Борис Николаевич, этого делать нельзя!» Я был честен по отношению к нему и в иные дни, когда без всяких прикрас докладывал ему о положении в стране. Я честен сегодня, потому что, рассказывая о Ельцине, не тону в обидах и домыслах.

В известном смысле все это время, пока я оставался министром и вице-премьером, я находился как бы между двумя Ельциными. Один из них — именуемый президентом и Верховным Главнокомандующим, представлял собой для меня, офицера, ту власть, что способна распорядиться моей жизнью и смертью без каких-либо ограничений. Это нормально для военного человека.

Другой Ельцин — это живой, а потому противоречивый человек, которому свойственны, в том числе и не самые лучшие качества. Он чудовищно честолюбив, он эгоистичен, он неуступчив. Для него люди — расходный материал, и, что ни говори, было бы обидно умереть или погубить свою репутацию по воле его очередного каприза.

Провести генерала во власти меж двух этих огней может только чувство долга. Чувство долга перед страной и перед собственными детьми. Только поступая по совести, можно преодолеть все опасности и соблазны. И сохранить доброе имя, которое можно будет называть окружающим без боязни, что тебе рассмеются прямо в лицо.

* * *

Очень важно, что Борис Ельцин оставил после себя несколько «президентских» книг, положив тем самым традицию неотложных политических мемуаров, пишущихся без отрыва от текущей политической работы. Опытному человеку они кажутся более захватывающими, чем детективы. Ведь речь идет о людях и ситуациях, которые тебе самому хорошо известны. Еще все живы. Еще ничего не отстоялось во времени. В одной книге, например, московский мэр Юрий Лужков — друг, в другой — уже недруг. И в этом чередовании картин и оценок сам ход президентских размышлений представляется вполне достоверным: нормальный профессиональный политик тем и жив, что постоянно ловит свежий политический ветер в свои паруса.

Еще недавно сочинение мемуаров было стариковским уделом и книга воспоминаний являлась итогом прожитой жизни. Здесь наоборот. В новой книге заклятые враги снова могут быть объявлены друзьями, а вечный политический процесс смычек и размежеваний является миру во всей своей циничной наготе.

Но во всем этом есть и положительная черта. Такая книга становится инструментом живой политической работы. Она дает возможность посмотреть на самого себя глазами Ельцина: раньше я мог только гадать, что он думает на мой счет в той или иной ситуации.

Есть люди, которые с замиранием сердца пересчитывают упоминания о себе в чужой книге. Здесь, дескать, пять раз, но со знаком «минус». Здесь два раза, но со знаком «плюс»... Я не смогу реагировать на каждое упоминание своего имени в книге Б.Н. Ельцина «Президентский марафон» не потому, что боюсь открытой полемики, а для того, чтобы не поломать ход своей собственной книги. Тем более что некоторые из описываемых Ельциным событий относятся к более поздним временам. Я сам не хотел бы их пропустить.

С уважением отношусь к чужому мнению. А потому готов в некоторых случаях с Ельциным полемизировать, в других — объясняться, в-третьих — ставить на полях его книги свои корректные уточнения.

* * *

События, происходившие в марте 1996 года, оставили в памяти Ельцина свои зарубки.

Цитата из книги Б.Н. Ельцина:

«...23 марта в 6 утра состоялось закрытое совещание с участием Черномырдина, Сосковца, силовых министров, главы администрации Николая Егорова. Я ознакомил всех с этим планом, сказал: «Вот есть такая идея. Высказывайтесь. Что обо всем этом думаете?»

Повисла тяжелая пауза.

Неожиданно резко против этого плана высказался Анатолий Куликов, министр внутренних дел. «Компартия, — сказал он, — в половине регионов России контролирует местную законодательную власть. Она выведет народ на улицы. За всех своих подчиненных в этой ситуации поручиться не могу. Что будем делать, если часть милиции будет за президента, другая — против? Воевать? Это же гражданская война». Ту же позицию занял и Черномырдин, сказав, что не понимает, чем вызвана необходимость столь резких и необратимых ходов.

Но большинство участников этого утреннего совещания поддержали идею переноса выборов. «Борис Николаевич, — говорили мне, — вы же не отказываетесь от выборов, вы только переносите их на два года, поэтому обвинить вас в нарушении демократических принципов нельзя. Народ не хочет никаких выборов. Все привыкли к вам. И с коммунистами

можно покончить только решительными действиями. Сколько лет они будут людям головы морочить, отравлять всем мозги?! Сейчас, может быть, тот самый благоприятный момент, когда это можно сделать. У вас пошел рейтинг вверх, за вами все пойдут»...

Мой комментарий:

Упомянутое совещание состоялось не 23 марта, как пишет Ельцин, а 18 марта, в понедельник. Напоминаю: накануне, 17 марта, в воскресенье, он всех уже собирал, все заявления были им уже сделаны, и в тот же день, вечером, я высказал президенту свои возражения. 18 марта я, действительно, выступал еще раз, но уже ощущая, что моя отставка предрешена.

Не было и одобрения большинства. Не было вообще никаких одобрений. Осторожные реплики, вроде того, что «надо подумать» — слышались, но на славословия никто не решился. Это надумано.

* * *

Известный российский политик Анатолий Александрович Собчак неоднократно упоминается Ельциным. Не может не упоминаться: несколько лет они шли рука об руку. Собчак был единомышленником Ельцина, одним из лидеров Межрегиональной депутатской группы на I съезде народных депутатов СССР. В 1990–1991 гг. — председатель Ленинградского Совета народных депутатов, затем — мэр Санкт-Петербурга, Собчак, тем не менее, был самостоятельной и самодостаточной политической фигурой, способной дотянуться до президентских вершин.

Цитата из книги Б.Н. Ельцина:

«...А начиналось все для меня с «дела Собчака», когда в 1996 году, в момент выборов питерского губернатора, над городом были разбросаны с самолета листовки: «Анатолий Собчак проходит по двум уголовным делам». Действительно, Собчак проходил по двум делам, но только как свидетель.

Конечно, не все в его окружении было чисто. Но, будучи глубоко порядочным, честным человеком, кстати, профессиональным юристом, он никогда не пытался воспользоваться «телефонным правом», на кого-то нажать или надавить, используя свой властный ресурс, как частенько это делают другие губернаторы или мэры. Его чистоплотность использовали в борьбе за власть. Кто использовал?

Тогда, в 1996 г., за спиной кандидата в губернаторы Яковлева стояли московские политики, главным образом Коржаков <...> Силовые структуры — прокуратура, МВД, ФСБ — напрямую стали бороться против Анатолия Собчака.

После выборов ко мне зачастил генеральный прокурор Скуратов по поводу «питерского дела».

«Есть необходимость в следственных действиях, — говорил он. — Собчак подозревается в крупных хищениях». Я всегда отвечал одинаково: «Действуйте строго по закону» <...>

...Но мои помощники имели из Петербурга свою информацию о «деле Собчака».

«Борис Николаевич, там создано несколько следственных бригад. Найти ничего не могут. Пытаются подкопаться к его квартире, к банковским кредитам. И опять ноль. Сколько может это продолжаться?» Тем, кто заступался за Собчака — Чубайсу, Юмашеву, Немцову, — я повторял одно и то же: «Если подозрение есть, нужно расследовать и доказывать, виновен человек или нет».

А тем временем следственная бригада МВД и прокуратуры продолжала работать в Петербурге. Очень надеялись получить на Собчака большой компромат. Чтобы потянуло на серьезное дело о коррупции.

Так продолжалось долго. Юмашев еще раз встретился в Кремле со Скуратовым, затем с министром внутренних дел Куликовым, сказал им, что в действиях милиции и прокуратуры видит политический заказ, а не желание докопаться до истины. Они по очереди отправлялись

ко мне, просили оградить их от вмешательства администрации. Я вновь гарантировал им, что никакого вмешательства нет и не будет.

Осенью 98-го, после очередного допроса Собчак с сердечным приступом слег в больницу <...>

Путин лучше чем кто бы то ни был понимал всю несправедливость происходящего в отношении своего бывшего шефа и политического учителя <...>

Используя свои связи в Петербурге, Путин договорился с частной авиакомпанией и на самолете вывез Собчака в Финляндию. И уже оттуда Анатолий Александрович перебрался в Париж...

За Собчаком следили, выполняли инструкцию не выпускать его из города. Но следили не так бдительно, думали, вряд ли кто-то будет помогать без пяти минут арестанту «Крестов» — в наше-то прагматичное время.

Но один такой человек все же нашелся.

Позже, узнав о поступке Путина, я испытал чувство глубокого уважения и благодарности к этому человеку».

Мой комментарий:

Так называемое «дело Собчака» в интерпретации Б.Н. Ельцина, как говорится, меня не красит: я выгляжу участником группы людей, фабрикующих уголовное дело на видного демократа и «политического учителя» нынешнего президента России В.В. Путина. С такой рекомендацией впору самому улететь куда-нибудь чартерным рейсом... Но твердо знаю: в наше прагматичное время уж точно никто не поможет мнимому «гонителю» Анатолия Александровича...

На самом деле о существовании «дела Собчака» я узнал, как только стал федеральным министром, в 1995 году. Во время моего знакомства с руководителями главков МВД мне доложили: расследование ведет Генеральная прокуратура. Суть дела якобы состоит в злоупотреблениях Собчака, приобретшего за счет города квартиру одной из своих родственниц. Я принял это к сведению, потому что ничего другого мне просто не оставалось. Следователь прокуратуры, во-первых, как любой следователь — лицо процессуально независимое. Даже его непосредственные начальники лишены права влиять на его решения. Тем более — начальники чужие, милицейские. Во-вторых, я считаю, что в правовом государстве не может быть людей неприкасаемых. Если ведется следствие, оно должно иметь закономерный исход. Нет преступления — извините! Есть преступление — отвечайте по закону! А как иначе мы, слуги закона, можем смотреть в глаза колхознику, которого сажаем в камеру за мешок украденного торфа?

Насколько я помню, «дело Собчака» находилось в активной стадии до весны 1996 года. Милиция в нем играла вспомогательную роль: по требованию прокуратуры осуществляла оперативное сопровождение.

В начале апреля 1996 года мне позвонил руководитель ФСБ генерал Михаил Барсуков и предложил: «А.С., подъезжай ко мне. Надо посоветоваться по делу Собчака. Будет Илюшин — помощник президента».

Я отправился на Лубянку.

В кабинете Барсукова, кроме приехавшего Виктора Илюшина, уже находились Александр Коржаков и Юрий Скуратов.

Обращаясь ко всем нам, Илюшин сказал буквально следующее: «Мужики, сейчас выборы президента... Собчак — доверенное лицо Ельцина. Просьба президента: сейчас прекратить расследование по делу Собчака. По крайней мере до выборов Бориса Николаевича. После выборов делайте с ним, что хотите!..»

Поскольку это дело прокуратуры, я сказал Виктору Васильевичу: «Вот вам генеральный прокурор. Он его ведет. Он за него отвечает. Мы только сопровождаем. Какое решение он примет, так и будет!»

Хотя Юрий Ильич Скуратов не вставал и не обещал прилюдно: «Я прекращаю уголовное дело!» — вскоре стало ясно, что команда спустить дело на тормозах везде прошла

своевременно. А имя Анатолия Александровича Собчака не всплывало вплоть до конца лета 1997 года, когда снова по инициативе Генеральной прокуратуры оно было реанимировано. Но роль МВД опять оставалась неизменной.

Не знаю, как другие, но я ни разу не «отправлялся» к президенту и не просил его «оградить от вмешательства администрации», которая якобы выкручивала мне руки. Во-первых, глава президентской администрации Валентин Юмашев никогда — повторяю, никогда! — не разговаривал со мной по поводу Собчака, а во-вторых, мне не на что было жаловаться президенту, так как по «делу Собчака» мне и сказать-то было нечего. По заказным убийствам, по терактам, по взрыву на Котляковском кладбище — информировал, но ни разу мне не пришлось называть Собчака в чем-то виновным. Это может сделать только суд, а кроме того, я относился к нему с уважением. Далеко не все в нем мне импонировало: результаты работы комиссии Собчака по расследованию тбилисских событий в свое время казались мне излишне политизированными, и я, как уже говорилось, будучи слушателем Академии Генштаба, очень убежденно выступал в защиту генерала Родионова. Ну, это же не повод, чтобы сводить счеты с человеком!

Впрочем, замещение одних действующих фигур другими в воспоминаниях Ельцина мне не кажется случайным, если внимательно присмотреться к дате, когда, по версии Ельцина, Собчак «слег в больницу»: «Осенью 98-го, после очередного допроса...»

На самом деле это был 1997 год.

Совсем не Юмашев, а Чубайс отчего-то принялся хлопотать в МВД об Анатолии Александровиче. Потребовал: «Отзовите группу!» Мне пришлось возразить: «Я этого делать не могу. Как вы это себе представляете: я что, должен позвонить и приказать: «Отзываю!» Этим занимается прокуратура. Мне просто никто не позволит так поступить».

Возможно, маневры Чубайса вокруг меня были продиктованы не только участием в делах А.А. Собчака, но и другими расчетами: между нами росла напряженность.

Вылилось это следующим образом... Руководитель информационного агентства ИТАР-ТАСС Виталий Игнатенко время от времени проводит неформальные встречи руководителей российских средств массовой информации. Это и деловой, и одновременно дружеский обед, на который обычно приглашаются политики и крупные государственные чиновники. Идет взаимный и взаимовыгодный обмен информацией. Вопросы следуют, как правило, серьезные: ведь это не праздное любопытство.

На одной из таких встреч меня спросили о Собчаке. Я ответил, что, по моим сведениям, дело подходит к завершению и в ближайшее время прокуратура скажет свое слово. Я имел в виду: предъявит обвинения.

Примерно в то же время случилась история с отправкой Собчака за рубеж. А еще вскоре — через неделю — при очередном докладе председателю правительства Черномырдину, Виктор Степанович очень внимательно заглянул мне в глаза и не без участия в голосе поведал: «У меня есть бумага. Она попала к президенту, и он передал ее мне. В ней написано, что Куликов мешает проводить экономические реформы. Что нужно освободить Куликова от занимаемой должности».

Как оказалось, что это было письмо Чубайса, адресованное президенту. Со ссылками на встречу в ИТАР-ТАСС там утверждалось, что Куликов критиковал на этой встрече политику президента, угрожал расправой демократом, в том числе арестом — Собчаку.

Черномырдин считывал мои реакции... У нас с ним были хорошие рабочие отношения, но и обвинения в нелояльности к президенту, приведенные в письме, в его глазах, были серьезным проступком — почти изменой. Если бы они подтвердились, премьер-министр мгновенно бы начал процедуру моего «отрешения» от власти. Он ждал, чтобы я объяснился.

Но хорошо, что все происходило в ИТАР-ТАСС. Я попросил: «Пожалуйста, пригласите Игнатенко — он скажет, как было дело. Слова мои были произнесены в присутствии многих руководителей российских СМИ. Может, кто из них и донес на меня Чубайсу в выгодном для него свете?»

Виктор Степанович счел дело настолько серьезным, что вскоре вызвал Игнатенко.

Виталий Никитич подтвердил: ничего антипрезидентского, антиправительственного и антиконституционного Куликов не говорил. Но позднее я у Черномырдина все-таки поинтересовался, какие выводы он сделал. Премьер отрезал: «На этом ставим точку. Никакой вины я не вижу. Я доложу об этом президенту».

* * *

Один из эпизодов российской политической жизни, позднее названный «делом писателей», не забылся и по прошествии лет. Его отголоски время от времени слышатся в обществе, потому что это было по-своему примечательное и даже знаковое событие, открывшее россиянам глаза на правила, по которым живет и играет самое ближайшее окружение президента Ельцина. Указывая на мощную Кремлевскую стену, среднестатистический гражданин страны, чей прожиточный минимум позволял ему балансировать лишь между голодом и недоеданием, только и мог сделать, что воскликнуть: «Ну, там и воруют!..» Нормальные люди не делают особых различий между коррупцией и казнокрадством. Понятно: наверху всегда дают взятку, чтобы украсть. И воруют, чтобы давать взятки.

Цитата из книги Б.Н. Ельцина:

«Реакция Березовского и Гусинского не заставила себя долго ждать. Их сильные информационные команды на ОРТ и НТВ сделали все, чтобы в глазах общества Анатолий Борисович (Имеется в виду Чубайс. — Авт.) оказался с ярлыком плута и проходимца. Лишь немногие в стране знали, что в реальности Чубайс пострадал только за свои принципы <...>

События развивались быстро. Информация о не написанной еще книге «Приватизация в России» легла на стол министру внутренних дел Анатолию Куликову. Копия договора на книгу спокойно лежала в издательском доме «Сегодня». Ее авторы — Чубайс, Бойко, Мостовой и Казаков (первый заместитель главы администрации) — должны были получить в качестве гонорара по 90 тысяч долларов. Пресса кричала: взятка, подкуп! Казакова я потребовал уволить сразу. Потом пришла очередь всех остальных.

Анатолий Борисович написал мне письмо, суть которого была в том, что книга вполне реальная (и она действительно через некоторое время появилась в книжных магазинах), договор составлен по закону. Но он все же считает себя виноватым: не подумал о реакции общества на высокий гонорар <...>

«Книжный скандал» был тяжелейшим ударом. И для меня и для правительства.

По сути дела, разом ушла вся чубайсовская команда — и из администрации президента, и из Белого дома. Чубайс лишился поста министра финансов. Но остался вице-премьером <...>

Изоляция молодых реформаторов от политической и деловой элиты, пожалуй, что и от общества в целом, становилась все больше и больше.

«Книжное дело» было той самой арбузной коркой, на которой поскользнулась команда молодых реформаторов. Это было обидно и нелепо.

Чем больше было на меня давление общественного мнения, прессы, банкиров, тем яснее я понимал: Чубайса не отдам! Просто потому, что не имею права поддаваться грубому шантажу, наглому давлению. Обязан сопротивляться просто для сохранения в обществе стабильности.

Да, Чубайса (я уже принял это решение) необходимо будет убрать из правительства. Но когда это сделать и как, это будет МОЕ решение. А не чье-то».

Мой комментарий:

Рабочий стол министра внутренних дел, на который, по словам Ельцина, якобы легла «информация о не написанной еще книге «Приватизация в России» — по всем правилам беллетристики изображен как зловещее место, где сходятся концы закулисных интриг и приводятся в исполнение политические приговоры. Но то, о чем так тревожно и так драматично пишет Ельцин, представляло собой обыкновенную газетную публикацию,

кажется, из «Новой газеты».

К тому времени этот материал уже успела прочитать вся страна.

На него обратили внимание мои помощники. Ведь министр обязан быть в курсе событий: в любой момент его мнением может поинтересоваться президент или премьер-министр. Особенно если в связи со скандалом упоминаются имена очень важных персон из правительства и из администрации президента.

Реакция правоохранительных органов на подобное сообщение была правомерной: заявления СМИ по закону являются основанием для проверки и возбуждения уголовного дела. Тут не в именах дело, а в сути: высокопоставленные государственные чиновники получили большие гонорары за несуществующую книгу. Я не исключал, что эта информация могла оказаться и ложной. Политическая борьба, столкновение экономических интересов часто становятся причиной слива в СМИ информационных фекалий. Признаюсь, не самое приятное дело — заниматься их разгребанием, но это тоже часть милицейской работы. В МВД «книжным скандалом» занимались Главное управление по борьбе с экономическими преступлениями и Следственный комитет.

Вскоре выяснилось: информация подтверждается. Мнение оперативных работников было таково: это скрытая форма взятки. Подкуп должностных лиц. Обыкновенная мзда за политическое лоббирование, за обеспечение шкурных интересов одной из коммерческих структур.

Среди соавторов книги «Приватизация в России» самой заметной была, естественно, фигура Анатолия Чубайса. Его участие в разделе многотысячного гонорара Ельцин справедливо называет «тяжелейшим ударом». Невозможно вообразить, чтобы государственный чиновник такого уровня впутался в дело, которое даже студент юридического факультета мог бы смело квалифицировать как получение взятки.

Положение не спасло даже издание книги «Приватизация в России», состоявшееся много месяцев спустя. То, как это происходило, вызвало в обществе очень сильные подозрения: скомпрометированным чиновникам просто бросили спасательный круг... Вот именно: осталось ощущение, что дело нечисто. Недаром отголоски «книжного скандала» и сегодня слышатся в средствах массовой информации, когда в их поле зрения попадает кто-нибудь из бывших соавторов. Некоторые имена на слуху. Их обладатели по-прежнему занимают видные посты.

В государстве, где к подобным вещам относятся щепетильно, даже речи не могло идти о политической реанимации фигур, на которых тяжелым грузом лежат обоснованные обвинения в коррупции. Продажный чиновник не заслуживает доверия. Продажный чиновник должен нести наказание.

Ельцин так выстраивает логическую цепочку своих размышлений о Чубайсе... Сначала — «обидно и нелепо», потом — «Чубайса не отдам», еще дальше, с вызовом — «это будет МОЕ решение». Главный вывод: «Чубайс пострадал только за свои принципы».

Приходят на память слова Григория Явлинского, очень точно характеризующие методы государственного управления, применявшиеся Ельциным в пору его президентства: «Это не демократия. Это Византия!»

Я же был и остаюсь принципиальным сторонником борьбы с коррупцией, какие бы формы она ни принимала. Считаю, что это зло буквально разрушает наше общество. Не подам руки даже другу, если буду уверен, что он — мздоимец.

Поэтому я не стал взирать на лица и в данном случае. В присутствии Черномырдина как-то сказал Владимиру Бабичеву (Не путать с генералом Иваном Бабичевым. — Авт.), заместителю главы администрации президента: «В этом деле есть все признаки состава преступления. Как только Чубайс будет освобожден от должности вице-премьера, против него будет возбуждено уголовное дело».

Эти мои слова Чубайсу передали, и он отнесся к ним со всей серьезностью. Во всяком случае, когда в марте 1998 года Ельциным было принято решение об отставке и Черномырдина, и Чубайса, Анатолий Борисович потребовал от Валентина Юмашева, главы

президентской администрации, прибавить к списку увольняемых и мою фамилию: «Если уходить, то только вместе с Куликовым. Иначе он меня посадит!..»

* * *

Причиной моей отставки в марте 1998 года стало категоричное требование Чубайса: «Куликов тоже должен уйти!» Об этом мне рассказывал сам Юмашев, не скрывая, что до разговора с Анатолием Борисовичем ни он, ни Ельцин не собирались даже поднимать вопрос о замене министра внутренних дел.

Цитата из книги Б.Н. Ельцина:

«В последние месяцы 97-го особенно обострились отношения Чубайса с министром внутренних дел Анатолием Куликовым. Он был активным противником приватизации, да и всей либеральной экономики. Не раз выступал на заседании правительства не просто с критикой экономических реформ, но и с открытыми обвинениями: мол, политика молодых реформаторов способствует злоупотреблениям, разваливает страну, плодит нищих и преступников и так далее. Анатолий Борисович отвечал ему так же резко.

И в какой-то момент я понял, что с этим все более и более разрастающимся конфликтом надо кончать. Силовой министр, взявший старт в своей карьере во время чеченских событий, совсем не устраивал меня в роли главного спасителя экономики. С такими методами и с такой экономической идеологией можно было далеко зайти. С другой стороны, постепенно выдыхался и Чубайс. Лишенный Министерства финансов, он оставался идеологом реформ, но уже не мог быть их мотором. А мне был необходим именно мотор. Так созрела идея: отправляя в отставку правительство Черномырдина, вместе с ним отправить в отставку и обоих вице-премьеров — и Чубайса, и Куликова. Уравновесить две крайности, убрать из раствора оба химических элемента, которые грозили взорвать всю лабораторию».

Мой комментарий:

Стоит задуматься: может, и вправду несовместимость А.С. Куликова и А.Б. Чубайса носила исключительно личный характер. Может быть, взаимная ненависть просто застила нам обоим глаза и начинала вредить интересам дела?

Нет, это не так.

По-своему я ценю Анатолия Борисовича Чубайса. Это, несомненно, примечательный человек. Он умен и напорист. В числе самых талантливых его работ — собственный имидж незаменимого управленца и мотора ельцинских преобразований.

Думаю, что народная неприязнь, возникшая сразу после раздачи приватизационных чеков, так называемых ваучеров — очень сильно травмировала Чубайса. Оставившая привкус грандиозной финансовой аферы эта операция, авторство которой в народной памяти навечно связано с именем Анатолия Чубайса, не оставила ему надежд на самостоятельное политическое плавание. Отсюда его подчеркнутый цинизм. Отсюда, образно говоря, нарочито жесткий покроя его менеджерских одежд.

Работая вместе с Чубайсом в правительстве Виктора Черномырдина, я, разумеется, строил свои отношения с Анатолием Борисовичем на основе своих собственных впечатлений и не пользовался слухами.

Ельцин частично прав, когда пишет, что я выступал с резкой критикой. Вот только врагом экономических реформ и противником приватизации я никогда не был. Ничего лучше рынка человечество не придумало. Экономика командного типа провалилась везде, и невозможно отыскать на глобусе — в прошлом и в настоящем — ни одной страны, где бы социализм оказался результативнее капитализма. Но это не означает, что я безмолвствовал по поводу методов, с помощью которых осуществлялись наши экономические реформы. Меня не могло не беспокоить, как проводилась приватизация самых важных отраслей российской промышленности. Нефтяной. Газовой. Металлургической. Ими только и жива сегодняшняя Россия.

Проекты президентских указов о приватизации готовили Чубайс и его команда.

Размашистая подпись Ельцина делала этот листок бумаги всеильным и решала судьбу гигантских денежных сумм. Ушлые и расторопные люди в одночасье становились миллиардерами, получая в руки то, что создавалось целыми поколениями россиян.

Политической целесообразностью объяснял Чубайс этот странный процесс приватизации, в результате которого «чужой» предприниматель даже за дорого не мог приобрести того, что «своему» продавали буквально за ломаные гроши.

Мне были отчетливо видны изъяны этих скоропалительных решений, и я попытался поговорить с Чубайсом откровенно. «Анатолий Борисович, — сказал я ему, — подобные методы создают идеальные условия для роста экономических преступлений. Сил правоохранительных органов не хватит, чтобы их перелопатить». Еще упрекнул Чубайса в том, что проданные за бесценок предприятия, которые могли бы отлично работать, при новых хозяевах не дают в государственную казну ни копейки.

Чубайс улыбнулся: «Вы не понимаете, это как раз не главная цель. Главная цель — политическая! Нужно было как можно быстрее перевести экономику страны на другие рельсы». И неожиданно добавил: «Без этого мы бы не смогли обеспечить избрание Ельцина на второй срок...»

Позиция Анатолия Борисовича стала мне понятна и, не скрою, удивила своим откровенным цинизмом.

Что касается «экономической идеологии», которую я сам исповедую, то она вовсе не так консервативна, как это представляется Б.Н. Ельцину. Да, я был противником олигархического капитализма, но сама жизнь подтвердила мою правоту. Я был сторонником щадящих реформ: постепенных, последовательных, человеколюбивых. До сих пор вся страна скособочена: несколько десятков тысяч соотечественников живут хорошо, в то время как десятки миллионов просто выброшены за черту бедности. Все это: олигархи и бесстыдная коррупция, нищенство стариков и детская беспризорность, безработица и переполненные следственные изоляторы — тоже следствие легковесных государственных решений. Будучи человеком осведомленным, я ежедневно наблюдал, как растет количество преступлений, совершаемых только ради куска хлеба.

В этом смысле я и Анатолий Борисович были и вправду антагонистами.

Попытки же отставить меня от власти предпринимались неоднократно. Первый раз — еще весной 1997 года, когда, став вице-премьером, я закрыл таможенные льготы некоторым олигархам. Один из них, не моргнув глазом, тут же заявил, что «Куликов «поломал» бизнес на несколько сот миллионов долларов и будет освобожден от занимаемой должности».

Не знаю, по этой ли причине или по какой другой 13 мая 1997 года в журнале «Итоги» появился блок из нескольких публикаций под общим названием «Как быть с Чечней? И что делать с генералом Куликовым?» Проблемы Чечни в данном случае служили только информационным поводом, а все угрозы, что называется, вертелись на кончике языка: «Куликов фактически остается в одиночестве против довольно большой команды чиновников из Кремля, со Старой площади и из Белого дома. И, похоже, возглавить поход на министра предстоит Борису Березовскому, который не будет, как Лебедь, собирать пресс-конференции и делать грозные обличительные заявления. Он катапультирует Куликова из кресла тихо и незаметно для самого Куликова...»

Первый заход олигархов, предпринятый для того, чтобы сместить меня с должности за отмену таможенных льгот, не принес никаких результатов. Эта просьба или требование даже не дошла до президента.

Вообще-то, фамилия Бориса Березовского была произнесена совершенно не напрасно. О моем увольнении хлопотал именно он, когда в августе 1997 года предпринял новую атаку на мои позиции. Насколько мне известно, с требованием к президенту освободить меня с поста министра Березовский отправился вместе с Чубайсом и Юмашевым. Ельцин только озлился: «И слышать об этом не хочу! С этим ко мне больше не обращайтесь!»

Что касается Березовского, то он, будучи человеком деятельным и вездесущим, буквально сновал по высоким кабинетам, протаптывая свои суетливые тропинки так ловко и

трудолюбиво, что оставалось только развести руками. Как говорится: «Ты его — в дверь, а он — в окно»...

Время от времени он появлялся и в моем министерском кабинете, как, впрочем, и другие олигархи. Я относился к этому спокойно. Понимал: с их стороны это разведка, наведение мостов. Но их визиты, иногда очень навязчивые, я расценивал как часть оперативной милицейской работы, которая позволяла нам, работникам правоохранительных органов, оставаться в курсе происходящего. Между делом я получал от олигархов весьма любопытную информацию. Многие из них друг друга недолюбливали, конкурировали между собой и конфликтовали, а значит, неслучайно посвящали МВД в подробности неприятельского бизнеса.

Будучи людьми осторожными, все яйца в одну корзину олигархи старались не складывать и по мере возможности налаживали внутри министерства полезные связи с другими генералами, которые при определенной поддержке могли бы в будущем претендовать на первые роли в системе МВД России.

Не буду говорить, насколько велик был этот «кадровый резерв», выращиваемый за спиной министра, но я хорошо понимал, что служба этих прикормленных олигархами людей вряд ли пойдет на пользу стране и на пользу закону.

Сразу после того, как мной от занимаемой должности был освобожден генерал-майор милиции Владимир Рушайло, Березовский и Гусинский появились у меня с просьбой отменить приказ и восстановить Рушайло в должности начальника Московского Регионального управления по борьбе с организованной преступностью.

Исход подобного ходатайства был настолько важен для них обоих, что разговор пошел совершенно открытый. «А.С., — сказал мне Гусинский, — мы даже не скрываем, что Володя Рушайло — наш друг...»

Я ответил не менее откровенно: «Ну и что? Все останется, как есть! За всю свою службу я ни одного своего приказа не отменил!»

В общем, в какой-то момент я дал Борису Березовскому и Владимиру Гусинскому от ворот поворот.

Чем чаще они бывали у меня, тем больше, помимо собственной воли, я был вынужден втягиваться в их дела. Я в этом никакой нужды не испытывал. В то же время их интерес ко мне, как я понимал, объяснялся желанием обернуть наше знакомство на пользу собственным делам. И не более того.

Поэтому я их просто от себя отодвинул и стал для них недосыгаем. Звонит помощник: «К вам Березовский. Хочет встретиться...» Я отвечаю: «Передайте ему, что я не могу. У меня нет времени».

Такой министр их устраивать перестал. Именно тогда была предпринята очередная попытка олигархов склонить президента на свою сторону. Как я уже говорил — Ельцин просто шуганул визитеров. Причем Гусинский тотчас во всем мне признался: «А.С., вы не думайте — сам я не прилагал никаких сил для этого. Я только согласился». Голос Владимира Гусинского звучал почти покаянно: «Только однажды я подтвердил, что не буду против, если им удастся добиться вашей отставки...»

Не исключено, что истинной причиной волнений Березовского был мало чем примечательный разговор, произошедший наедине между мной и Валентином Юмашевым. Его содержание стало известно Борису Абрамовичу, после чего он и развел бурную деятельность по устранению меня из министерства.

Народная молва уже давно связывала имя Березовского с убийством известного тележурналиста Владислава Листьева. Он был застрелен в подъезде собственного дома еще задолго до моего появления в министерстве. Преступников так и не нашли.

Были серьезные подозрения, что гибель Листьева спровоцирована экономическими разногласиями на телеканале ОРТ, входившем в сферу влияния Бориса Абрамовича. Концы преступления были спрятаны так глубоко, что обществу оставалось довольствоваться только догадками и предположениями о том, кому это убийство было на руку. Люди сходились во

мнении, что оно было выгодно Борису Березовскому. По этому поводу были, как мне помнится, опубликованы какие-то материалы в газетах.

Борис Абрамович тогда срочно попросил со мной встречи и задал вопрос в лоб: «А.С., скажите, в МВД что-то есть против меня по «делу Листьева»?» Я ответил, что такой информацией не располагаю.

Позднее я сказал Юмашеву полушутя: «Валентин Борисович, не потому ли Березовский делает ставку на Александра Лебеда, что боится загреметь по «делу Листьева»?»

Мои слова достигли ушей Березовского, и позднее, в сентябре, после бесплодных борений со мной, он опять поднял этот вопрос: «А.С., вы тоже считаете, что я виновен?» «Нет, — сказал я ему, — я так не считаю. У меня просто нет для этого оснований. Но по тональности, с которой мне был раньше задан этот вопрос, я сделал заключение: вы чего-то опасаетесь. Поэтому и поделился своими наблюдениями с Юмашевым».

Березовский с ужасом посмотрел на меня. Я понял, что он будет драться со мной не на жизнь, а на смерть...

* * *

Чтение книги «Президентский марафон» не оставляет у меня сомнений в том, что я должен поблагодарить Ельцина уже за то, что ни в одной из его комбинаций я не был, что называется, использован втемную. Отчасти я это объясняю тем, что президент, в принципе, относился ко мне с уважением: я не злоупотреблял его доверием, я ни в чем его не подвел. Но, думаю, человек умный и дальновидный, он в общении со мной и сам всегда очень остро чувствовал границу, за которую нельзя было переходить ни президенту, ни Верховному Главнокомандующему. Наверное, потому, что я обязательно бы сказал ему в глаза только правду, какой бы неприглядной она ему ни казалась. Затем, чтобы опять-таки ни в чем не подвести президента и уберечь его от опасных иллюзий.

К сожалению, Ельцин не был столь щепетилен, манипулируя людьми, которые находились в большей зависимости от его власти, чем, например, я сам.

После ельцинских откровений, сделанных в книге «Президентский марафон», я понимаю, как непросто теперь некоторым из ее персонажей взглянуть в глаза собственным детям. Наверное, очень тяжело жить с чувством, что тебя просто использовали?.. Ельцин не скрывает: власть — это стержень, на котором держится его ощущение творца событий и вершителя человеческих судеб. Все подчинено только принципу политической целесообразности, и в этом процессе почти не остается места для настоящей дружбы, подлинного доверия и естественных человеческих радостей. Борьба за власть становится самоцелью. Она способна выхолостить самые лучшие идеи.

Говорят, что политика — вещь грязная. Что порядочному человеку нужно сторониться такой работы... На это отвечаю так: во многих странах теперь это только работа. Достойная работа для порядочных людей. Потому что в условиях настоящей демократии политики не теряют почву под ногами и понимают, что народный выбор, голоса избирателей — это не более чем найм на работу. Это всего-навсего — трудовой контракт с нацией, который должен быть расторгнут, как только наемный президент выйдет за рамки своих полномочий.

Ельцин, конечно, не был наемным рабочим своего народа. Наоборот, в полном соответствии с нашими историческими традициями, он президентствовал по-царски, а передача власти своему преемнику представлялась ему как прощание с шапкой Мономаха.

Ну что ж, его политическое время истекло. Значит ли это, что точно так же, в полном соответствии с нашими обычаями, следует теперь отменить все то, что произошло с Россией и с нами за те восемь лет, пока Ельцин оставался главой государства? Назвать все неправильным и затеять капитальный ремонт? Кого-то посадить? Кого-то расстрелять? Кого-то опять объявить потерянными поколением?

Нет, я этого не приемлю.

Многое расставит по местам время. Политическое время Ельцина действительно закончилось, но не закончилась его политическая жизнь. Ведь последствия его ходов, поступков, решений мы и сегодня ощущаем на себе. Повторяю, для России очень важно, что впервые в ее истории добром ушел прежний правитель и добром пришел новый президент. Это не только ломает наши собственные понятия о цене власти — это меняет ход отечественной истории, в которой 31 декабря 1999 года станет одной из самых знаменательных дат.

И я по-человечески признателен Ельцину, что он принял именно такое решение: уйти стремительно и бесповоротно в последние часы 1999 года. Надо все-таки реально представлять себе политическую цепкость наших государственных мужей. Если бы захотел Борис Ельцин остаться на третий срок — можете не сомневаться, он бы сумел повернуть и это.

Но это была бы уже совершенно другая история.

Чистые Руки

Мне приходилось замечать, как меняются люди, попав на верхние этажи государственной власти. Некоторые из них быстро теряют почву под ногами и с удовольствием обживают в иллюзорном мире казенных дач, стремительных автомобильных кортежей, элитной телефонной связи и высококлассной услуги, способной решить за тебя тысячи бытовых проблем. К этому легко привыкаешь. Еще легче объяснить себе и окружающим, что вся эта человеческая суета вокруг твоей звездной персоны обусловлена важностью исполняемых тобой государственных дел и призвана сэкономить время для ответственных дел и поручений.

Этот чиновничий VIP-мир действительно очень удобен. Его не любит простой народ, но созданный талантливыми стилистами сталинской поры этот наркомовский уклад жизни и по сей день для многих моих соотечественников является воплощением настоящей «советской мечты». В отличие от «американской мечты», краеугольным камнем которой является деловой, коммерческий успех, в нашей стране рассчитывать на подобную комфортную жизнь мог лишь тот, кто связал свою судьбу с государственной службой. Понятно, что все это рассыплется, развеется в дым в случае опалы или очередной кадровой рокировки, но такова уж природа человека: он готов до последнего цепляться за это призрачное счастье, которое дают и отнимают по приказу.

К сожалению, мы еще не в полной мере избавились от этого наследия. Отставка высокого чиновника, министра — во многих странах обычная рутина политической жизни. Кто-то из видных политиков уходит навсегда, кто-то — на время. У нас эта процедура, как правило, обставляется так, что сразу и не поймешь — это только отставка или уже прелюдия к расстрелу. О том, что тебя сняли с работы — ты узнаешь утром по радио. Тотчас замолкает телефон правительственной связи. Редет или вовсе исчезает личная охрана. Уезжает и больше не возвращается служебная машина. Кто прошел через это, знает, что не так страшен сам отъем атрибутов власти, сколько это расчетливое, мучительно растянутое во времени отключение человека от работы, еще вчера составлявшей весь смысл его жизни.

Не мудрено, что многие в этой обвальной тишине отставки не могут взять себя в руки. Стреляются. Уходят в запой. Погибают от инфарктов. Но замечено: чем сильнее человек впадал в иллюзию собственной исключительности, когда находился у власти, тем разрушительнее для него самого оказывался подобный исход.

Я всегда был готов к тому, что в моей жизни могут наступить вот такие неприятные перемены, и наркомовскую жизнь не путал с жизнью настоящей. Никогда не ночевал на государственной даче и использовал ее только для приема официальных гостей. Не отворачивался от бывлых друзей.

Крупный государственный чиновник, если он — умный и серьезный человек, всегда находится в точке пересечения информационных потоков. Их много, и всякая информация

идет в дело и служит предметом анализа: сводки, доклады, донесения, письма, обращения, социологические исследования, сообщения СМИ и даже слухи. Что-то из этого ежесекундного информационного вала обрабатывается помощниками и подается в разжжеванном виде, но зерна от плевел часто приходится отделять самому — настолько конфиденциальной может оказаться весть, поступившая в Министерство внутренних дел.

В умении добывать оперативную информацию, что называется, «с земли», министру незачем тягаться с оперативными сотрудниками милиции. В оперативно-поисковых и оперативно-технических службах работают асы сыска, по-настоящему высокие профессионалы. Но навыки перевоплощения, которыми они обладают, к лицу и полицейскому министру. Для того, чтобы и самому время от времени отправляться в жесткий повседневный мир, где живут твои сограждане. Чтобы проверить службу подчиненных тебе людей. Чтобы чувствовать нерв страны. Чтобы, упаси Господи, не превратиться в самодовольного чиновника, потерявшего чувство реальности.

Я знаю, что однажды один из крупных правительственных чиновников, такой же, как я — вице-премьер правительства России, очень удивился, встретив около полуночи в коридорах Дома правительства, на этаже, где располагались офисы заместителей В.С. Черномырдина, небритого мужика в потертом джинсовом костюме и в кепке, надвинутой на глаза. Он уже думал вызвать охрану, когда неизвестный двинулся ему навстречу и приветливо поинтересовался: «Что, работаешь допоздна?» Впоследствии он был вынужден признать, что только по голосу узнал министра внутренних дел А.С. Куликова.

Я не собираю о себе мифы и слухи. Тем более героические сказания. Но мне, человеку профессиональному, подобная история, честно говоря, очень нравится. Надо же, чуть охрану не вызвал!.. Так было на самом деле.

В принципе я очень спокойно относился к тому, что министр — лицо официальное, а его жизнь, в которой каждая минута, действительно, посчитана наперед, вынужден жить как сановник. Давались официальные приемы, я участвовал в переговорах с зарубежными коллегами, с главами государств. Были и автомобильные кортежи, и, как я уже говорил, казенная дача — с поварами, садовниками и официантами. Но ко всему этому я относился как к обременительной необходимости и, как только это становилось возможным, возвращался домой. От чего нельзя было отказаться — так это от охраны. Но надо отдать должное, ее офицеры всегда были очень хорошо подготовлены и несли свою службу аккуратно и почти незаметно для меня и для семьи.

Однако приходилось считаться с тем, что лицо мое вскоре стало узнаваемым, что создавало некоторые неудобства в жизни частной, от которой я не собирался отказываться. Ведь я должен был встречаться с друзьями, иногда выходить на улицу с детьми, в магазин. Не будет же Валя за меня покупать рубанок или выбирать щенка на Птичьем рынке. Туда мы ходили с сыном Виктором, которого по заведенному у нас дома обычаю, как правило, называют Виталием, Виталькой. И когда мы отправлялись с ним на Птичку, чтобы не привлекать к себе внимания, я аккуратно наклеивал седые усы, которые мне подарили полицейские из Германии. Еще была борода, но обычно хватало и усов, чтобы полностью раствориться в массе торгующих и приценивающихся к товару соотечественников. Один лишь раз меня чуть было не разоблачили, но торговец с Птичьего рынка, внимательно до этого разглядывавший меня, видимо, просто постеснялся задать вопрос — не А.С. ли я Куликов? Как министр, я был и на слуху, и на виду, но нелепо было даже предположить, что генерал армии разгуливает в толпе с наклеенными бутафорскими усами.

А может, и узнал человек, но оказался настолько тактичен, что решил промолчать.

К моим перевоплощениям можно относиться по-разному. Кто-то назовет это озорством, кто-то — балаганом, кто-то — неотъемлемым правом человека время от времени захлопывать створки собственной раковины. Ведь я — не артист, не публичный политик и внимание прохожих не является моей целью. Но очень важно то, что, смешиваясь с толпой ничем не отличающихся от меня самого людей, я каждый раз возвращал себе способность видеть жизнь их глазами. Я торговался, ругался, смеялся, негодовал. Я покупал бензин на

заправке и хлеб в булочной. Я участвовал в разговорах и получал удовольствие от того, что мне понятен этот язык человеческих обид на власть, на дороговизну, на соседей. Что мне по-прежнему интересны эти простые радости по поводу собранных в школу детей, отгулянных отпусков и закрученных на зиму помидоров. Это моя Родина. Это мой народ. Что бы ни случилось со мной, известно, что нет такой силы, которая могла бы лишить меня права считаться соотечественником вот этим людям, которых я люблю со всеми их достоинствами и недостатками и которым каждый день желаю только добра.

* * *

До лета 1996 года генерал-лейтенанта Александра Ивановича Лебеда я не знал совершенно. Слышать слышал, но не более того. Правда, когда на итоговом совещании в 1995 году его за что-то распекал министр обороны Павел Грачев, я поневоле обратил на него внимание. Стоя у всех на виду, он воспользовался паузой в речи Грачева и отпустил какую-то дерзкую реплику. Не помню, что он сказал, но я недоуменно заметил своему соседу, бывшему однокашнику по Академии Генштаба: «Странно — командарм, а пререкается с министром...» На что товарищ отреагировал благодушно: «Просто у Лебеда такой характер. Все это знают и уже не обращают внимания».

Характер Лебеда, его зычный голос и очевидная склонность к афористичному мышлению вскоре снискали ему известность в стране. На фоне запутавшегося в олигархических тенетах Кремля этот бравый генерал, с гордостью носящий вместе с советскими орденами и орден за оборону Приднестровья, выглядел сильным и энергичным человеком. Его прямодушие впечатляло. Многие его заявления, раздаваемые как удары, наотмашь, его обещания, исполненные наивной веры в легкие решения самых тяжелых проблем, не могли не заронить надежду в сердцах: может, такой и должна быть политика завтрашнего дня?

Политические амбиции генерала Лебеда я воспринимал бесстрастно. У человека есть боевая биография, он, безусловно, неглуп. Людям он нравится и производит впечатление волевого и властного человека, способного постоять за себя хоть на диспуте, хоть в рукопашном бою. Его склонность к полковому юмору, метко названному одним из журналистов «поэзией гарнизонной гауптвахты», поначалу тоже мало кого раздражала. Это было свежо. Это тоже работало на образ честного служаки, которого обманывают хитрые и беспринципные политиканы.

Конечно, я понимал, что Лебедь ищет место под солнцем, что его политические запросы велики, что он не так прост, как кажется, но все это не имело ко мне ровным счетом никакого отношения.

Мы не были знакомы. Александр Лебедь не выказывал по отношению ко мне никакой враждебности, а его карьерные запросы были куда выше, чем должность министра внутренних дел.

Как известно, депутат Государственной Думы Александр Лебедь участвовал в первом туре президентских выборов и получил немало голосов в свою поддержку. Насколько я помню, речь шла об одиннадцати миллионах россиян, проголосовавших за Александра Ивановича.

До сих пор считается, что Борис Ельцин в своей борьбе с Геннадием Зюгановым, также прошедшим во второй тур выборов, был вынужден заключить с генералом политическую сделку: Лебедею давался серьезный и заметный государственный пост в обмен на голоса его сторонников. В политике такие альянсы — обычная вещь, и сегодня остается только спорить: так ли верны оказались расчеты кремлевских политтехнологов, утверждавших, что без подобного маневра победа Ельцина просто бы не состоялась?..

Александр Иванович Лебедь стал секретарем Совета безопасности.

Условия сделки не разглашались, но было понятно, что на предвыборных торгах Лебедь голоса своих избирателей продал по очень высокой цене. Во всяком случае

положение бывшего командарма в политическом истеблишменте страны очень сильно изменилось: теперь он разговаривал властно, смотрел грозно, вел себя по-хозяйски, и не оставалось сомнений, что народную поддержку Лебедь еще не раз использует в своих интересах.

Наша первая встреча с ним, состоявшаяся 20 июня 1996 года, была вызвана чрезвычайными обстоятельствами.

Рано утром на моей даче раздался звонок «кремлевки» — телефонного аппарата специальной правительственной связи. Я поднял трубку и услышал, что со мной хотел бы переговорить Лебедь. Тут же послышался его голос: поздоровавшись, Александр Иванович сказал следующее: «А.С., я прошу вас срочно приехать ко мне. Нужно посоветоваться. Ситуация очень тревожная и напрямую связана с Барсуковым и Коржаковым». Спросил: «Вы в курсе ночных событий?» Я встревожился: «Что-то произошло?» «Да, — подтвердил Лебедь. — Президент болен!..»

На мой вопрос, что с президентом и в каком он состоянии, Лебедь ответил очень уклончиво: «Ну, он болен...», и начал говорить загадками: «Здесь ребята не понимают, что надо делать в такой ситуации!.. Здесь нужен ваш совет!..»

Как только Лебедь закончил разговор, я позвонил к себе в министерство и попросил срочно направить за мной служебную машину. Мне по-прежнему было неясно, что произошло. Если государственный чиновник столь высокого ранга поднимает министра внутренних дел с постели как по тревоге, намекает, что президент чуть ли не при смерти — это не может быть розыгрышем. Значит, положение, действительно, очень серьезное.

Я, конечно же, обратил внимание на то, в каком контексте были названы имена генералов государственной безопасности Александра Коржакова и Михаила Барсукова — людей в ту пору влиятельных, информированных и обладающих силой, достаточной для того, чтобы в обстановке нестабильности на какое-то время перехватить инициативу в свои руки. Тяжелая болезнь или, того хуже, смерть главы государства — достаточный повод для царедворцев, чтобы начать собственную рискованную борьбу за власть. Так уже не раз было в нашей истории. Я не сомневался: если что случится с Ельциным, в ход пойдут старые проверенные схемы — умолчание, дележ постов, присяга верных полков и прочее... Звонок Лебеда я расценил как предупреждение, что надвигается нешуточный шторм.

Машина подошла через 20 минут: на улицах Москвы было еще пусто. Несмотря на ранний час, на ходу связался с премьер-министром В.С. Черномырдиным: «Вам что-нибудь известно о болезни президента?» «Нет, — Виктор Степанович говорил спокойно и уверенно, — президент здоров! Мало того, он сегодня проводит заседание Совбеза». «Да, — подтвердил я, — заседание назначено на 11 часов». «А что случилось?», — в свою очередь спросил меня председатель правительства. — «Да там, как говорят, Барсуков и Коржаков... Какая-то коробочка с деньгами...» «А, это... — Черномырдин оказался в курсе происходящего. — Вчера, в 23 часа, я разговаривал с Барсуковым: он сказал, что там вроде бы все законно и что все уже разрешилось...»

Я сказал Черномырдину о звонке Лебеда, известил, что по его просьбе сейчас еду к нему на Старую площадь и сам попробую разобраться в ситуации. Виктор Степанович это одобрил: «Поезжай. Только прошу — потом позвони мне».

В здании на Старой площади, где находился офис Совета безопасности и где теперь располагался его новоиспеченный секретарь Лебедь, Александр Иванович встретил меня и, усадив за журнальный стол, предложил выпить чаю.

Когда его принесли, Лебедь начал извиняться: «Вот, чашки все куда-то унесли... Будем пить из стаканов». Я пожал плечами: «Какая разница, попьем из стаканов».

Лебедь неожиданно начал разговор совсем издали: «А.С., вы знаете, в Министерстве обороны готовился новый ГКЧП...» («Государственный комитет по чрезвычайному положению» — самопровозглашенный орган власти, в состав которого вошли люди, предпринявшие в августе 1991 года попытку государственного переворота и устранения первого президента СССР М.С. Горбачева. — Авт.).

В изложении А.И. Лебеда «новый ГКЧП» представлял собой круг генералов, которые обменивались злокозненными замыслами в кабинете министра обороны Павла Грачева. Кроме неизвестно как оказавшегося среди них министра обороны Грузии Вардико Надебаидзе, Лебедем в числе заговорщиков были упомянуты имена еще нескольких военачальников, многие из которых оказались моими однокашниками по Академии Генерального штаба. Так как я учился в одно время с Грачевым, мои однокашники в равной степени были и товарищами Павла Сергеевича.

Я их всех очень хорошо знал и, честно говоря, словам Лебеда не поверил. Разве можно считать мятежом посиделки умных и знающих людей, которые совершенно в духе Академии Генштаба привыкли говорить друг с другом откровенно и оценивать ситуацию объективно — без боязни называть вещи своими именами?

Сам Лебедь в нашей академии не учился, и это обстоятельство очень сильно сказывалось на всем, что он делал до и после своего похода на Кремль. И во время похода — тоже...

Я Лебеда прервал: «Александр Иванович, сейчас меня прежде всего интересует состояние здоровья президента. Вы мне сказали, что он очень болен...»

Совершенно неожиданно Лебедь вдруг замельтешил: «Нет, нет — ему уже гораздо лучше! Да, кстати, он должен мне сейчас позвонить...»

Действительно, около 6 часов утра раздался телефонный звонок, и я, предугадывая, что это Ельцин, попросил Лебеда уточнить — состоится ли в 11.00 заседание Совета безопасности. Вопрос законный: членом этого совета являлся я сам.

Лебедь, однако, начал бойко докладывать Ельцину о надуманном заговоре в Министерстве обороны и начал перечислять фамилии. Я понял, что эти люди обречены. Понял по обрывкам разговора, когда, судя по всему, президент задал вопрос «Что делать?» и получил в ответ дословный ответ Александра Ивановича, начавшего работу на уровне государственной безопасности: «Борис Николаевич, Боже упаси, давать вам какие-либо советы, но я думаю, что этих людей нужно уволить». Дальше все по-военному: «Понял!.. Есть!.. Понял!..» Краем глаза Лебедь взглянул на меня и, словно через силу припоминая мою просьбу, спросил у Ельцина, состоится ли сегодня заседание в 11.00. Президент подтвердил: да, все по плану, никаких изменений нет.

Лебедь положил трубку, и мы продолжили разговор, касавшийся Коржакова и Барсукова. Поводом к этому послужили события, развернувшиеся вечером предыдущего дня, в половине шестого, когда на проходной Дома правительства с большой суммой долларов США в теперь уже знаменитой «коробке из-под ксерокса» были задержаны члены предвыборного штаба Ельцина — Лисовский и Евстафьев.

Не сомневаюсь, что Лебедь начал этот разговор затем, чтобы понять — а какую, собственно, позицию намерен занять я сам? Что мне известно? Как я среагирую на старые имена в новом политическом контексте: Александр Коржаков, Михаил Барсуков?..

Лебедь — человек во власти новый. Может не знать всех деталей кремлевской жизни, и уж тем более мне неизвестно, с кем из политиков выступает он в союзе в эту минуту. С Чубайсом? С Коржаковым? С неведомой мне силой, которая поставила в этой интриге на перспективного Александра Ивановича?

На поверку могло оказаться все, что угодно. Как сказал один остроумный и пронизательный человек: «В политике не играют, а только без перерыва тасуют карты...»

Я пожал плечами: «Пока мне ничего не известно. Я не стану говорить, кто прав, а кто виноват, пока не уточню, что известно об этом деле милиции».

Честно говоря, я повел себя очень настороженно и с облегчением попрощался с Лебедем до 11 утра. Еще раз посчитал, что бы могли означать этот заполошный звонок на дачу, похоронные нотки в голосе новоиспеченного секретаря Совбеза? Провокацию? Поиск союзников? Проверку на лояльность или, действительно, искреннее желание спросить совета в трудную минуту?

* * *

Та информация, которую мне удалось получить в министерстве о произошедших накануне событиях, свидетельствовала: при задержании Лисовского и Евстафьева ничего противозаконного не произошло.

Получив оперативную информацию о выносе крупной суммы долларов из Белого дома, спецслужбы, контролируемые Александром Коржаковым (Служба охраны президента и Главное управление охраны. — Авт.), реализовали ее в полном соответствии с законом об оперативной деятельности. Офицер милиции, несший дежурство на проходной, остановил сотрудников предвыборного штаба, надо думать, совершенно не случайно. Появившиеся представители «коржаковской» спецслужбы произвели досмотр коробки и обнаружили деньги.

О том, что к этой комбинации офицер милиции, кажется, капитан по званию, играл второстепенную роль — можно было понять по отсутствию даже признаков доклада дежурному по МВД и мне, министру. Но это и понятно. Какими бы законными по формальным признакам не являлись действия спецслужбы, истинной их причиной была все-таки политика. Вернее, яростная и очень рискованная борьба за власть в Кремле. А потому мотивы, которыми руководствовался Коржаков в этой ситуации, носили ярко выраженный корыстный характер.

Генерал Александр Коржаков появился в зале заседаний Совета безопасности, находившемся в Кремле, в то же время, что и я: минут за пятнадцать до начала. Почти все уже собрались и расселись в том порядке, как того требовали таблички с фамилиями, расставленные в строгом соответствии с местом, которое каждый из нас занимал в иерархии государственной власти.

Коржаков, впрочем, не был членом Совбеза и зашел в зал, видимо, для того, чтобы переговорить с Михаилом Барсуковым, директором ФСБ, чье место за столом находилось справа от меня. Поневоле я был вынужден втянуться в разговор, спросил: «Кто-нибудь объяснит мне, что же все-таки произошло?»

На что Александр Васильевич, сделав ясные глаза и без малейшего смущения в голосе, попробовал меня удивить: «Ты что, не знаешь? Вчера твои милиционеры задержали Лисовского...» На что я рассмеялся: «Саш, ты брось этим заниматься — «мои милиционеры»... Те милиционеры, заставь их задержать — хрен кого задерживают. Тоже мне, нашли храбреца!»

Коржаков вроде бы и не возражает, но по его глазам, по улыбке вижу, что не зря он так поворачивает разговор: дескать, его дело — сторона. Барсуков тоже, едва ли не из рукава, достает и протягивает мне объяснение подчиненного мне офицера: «Я остановил... Я спросил, что у вас в коробке... Я обнаружил... Тут вошли два представителя Службы охраны президента...» В общем, нормальная милицейская бумага, призванная зашифровать все таинства оперативной работы, которую внутри Дома правительства и в недрах предвыборного штаба провернули люди Коржакова.

Эти нехитрые манипуляции с правдой и вымыслом ничуть меня не смутили. Коржаков ушел. И вскоре появился Ельцин, который начал заседание с того, что представил Лебеда в связи с назначением на должность секретаря Совета безопасности. Надо сказать, что за все время, пока секретарствовал Александр Лебедь, президент, кроме этого дня, больше не появится ни на одном из заседаний Совбеза.

Но в этот раз все начиналось на высокой ноте. Правда, после поздравлений Борис Николаевич оставшуюся часть заседания провел стремительно и грозно. Отменил обсуждение вопроса, который стоял в повестке дня, и поднял со своего места Барсукова. Негодование Ельцина было столь бурным, что не оставалось никаких сомнений: президент воспринял происходящее как личную обиду, как предательство. «Вы, — сказал он Барсукову, — превысили свои полномочия! Вы лезете, — голос президента наливался металлом, — куда вас не просят! Я вас отстраняю от участия в работе штаба по выборам

президента!» После этого Ельцин обратился ко всем остальным: «Все, — отрезал он, — Совбез закончен! Расходимся!..»

Мы вышли из зала, но в приемной ко мне подошел дежурный и передал просьбу Коржакова подняться к нему. Такое же приглашение получили Михаил Иванович Барсуков и Евгений Максимович Примаков, бывший тогда руководителем российской внешней разведки.

Все вместе мы поднялись на третий этаж. Причем Барсуков позвал с собой и Лебеда. Михаил Иванович не скрывал дружеского расположения к секретарю Совбеза и обращался к нему почти фамильярно: «Пойдем, Александр Иванович, познакомимся поближе...»

В кабинете Коржакова мы задержались недолго. Хотя и налито было каждому по рюмке коньяку, но говорить оказалось не о чем. Лебедь, правда, пить не стал совсем и, подержав для виду рюмку в ладони, буквально через несколько секунд вышел и больше не появлялся.

В настроении Коржакова и Барсукова, бывших между собой друзьями, я отметил в тот раз нарочитую браваду. «Вот видишь, меня уже вывели из штаба. Тебе, наверное, тоже перепадет», — говорил один другому, и весь их по-курсантски задиристый вид свидетельствовал о том, что президентский гнев не кажется им долговечным.

Я и Евгений Максимович Примаков тоже задерживаться не стали. Распрощались с кремлевскими генералами, расселись по машинам и отправились восвояси.

Но лишь только я переступил порог кабинета, сел за стол и раскрыл документы, по президентскому коммутатору позвонил Примаков: «А.С., ты слышал: только что объявили, что от своих должностей освобождены Коржаков и Барсуков? Как это понять?» «Вот так новость! — удивился я. — Надо же... Ведь президент сказал Барсукову, что лишь выводит из предвыборного штаба...» — «Да нет, все произошло, пока мы ехали из Кремля».

Я включил телевизор: новость о смещении со своих постов Коржакова и Барсукова уже передавалась во всеуслышанье.

Как стало известно позднее, сразу после заседания Совета безопасности в приемной Ельцина Анатолий Чубайс поставил жесткое условие президенту: «Решайте: либо вы избираетесь на второй срок, либо не избираетесь и остаетесь с ними!»

То, что указ был немедленно подписан, означает: Ельцин недолго стоял на распутье.

* * *

Наделавшая в свое время много суетливого шума книга Александра Коржакова «Борис Ельцин: от рассвета до заката» в большей степени касалась личных взаимоотношений президента и его охранника, которым, несмотря на добытые в Кремлевском дворце генеральские погоны, по сути, всегда оставался Александр Коржаков.

Мои слова не следует понимать как пренебрежение к людям его профессии: охранять президента — это сложная, опасная, по-настоящему жертвенная работа. Офицер личной охраны, или, как называют себя люди этой профессии — «живой бронезилет» — зачастую становится человеком не только хорошо информированным о жизни охраняемого лица, но и другом, и соратником, с которым ешь из одного котелка.

Есть охрана у меня самого. Я верю этим людям и полагаюсь на их профессионализм и человеческую надежность. Это естественно в кругу офицеров.

Возвышение Коржакова из майоров в генерал-лейтенанты происходило не на моих глазах, и я не вправе комментировать этот отрезок жизни Александра Васильевича.

Его книга тоже осталась лежать недочитанной, но это, скорее, следствие моего безразличного отношения к придворной жизни вообще и к придворным интригам, в частности. Мне показалось, что лучшим комментарием к ней мог бы послужить известный афоризм Шарля Монтескье: «Лакейская — это питомник для будущих вельмож».

Об этой книге я вспомнил, чтобы как-то обозначить характер моих взаимоотношений с Александром Коржаковым, который к моменту моего назначения на должность министра

внутренних дел уже давно считался человеком влиятельным. Почти всемогущим. Аудиенций с ним добивались олигархи, политики, военачальники. Гуляли небезосновательные слухи, что Александр Васильевич казнит и милует своей волей и пары его слов на обрывке бумаги достаточно, чтобы одного наделить генеральским званием, а у другого — отнять банк или, например, нефтяную компанию.

Не знаю. Наши пути редко пересекались. Нас ничто не связывало, и я абсолютно ничем не был ему обязан. Неслучайно, в своей книге, в той части, где приведен разговор Коржакова якобы с Виктором Степановичем Черномырдиным, на вопрос своего собеседника: «А как Куликов — наш?», Александр Васильевич отвечает: «Я не знаю, чей он. Не я его ставил». Так оно и было.

Виктор Федорович Ерин рассказывал мне, как лично рекомендовал меня на должность министра. Павел Сергеевич Грачев говорил, что на вопрос Ельцина о моей кандидатуре откомендовал меня наилучшим образом. Не знаю, интересовался ли президент мнением Коржакова обо мне, но это и не суть важно. Борис Николаевич часто советовался с чиновниками своей администрации, с членами правительства по поводу того или иного человека, которого намеревался назначить на высокую должность. Вот так однажды и меня самого он застал врасплох вопросом: «Скажите, А.С., есть ли у вас на примете кандидатура нового генерального прокурора?»

Пока я советовался в министерстве с генералом Кожевниковым — ведь знал я далеко не всех прокуроров в России, особенно таких, кого бы мог лично рекомендовать, — Ельцин принял решение о том, что генеральным прокурором станет Юрий Ильич Скуратов. Его я не знал. Впервые познакомились после его назначения.

Что касается Коржакова, то он всегда вежливо здоровался со мной, когда я был командующим войсками и тепло поздравил меня с переездом на Житную улицу, в министерство. Как я уже упоминал, звал в Президентский клуб и обещал выписать членскую карточку.

То, как он исполнял свою работу, оставаясь на людях преданной тенью президента Б.Н. Ельцина, не могло не вызывать у меня чувство уважения. Думаю, он добросовестно исполнял свою основную обязанность. Жаль, что в сухом остатке его генеральской службы оказалась только вот эта мстительная книга — «Борис Ельцин: от рассвета до заката», и больше ничего.

Но Коржаков не имел бы славы сильного человека, если бы не попытался влиять на деятельность такой могущественной структуры, которой являлось МВД Российской Федерации. Несколько раз он просил оперативные материалы, и мне докладывали, что есть устный запрос на то генерала Коржакова.

Не думаю, что он чем-либо у нас разжился, но из Генеральной прокуратуры, я знаю, он кое-что получил.

Один только раз он появился у меня вместе с неким Стрелецким. Их интересовали некоторые факты коррупции в милицейской среде, в том числе материалы по Солдатову. Все, что они приводили в доказательство, показалось мне тогда неубедительным: «Вот там Солдатов замешан...» Я попросил: «Скажите конкретно, что у вас есть на руках?» Коржаков со Стрелецким отделались общими фразами и никаких доказательств коррумпированности этого генерала не предъявили.

Впоследствии, летом 1996 года, когда уже был снят Коржаков и на основании иных материалов Солдатов был уволен со службы, но дело не в этом. Важно то, что Коржаков понял: без достаточных оснований я людей не буду ни выгонять, ни отдавать под суд.

До марта 1996 года Александр Васильевич относился ко мне совершенно лояльно.

Но после 18 марта 1996 года, когда я воспрепятствовал разгону Государственной Думы и запрету компартии, в наших отношениях почувствовалось отчуждение. Здороваться-то мы здоровались, но было видно: Коржаков недоволен. Что-то очень важное я поломал в его политических планах.

Может быть, он рассчитывал на то, что я приватно буду информировать его как

человека, близкого к президенту? Но я имел прямой доступ к Ельцину и не нуждался в услугах посредников. Правда, советовался, когда речь шла о безопасности президента, и понимал, что к моим доводам Борис Николаевич может и не прислушаться.

Перед полетом Ельцина в Чечню убеждал Коржакова: «Отговорите!» Александр Васильевич ответил мне с некоторой обреченностью в голосе: «Не послушает. Меня, вроде того, от тела — оттирают... Там уже не я — там другие люди влияют на президента».

* * *

Дальше Лебедь в поисках очередной эффектной акции берется за борьбу с преступностью в Москве.

Откровенно говоря, я даже обрадовался: ну вот, слава Богу, есть на кого опереться, и во время нашей очередной встречи сказал Александру Ивановичу Лебедю, что поддерживаю его начинание.

Мы провели несколько совещаний у мэра Москвы Юрия Михайловича Лужкова. Вскоре выяснилось, что Лебедем вынашивается несколько совершенно бредовых идей. Чего только стоило планируемое им создание специальных сил для борьбы с преступностью, под его, Лебеда, руководством или арест подозреваемых без санкции прокурора — на основании всего лишь оперативных данных.

Но поскольку в московской мэрии было много грамотных юристов, замыслы Лебеда были раскритикованы еще на уровне идеи. И вскоре он убедился, что кавалерийским наскоком сделать ничего нельзя.

В последних числах июня от Лебеда опять последовал телефонный звонок. Опять с просьбой срочно прибыть в Совбез в связи с «серьезностью обстановки».

Встретил он меня вопросом: «Скажите, А.С., как у нас охраняется телецентр в Останкино? Шаболовка? Какими силами?» Отвечаю: «Все охраняется. Учли и опыт 93-го года. Захват телецентра «Останкино» исключен». В свою очередь поинтересовался: «Случилось что-то экстраординарное?» Лебедь придвинулся ко мне: «А.С., поймите — президент вырубился... Он в тяжелом состоянии». «Как?» — изумился я.

Александр Иванович развел руками: «Вот так!» То ли уточняя, то ли, наоборот, утверждая, Лебедь задумчиво произнес: «А.С., вы же были на приеме в Кремле?». «Конечно, был, — подтвердил я общеизвестный факт. — Причем вместе с вами. И что же?». «А то, что, — Лебедю не терпелось меня удивить, — Борис Николаевич выпил там пять рюмок водки...»

Я рассмеялся: «Александр Иванович, да будет вам известно, что президенту из водочной бутылки наливают одну лишь воду. И делают это уже несколько месяцев — с того времени, когда у президента появились проблемы со здоровьем. Если Ельцин сейчас, как вы утверждаете, болен, то причины кроются в чем-то ином. Но как, — я испытующе посмотрел Лебедю в глаза, — это проверить?»

Во-первых, мое известие о том, что Ельцин уже давно не пьет на людях ничего крепче воды, ошарашило секретаря Совбеза: он этого не знал и попытался неловко отшутиться: «Надо же, мне показалось, что он выпил больше меня...» Во-вторых, способ, с помощью которого Лебедь предложил мне выяснить состояние здоровья Ельцина, потряс меня своей самонадеянностью. «Ну, вы же — министр, — сказал он. — Поднимите трубку, попросите к телефону президента и проверьте!»

«Нет, Александр Иванович, — решительно возразил я. — Такие методы тестирования президента мне не по душе. Но если ваша информация о тяжелом состоянии Ельцина верна, то должен быть в курсе Черномырдин. Давайте свяжемся с ним?»

В принципе мне уже стала понятной причина, вынудившая Лебеда интересоваться у меня системой охраны телецентра в Останкино: ему мнилось, что теперь, когда президент болен или мертв, самое время не пропустить благоприятный момент и успеть раньше других сделать эффектное заявление в эфире.

На законных основаниях — по Конституции — в случае утраты президентом способности управлять страной, президентские полномочия передаются премьер-министру, а не секретарю Совета безопасности. Закон есть закон, и Лебедь не мог не понимать, что высшая государственная власть не могла упасть ему в руки просто так — за здорово живешь. Ее можно было только добыть. Добыть в обстановке смятения, когда нация особенно нуждается в лидере.

Было по всему видно: Лебедь страстно мечтал об этом. Отсюда грезы о телецентре «Останкино», отсюда мелочная суета человека, боящегося пропустить дележ наследства.

Пляска на гробах — это не в моем характере. Как бы ни сложны были мои личные взаимоотношения с Ельциным или с кем-то иным, я никогда не желал людям зла. Тем более смерти. Запрограммированность Лебеда именно на такой поворот событий вызывала во мне чувство брезгливости.

Бодрый голос премьер-министра, которого я выдернул в буквальном смысле этого слова с какого-то сельскохозяйственного совещания, не предвещал никаких потрясений: «А.С., я два часа тому назад разговаривал с президентом...»

Черномырдин, которому я, сославшись на озабоченность Лебеда, объяснил причину звонка, охотно делился новостями: «Президент немного простыл. Но ничего страшного не происходит. Он даже попросил оставить ему копию моего доклада перед аграриями. Если будет чувствовать себя лучше, то выступит сам. Его окончательного решения я не знаю. После того, как переговорю с ним, обязательно перезвоню тебе».

Виктор Степанович сдержал слово и связался со мной где-то в половине двенадцатого ночи: «Анатолий, все происходит так, как я уже говорил. Я заезжал к президенту. Он приболел. Выступать не будет — сел голос. Нет никаких причин для волнения — в этом ты должен быть твердо уверен».

Хотя, как я узнал позднее, у Ельцина в тот день действительно прихватывало сердце, версию Черномырдина я принял как нормальный человек, с облегчением, и все — слово в слово — утром повторил Лебедею. Он поблагодарил меня тихим удрученным голосом и положил трубку.

* * *

Первые встречи с Александром Лебедем убедили меня в том, что с этим человеком следует вести себя крайне осмотрительно. Ложный навет — вообще-то не редкость в Кремле, но бездушие и беспощадность Лебеда, сумевшего на моих глазах сфабриковать «дело о втором ГКЧП» и доложить его президенту в выгодном для себя свете, наводили на мысль, что у бывшего командарма не все в порядке с совестью.

Жертвами ложного навета стали несколько генералов, среди которых, как я уже упоминал, были и мои однокашники по Академии Генштаба. Странным казалось и то, что Лебедь, чьи курсантские и офицерские годы прошли под очевидной опекой Павла Грачева, теперь не без удовольствия пинал своего утратившего влияние командира. Грачев был снят с должности, а на его место назначен генерал Родионов. Считалось, что на такой замене настаивал Лебедь, пытавшийся «подтянуть» в силовые министерства верных ему людей.

Я не знаю, какие виды имел на меня секретарь Совета безопасности, но до поры до времени он относился ко мне вполне лояльно.

Хорошо помню нашу третью встречу, на которой, кроме Лебеда и меня, присутствовал генерал-полковник Игорь Родионов, недавно назначенный новым министром обороны.

После заседания рабочей группы в Совете безопасности, где обсуждалась ситуация в Чеченской Республике, Александр Иванович попросил нас задержаться для разговора в узком кругу.

Новая инициатива Лебеда была выдержана в его духе и так же, как и все предыдущие, не носила следов длительного умственного труда. «Как вы посмотрите, — сказал он, когда мы остались втроем, — если сейчас сформировать «Российский легион» численностью в 50

тысяч штыков?»

Мы с Родионовым недоуменно переглянулись: что за ерунда? В Министерстве обороны и в Министерстве внутренних дел счет штыкам идет на миллионы, и нет никакой необходимости в новых формированиях. Что еще за «Российский легион»? В ответ я Лебедю сказал следующее: «Александр Иванович, для начала нам хотелось бы понять, а с какой, собственно, целью должно создаваться это вооруженное формирование? Что должен делать легион? Кому будет подчиняться? Скажите откровенно. Без этой информации мы не в силах дать квалифицированный совет».

Лебедь выложил карты на стол: «Поймите, этот кулак нужен мне! Сейчас мы возимся на Кавказе, и конца этому не видно. Будь у меня под рукой такая сила, я бы быстро задушил Чечню! Я сделаю все, что нужно!»

Объяснения Лебедея сразу же показались мне неискренними. Этот легион к Чечне был пришит белыми нитками. Я готов был дать руку на отсечение, что новоявленное войско, будь оно действительно сформировано, никогда бы не покинуло границ Москвы.

На прощание секретарь Совета безопасности протянул мне и Родионову по пакету с бумагами. Корректно пояснил: «Это заготовки. Посмотрите. Если это приемлемо, прошу вас высказать свои соображения...»

На выходе, у лифта, Родионов не вытерпел и, наклонившись ко мне, спросил с тревогой: «Ты понял, к чему он клонит?» Я кивнул головой: «Ну, конечно!»

Обнаружив во мне союзника, теперь Родионов и не думал скрывать свое отношение к инициативе Лебедея: «Никаких ему легионов! Так?» «Конечно, так! — улыбнулся я. — О какой пятидесятитысячной группировке может идти речь, если нет ясности, куда ее сажать и где брать деньги на ее содержание. Сначала надо привести в порядок те части, которые уже имеются...»

Я очень уважаю генерала Родионова. Но в тех обстоятельствах не считал возможным говорить более откровенно. Обозначил позицию — и достаточно... Учитывая особые отношения Лебедея и Родионова, я, честно говоря, не сбрасывал со счетов возможность сговора секретаря Совбеза и министра обороны. С одной стороны, я не хотел обидеть Родионова недоверием, с другой стороны, было еще неясно, как дальше станут разворачиваться события.

Бумаги Лебедея я отдал специалистам для того, чтобы они подготовили грамотное заключение о целесообразности формирования «Российского легиона». «Кулак», о котором говорил Александр Иванович, — это явствовало из документов, — задумывался как вооруженная структура под эгидой Совета безопасности. Там недвусмысленно определялось, что управлять ею должен секретарь Совбеза.

Конечно, присутствовала и дымовая завеса — громкие фразы про Чечню и борьбу с бандформированиями, но было понятно, что Лебедь, заскучавший по командирской работе, вознамерился создать карманное войско — армию преданных штурмовиков, способных в случае смуты, взять под контроль ключевые объекты в Москве и в других городах России.

Разумеется, об этом не было сказано и полслова.

Признаюсь откровенно, мне хотелось, чтобы эта идея как можно скорее утонула в болоте канцелярской тяготы, в согласованиях и в переписке. Сталкиваясь с Лебедем лбами мне не хотелось по одной простой причине: у меня не было уверенности, что мне удастся настоять на своем. Но боялся я не отставки, а того, что вместо меня в министерство назначат более сговорчивого или близкого Лебедю человека. Поэтому своему первому заместителю генералу Павлу Голубцу, которому было поручено заниматься этим делом, я отдал распоряжение: «Подготовьте письмо в Совбез, что части ВВ оперативного назначения, укомплектованные и обеспеченные на 100 %, способны выполнять задачи, возложенные на них законом «О внутренних войсках».

Тут же позвонил Родионову: «Игорь Николаевич, я готовлю вот такой ответ...» Министр обороны, рассмеявшись, признался: «А.С., мои аргументы точно такие же. В общем, считаем формирование легиона нецелесообразным».

* * *

Еще какое-то время Лебедь носился с этой идеей, но, сообразив, что так у него ничего не выйдет, решил изменить тактику. Им был подготовлен проект президентского указа, определявший прямую подчиненность Совету безопасности «частей и соединений, выполняющих задачу в интересах Чеченской Республики». Причем проект этот, когда я его впервые увидел, уже был завизирован руководителем административного департамента правительства РФ Сергеем Степашиным и министром обороны генералом Игорем Родионовым.

Точно также предлагалось и мне — особенно не вчитываясь и наскоро расписавшись — выполнить эту пустую формальность. Что тут особенного? Мои войска и сотрудники милиции, находящиеся в этом регионе, и без того находятся в подчинении командования Объединенной группировкой. Логично было предположить, что Совбез берет на себя тяжелую миссию по координации действий всех силовых структур в Чечне. Нормальный человек за это только спасибо скажет. Совет безопасности в этом случае получает полномочия, почти равные тем, что имел в дни Великой Отечественной войны Государственный комитет обороны.

И меня персонально этот будущий указ вроде бы не обходит стороной — я там фигурирую в качестве будущего руководителя будущего оперативного штаба. Все очень почетно. Красиво. Значительно. Остается только поставить подпись — и дело с концом...

Но я не тороплюсь доставать ручку.

Что-то настораживает.

И мгновенно соображаю что... Вот как казуистически выстроена фраза: «Подчинение частей и соединений, выполняющих задачу в интересах Чеченской Республики».

Теперь мне все понятно — и я отодвигаю проект указа в сторону: «Этот документ я визировать не буду. Не буду по двум причинам. Во-первых, в нашей стране почти все части и соединения выполняют задачу в интересах этой республики, потому что меняют на войне друг друга или сделают это в будущем. Этот документ, — тут я обратился напрямую к Лебедю, — дает вам полномочия управлять практически всеми имеющимися в России частями и соединениями Министерства обороны, МВД, а также остальных силовых структур. Во-вторых, управление оперативным штабом подразумевает мое подчинение вам, Александр Иванович. С этим я согласиться не могу!»

Лебедь негодует: «А как вы хотели?»

Отвечаю спокойно: «А я хочу так, как это записано в Конституции и в законе «О Совете безопасности». Совбез — это совещательный, рекомендательный орган для президента России. Вы — его секретарь. А подчиняюсь я Верховному Главнокомандующему, и вам подчиняться не собираюсь!»

У Лебеда — каменное лицо. Как поступить со мной в будущем, секретарь Совбеза уже придумал. Просит Степашина: «Давай, звони Черномырдину! Пусть он принимает решение!»

Некоторое время спустя нас всех приглашает к себе председатель правительства. Виктор Степанович садится во главе стола. По левую руку — мы с Игорем Николаевичем Родионовым, по правую — Лебедь с Сергеем Вадимовичем Степашиным.

Пока Лебедь жаловался на несговорчивость министра внутренних дел, Черномырдин проект указа раза три глазами пробежал и теперь в мою сторону кивает: «У тебя, А.С., какие возражения?..»

То же самое, что я говорил раньше, повторяю в присутствии ЧВС. Где надо нажимаю, усиливаю: «Обратите внимание на этот пункт... Управление штабом — на меня, а это значит, что я должен подчиняться Лебедю. Это незаконно!»

Черномырдин меня с ходу поддерживает: «Александр Иванович, но Куликов прав! Он подчиняется только Верховному Главнокомандующему».

Лебедь закурил в кабинете Черномырдина, чего никто и никогда себе не позволял: премьер-министр на дух не переносит табачного дыма. И в этом тоже вызов... Лицо у Лебеда багровое. Уже нависает над столом, рычит громогласно: «А я что вам, х...й собачий?»

После этой фразы все вроде как ввали в оцепенение: такого еще не бывало! Черномырдин даже головой поник от стыда и тоже молчит...

Есть границы, через которые я никогда не переступаю сам и, соответственно, не позволяю перешагивать другим людям. Никогда не стану унижать и позорить даже очень виноватого человека. Чувство собственного достоинства — это та ценность, которую стоит защищать яростно и бескомпромиссно. От кого бы то ни было. Чего бы этого ни стоило. И будь Лебедь хоть трижды наследником престола, ни ему, ни ему подобным не позволю разговаривать с собой в подобном тоне.

Поэтому спокойно — в гнетущей тишине мои слова звучат особенно отчетливо — задаю Лебедю вопрос: «А вы, почему ведете себя по-хамски в присутствии председателя правительства России и двух министров? Кто вам позволил себя так вести?! Вы что, не понимаете, где вы находитесь?»

Лебедь в кураже скандала кричит мне через стол и брызжет слюной: «Да, я — хам! Я — хам! А что?!»

Я развожу руками. В принципе мне нечего сказать. Понятно, что за человек. Ясно, каков масштаб этой личности. Нестрашно, что нажил себе лютого врага. Страшно то, как проедется этот Лебедь по России, если доведется ему добраться до вожделенной власти... Этот ни перед чем не остановится и никого не пожалеет!..

* * *

Этот яростный поединок в кабинете Черномырдина упомянул и Б.Н. Ельцин в своей книге «Президентский марафон». Но в свое время, в кругу осторожных политиков, мечущихся в своих пристрастиях между действующим президентом и Лебедем, мой вызов, брошенный секретарю Совбеза, расценивался как неуместная и несвоевременная храбрость. Понимали, что Лебедь, человек мстительный и мелочный, вряд ли простит мне подобное восстание, тем более что сам Ельцин, уставший от войны в Чечне, рад был спихнуть на Лебеда все связанные с ней заботы и неприятности.

В оценке человеческих качеств генерала Лебеда я не ошибся: он рвался к власти и, кажется, был готов пойти ради нее на все, что угодно.

Вот только в одном, я верил, не сподличает даже Александр Иванович — там, где речь идет о Чечне. О наших солдатах и офицерах, несущих на себе тяжесть войны. Все-таки за плечами у Лебеда был Афганистан, на груди — боевые ордена, и я полагал, что принципы боевого братства, начисто исключаящие предательство, не позволят ему, как офицеру, принимать легковесные или эгоистичные решения. При всех сложностях складывающейся на территории Чечни обстановки ни у кого не было сомнений, что мы способны удержать ситуацию под контролем.

Как известно, ранним утром 6 августа 1996 года многочисленные силы сепаратистов, заблаговременно просочившиеся в город, произвели нападения на военные и гражданские объекты в городе Грозном.

Информация о том, что в городе накапливаются боевики, стала стекаться к командованию федеральных войск из различных источников еще задолго до самих событий. Назывались разные цифры, но речь шла о сотнях боевиков, расползавшихся по всему городу. Было ясно: затевается нечто серьезное. Объединенные общим командованием эти люди дожидались сигнала, чтобы достать из тайников оружие и боеприпасы.

Чтобы предвосхитить их нападение, следовало ввести в республике чрезвычайное положение и провести в Грозном несколько упреждающих операций — так называемых «зачисток», чтобы выявить тайники и проверить прибывающих в город людей на их принадлежность к незаконным вооруженным формированиям.

Но Лебедь, демонстрировавший свою приверженность договоренностям в Назрани с руководством боевиков, ничего иного слышать даже не хотел. Как следствие, армейские части ушли из центра Грозного на окраины — в Ханкалу и Северный. Блокпосты, на которых несли службу военнослужащие ВВ и сотрудники милиции, хоть и были подготовлены к длительной обороне, были все же немногочисленны и отстояли далеко друг от друга.

Такое поведение А. И. Лебеда вызывало у меня по меньшей мере недоумение. Мы столько раз обжигались на том, что чеченские боевики нарушали свои обещания, что вера секретаря Совбеза в их благородство казалась наивностью, сродни той, что позволяет простофилям верить даже в «честное воровское» слово. Я и предположить не мог, что Лебедь, бывший когда-то боевым комбатом в Афганистане, медлит совершенно осознанно, что его назначение уполномоченным представителем президента России в Чечне, как это следовало из радиоперехвата переговоров лидеров НВФ, являлось условием начала боевых действий в Грозном.

В основу плана захвата Грозного легла концепция А. Масхадова. Она предусматривала блокирование частей и подразделений федеральных войск в местах их дислокации и на блокпостах, чтобы исключить их активное участие в обороне правительственных зданий и ключевых военных объектов, которые боевики намеревались взять штурмом, сам штурм и обязательные засады на путях подхода подкреплений. Каждому отряду сепаратистов был «нарезан» свой район действий и поставлена конкретная задача по этапам операции.

Для этого, как это уже рассказывалось, часть своих сил боевики НВФ ввели в город заранее и с началом операции успешно выполнили первую задачу — блокировали части и подразделения федеральных войск. Наша оборона носила очаговый характер, причем чеченцы имели возможность спокойно передвигаться по городу, используя маршруты, которые не были перекрыты блокпостами федеральных войск.

Сразу же пошли потери.

Поминутная, я бы даже сказал — посекундная — хроника первого боевого дня пестрит сообщениями: «Блокированы», «Подверглись нападению», «Были обстреляны», «Идет бой»...

Лишь только пришли первые сообщения из Грозного, я понял, что оправдываются худшие наши ожидания, и немедленно отдал распоряжение главному внутренним войскам генералу Анатолию Афанасьевичу Шкирко направить в Чечню оставшиеся резервы. Всего набралось около двух с половиной тысячи солдат и офицеров из частей оперативного назначения.

И это все. Больше резервов нет! Если не считать специальные моторизованные части ВВ или, как часто их называют — «милиейские батальоны». Но в уличный бой их не пошлешь: нет ни техники соответствующей, ни вооружения, ни подготовки. На войне в лучшем случае могут они охранять тыловые коммуникации, и не более того.

Позвонил Лебедю, позвонил министру обороны Родионову. Буквально умоляю: «Дайте два армейских полка!..» Все, что прошу — это чтобы полки из Вооруженных Сил сменили моих людей на блоках и заставах вокруг Грозного. Даже не в городе... В городе я своими силами обойдусь!

Они ни в какую! Не то, что полк — роты никто не дал, пока шли бои в Грозном! Ни мои мольбы, ни прямые указания Черномырдина (Я вынужден был послать ему телеграмму. — Авт.) начальнику Генерального штаба генералу Колесникову: «Отправить и доложить!» — не возымели никакого действия. Никого не отправили и даже не доложили.

* * *

Несмотря на то, что 10 августа боевиками были фактически захвачены центр Грозного, основные улицы и перекрестки, а военнослужащие ВВ и сотрудники милиции на блокпостах, КПП и в комендатурах зачастую были вынуждены вести бой в окружении, появилось

ощущение, что силы чеченцев понемногу иссякают. И хотя в город продолжало пребывать их подкрепление, встречный поток, состоявший из убитых и раненых, отнюдь не радовал тех, кто шел им на смену.

Вот свидетельство очевидца, все эти дни находившегося в окружении: «О нападении боевиков на Грозный мы получали сведения, начиная с 1 августа. Вначале считалось, что они пойдут на штурм 2 августа. Потом уточнялось, что у каждого из чеченских отрядов есть пакеты с заданием по действиям в городе, но срок им объявят отдельно. Потом говорилось о 5 или 6 августе. Это были наши данные и данные ФСБ. Мы сразу предупредили всех руководителей, однако серьезного отношения не было.

К 20.00 6 августа обстановка была уже горячей. Мы отбивали здание правительства. Нам обещали помощь. Из штаба Объединенной группировки заверяли по радио: «Идет помощь!» Там колонна... Здесь колонна... Все это не соответствовало действительности. По зданию правительства лупили ПТУРЫ, били из гранатометов. Здание удалось поджечь. Я командовал боевыми действиями. Прекрасно проявили себя работники ФСБ, наши люди и питерский СОБР... Из 205-й бригады (205-я мотострелковая бригада Министерства обороны. — Авт.) на одном бэтэере пробился начштаба Бутко и очень помог. Люди воевали прекрасно!

Я сидел на радиоперехвате и поэтому могу твердо говорить, что 10 августа наступил перелом. Меньше стало звучать их позывных. Часть боевиков вышла из города, а охотников входить поубавилось. Начались вопли о том, что боеприпасы кончаются, что нужны грузовики, чтобы вывезти трупы. Ничего экстраординарного в этой ситуации не было. В марте мы уже переживали подобную ситуацию. К 10 августа мы наладили связь с Ханкалой, включая ВЧ. Дух боевиков упал. Я раз двадцать слышал один и тот же их тезис: «Нам из Москвы говорят, что надо продержаться до 14-го».

Они ждали приезда Лебеда...»

* * *

13 августа в некоторых отрядах боевиков из-за значительных потерь и недостатка боеприпасов возобновились упаднические настроения. Учитывая призыв президента России Б.Н. Ельцина вывести из Грозного НВФ и вернуться к выполнению назрановских договоренностей, командующий Объединенной группировкой федеральных войск в Чечне генерал Константин Пуликовский обратился к жителям чеченской столицы с просьбой покинуть город в течение 48 часов по «коридору» через Старую Сунжу.

Он не называл это ультиматумом, но оставлял за собой право в сложившейся обстановке по истечении объявленного срока использовать все имеющиеся силы и средства, в том числе бомбардировочную и штурмовую авиацию, реактивные системы залпового огня и артиллерию для ударов по местам скопления боевиков. Сепаратисты не сомневались в решительности Пуликовского (У него на этой войне погиб сын — офицер. — Авт.) и отнеслись к словам генерала со всей серьезностью.

Некоторые полевые командиры тогда, без согласования с Масхадовым, вывели свои отряды из Грозного. Однако секретарь Совета безопасности А. Лебедь на заявление Пуликовского отреагировал критически и настаивал на продолжении переговорного процесса. Прекращение огня боевики, как всегда, использовали исключительно в собственных интересах.

Лебедь договаривался недолго. Уже 22 августа 1996 года в результате встречи Лебеда и Масхадова было заключено «Соглашение о неотложных мерах по прекращению огня и боевых действий в Грозном и на территории Чеченской Республики», которое предусматривало окончательное прекращение огня и вывод федеральных войск с 12.00 23 августа.

К 28 августа под контроль боевиков перешли города Гудермес, Аргун и Шали, а с 30 августа там начался процесс смены руководства местных органов власти. С 1 сентября в

Чечне вводились шариатские нормы жизни. 6 сентября сепаратисты с размахом отпраздновали День независимости Ичкерии. В Грозном состоялся митинг, на котором выступил новый глава Ичкерии — Зелимхан Яндарбиев, который призвал рассматривать Чечню как самостоятельное независимое государство.

* * *

Мое собственное отношение к происходящему, наверное, полнее всего выражает доклад, направленный мной президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину вскоре после подписания «Хасавюртовского мира». Вот некоторые его фрагменты, позволяющие, тем не менее, представить себе в общих чертах ход драматических событий в городе Грозном в августе 1996 года.

Могу уведомить заранее: письмо не удостоилось реакции Б.Н. Ельцина. Просто принято Верховным Главнокомандующим к сведению — и все...

«Президенту РФ Б.Н. ЕЛЬЦИНУ

К ВОПРОСУ ОБ ОБСТАНОВКЕ В Г. ГРОЗНОМ В АВГУСТЕ с.г.

<...> Решение на прикрытии г. Грозного <...> было разработано с учетом выводов, сделанных из событий, произошедших в марте с.г., и исходя из складывающейся обстановки на территории Чеченской Республики в целом. В целях стабилизации ситуации активно велась работа с администрациями районов, старейшинами населенных пунктов, создавались районные военные комиссариаты, налаживалась деятельность правоохранительных органов, был создан аппарат советников в лице Координационного центра и оперативных групп МВД России и Чеченской Республики <...> За период с 1 апреля по 1 августа с.г. силами инженерных подразделений были переоборудованы 22 КПП в г. Грозном, из них в капитальном варианте — 12. Дополнительно к имеющимся сооружениям оборудовано окопов для боевой техники — 32, для личного состава — 242, траншей и ходов сообщений с ячейками для стрельбы — более 3000 м, установлено бронеколпаков МОС-2-37, возведено сооружений закрытого типа с 2-3 амбразурами — 52, уложено железобетонных конструкций (блоков и плит) — более 2500 шт. Для обеспечения дополнительной защиты железобетонные конструкции обложены мешками с землей (более 30 тыс. шт. и обвалованы слоем грунта толщиной до 1,5 м). При этом для прикрытия КПП были установлены минные поля из мин фугасного и осколочного действия, из них 80 % — в управляемом варианте. Все это позволило нанести нападающим поражение и не допустить захвата войсковых объектов <...>

В плане прикрытия г. Грозного предусматривалось наращивание системы КПП по реке Сунжа и в Заводском районе. В целом план обеспечивал поддержание общественного порядка в городе и функционирование органов государственной власти Чеченской Республики. Ввиду отсутствия достаточного количества сил оборона г. Грозного планировалась по объектам (очаговая), а не сплошная <...>

Как недостаток констатирую, что отсутствие во внутренних войсках тяжелого вооружения (артиллерия, танки) не позволило нанести противнику упреждающего мощного огневого поражения, хотя командующий группировкой ВВ в ЧР имел координаты целей для огневого поражения <...>

В адрес МВД РФ в ходе вооруженного конфликта в ЧР из различных источников (ФСБ, ФПС России, ГРУ ГШ ВС России) поступала и продолжает поступать многочисленная информация о намерениях незаконных вооруженных формирований по действиям в различных районах Северного Кавказа, Чечни, в том числе и в г. Грозном. Вместе с тем в подавляющем большинстве случаев сведения носят общий характер и, как правило, не содержат конкретных замыслов руководства сепаратистов и групп боевиков, не подтверждаются другими источниками, не имеют конкретных указаний на место и время проведения планируемых акций, состав сил, средств бандгрупп, а также объекты нападения.

Я отметил действия разведки ВВ по добыче сведений относительно намерений сепаратистов по возможному нападению на г. Грозный от взаимодействующих органов,

располагающих агентурными источниками, и от разведорганов группировки ВВ в ЧР. Были направлены донесения о том, что:

21.07.1996 г. в г. Грозный и окрестности, несмотря на комендантский час, продолжают проникать члены бандитских группировок из Веденского и Шатойского районов. Одним из маршрутов проникновения является дорога Чернореченский лес — п. Алды и далее в город, обходя КПП № 14;

30.07.1996 г. в Грозном и окрестностях обстановка продолжала оставаться сложной. Количество обстрелов по городу снизилось, однако значительно возросло количество лиц, ведущих наблюдение за подразделениями российских войск. Все чаще отмечается появление вооруженных людей у домов, находящихся вблизи пунктов дислокации подразделений. При проверке этих домов обнаружено несколько оборудованных мест для наблюдения и стрельбы;

02.08. 1996 г., по информации от взаимодействующих органов, намеченные ранее Ш. Басаевым вооруженные действия против российских войск в Наурском, Щелковским и Надтеречном районах решено перенести в столицу ЧР. Сепаратистами в город доставлено оружие и боеприпасы, которые складированы в определенных местах. 25–26 июля с.г. рядом полевых командиров проведено совещание с целью выработки совместных действий по дестабилизации обстановки в Грозном, координации вооруженных действий в городе и взаимодействия в процессе их осуществления. Планируются захваты административных зданий и объектов жизнеобеспечения столицы ЧР.

По имеющейся информации, осуществляется подготовка в первых числах августа с.г. попытки незаконных вооруженных формирований спровоцировать вооруженные столкновения в столице республики.

В районе Андреевская долина (г. Грозный) отмечено появление вооруженной группы людей, одетых в форму военнослужащих российской армии. Эта группа совершает дерзкие нападения, грабит мирных жителей с применением оружия.

5.08. Анализ поступающей информации позволяет сделать вывод о продолжающейся подготовке боевиков к началу вооруженного столкновения с федеральными войсками в г. Грозном. По оперативным данным, основными объектами готовящейся боевиками акции станут Старопромысловская и Центральная комендатуры, Координационный центр МВД РФ г. Грозного, Ханкала, расположение 101 осброн ВВ.

Так, в период с 31 июля по 3 августа с.г. с территории Щелковского района в г. Грозный прибыли 100–150 боевиков, которые намерены принять участие в акции сепаратистов по захвату города. Для передвижения ими используются автомашины милиции. Проникновение в город осуществляется в обход блок-постов с южного направления.

Находящиеся в городе боевики проводят разведку постов, местонахождение огневых точек, время и порядок смены караулов.

Исходя из складывающейся обстановки, мною была поставлена задача командующему ВВ МВД на принятие мер по усилению сил и средств разведки и подготовке резервов первой очереди в пунктах постоянной дислокации, которые в последующем были направлены в ЧР.

Вывод: группировка ВВ и органы внутренних дел МВД России в ЧР готовились отразить нападение НВФ. Были усилены войсковые наряды, пополнены запасы боеприпасов, продовольствия и необходимых материальных средств, осуществлены мероприятия по закрытию каналов связи в системе боевого управления, что позволило удержать обороняемые объекты весь период боевых действий.

Следует также отметить, что в связи с поступающей информацией о возможных вооруженных акциях боевиков было отдано распоряжение о переводе личного состава комендатур и КПП на усиленный вариант несения службы, пополнении запасов оружия и боеприпасов, воды и продовольствия, проверке средств связи, зарядке дополнительных аккумуляторных батарей для радиостанций, усилении разведки, выставлении дополнительных секретов и засад. Приказом министра внутренних дел ЧР личный состав чеченской милиции был переведен на казарменное положение.

Благодаря подготовительной работе все райотделы милиции были готовы к отражению нападений боевиков. Ни один из них не был захвачен бандформированиями <...>

Начиная с 7 августа с.г., я неоднократно обращался к министру обороны, командующему войсками Северо-Кавказского военного округа, а также в правительство России, лично к секретарю Совета безопасности РФ А.И. Лебедю с просьбой о вводе в ЧР дополнительно двух мотострелковых полков ВС для усиления группировки Объединенных сил в республике. Так как положительного решения не было принято, 13.08. 1996 г. я направил официально телеграмму в адрес министра обороны, секретаря Совета безопасности, председателя правительства РФ о необходимости направления в резерв командующего группировкой объединенных сил двух мотострелковых полков. 14 августа поступила команда о прекращении боевых действий <...>

По своему служебно-боевому предназначению ВВ и органы МВД РФ основные усилия сосредоточивали на поддержании общественного порядка, проведении специальных операций, а также обеспечении безопасности выделенных под охрану объектов г. Грозного.

Несмотря на многочисленные просьбы и заявки о придании артиллерии от Минобороны для действий в интересах подразделений ВВ, со стороны командования объединенных сил положительного решения не было. Командующий войсками Северо-Кавказского военного округа, являясь старшим армейским начальником, отвечающим за координацию действий войск в соответствии с указом президента России от 29 декабря 1995 г. № 1330, ограничил применение артиллерии в интересах ВВ. Только 12 августа с.г. в 12.15 состоялось его решение о придании группировке ВВ в ЧР для действий в городе гаубичной батарее 2С1 в составе четырех орудий. Обеспечить поддержку подразделений ВВ, действующих в городе, таким составом артиллерии было невозможно <...>

Таким образом, основная тяжесть выполнения огневых задач по поддержке действий подразделений ВВ легла на штатную артиллерию ВВ, имеющую малые огневые возможности по дальности стрельбы, мощности боеприпасов и по численности <...>

Подобная картина складывалась и по применению авиации. Между тем заявки на поражение целей подавались ежедневно <...>

Потери внутренних войск и органов внутренних дел в личном составе, вооружении и технике за период ведения боевых действий с 6 по 23 августа 1996 г. в г. Грозном составили: убитыми — 192 (ВВ — 168, органы внутренних дел — 24); ранеными — 1126 (ВВ — 912, органы внутренних дел — 214).

Получили боевые повреждения и вышли из строя: 47 единиц бронетехники, 30 единиц автомобильной техники, <...> сбито и выведено из строя 4 вертолета МИ-8 <...>

За время ведения боевых действий в августе с.г. в г. Грозный ни один объект, охраняемый и обороняемый подразделениями и частями ВВ и органами внутренних дел, не был сдан боевикам <...>

Считаю, что сдача г. Грозного была предопределена не действиями федеральных сил, а политическим решением секретаря Совета безопасности Российской Федерации А.И. Лебеда.

Министр Куликов».

* * *

Действия А.И. Лебеда в августе 1996 года я и сегодня называю предательством. В предательстве, в отличие от ошибки, всегда можно обнаружить корысть. В предательстве, в отличие от спонтанных решений, обязательно откроются следы сговора.

И даже трагическая гибель Александра Лебеда в апреле 2002 года, в дни, когда эта книга уходила в печать, не отменяет этой уверенности. Что было — то было.

Но, конечно, по-человечески мне жаль Лебеда-солдата...

* * *

Секретарь Совета безопасности, появившийся в Чечне в середине августа, я уверен, умышленно тормозил действия федеральных войск по уничтожению боевиков. К тому времени к обороняющимся в Грозном военнослужащим ВВ и сотрудникам милиции уже были пробиты «коридоры».

Да, были потери и в эти дни, но они были куда меньше, чем вначале. И речи не могло идти о том, что кто-то дрогнул, кто-то побежал... Ведь ни одного объекта ни внутренние войска, ни милиционеры не сдали. Более того, даже при отсутствии существенной помощи со стороны Министерства обороны в некоторых районах Грозного внутренние войска сумели перехватить инициативу и частично восстановили утраченное положение.

Мы не собирались сдавать Грозный. Никакой растерянности не было. Никто не мог поколебать нашей убежденности, что уже в ближайшие дни боевики побегут из города.

В отличие от сводок недельной давности, где преобладали сообщения, указывавшие на то, что инициатива находится в руках НВФ: «Обстреляны...», «Подверглись нападению...», «Были вынуждены вступить в бой...» — последние донесения из Грозного носили иной характер: «Спланирован огонь артиллерии по скоплению боевиков...», «Нанесен удар вертолетами огневой поддержки...»

Тот же офицер, еще недавно отмечавший унылые радиоперехваты боевиков, теперь сообщал: «После приезда Лебеда и соответствующих заявлений недоумение было страшное. Дух защитников города был сломлен. А с той стороны начались крики: «Ура, мы победили!» Даже те из них, кто раньше не хотел ввязываться, в новой ситуации стали активными...»

Сейчас уже не вызывает сомнений, что Лебедю сложившаяся ситуация казалась чрезвычайно выгодной.

Ему не нужен был Грозный, освобожденный от боевиков. Скорее, его устраивало такое положение вещей, когда требование президента страны «возвратить ситуацию в Чечне к положению на 5 августа» в изложении средств массовой информации казалось по меньшей мере некомпетентным, наивным и нереалистичным. Лебедь мог просто развести руками: «Глядите, наш президент болен и невменяем!..»

Понятно, что здоровым, адекватным и решительным наследником президентской власти в этой ситуации представлялся обществу сам Александр Иванович. То, что «остановленная» им в Хасавюрте война окажется войной отложенной — на этот счет лично у меня никаких сомнений не было. От бандита, конечно, можно откупиться на время. Но этот мир продлится лишь до той поры, пока грабителю снова не захочется есть. Получив однажды хоть толику ценностей, хотя бы малейшую уступку — он сочтет ее слабостью и непременно вернется в ваш дом, чтобы забрать все остальное.

Не знаю, верил ли сам Лебедь горячим уверениям Масхадова или только притворялся, гораздо важнее то, что в это время их обоюдные интересы совпали: боевикам нужна была власть в Чечне, а Лебедю грезилась власть над Россией. Ему была крайне необходима политическая блиц-победа, и территориальный размен в сложившихся обстоятельствах не казался ему постыдным.

* * *

В том, что произошло, было нечто, оставлявшее ощущение, что все события, включающие и нападение боевиков на город, и безучастное к этому отношение Министерства обороны, и стремительные маневры Лебеда, окончившиеся сдачей Грозного и полной капитуляцией России перед террористами — уж очень ладно пригнаны друг к другу.

На первый взгляд все выглядело вполне логично.

Сначала чеченцы нападают на город, потому что в силу политических, военных и экономических причин хотят его контролировать.

Затем генерал Родионов отказывает в подкреплении. Не дает ни одного полка, потому

что не хочет брать на себя ответственность за судьбы своих солдат и офицеров, которые могли погибнуть в Грозном.

В конце концов секретарь Совбеза Лебедь подписывает соглашения с сепаратистами, исключительно для того, чтобы спасти защитников города, которых, по его мнению, «возьмут в плен и с позором проведут по улицам».

У всех, как говорится, есть уважительная причина...

По странному стечению обстоятельств и Масхадов, и Лебедь в этой ситуации получают максимально возможный политический результат — крепкие позиции перед штурмом президентских постов.

Наступил мир, и другие аргументы не действуют.

Федеральные войска уходят из Чечни, подчиняясь приказу. Еще не сказано слово «измена», но чувство тревоги, то самое чувство, которое позволило мне усомниться в честности хасавюртовских решений, я вижу, живет и в восемнадцатилетних российских солдатах: они не сомневаются, что их предали. Кто-то считает их мальчишками, а они, уходя из Чечни, пишут на броне своих боевых машин очень точные и очень горькие слова: «Пусть она не права, но это наша Родина!»

* * *

Конечно, я не поверил в эти странные совпадения, позволившие чеченским боевикам сначала напасть на Грозный, а потом, накануне собственного разгрома, получить из рук Лебеда не только сам город, но и всю республику целиком.

Мои нынешние воспоминания о собственной жизни — не публицистика, не историческое исследование и не учебник политологии. Поэтому я сохраняю за собой право на особую степень свободы своих размышлений и оценок. Это книга о собственной жизни. О встретившихся мне людях. О событиях, имевших место. О догадках, которые в будущем могут быть подтверждены или не подтверждены подлинными документами и свидетельствами очевидцев.

Участие в переговорах с делегацией сепаратистов летом 1995 года научило меня с осторожностью относиться к любой конфиденциальной информации, исходящей из среды чеченских боевиков: они, как я уже говорил, были коварны и часто преследовали личный интерес. Поэтому с большой долей скептицизма я отнесся к сообщению, исходившему из тех же источников, что еще задолго до августовских событий в Грозном между А. Масхадовым и секретарем Совета безопасности А. Лебедем состоялась неофициальная, возможно, даже не санкционированная руководством России встреча. Масхадовцы намекали: Лебедь давал серьезные обещания. Они утверждали: Лебедя уведомили, что в случае досрочных президентских выборов в России и возможного в этой связи обострения обстановки возможна отправка в Москву до 1500 лучших чеченских боевиков с оружием и экипировкой.

Честно говоря, как министр внутренних дел, как генерал, я не мог поверить, чтобы секретарь Совета безопасности, прямой обязанностью которого является защита целостности государства, стал бы договариваться с чеченцами о чем-то подобном.

В то же время я понимал, что в современной российской политике ничего невозможного нет. В том, как организовывалась встреча, как проводилась и что являлось предметом переговоров — во всем этом, к сожалению, чувствовался характерный почерк Лебеда.

В этой связи неслучайным может показаться появление в Чечне, в начале июля 1996 года, некоего Сергея Дробуша (В сообщениях некоторых СМИ упоминался как Дробыш, Дробгуш. — Авт.), представлявшего «полномочным представителем секретаря Совета безопасности РФ А.И. Лебеда в Чеченской Республике».

На руках он имел подписанное лично А.И. Лебедем удостоверение. Утверждал, что знает Лебеда по Приднестровью и что, будучи владельцем нескольких банков и фирм, финансировал кампанию по выборам Александра Ивановича в президенты России и

собирается финансировать следующую.

Но Ханкала, наша военная база рядом с Грозным, не то место, где верят на слово. Судя по всему, были у Дробуша по-настоящему серьезные рекомендации, если и в кабинетах прославленных боевых генералов чувствовал он себя едва ли не хозяином. Сообщалось: в сауну, из Грозного в Шали, в расположение десантно-штурмовой бригады, летал на вертолете. За щедрым столом раздавал рекомендации руководящим работникам правительства Завгаева: «Давайте, ребята, ложитесь под Масхадова!.. Так надо. С ним по указанию Лебеда я завтра встречаюсь. Все уже решено! Надо убрать Завгаева и на его место поставить Аслана Алиевича. Вот тогда все будет нормально».

По свидетельству очевидцев, план, который Дробуш называл «планом Лебеда», как оказалось впоследствии, буквально слово в слово совпадал с текстами будущих соглашений, подписанных секретарем Совета безопасности РФ в городе Хасавюрте и в селе Старые Атаги.

В свое время я обратил внимание Лебеда и общественности на этого страдавшего хлестаковщиной «полномочного представителя», отметив, что парень этот, Дробуш, действительно встречался с Масхадовым и с Яндарбиевым, как и обещал. Спросил: зачем? Лебедь от Дробуша тут же отрекся.

Как мне кажется, наиболее полный и объективный ответ на этот вопрос дал в октябре 1996 года секретарь Совета безопасности Чеченской Республики Р. Цакаев: «Староатагинские и хасавюртовские соглашения, — писал он, — были подготовлены А. Лебедем и его командой за месяц до вооруженного нападения на Грозный 6 августа 1996 года. Нападение явилось поводом для введения в действие этого предательского плана. Грозный мы могли бы отстоять, если бы не вмешательство А. Лебеда. Заявляю это как лицо, координировавшее и руководившее деятельностью силовых структур и спецслужб по обороне города Грозного...»

* * *

Обстоятельства июльского вояжа Сергея Яковлевича Дробуша в Чечню, может, и сошли бы за похождения самонадеянного авантюриста, если бы за его спиной ни чувствовалась иная рука. Именно она вела его в военную ставку сепаратистов, она снабжала его надежными документами «представителя Совета безопасности», она наделяла его полномочиями, о которых ничего не было известно даже членам государственной комиссии по урегулированию чеченского конфликта.

Естественно, что фамилия Дробуша всплыла, как только прояснились истинные намерения Лебеда.

Всплыла сама собой, потому что не мне одному показались странными совпадения между июльскими оговорками посланца Совбеза и действиями чеченских боевиков, предпринятыми всего лишь месяц спустя.

Настоящим открытием оказалось то, что Сергей Дробуш в качестве «председателя Совета директоров предприятия «Россия-МАЛС» отлично известен правоохранным органам России как фигурант одного из уголовных дел о хищении в 1992 году 200 миллионов рублей по подложным банковским документам.

Как сообщалось в справке Следственного управления МВД России, 29 декабря 1993 года Дробуш, будущий «представитель Совета безопасности РФ», был заключен под стражу, но менее чем через месяц, по постановлению заместителя генерального прокурора России, освобожден под денежный залог в 15 миллионов рублей. Судебное разбирательство по данному вопросу неоднократно откладывалось, так что невозможно было понять, кем — подследственным или человеком, с которого сняты все обвинения, — в июле 1996 года был упоминаемый мной Дробуш.

Разумеется, когда все эти факты вышли наружу, аппарат Совета безопасности РФ впал в состояние оцепенения. Такая неразборчивость в выборе собственных представителей могла

объясняться только глупостью или тем, что банное хвостовство Дробуша о его личных контактах и финансовых связях с А. Лебедем было все-таки похоже на правду.

Но деваться было некуда: недавний арестант так часто козырял удостоверением Совета безопасности РФ, что это стало достоянием общественности.

Распространенное «Интерфаксом» 7 октября 1996 года сообщение свидетельствовало о лихорадочных поисках приемлемой легенды, с помощью которой можно было хоть как-то объяснить, чем же приглянулся Совету безопасности РФ этот коммерсант с сомнительной репутацией.

По свидетельству «Интерфакса», «высокопоставленный представитель СБ РФ подчеркнул, что «с Дробушем Александр Лебедь встречался лишь один раз». Источник вместе с тем признал, что «С. Дробушу было выдано служебное удостоверение, которое подтверждало его полномочия на установление контактов с чеченскими сепаратистами». Однако, по словам представителя СБ, «после поездки С. Дробуша в Чечню никаких контактов с ним больше не было».

Все это было шито белыми нитками, что позволило мне охарактеризовать подобные контакты Совбеза как сращивание криминальных сил с представителями высшей государственной власти.

* * *

Еще раз обращаю внимание читателей на то, что доклад президенту страны был написан по горячим следам и, как это понимают многие, существенно отличался от царивших в то время настроений. Если судить по официальной хронике тех дней, хасавюртовские и староатагинские соглашения, подразумевавшие вывод федеральных войск из Чечни и де-факто выход Ичкерии из-под юрисдикции Российской Федерации, воспринимались как долгожданное окончание едва ли не колониальной войны.

Еще мало кто понимал, что на Северном Кавказе идет совершенно иная по своему характеру война — война с хорошо организованным сообществом террористов, объединяющим тысячи разноплеменных бойцов из множества государств. Для них свобода и независимость чеченского народа означала прежде всего неограниченные возможности использования территории этой республики в собственных целях.

Чечня — очень удобный плацдарм.

В отличие от Лебеда, эксплуатирующего лозунг «Я остановлю эту войну!», руководители вооруженных формирований Ичкерии очень реалистично оценивали ситуацию. Они понимали, что волевое решение о прекращении боевых действий и выводе федеральных войск из Чечни не отменяет причин конфликта, которые были куда серьезнее, нежели обычное борение империи с одним из окраинных ее народов. Поэтому, обсуждая хасавюртовские договоренности на одном из совещаний с участием наиболее значимых полевых командиров, тогдашний лидер Ичкерии Зелимхан Яндарбиев заявил, что главной целью руководства Чеченской Республики Ичкерия, «несмотря на достигнутые соглашения», является достижение «полного суверенитета» и создание условий «для доминирования на Северном Кавказе».

На этом совещании был разработан план. Он предусматривал захват выводимой с территории Чечни боевой техники и оружия с помощью силы или в результате подкупа. Масштабные экономические диверсии на остальной территории России, имеющие целью подрыв национальной экономики. Чечня объявлялась «черной дырой», в которой могли бы исчезать без следа и «отмываться» без ограничения любые финансовые активы, полученные в результате мошенничества, рэкета, наркоторговли и массированного вбрасывания на внутренний рынок фальшивых денежных знаков. Дальние замыслы сепаратистов включали создание единого исламского государства «от Ростова до Черного моря».

Чем все это закончилось, мы уже знаем. Закончилось нападением чеченских боевиков и арабских наемников на Дагестан летом 1999 года, взрывами жилых домов в Москве и

Волгодонске, вводом федеральных войск в Чечню и новым штурмом Грозного, унесшим, к сожалению, сотни человеческих жизней.

* * *

У меня с президентом страны о Лебеде никаких разговоров не было. Что бы я ни думал, какие бы аргументы ни приводил, только он, Ельцин — Верховный Главнокомандующий, мог принять политическое решение о судьбе столь крупного государственного чиновника, каким является секретарь Совета безопасности.

То, что доклад, в котором было изложено мое особое мнение, не удостоился даже резолюции — было знаком, что «политическое решение Лебеда», уступившего Чечню сепаратистам, утверждено и не подлежит пересмотру в ближайшее время.

После стычки в кабинете Черномырдина, после откровенного письма Ельцину, понятное дело, наши взаимоотношения с Лебедем приобрели характер острой конфронтации.

Конечно, вот такое противостояние секретаря Совета безопасности и одного из силовых министров не может пойти на пользу стране. В то же время я не считал возможным переступать через те свои жизненные принципы, которые были проверены годами честного служения Отечеству.

Прежде всего — оставаться порядочным в любой ситуации и всегда давать отпор негодям, незирая на их вес, рост и прочие возможности.

Я не принял идеи Лебеда о создании так называемого «Российского легиона», усмотрев в этом опасность военного переворота. Я не мог согласиться с результатами договоренностей в Хасавюрте, в результате которых мятежная республика превращалась в плацдарм для международного терроризма. Я, разумеется, не мог спустить откровенного хамства Лебеда в кабинете премьер-министра. Я не даю в обиду своих товарищей.

В то же время я не хотел, чтобы наш человеческий конфликт вредил интересам дела и становился достоянием гласности. Внешне все было как обычно, пока Лебедь, являющийся любителем простых решений, не предпринял попытки отправить меня в отставку.

По сообщениям Главного управления по организованной преступности МВД России, еще в пору активного общения с сепаратистами Лебедею было высказано солидарное требование Масхадова, Яндарбиева, Удугова, Басаева, Гелаева и некоторых заметных в ту пору политиков из Дагестана (Их имена уже не на слуху. — Авт.) — отстранить от должности «министра Куликова». Объясняли необходимость такого шага моей «непримиримостью и жесткостью». Обещали сфабриковать нечто, что могло бы убедить высшее руководство России и российское общество в постыдном поведении министра.

Лебедь, падкий на слова «оперативная информация», как мне представляется, почувствовал, что у него появляется уникальная возможность решить сразу два принципиальных вопроса. Во-первых, устранить несговорчивого министра внутренних дел, который противился созданию вооруженной силы, подконтрольной лично секретарю Совбеза. А во-вторых, запустить информационную химеру о «продаже Чечни Куликовым» на тот случай, когда бы за измену могли спросить с него самого.

Так оно и произошло. Вернувшись из Чечни, где он провел, кажется, в сентябре 1996 года всего одну ночь, секретарь Совбеза пообещал депутатам Государственной Думы рассказать начистоту, «кто и за сколько продал Чечню», подразумевая, что это сделал Куликов. Он объявил об этом по телевидению.

В тот день мне позвонил министр по делам национальностей Михайлов и предупредил: «А.С., Лебедь только что провел пресс-конференцию, где обвинял вас во всех грехах. Имейте это в виду: такое заявление будет иметь громкий общественный резонанс».

Я поблагодарил Вячеслава Александровича и, понимая, что уже через несколько минут меня накроет пенный вал журналистских звонков с просьбами о комментариях, сел за стол и решил набросать на бумаге несколько контраргументов.

Обвинения Лебеда были настолько серьезны, что самым убедительным из

контраргументов мне показался рапорт президенту страны с просьбой освободить меня от занимаемой должности. Его написание и отправка с нарочным в Кремль не заняла много времени.

Разумеется, никакой вины я за собой не чувствовал. Однако считал нормальным, что в подобном случае любой облеченный властью человек просто обязан подать в отставку. Чтобы не вызывать кривотолков в свой адрес и в адрес своего министерства. Чтобы в обществе не возникло даже доли сомнения в том, что государственный чиновник, обвиненный в тяжком преступлении, может как-то помешать объективному расследованию.

Тут надо отойти в сторону. Если замаран в чем-то — изволь отвечать по всей строгости закона. Если оболган — закон должен тебя защитить. Вот такая позиция...

Услышав о пресс-конференции, в мой кабинет начали подходить заместители министра. Неслыханные обвинения взбудоражили буквально всех. На лицах — недоумение.

В это время раздался звонок телефона прямой связи с президентом страны. Ельцин спросил бесстрастно: «Я слышал, что Лебедь вас обвиняет?»

Я ответил официально: «Товарищ Главнокомандующий, поскольку обвинения исходят не от кого-нибудь, а от секретаря Совета безопасности, считаю необходимым обратиться к вам с просьбой освободить меня от занимаемой должности. Рапорт вам уже направлен...»

Какое-то время в трубке стояла мертвая тишина. Раздавшийся затем голос Ельцина — хрипловатый, властный, знающий цену вот таким паузам, во время которых у иных собеседников президента обмирало сердце, — расставил все по своим местам: «Молокосос он еще!.. Принимать такие решения... Работайте. Я вам доверяю. Ваш рапорт, не вскрывая пакета, я отправлю назад».

Вскоре приехавший из Кремля фельдъегерь и вправду возвратил мне нераспечатанный пакет. Этот демонстративный жест доверия говорил о многом, но он не означал, что президент откажется от удовольствия побыть, подобно небожителю, еще какое-то время над схваткой, исход которой вовсе не был предопределен.

Речь шла о моем добром имени. Его я собирался защищать бескомпромиссно. В открытом бою. Без оглядки на политические расклады. Ведь собственная репутация — это основа. Без нее любой человек рухнет, и никакие боевые ордена, научные звания или прочие заслуги не в состоянии вернуть его к жизни.

Я с ужасом думаю о том, как живут люди, потерявшие репутацию.

Поэтому настаивал, чтобы заседание Государственной Думы, где должен был выступить Лебедь и я, было открытым, а значит, гласным.

Бояться мне было нечего. Ведь я это знал лучше, чем все остальные, и поэтому не сомневался, какую бы чушь ни привезли от чеченцев помощники Лебеда, я легко опровергну любое вранье.

Не скрываю, хотел, чтобы мои аргументы видела и слышала вся страна или хотя бы журналисты.

Текст моей телеграммы председателю российского парламента Геннадию Селезневу был следующим: «У меня тайн от депутатов нет. Я настаиваю на открытом проведении заседания».

Но Селезнев этот вопрос на голосование не поставил. Более того, настоял именно на закрытом заседании, объясняя это соображениями секретности.

Истинных причин не знаю. Не исключаю, что осторожный Геннадий Николаевич уже поставил на мне крест и не хотел ссориться с перспективным секретарем Совбеза. Особенно если учесть уже запущенную Лебедем фразу о том, что «двое пернатых жить в одной берлоге не могут...»

Она отрезала Александру Ивановичу путь к отступлению. Она лишала и меня возможности компромисса, потому что звучала как окончательный и не подлежащий обжалованию приговор.

* * *

Для того, чтобы депутаты Государственной Думы больше не питали иллюзий, кто и как на самом деле продал наши национальные интересы в Чечне, я намеревался пойти на заседание парламента с документами, включая подлинники телеграмм, в которых я тщетно просил о подмоге Министерство обороны.

Об этом я честно предупредил накануне участников совещания, проводившегося в кабинете председателя правительства РФ В.С. Черномырдина.

В отличие от обычных правительственных совещаний, это было, скорее, неофициальное собрание людей, чье участие в высших кремлевских делах было обусловлено не столько служебным положением, сколько степенью политического влияния в высших эшелонах власти. Анатолий Чубайс. Татьяна Дьяченко. Борис Березовский. Евгений Савостьянов. Сергей Зверев.

На совещаниях, проводившихся в таком составе, я участвовал три раза. Дважды — у Черномырдина и один раз — в Кремле: его проводил Чубайс.

Если быть точным, на них каждый решал свои вопросы, по большей части — шкурные. Березовский, например, требовал от прокуратуры и МВД ареста Коржакова. Савостьянов — смещения генерала госбезопасности Трофимова с поста начальника ФСБ по Москве и Московской области и т. д.

Я смотрел на эту суету, понимая, что к реальным делам государственной службы она не имеет никакого отношения. Скорее, эти теневые, креативные посиделки, с мнением которых был вынужден считаться, в том числе и Виктор Степанович Черномырдин, представляли собой политический клуб, в который объединились наиболее активные и значимые фигуры из избирательного штаба Б.Н. Ельцина.

Дочь Ельцина, Татьяну Дьяченко, я, можно сказать, не знал вовсе, так как не входил в ближний круг президентского окружения, а с членами президентской семьи встречался исключительно на официальных мероприятиях.

На одном из них, случившемся за год или два до упомянутых событий, — кажется, это было возложение цветов к могиле Неизвестного солдата в Александровском саду, я впервые увидел Татьяну Борисовну и невольно подивился ее поразительному сходству с женой Ельцина — Наинной Иосифовной.

Честно говоря, поначалу я и вовсе не обратил внимания на стоявшую в отдалении молодую женщину. Некоторое удивление у меня вызвало лишь то, что время от времени кто-то из генералов или сановников вдруг устремлялся к этой особе с явным намерением познакомиться с ней на глаза.

Если рука женщины была приветливо протянута, ее немедленно целовали. Однако особый изгиб чиновничьих спин и обрывки восторженно звучащих комплиментов, которые доносил ветер, не оставляли сомнений в том, что государственные мужи совершали молодецкие пробежки не ради гусарства, а лишь затем, чтобы подчеркнуть доминирующее положение этой молодой женщины.

Впрочем, подобострастные позы больше характеризуют не тех, перед кем гнутся спины, а тех, кто готов их согнуть при первой возможности. Так что никаких поспешных выводов в отношении самой Татьяны Борисовны Дьяченко (а это была она) я делать не стал, а наше с ней последующее знакомство, правда, совсем недолгое, за рамки службы не выходило.

Понятно, что никто не рассматривал Татьяну Борисовну в качестве самостоятельной политической фигуры, хотя ее собственная должность — ранг ближайшего помощника президента — позволяла ей участвовать в подобных совещаниях более чем на равных.

Мне показалось, что именно на этом совещании я мог обсудить вопрос, который был куда масштабнее сиюминутных кадровых перестановок, совершавшихся в личных интересах. Я сказал: «Мне вообще непонятна ваша дискуссия. Разве страшен для страны Коржаков? Так ли уж плох Трофимов? Давайте попробуем оценить опасности, которые таит в себе возвышение Лебеда. Президент болен. Александр Иванович не скрывает своих

президентских амбиций. Не кажется ли вам, что его приход к власти, если он произойдет в этой неразберихе, может повлечь за собой серьезные изменения в жизни страны? Уверены ли вы в том, что Лебедь не станет диктатором, опирающимся на репрессивный аппарат?»

Анатолий Чубайс тут же со знанием дела возразил: «Да, это так. Но Лебеда снять нельзя».

Я спросил: «Почему?»

Кстати, все это происходило уже после известных заявлений Лебеда журналу «Штерн», о том, что Ельцин — безнадежный алкоголик и что толку от него уже не будет.

Если ближайший помощник президента говорит такие вещи, значит, во власти болен не только президент...

Аргументы, бывшие в запасе у Чубайса, базировались на утверждении, что у Лебеда большой авторитет и народ может выйти на улицу. «Ничего подобного, — ответил я. — Вы не знаете обстановки. Нормальным людям претит такое маниакальное, такое бесстыдное стремление к власти. Может, и выйдут несколько человек, но о серьезной поддержке говорить не приходится...» И добавил: «Об этом я хочу откровенно рассказать послезавтра на заседании Государственной Думы. Может, кто и верит, что Лебедь, подобно Моисею, выведет нацию к миру и благоденствию, но лично я в этом сомневаюсь. Будет жесткая диктатура. Все, включая подоплеку хасавюртовских соглашений, надо обнародовать. Объяснить депутатам парламента. А потом будь, что будет... Я приму любое решение президента».

Что-то еле слышно произнесла Татьяна Дьяченко.

Мне показалось, что она возражает. Я повысил голос и говорю: «Так что вы предлагаете?» И вдруг слышу в ответ ее отчетливый, тоже усилившийся голос: «Говорю, я согласна!..»

Надо отдать должное политическому чутью Черномырдина. Очень деликатно он тотчас спросил Дьяченко: «Таня, мне кажется, что об этом разговоре нужно рассказать Борису Николаевичу?..»

Я засобирался: «Не знаю, какое вы примете решение, но мое намерение выступить послезавтра в Думе остается в силе».

* * *

Видимо, мои сигналы дошли до адресата.

В ночь перед заседанием ко мне на дачу прибыл нарочный из Кремля и передал резолюцию президента Ельцина на его стандартном бланке: «Чубайсу. Рыбкину. Куликову. Лебедею. Завтра на заседании Государственной Думы высказать согласованную позицию».

Подпись Ельцина была, правда, факсимильная. Поэтому я бы не стал ручаться, что именно он, а не Чубайс, руководитель президентской администрации, был ее инициатором.

Признаюсь честно, я был разочарован.

Я был готов к бою, но солдатская дисциплина обязывала меня подчиниться командиру, Верховному Главнокомандующему, который, по сути, отдавал приказ не обострять отношения.

Стал набрасывать мягкий вариант выступления, сохраняя решимость жестко ответить на любой выпад Лебеда, если он произойдет.

Лебедь, получивший точно такое же указание, сглаживал углы, но и без того было ясно, что вся его так называемая «оперативная информация» оказалась блефом, который нельзя подтвердить ни дутой цифрой, ни сколько-нибудь завалящим фактом.

Свое мнение о Хасавюрте я высказал, но остроты не было.

* * *

Все последующие заявления Лебеда, сделанные в свойственной ему агрессивной

манере, не оставили у меня сомнений в том, что он не удовлетворен ничейным счетом и намеренно обостряет наше противостояние.

Я понял: надо в этой истории ставить точку. Либо пусть отправляют в отставку меня, либо, наоборот, освобождают от должности Лебеда.

Именно тогда я позвонил Чубайсу и уведомил его о намеченной на следующий день пресс-конференции, которую я собирал по собственной инициативе, чтобы положить конец домыслам и недомолвкам.

То, что я намерен был высказать журналистам, не являлось для Анатолия Чубайса неожиданностью: свою точку зрения, как это уже упоминалось, я изложил в его присутствии заблаговременно — в кабинете премьер-министра.

Выслушав меня, Анатолий Борисович ответил, что доложит о моем решении президенту.

Перезвонив чуть позже, он сказал следующее: «А.С., я доложил президенту. Он не высказал своего неприятия. Он не сказал: «Нет!..»

В пересказе Чубайса слова Ельцина вовсе не звучали как одобрение моего шага. Их следовало понимать так, что президент готов дожидаться исхода, а его окончательное решение будет зависеть от того, на чью сторону склонится общественное мнение.

На пресс-конференции я был искренен с журналистами и высказал все то, что считал необходимым. Последовавшая за этим реакция президента — снятие Лебеда с поста секретаря Совета безопасности — мне представлялась вполне закономерной, так как примерки Лебедем чужих президентских одежд рано или поздно могли обернуться бедой для всей страны, и люди не могли не чувствовать опасности приближающегося авторитаризма.

«Я — не диктатор. Просто у меня такое выражение лица», — говорил о себе всемирно известный путчист, руководитель чилийской хунты генерал Аугусто Пиночет...

«Пусть Александр Иванович прикажет, и мы сотрем их в лагерную пыль!..» — скажет в те дни с телеэкрана один из сторонников Лебеда, и я склонен верить, что так бы оно и случилось со многими порядочными людьми...

* * *

Столкновения с Лебедем, каких бы нервов и сил они мне ни стоили, не отменяли моих главных профессиональных обязанностей и забот министра внутренних дел огромного, некогда мощного государства, в пределах которого после всех политических и экономических потрясений последнего десятилетия едва ли можно было отыскать хотя бы три-четыре относительно благополучных субъекта Российской Федерации.

Нечего было удивляться, что на фоне экономической разрухи, в жестокой борьбе за кусок хлеба с начала девяностых годов прошлого века так сильно подросла отечественная преступность. Сомнительная приватизация, в результате которой буквально зубами рвались на части самые лакомые куски российской экономики, породила и многотысячную армию бандитов, и новую финансово-промышленную элиту, пробивавшуюся наверх буквально по трупам менее удачливых конкурентов. Количество заказных убийств выросло многократно. Обыденным явлением стала коррупция, словно ржа разъевшая механизм государственной власти.

Разумеется, сразу же после назначения меня министром внутренних дел ко мне попытались проторить тропу некоторые из тех, кого мы называем олигархами, а также предприниматели меньшего калибра. Печать озабоченности государственными делами, которая лежала на их лицах при первом знакомстве, могла ввести в заблуждение кого угодно, но только не меня. Эти визиты носили сугубо разведывательный характер.

Чтобы «склеился» разговор, могли заслать с деликатным предложением и высокопоставленных коллег, и даже близких друзей. Вот так один из бывших моих сослуживцев, которого я считал своим товарищем, изложил мне просьбу одного влиятельного лица: «А.С., если ты пососедействуешь назначению имярек на такую-то и

такую-то должность, тебе откроют счет в зарубежном банке на 5 миллионов долларов».

Все это не произносится вслух в министерском кабинете, а пишется на клочках бумаги: «5 000 000\$».

Я его записочки отодвинул. Сказал откровенно, не скрывая презрения: «Ты знаешь, мы с тобой, наверное, больше друзьями не будем», и навсегда расстался с этим человеком.

Конечно, в подобных делах счет идет на сотни тысяч, на миллионы долларов. Ведь административный ресурс, которым обладает федеральный министр внутренних дел, действительно велик. Его достаточно, чтобы оказать решающее воздействие при силовом захвате собственности или, например, для манипуляций при проведении выборов любого уровня. Во власти министра судьбы сотен «воров в законе» и прочих уголовных авторитетов, находящихся под следствием или в местах заключения. Да мало ли иных возможностей у министра?

По мнению визитеров, я мог пролоббировать их интересы в правительстве, в Государственной Думе, в администрации президента или взять «под милицейскую крышу» любой банк или фирму.

Такие предложения мне поступали, но я их мгновенно отметал.

Но гораздо тяжелее было бороться со скрытыми взятками, которые могли принимать форму подарка по приличествующему случаю, каким является, например, день рождения министра или день рождения его жены.

Сам я считаю, что такие семейные праздники должны проходить в узком кругу родных и друзей. Столько раз во время войны я размышлял о том, что пределом моих мечтаний является тихий вечер за домашним столом, в кругу родных мне людей. Мне достаточно их голосов, их смеха, их искреннего тепла и поздравлений. Я не нуждаюсь в здравицах, если произносятся они по долгу службы или из лести.

Но от всех праздников не отбояришься. Есть праздники профессиональные, государственные. Бывают официальные приемы. Хочешь — не хочешь, но подарки принимать приходится. На научном симпозиуме вручат ручку, еще где-то — часы, записную книжку, кожаную папку для бумаг...

Как правило, это не безделица, но в то же время не слишком дорогая вещь, чтобы настораживаться. Мало-помалу собрались у меня дома несколько десятков ручек «Паркер» и вместительная коробочка с наручными часами. Их я использовал в свою очередь уже как свой наградной фонд, щедро одаривая коллег, товарищей и знакомых. Но запасы все равно не иссякали, поскольку мой официальный статус обязывал присутствовать на многих мероприятиях, где небольшой подарок был просто положен по протоколу.

Ну ладно, дарят что-то большое — ковер или вазу, — я тотчас передаю ее в музей. Ручки и часы — как я уже рассказывал — с удовольствием вручал гостям и сотрудникам министерства, офицерам внутренних войск, писателям, художникам и ученым, помогавшим МВД в его повседневной работе.

Но, гляжу, бизнесмены один за другим уже пробуют всучить что-то более существенное. Банкир приехал, протягивает золотые запонки хорошей ювелирной работы: золотые двуглавые орлы, усыпанные бриллиантами. Кстати, к этому человеку я относился совсем неплохо, уважая за ум и деловитость. Поэтому его поздравления оборвал: «Извини, я — министр и мне было бы стыдно показаться с такими дорогими запонками на людях. Твой подарок я не приму».

В другом случае пытались наградить тяжелой золотой медалью в полкилограмма весом. «Вот, — сказали, — такая уже есть у самого Бориса Николаевича. Вы будете вторым человеком, которому мы ее дарим».

Эту компанию я быстро привел в чувство. «Спасибо, — говорю, — на добром слове. Забирайте свою медаль, и чтоб ноги вашей здесь больше не было!..»

Чтобы избежать подобной навязчивости, я поручил начальнику своей приемной очень тщательно досматривать все приносимые мне подарки и пакеты. Во-первых, это разумно с точки зрения безопасности, а во-вторых, этот не хитрый, но надежный заслон давал хоть

какую-то гарантию, что меня не подставят.

Уже после моей отставки во все концы страны, в том числе на мою родину, были направлены бригады с заданием «накопать» на меня компромат. Может, особняк есть у меня в Кисловодске или что-то в этом роде...

Так вот — ничего, кроме саманных домов, в которых по сей день живут мои родственники, не нашли. Ни многомиллионных счетов в банках, ни автомобильных кортежей, ни трехэтажных коттеджей в курортных местах.

Ничего этого не нашёл Куликов на государственной службе!

Но, признаюсь, однажды и меня, человека на этот счет аккуратного, чуть не ввели в заблуждение.

В день моего пятидесятилетия в простецком целлофановом пакете была мне подарена икона. В суете праздника как-то не придал этому значения, да и подвоха, честно говоря, не ожидал: кругом знакомые люди.

Лишь потом, разбирая дары, увидел, что икона старинная, и тут же, недолго думая, попробовал найти ей подходящее место в доме. Нашел. И начал забивать гвоздь, чтобы ее повесить. Но он не идет в стенку: гнется, а не идет. Тогда я беру электродрель. Сверлю и упираюсь в металлическую пластину, которая неизвестно откуда взялась в стене.

Вот тогда я задумался и сказал жене: «Не наша эта, Валя, икона...»

Подумал, что лучшее место для нее — в храме. Может, даже в часовне, которую мы планировали построить рядом со зданием министерства.

С этим настроением уже на следующий день я отвез икону в МВД. Каково же было мое удивление, когда, выложив ее на стол, я обнаружил в том же пакете небольшую книжечку, не замеченную мной накануне. Оказалось: каталог аукциона. В этом каталоге «моя» икона фигурирует как икона XV века «Святая Параскева Пятница» стоимостью 65 тысяч долларов!

Я только присвистнул. Ничего себе! Прикупили министра! Принесли 65 тысяч долларов в целлофановом пакете и дали понять, какова цена подарка. Поди уже, запущена информация, что министр Куликов берет взятки антиквариатом и произведениями искусства.

Тут же вызвал начальника секретариата и передал ему собственноручно написанную бумагу со следующими словами: «Подаренную мне на день рождения икону «Св. Параскева Пятница», номер такой-то по каталогу, отдаю в часовню, которая будет построена в МВД».

Моя отставка, к сожалению, состоялась раньше, чем строительство часовни было завершено. Поэтому частично я свою волю изменил, передав икону одному из храмов Русской Православной Церкви Московского Патриархата, расположенного в Иерусалиме.

Это было сделано по благословию Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго, а переезд иконы в Иерусалим вовсе не означает, что она перестала быть достоянием Отечества.

Фотокопию иконы я повесил у себя дома.

Понимая, что все в этой жизни дается со смыслом, вот такое обретение иконы я воспринял как добрый знак для себя и своей семьи. Как выдержанное с честью испытание. Как чудо, помогающее нам во всякое время оставаться людьми. Бескорыстными. Прямыми. Чистосердечными.

* * *

Коррупцию я считаю злом, которое не только мешает России стать по-настоящему цивилизованной и процветающей страной, но социально опасным явлением, способным вообще разрушить наше государство.

Масштабы всеобщего подкупа могут удивить кого угодно. Считается, что на взятки в нашей стране ежегодно тратится около 15 миллиардов долларов. Но, строго говоря, вряд ли кому по силам поставить плотину на пути этого теневого денежного потока.

По оценкам западных специалистов, прозвучавших на международной конференции в центре Маршалла в Гармише, до 50 процентов привлекаемых в Россию инвестиций идет на

подкуп чиновников.

Будучи реалистом, я понимаю, что изжить коррупцию невозможно. Однако считаю, что нам вполне по силам значительно снизить ее уровень.

Суть не в карательных мерах. Не в том, чтобы при даче взятки в сотый или в тысячный раз на головы взяточдателей и взякополучателей неизвестно откуда сыпались бы оперативные работники...

Убежден, что в борьбе с коррупцией технические меры правоохранительных органов должны стоять как раз на последнем месте. Умные и справедливые законы куда быстрее могут искоренить сами причины для подкупа государственного чиновника — распорядителя лицензий, льгот, трансфертов. Неприятие обществом взяточничества должно стать нормой, и я не сомневаюсь, что моральные барьеры способны удержать от преступления многих из тех, кто сегодня считает взятку обыкновенным средством для решения своих житейских и рабочих проблем.

Не хочу читать людям прописи, тем более что отлично представляю себе реальные масштабы коррупции. Я просто продолжаю искать пути решения этой общенациональной проблемы, привлекая в союзники ученых, политиков, предпринимателей, чиновников государственного и муниципального уровней. Всех россиян, кому до смерти надоели эти пресловутые денежные «откаты», а также всевозможные поборы милиции, пожарных, санитарных врачей, жилищно-коммунальных служб, таможенников, пограничников, репетиторов, медицинского персонала в больницах и т. д.

И конечно, как министра внутренних дел, меня не могли не беспокоить масштабы коррупции, которая сопровождала процесс приватизации. Не приходится сомневаться, что переход государственной собственности в частные руки, как правило, совершался с соблюдением обоюдного интереса.

Многие представители новоявленной финансово-промышленной элиты даже не считали нужным скрывать, что имеют миллионные счета в зарубежных банках, недвижимость за границей, собственные самолеты и яхты. Огромные средства, включая кредиты, по которым страна обречена в будущем платить весьма высокие проценты, разворовывались и немедленно возвращались на Запад. Но уже в качестве частных капиталов и капиталов фирм, зарегистрированных где угодно, но только не в России.

В то время была у меня идея: дать бой коррупции по всему фронту. Многие, наверняка, слышаны о мафиозной славе Гонконга. С 1945 года по 1975 год организованная преступность там укрепилась настолько, что коррумпированы были буквально все: от рядового полицейского до высших чиновников. Именно тогда там был создан антикоррупционный комитет, куда вошли самые лучшие профессионалы, собранные из всех силовых структур. Через двадцать лет коррупция в Гонконге среди прочих преступлений составляла ничтожные проценты.

Когда я по делам службы бывал за рубежом, моими экскурсоводами по мировым столицам зачастую были сотрудники спецслужб, работавшие в этих странах. Вот они мне иногда говорили: видишь, мол, вон тот дом? Это дом такого-то уважаемого россиянина, а этот чудесный особняк — такого-то. Были они осведомлены и о денежных счетах наших видных соотечественников, среди которых преобладали олигархи и предприниматели помельче, но иногда встречались и фамилии высокопоставленных чиновников.

Особняк Бориса Березовского в Лондоне мне тоже показали.

Я никому не завидовал.

Ворованное еще никому не принесло счастья. Оно всегда оборачивалось бедой: насильственной смертью, грабежом, вынужденным изгнанием, утраченной репутацией.

Что касается наших разведчиков, то вся эта информация добывалась ими попутно и не являлась целью их работы. Я же в этих разведданных, которые не находили потребителя внутри самой России, увидел мощное подспорье для борьбы с коррупцией, в особенности для возвращения нелегально вывезенных из России денег. Это миллиарды долларов ежегодно.

Все эти впечатления от заграничных экскурсий были хорошим поводом для размышления. Поводом для действия, потому что я мог убедиться: разведывательная информация, например, Главного разведывательного управления Генерального штаба всегда отличалась добротностью и глубиной. Скажу откровенно, когда в основе наших операций лежали данные ГРУ, как это было в 1995 году и в 1996 году, они всегда заканчивались успехом.

Я посоветовался со всеми нашими ведомствами, интересы которых непосредственно касались государственной безопасности: с ФСБ, Генеральной прокуратурой, ГРУ, СВР, ФАПСИ, побеседовал с каждым из руководителей. Все согласилось, что нам нужно скоординировать свои действия. Создать межведомственную комиссию, которая была бы в состоянии использовать по назначению информацию всех «контор», а подчинялась бы только председателю правительства.

Я верил в результативность такого содружества спецслужб. Об этом свидетельствовал опыт борьбы с организованной преступностью на АвтоВАЗе, в Тольятти, когда, объединив под единым руководством все правоохранительные структуры, нам удалось за месяц навести порядок на одном из важнейших промышленных предприятий страны.

План был доложен Ельцину. Президент России написал на докладной записке свою резолюцию: «Согласен. Издать постановление правительства».

Мы, представители всех вышеупомянутых спецслужб, два с лишним месяца работали день и ночь — готовили проект этого документа. Я лично подписал его у Черномырдина.

Все шло отлично.

Но при этом постановление это не вышло даже из стен Белого дома. Ему даже не присвоили номер, что в переводе с бюрократического языка на нормальный означает: аппарат Черномырдина, возглавляемый Бабичевым, не только шел поперек воли собственного шефа, но делал это демонстративно и в какой-то мере даже бесстрашно.

Там не желали создания структуры, способной поднять на-гора тонны убийственного компромата вперемешку с ворованными деньгами.

Бабичев, правда, ссылаясь на указания Орехова, руководителя государственно-правового управления администрации президента и на его юридически ничтожные аргументы. Было понятно, что в определенных кругах правительства и администрации президента заключен союз, главной задачей которого являлось торпедирование любых усилий сторонников постановления. Буквально любой ценой.

Одному из представителей этих кругов я сказал прямо: «Вы так отчаянно суетитесь, потому что знаете — в списке самых бессовестных коррупционеров ваша фамилия окажется первой».

Еще какое-то время я ждал какой-либо реакции В.С. Черномырдина, но в конце концов понял, что и он пробивать постановление не намерен.

Я не стану обвинять его в безволии или потворстве олигархам, но факт остается фактом: Черномырдин сделал вид, что удовлетворился доводами Бабичева и Орехова. Видимо, просто махнул рукой, не желая ворошить осиное гнездо.

* * *

Так был провален план, имевший очень серьезные перспективы.

Решающим фактором, я уверен, стали опасения ближайшего президентского окружения, что информация, которая могла быть получена сообществом российских спецслужб за рубежом и впоследствии реализована в России, могла дать Куликову шанс заглянуть в самые потаенные уголки отечественной политики и усилить его собственное влияние в правительстве и в Кремле.

Отголоски подобных размышлений я нашел на страницах книги Ельцина «Президентский марафон», где он, упоминая мои резкие выступления о злоупотреблениях, совершенных в ходе экономических реформ, пишет достаточно откровенно: «Силовой

министр <...> совсем не устраивал меня в роли главного спасителя экономики...»

Эти слова, как мне кажется, должны были сыграть роль дымовой завесы, за которой Ельцин и его ближайшее окружение хотели скрыть истинные причины моей отставки с постов заместителя председателя правительства РФ и министра внутренних дел.

Да, я был и остаюсь сторонником законности и порядка, который не позволяет чувствовать себя в безопасности ни самим коррупционерам, ни тем, кто помогает им «отмывать» ворованные деньги в оффшорных зонах.

Что же в этом плохого?

Если коррупция представляет собой одну из серьезных угроз для отечественной экономики, то чем, если не ее спасением должен заниматься «силовой министр» Анатолий Куликов?..

Ответ прост: если бы я ни зацепил их по-серьезному, если бы ни видели они во мне реальной угрозы своим жизненным интересам, вряд ли вообще когда-либо стала обсуждаться экономическая подоплека моей отставки.

Поздний Ельцин, каким я его застал в Кремле, в иных случаях очень спокойно играл по правилам своего окружения.

Ведь никакой другой опоры у него уже не было.

* * *

Из всего этого не следует делать вывод, что я был пропагандистом крайних мер или мечтал о повальных арестах.

По характеру я — человек не злокозненный. Если мог предупредить человека, только собиравшегося переступить черту закона или пренебречь моралью и долгом, я всегда это делал.

Не висел у него на руках, не поучал, а считал необходимым предупредить: «Может произойти непоправимое».

Другое дело, если мое товарищеское слово оставалось без ответа, а человек продолжал идти напролом, я не чувствовал себя ответственным за его дальнейшую судьбу. Каждый свободен в своем выборе. Хочешь нарушить закон — нарушай, но готовься к тому, что за это с тебя обязательно спросят.

Жесткая позиция? Конечно, жесткая...

Но как же иначе?

Однако никогда не был подвержен этой страсти: во что бы то ни стало уличить, посадить, вывести на чистую воду... Если оставалась хотя бы призрачная возможность остановить преступление, я делал это с чистым сердцем. Но при этом очень расчетливо, чтобы оставались нерасшифрованными наши источники оперативной информации.

Допустим, известно, что уже завтра некий федеральный министр с подачи одного из своих заместителей должен подписать бумагу, разрешающую перечисление 20 миллиардов неденоминированных рублей (что-то около 4 миллионов долларов) в адрес подставных фирм.

Готовится мощная финансовая афера. Ключевое лицо в ней — заместитель министра, но я вправе предполагать, что министр, которого я по-человечески уважаю, тоже может в ней как-то замазан.

Естественным считается такой ход событий, когда, дождавшись перечисления средств, мы отслеживаем всю цепочку и начинаем аресты. Приходится мириться, что какая-то часть суммы, возможно, исчезнет, но разве это не справедливая плата за раскрытое преступление? Громкие фамилии его фигурантов только прибавят политических очков министру внутренних дел.

Когда начальник одного из главных управлений МВД доложил мне о ситуации, которая складывалась именно так, как описано выше, я спросил его: «Как ты считаешь, а не лучше ли просто предотвратить эту аферу? Уголовное дело не возбуждено, и мы имеем полное право

вмешаться еще на стадии подготовки преступления. Да, славы мы, как говорится, тут не сыщем, но, точно знаю, сохраним государственные деньги и дадим понять министру, что за его спиной могут проворачиваться сомнительные финансовые операции»

Генерал милиции, опытный сыщик, охотно принял мои доводы.

Заручившись его согласием, звоню министру и прошу срочно приехать к нам, на Житную. Говорю: знаю, что завтра вы можете подписать такой-то и такой-то документ. Вы можете стать вольным или невольным соучастником преступления. Я не знаю, какое решение вы примете, но прошу иметь в виду, что реакция МВД будет зависеть от того, какую позицию вы займете».

Уже на следующий день министр приехал снова. Поблагодарил, сказал, что события развивались по заранее известному МВД сценарию. Действительно, готовилась крупная хищница, но он принял меры и считает проблему исчерпанной.

В последующем я убедился, что окружение министра действовало на свой страх и риск, а сам министр (Он продолжает работать и сегодня. — Авт.) не был вовлечен в преступный сговор.

Не сомневаюсь, что если бы мы поступили иначе, была бы сломана человеческая судьба. А это слишком большая цена за победную строчку на ленте информационного агентства.

* * *

Законы страны не поспевали за переменами, которые в ней происходили. И это обязывало нас, людей, стоящих на страже законов, искать новые технологии борьбы с экономическими преступлениями и с организованной преступностью.

Успех этого дела во многом решали принципы, которые мы положили в основу работы с российскими предпринимателями.

Многие из них — очень талантливые, энергичные, ответственные люди, вынужденные строить и поддерживать частный бизнес вопреки устаревшим законам, косности чиновничества и даже вопреки общественному мнению, которое не очень-то жалуется зажиточного, хозяйственного, расчетливого в делах человека.

«Крутимся, как умеем», — говорят они, и я их по-человечески понимаю. Никто не станет отдавать в налоги все заработанное тяжелым и честным трудом. Никто не упустит возможности воспользоваться лазейками в законодательстве, чтобы увеличить прибыль. Понятно их желание уберечь деньги от наших политических кризисов и финансовых обвалов.

В то же время их роль в экономическом и политическом преобразовании страны огромна. Без их деловой активности и умения распоряжаться капиталом по-настоящему эффективно Россия обречена на бедность, а значит — и на потрясения.

Идея генерала милиции Владимира Абдуалиевича Васильева — его я считаю одним из лучших профессионалов в МВД — состояла в том, чтобы определить четкие правила, позволяющие предпринимателям легализовать собственные капиталы для дальнейших инвестиций в отечественную экономику.

Понимаю скептицизм большинства россиян: дескать, какие правила игры, кроме Уголовного кодекса, могут регулировать взаимоотношения правоохранительных органов с нарушителями закона? Тут все просто: если утаил, значит, украл! Если украл — садись в тюрьму!

Точно также на утаивание налогов, на преступное «отмывание» финансовых активов реагирует уголовное законодательство большинства развитых стран. Такие преступления считаются там чрезвычайно серьезными. В наказание за них назначаются большие сроки заключения и огромные штрафы.

Новая экономическая ситуация в России и несовершенство законодательства породили почти повальный уход от налогов. «Обналичка», хитроумные схемы взаимозачетов и прочие

нарушения становились не столько способом для добывания денег, сколько средством для спасения заработанных денег от непосильного налогового бремени. Естественно, что эти суммы никто не торопился декларировать. Естественно, что их торопились спрятать за рубежом, чтобы избежать вопросов налоговой службы, налоговой полиции и прокуратуры.

Была еще одна веская причина, заставлявшая бизнесменов искать укрытия для собственных денег за границей. Это активная деятельность криминальных структур, которые зачастую раньше, чем мы, вычисляли состоятельных людей. Что происходило впоследствии — всем известно. Они либо отнимали все, либо начинали контролировать бизнес, чтобы отнять его позднее.

Специалисты по-разному оценивают суммы, вывезенные из страны за последнее десятилетие. Одна из них — 350 миллиардов долларов — кажется вполне достоверной. Можно сказать и так, что вся первая волна российских предпринимателей вольно или невольно, полностью или частично, единожды или многократно переступала закон и весьма преуспела в этом противоборстве.

Не понимать этого — значит, не понимать свой народ и его настроения. Значит — не чувствовать время, в котором живешь.

Васильев — неторопливый, вдумчивый человек, ставший в свое время главным разработчиком операции «Циклон» на АвтоВАЗе, на этот раз пришел посоветоваться: «Как вы смотрите на то, чтобы в определенных обстоятельствах правоохранительные органы могли бы пойти на сделку с предпринимателем, нарушившим закон? Всех его денег из-за границы мы никогда не вернем. Сам он хотел бы остаться в отечественном бизнесе и не дрожать, проходя мимо прокуратуры. Что если предложить ему вернуть деньги государству в обмен на прекращение уголовного дела?»

Выслушав Васильева, я согласился с его доводами. Но, поскольку мы еще не практиковали подобные сделки, являющиеся, например, в США самым обычным делом, и я в свою очередь решил посоветоваться с генеральным прокурором и директором ФСБ.

Они приняли мою точку зрения, и уже вскоре начальник Главного управления по борьбе с экономическими преступлениями МВД РФ (ГУЭП. — Авт.), генерал-лейтенант милиции Иван Григорьевич Сардак от имени государства изложил банкиру требование вернуть деньги в казну.

Насколько я помню, еще при мне четверть суммы (а это миллионы долларов) была возвращена. В связи с отставкой я не мог проследить за дальнейшим развитием событий, но этот первый опыт убедил меня в том, что амнистия капиталов в принципе возможна.

Об этом разговаривал с В.С. Черномырдиным.

Виктор Степанович со свойственной ему убедительностью заметил: «А.С., ты только представь, что мы ставим подобный вопрос сегодня, когда деятельность Государственной Думы полностью определяет фракция коммунистов. Глазом не успеешь моргнуть, как все наше правительство буквально вынесут из Думы...»

Я не пытался его переубедить. Понимал правоту Черномырдина в том, что подобная экономическая амнистия требует очень серьезной подготовки, в том числе и подготовки общественного мнения. Простые люди должны быть уверены, что это не акт отпущения грехов толстосумам, нажившим капиталы на финансовых пирамидах, на мошенничестве и обмане. Что это разумный маневр государства, открывающий двери в отечественную экономику тем капиталам, которые не имеют криминального происхождения и при определенных оговорках могут быть признаны законными.

* * *

Деньги и преступление почти всегда сопутствуют друг другу.

Все эти годы, пока я оставался министром, криминальная обстановка в стране оставалась чрезвычайно тяжелой.

Свой рабочий день я, как всегда, начинал в 6.30 утра. После короткой физзарядки

принимал душ и, позавтракав, уже в 8.00 был на рабочем месте. Сначала принимал доклад командующего группировкой на Северном Кавказе, а затем — дежурной части.

Мне докладывали самую суть, не исключая, разумеется, самых громких преступлений, из которых наибольший общественный резонанс вызывали заказные, групповые и серийные убийства.

Как правило, их жертвами становились вольные или невольные участники борьбы за передел собственности. Предприниматели. Бандиты. Политики. Иногда это были люди, соединявшие в себе навыки политика, бизнесмена и бандита одновременно, так что было невозможно объяснить, зачем депутат законодательного собрания возит в багажнике своей машины наступательные гранаты и автомат Калашникова?

После того как убийство произошло, все это — только материал, пригодный для идентификации погибшего и поиска злоумышленников. Кем бы ни был убитый, машина государственного сыска должна работать безостановочно. Ведь совершено тяжелейшее преступление: прервана человеческая жизнь.

Убийств в России совершается много. По статистическим данным — примерно 30 тысяч в год. Конечно, чаще всего это пьяная резня, домашние ссоры, уличные драки, так называемая «бытовуха», удивляющая, с одной стороны — будничным однообразием поводов для расправы, а с другой стороны — почти звериной жестокостью, когда в раже, в пьяном угаре рубят топорами, душат бельевыми веревками, забивают палками, заживо жгут женщин, детей, стариков.

Этот смертный вал, который катится из городов, из рабочих поселков, из деревень — куда страшнее и кровопролитнее любой бандитской перестрелки.

В то же время именно заказные убийства больше всего тревожат общество. Особенно если их жертвами становятся известные люди: крупные бизнесмены, общественные деятели, государственные чиновники, журналисты.

Если это случалось, я немедленно брал дело под свой контроль и обязательно докладывал президенту и председателю правительства. Приходилось считаться с тем, что такие преступления, как правило, занимали первые полосы газет и могли оказать существенное влияние на политическую и экономическую жизнь всего государства.

Мировая практика свидетельствует, что процент раскрываемости заказных убийств, как правило, невелик. Во всяком случае не более 10 процентов. А чаще — и того меньше — 7 или 8 успешных расследований на каждые из 100 убийств.

До 1996 года примерно с такими же результатами работали и мы сами.

Рост раскрываемости таких преступлений стал увеличиваться где-то во второй половине 1996 года. А в 1997 году удалось совершить настоящий прорыв, когда, если мне не изменяет память, из 480 заказных убийств нам удалось раскрыть 106 или 107.

* * *

Будучи реалистом, я понимаю, что многие заказные преступления так и останутся нераскрытыми.

Причин этому множество. Приходится считаться с тем, что мотивы подобных преступлений часто кроются в экономических противоречиях и продиктованы борьбой за денежные интересы. Теневая экономика, породившая множество уловок и ухищрений, не любит раскрывать сокровенные тайны финансовых дележей, афер, долгов, воровских общаков, джентльменских и прочих договоренностей.

Лучшим средством, которое способно избавить общество от таких убийств и покушений, является здоровая экономика, в которой определены правила игры. Экономика равных прав и равных возможностей. Экономика без коррупции, без неоправданных льгот и привилегий.

В то же время и правоохранительные органы должны быть готовы к тому, что заказные убийства, совершенные, в том числе и по экономическим мотивам, еще довольно долго

будут оставаться весьма распространенным явлением. Раскрытие каждого из них — это не только событие в области сыска и криминалистики, это важная победа общества над особо циничными и особо опасными преступниками.

Одно из таких преступлений — взрыв на Котляковском кладбище в Москве, унесший множество человеческих жизней, стало серьезным испытанием для меня самого.

Следует, видимо, напомнить предысторию трагедии: взрыв прогремел на Котляковском кладбище во время поминального обряда у могилы ветерана войны в Афганистане Лиходея. Разорвавшееся взрывное устройство, заложенное под могильную плиту, насколько я помню, убило 13 человек. Еще несколько десятков были ранены и контужены.

Потрясал цинизм и масштаб содеянного: для того, чтобы устранить одного или нескольких человек, стоявших в тот миг у могилы Лиходея, погибшего, кстати, за год до описываемых событий тоже в результате заказного убийства, злоумышленники не пожалели всех остальных.

Многие знают, 10 ноября — это несколько необычный день, День милиции. Профессиональный праздник сотрудников милиции, по традиции отмечаемый в нашей стране с особым размахом. В конце дня — обязательный концерт, гостями которого, как правило, бывают первые лица государства.

И на тебе — вот такое кровавое происшествие...

Милиция Москвы и Подмосковья была поднята на ноги, но было понятно, что расследование преступления, которое без скидок квалифицировалось как явный террористический акт, будет находиться в руках Федеральной службы безопасности.

Конечно, никакого праздничного настроения у меня не было, когда накануне торжественного собрания и концерта, посвященного Дню милиции, — я уже надевал парадный китель — раздался телефонный звонок Виктора Степановича Черномырдина.

Председатель правительства спросил меня, намереваюсь ли я сделать какие-либо заявления по этому поводу по радио и телевидению.

Я честно признался, что такой задачи перед собой не ставил, но мой ответ не удовлетворил Черномырдина. «А.С., надо как-то реагировать», — сказал он твердо, и я с ним согласился. На фоне трагедии, которая разыгралась днем на одном из московских кладбищ, все наши чествования и праздничные слова выглядели бы просто фальшиво. По замыслу Виктора Степановича правительство России устами министра внутренних дел должно было дать обществу ясный сигнал, что руководство страны придает особое значение произошедшему и намерено жестко контролировать ход расследования.

В моей огласовке эта позиция претерпела некоторые изменения. Я не собирался прятаться за частоколом обтекаемых формулировок: дескать, расследованием этого теракта занимаются ФСБ и прокуратура... Да нормальному среднестатистическому россиянину, может, и незачем знать, как разграничиваются функции различных правоохранительных ведомств. Главное, чтобы вся система функционировала исправно, а преступник был обязательно наказан. Ради этого, собственно, и существуют все многотысячные и разнопогонные полчища офицеров армии, милиции, внутренней службы, юстиции, госбезопасности, налоговой полиции и т. п.

Так думают большинство наших сограждан, и было бы нечестно в день беды перекладывать ответственность на другие плечи.

Поэтому сказал журналистам, как думал. Сказал, что совершенное в День милиции преступление не останется безнаказанным. Заявил, что милиция страны принимает вызов.

Эти мои слова вызвали широкий резонанс в обществе. Пойти на попятную я бы уже не смог. Да и, честно говоря, не хотел. Если произнесено: «Вызов принят», значит, он действительно принят. А иначе, какой же я министр внутренних дел?

Однако уже на следующий день я понял, что планируется старая схема: роль ФСБ будет в расследовании основной, а милиция будет вести оперативное сопровождение под эгидой прокуратуры.

У меня сразу же возникла идея взять на себя основную тяжесть

оперативно-следственной работы по происшествию на Котляковском кладбище. Но это не укладывалось в существующие схемы: расследование террористического акта всегда является прерогативой Федеральной службы безопасности, у которой есть для этого прекрасные специалисты, соответствующая техника, часто более совершенная, чем та, которой располагает МВД.

Идею следовало утрясти с Генеральной прокуратурой: только прокуратура вправе определить подследственного и, если нужно, сломать привычные схемы. Если это, конечно, не противоречит закону.

Позвонил генеральному прокурору Скуратову и спросил: «Юрий Ильич, ты не будешь возражать, если я попрошу Черномырдина подготовить правительственное распоряжение, в котором бы он обязал МВД быть в этом деле за главного. Конечно, создаем совместную с ФСБ и прокуратурой оперативно-следственную группу, но при условии, что мы, МВД, управляем ее действиями. Если уж назвали груздем, готовы залезть и в кузов...»

Надо отдать должное Скуратову: он всегда очень разумно подходил к изучению подобных предложений. Во всяком случае не было и намека на то, что вылезут какие-то ведомственные амбиции и профессиональные обиды. Не было этого.

Вот и теперь он сказал: «Нет, А.С., я только приветствую это».

С моим предложением согласился и руководитель ФСБ Николай Дмитриевич Ковалев.

Поэтому был подготовлен соответствующий проект распоряжения правительства.

Виктор Степанович также согласился с моими аргументами, подписал распоряжение, и мы впервые в истории правоохранительной деятельности — во всяком случае на моей памяти — создали подобную оперативно-следственную группу. МВД в ней играло роль форварда, а руководство оперативной работой по раскрытию этого преступления возлагалось на опытного сыщика России, генерала милиции и моего первого заместителя Владимира Ильича Колесникова.

Сам я вмешивался в содержательную часть расследования только для того, чтобы оказать помощь людьми и техникой; в остальном полагался на профессионализм оперативных работников, которые хорошо знали свое дело и не нуждались в моей опеке.

Очень скоро стало понятно, что взрыв на Котляковском кладбище являлся отголоском внутренней борьбы, развернувшейся в одной из ветеранских структур. Борьба носила нешуточный характер, потому что пост лидера этой общественной организации, объединявшей ветеранов войны в Афганистане, означал контроль над многомиллионными поставками товаров, имеющими таможенные льготы.

Считалось, что дополнительная прибыль должна была идти на социальную помощь ветеранам военных конфликтов, семьям погибших и инвалидам, получившим увечья в результате боевых действий. Вот этим людям, которым государство по своей бедности платило гроши и которые должны были получить дополнительную адресную помощь из своей ветеранской организации.

Скорей всего, так и было. Но финансовые потоки, рожденные масштабными поставками в Россию спирта, сигарет и иных товаров, которые завозились этой структурой ветеранов войны в Афганистане, породили определенные противоречия в ее руководстве. Еще до взрыва на кладбище были убиты и ранены несколько ветеранов. У нас не было сомнений, что трагедия, разыгравшаяся на кладбище 10 ноября 1996 года, является следствием продолжающейся борьбы за «афганское наследство» многочисленных коммерческих и охранных структур, обладавших к тому времени огромными материальными ресурсами и представляющих собой внушительную силу из бывших разведчиков, диверсантов, саперов, снайперов и представителей иных военных профессий.

В общем, там были серьезные специалисты, для которых организация подобных диверсий являлась обычным делом.

Заказчиков и исполнителей надо было искать именно в кругах ветеранов афганской войны. Хотя мы не исключали и другие версии.

Повторяю: детали расследования я оставлял профессионалам и, думаю, рано или

поздно результаты их работы станут достоянием учебников по криминалистике.

Был очерчен ряд подозреваемых, среди которых наиболее колоритной представлялась фигура полковника в отставке, бывшего разведчика Радчикова.

Этот человек геройски вел себя во время афганской войны. Потерял в бою обе ноги, но продолжал активную жизнь. Прыгал с парашютом, пользовался авторитетом среди боевых товарищей, был вхож во многие высокие кабинеты. Со временем у нас появились очень серьезные основания подозревать его в том, что именно он являлся заказчиком взрыва на Котляковском кладбище, так как на это указывали некоторые прямые и косвенные улики.

Предполагаемый заказчик преступления и его предполагаемые исполнители были арестованы и предстали перед судом. Доказательств их участия было немало, но суд посчитал их недостаточными, чтобы признать вину. Эти люди были оправданы и освобождены из-под стражи, поэтому даже я, знающий всю подоплеку событий и уверенный в собственной правоте, не могу назвать их виновными.

Волей судьбы мне уже после моей отставки пришлось лицом к лицу встретиться и с жертвами того преступления, и с людьми, которые обвинялись в его исполнении.

Случилось это во время телевизионной передачи «Независимое расследование», которую ведет тележурналист Николай Николаев.

Свою точку зрения я высказал, как, впрочем, и надежду на то, что справедливость обязательно восторжествует.

И хотя я верю в справедливое возмездие, облеченное в форму законного приговора суда, в то же время не могу не согласиться с точкой зрения одного из уважаемых мной криминалистов. Как-то в ответ на мои сетования, что прошедший суд высказал недоверие к доказательствам следствия исключительно по формальному поводу, он мне мудро ответил: «Вы знаете, А.С., есть еще одна инстанция. Это Суд Божий... В чем я не сомневаюсь, так это в том, что подонки, виновные в гибели людей на Котляковском кладбище, обязательно получат по заслугам. И жизнь им будет не в радость. И смерть у них будет страшная».

* * *

Мне не кажется случайностью, что именно Виктору Степановичу Черномырдину довелось управлять правительством России в один из самых опасных и противоречивых периодов отечественной истории.

Разумеется, тут дело не в сочетании имени, отчества и фамилии, а в том, что тяжелая ноша ответственности и круглосуточной работы, которая легла на плечи Черномырдина, могла оказаться под силу лишь этому типу кряжистых, выносливых и хитрых русских мужиков, поднявшихся из крестьянских и рабочих глубин благодаря собственному уму, трудолюбию и врожденному чувству меры.

Политическая устойчивость Черномырдина, позволившая ему столь длительное время оставаться в высшем эшелоне российской власти, объясняется вот этими качествами человеческого характера.

Был Виктор Степанович в качестве председателя правительства РФ совсем не прост и, подобно большинству крупных хозяйственных руководителей советской эпохи, умел, что называется, держать нос по ветру: молчать там, где нужно, и хитроумно лавировать в бурных политических водах. Об этом я говорю без тени иронии, без сарказма. Все перечисленные мной умения Черномырдина объяснялись лишь обстоятельствами времени, в котором он формировался как хозяйственник с партийным билетом в кармане, и не мешали ему оставаться очень надежным и совестливым человеком, на которого в трудную минуту всегда можно было положиться.

Одной из важных черт его характера, как я заметил, была его природная, естественная доброта, сочетавшаяся с терпимостью к человеческим недостаткам. Виктор Степанович как-то признался мне, что в жизни ему встречались люди, которых он по каким-либо причинам недолюбливал, но продолжал работать вместе, так как ценил их за

профессионализм или трудолюбие.

Признавая за собой свободу действий в строительстве человеческих взаимоотношений, Черномырдин искренне полагал, что подчиненные ему министры, если они не переходят рамки дозволенного, имеют право самостоятельно решать деликатные кадровые проблемы. Однажды я сказал ему, что намерен произвести кое-какие перестановки в своем ближайшем окружении, на что Черномырдин ответил без тени сомнения: «А.С., конечно, я поддерживаю тебя в любом случае».

Бывало и так, что с жалобами и обидами на меня самого шли к Черномырдину чиновники и предприниматели очень высокого полета. Но он в таких случаях отрезал очень просто. Говорил: «У меня есть министр, и я не могу ему не верить. Поэтому пойти навстречу я вам не могу и ничего менять не собираюсь. Работайте с тем министром, который есть...».

Помню, когда после катастрофы самолета «Руслан», упавшего на жилые дома в Иркутске, мы возвращались с Черномырдиным в Москву, Виктор Степанович дал мне понять, что уверен в моей порядочности и профессионализме. И я воспринял его слова не как дежурную вежливость в свой адрес, а именно как знак доверия председателя правительства одному из своих министров.

Конечно, как член правительства, я считал своим долгом никогда не подводить премьер-министра. Всегда выполнял его поручения и старался, чтобы они исполнялись как можно лучше. Это нормально. В человеческом усердии нет ничего плохого, ведь это русское слово предполагает работу от чистого сердца, а значит — работу с добрыми помыслами.

Разумеется, я не мог не учитывать, что Черномырдин далеко не всегда был свободен в своих действиях. Ему приходилось считаться с политическим влиянием других центров власти, которые, пользуясь доверием Б.Н. Ельцина, имели возможность свободно действовать из-за спины президента России. И действовать весьма эффективно.

Где-то Виктор Степанович наступал, где-то отступал, в чем-то упорствовал, а иногда шел на поводу у ситуации. Думаю, что это отвечает природному характеру Черномырдина, одной из черт которого является нежелание обострять отношения без особой нужды.

Как председатель правительства, чья судьба полностью находилась в руках порывистого, склонного к неожиданным поворотам президента, все, что мог Черномырдин — так это только тяжестью собственного политического авторитета хоть как-то компенсировать опасные крены.

В конце 1996 года, вернувшись из командировки в Польшу на день раньше запланированного срока, я с удивлением узнал, что в мое отсутствие принято важнейшее решение, напрямую касающееся меня как министра внутренних дел.

Воспользовавшись тем, что меня не было в стране, известному олигарху Борису Абрамовичу Березовскому удалось подsunуть на подпись президенту России Б.Н. Ельцину проект указа о выводе из города Грозного 101-й отдельной бригады оперативного назначения внутренних войск МВД России. Последней бригады, олицетворявшей присутствие федеральной власти в мятежной Ичкерии.

Мало того, что никто не согласовывал и даже не обсуждал это решение с министром, в прямом подчинении которого находится это соединение, но ведь ничем иным, кроме как политической ошибкой, нельзя было назвать подобную уступку сепаратистам.

Понятно, почему с проектом этого указа к президенту пошел именно Березовский. Ясно, в чьих интересах осуществлялся подобный ход.

Я не теряю самообладания даже в очень трудных ситуациях. Но, получив это известие, был возмущен до глубины души. Особенно тем, что проект указа до его подписания президентом был согласован с Черномырдиным.

Сразу же ему позвонил и попросил срочно принять.

Виктор Степанович, сославшись на то, что сам только что прилетел из командировки, попросил меня приехать к нему на дачу к восьми часам утра.

Ровно в 8.00, когда мы с ним увиделись, я, как и накануне, не был расположен к компромиссам. «Раз так, — сказал я, — то прошу принять мою отставку!.. Если с мнением

министра внутренних дел не считаются, тогда мне в правительстве делать нечего. Я не хочу быть пешкой в чужой игре. Что бы там ни говорили, 101-я бригада в Чечне — это символ того, что федеральная власть распространяется и на эту мятежную территорию. Как бы тяжело ни было, бригада должна оставаться в республике! Нельзя ее выводить! А если вы приняли это решение без меня, тогда зачем держите меня на посту министра?! Я уйду!»

Виктор Степанович очень внимательно посмотрел на меня и ответил мне с обезоруживающей откровенностью: «Анатолий, прошу тебя, не делай глупостей. Может быть, от тебя только и ждут подобного решения... А ты сам себя подталкиваешь к этому».

Этот утренний совет Виктора Степановича что-то изменил в наших отношениях. И я принял его простую правоту, и он сам взглянул на меня как-то по иному. Появилось человеческое доверие, не раз помогавшее нам впоследствии предпринимать продуманные и согласованные действия во имя интересов дела.

Буквально через месяц по просьбе Черномырдина я был назначен на должность заместителя председателя правительства России, оставаясь при этом действующим министром внутренних дел. Целесообразность этого шага он обосновал президенту, и Ельцин с премьером согласился.

Круг моих обязанностей и полномочий заметно расширился.

В качестве вице-преьера, кроме своего министерства, я курировал несколько очень важных направлений, среди которых наиболее значимыми были экономическая безопасность государства, а также пополнение доходной части бюджета.

* * *

Работа в качестве вице-преьера правительства прежде всего означала переход в иной информационный эшелон.

Для меня не было новостью, что правительственную команду командой можно было назвать только условно. С формальной точки зрения это был вполне управляемый организм, цементируемый единоначалием премьер-министра. Но не следовало сбрасывать со счетов, что подбор команды далеко не всегда зависел от ее капитана. Особенности нашей Конституции, наделяющей президента правом снимать и назначать министров по собственному усмотрению, очень серьезно сказывались на деятельности руководителей министерств и ведомств.

Многие из них были вовлечены в аппаратную борьбу. В борьбу за выживание, в которой самыми ценными качествами признаются осторожность, хитрость, умение увильнуть от ответственности, а также личная преданность.

Я не собираюсь причислять всех под одну гребенку, но факт остается фактом: система управления нашего государства, не меняющаяся столетиями, полностью зависит от воли одного-единственного человека — российского самодержца.

В разное время его и называли по-разному, вкладывая особый смысл в произношение слов «Государь», «Хозяин» и «Вождь».

Другое дело, что наша страна станет совершенно иной, если девиз «Служу своему государю!» наконец сменится и в чести станут гордые слова — «Служу своему государству!»

Эти мои отвлеченные размышления следует понимать так, что, на мой взгляд, правительство Черномырдина было сложено из разных людей. Были в нем сильные профессионалы, были и те, кого пропихивали в исполнительную власть всевозможные группы и группировки, обосновавшиеся в коридорах Кремля и администрации президента на Старой площади.

Я всегда удивлялся умению Черномырдина маневрировать среди этих разнонаправленных течений. Иногда мне казалось, что ему не хватает жесткости при отстаивании собственных позиций. Что его мягкость и деликатность можно приберечь для другого случая.

Приход в правительство Анатолия Чубайса, Бориса Немцова и Альфреда Коха ознаменовался тем, что еженедельные заседания в кабинете премьер-министра, которые проводились Черномырдиным по понедельникам в половине десятого утра, стали начинаться на четверть часа позже обычного.

Такого раньше никто себе не позволял. Заседание обычно начиналось минута в минуту. Но эта молодая команда просто опаздывала к началу и появлялась, как правило, одновременно, демонстрируя остальным членам правительства свою независимость.

Думаю, что эти нарочитые опоздания и улыбки должны были символизировать особую степень свободы, которую давал Чубайсу, Немцову и Коху карт-бланш президента действовать в правительстве по своему усмотрению, и то, что они считают Черномырдина отыгранной картой.

Ребята они были неглупые и хорошо понимали, что политическая смерть Черномырдина, которого они держали, видимо, за сказочного Кощея, таится вовсе не в игле, а в праве распределять трансферты — денежные суммы, отправляемые в регионы для покрытия многочисленных расходов.

В стране, где большинство регионов в силу экономической несостоятельности дотируются из государственной казны — настоящим председателем правительства является тот, кто наделен правом подписи этих финансовых документов.

Только к нему выстраивается очередь из республиканских президентов и губернаторов. Только он обладает подлинным влиянием и властными рычагами. От его решения зависит — дать или не дать денег большим и малым регионам, которые полностью зависят от трансфертов. Их, по заведенному правилу, ежемесячно, 26 числа, лично распределял председатель правительства В.С. Черномырдин.

Схема, придуманная командой А. Чубайса, была по-своему остроумна и в то же время незамысловата.

Накануне заседания правительства, поздним вечером, часов в десять, из Министерства финансов приходил проект постановления, который, в силу своего позднего появления, автоматически ставился в самом конце будущей повестки дня и заявлялся в ней как дополнительный.

Документ, внешне совершенно безобидный, тем не менее, содержал 2–3 ударных строки или пункт, которые на самом деле и должны были изменить существующий порядок вещей.

Расчет делался на то, что к обеду измотанные обсуждением нескольких «основных» вопросов повестки дня члены правительства проголосуют за что угодно, даже не вникая в суть документа.

У кого-то дела, у кого-то обед... Никто и глазом не успеет моргнуть, как решение, принятое мимоходом, обретет силу решения правительства РФ со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Документ, который должен был пройти на следующий день именно по этой схеме, наделял А.Б. Чубайса, министра финансов и первого вице-премьера, правом распределять трансферты без участия Черномырдина.

В секретариате вице-премьера работали очень добросовестные сотрудники. Установившаяся практика позволяла к началу рабочего дня подготовить для меня экспертную оценку любого документа, даже если он поступил глубокой ночью. Так было и на этот раз.

Всесторонняя экспертная оценка свидетельствовала, что я оказался прав.

Поэтому на следующий день, во время десятиминутного перерыва в заседании правительства, когда Черномырдин вызвал меня по какому-то стороннему делу, я прежде всего спросил, читал ли он проект постановления, который будет обсуждаться в самом конце заседания. «Нет, не читал, — признался Виктор Степанович. — А что там такое?» «А вы почитайте, — ответил я и протянул ему лист бумаги. — Вот здесь написано, что министр финансов распределяет 26 числа каждого месяца деньги по каждому субъекту Федерации. В

нашей ситуации это означает, что это не вы, а Чубайс берет управление страной в свои руки, так как трансферты — это донорская кровь, без которой многим регионам просто не выжить».

На Черномырдина это известие произвело должное впечатление. «Хорошо, — согласился он, — я обязательно скажу, что распределение трансфертов остается за мной».

Когда же очередь дошла до этого злополучного документа, а я высказал свое мнение, Анатолий Борисович Чубайс просто побагровел.

Знаю, что, вернувшись к себе, он даже затеял расследование и сетовал на то, что в его окружении появился предатель, питающий Куликова важной информацией. Но в этом не было и доли правды. Главным во всей этой истории для меня оставалось то, что рычаги управления страной оставались все-таки в руках Черномырдина.

Превентивные Удары

Мой официальный визит в Израиль шел строго по заранее согласованному протоколу. После встречи с премьер-министром Биньямином Нетаньяху предстояла аудиенция у президента этого государства, который по существующим здесь правилам выполняет, скорее, представительские функции. Поэтому президентами Израиля становятся люди заслуженные, известные, олицетворяющие собой живую историю этого небольшого ближневосточного государства, появившегося на карте лишь после окончания Второй Мировой войны.

Как мне было известно, президент Израиля Эйзер Вейцман во время этой войны сражался в рядах антигитлеровской коалиции: был офицером, летчиком в военно-воздушных силах Великобритании.

Оказавшись лицом к лицу с Вейцманом, я сразу же почувствовал добрую человеческую симпатию, которую излучал этот пожилой, крепкий человек, представляющий, помимо Израиля, еще и поколение моего отца.

Я заметил, что во время беседы президент как-то странно поглядывал на меня, будто хотел задать не протокольный, а интересующий только его одного вопрос. В конце концов он нашел удобную паузу и очень вежливо поинтересовался: «Скажите, господин генерал, а на каком фронте в годы Второй Мировой войны вам пришлось воевать?..»

Поначалу я опешил. «То ли я так неважно выгляжу, — подумал я, — то ли президент, мягко говоря, принимает меня за другого человека...» Но потом, сообразив, что заблуждение Вейцмана основано исключительно на уважении к моему высокому воинскому званию генерала армии (он просто не мог поверить, что мне чуть больше пятидесяти лет), громко рассмеялся: «Я, — говорю, — господин президент, всего лишь 46-го года рождения... Воевать мне пришлось на другой войне. Но мой отец, он, действительно, штурмовал Берлин, служил в артиллерийской батарее».

Эйзер Вейцман несколько смутился, но мы быстро сгладили возникшую неловкость. Расстались по-дружески. Как два офицера, которым есть, что рассказать друг другу.

На обратном пути, в самолете, я еще раз вспомнил об этом разговоре и даже не улыбнулся. Скоротечное историческое время, на стремнине которого оказались я и мои ровесники в России, на самом деле вместило в себя столько событий, предательств, смертей и тревог, что их без преувеличения хватило бы на несколько человеческих жизней...

* * *

Вечером 18 декабря 1997 года в здание Главного управления по борьбе с организованной преступностью МВД России (Сокращенно — ГУБОП МВД РФ. — Авт.) прибыл некто Балауди Сайдулаевич Текилов, представившийся полномочным представителем Государственной комиссии при президенте России по розыску. Пояснил, что занимается проблемой обмена находящихся в Чечне заложников и предъявил удостоверение

данной комиссии № 007 на свое имя. Этот же документ наделял обладателя удостоверения правом на хранение и ношение пистолета «BERETTA» № G69 451Z. Собственноручная подпись секретаря Совета безопасности РФ Ивана Петровича Рыбкина под разрешением на оружие не оставляла сомнений в том, что вышеозначенный Текилов — человек серьезный. Что дело, которым он занят в Москве, является важным и, возможно, сопряжено со смертельной опасностью.

Сам по себе этот рядовой факт обыденной милицейской жизни вряд ли бы заинтересовал меня — в конце концов, мало ли вооруженных людей проходит ежедневно через контрольно-пропускной пункт ГУБОПа на Сухаревке, — если бы не одно, выяснившееся несколько позднее, обстоятельство: Текилов с пистолетом и совбезовским удостоверением в кармане был вовсе не тем человеком, за которого себя выдавал.

В справке, которая через пять дней легла на мой рабочий стол, первый заместитель министра внутренних дел генерал-лейтенант милиции Владимир Васильев сообщал следующее: «В ходе беседы Б.С. Текилов был опознан как находящийся в федеральном розыске гражданин Рустам Русланович Хасбулатов (Не путать с Русланом Имрановичем Хасбулатовым, бывшим председателем Верховного Совета РСФСР. — Авт.), 1967 года рождения, уроженец Целиноградской области Казахской ССР...»

В ходе проверки было установлено, что Рустама Руслановича Хасбулатова, спрятавшегося под личиной Текилова, по подозрению в совершении преступлений разыскивают одновременно и Назрановский городской отдел милиции (Республика Ингушетия), и Волоколамский районный отдел внутренних дел (Московская область). Имелась санкция на его арест, а соответствующий документ обязывал каждого российского милиционера, где бы он ни находился, принять меры к задержанию Хасбулатова, подозреваемого в преступлениях, предусмотренных несколькими статьями Уголовного кодекса РСФСР.

Именно так и поступили с Хасбулатовым-Текиловым, как только он был опознан. Угрозы и документы с гербовыми печатями и подписью высокого государственного чиновника не смутили и не испугали офицеров милиции: в ГУБОПе уже давно никто не удивлялся тому, что даже самые одиозные «воры в законе» и прочие уголовные «авторитеты», как правило, имеют очень надежные документы прикрытия и ходят в друзьях у видных политиков, чиновников и бизнесменов. Не сделали исключения и для Рыбкина, тем более что его подпись под разрешением на хранение и ношение оружия, по сути, не имела никакой силы. Подобное разрешение Текилов мог получить только в органах внутренних дел. Однако он был не настолько глуп, чтобы иметь дело со структурами МВД, ведущими его розыск по всей России.

Среди бумаг, обнаруженных у Текилова при задержании, значились несколько командировочных удостоверений на его имя, где он именовался «полномочным представителем президента РФ в Чеченской Республике», переписка заместителя секретаря Совета безопасности РФ Бориса Абрамовича Березовского с Салманом Радуевым и Шамилем Басаевым по поводу освобождения чеченцев и организации встреч прибывающих в Чечню иностранцев, а также личные послания «бригадного генерала Радуева» «полковнику Текилову» с просьбами о сборе в Москве денежных средств на покупку оружия и иные, связанные с войной, расходы.

Честно говоря, я не возьмусь утверждать, какая из двух фамилий задержанного нами человека является подлинной. Текилов объяснил, что сменил имя, отчество и фамилию в 1997 году, в связи с чем в МВД Ичкерии в том же году ему выдали новые документы. По тем сведениям, которые мы получали из Чечни от наших доверенных лиц, смена установочных данных практиковалась там довольно широко и стоила недорого: тысячи чистых паспортных бланков были захвачены чеченцами еще в 1991 году, в пору провозглашения независимости, и впоследствии активно использовались для легализации разведчиков, диверсантов, а также матерых уголовников, которые подпитывали криминальную экономику республики отчислениями от финансовых афер, рэкета, киднепинга и грабежей, совершавшихся

чеченскими ОПГ (Организованными преступными группами. — Авт.) на всей территории России.

Так или иначе, но Текилов был задержан сотрудниками милиции и передан инициатору розыска (Волоколамскому РОВД) для исполнения судебного решения.

Я и представить себе не мог, что задержание этого рядового уголовника вызовет настоящую бумажно-телефонную бурю, в которую будут вовлечены не только руководители Совбеза, но даже первые лица в администрации президента России.

Вскоре, едва сдерживая сановный гнев, мне позвонил заместитель руководителя президентской администрации Евгений Савостьянов. Начал пугать, что чеченцы в отместку могут захватить тех россиян, что ведут розыск заложников на территории Чечни. Я развел руками: «Евгений Вадимович, даже если вы прикажете, я все равно не имею права освободить человека, объявленного во всероссийский розыск. Текилов — обыкновенный уголовный преступник. Есть розыскные дела. Есть санкция прокурора на арест».

Отвечал я Савостьянову твердо, но вполне доброжелательно, думая, что Евгений Вадимович стал жертвой какого-то заблуждения или непроверенной информации. Ведь чеченцы довольно часто подсовывали нам в качестве своих «полномочных представителей» людей с уголовным прошлым — сомнительных, коварных, зачастую запачканных кровью. Предупредить об этом одного из руководителей администрации президента России являлось моей прямой обязанностью. Несмотря на то, что бывший чекист Савостьянов имел возможность «пробить» данные на Текилова и без моей скромной помощи.

Что касается опасности для членов комиссии при президенте России по розыску без вести пропавших и насильственно удерживаемых лиц, то она существовала всегда, если эти люди были честны и не шли на сговор с похитителями заложников.

Однако я не сомневался, что даже Казбек Махашев, министр внутренних дел Ичкерии, которого я помнил с 1991 года подполковником внутренней службы МВД СССР и начальником следственного изолятора в Грозном — об этом подробно рассказано в главе «Мятежная территория», — даже он, являющийся искушенным охранником осужденных и подследственных, поймет и примет железную логику наших милиционеров. Ведь Текилов был задержан на законных основаниях. Всероссийский, федеральный розыск — это машина, остановить которую может только срок давности преступления или законное решение. Неотвратимость наказания — один из важнейших принципов, который позволяет поддерживать порядок в стране. Я не знаю таких причин, ради которых мы могли бы от него отказаться.

Но не так, видимо, думал Евгений Савостьянов.

В тот же день, 23 декабря, он направляет в адрес председателя правительства РФ В.С. Черномырдина официальное письмо на бланке администрации президента России. Привожу его наиболее важные фрагменты в редакции автора:

«Уважаемый Виктор Степанович! Вечером 18 декабря с.г. в Москве, в здании Главного управления по организованной преступности МВД России, был задержан Текилов Балауди Сайдулаевич... Задержание связано с тем, что, возможно, Текилов под другой фамилией находится в розыске за совершенное в 1994 году преступление.

...Учитывая, что чеченская сторона представила документальное подтверждение того, что Текилов является членом комиссии и командирован в Москву, факт его задержания свидетельствует, что мы не гарантируем безопасности любому члену официальных делегаций Чечни, прибывающих в Москву на переговоры. Это в корне меняет сложившийся стереотип в отношении официальных лиц России и Чечни и, соответственно, лишает гарантий безопасности представителей РФ, направляемых в ЧР.

...В сложившейся ситуации необходимо либо принять решение об его освобождении, либо предупредить сотрудников аппарата правительства, администрации президента и других ведомств о том, что их безопасность на территории Чеченской Республики больше не может быть обеспечена их официальным статусом.

Прошу решить.

Заместитель руководителя
администрации президента РФ
Е. Савостьянов».

Хочу обратить внимание читателей на то, как мягко и ненавязчиво подвергается сомнению сам факт объявления Текилова-Хасбулатова в федеральный розыск. В огласовке Савостьянова Текилов лишь «возможно» «находится в розыске за совершенное в 1994 году преступление»...

Теперь самое время разъяснить, кого так настойчиво пытался освободить Савостьянов.

Среди бумаг, которые самоуверенный Текилов имел при себе в момент задержания, в глаза бросались два письма, написанные кизлярским палачом Салманом Радуевым. Первое письмо на бланке «Общества ветеранов Первомайского сражения» адресовано «полковнику Текилову» (Здесь и дальше письма Радуева приводятся в редакции их автора. — Авт.): «Балауди! Не дождавшись тебя и Ваху, я уехал в Гудермес... Ситуацию ты видишь, выручай, брат. Мне нужны семь тысяч долларов... Ваха остальное все устно объяснит. Организуй мне эту сумму и передай через Ваху. Тем самым ты меня здорово выручишь перед атакой шакалов. Твой старший или младший брат генерал Салман Радуев».

Второе письмо — уже на бланке «Армии генерала Дудаева» — не оставляло сомнений в том, на какие нужды требуются эти деньги: «Балауди! Срочно нужны шесть тысяч долларов для нашего общего дела. Передай через Ваху всю сумму. Деньги нужны до вечера. Пахнет большой партией оружия. Надо отдать задаток 6+4 — всего десять штук (остаток 4 тысячи у меня есть). Смотри не подведи. Если у тебя нет под рукой, организуй в другом месте. Твой брат Салман».

Эта деловая переписка самозванного бригадного генерала с самозванным полковником, однако, странным образом согласовывалась с событиями, которые двумя неделями раньше произошли очень далеко от Москвы и не могли не встревожить руководство МВД, которое не испытывало ни малейших иллюзий по поводу истинных намерений Текилова: «Установлено, что в период с 1 по 3 декабря 1997 года при содействии руководителей так называемого «Комитета чеченцев-аккинцев по восстановлению Ауховского района в составе Чеченской Республики» в Новолакский район Дагестана через Хасавюрт была переброшена партия оружия. Инициатором и руководителем переброски был Салман Радуев, участниками — сотрудники отдела разведки и контрразведки «Армии имени Дудаева». Вероятно, для переброски оружия использовались заверенные полые лонжероны жесткой сцепки, скрытые полости и масляные картеры двигателей автомобилей «КамАЗ...»

Я не стану обвинять Евгения Вадимовича Савостьянова в злонамеренности. Очень часто российские государственные чиновники оказывались неразборчивы и доверчивы. А как иначе объяснить, что под их опеку попадали люди, основная деятельность которых была связана не столько с освобождением заложников, сколько с добычей денег на будущую войну в Дагестане, закупкой оружия и ведением разведывательной деятельности. Думаю, именно о таких, как Савостьянов и Рыбкин, говорил циничный Салман Радуев в том же 1997 году, наставляя выпускников одной из диверсионных школ «Армии генерала Дудаева»: «Берите в заложники, убивайте — Аллах простит вас. А на крики политиков внимания не обращайтесь. Это не более чем шумовая завеса...»

* * *

Несколько иной характер, на мой взгляд, носила деятельность другого фигуранта этой истории — Бориса Абрамовича Березовского, занимавшего в то время пост заместителя секретаря Совета безопасности РФ.

Адресованные Березовскому письма Радуева, найденные во время задержания Текилова, носили сугубо деловой характер и свидетельствовали о том, что активный обмен удерживаемых в Чечне заложников на уголовных преступников из числа чеченцев, содержащихся в российских следственных изоляторах и колониях, был поставлен на

широкую ногу и обеспечивался прикрытием на высоком государственном уровне.

Ни для меня, ни для общества подобные обмены не являлись тайной. Время от времени из российских следственных изоляторов, действительно, этапировались в Чечню для «отбытия наказания» осужденные за уголовные преступления чеченцы и ингуши — члены этнических преступных группировок, действовавших во всех сколько-нибудь состоятельных регионах России.

Чеченские ОПГ, как и другие этнические преступные группировки — азербайджанская, грузинская, армянская, дагестанская, вьетнамская и прочие, с одной стороны, являются лишь частью многоликого и многонационального сообщества российских уголовников, с другой стороны, часто действуют обособленно и, если это выгодно, могут легко пренебречь теми правилами, что устоялись в российской криминальной среде.

Они стали серьезной силой во многих крупных городах страны, и с этим нельзя было не считаться. Самые кровопролитные гангстерские войны, криминальный дележ территорий и сфер влияния не обошлись без чеченцев. И хотя почерк чеченских ОПГ зачастую не отличим от других группировок, милицейские аналитики склонны считать, что чеченских уголовников отличает особая сплоченность, особая дерзость при исполнении преступлений и необычный характер мобилизации рекрутов в преступные группы. Мне известен, например, случай, когда в чеченскую ОПГ, действовавшую на территорию Москвы, молодые чеченские парни отряжались словно на заработки, по решению старейшин одного из тейпов (родов). То есть говорят человеку: дескать, в этом году будешь бандитом, а в следующем — поедешь в горы на сенокос... И он вынужден подчиниться, так как не может идти наперекор родовым вождям, которые получают свою долю от криминальной добычи.

Может, это исключительный случай, но он был.

В данном случае происходит довольно странное явление, когда вор, бандит и убийца вовсе не чувствует себя отщепенцем или изгоем общества. Командированный в преступную группировку, он убивает и грабит в Москве или в Санкт-Петербурге, оставаясь в глазах соплеменников удачливым добытчиком и опорой семьи. В Чечне он этого не делает. Там действует иная шкала ценностей, в соответствии с которой дома он — примерный семьянин, отважный воин, законопослушный сын и любящий отец, чей социальный статус ничуть не уменьшается от того, что весь остальной мир считает его законченным душегубом.

Далеко не всегда бывает так, как описано мной, но случается... Поэтому обычный российский преступник-рецидивист, проведенный в лагерях и тюрьмах долгие годы, как правило, не встречает в обществе сочувствия, теряет родственные и социальные связи и вынужден заканчивать жизнь в качестве обыкновенного бродяги. Чеченец, имеющий за плечами точно такую же биографию, может надеяться на то, что, вернувшись домой, обретет родственную опеку и не будет урезан в собственных правах. Причиной этому являются особенности национального характера чеченцев, горские обычаи и нелегкая судьба этого народа, пережившего ссылку и массовые репрессии. Там мгновенно отделяют своего от чужого.

Криминализация российского общества в 90-е годы XX века способствовала притоку чеченцев в гангстерские ряды и, следовательно — в изоляторы, тюрьмы и лагеря, где дожидались суда или отсиживали сроки наказания тысячи уроженцев мятежной республики. Обычно профессиональные уголовники довольно равнодушно относятся к политическим переменам и не симпатизируют властям, в какие бы цвета — красный, белый или зеленый — ни рядилась их идеология. Считается, что классический вор наднационален и находится в перманентной борьбе с любой властью, которая хочет упрятать его за решетку. Что же касается чеченских ОПГ, то нам приходилось отмечать не только их тесную взаимосвязь с лидерами сепаратистов, но и то, что деятельность этих преступных групп напрямую управлялась из мятежной республики, подпитывая криминальный режим Дудаева — Яндарбиева — Масхадова деньгами от проданных наркотиков и оружия, от рэкеты и проституции, от финансовых афер, концы которых бесследно исчезали в Чечне, как и сами преступники, использовавшие ее территорию для перегруппировки. Некоторые ОПГ по

приказам из Грозного выполняли диверсионные и разведывательные операции в российских городах.

Об этом неоднократно говорилось в обществе, и я не собираюсь тратить время на описание нравов новоявленного пиратского государства, выстроенного по законам волчьей стаи.

Напомню лишь, что именно в эти годы захват и обмен заложников на уголовных преступников из числа чеченцев приобрел невиданные масштабы и обернулся для одних россиян бедой и слезами, а для других — прибыльным посредническим бизнесом.

Как министр внутренних дел я знал о нескольких случаях обменов, проводившихся по инициативе сотрудников Совета безопасности.

Технология этого дела была чрезвычайно сложна, так как предполагала существование длинной цепочки посредников. В конечном счете мы не освобождали преступников из заключения, а передавали их чеченской стороне для отбывания наказания на территории республики, которая де-юре являлась частью территории Российской Федерации. Конечно, мы понимали, что в Чечне их освободят, но с формальной точки зрения никакого нарушения закона здесь не было.

Каково мое собственное отношение к подобным «спецоперациям»? Признаюсь, мне это было не по душе, хотя общественное мнение в России в то время приветствовало подобный размен. После капитуляции Лебеда в Хасавюрте и вывода федеральных войск из Чечни — долгом России было возвращение домой тех военнослужащих и гражданских специалистов, которые по разным причинам удерживались чеченцами на территории республики. Одних удалось отбить силой, других вымолили солдатские матери, третьих, благодаря личным связям, вывезли из Чечни политики. Но, думаю, большинство пленников удалось спасти лишь в результате обмена, который, как всякий торг, нуждался в опытных и энергичных менеджерах. В качестве такового и проявил себя на посту заместителя секретаря Совбеза Борис Абрамович Березовский.

Участие МВД в этом процессе ограничивалось технической функцией этапирования предназначенного к обмену уголовного преступника к границам Чечни. Надо сказать, что МВД препятствовало фактическому освобождению особо опасных преступников и каждый случай выдачи преступника правоохранительным органам Ичкерии рассматривался в ГУИНе отдельно.

Мы хорошо понимали, насколько опасны подобные компромиссы с бандитами. Поощряемые крупными российскими чиновниками чеченцы очень скоро вошли во вкус и развернули массовые и одиночные похищения людей, можно сказать, в промышленных масштабах.

В моих словах нет цинизма. За счет киднепинга кормились в Чечне целые села. Каждый мало-мальски значимый полевой командир или лидер, такие как Мовлади Удугов, Ваха Арсанов и прочие, для содержания заложников имели свои собственные «домашние» тюрьмы. Те, кому довелось в них оказаться, годами жили в нечеловеческих условиях и нередко принимали смерть от болезней и побоев или тогда, когда за пленника не удавалось получить выкуп.

По имеющейся в МВД России информации, к похищению журналистов одной из ведущих телекомпаний страны — НТВ: Елены Масюк, Ильи Мордюкова и Дмитрия Ольчиева, имел непосредственное отношение вице-президент Чеченской Республики Ичкерия Ваха Арсанов и некоторые члены чеченского правительства.

Чувства россиян можно было понять: никаких денег, а тем более преступников не жаль, если речь идет о жизни и свободе попавших в беду россиян! Но тут, как говорится, протянешь палец — откусят руку... Ради выкупа стали похищать целые строительные бригады. Состоятельных людей и их родственников захватывали на улицах мирных российских городов и тайно вывозили в Чечню. Я уже не говорю о жителях приграничных с Чечней районов или солдатах, которых начали красть в Дагестане, когда закончился запас тех, что были пленены в результате боевых действий.

Это был разветвленный, хорошо отлаженный бизнес, в котором участвовали сотни людей. Самые умные и самые подлые из них хорошо понимали, что этот круговорот денег, заложников и преступников может принести и существенные политические дивиденды. В глазах тысяч россиян такой посредник — особенно когда громкими терминами о «спецоперации» прикрыта банальная передача денежного выкупа — выглядит по меньшей мере спасителем и чудотворцем.

Нет ничего удивительного, что подобная практика способствовала тому, что захват заложников начал приобретать лавинообразный характер. Уже после моей отставки в Чечне выкрали полномочного представителя президента России в Чечне Валентина Власова, руководителя миссии ПАСЕ Винсента Коштеля и представителя МВД РФ в ЧР Геннадия Шпигуна. Генерал Шпигун, к сожалению, погиб в неволе. Остальных удалось освободить в результате спецопераций, детали которых мне неизвестны.

Спрос рождал предложение, и довольно скоро значительная часть российского и ичкерийского истеблишмента работала в индустрии обмена заложников почти на профессиональной основе. Людей захватывали все чаще и чаще. Все чаще и чаще в этой связи мелькали в средствах массовой информации имена Бориса Березовского, Владимира Рушайло, Магомеда Толбоева, Надира Хачилаева, Салмана Радуева, Вахи Арсанова, Арби Бараева и др. Доходило до того, что сразу после того, как были избиты Фатима Таймасханова и Асет Дадашева, совершившие 28 апреля 1997 года террористический акт на железнодорожном вокзале в Пятигорске (В результате взрыва радиоуправляемого взрывного устройства погибли два человека и более двадцати были ранены. — Авт.), иные государственные чиновники уже потирали руки. «Наверное, это будет обменный фонд», — говорили они откровенно, а мои доводы о том, что этот порочный круг следует разорвать как можно скорее, не производили на них ни малейшего впечатления.

Хотя, как следует из писем Радуева Березовскому, чеченские полевые командиры не очень-то считались с громкими титулами своих российских партнеров. «Прошу не затягивать...», «Срочно организуйте освобождение из-под следствия и суда Российской Федерации одиннадцать наших граждан!..», «На каком основании???» — таковы прямые цитаты и общая тональность обращений бандита С. Радуева к заместителю секретаря Совета безопасности Российской Федерации Березовскому...

Когда Текилов был задержан, Борис Абрамович мне, конечно, сразу же позвонил. Пожаловался, что из-за этого срывается передача в Чечню нескольких чеченцев, находящихся в следственных изоляторах Москвы и Санкт-Петербурга. Говорит мне: «А.С., надо бы их освободить... Я обещал!» На что я довольно прохладно ему заметил: «Вы обещали, вот и освобождайте!..»

У меня уже давно не было сомнений, что активность Березовского на чеченском направлении являлась частью согласованной политики одной из влиятельных кремлевских групп, которая загодя готовила себе спокойное и безбедное существование на случай ельцинского ухода из власти. По меткому замечанию людей, близко знающих Березовского, «его талант состоит в филигранном умении бежать по льдинам и своевременно перепрыгивать на ту, которая еще надежная...» Чечня была нужна Березовскому в качестве политического рычага, с помощью которого он мог бы переключать скорости политической жизни России по собственному желанию и в нужное для себя время.

Не зря силуэт Березовского угадывался за спиной Александра Лебеда и в тот день 1996 года, когда подписывалось в Хасавюрте предательское соглашение с чеченскими сепаратистами, и гораздо позднее, когда Лебедь стал губернатором Красноярского края. Не скрывая при этом, что собирается использовать этот пост в качестве очередного политического трамплина для завоевания верховной власти в стране.

Березовский хорошо понимал, что никто из заметных российских политиков, кроме Лебеда, имевших в тот период мнимые или реальные возможности на победу в президентских выборах — ни Юрий Лужков, ни Геннадий Зюганов, ни Евгений Примаков, ни Григорий Явлинский, не станут давать по-настоящему надежных гарантий безопасности

ни ему самому, ни его сомнительному бизнесу.

Именно его фигура маячила за спиной нового секретаря Совета безопасности РФ Ивана Петровича Рыбкина, прозванного в узком кругу Ни Рыбкиным, ни Мяскиным — за безволие и неспособность заниматься хоть сколько-нибудь ответственной государственной работой. Это можно подтвердить хотя бы тем, что концепции национальной безопасности на заседаниях Совета безопасности в том же 1997 году было уделено 45 минут... По воле Ивана Петровича эта концепция была представлена для обсуждения Совбеза в сыром, не согласованном с силовыми структурами виде и содержала ряд абсолютно ошибочных положений. В ней, например, исключалась вероятность ведения крупномасштабных боевых действий при защите страны и навязывались предложения о резком сокращении армии и мобилизационных ресурсов.

Я — не сторонник раздутых военных штатов, когда живущая по карточкам и продуктовым талонам страна должна содержать многомиллионную армию, но хорошо знаю наперед (после войн в Ираке, Югославии и Афганистане), каким будет отношение к России, если вместо мощных Вооруженных Сил мы сможем предъявить лишь показательный спецназ и ритуальный полк кремлевской стражи.

Впоследствии политические аналитики так подведут итог работы Совета безопасности, которым в тот период руководили в основном на пару — председатель И.П. Рыбкин и заместитель председателя Б.А. Березовский: «Деятельность обоих чиновников в Чечне никакими особыми успехами увенчана не была. Основные усилия Рыбкина и его заместителя были направлены на поиск формулы, которая бы устраивала чеченское руководство и хотя бы на словах обеспечивала присутствие Чечни в составе РФ. Чечня же оставалась «черной дырой», в которой исчезали трансферты, выделенные Министерством финансов РФ...»

Для того, чтобы понять, насколько слаженной была работа двух этих государственных чиновников, следовало бы вернуться в апрель 1997 года, в самые последние дни, когда ни о каком Текилове еще не было речи, а пристальное внимание министра внутренних дел А.С. Куликова было обращено на иные, стремительно текущие друг за другом события...

26 апреля в аэропорт «Слепцовский» (Республика Ингушетия) из Москвы с сумкой денег прилетел доверенный человек Березовского — Бадри Шалвович Патаркацишвили. В сумке было десять миллионов долларов наличными. Из конфиденциальных источников информации мне были известны не только физические размеры сумки с деньгами, но также и то, что в аэропорту она была передана из рук Патаркацишвили в руки объявленного в федеральный розыск Шамиля Басаева. Отдана — в присутствии президента Ингушетии Руслана Аушева.

Получив деньги, бандит и убийца Басаев совершенно спокойно удалился обратно в Чечню. Для того, чтобы обеспечить его беспрепятственный выезд на территорию мятежной республики, в сопровождающие Басаеву был выделен заместитель министра внутренних дел Ингушетии, подполковник Хамзат Дзейтов.

28 апреля на железнодорожном вокзале в Пятигорске прогремел взрыв, устроенный Дадашевой и Таймасхановой. Арестованные по горячим следам, они покажут на допросах, что совершили террористический акт по приказу Вахи Джафарова, начальника штаба так называемой Армии генерала Дудаева, которую возглавлял неоднократно упоминавшийся мной Салман Радуев. Погибли два человека, в том числе несовершеннолетняя Лена Айбазова. Более двадцати — получили ранение, подчас тяжелейшие: две женщины лишились ног, еще двое потерпевших остались без глаз. На мои слова, что в ответ на подобные злодеяния Российская Федерация должна ответить превентивными ударами по базам боевиков на территории Чечни, немедленно среагировал секретарь Совета безопасности РФ Иван Рыбкин.

Его голос почти дрожал от негодования: «Куликов вздыбил всю Россию!!!»

Надо же, стоило только заикнуться о справедливом возмездии, чтобы тут же получить гневную отповедь от Рыбкина, не упускавшего, впрочем, ни малейшей возможности для пропаганды миротворческих усилий своего деятельного заместителя.

Еще через день, 30 апреля, в Малгобекском районе Ингушетии будет найден труп подполковника Дзейтова, отряженного сопровождать Ш. Басаева и денежный груз до административной границы Чечни и Ингушетии. Не исключаю, что истинной причиной его смерти являлась причастность к упомянутым мной событиям. Возможно, так заметались следы сговора, масштабы которого позволяли считать жизнь заместителя министра внутренних дел республики разменной монетой. Однозначно утверждать не берусь, так как не знаю результатов следствия по уголовному делу, которое было возбуждено в связи с гибелью этого высокопоставленного офицера милиции.

30 апреля я прилетел в город Сочи, чтобы доложить отдыхающему в резиденции «Бочаров ручей» президенту России Б.Н. Ельцину об обстановке в стране.

В разговоре упомянул о деталях встречи Патаркацишвили с Басаевым в аэропорту «Слепцовский». Перечислил действующих лиц и назвал сумму.

Моя информация не произвела на Ельцина никакого впечатления. Поначалу даже показалось, что президент меня не понял, и я счел нужным повторить слово в слово то, что было сказано ранее, но с добавлением в конце собственного комментария: «Борис Николаевич, мне кажется, что Березовский передал чеченцам не свои деньги. Скорее, это деньги из бюджета...»

На что Ельцин нехотя отозвался: «Конечно, не свои... Какой же дурак будет отдавать бандитам свои деньги?..»

Сказал коротко и тут же замолчал, давая понять, что этот разговор ему неинтересен. Я сделал для себя вывод: либо президент уже не контролирует людей из своего окружения, либо просто предпочитает не вмешиваться в грязные дела, вершащиеся за его спиной.

Но при первой же встрече с Березовским, которая состоялась в мае того же года в кабинете вице-преьера правительства РФ Бориса Ефимовича Немцова, я не стал скрывать, что знаю о полете его доверенного человека в Ингушетию и задал прямой вопрос: «Борис Абрамович, почему вы возите деньги бандитам?»

«Какие деньги?» — смешался он. «А вот такие, — сказал я, — десять миллионов долларов, которые ваш Бадри Патаркацишвили отдал бандиту Басаеву в присутствии руководителей Ингушетии».

По тому, как начал заикаться Березовский, я понял, что моя осведомленность оказалась для него сюрпризом. «Ну, во-первых, там было не десять миллионов долларов, а только один», — отбивался он, еще не зная, насколько точна оперативная информация, которой я располагаю. «Ну хотя бы и один, — настаивал я, — что это за деньги?!»

«На строительство цементного завода», — парировал Борис Абрамович. «Вы, — он кивнул в мою сторону, словно причесывал всех военных под одну гребенку, — не принесли мир Чечне. А вот я помогаю восстанавливать республику! Это моя гражданская позиция!..»

Ничего себе позиция!.. Пользуясь тем, что вход в высшие эшелоны власти, поставил на поток платное освобождение заложников и передает миллионы долларов закоренелому террористу Басаеву, в биографии которого, кроме изгнания из Московского института инженеров землеустройства за хроническую неуспеваемость, нет больше никаких ссылок на причастность к созидательному труду. Самолет из аэропорта Минеральных Вод — это точно — угонял и больницу в Буденновске захватывал. Лично убивал. Лично насиловал. Лично грабил. Тоже мне, нашли зодчего!..

Я как в воду глядел. Отлились России эти «восстановительные», эти «цементные» деньги Березовского настоящими кровавыми слезами...

* * *

Предваряя выход своей книги, я рассказал об этом эпизоде журналистам газеты «Аргументы и факты».

Газета вышла, и уже наутро, встретившийся мне в здании Совета Федерации бывший президент Ингушетии Руслан Аушев решил меня поправить: «А.С., но там было только два

миллиона...» Я ответил: «Руслан Султанович, уже хорошо, что вы это признаете. А что касается суммы — Березовский утверждал, что Патаркацишвили привез один миллион долларов. Вы говорите, что два. По моей информации, их было десять». Тут я бесхитростно улыбнулся: «Значит, из нас троих кто-то врет...»

* * *

К началу 1998 года можно было подводить какие-то итоги моей работы в правительстве Российской Федерации. Более двух с половиной лет я являлся министром внутренних дел, совмещая (в течение последнего года) эту работу с должностью заместителя председателя правительства. В качестве вице-преьера курировал Государственную налоговую службу и налоговую полицию, Государственный таможенный комитет, Валютно-Экспортный контроль и Государственный комитет по резервам. Координировал деятельность Министерства по чрезвычайным ситуациям и гражданской обороне, а также железнодорожные войска. Отвечал в правительстве за экономическую безопасность.

Произошло это в силу естественных причин (один из ключевых министров, специалист в области безопасности, доктор экономических наук...), а также по стечению определенных обстоятельств.

Став министром в середине 1995 года, к началу 1996 года я уже хорошо представлял ситуацию, которая складывалась в Вооруженных Силах страны: в армии были съедена и израсходована большая часть так называемого неприкосновенного запаса. Части и соединения снабжались продовольствием и обмундированием прямо с колес, а кое-где обыкновенная нужда заставляла командиров и тыловиков урезать нормы довольствия.

Однажды я получил телеграмму от командира одного из сибирских полков внутренних войск: «Прошу принять меры. Третий день кормлю солдат комбикормом!»

Это был исключительный случай, но для меня он послужил сигналом, что содержание армии на голодном пайке неминуемо обернется бедой. Политика латания дыр себя исчерпала. Нужны чрезвычайные экономические меры в масштабе страны.

В начале марта встретился одновременно с министром обороны генералом Павлом Грачевым и руководителем Федеральной пограничной службы генералом Андреем Николаевым. Рассказал, что положение милиции и внутренних войск катастрофическое. Что на их содержание выделяется лишь треть определенных бюджетом денег. Спросил: «Мужики, может быть, у вас дела обстоят лучше?» Они покачали головами.

«Тогда, — сказал я довольно решительно, — предлагаю консолидированно выступить на ближайшем заседании Совета безопасности. Я распорядился подготовить соответствующие предложения в адрес президента и правительства по увеличению доходной части бюджета. Это предложения МВД. Готов их представить для всесторонней оценки ваших экспертов».

Грачев и Николаев были единодушны: «Мы тебя полностью поддерживаем. Давай, А.С., делай доклад на Совбезе...»

Такое заседание Совета безопасности вскоре состоялось. Вел его президент Б.Н. Ельцин.

В его конце я попросил слова и, зачитав памятную телеграмму из Сибири, обратился к президенту: «Вы — Верховный Главнокомандующий и должны знать, что армия питается как скот».

Ельцин рассвирепел и начал распекать Владимира Панскова, министра финансов.

Я попытался вклинить в одну из гневных пауз: «Хочу предложить пути выхода из создавшегося положения...» Но президент, оборвав меня на полуслове, очень сердито сказал: «С этими путями вы лучше разбирайтесь у себя, в правительстве...»

Сидевший неподалеку Черномырдин почти шепотом подтвердил: «А.С., доложите об этом в четверг».

В ближайший четверг, когда заседание правительства уже заканчивалось, свое

выступление я опять начал с чтения телеграммы.

Стояла мертвая тишина.

Я обвел взглядом своих коллег и продолжил: «Вот уже восемь месяцев я являюсь членом правительства. На каждом его заседании министры требуют выделения денег для решения по-настоящему важных проблем. Министров упрекнуть трудно: казна, что называется, пуста, в то время как каждый из нас чувствует, что мы приближаемся к катастрофе.

Как делить бюджет — знают все. Однако за эти восемь месяцев я не слышал предложений о том, как его наполнить. В качестве первоочередных мер МВД предлагает усилить государственный контроль за финансовыми потоками и за доходами государственной доли в собственности приватизированных предприятий.

Сегодня, — убеждал я, — март 1996 года. Кто из вас может сказать, какова прибыль от государственной доли собственности в акционерных обществах за январь и февраль этого года? Хотя бы приблизительно?.. А ведь это доля в собственности чрезвычайно прибыльных нефтяных и газовых компаний, предприятий автомобилестроения и т. д...»

Помню, меня поддержали министр путей сообщения Геннадий Фадеев и первый заместитель министра обороны Андрей Кокошин.

И хотя на следующий день большинство средств массовой информации уже наклеивали мне ярлыки «предводителя гражданской войны» и «коммуниста № 1», некоторые из предложенных мер все же вошли в конкретный план пополнения доходной части бюджета, а сам я, правда, несколько позднее, был назначен вице-премьером, отвечающим, в том числе и за это направление работы российского правительства.

* * *

Как правило, каждый из вице-премьеров до предела нагружен работой в разнообразных комиссиях и рабочих группах, которые создаются для того, чтобы отладить механизмы взаимодействия различных правительственных структур. Упрощенно это можно понимать и так, что каждый из заместителей председателей правительства является своеобразным «старшим министром», в ведении которого находятся целые направления российской экономики. В мою зону ответственности, помимо охраны общественного порядка, борьбы с преступностью и незаконными вооруженными формированиями на территории Чечни, входили и вопросы обеспечения доходов федерального бюджета.

Я был заместителем председателя одноименной правительственной комиссии и нес прямую ответственность за то, чтобы финансовые потоки, образованные, например, в результате налоговых сборов или таможенных пошлин, попадали в государственную казну без каких-либо изъятий.

Это очень сложная, опасная и неблагодарная работа, так как по долгу службы нужно вступать в противоборство с большим количеством людей, которые привыкли паразитировать на кисельных берегах этих подлинно молочных рек. Система налоговых и таможенных льгот давала возможность одним предпринимателям поднимать свой бизнес практически на пустом месте, в то время как другие вынуждены были уходить в тень, чтобы спасти свое дело от непомерных налогов и рэкетирских «крыш».

Об этом рассказывалось ранее.

К этому добавлю лишь то, что в результате жестких и справедливых мер нам удалось только в 1997 году прибавить в бюджет государства дополнительно около трех миллиардов долларов, с учетом возвращенных из-за границы капиталов.

В то время это были огромные и крайне необходимые государству деньги.

Устойчивые контакты с зарубежными правоохранительными структурами позволили отчасти прикрыть заслонки в тех финансовых трубопроводах, по которым уходили из страны «теневые» капиталы первых российских олигархов, казнокрадов и мошенников.

В то время еще отсутствовали соглашения о правовой помощи между Россией и

многими зарубежными государствами, поэтому некоторые экономические преступления, совершенные в нашей стране, можно было раскрыть лишь благодаря личным дружеским связям с директором Федерального бюро расследований (США) Луисом Фри и министром общественной безопасности Израиля Агвидором Кахалани, а также с руководителями полицейских структур в других странах (в Финляндии, Германии и других), в банки которых, как правило, адресовались денежные суммы, выведенные из России и кое-как «отстиранные» в многочисленных оффшорных зонах.

Постепенно стали сказываться и результаты операции «Чистые руки», целью которой было очищение органов внутренних дел от коррупционеров, предателей и специалистов по «крышеванию», то есть вымогательству денег от руководителей коммерческих предприятий под видом покровительства и защиты.

Те, кто ложился костями за сомнительные капиталы и политические позиции в окол Кремлевских и околуправительственных группах, занимавшихся окончательной «зачисткой» народного хозяйства бывшего Советского Союза, конечно, обладали определенными возможностями для нападения. Это были и оговоры в частных беседах наверху, и попытки некоторых олигархов внедрить в мое окружение своих ставленников, и резкие выпады в средствах массовой информации.

Но знаком того, что с позицией министра внутренних дел вынуждены считаться даже самые отвязные олигархи, послужил для меня заголовок в одной из ежедневных газет, который категорично утверждал, что «Анатолий Куликов вышел на заданную мощность».

Это соответствовало моим собственным ощущениям: кажется, я действительно «вышел на ту мощность», которую, помимо родителей, была задана мне собственным жизненным опытом, приобретенными знаниями и интеллектуальным ресурсом людей, которые меня окружали. А рядом со мной работали по-настоящему умные, талантливые профессионалы своего дела, имевшие в МВД России авторитет специалистов высшего класса. Это генералы — Владимир Васильев, Леонид Втюрин, Николай Гетман, Иван Голубев, Владимир Гордненко, Александр Дементьев, Сергей Игнатов, Игорь Карлин, Александр Карташов, Игорь Кожевников, Владимир Колесников, Владимир Коржов, Александр Костин, Александр Овчинников, Николай Першуткин, Сергей Радивил, Иван Сардак, Александр Сергеев, Валентин Соколов, Андрей Терехов, Владимир Тимошин, Владимир Федоров, Александр Чекалин, Сергей Шауро, Юрий Ямщиков, полковник Руслан Гитинов и подполковник Владимир Цхай. Искренних слов благодарности заслуживает работа моих помощников — генерала Александра Калинина, генерала Владимира Овчинского, генерала Александра Смирного, полковника Михаила Александрова, полковника Павла Афоняева, полковника Николая Журавлева, полковника Лидии Кореновой, полковника Анатолия Ларина, полковника Дмитрия Леньшина, полковника Василия Лукашова, полковника Николая Тарасенко.

Немаловажным казалось и то обстоятельство, что все последние месяцы, предварявшие отставку, я чувствовал поддержку и со стороны президента страны Б.Н. Ельцина.

В то же время хорошо понимал, что день ото дня множится число моих высокопоставленных недругов. Не раз вспоминал слова, некогда сказанные мне добрым знакомым генералом Владимиром Майданюком сразу после его отставки с поста заместителя министра внутренних дел Белоруссии. На мой вопрос, как он себя теперь ощущает, Майданюк ответил: «Ты знаешь, Анатолий, я давно приучил себя к мысли, что после расставания с должностью буду ездить на обычном троллейбусе. Поэтому и не переживаю. Когда это случится с тобой, советую, отнесись спокойно».

Персональная машина — это, конечно, ерунда. Далеко не самое важное. Но так он давал понять, что, в отличие от многих высокопоставленных чиновников или военных, которые в один прекрасный день оказались на улице, не делает фетиша из атрибутов власти — машин, кортежей, мигалок и прочего. Без них совершенно спокойно живут миллионы наших соседей, товарищей и знакомых.

С доброй улыбкой вспоминаю одну из своих официальных поездок в качестве

министра внутренних дел. Это был Иран, и тамошний мой коллега, будучи гостеприимным хозяином, предложил побывать в его загородной резиденции.

Как это принято в Иране, министр внутренних дел этого государства, к тому же занимал высокое положение в духовной иерархии. Но желая, видимо, лишний раз подчеркнуть незыблемость своих позиций в руководстве своей страны, во время одной из бесед обронил любопытную фразу. «Вы знаете, — сказал он мне, — я думаю, что моя политическая жизнь продлится до восьмидесяти пяти лет».

На что я со смехом ответил, что так далеко не загадываю. Что наша российская жизнь так динамична и непредсказуема, что я бы посчитал за счастье хотя бы просто дотянуть до шестидесяти...

Надо сказать, что начался этот день — день моей отставки — без каких-либо предчувствий или тревожных знамений.

23 марта 1998 года, как обычно в 8.00, я был уже на рабочем месте в здании министерстве на улице Житной и, по заведенному у нас правилу, принимал ежедневный доклад главнокомандующего внутренними войсками (С 1996 года так стали именоваться командующие ВВ МВД России. — Авт.) и ознакомился с теми материалами, которые должны были лечь в основу моего собственного — а это был понедельник — доклада президенту России об обстановке в стране.

Обычно я звонил Ельцину в 10.00.

На этот раз кремлевский коммутатор ожил на полчаса раньше. Позвонил руководитель администрации президента Валентин Юмашев и бесстрастно сообщил: «А.С., президент подписал указ об отставке правительства Черномырдина. До формирования нового кабинета министров прежний состав правительства остается на своих местах, кроме Черномырдина, Чубайса и Куликова. Они освобождаются от должности немедленно в связи с переходом на другую работу...»

Текст указа мне был понятен: я освобождался от работы немедленно, то есть с момента, когда голос Юмашева в трубке телефона правительственной связи сменял прерывистые гудки отбоя.

В русском слове «освободить» нет свободы. Сколько ни готовься к отставке, но, когда тебе сообщают об увольнении с работы, особенно если ты сам не писал заявлений «по собственному желанию», все равно приходится глотать комок горькой обиды. Такова уж человеческая природа — ничего с этим не поделаешь...

Выслушав Юмашева, попытался уточнить причину столь неожиданной отставки. Валентин Борисович замялся и ответил лишь, что таково решение президента. Правда, тут же попросил не вешать трубку. Со мной хотел переговорить находившийся в тот момент в администрации президента теперь уже бывший премьер-министр Черномырдин.

Бодрый голос Виктора Степановича не оставлял сомнений, что он уже успел привыкнуть к мысли о своем немедленном выдворении с поста и не делает из этого трагедии. Он сказал, чтобы я не расстраивался и приезжал к 11.00 в Белый дом на прощальное заседание правительства.

Потом Черномырдина снова сменил Юмашев, который спросил, не кажется ли мне заманчивой перспектива возглавить Академию МВД? На что я твердо ответил: «Там работает очень толковый генерал (Имелся в виду генерал Владимир Дмитрин. — Авт.). Не вижу смысла смещать его с должности ради моей персоны».

На этом наш разговор завершился, и какое-то время, собираясь с мыслями, я еще оставался сидеть в кресле за своим рабочим столом. Нет, я не был расстроен или подавлен. Скорее, ошеломлен, и несколько минут тишины были нужны мне, чтобы еще раз проанализировать только что услышанное от Юмашева.

Причины отставки мне были неизвестны. Было в общем-то понятно, почему глава уволенного в отставку правительства сразу же после указа утрачивал все свои полномочия. Но почему именно Чубайс и Куликов отстранялись от работы «немедленно», а, скажем, не в процессе планомерной замены министров, как это обычно бывает в период отставки

кабинета?.. Значит, по поводу Чубайса и Куликова существовало какое-то особое решение, о чем мне не стал рассказывать уклончивый Валентин Юмашев.

Ответ на эти вопросы могло дать только время, а потому, поручив начальнику приемной министра собрать и отправить на дачу мои личные вещи, я отправился в Белый дом на прощальное заседание отставленного правительства Черномырдина. Оно не заняло и сорока минут. Вначале Виктор Степанович поздравил с днем рождения Олега Сысуева, а потом начал подводить итоги работы кабинета министров. Именно в этот момент вошедший в зал заседаний дежурный передал Черномырдину записку.

Как оказалось, в ней шла речь обо мне.

Виктор Степанович пробежал глазами короткий текст на листе бумаги и объявил: «А.С., вас срочно вызывает к себе президент!..»

Я поднялся и, недоумевая, направился через приемную к лифту. У самых дверей меня догнал тот же дежурный и сообщил: только что из администрации президента получено разъяснение, что Куликову в Кремль ехать не надо...

Вернулся в зал заседания, когда Виктор Степанович, завершая заседание, благодарил министров за совместную работу.

Я бы так и остался в неведении по поводу неожиданного вызова к президенту, если бы позднее мне не рассказали о том, что стало его причиной. Оказывается, к 11.00 Ельцин забыл о том, что накануне подписал указ о моей отставке и вызвал «министра внутренних дел А.С. Куликова» для решения каких-то рабочих вопросов. Помощники президента едва успели предотвратить конфуз, так как мое появление в Кремле в этих обстоятельствах могло показаться двусмысленным. Технология кремлевской работы еще со времен Сталина исключала подобную забывчивость.

Но это выяснится, как я уже говорил, чуть позже, а в этот день из Белого дома я направился в министерство, чтобы в свою очередь провести ритуал прощания с товарищами по работе. Собрал начальников главных управлений, членов коллегии министерства. Поблагодарил за совместную службу. Не забыл подписать приказ о снятии дисциплинарных взысканий с тех старших и высших офицеров, которые когда-то были наказаны моей властью, и направил ряд телеграмм с добрыми словами признательности всем сотрудникам внутренних дел и военнослужащим внутренних войск, с которыми мне довелось работать рука об руку в последние годы.

После чего отправился на дачу. Дома меня встречали шампанским, а сияющая от счастья Валя так прокомментировала мою отставку: «Это праздник для меня и для всех чеченских боевиков!..»

Вскоре начали подъезжать друзья, и я не скрою, что до двух часов ночи мы просто пили вино за обретенную свободу.

Правда, почти поминутно в тот день и в следующий я был вынужден поднимать трубку телефона: ободрить меня, как им казалось, в трудную минуту, решили очень многие, в том числе действующие министры, крупные государственные чиновники, писатели, актеры, общественные деятели. По телевидению высказал свою поддержку мэр Москвы Юрий Михайлович Лужков.

Особенно поразил меня один звонок, раздавшийся на даче 24 марта. Это был замечательный российский кинорежиссер и актер Никита Сергеевич Михалков, с которым мы если и встречались раньше, то только на официальных мероприятиях и не были близко знакомы. Я не стану повторять теплые слова, которые он сказал в мой адрес, но по-мужски меня тронула первая же его фраза: «А.С., я никогда не звонил вам, когда вы были у власти, но сегодня посчитал это своей обязанностью...»

Не остались безучастны и мои коллеги по научной работе. Директор Института социально-политических исследований Российской Академии наук, вице-президент РАН Геннадий Васильевич Осипов предложил работу главного научного сотрудника ИСПИ, а руководитель центра этого института, Игорь Яковлевич Богданов, был готов предоставить на первое время помещение в своем офисе.

Я благодарен этим людям. Что ни говори, но только в такие дни можно понять, уважают тебя люди всерьез или только за должность. Когда ты в силе, когда ты на коне, когда от твоей воли зависит раздача высоких постов, генеральских звезд и прочих привилегий, к министерскому или вице-премьерскому мундиру готовы прильнуть многие. Но они же в первую очередь отшатнутся, как только почувствуют приближение отставки.

Зная это, никогда не жаловал льстецов и подхалимов. Но, не скрою, меня по-человечески задело, что в эти дни мне побоялись позвонить несколько человек, которых я числил если не товарищами, то соратниками по работе в государственной власти. Время показало, что их осторожность оказалась напрасной: почти все они в свое время тоже были уволены.

* * *

24 марта приехавшая бригада специалистов отключила у меня на даче телефон кремлевской ВЧ-связи, а вскоре я стал обладателем отпускного билета, дававшего мне право отдыха в течение почти семи месяцев — с 10 апреля по 7 ноября 1998 года. Такой внушительный срок образовался за счет не использованных в прошлые годы отпусков.

Известный указ президента оговаривал, что в отставку я отправлен «в связи с переходом на другую работу». И хотя разговоров о новой работе не было, я посчитал, что за время отпуска все сложится само собой и мне будет сделано какое-нибудь предложение, учитывающее мой опыт, знания и, не скрою, некоторые заслуги перед Отечеством, еще совсем недавно отмеченные одноименным орденом.

Вместо этого в средствах массовой информации некоторые журналисты продолжали мушкетировать странные слухи о том, что новоявленный отставник Куликов «хотел подмять под себя все спецслужбы» и «готовился в президенты России». Зная, как действуют во власти приводные ремни, несколько не сомневался, что заказ на мою политическую ликвидацию еще не считается отработанным до конца, а тем, кто инспирировал мою отставку, хочется получить от меня либо сигнал о капитуляции, либо угрозы о публикации очередных «чемоданов с компроматом».

Этим чиновникам нужна была некая определенность. Либо они продолжают бороться со мной всеми доступными методами, либо списывают меня со счетов как битую политическую фигуру.

Они еще не знали, как я буду реагировать.

Но не о подаче каких-либо закодированных сигналов власти думал я, когда 27 марта, во время празднования Дня внутренних войск, на вопрос корреспондента телекомпании НТВ прямо ответил на вопрос о причинах моей отставки. Произнесенная мной фраза, дескать, «не пришло еще время безнаказанно честно служить Отечеству» — облетела всю страну и очень многим запомнилась. Те, кто знают историю, без труда вспомнят, что в схожих обстоятельствах впервые была она произнесена французским маршалом, соратником Наполеона, и я не мог предположить, что в контексте нового времени ее расценят как вызов, как угрозу, как презрение к интриганам из ближайшего ельцинского окружения.

Газета «Московский комсомолец» писала в те дни: «Как ни странно, увольнение Куликова может оказаться самым радикальным из шагов, предпринятых президентом. Уволенный крепко держал в руках колоссальную машину МВД. Не зря в день увольнения президент совещался с начальником ФСБ и министром обороны. Скорей всего, именно им поручено предупредить любые волнения в милиции. Поверхностный мотив отставки — Ельцин балансирует силы в руководстве правительства: да, убрали Чубайса, но сняли и его оппонента Куликова. Многие обращают внимание на совпадение этого события с возвращением в страну Бориса Березовского в неожиданном статусе советника главы администрации президента...»

А так как на протяжении веков основными способами борьбы с непокорными в России являлись ложь, сыск да каторга (если выгорит), эти мои слова спровоцировали выезд в

Ставропольский край целой бригады специалистов по поиску компромата. В Москве же, чтобы хоть как-то зацепить меня, возбудили уголовное дело против одного из заместителей министра внутренних дел.

Но оно с треском лопнуло.

Один из руководителей этого заказного сыска на одной из вечеринок в узком кругу недоумевал: «Не понимаю, как им удалось выскользнуть?!»

* * *

Лучшее лекарство от стрессов, связанных с неожиданной потерей работы, это жизнь в свое удовольствие.

Для меня это означало, что, отоспавшись два дня, я отправлюсь в свое любимое место в доме — в мастерскую. Очень люблю своими руками делать и довольно сложную деревянную мебель, и даже простые кормушки для птиц. Первый месяц после отставки посвятил этому занятию. Кроме того, привел в порядок охотничье снаряжение и несколько раз съездил на охоту.

С президентом России впервые после этих событий увиделся 10 апреля, но это была мимолетная встреча, в ходе которой Ельцин довольно тепло сказал, что никаким наветам не верит и продолжает относиться ко мне хорошо. В общем, мы ограничились обоюдной благодарностью за совместную работу. Хотя, не скрою, мне было по-человечески обидно, что президент, принимавший решение о моей отставке, даже не счел нужным переговорить со мной накануне или, скажем, неделю спустя, когда стало ясно, что уволенный с работы «силовой» министр в обиде не рвал на себе рубаху и не названивал в полки с требованием поднять их по тревоге.

Существуют же нормальные, цивилизованные правила прощания с человеком, который ни в чем тебя не подвел, не обманул, не подставил... Им следуют большинство руководителей крепких в экономическом отношении государств. Их начисто игнорируют вожди авторитарных режимов. Уверен, что благосостояние государства напрямую зависит от того, насколько корректны и уважительны в нем отношения между людьми.

Спустя месяц, на одном из приемов, вновь пришлось встретиться с Ельциным. Задержавшись возле нескольких отставников, среди которых находился и я, президент поинтересовался нашими делами. Услышав, что «переход на другую работу» оказался обманом, Ельцин немедленно возмутился: «Как это так? А мне сказали, что вы все отказались от предложенных должностей». Затем он повернулся к сопровождавшему его Юмашеву и строго потребовал: «Подготовьте указ! Сегодня же!»

Было ли это актерским экспромтом, разыгранным, что называется, на ходу, или слова Ельцина больше ничего не означали на деле, но никакого указа ни в этот день, ни через месяц, ни через полгода не появилось.

В принципе я уже догадывался, что этого не случится и в ноябре, когда должен был закончиться мой многомесячный отпуск. Поэтому сам позвонил руководителю администрации президента Валентину Юмашеву и попросил о встрече. С порога спросил: «Валентин Борисович, как долго я буду находиться в стороне? Думаете ли вы использовать мой опыт?»

Юмашев вилять не стал и довольно подробно рассказал мне о том, что против моего возвращения в правительство возражает Анатолий Чубайс. Я спросил: «Почему?» Спросил недоумевая, поскольку руководитель РАО ЕЭС России Чубайс с формальной точки зрения теперь не был вице-премьером правительства, а также больше не управлял администрацией президента.

Валентин Борисович пожал плечами: «А.С., поймите, Чубайс привозит деньги из-за рубежа для пополнения бюджета, и президент ему доверяет. Чубайс считает вас инициатором уголовного дела по Альфреду Коху, очень вас боится и всячески противится вашему возвращению. Мой вам совет: переговорите с Анатолием Борисовичем сами. Быть

может, вы придете к какому-нибудь соглашению...»

Я поблагодарил Валентина Юмашева и ушел из администрации президента. Понятно, что один из руководителей энергетической отрасли Анатолий Чубайс даже после ухода из правительства не утратил ключевых позиций в Кремле, но мне претила сама мысль о том, что я мог бы пойти на подобное собеседование.

* * *

Наша общая с Черномырдиным отставка, произошедшая в марте 1998 года, не прервала наших добрых отношений.

В них нет расчета. Они основаны на взаимном уважении и схожести человеческих судеб.

Летом того же года Виктор Степанович позвонил и попросил разрешения заехать ко мне домой, чтобы взглянуть на мои охотничьи трофеи. Я с удовольствием пригласил его в гости.

О его трудолюбии и природных дарованиях немало сказано в этой книге. Остается добавить, что Черномырдин к тому же импонировал мне как отличный стрелок и знаток охоты.

Для меня охота по-прежнему является самой большой страстью. К ней приучил меня отец, и я, насколько позволяло время, всегда старался выбраться с ружьем и на волка, и на боровую птицу, и к родному озеру Маныч, славящемуся водоплавающей дичью. Кто-то сочтет это генеральской забавой, но в мальчишескую пору моя добыча на охоте означала для семьи лишний кусок и не считалась зазорным делом.

Всего лишь один раз мне пришлось участвовать в охоте с Черномырдиным. Причем в охоте совершенно неудачной. Свита у Виктора Степановича подобралась столь многочисленная, что вся дичь разбежалась при одном ее приближении.

Если мне не изменяет память, это была охота на медведя «на овсах»...

Но то, что Черномырдин любит это дело, я понял, когда во время приезда премьер-министра в одно из подмосковных соединений внутренних войск предложил ему пострелять на дивизионном стрельбище из самых экзотических, по меркам сегодняшнего дня, образцов оружия, включая винтовку Мосина, пистолет-пулемет Шпагина и револьвер 1905 года выпуска.

Такие вот неспешные дачные посиделки в истории наших с Черномырдиным отношений случились один только раз. Мы проработали плечом к плечу несколько лет, но обмены семейными визитами не были приняты в нашем кругу. Если и встречались вне службы, то, как правило, на приемах. Не то, чтобы Виктор Степанович держал дистанцию, скорее, я сам, приученный армией к строгой субординации, не навязывался Черномырдину в близкие друзья и был рад тому, что наши взаимные отношения носили уважительный и доверительный характер.

Мало кто из нас мог предположить, как неожиданно круто повернется судьба ЧВС в ближайшее время.

Сменивший Черномырдина на посту премьер-министра Сергей Кириенко продержится считанные месяцы и падет жертвой жесточайшего экономического кризиса, который в умах россиян еще долгие годы будет ассоциироваться с днем 17 августа 1998 года, когда произойдет обвал национальной валюты и станет понятно, что Россия не в состоянии платить ни внутренние, ни внешние долги.

Но это, как говорится, было полбеда. Одной из причин падения правительства Кириенко, на мой взгляд, было и то, что Борис Березовский, выполнявший в российской политике роль нотариуса, заверяющего сделки о продаже бессмертных душ, разочаровался в несговорчивом Кириенко.

Как уж он уговаривал президента страны вернуть Черномырдина, я не знаю, но сам Ельцин, выстраивая очередную комбинацию, все-таки склонился к тому, чтобы позвать

Виктора Степановича «на правительство» по-новой.

Понятно, что Черномырдин не мог отказать президенту. Ведь его звали на помощь, но в конце концов предали.

Пусть не обижается на меня Виктор Степанович, но факт остается фактом: Черномырдина заманивали в правительство, как медведя «на овсы», ничуть не заботясь о том, что в сложившейся ситуации его будут травить и уничтожать без всякой пощады.

Березовский, который на людях любил представляться вершителем политических судеб, впоследствии говорил: «Вы знаете, каких трудов мне стоило вернуть ЧВС, и он так бездарно проиграл эту возможность в Думе...»

По-человечески, по-товарищески я сочувствовал Черномырдину, оказавшемуся в такой передрыге. Человек с отзывчивым сердцем, он шел в правительство для того, чтобы вырывать из кризиса и очень серьезно рисковал репутацией. Наверное, он ожидал, что президент тоже пойдет до конца в противостоянии с Государственной Думой, которая дважды отказалась утверждать Черномырдина на должности премьер-министра.

Ситуация была такова: либо президент предлагает кандидатуру ЧВС в третий раз, либо это будет совершенно иной человек. Если бы ЧВС «прокатили» снова, президент имел право распустить Государственную Думу и назначить новые выборы ее депутатов.

Получив информацию, что Ельцин не будет выставлять кандидатуру Черномырдина в третий раз, я поехал к Виктору Степановичу, чтобы загодя его предупредить. Так ему и сказал: «Виктор Степанович, Ельцин вас уже сдал... Я пришел к вам, как к человеку, которого уважаю. Не хочу, чтобы вы оказались в дурацком положении. Может быть, вам лучше хлопнуть дверью и уйти сейчас? По крайней мере так вы сохраните лицо...»

В ответ мне Черномырдин ничего не ответил, но восторга, понятное дело, на его лице не было.

Закрыв за собой дверь, я увидел Александра Николаевича Шохина. Это опытный политик и очень порядочный человек.

У нас была возможность обменяться мнениями, в том числе и по поводу того, что президент не будет настаивать на кандидатуре Черномырдина. Шохин подтвердил: «А.С., вы правильно вычислили. Я тоже располагаю такой же информацией. Сейчас я повторю Виктору Степановичу все то, что вы ему говорили...»

Не знаю, насколько убедительными показались Черномырдину наши с Шохиним резоны, но на следующий день, заблаговременно, Виктор Степанович отправился к президенту с отказом от своего участия в попытках утвердиться на посту председателя правительства. Насколько я знаю, Ельцин был доволен, так как решение ЧВС на самом деле развязывало ему руки.

* * *

После сентябрьского похода в администрацию президента, стало понятно, что никакой «другой работы» мне не светит.

Надо было думать, где и как приложить силы — силы крепкого пятидесятидвухлетнего мужика, оставшегося не у дел.

Группа уволившихся со службы офицеров предложила создать Межрегиональную общественную организацию, объединяющую во имя достойных целей пенсионеров и сотрудников органов внутренних дел, правоохранительных органов и военнослужащих внутренних войск.

Такая общественная организация, названная нами «Ратники Отечества», была зарегистрирована уже в ноябре 1998 года. В ее создании и развитии приняли деятельное участие генерал Анатолий Глазко, Олег Нечипоренко, Олег и Наталья Павловы, Кирилл Торопов, Элла Щербаненко, Светлана Топленинова и другие мои товарищи по службе, по работе в правительстве, по жизни.

На ниве помощи и социальной поддержки инвалидов и ветеранов вооруженных

конфликтов работает немало общественных организаций и фондов. Некоторые из них мне были хорошо знакомы еще по работе в министерстве. Особо отмечаю деятельность Благотворительного фонда социальной защиты сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих внутренних войск и членов их семей «Забота». Его руководители — генеральный директор Юрий Васильевич Нечукин и председатель правления Александр Борисович Тер-Аванесов — люди деятельные, опытные и надежные. Их стараниями сделано много доброго. Их помощь всегда носит адресный характер. Я благодарен им за плодотворное сотрудничество с МВД России, за человеческое участие в судьбах наших солдат и офицеров. Я благодарен им за патриотизм: ведь эти люди добровольно берут на себя часть обязательств государства перед своими защитниками.

«Ветеранская» по наименованию, но очень молодая по духу общественная организация «Ратники Отечества» эффективно работает и сегодня. Оказывает помощь семьям погибших солдат и офицеров, инвалидам, получившим увечья в разнообразных военных конфликтах. Она помогает бывшим военнослужащим адаптироваться в гражданском обществе.

В то же время я понимал, что эти сугубо гуманитарные занятия вряд ли заменят мне полную тревог и забот жизнь действующего офицера. Положение мое было странное: оставаясь генералом армии по званию, я остался без армии по существу. Моя деятельная натура не могла смириться с тем, что я отправлен «на доживание». У меня было достаточно сил для масштабной и энергичной работы.

Вскоре было принято решение: принять участие в выборах депутатов Государственной Думы по Петровскому избирательному округу № 54.

Это в Ставропольском крае, на моей родине, так как избирательный округ, объединяющий двенадцать сельских районов, включал и Апанасенковский район, где я появился на свет 4 сентября 1946 года. Тут везде для меня родные стены, родные люди, родная земля... Совершенно естественно, что именно здесь я мог рассчитывать на поддержку и понимание людей.

Мое решение баллотироваться не осталось незамеченным. Немедленно было организовано прослушивание моих телефонов и наружное наблюдение (об этом мне сообщали участники этих оперативных действий). Одновременно заместитель руководителя администрации президента России Макаров дает указание министру внутренних дел Рушайло принять соответствующие меры (я располагаю копией этого документа).

Такие меры были приняты.

Во-первых, на Ставрополье выехала бригада сборщиков компромата. О том, как неловко и неудачно действовала она там, я уже рассказывал. Проваленное поручение, чтобы не полетели головы, решили хоть как-то замазать слухами, которые в таких случаях маскируются под «оперативную информацию». За подписью некоего полковника милиции Назарова Рушайло была отправлена бумага, в которой утверждалось, что А.С. Куликов вместе с полковником М.П. Шепиловым, командиром Пятигорской бригады внутренних войск, якобы с участием преступных чеченских и дагестанских группировок «организовали сопровождение войсками по территории Северо-Кавказского региона оружия, боеприпасов и спиртных напитков». Там же описывалось, что, став министром, я якобы «отблагодарил» Шепилова должностью начальника Ставропольского краевого управления внутренних дел.

Получив копию письма, сразу же ощутил: где-то я это уже читал... Перепроверил и рассмеялся: фабула этого послания полковника Назарова министру Рушайло даже в мельчайших деталях совпадала с фабулой романа «На темной стороне Луны», который еще в советские времена написали известные писатели — Георгий Александрович Вайнер и Леонид Семенович Словин. Причем Георгий Александрович — мой хороший друг, а этот роман, в котором хороший офицер милиции противостоит плохим милиционерам, «организовавшим сопровождение наркотиков и спиртных напитков по территории Среднеазиатского региона», уже многие годы занимает достойное место в ряду самых читаемых детективов.

Во-вторых, для того, чтобы «остановить Куликова», был задействован и

административный ресурс.

Примерно в то же время мне позвонил и попросил подъехать в министерство, на Житную, генерал Брычев, занимавшийся в МВД кадровой работой.

Вскоре мы встретились, и мне было сказано следующее: «А.С., в администрации президента есть мнение, что вы должны написать рапорт об увольнении с воинской службы». В доказательство, что мнение администрации является для Брычева приказом, этот генерал протянул мне лист бумаги. Я взял его и, достав из кармана кителя ручку, написал буквально следующее: «Я, такой-то, такой-то, в соответствии с указом президента России от 23 марта 1998 года освобожден от занимаемой должности в связи с переходом на другую работу. Предложений о другой работе не получал. Увольняться не намерен».

Поскольку я по всем, что называется, юридическим статьям оказывался прав, никто не решился больше инициировать мое увольнение с военной службы до истечения положенного генералу армии срока — до шестидесяти лет. Поэтому и сегодня я — не пенсионер, а действующий генерал, служба которого приостановлена на время исполнения полномочий депутата Государственной Думы.

Но и став депутатом, однажды с удивлением заметил, что за мной установлено наружное наблюдение. Так как закон исключает подобные действия в отношении депутата Государственной Думы, обратился за разъяснением к тогдашнему министру внутренних дел генералу Владимиру Рушайло. Получил ответ: да, слежка была, но за другим объектом...

Тем не менее избирательная кампания прошла нормально.

В ней я тоже опирался на друзей, а не на политтехнологов. Поэтому работа предвыборного штаба была организована по-военному четко и велась без использования запрещенных приемов. Каждый был на своем месте, и сегодня мне остается только поблагодарить Валерия Бондаренко, Бориса Галкина, Андрея Лошакова, Владимира Колесникова, Александра Краснова, Алексея Кузьмина, Оксану Новичкову, Владимира Павлова, Леонида Сердюкова, Ивана Тимошенко, Михаила Шепилова, Эллу Щербаненко и Андрея Эдокова и многих других за ту работу, которая завершилась победой «кандидата А.С. Куликова» на этих выборах.

Но победа — это частный вопрос. Потому что отнюдь не победные, а печальные репортажи следовало бы писать из этого уголка Ставропольского края. 12 районов. 380 населенных пунктов. Людям живется очень трудно. Сильных хозяйств очень мало: в лучшем случае одно-два на район. Участковые больницы ликвидированы. Из-за дороговизны сельские дети лишены возможности продолжать обучение в высшей школе. Особенно трудно больным пенсионерам: нет денег на лекарства. Как помочь этим людям?

Мои взаимоотношения с губернатором края Александром Черногоровым всегда были дружескими, но принципиальными. Политическая и экономическая ситуация в крае во многом определяется тем, что губернатор Ставропольского края является коммунистом и поддерживается руководством КПРФ.

С этим следовало считаться.

Население Ставропольского края традиционно голосует именно за коммунистов. Их позиции, особенно в сельских районах, чрезвычайно сильны. Моя точка зрения по этому поводу давно известна: «Россия — особенная страна. Поэтому идеи коммунизма находят и будут находить в ней благодарного почитателя. Я с удовольствием поддерживаю коммуниста — труженика, убежденного в том, что каждый забитый им гвоздь идет на пользу Отечества, а идеалы, которые он исповедует, приносят конкретную пользу людям. Но тех, кто сделал партийную работу доходным делом, я поостерегусь. Скорее всего эти люди просто решают свои проблемы».

Так как я собирался баллотироваться в регионе, где традиционно побеждавшие коммунисты собирались выставить своего кандидата, решил переговорить с лидером российских коммунистов Геннадием Зюгановым. Он меня заверил: «А.С., обещаю, что борьба будет честной...»

Каково же было мое удивление, когда в самом конце избирательной кампании в ход

пошли «черные» избирательные технологии. В распространенном документе под грифами «Только для членов КПРФ. Только для устной агитации. Не подлежит распространению» обо мне было написано вот что: «Убежденный демократ, ельцинист. Поддержал Ельцина в августовском перевороте 1991 года...»

В то же время любой человек может узнать из моей биографии, что в августе 1991 года я, тогда начальник Управления внутренних войск по Северному Кавказу и Закавказью, не был в Москве, а находился в воюющем Нагорном Карабахе. Там же погиб мой заместитель, уроженец Андроповского района генерал-майор Николай Жинкин. Мы находились там, чтобы защитить целостность и независимость СССР.

Мне нет нужды ни перед кем оправдываться: ведь ни за один день своей службы мне не стыдно. Во время встреч с людьми я отвечал на самые нелюбимые вопросы. И я благодарен этим людям, которые смотрели мне в глаза и открыто высказывали свое отношение.

Однако в Москву руководителю российской компартии я все-таки позвонил, остановив машину на глухой проселочной дороге: «Геннадий Андреевич, как это понимать?..» Мне показалось, что Зюганов меня не слышит...

* * *

Выборы выборами, но внимание большинства жителей России в это время было обращено на Северный Кавказ, в Дагестан, где шли бои с вторгшейся из Чечни группировкой боевиков. Начавшаяся затем контртеррористическая операция уже на территории Чеченской Республики не оставляла сомнений, что верховная российская власть наконец поняла, что с террористами и бандитами надо разговаривать на понятном им языке.

Я немедленно поддержал это решение.

Стоило напомнить, что неожиданное нападение чеченцев и их наемников на Дагестан имело свою предысторию.

Мелькавшие в те дни названия подвергшихся агрессии районов Дагестана — Ботлихский, Цумандинский, Новолакский — были мне хорошо известны, так как в течение длительного времени именно это направление я считал опасным в случае прорыва чеченских ваххабитов.

Тот, кто хотя бы в общих чертах представляет себе административную границу между Дагестаном и Чечней, знает, что на ее юго-восточном участке, в горах, проложена одна-единственная автомобильная дорога, идущая из чеченского села Ведено через перевал Харамы — в дагестанский Ботлих. То есть в Горный Дагестан.

Еще в феврале 1995 года, получив разведывательную информацию о том, что эта дорога используется для доставки оружия из Азербайджана в Чечню, я настоял на закрытии этого направления путем оборудования батальонного района обороны северо-восточнее села Ботлих.

Генерал Анатолий Квашнин был вынужден со мной согласиться, так как это направление входило в зону ответственности Буйнакской мотострелковой бригады СКВО.

Понятно, что восторга это не вызвало. Подобное решение неминуемо влекло за собой немало трудностей с обустройством и обеспечением военнослужащих. Ведь это служба в горах.

Позднее дислоцированный там мотострелковый батальон заменила парашютно-десантная рота, но это не сказалось на результатах: начиная с марта 1995 года, эта единственная горная дорога была надежно перекрыта.

Менялись министры обороны, командующие войсками Северо-Кавказского военного округа, и каждый из них, кроме генерала Павла Грачева, настаивал на том, чтобы снять подразделение с этого направления. Мотивировалось это отсутствием активных боевых действий и тем, что мобильность мотострелковой бригады, дислоцированной в Буйнакске, позволяет в случае чего быстро прикрыть это направление. В частности, такие просьбы

исходили от министров обороны генерала И. Родионова, маршала И. Сергеева и от командующих войсками округа генералов А. Квашнина и В. Казанцева.

Хорошо помню, как 2 сентября 1997 года в Пятигорске, в ходе совещания руководителей субъектов Федерации Северо-Кавказского региона, которое мы проводили вместе с Рамазаном Абдулатиповым, командующий СКВО генерал Виктор Казанцев попросил об отдельной встрече для доклада обстановки. В течение часа Виктор Германович настойчиво пытался меня убедить в нецелесообразности размещения войск в районе Ботлиха. Поняв бесперспективность дальнейшей дискуссии, я вынужден был отрезать: «До тех пор пока я, как министр, несу ответственность, войска с Ботлихского направления сняты не будут!»

Поддействовало. Ходатайства прекратились. Однако после моей отставки с поста министра, уже в апреле 1998 года, войска оттуда убрали, и этим тотчас воспользовались боевики.

Так как другие направления по всей границе Чечни и Дагестана были перекрыты, то этим внезапно распахнувшимся на границе окном теперь не пользовался только ленивый. В нескольких селах Горного Дагестана террористы построили долговременные оборонительные сооружения из бетона (Помните деньги Бориса Березовского, переданные Басаеву на восстановление Сержень-Юртовского цементного завода? — Авт.), а осенью 1998 года была удовлетворена просьба руководителя Ичкерии Аслана Масхадова... передать чеченской милиции несколько тысяч единиц стрелкового оружия. Министерство внутренних дел России, возглавляемое в ноябре 1998 года генералом Сергеем Степашиным, на самолетах своей транспортной авиации доставляет это оружие в Ингушетию. В аэропорту «Слепцовский», не таясь, его грузят на свои машины чеченские боевики.

Это не ошибка. Это преступление.

Понятно, что вторжение чеченцев в Дагестан было предрешено. 7 августа 1999 года около пятисот бандитов заняли оборудованные инженерные сооружения в нескольких населенных пунктах Ботлихского района Дагестана.

Так началась для России вторая чеченская война.

* * *

В тот же период в российском правительстве появился новый премьер-министр — Владимир Путин. Его назначение, его жесткие слова о необходимости борьбы с террористами и начало контртеррористической операции на территории Чеченской Республики ознаменовали собой перемены в российской политике и в российской жизни вообще.

Это можно было определить вот по каким признакам: те же слова, которые ставились мне в упрек и служили поводом для классификации генерала армии А.С. Куликова как законченного «ястреба», в огласовке В.В. Путина уже не вызывали в обществе раздражения или непонимания. Террористы и бандиты, вскормленные мятежным режимом в Чечне, что называется, достали всех. Вторжение в Дагестан, устройство ваххабитских плацдармов в других республиках Северного Кавказа и взрывы жилых домов в Москве и в Волгодонске уже не оставляли сомнений, что громоздкие планы опутывания Чечни колючей проволокой и окапывания противотанковыми рвами не остановят агрессора.

Поэтому слова и действия нового премьер-министра, вскоре избранного президентом России, встретили у меня понимание и однозначную поддержку.

Следует сказать о том, что Россия, издерганная капризным царизмом Ельцина, нуждалась в передышке — в спокойной, мерной, стабильной жизни нормальной президентской республики. Роль такого консолидирующего общества президента мог исполнить Евгений Максимович Примаков. Но выполнить ее довелось другому российскому политику — Владимиру Владимировичу Путину, появление которого в ряду высших руководителей государства многими поначалу воспринималось с удивлением и

настороженностью.

Особенно теми, кто не знал Путина и не был осведомлен о его деловых и человеческих качествах.

Впервые я познакомился с ним, прилетев в Санкт-Петербург в начале 1996 года.

Так как губернатора Санкт-Петербурга Анатолия Александровича Собчака, тогда не было в городе, два дня своей командировки я общался с одним из его заместителей — Владимиром Путиным.

Я бы не стал утверждать, что сразу же узнал будущего президента России в этом спокойном, компетентном и довольно молодом человеке, взявшемся сопровождать федерального министра исключительно по долгу службы. Все было буднично, но про себя я отметил, что этот заместитель губернатора совсем не похож на губернского аппаратчика. Держался скромно, но достойно. Со знанием дела говорил о МВД и ФСБ, когда нам приходилось в разговоре касаться этих тем.

На исходе дня приехал Собчак, и мы встретились с ним прямо на заводе монументальной скульптуры, которому МВД России заказало изготовление памятника первому полицейскому. Вместе поужинали. Была добрая атмосфера хорошей, полезной встречи, и вскоре я улетел, оставив о Путине лишь это мимолетное воспоминание и уверенность, что с этим человеком можно иметь дело.

После его переезда в Москву мы стали с ним довольно часто встречаться в правительственных коридорах и уже приветствовали друг друга как знакомые люди. Путин работал заместителем начальника Контрольного управления администрации президента и в этом качестве нередко присутствовал на заседаниях правительства.

Одно из них особенно запомнилось мне, так как имело ко мне непосредственное отношение, а поведение Владимира Путина в особых обстоятельствах по-новому открыло для меня этого человека.

Дело в том, что еще в 1996 году, сразу после назначения меня министром внутренних дел, я с удивлением обнаружил, что МВД ни разу не проверялось высшим контрольным органом.

Мне хотелось провести квалифицированный аудит, чтобы понять, насколько правильно и эффективно расходуются финансовые средства, выделяемые на содержание министерства. Это естественное желание руководителя, который хочет знать, в порядке ли его хозяйство.

Поэтому вскоре я обратился в Контрольное управление с просьбой провести соответствующую проверку финансовой деятельности МВД.

Мое обращение возымело действие. Опытные специалисты обнаружили немало нарушений. Это были и нецелевое использование средств, и довольно подозрительные перечисления денег на депозиты сторонним фирмам, которые не выполнили своих обязательств.

Грехи были, как правило, довольно старые — из тех времен, когда даже счет зарплат и пособий велся на сотни тысяч и миллионы. Но тем не менее мы отнеслись к результатам проверки очень серьезно.

Поначалу фигурировала астрономическая цифра — семь миллиардов рублей... В ходе более тщательной проверки она уменьшилась до трехсот миллионов (По тем временам сумма, эквивалентная шестидесяти тысячам долларов. — Авт.). Но все равно это были серьезные деньги, израсходованные не по назначению. Выводы Контрольного управления позволили мне навести в министерстве порядок.

Эта история к 1997 году уже успела порядком позабыться. Виновные были наказаны, серьезных финансовых нарушений не было. Но некогда мелькнувшая в документах цифра — семь миллиардов — осела в памяти Анатолия Чубайса и немедленно была извлечена на свет, как только наши отношения заметно обострились.

На одном из заседаний правительства я представлял программу борьбы с преступностью на 1998 год. В отсутствие Черномырдина заседание вел первый вице-премьер Анатолий Борисович Чубайс.

Сразу же после моего выступления Чубайс обратился ко мне с упреком, который в глазах других членов правительства, не знавших истинной подоплеки, выглядел просто чудовищно: «Вот вы говорите, что надо бороться с преступностью... А у вас у самих в министерстве недостача — семь миллиардов! У вас у самих там преступники!..»

Я сразу же парировал этот выпад. Говорю: «Анатолий Борисович, хочу напомнить, что эта проверка проводилась по моей инициативе. Настоящая недостача — это триста миллионов. Об этом хорошо известно Контрольному управлению».

После этих слов со своего места встал Путин и коротко сказал: «Я подтверждаю...»

Честно говоря, я был ему благодарен. Он мог бы промолчать: ведь никто не просил его заступаться. В то время как пустая полемика с Чубайсом все равно бы оставила у присутствующих чувство некой виновности министра, который не ведает, что творится у него под носом.

Однако он посчитал необходимым вмешаться и сказать свое объективное слово.

Это очень хорошо его характеризует. Я еще подумал тогда: «У этого человека есть внутри стержень...»

Перед своим назначением на должность премьер-министра Владимир Путин уже занимал весьма заметное место в государственной иерархии, совмещая работу директора Федеральной службы безопасности с постом секретаря Совета безопасности РФ. В июле 1999 года, на юбилее спецподразделения «Альфа», мы виделись, обменялись несколькими доброжелательными фразами. Он сказал, что, по его сведениям, мне хотят предложить какую-то работу. Я поблагодарил Путина и ответил: «Пока, Владимир Владимирович, мне никаких предложений не поступало. Если таковые будут — готов откликнуться».

Впоследствии, когда Владимир Путин был избран президентом России, я пожелал удачи этому человеку. В его руках исторический шанс вывести нашу страну на приличествующие ей позиции в мире. Возможно, последний, а значит, решающий шанс, который, надеюсь, улыбнется России после всех испытаний и надежд XX века.

* * *

В чем я уверен, так это в том, что настоящая слава в современной российской истории достанется лишь тому политику, который отважится на трудное дело восстановления всероссийского государства в его естественных исторических границах.

Мои слова не следует считать уничижением тех, ныне суверенных государств, которые некогда составляли Советский Союз.

Объединение — дело добровольное, а формы политического, экономического или военного союзничества могут меняться по обстоятельствам места и времени.

Главное — оставаться вместе, сохраняя свою самобытность и самостоятельность!

Главное — не разойтись, не потеряться в мировом океане!

Однажды — это было в Белоруссии — со мной произошел случай, поначалу казавшийся совершенно рядовым и не заслуживающим внимания: по служебной необходимости я, начальник штаба Минской дивизии внутренних войск, работая в Могилевском полку, был вынужден строго спросить с руководства одного из комбинатов стройматериалов, работавшего в системе МВД БССР. Обычная, рядовая история: из-за медлительной работы срывалось, кажется, оборудование караульного помещения или что-то в этом роде.

Директора комбината на месте не оказалось, и мой удар на себя мужественно принял его заместитель. Помню, что он разговаривал со мной энергично, но ошибки, к его чести, признал и пообещал лично проконтролировать выполнение работ. Вскоре и вправду перезвонил: все было сделано как подобает. Когда об этом мне доложил еще и капитан Великанов, командир роты, для которой сооружалось караульное помещение (он присутствовал во время первого разговора), я попросил его поблагодарить заместителя директора комбината от моего имени. Что и было незамедлительно сделано.

Конечно, ни имени, ни фамилии этого человека я просто не запомнил. Но, как это бывает в жизни, много лет спустя у этой истории случилось любопытное продолжение.

Уже будучи командующим внутренними войсками МВД России, я приехал в суверенное государство Беларусь, чтобы по поручению своего министра подписать соглашение с МВД этого братского нам государства.

Дело происходило в Минске, и я считал большой удачей, что именно в этот день внутренние войска республики должен был посетить президент Республики Беларусь Александр Лукашенко.

Не скрою, хотелось познакомиться с президентом, высказать свои пожелания, чтобы внутренние войска нынешней Белоруссии не теряли добрых традиций, накопленных во времена СССР.

Офицер, дежуривший по дивизии, оказался хорошо мне знаком по прежней службе. Это был Великанов. Мы по-товарищески обнялись, и он сообщил, что президент уже выехал в часть. И многозначительно добавил: «Впрочем, А.С., ведь вы его хорошо знаете...»

В ответ я посмотрел на него недоуменно: «Откуда же мне его знать? Я никогда не встречался с Лукашенко».

Дежурный улыбнулся: «Ну да... А с кем, по-вашему, вы разговаривали тогда на комбинате стройматериалов?..» «Неужели Лукашенко?» — ахнул я и сразу же вспомнил давний случай, а самое главное — человека, который тогда был моим собеседником.

Довольно смешная история нашего знакомства не помешала нам с президентом Белоруссии Александром Лукашенко найти общий язык. Наоборот, было больше доверия и меньше формальностей. Это способствовало налаживанию братских отношений между внутренними войсками наших государств, а позднее и Министерствами внутренних дел России и Белоруссии в их борьбе с преступностью и терроризмом.

Меня многое связывает Белоруссией. Все, что происходит на этой земле, я всегда воспринимаю очень близко к сердцу. Поэтому, когда в конце марта 1997 года на заседании правительства РФ обсуждался текст союзного договора между Россией и Белоруссией, я выступил сторонником объединения наших братских государств.

Предполагалось, что этот договор может быть подписан Борисом Ельциным и Александром Лукашенко в тот же день. Валерий Серов, один из вице-премьеров правительства, курирующий вопросы взаимоотношений России и СНГ, доложил о готовности документов, которые были подготовлены накануне.

Сразу же с резким осуждением текста союзного договора выступили Анатолий Чубайс и Борис Немцов. Свои возражения они мотивировали невозможностью создания наднационального правительства или, например, общей с Белоруссией валюты из-за отсутствия единого экономического пространства.

И это были серьезные аргументы, которым было нечего противопоставить.

Я в свою очередь предложил внести небольшое, но очень существенное добавление в проект устава союзного государства: дополнить статью № 6, где перечислялись гуманитарные цели будущего союза, одной лишь фразой: «Конечной целью союза является создание единого федеративного государства...». При этом не нужно было оговаривать — произойдет ли само объединение через сто лет или через сто дней. Главное, что именно это является нашей важнейшей, то есть окончательной (!!!) целью...

Многим тогда моя формулировка показалась юридически безупречной.

Противники объединения были совершенно спокойны: для них эта была только декларация.

Сторонники, наоборот — получали четкий и недвусмысленный сигнал, что наши намерения объединиться с Белоруссией в единое федеративное государство тверды и не будут подвержены колебаниям в будущем. А значит, уже возможными становились размышления о едином бюджете, о единой валюте, о единой государственной символической. Обо всем, что обязательно станут обсуждать люди, если собираются жить вместе.

Руководитель совещания — председатель правительства Виктор Степанович

Черномырдин, воодушевленный простотой решения этой юридической задачи, поручил Валерию Серову поехать в Кремль, чтобы узнать, как на это прореагируют «за стеной».

К сожалению, несколько часов спустя в Кремлевском дворце президенты России и Белоруссии подписали очередной рамочный документ, предполагающий некоторую отсрочку окончательного решения. Варианты проектов документов были отправлены для дальнейшего обсуждения. И остается сожалеть, что после него шестая статья была изъята полностью именно по инициативе белорусской стороны.

Хотя в тот же день Александр Лукашенко подошел ко мне на приеме с бокалом шампанского и поблагодарил за «хорошую формулировку».

И сегодня твердо убежден: если бы союзный договор содержал в себе фразу, подчеркивающую вот эту неотвратимость нашего федеративного союза в будущем, общеполитический фон, на котором происходят наши с Белоруссией взаимоотношения, был бы совершенно иным, а «беловежская глава», написанная в свое время руководителями России, Украины, Белоруссии — Борисом Ельциным, Леонидом Кравчуком и Станиславом Шушкевичем, уже не обрывалась бы на горькой прощальной ноте.

Была бы надежда — очень важная для большинства бывших граждан бывшего Советского Союза. И для тех, кто до сих пор считает себя единой нацией, и для тех, кто видит наше общее будущее без въездных виз, обидных прозвищ, без зависти и вражды...

В январе 1999 года, узнав о том, что я нахожусь в Белоруссии, Александр Лукашенко пригласил меня к себе. Помимо прочего, коснулись мы и этой давней темы. Мне показалось, что президент Белоруссии сожалеет о том, что не проявил настойчивости весной 1997 года.

Но меня не оставляет надежда, что задуманное все же будет доведено до логического завершения. Путь этот неблизкий и непростой, но, как кажется мне, новый союз обязательно состоится, как уже состоялось в веках наше кровное родство, обязывающее нас к добрососедству и взаимовыручке.

* * *

К депутатской работе можно относиться по-разному. Для одних людей — это возможность реализовать собственные знания и силы на серьезной государственной работе. Для других — скорее важны имидж и возможность двигать собственный бизнес под прикрытием депутатского звания. Очень много бывших государственных чиновников высокого ранга: вице-премьеров, министров, военачальников.

Поэтому Дума чаще всего напоминает скамейку запасных игроков. Есть такие депутаты, что считают свое пребывание в Думе вынужденным, временным и не теряют надежды вернуться в исполнительную власть.

В глазах большинства россиян думская работа кажется лишь пустой тратой слов. Чем-то, не заслуживающим звания настоящей работы.

Но это, смотря как организовать собственную жизнь на Охотном Ряду. Можно сделать ее пустым времяпрепровождением, но мне, депутату, избранному по одномандатному округу, было бы совестно заниматься имитацией депутатской деятельности.

Когда во время выборов люди отдавали голоса за Куликова, они связывали со мной свои надежды и теперь вправе рассчитывать на то, что я их не подведу. Поэтому мой рабочий день расписан и рассчитан так, как если бы это была работа в правительстве. То есть поминутно.

О том, как может быть насыщена делами, заботами, простыми человеческими удачами и неудачами работа депутата, можно судить по дневнику, который я веду с первого дня пребывания в Думе.

Это не отчет перед избирателями, а отчет перед самим собой.

Депутатский дневник

Январь 2000 года.

День первый. Сегодня подтверждены наши депутатские полномочия. Открываю

абсолютно новую страницу биографии. Как неожиданно поворачивается жизнь: вряд ли бы я мог представить себя законодателем тогда в Элисте, тогда в Чернобыле, тогда в Чечне...

Конечно, о работе Думы представление имею. И прежде неоднократно выступал здесь — в качестве министра и вице-преьера правительства встречался с депутатами. Но ясно, принимать законы, решать депутатские вопросы — это совсем другая история. Однако иду в новое дело с охотой и интересом.

Идет формирование комитетов, депутаты группируются по законотворческим интересам. В себе не сомневаюсь: я — в Комитет по безопасности. Здесь есть возможность на новом уровне продолжить свое дело.

Хотя именно в эти первые дни суэта вокруг распределения портфелей, откровенная драчка за них, не скрою, повергли меня в уныние: распределение комитетов прошло при полной изоляции Примакова. Российская Дума без полноценного представительства фракций «Отечество» и «Вся Россия» в самых влиятельных, самых важных комитетах — это, несомненно, парадоксальный факт нашей действительности.

Размышляю насчет команды. Остаться «кустарем-одиночкой» или все же войти во фракцию? Но в какую? Здесь у меня вырисовываются неожиданно широкие горизонты: к себе звали многие, от крайне правых до левых. Как ни парадоксально, это приятно. Значит, и прежде действовал разумно, никогда не был политическим игроком, тем более — экстремистом. Удивился, что первым подошел интеллигентный Григорий Явлинский: «Наша фракция вас хорошо знает. Будем рады, если вы станете работать с нами». Зная мое отношение к коррупции и другим гримасам вольного времени, позвал меня к себе и руководитель российской компартии Геннадий Зюганов: «Нам с вами сотрудничать полезно».

Если говорить честно, мне больше по душе программа политического движения «Отечество».

Номер полученного сегодня депутатского удостоверения, как и номер избирательного округа — пятьдесят четвертый.

Кремль зачислил меня в левые центристы. Ну что ж, если существуют подобные формы учета, тогда мое место на тех политических скамейках, где сидят люди взвешенные (центрист) и реалистичные (левый центрист). Эта позиция вполне отвечает настроениям моих избирателей. Большинство из них едва сводят концы с концами. В ходе выборов получил письмо. Работники одного из колхозов сообщают, что очередную зарплату получили... шифером с развалившихся кошар...

Январь 2000 года.

Люди Думы, мои новые сегодняшние коллеги. Что только о них ни говорят. Почитаешь иную газету и только диву даешься: просто недоумки какие-то. Мне не нравится этот подход: не такой уж глупый у нас народ, чтобы делегировать в законодательную власть одних дураков. Независимо от политических пристрастий коллег относиться к ним наплевательски не могу. Ведь за каждым из них стоят живые люди, мои соотечественники.

Со многими из депутатов я был знаком и раньше. Будучи министром, несколько раз встречался с Геннадием Андреевичем Зюгановым. Хорошо помню его обеспокоенность, когда стали достоянием общественности попытки Ельцина разогнать коммунистическую партию России (март 1996 года). Союзники Зюганова по патриотическому блоку могли тогда поднять в ответ и вооруженное восстание. Но Геннадий Андреевич — человек здравомыслящий — хорошо понимал бесперспективность и пагубность подобных шагов и, насколько я знаю, всегда резонировал экстремистов.

Кому симпатизирую больше других, так это Евгению Максимовичу Примакову. В силу известных обстоятельств он оказался в числе депутатов Государственной Думы, хотя, как мне кажется, создан именно для работы в исполнительной власти. Это был сильный премьер-министр. При нем Россия отказалась от внешних займов и стала выплачивать долги. Его политический авторитет способствовал консолидации общества.

Что мне очень по душе, он старается быть объективным и в Думе. Примаков — сильная

личность. Его сила прежде всего в том, что он выше собственных эмоций и даже справедливых обид. Они не управляют Евгением Максимовичем. Многие, например, удивились его лояльности нынешнему Кремлю. Но я хорошо знаю его позицию: «У нас нет другого президента, и мы все должны ему помогать...»

Примаков — мудрый человек, переживающий за Россию и делающий все, чтобы она выглядела достойно.

Давно знаю Олега Викторовича Морозова и Артура Николаевича Чилингарова. Это серьезные люди, которые себя хорошо зарекомендовали в августе 1998 года, когда был найден оптимальный вариант сохранения стабильности в стране.

Чаще всего общаюсь с Николаем Дмитриевичем Ковалевым (бывший руководитель Федеральной службы безопасности), Александром Ивановичем Гуровым (генерал милиции, председатель Комитета Государственной Думы по безопасности), Виктором Ивановичем Илюхиным, Михаилом Игнатьевичем Гришанковым, Аркадием Георгиевичем Баскаевым (тоже генерал, мой однокашник по Орджоникидзевоу училищу), с моим однофамильцем маршалом Виктором Георгиевичем Куликовым. Советуюсь с Николаем Ивановичем Рыжковым, Вячеславом Викторовичем Володиным и Константином Иосифовичем Косачевым.

С большим уважением отношусь к «яблочнику» Владимиру Петровичу Лукину, считаю его мудрым, объективным человеком.

Из депутатов-женщин выделяю Елену Борисовну Мизулину. Отличный юрист, настоящий профессионал своего дела. Ее аргументы всегда отличаются глубиной и силой.

Февраль 2000 года.

Закон, подготовленный по личной инициативе депутата, довольно редкое дело в Думе. И все-таки берусь!

Несколько лет, начиная с первой военной кампании в Чечне, я стучался во все двери с требованием принять закон о чрезвычайном положении. Если бы тогда я был услышан властью, новая война могла бы не разгореться. Кроме того, на своих предвыборных встречах я обещал ставропольчанам оградить их от опасных чеченских соседей. Поэтому, получив депутатские полномочия, решительно берусь за строительство этого «забора» для своих избирателей и для всех россиян.

Разумеется, хочу, чтобы наша страна обошлась в будущем без чрезвычайного положения где бы то ни было. Однако, если где-то ситуация уже дошла до точки кипения, то «пожарные» должны действовать в рамках закона, который четко закрепляет права и обязанности всех и каждого в условиях чрезвычайного положения (ЧП). Федеральные власти обязаны усилить охрану административной границы. Даже губернатор, например, Ставропольского края, должен иметь право принимать меры, соответствующие степени опасности: ограничение въезда и выезда машин, граждан, досмотр грузов, контроль за хранением оружия и т. д. Надо на законодательном уровне отладить отношения жителей приграничных территорий с беженцами: помощь беженцам, пострадавшим — не должна носить стихийный характер.

Будет закон — значит, появятся грамотные расчеты и обоснованные ограничения: какой регион, сколько пострадавших может принять. Соответственно, край приобретает не только право контроля за поведением беженцев и гарантии того, что их нахождение на территории региона носит временный характер. Еще он получит и деньги. Они нужны для обустройства временного жилья, лечения, питания, обучения детей в школах.

В настоящей беде все, конечно, должны помогать друг другу, но жить беженцы должны все-таки не за счет местного населения. Это прежде всего долг государства.

Заодно появляется действенный контроль за расходованием денежных средств, чтобы финансовые ресурсы, столь необходимые настоящим беженцам, не шли на подпитку боевиков.

Но боюсь, что, называя вещи своими именами — я могу обречь этот закон на гибель. Есть такие депутаты, которые встанут на его пути, аргументируя свою позицию тем, что

закон «О чрезвычайном положении» ограничивает права и свободы граждан России и развязывает руки диктаторам. Об этом мне многие уже сказали.

Потому придется прибегнуть к дипломатии: предложу такую формулировку — «О дополнительных мерах по защите основ конституционного права, законных интересов и прав граждан при чрезвычайных обстоятельствах в одном или нескольких субъектах РФ». Посоветуюсь со специалистами из ФСБ и МВД — и в путь... Только ради одного этого закона стоило стать депутатом Госдумы.

Март 2000 года.

Люди без собственного мнения — неужели это одна из типологических характеристик многих депутатов? Вчера в думском Комитете по безопасности мы принимали решение по закону об оружии. Все члены комитета (а это представители разных фракций) голосовали «за». Но вот сегодня, когда вопрос выносится на голосование палаты, люди меняют точку зрения из-за того, что лидер фракции голосует «против».

Таких фактов множество. Коллега в личном разговоре держит одну сторону, а в зале, не моргнув глазом, другую. В перерыве у депутата одно мнение, при голосовании — противоположное. Иногда даже чувствую себя чужим среди своих. Может, еще и потому, что люди из фракций автоматически становятся своими, а я — депутат независимый. Чем и дорожу особенно: мне никто не покажет пальцем, когда голосовать «за», а когда — «против».

Но без «своих» дела делаются намного тяжелей. Вчера провалили мою просьбу о дополнительных деньгах для Ставрополя.

Личная позиция, искренность, верность принципам, увы, излишне утонченные понятия для большинства политиков. Я понимаю военные хитрости: на войне враги, там игра — тактика. На государственной службе (а именно так я понимаю работу в Думе) у людей не должно быть иной цели, кроме как отстаивание интересов своих избирателей и интересов страны. К сожалению, приходится признать, что довольно большая часть депутатов преследует иные цели: корпоративные, а нередко корыстные, шкурные...

Май 2000 года.

Мой «чрезвычайный закон», рекомендованный к первому чтению без особых проблем, так бы и стоял в длинном «листе ожидания» прочих законопроектов, если бы у меня не появился мощный союзник. Президент Путин внес в Думу проект закона «О чрезвычайном положении». Замечу кстати, что пугающая аббревиатура ЧП моих коллег уже не пугает... Стало быть, важно, не что предлагается, а кто предлагает. Лично я случившемуся очень рад: теперь дело сдвинется с мертвой точки. Меня ввели в состав рабочей группы.

Исподволь учусь депутатской работе у тех людей, которые зарекомендовали себя подлинными знатоками законодательной работы. Прежде всего это Александр Дмитриевич Жуков, Александр Николаевич Шохин, Геннадий Васильевич Кулик, Николай Иванович Рыжков, Владимир Александрович Грачев, Николай Васильевич Коломейцев, Андриан Георгиевич Пузановский.

Они — разные люди. Я могу с ними соглашаться или нет, но естественные законы жизни обязывают нас учиться у тех, кто преуспел в профессии.

Июнь 2000 года.

Писем у депутата куда больше, чем возможностей помочь. Многим кажется, что депутат — волшебная палочка для решения всех вопросов, особенно финансовых. Это совсем не так: у депутата нет своего печатного станка на Госзнаке. Потому купить машину, помочь с квартирой, оплатить нуждающимся медицинские операции он не может при всем желании.

Как не может приехать в отстающее хозяйство и возглавить его, о чем просят некоторые избиратели, описывая тяжелую жизнь в своих колхозах, совхозах и кооперативах. Своих руководителей люди выбирали сами. Значит, должны отвечать за свой выбор и настаивать на смене бездарных председателей и директоров.

Но как же велика и своеобразна в нашем Отечестве вера во власть!

Июль 2000 года.

Почему депутатский пар, как правило, уходит на свисток? Не мог я не взяться за помощь селу Дивное. Название села давно уже перестало соответствовать реальности. Проложенное здесь шоссе федерального значения резко изменило жизнь селян к худшему. Нагрузка на дорогу увеличилась втрое, значит, втрое больше аварий, хуже экология. Жители давно требовали сделать отвод дороги в сторону от села. Но на этот 13-километровый отрезок деньги и силы не находились. С трудом удалось договориться с руководством дорожного агентства о том, что в этом году начнется проектирование новой дороги.

Но... разрешения я добился, а дороги — нет. Пока шли переговоры, дорожное агентство сменило хозяина, стало частью Минтранса, а значит — начинай все сначала...

Ворохом бумаг закончился и сюжет со строителями, которых цинично «кинула» власть. Несколько лет тягались с ней (писали даже президенту) жители Солнечнодольска, трудившиеся в АОЗТ «Энергетик». Им не заплатили деньги за восстановительные работы в Чечне, которые производились еще после первой войны. Причем деньги немалые. Выходит, люди, рискуя жизнью, работали даром. Обратился в арбитражный суд, дело было возобновлено и начата его надзорная проверка. Проверка прошла, а денег люди так до сих пор и не получили.

Июль 2000 года.

Наверно, нас, россиян, слишком много, чтобы мы могли ценить или даже просто замечать судьбу одного-единственного человека. Особенно ощущаешь это на депутатском приеме, когда идут к тебе вереницей люди и каждый рассказывает историю такого вот небрежного отношения к себе...

Порой только диву даешься.

Женщина, будучи несовершеннолетней девочкой, работала во время Великой Отечественной войны на вагоностроительном заводе в Белоруссии. После распада страны получить документальное подтверждение этого ей не удалось. Российские чиновники не сочли эти хлопоты заслуживающими внимания. Только после депутатского вмешательства Департамент консульской службы МИДа России затребовал нужные документы в белорусских архивах.

Или взять мои запросы по поводу бывшего военнослужащего Щетинина, который служил в распоряжении ПО «Маяк», где еще в 1957 году произошла серьезная радиационная авария.

Солдат участвовал в ее ликвидации и потом сорок с лишним лет не мог получить информацию о своей дозовой нагрузке. Для кого-то это тайна государственной важности, но только не для самого человека!

Вот другая женщина, которая после похорон мужа и старшего сына, могла считать опорой только младшего сына, Антона. А он служил в Чечне. Ясно же, надо парня демобилизовывать или хотя бы как можно скорее перевести на другое место службы. Но пока не вмешается депутат, никто и пальцем не пошевелит...

Сентябрь 2000 года.

Депутатский запрос нередко напоминает стрельбу пушкой по воробьям. Обратились ко мне жители села Октябрьского с просьбой положить конец незаконной торговле спиртным. Указали адреса, назвали конкретные имена. Обращение депутата в Главное управление внутренних дел Ставропольского края возымело действие: виновные понесли заслуженное наказание. Вот я и думаю, неужели для того, чтобы положить конец подпольному бизнесу, необходимо вмешательство депутата Государственной Думы? Раньше для этого хватило бы участкового уполномоченного.

Из Благодаренского ТМО обратились врачи с просьбой помочь отремонтировать гастроскоп. Я написал губернатору. И вот глава Благодарненской администрации сообщает, что аппарат отремонтирован. Неужели нельзя было сделать это без депутатского запроса?

Но сам я по-человечески рад, что удалось оказать помощь.

Сентябрь 2000 года.

Вчера я и мои коллеги опять полемизировали с журналистами на тему — не слишком ли много военных во власти?

Надо признать, что часть российского общества придерживается однозначного мнения: раз военные, пусть ходят строем. Но я, понятное дело, вынужден возражать: это смотря какие генералы...

Хорошие генералы уже в силу своей профессии умеют брать управление на себя. Каждый из них проверил на опыте силу своей воли и слов. Не так рассчитал — погибли люди. Пospал лишний час — проиграл бой. Напился — все потерял...

К генеральским погонам должны быть приложены глубокие знания, личная порядочность, репутация. Важно и умение человека (в данном случае — генерала) меняться сообразно времени.

Есть такие исторические периоды, когда генералы во власти не должны настораживать общество. Без них не обойтись, когда существует военная опасность, когда стране угрожает повальный бандитизм или террор. Ведь многие из этих генералов и полковников — прежде всего специалисты в области безопасности.

Российский президент, например, полковник по званию. В думских комитетах по безопасности, по обороне — немало отставных и действующих офицеров.

Кстати, в «Табели о рангах» генералами именовались и государственные чиновники высокого класса, то есть сугубо гражданские люди. В России генерал-губернаторство — это традиционно институт особо уполномоченных людей, способных брать на себя ответственность за жизнедеятельность мирных и воюющих регионов страны.

Немцы говорят, что история Германии — это история германского офицерского корпуса, и ничуть этого не стесняются.

Многие российские генералы после окончания службы стали профессиональными политиками и вполне преуспели на этом поприще.

Я с уважением отношусь к бывшему командующему 40-й армией, Герою Советского Союза, генерал-полковнику Борису Громову. Имя этого командарма получило широкую известность во время войны в Афганистане. Позднее с Громовым познакомился и я. Это случилось в период вооруженного конфликта между Грузией и Южной Осетией: Борис Всеволодович был первым заместителем министра внутренних дел СССР, а я командовал внутренними войсками в Северокавказском регионе.

В 1999 году Громов был избран губернатором Московской области. Перемены, которые произошли с тех пор в Подмосковье, убеждают, что этот генерал способен эффективно руководить регионом, еще недавно считавшимся едва ли не банкротом.

Губернатором Ульяновской области недавно избран другой известный генерал — Герой России, генерал-лейтенант Владимир Шаманов.

Впервые мы встретились в Чечне, в Ведено, в 1995 году: я вручал ему знак «За отличие в службе», более известный как Кавказский крест. Десантники воевали храбро и умело, а боевая работа их командира, генерала Шаманова, заслуживала высокой оценки.

Вручил знак, поздравил Шаманова с наградой, а после того, как были завершены все дела, собрался улететь обратно — в Ханкалу, в штаб Объединенной группировки, командующим которой я был в то время.

Уже крутились винты Ми-8, когда я увидел Шаманова, решительно направляющегося к моему вертолету. Встревоженно двинулся ему навстречу. Спросил: «Владимир Анатольевич, что-то случилось?» В глазах Шаманова светится озорство: «Товарищ командующий, а что, разве мы знак «обмывать» не будем?»

Я расхохотался.

Старую, добрую, русскую традицию «обмывать» награды, особенно если они — боевые, нарушить, конечно, грешно... Тут же кто-то разлил водку по пластмассовым стаканчикам. В один из них Владимир опустил свой крест, и мы выпили наскоро, по-фронтовому, пожелав генералу Шаманову военной и человеческой удачи.

Октябрь 2000 года.

Наконец-то! В третьем чтении все-таки принята поправка к бюджету: выделены деньги на восстановление буквально смытого оползнями села Подгорное Андроповского района.

Сил в это пришлось вложить много. Понятно, сегодня в стране столько боли, что люди, которых это не касается напрямую, перестали ее чувствовать. Стихия переписала и без того нелегкую жизнь сельских тружеников: нет жилья, воды, газа. В руинах производственный комплекс. Люди живут без амбулатории, школы, детского сада. Кого-нибудь бы из нас, депутатов, хоть на неделю поселить в такие условия... Не знаю, выжили бы?

А мои земляки существуют в нечеловеческих условиях уже десять лет. Всю эту десятилетку власть на словах выражала им понимание, но разводила руками: нет в казне денег!

Когда мы с коллегами — депутатами от Ставропольского края Василием Ивером, Владимиром Катренко и Иваном Мещериным, взялись сдвинуть дело с мертвой точки, тоже поначалу казалось: вопрос не решить. Нескончаемый ворох бумаг, звонки, переговоры. Куда только лично я ни обращался: к председателю правительства и его заместителям, председателю Государственной Думы Геннадию Николаевичу Селезневу и к руководителям комитетов, к министру по чрезвычайным ситуациям и далее везде.

И вот свершилось! Конечно, 27 миллионов рублей — сумма, вдвое меньшая, чем требуется селу, но это уже реальность. Можно начинать строить, а не ждать очередного рассмотрения федерального закона о бюджете на следующий год.

Октябрь 2000 года.

Эх, дети, дети... Добра вам что ли не хватает? Приходит на прием мать солдата, служащего в Чечне. Девять месяцев нет писем от сына. Испуганная женщина обращается в Министерство обороны. Оттуда приходят какие-то расплывчатые, неопределенные ответы. Она к депутату.

Начинаем розыск. И что ж? Нашлась потеря: солдат жив и здоров. Что можно сказать о таком счастливом финале? Лишь то, что выполнение воинского долга не отменяет долга сыновнего. Надеюсь, что этот урок не пройдет для солдата бесследно, и в то же время ходатайствую о представлении военнослужащему краткосрочного отпуска для свидания с родными.

Ноябрь 2000 года.

Иногда приходят депутату странные письма. Вот одно из них — из Подмосковья. Просит помощи семья Поповых. История такая: двадцатипятилетний сын, не имея опыта и знаний, взялся за коммерческую деятельность и прогорел. Отец незадачливого коммерсанта просит меня погасить десять тысяч долларов долга.

Письмо адресовано не только мне одному: его ксерокопии оправлены всем депутатам-одномандатникам. Аргументация незамысловатая: «Если каждый из вас через свой округ окажет семье помощь, с бедой можно будет справиться сообща».

Сообща мы не справились с куда более серьезными бедами. В моем избирательном округе проживают десятки тысяч беженцев и переселенцев, потерявших все — от близких до родного крова. Сколько людей бедствуют в России из-за безработицы, дороговизны, национальных конфликтов.

Причем эти люди в своих страданиях не виноваты. Вот им и должно помочь государство.

А здесь, в письме, все с ног на голову... Давно не видел такого эгоцентризма.

Декабрь 2000 года.

Сегодня в первом чтении принят Думой очень плохой закон для России — о ядерных отходах. Эхо этого дня будет гулким и долгим. В каком воспаленном мозгу могла родиться подобная логика: чем больше таких отходов мы завезем, тем в большей безопасности окажемся.

Но многочисленные «круглые столы» утверждали именно это. При умелой режиссуре черное называли белым многие. Шла интенсивная обработка общественного мнения через прессу. Всего 38 человек в Думе, в том числе и я, сказали «нет» этому закону. Невероятно,

но факт: за него проголосовали коммунисты. Конечно, никто никого за руку не держал. Но ходят упорные слухи, что заинтересованное в этом законе ведомство — Минатом — щедро рассчиталось с лоббистами.

Понимаю всю экономическую целесообразность ядерной сделки, но принять не могу. Здесь напрямую затрагивается наше экологическое будущее. Конечно, бывает, когда от безысходности человек продает и собственную почку. Точно такой же жест отчаяния демонстрируем и мы. Вместо того чтобы находить по-настоящему эффективные решения экономических проблем, становимся свалкой планеты.

Декабрь 2000 года.

Бывает и на нашей улице праздник. Под самый Новый год получил долгожданный подарок: моего протеже, Игоря Завальнюка, приняли-таки в Морской кадетский корпус. Теперь, скорее всего, у парня сложится судьба, а у России будет одним настоящим офицером больше.

Как все-таки бывает несправедлива жизнь: гордость школы, достойный человек, одаренный ученик, спортсмен, победитель всевозможных конкурсов, а главное — истинный моряк по духу, мог остаться без моря и вообще без всяких перспектив. Понятно, что очень нелегко может сложиться жизнь у мальчишки, особенно если он — сирота. И живет, к тому же, в далекой российской глубинке.

Спасибо добрым людям — учителям, которые не проглядели мальчику и приняли участие в его судьбе. С помощью военкомата отыскали Кронштадтский морской корпус, куда принимают на учебу ребят этого возраста.

Но, как часто это бывает, появились непреодолимые трудности. В корпусе учителям был дан ответ: «На Ставропольский край путевок не выделено».

И вот тогда они обратились ко мне.

Мне тоже отказали и причину привели, к сожалению, очень убедительную: «Сирот много, а мест мало». Но на то я — генерал и депутат, чтобы, в соответствии со своим статусом, привести в движение легальные механизмы помощи.

Рассказал о своем маленьком земляке главнокомандующему Военно-Морским Флотом России адмиралу Куроедову. Владимир Иванович меня услышал. В свою очередь мой референт Лидия Коренева, тоже, между прочим, полковник по званию, нашла новые аргументы для учебного заведения. Она узнала, что трагедия, связанная с гибелью подводной лодки «Курск», не испугала Игоря, а напротив, укрепила его стремление служить Отечеству. Договорилась Лидия Николаевна и о стипендии, которую администрация Апанасенковского района будет выделять мальчику во время обучения.

И вот письмо из штаба Военно-Морского Флота: «Уважаемый Анатолий Сергеевич! Главнокомандующий разделяет вашу тревогу и заботу о судьбе мальчику. Он принял решение в порядке исключения зачислить Игоря Завальнюка в шестой класс Кронштадтского морского кадетского корпуса после окончания второй учебной четверти».

Пойду в новое тысячелетие со спокойной душой. Хотя бы за судьбу одного единственного человека.

Январь 2001 года.

Так получилось, что особенно много писем из моей канцелярии уходит в адрес министра обороны маршала Игоря Сергеева. Наверное, это объяснимо: несмотря на мою отставку из правительства, избиратели из моего округа и вообще россияне помнят, что я остаюсь действующим с юридической точки зрения генералом армии, и обращаются ко мне как к человеку военному.

Ольга Михайловна Ларинова рассказывает типичную вдовью историю «хождения по мукам». В течение одиннадцати лет она не может оформить пенсию дочери, так как недостает нужных документов о заработках мужа. Особенно меня потрясло приложение на 28 листах, где инстанция за инстанцией сообщают вдове старшего лейтенанта, что нужных бумаг в их архивах нет и что запрашиваемыми сведениями они не располагают.

Что делать женщине, которая пишет запросы, ездит в архивы, управления военных

округов, но бюрократическую машину сломать не может? А дочь растёт, и круг замкнулся — кажется, уже окончательно.

Ясно, пишу министру. Прошу помочь вдове по-людски. То есть не возлагать на нее розыск утраченных не по ее вине документов, а поручить завершение этого постыдного сюжета военачальникам. Тем, для кого старший лейтенант Ларинов — не просто единица подотчетного контингента, а один из воинов, жизнью которого оплачены их генеральские звезды.

Это справедливо.

Февраль 2001 года.

Сегодня у меня бой. Бой за хорошего человека, моего коллегу — офицера, которого оклеветали и незаконно уволили с поста начальника Главного управления внутренних дел Ставропольского края. Речь о Михаиле Шепилове. В главе «Мятежная территория» я упоминаю о нем как о командире полка, дислоцированного в Чечне, в городе Грозном, в самые тяжелые для нас дни 1991 года.

Тогда полковник Шепилов не дрогнул. Даже тогда, когда боевики окружали военный городок его полка кольцом бензовозов и грозили: «Подожжем!..» Нет ничего удивительного, что Михаил Петрович, офицер ответственный и мужественный, впоследствии стал генералом. И на новой должности со своей работой справлялся превосходно. Это я могу подтвердить как бывший министр внутренних дел.

Ну какие, спрашивается, еще нужны гарантии человеческой надежности?

Снимают, по сути, в отместку мне. Увольнение явно незаконное: районный суд подтвердил это — трижды требовал он восстановить генерала Шепилова в должности. Но руководство МВД непреклонно: не нравится он нам, и все тут!..

Хочу внести в повестку дня этот вопрос. Буду просить депутатов послать парламентский запрос министру внутренних дел Рушайло. Пусть объяснит депутатам свою непреклонность.

Что касается моих аргументов, главным считаю вот этот: в результате кадровой чехарды преступность в крае выросла на 40 процентов. Преступное сообщество использует любую слабость власти и каждый день укрепляет свои позиции.

Коллеги-депутаты пообещали мне поддержку.

Февраль 2001 года.

Бой за Шепилова я проиграл. За то, чтобы направить парламентский запрос, проголосовал 121 депутат, а минимум в этом случае — 226 голосов.

Сыграла свою роль просьба представителя МВД воздержаться во время голосования.

Воздержались даже коммунисты, хотя вчера были полны решимости. Видно, передумали. Не все остались верны своему слову. Я, естественно, отношения выяснять не пошел. Но огорчен бесконечно: и равнодушием коллег ко всему, что не касается их лично, и произволом исполнительной власти, и несправедливостью по отношению к достойному человеку. Шепилову хватило мужества и терпения на войне. Хватит ли их теперь, в мирное время?

Апрель 2001 года.

Фергана, Сумгаит, Баку, Ереван, Карабах, Ингушетия, Северная и Южная Осетия, Абхазия и другие места вооруженных конфликтов, вписанные тяжелыми ранениями и контузиями в биографии многих наших соотечественников — на языке закона — боевыми действиями не называются. Мы до сих пор так нечестны со своим народом. Мы не называем вещи своими именами.

Уверен: оттого, что государство не хочет брать на себя ответственность о социальной защите ветеранов, Россия стыдливо отворачивается от своих воевавших сыновей и дочерей, в то время как им не на что и не на кого больше положиться.

Необходимо уточнить закон о ветеранах, закрепить в нем гарантии и для этих воинов. Выхожу с такой законодательной инициативой. Московская Дума меня поддержала. Отправляю законопроект в Комитет по делам ветеранов: необходимо дать ему

финансово-экономическое обоснование. Идея всецело поддерживается (Закон принят в первом чтении 18 апреля 2002 года. Голосовали «за» — 381 депутат, «против» — 0. — Авт.).

Май 2001 года

Наконец-то! Почти год я провел на десятом этаже у заместителя председателя Комитета по государственному строительству Николая Ивановича Шаклеина. Кажется, во всей нашей команде, работающей над проектом закона о чрезвычайном положении, нет большей заинтересованности в принятии этого закона, нежели у меня. О его отсутствии я часто сетовал в этой книге. Я по-прежнему считаю его очень важным.

Впрочем, вся наша рабочая группа трудилась честно и продуктивно.

Это победа. Нынешний закон похож на тот, которого я столько лет добивался: в него вошли тринадцать из четырнадцати предложенных мною поправок.

Май 2001 года.

Вернулся из зарубежной командировки и буквально развел руками от удивления. Наконец принят закон «О противодействии отмыванию (легализации) преступно нажитого капитала».

Казалось бы, радуйся... Я сам, еще будучи министром внутренних дел, добивался принятия этого необходимого для России документа. И в Комитете по безопасности боролись за него не только мы, но и депутаты прошлого созыва.

В общем, говорили о нем много, но проект закона, что называется, отлеживался в самых разнообразных инстанциях. А тут сюрприз! Неожиданно и быстро приняли его в первом чтении, буквально через несколько дней — в следующем. Закон, к сожалению, получился очень слабенький. Урезан и изменен настолько, что работать должным образом не сможет.

И еще необъяснимое: закон, который столько времени старательно и заинтересованно разрабатывался в Комитете по безопасности, неожиданно передан Комитету по кредитным организациям и рынкам. Логика такого решения мне кажется ущербной: дескать, если речь идет о деньгах, значит, должен рассматривать другой, «денежный» комитет.

Июнь 2001 года.

Как депутат, избранный от сельских районов Ставрополя, я должен глубоко разбираться во всех проблемах, которые так или иначе связаны с землей, землепользованием, крестьянским трудом. Это мой долг перед страной, перед земляками, перед памятью своих родителей, чья жизнь началась и закончилась в поле.

Поэтому все, что связано с трудом аграриев — воспринимаю пристрастно, воспринимаю обостренно.

Вот уже третий думский созыв катается да никак не выкатится к простым земным людям важнейший документ — Земельный кодекс.

О купле-продаже земли может говорить лишь тот, кто относится к ней не как к кормилице, а исключительно как к товару. Уже само переназначение комитета, ответственного за подготовку проекта, говорит за себя: его забрали у аграриев и передали в Комитет по собственности.

Как и следовало ожидать, подковерные игры завершились тем, что в текст закона удалось протолкнуть ряд неконкретных положений, которые можно толковать двояко.

Но бывают и не такие горькие дни. Когда на пленарном заседании обсуждались вопросы законодательного обеспечения сельскохозяйственного производства, я тоже высказал несколько своих соображений на этот счет. Приятно, что министр сельского хозяйства сказал, что ему близки мои позиции, и даже попросил развить несколько идей, касающихся развития инициативы товаропроизводителей и социальной поддержки тружеников села.

Я даже отчасти горжусь, что заложенная в моей избирательной программе идея создания особого Земельного или Крестьянского банка приобрела реальные очертания. Министр подтвердил, что в этом году Российскому сельскохозяйственному банку будут направлены два миллиарда рублей из бюджета. Можно сказать, конечно, и так, что этот мой

успех из серии «мы пахали» (то есть не только я ратовал за такой банк), но не столь важно. Главное — крестьянский банк существует.

Июнь 2001 года.

Сегодня у меня еще один день надежды. В первом чтении вынесен на обсуждение Думы законопроект «О борьбе с коррупцией». Этот закон не просто один из многих, а узловой и, кроме того, междисциплинарный. Он свяжет воедино все уже имеющееся, нововведенные и разрозненные нормы противодействия коррупции — этой ржавчине, разъедающей страну.

Принятия этого закона лично я добивался несколько лет. Сначала как министр внутренних дел, потом как вице-премьер правительства РФ. Теперь вот — в качестве депутата Госдумы и председателя правления Всемирного антикриминального и антитеррористического форума.

Полтора года мы работали над законопроектом в Комитете по безопасности: Александр Гуров, Николай Ковалев, Алексей Александров, Асламбек Аслаханов, Аркадий Баскаев, Павел Бурдуков, Василий Волконский, Виктор Илюхин, Александр Куликов, Валерий Останин и я. Некоторые из нас писали его, быть может, как главный документ в жизни.

Коррупция слишком дорого обходится нашему государству. Ежегодные потери экономики от коррупции составляют, по некоторым оценкам, около 15 миллиардов долларов. Но еще хуже то, что в сознании общества все более укореняется стереотип, что взятка для небогатого чиновника, милиционера, врача, педагога и т. д. является некой формой восстановления социальной справедливости. Таким образом, снижается порог моральной терпимости к фактам взяточничества и поборов.

Если не бороться с этим злом, нечего и говорить о серьезных инвестициях в российскую экономику.

Значительная часть денег, выведенных из страны за последнее десятилетие, — это прямые взятки чиновникам или проценты за посредничество, величина которых еще совсем недавно открыто обсуждалась в коридорах многих государственных учреждений.

Положение осложняется тем, что низкое денежное содержание в правоохранительных органах, особенно в МВД, способствует коррумпируемости и криминализации органов внутренних дел. По некоторым данным, в том числе из зарубежных источников, почти 30 процентов сотрудников милиции обеспечивают оперативное прикрытие коммерческих структур — от ларьков до банков...

Перед заседанием полушутя помолились: нам была хорошо известна незавидная судьба этого закона. Десяток его вариантов уже «вносили» и «выносили» из Думы разные инстанции. В 1993 году сначала Верховный Совет РСФСР, затем Государственная Дума РФ принимали похожие законопроекты. Но, как в хорошо закрученном политическом детективе, он всегда оказывался кому-то неудобным. Либо Совет Федерации отклонял принятый Думой закон, либо свое «нет» говорил президент уже тогда, когда закон был одобрен обеими палатами.

Последний вариант рассматривался в Думе в 1997 году. Представить, что потеряло государство только за эти четыре года законодательного благодушия, несложно.

Сегодня мы полны решимости сдвинуть дело с мертвой точки. Получится?

Июнь 2001 года.

Не получилось... Такого опустошения, такого чувства безысходности, как в тот вечер, когда был провален закон о коррупции, я давно уже не испытывал. Этот бастион страна не взяла и после девятой попытки. Причем в первом чтении законопроект недобрал всего лишь шесть голосов.

Что к этому можно добавить? Взять поименный список голосовавших и сделать тайное явным. ОВР, коммунисты и аграрии, естественно, за такой закон. ЛДПР, естественно, «против». Свое дружное «нет» сказали СПС и «Яблоко». Причем многие сделали это втихую. Кто-то воздержался, кто-то «забыл» вставить в машину для голосования свою карточку. Вот так, за один из важнейших для нашего народа закон проголосовало менее

половины народных избранников.

Июль 2001 года.

Все! Сегодня у меня последний пленарный день. Не то что приближаемся к экватору, но он уже виден: на исходе половина срока моего депутатства.

Что можно сказать? Сделано меньше, чем хотелось. Работой в Думе я разочарован. Конечно же, ожидал большего. Не для себя — для своих избирателей. Честно говоря, иной раз с трудом удерживал себя, чтобы не покинуть зал заседаний. Говорятся вроде бы верные слова, а правды в них нет.

Только сознание того, что я направлен на работу в Думу своими земляками, а следовательно, не имею права на обратный ход, всегда останавливало меня.

Дума — это не компания единомышленников. Наивно думать, что каждое из пожеланий и предложений, которое представляется мне верными и правильным, тут же будет поддержано большинством нынешних моих коллег. Конечно, были и будут противники и союзники. Будут временные попутчики и те, кого можно убедить аргументами и силой убеждения.

Это нормально.

Значит, буду работать и дальше. Буду добиваться принятия тех законов, которые нужны стране и моим избирателям на Ставрополье. Которые нужны мне самому, потому что я — россиянин. Переплести, переиначить полотно жизни мне не дано, но развязать иные его узелки можно и нужно.

Обязательно нужно отметить, что депутат, будь у него хоть семь пядей во лбу, мало что может сделать в одиночку. Его работа предполагает постоянные поездки по своему округу, встречи с людьми, обработку почты, подготовку запросов и ходатайств по делам своих избирателей.

Команда помощников, которые помогают ему в работе — это не канцелярия писемоводителей, а многоликий человеческий коллектив, где ценятся трудолюбие, культура и знания в самых разнообразных областях: от юриспруденции до умения читать чертежи. К тому же каждое письмо или обращение, поступившее в мой адрес, должно быть рассмотрено по существу. По каждому из них надо дать человеку исчерпывающий ответ.

Не каждому по плечу такая работа: ведь это работа с людьми. Она требует внимания, такта, участия, а также досконального знания проблем избирательного округа. Без надежных помощников нельзя наладить эффективную работу депутата.

С удовольствием называю их имена. Это мои помощники в Москве и в Ставропольском крае: Валерий Журавель, Лидия Коренева, Валерий Бондаренко, Михаил Шепилов, Виталий Абросимов, Олег Гердт, Александр Калинин, Герман Кириленко, Александр Костин, Андрей Куликов, Виктор Лабусов, Николай Медведев, Владимир Овчинский, Олег Павлов, Ярослав Цуняк, Сергей Белых, Григорий Гадяцкий, Валентина Галкина, Анатолий Геращенко, Олег Грачев, Михаил Ильченко, Геннадий Исаков, Василий Ищенко, Владимир Колесников, Иван Литвинов, Александр Мирской, Владимир Мирской, Михаил Меркулов, Дмитрий Пушкарный, Артур Сердюков, Владимир Суров, Александра Трандина, Таисия Чернобай, Владимир Чикунов.

Октябрь 2001 года.

Будущее России напрямую зависит от того, насколько быстро будут преодолены последствия вооруженного конфликта на территории Чеченской Республики.

В том, что это возможно, я не сомневаюсь. Цивилизованность государства определяется не наличием Ольстера на его территории, а цивилизованным подходом к решению самых тяжелых и самых насущных человеческих проблем.

Национализм ничего не принес Чечне, кроме жертв и разрушений. В том числе тех жертв и разрушений, которые не поддаются материальному учету, а находятся в самом человеке. «Сифилисом сознания» называл национализм драматург Леонид Зорин, а задолго до него известный писатель Джордж Оруэлл, автор знаменитой антиутопии «1984 год», в статье «Заметки о национализме» дал довольно любопытное толкование этого извечного

человеческого порока: «Национализм — это привычка считать, что человеческие существа можно классифицировать как насекомых, что к миллионам, а то и десяткам миллионов людей могут быть приклеены ярлыки «хороших» и «плохих».

Однако ключевой в нашем случае можно считать еще одну замечательную фразу этого писателя: «Национализм — это жажда власти, приправленная самообманом».

Ничего другого, кроме жажды власти, приправленной самообманом, не было у тех чеченских лидеров, которые ввергли свой народ в разруху и голод.

Отдельно отмечу, что их биографии пестрят дипломами хороших университетов, генеральскими погонами, научными званиями, наградами и прочими достижениями, которые состоялись не в Ичкерии, а в «плохой» России.

«Что делать с Чечней?» — для меня не отвлеченный вопрос. Ситуация, в которой находится республика, требует неотложных мер политического, экономического и военного характера. Причем не влекущих серьезные издержки для государственного бюджета.

Декабрь 2001 года.

Работу нынешнего, возглавляемого Станиславом Ильясовым правительства Чеченской Республики, оцениваю высоко. За тот срок, что работает Ильясов в республике, сделано очень много. Причем в условиях сильного противодействия со стороны боевиков. Станислав Валентинович — опытный руководитель, хороший хозяйственник, а в его правительстве, я знаю, работают самоотверженные, бесстрашные люди, которые считают возрождение разрушенной экономики Чечни своим гражданским долгом.

Однако размеры бедствия настолько велики, что действующему правительству ЧР нужна помощь федеральной власти и регионов. Помощь моральная, материальная и интеллектуальная. У меня состоялись несколько важных встреч с нынешними руководителями силовых ведомств. Мои предложения встречают у них понимание.

Скорое восстановление Чечни, как мне представляется, возможно лишь в том случае, если помощь этой республике будет носить всероссийский масштаб.

Во-первых, нужна «мозговая группа», которая в ближайшее время засядет за создание «северокавказской доктрины» — за концепцию работы федеральной власти в этом важном для России регионе.

Во-вторых, возможно «закрепление» каждого из районов Чечни за тремя-четырьмя субъектами Российской Федерации, которые бы могли оказать существенную помощь в восстановлении системы образования, здравоохранения, общественного порядка, строительства и сельского хозяйства. Причем каждый из субъектов Федерации берет на себя и отвечает за одно направление работы.

В-третьих, считаю целесообразным специальным указом президента объявить на десять лет город Грозный городом федерального подчинения (как Гамбург в Германии) со статусом закрытого административного образования. Это позволит поднять город из руин и восстановить нефтеперерабатывающий комплекс столицы Чечни в ближайшие годы.

Все эти планы окажутся ничтожными, если не будет решена проблема безопасности жителей Чечни и тех специалистов, которые помогут восстанавливать ее экономику. Это уже забота силовиков. НВФ рассеяны на мелкие группы. Но инициатива ночью пока принадлежит им. Учитывая изменившиеся формы и способы боевых действий — переход на тактику проведения спецопераций, целесообразно в каждом административном районе ЧР иметь войсковой гарнизон численностью до батальона (150–300 человек), оперативную группу из 3–4 сотрудников ФСБ и обязательно одного работника военной прокуратуры.

Тактика действия такого подразделения должна быть следующей: сотрудники оперативной группы добывают информацию и совместно с войсковым подразделением реализуют эту информацию по захвату, уничтожению мелких бандформирований.

Работник военной прокуратуры при этом осуществляет контроль за соблюдением законности со стороны военнослужащих. При необходимости расследует совершенные правонарушения и преступления. Это снимет большинство претензий со стороны населения.

Подразделения специального назначения МВД и Министерства обороны закрепляются

так: одно — на три-четыре района — для участия в наиболее крупных операциях совместно с районными тактическими группами и с дополнительно приданными силами.

Группировка артиллерии должна быть так рассредоточена, чтобы в любую минуту могла оказать тактическим группам районов огневую поддержку.

Силы и средства окружного и федерального масштаба применяются решением соответствующего командования.

При этом особое внимание должно быть обращено на соблюдение мер оперативной маскировки.

Территориальные органы внутренних дел должны заниматься своими функциями: раскрывать преступления, поддерживать общественный порядок.

И еще одно обязательное условие — строгая и четкая система управления и взаимодействия в каждом районе и в группировке в целом. Очень часто ее ослабление ведет к тяжелым последствиям и непредвиденным потерям.

Уверен, что, применив эту схему, федеральные войска и правоохранительные органы смогли бы действовать в Чечне более эффективно.

* * *

Как военный человек, я не мог не обратить внимание в 89-и или 90-м году на появившийся в журнале «Огонек» очерк Артема Боровика. Молодой журналист, прошедший Афганистан, сын известного советского публициста Генриха Боровика, он писал о современной американской армии.

Это было необычно: советский репортер поехал в Америку и, на время сменив профессию, примерил на себя жизнь и военную форму профессионального солдата армии США.

В то время я учился в Академии Генерального штаба и хорошо запомнил шумные дискуссии среди слушателей и преподавателей, которые вызвал в коридорах академии простой журналистский материал. И, разумеется, запомнил фамилию его автора.

Позднее я увидел его по телевидению. Остался в памяти черный свитер и по-особому располагающая тональность речи: об очень серьезных вещах, о государственных проблемах он говорил очень доступно и точно. Не скрою, после этого Артем Боровик стал для меня знаковой фигурой новой российской тележурналистики — прогрессивной, современной, молодой.

Вскоре я узнал, что Артем талантлив и как организатор медиа-бизнеса. Его проекты, объединенные узнаваемой маркой холдинга «Совершенно секретно», оказались жизнеспособными и приобрели популярность в России и за рубежом.

В общем, даже заочно этот молодой человек был мне симпатичен. Определенно он был из числа тех людей, с кем связывались тогда надежды обновленной России.

Это чувство только окрепло при личном знакомстве. На второй день после моей отставки Артем позвонил мне и сказал очень искренние слова. Через несколько месяцев он позвонил снова и попросил разрешения приехать. Мы разговаривали часов семь. Кстати, на следующий день я должен был улетать в США, но все сборы были, конечно же, отложены: такой душевный контакт складывается у меня далеко не со всеми и не всегда. Приехали мои друзья. Мы играли в бильярд, жарили шашлыки и пили вино. У всех осталось ощущение незаурядности нашего гостя.

Про себя отметил серьезность его оценок ситуации в стране.

Тогда было немало журналистов, полагающих, что проблемы России можно решить наскоком, просто-напросто сокрушив привычные конструкции. Артем же был реалистом. Он не выхватывал из жизни одну-две детали, а видел картину в объеме. Я заметил: он слушает не столько себя, сколько окружающих.

Мы, естественно, разговорились об армейских реформах и его американских впечатлениях. В свою очередь и я высказал свою точку зрения, почему создание

профессиональной армии в России в ближайшие годы представляется мне нереалистичным. Мне кажется, он понял мои аргументы.

Конечно, мы говорили и о Чечне. Артем оказался моим единомышленником в оценке позорных соглашений, заключенных с чеченскими боевиками в Хасавюрте. Помню его горькие слова о том, что войны не должны оканчиваться лишь потому, что президенты спешат на новые выборы.

В тот день моя семья искренне полюбила Артема. Уезжая, он очень хорошо сказал о том, что каждый человек должен не просто рассуждать о лучшей доле для России, а действовать. Действовать — каждый на своем месте. «Вы — на своем, а я — на своем», — улыбнулся Артем.

На своем поле он действовал очень профессионально. Я видел, что этот журналист не просто ищет новости, но добивается объективных оценок. Иногда он заходил ко мне посоветоваться по поводу некоторых будущих публикаций на криминальные темы. Высказывая позицию, он хотел взвесить все аргументы.

Остался в памяти об Артеме еще один день — черный, гнетущий день 9 марта 2000 года, когда в машине я услышал по радио сообщение, что Артем Генрихович Боровик находился на борту самолета, потерпевшего катастрофу в московском аэропорту «Шереметьево-1».

На войне, в жизни я терял многих. Но вот эта смерть стала для меня расставанием с очень близким человеком.

Незадолго до беды я поделился с ним идеей о создании Всемирного антикриминального и антитеррористического форума, своего рода «правового Давоса», который может объединить усилия людей, борющихся с транснациональным криминалом. Артем не просто одобрил идею. Сказал: «Я — с вами!..»

Он — с нами! Вот только мы без него...

* * *

Я был министром внутренних дел огромной страны, которая имеет свои интересы в разных частях света.

Летать приходилось часто и много. Политические и экономические перемены в России требовали реставрации большинства былых международных связей на межправительственном уровне, в том числе и по полицейским проблемам.

Надо отдать должное одному из моих предшественников на посту министра внутренних дел страны — генералу Вадиму Бакатину — сумевшему интегрировать МВД СССР, а следовательно и МВД России, в крупнейшую мировую полицейскую организацию — Интерпол.

Наши возможности по поиску уголовных преступников значительно расширились.

В то же время предстояло наладить полицейское сотрудничество со многими государствами, отношения с которыми раньше отсутствовали вовсе, либо были заражены недоверием и плохо скрытой враждой.

Без личных контактов, без прочных двусторонних соглашений на межправительственном и межведомственном уровнях бороться с преступностью невозможно.

Назначенный мной на должность начальника Управления международного сотрудничества МВД России, генерал-лейтенант Александр Костин очень скоро проявил себя как очень талантливый организатор такой работы. В нескольких российских посольствах за рубежом появились так называемые полицейские атташе, а зарубежные контакты МВД России были плодотворны и развивались стремительно. В частности, нам удалось добиться экстрадиции в Россию ряда скрывшихся за границей уголовных преступников и возратить несколько сотен миллионов долларов.

Соответствующие обязательства мы выполняли и на своей территории, проводя розыск

и задержания уголовных преступников-иностранцев, пытавшихся найти укрытие на нашей территории.

Зарубежные контакты продолжились и после марта 1998 года: деловые связи превратились в дружеские, и никто из моих западных коллег не торопился считать мою отставку политической смертью. Бывшие министры в США еще долго участвуют в активной политической жизни, так как их опыт, знания и прочие ресурсы считаются важными и используются нацией и государственной машиной очень прагматично.

Во время одной из своих поездок в США (по приглашению Пентагона и Стенфордского университета я выступал с лекциями по военной и полицейской тематике) полицейские Лос-Анджелеса решили познакомить меня с работой одного из своих специальных подразделений по борьбе с организованной преступностью.

Переодетые в байкеров эти полицейские и выглядели как заправские маргиналы: бороды, кожаные куртки, джинсы, майки, какие-то цепи и металлические бляхи... Чуть в стороне стояли «Харлеи»: два мощных мотоцикла, на которых эти псевдобайкеры патрулируют улицы города.

Подошел. Спросил, как заводится такой мотоцикл. Один из полицейских показал на кнопку стартера. Примерясь, сел в седло, завел двигатель. Со стороны это выглядело так, будто русский четырехзвездный (по американским понятиям) генерал решил попозировать фотографам. Я же включил скорость и сорвался с места. Слышал, как за спиной раздались недоуменные возгласы: никто не ожидал, что я поведу «Харлей» самостоятельно.

На приличной скорости сделал круг по территории учебного центра и так же неожиданно, как уехал, теперь подрулил на стоянку. На лицах американских полицейских, кроме закономерного испуга за жизнь иностранного генерала, можно было прочесть откровенный восторг. Я их, кажется, по-настоящему удивил.

На следующую лекцию набилась тьма народу. Когда я ее закончил и предложил задавать вопросы, меня перво-наперво спросили: «Где вы научились ездить на мотоцикле?... Наши генералы так не умеют...»

* * *

В разговорах с коллегами и друзьями будто само собой сложилось это название — «Всемирный антикриминальный форум». Это важно: новая общественная организация, если ей уготована настоящая, а не виртуальная судьба, должна рождаться абсолютно естественно, как и все, что способно прижиться и давать всходы. Очень многие люди думали об объединении антикриминальных сил на планете, и вот наконец найдена взаимоприемлемая, а значит, взаимовыгодная форма такого сотрудничества — открытый для каждого форум.

Это был 1998 год. Завершался XX век.

Минувшему веку мы обязаны выдающимися достижениями в области науки и техники, искусства и культуры. Но рост народонаселения и другие объективные причины обусловили появление новой угрозы, способной изменить весь облик мира: за последние тридцать лет произошел стремительный, почти четырехкратный рост преступности. Например, в США и в странах, составлявших СССР — в восемь раз, в Великобритании и Швеции — в семь раз, во Франции — в шесть раз. По данным ООН, в девяностых годах XX века преступность в мире возрастала ежегодно на пять процентов, в то время как прирост населения — только на один. По прогнозам криминологов, в ближайшие годы на планете официально будут регистрироваться не менее 450 миллионов преступлений в год. Если же иметь в виду высокую латентность современной преступности, то реальная цифра может превышать названную в три раза. Вдумаемся: это 200 тысяч преступлений в час!

Криминальное сообщество активно применяет современные технологии. Широкое распространение получили электронные взломы банков, подделка кредитных карточек, кража интеллектуальной собственности. Мгновенное перемещение «мегабайтных» денег по сетям из одной точки планеты в другую чрезвычайно затрудняет объективный аудит и иные

финансовые расследования. Транснациональная преступность, располагающая огромными финансовыми средствами, осваивает открытия в сфере новых технологий гораздо быстрее, чем это могут позволить себе любые правоохранительные и налоговые органы, а также любые спецслужбы, ограниченные рамками национальных бюджетов, собственных законов и государственных рубежей.

Для интернационализировавшегося, освоившегося в новых условиях криминалитета таких границ просто не существует.

Будучи министром, я часто задумывался о том, что современный лозунг «Полицейские всего мира, объединяйтесь!» звучит куда более актуально, чем его «пролетарский» прототип. И хотя МВД России, как правило, находило общий язык со своими зарубежными коллегами (даже проводили совместные коллегии), я понимал, что наши усилия не в состоянии противостоять размаху международного криминала.

Сразу же после отставки задумался о создании международной организации, объединяющей здравых и компетентных людей, которые хорошо понимают опасность разползания международной преступности.

В голове вертелось: «Правовой Давос».

Именно по аналогии с Давосом «экономическим» хотелось создать будущую международную антикриминальную общественную организацию. Ведь все мировые экономические процессы взаимосвязаны и могут корректироваться, если в дело вступают ученые и политики, финансисты и управленцы государственного звена. В тот Давос, который я считаю для себя образцом, ежегодно съезжаются лучшие умы планеты, чтобы выработать общую линию поведения и уберечь мировое хозяйство от разрушительных экономических кризисов.

Опасность криминализации без преувеличения можно сравнить только с пиком холодной войны, к роковому порогу которой в двадцатом веке человечество уже подходило. Сплочение прогрессивных общественных сил и движений в защиту мира позволило тогда отвести ядерную угрозу. В новой, необъявленной войне — криминальной — НОМО SAPIENS (человек разумный) также обязан одержать верх и выиграть схватку с НОМО VIOLENTUS (человеком насильственным).

Прежде всего подумал, на кого из отечественных и зарубежных коллег я мог бы опереться.

Заручившись поддержкой Николая Ковалева (бывший директор ФСБ), Юлия Воронцова (бывший посол России в США), Владимира Лукина (вице-спикер Государственной Думы), Александра Гурова (председатель Комитета Госдумы), Александра Сухарева (бывший генеральный прокурор СССР), Александра Шохина (председатель Комитета Госдумы), Аркадия Вольского (руководитель Союза промышленников и предпринимателей) и Игоря Кожевникова (бывший заместитель министра, начальник Следственного комитета МВД РФ), начал собирать крепкую команду единомышленников. Кто-то из них при власти, а кто-то ушел в отставку, в бизнес, но силы и знания есть у каждого. Помноженный на энергию и опыт, это мощный интеллектуальный капитал, которым грех не воспользоваться.

Уже весной 1999 года идею форума обсудили на «круглом столе» в Москве. Отдельно встретились с представителями правительства, с представителями МВД и ФСБ. Поняли, что мы на правильной дороге. Лишь после этого у меня состоялась серия поездок и переговоров с зарубежными коллегами.

В числе первых обсудил идею с бригадным генералом из Австрии Йоганом Пехтером. Знаю его с 1993 года. Будучи командующим внутренними войсками, ездил к нему в Вену учиться. Австрийское подразделение спецназа по борьбе с терроризмом, которым командовал Пехтер в то время, установило прочные связи с отрядом «Витязь», а его методы работы казались мне чрезвычайно интересными. Связался также со своим старым французским другом Кристианом Прутто — еще одним бесстрашным офицером спецназа. Мы дружим уже давно: француз, австриец и русский. Встречаемся семьями, а теперь еще нас

свело и общее дело.

Со многими из моих зарубежных коллег меня постепенно уже давно сложились добрые отношения. Помню, каким настороженным и отстраненным приехал в Чечню, где я находился, Эрнст Мюлеман, в прошлом заместитель председателя Европарламента. Генерал из Швейцарии. Тогда он приехал на Северный Кавказ как представитель Совета Европы. Хорошо помню наши совместные поездки, встречи с людьми и долгие, порой непростые беседы. В общем, мы расставались уже друзьями. Я снял телефонную трубку, позвонил по знакомому номеру, и мы договорились о встрече.

Впоследствии к нам присоединились Арон Галь (Израиль), Виктор Джакович (США), Карл Блеха (Австрия), Алексей Чистяков (Украина), Михаил Черноусов, Андрес Вилкс (Латвия), а также Патрик Бруно (президент общества «Франция-Россия-2000»). Этот человек, адвокат Апелляционного суда Парижа, убежденный сторонник борьбы с преступностью, так объяснил мне свой выбор: «Я много думал, как воевать не в одиночку, а всем вместе. Ваша идея — именно то, что я, возможно, придумал сам...»

То есть идея давно носилась в воздухе.

За два года идею создания «Антикриминального Давоса» — идею нашего форума — поддержали сорок государств.

В августе 1999 года я выступил на международной конференции в Германии. Там же встретился с теми, кого хотел видеть участниками нашего форума. Мы говорили о том, что весь прошедший век люди и государства мучительно искали рецепты эффективного противодействия преступности. Эти поиски не были бесплодными: по многим направлениям удалось достичь настоящих результатов. Действуют различные конвенции и соглашения по основным направлениям борьбы с преступностью, терроризмом, коррупцией, по отправлению правосудия и совместной работе полиции. Мировое сотрудничество уже немыслимо без такой организации, как Интерпол, координирующей усилия полицейских органов почти 180 стран мира.

Кстати, Интерполу наша идея понравилась и ее поддержал генеральный секретарь этой организации Раймонд Кендал.

С этим человеком меня связывает большое и, надеюсь, взаимное уважение. Опытный контрразведчик, он долго работал в Скотланд-Ярде (Великобритания, как известно, страна с очень жестким контрразведывательным режимом), и именно подразделение Кендала «опекало» русских... Однажды Кендал сказал мне, что очень уважает наших разведчиков за профессионализм, который выгодно отличал их от некоторых коллег из других государств.

Показывая мне штаб-квартиру Интерпола во французском Лионе, Раймонд Кендал остановился возле одного из компьютеров. «Здесь, — сказал он, — «живут» все преступники мира и все подозреваемые. В том числе и граждане России. Достаточно ввести нужную фамилию, и нужное досье будет найдено». Я тотчас назвал фамилию крупнейшего российского олигарха. Компьютер, как я понял, серьезно задумался... Но и после напряженного гудения, сопровождавшегося мерцанием монитора, он так ничего и не выдал, кроме имени, фамилии и отчества интересующего меня лица.

То ли этот матерый коррупционер в глазах остального мира и вправду казался предпринимателем с незапятнанной репутацией, то ли возможности наших по-настоящему организованных преступников так велики, что позволяют им оберегать от ока Интерпола свои криминальные связи и номера банковских счетов, на которых лежат «грязные» деньги.

Суть нынешних, берлинских бесед сводилась к тому, что вызов преступности оказался настолько мощным, что мировое сообщество оказалось к нему неготовым. Приходится признавать, что «мозговые» штабы транснациональных криминальных организаций в своих действиях более консолидированы, мобильны, информированы и энергичны.

Отсюда вытекает необходимость поиска более эффективных механизмов взаимодействия всех государственных и негосударственных антикриминальных сил. Без этого нельзя выработать новых подходов в борьбе с преступностью. Наш ВААФ будет содействовать их поиску.

К этому времени название нашего форума было дополнено. Он стал не только антикриминальным, но и антитеррористическим (Сокращенно — ВААФ. — Авт.).

Это слово прибавилось неслучайно. Жестокие террористические акты стали реальностью нашей жизни.

Хотя поначалу единого мнения об уточнении названия форума, честно признаюсь, не было. Кто-то полагал, что понятие «криминал» — широкое и подразумевает терроризм как один из видов криминальной деятельности. Но когда вал терроризма стал набирать высоту, а это слово заполнило страницы газет и телеэкраны, сомнения кончились.

Особенно после событий в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. Эта трагедия качественно изменила наши отношения с американскими коллегами. Многие из них стали нашими союзниками и согласились создать в Вашингтоне представительство ВААФ. Большое спасибо Томасу А. Келли — заместителю президента организации «Глоубал Опшенс»: его энергией движутся дела форума в США. Когда-то он служил в ФБР и боролся с Россией. Теперь мы по одну сторону баррикад.

Теперь поняли все, что жить в условиях двойных стандартов, может быть, и удобно, зато очень опасно и дорого.

Одним из людей, оказавших содействие форуму на территории Германии (штаб-квартира ВААФ находится в Берлине), стал Рупперт Шольц, бывший министр обороны ФРГ, входивший во времена Гельмута Коля в первую десятку западногерманских политиков. Депутат Бундестага, специалист высочайшего класса, он работает в составе комиссии ООН, которая разрабатывает документы по борьбе с терроризмом. В принципе Шольца можно называть компетентным толкователем этого термина — «терроризм», который далеко не всеми народами мира воспринимается однозначно. Например, в материалах этой комиссии террорист Хаттаб, действующий на территории Чечни, именуется всего лишь «исламским профессиональным революционером».

Поначалу Шольц встретил меня настороженно. Мы разговаривали с ним в его кабинете, расположенном в здании бывшего министра внутренних дел бывшей ГДР. На стене висели два плаката из той эпохи с перечнем наказаний для нарушителей Берлинской стены.

Подумал, что нам предстоит сломать еще немало стен, прежде чем Запад и Восток начнут разговаривать на одном языке. Но после первого знакомства с Руппертом Шольцем мы расставались уже союзниками.

Постепенно росло число наших сторонников. В июне 2000 года мы написали письмо президенту России В.В. Путину и идея форума получила его одобрение. Большой победой мы считали создание национальных комитетов форума у нас в России, в Израиле и США. Поддержали нас и в Организации Объединенных Наций: 5 декабря 2000 года в Венском центре ООН состоялось первое заседание международного оргкомитета ВААФ, возглавить который было доверено мне. Начали свою работу секретариат и рабочие группы форума, каждая из которых занимается одним из направлений. Их несколько: прогнозирование тенденций развития глобальной преступности, борьба с транснациональной преступностью, борьба с экономической преступностью и отмыванием «грязных» денег, противодействие международному терроризму, борьба с незаконным оборотом наркотиков, противодействие коррупции.

В состав рабочих групп были включены ведущие специалисты из разных стран — как теоретики, так и практики.

14 февраля 2002 года мы снова в Берлине. Торжественный день регистрации ВААФ, по случаю совпавший с пятидесятилетним юбилеем моего друга и соратника по форуму Петера-Михаеля Дистеля.

Бывший министр внутренних дел Германии, он стал живой легендой своей страны. В дни объединения двух Германий, как это обычно случается во время потрясений, в ГДР начались массовые волнения в тюрьмах. Заключенные забрались на крышу и оттуда стали диктовать свои требования. На фотографии видно, что напротив них стоит одинокая фигура

министра внутренних дел Дистеля. Тогда он шагнул навстречу толпе и невозмутимо сказал: «Выбирайте самого авторитетного и присылайте: будем решать вопросы...»

В 14.00 Берлинский суд выдает свидетельство: ВААФ внесен в реестр зарегистрированных союзов. В дружеском кругу решили отпраздновать это событие. Как говорят немцы, праздники надо отмечать в день праздников.

Было радостно и светло: завершилась дорога длиной почти в четыре года.

* * *

Все, что я прожил и нажил — это снова две пятерки, итожащие самый важный отрезок человеческого пути: мне 55 лет. Бриллиантовая маршальская звезда, вручаемая по нашим традициям высшим офицерам фельдмаршальского ранга, вместо походного ранца или солдатского вещмешка, уже давно лежит в ящике моего письменного стола.

Того самого стола, на котором я пишу сейчас последнюю страницу этой книги.

В отличие от маршальской звезды, которой суждено после окончания моей жизни вернуться в темницы Гохрана и лечь вровень со звездами прославленных или безвестных генералов российской армии, никто и никогда не потребует от меня возвращения огромных, южных, степных звезд, которые горели над головой в далеком детстве, когда только-только рождались мои мечты о настоящей жизни.

Все, что было сделано в ней, сделано для Отечества — для России.

Я люблю военную форму и не сразу привык к костюму политика и в прямом, и в переносном смысле. Уверен, если считаешь себя политиком, ты должен установить близкие отношения со своей совестью: постоянно разговаривать с нею, совещаться... Ведь твои решения могут изменить судьбу целой нации, судьбу огромной страны или хотя бы просто судьбу отдельного человека, который надеется на ум и прозорливость своего народного защитника.

Всю свою жизнь я был защитником. Защитником Родины и защитником людей. Защитником своей семьи и защитником собственной точки зрения.

Эта книга — об этом.

Мои принципы просты и понятны каждому: не лгать, не предавать, вовремя отдавать долги — хоть личные, хоть государственные...

Наверное, в моих словах: дескать, не пришло еще время безнаказанно честно служить Отечеству, произнесенных сразу после отставки, чувствовалась горечь. Естественная. Человеческая. Которую легко поймут те, кому приходилось, что называется, держать удар. Имел в виду я тогда, конечно, существовавшую власть и те правила, которые сложились в ее высших эшелонах. Но что значит «не пришло время»? Что значит — «не служить Отечеству»? Мы это время не выбирали — это оно выбрало нас. А значит, в нем нам и предстоит действовать решительно и бесстрашно.

Именно действовать!

Потому что в этом неумолимом слове есть все, что потребуется нам для победы...

Сентябрь 1998 года — апрель 2002 года.

Город Москва

Благодарю за содействие в подготовке этой книги к изданию:

подполковника Александра Ювенальевича БАННИКОВА, полковника Валерия Петровича ЖУРАВЕЛЯ, генерал-лейтенанта Станислава Федоровича Кавуна, полковника Бориса Васильевича КАРПОВА, полковника Юрия Петровича КИСЛОГО, подполковника Сергея Сергеевича Колесникова, полковника Лидию Николаевну КОРЕНЕВУ, капитана Александра Владимировича ЛЕБЕДЕВА, Ларису Валерьевну МАЛЫГИНУ, Ларису Ивановну МАРШЕВУ, подполковника Ивана Николаевича МУЧАКА, Владимира Николаевича НИКОЛАЙЧУКА, полковника Василия Васильевича ПАНЧЕНКОВА, Юрия

Владимировича ТУТОВА, Ольгу Львовну ФАДЕЕВУ, Валерия Патровича ЩЕКОЛДИНА, Элли Михайловну ЩЕРБАНЕНКО, Редакцию журнала внутренних войск «На боевом посту» и лично полковника Виктора Николаевича УЛЬЯНОВСКОГО, Центральный музей внутренних войск МВД России и лично полковника Михаила Михайловича КЕШИШЬЯНА, Редакцию газеты «Щит и меч» и лично полковника Валерия Николаевича КУЛИКА.